ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

В ТРЕХ ТОМАХ

Редакционная коллегия:

академик С. Д. СКАЗКИН (отв. редактор),
члены-корреспонденты АН СССР В. Н. ЛАЗАРЕВ,
Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ,
доктора исторических наук А. П. КАЖДАН,
Е. Э. ЛИПШИЦ, Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ, М. Я. СЮЗЮМОВ,
З. В. УДАЛЬЦОВА (зам. отв. редактора),
кандидаты исторических наук Г. Г. ЛИТАВРИН,
К. А. ОСИПОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА 1967

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

ТОМ

1

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ТОМА

З. В. УДАЛЬЦОВА

1-6-3

Подписное издание

Глава

1

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ IV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VII В.

Первые столетия истории Византии были эпохой, когда рушился старый, рабовладельческий строй, появлялись ростки феодальных отношений и вместе с тем происходил мучительный, противоречивый процесс ломки рабовладельческой идеологии и рождения культуры феодального общества. Мучительным он был потому, что новая идеология рождалась в жестокой, порою кровавой борьбе с идеями античного мира; противоречивым — потому, что и уходившая в прошлое античная цивилизация и возникавшая феодальная культура содержали в себе как прогрессивные, так и консервативные элементы.

В этот период жизнеутверждающая земная религия греков уступила место хмурому христианству, уже утратившему многие черты своего демократического происхождения. Христианство из религии угнетенных стало религией угнетателей. В эти столетия античная философия и наука, теснимые христианской теологией, все больше уносились с грешной земли в заоблачные высоты «чистого духа». Римское право, в котором юридическая мысль древности достигла своих вершин, все шире впитывало обычное право народов, населявших империю, и все больше христианизировалось. На смену радостному античному искусству с его неувядаемым очарованием приходило спиритуалистическое, несколько сумрачное, хотя по-своему также прекрасное византийское искусство.

Идея монархической власти, еще в Римской империи сменившая идею античной демократии, в ранней Византии все более окутывалась ореолом христианской святости. В то же время человеческая

индивидуальность постепенно как бы поглощалась государством, попиравшим любые проявления инакомыслия и свободолюбия.

Новая идеология впитывала из уходившей античной цивилизации все, что могло привлечь к ней сердца людей. Именно в IV — первой половине VII в. в Византии осуществляется переработка культурных ценностей, созданных в античную эпоху, в духе новых христианских идей. Воспринимая все полезное для себя из античной культуры, господствующие классы, творившие эту новую идеологию, с беспощадной неумолимостью уничтожали то, что мешало ее победе.

Однако античная цивилизация в этот период отнюдь не была бездыханным трупом, в который хотели бы ее превратить фанатичные церковники: она еще жила, сопротивлялась, боролась и имела немало своих приверженцев. Христианство, родившееся на развалинах античного мира и, казалось, завладевшее без остатка духовной жизнью византийского общества, не смогло уничтожить обаяние языческой культуры. И хотя церковь пыталась облечь в смиренные христианские одеяния преследуемых, но не забытых богов и героев античной мифологии, а саму античную историю перекроить на библейский лад, историческая инерция языческой цивилизации была еще столь могущественна, что идеологи христианства, борясь против нее, нередко сами бывали побеждены ею.

Сказанное делает понятным, почему византийская историография, публицистика, богословская литература IV — первой половины VII в. проникнуты полемическим духом, наполнены непримиримой борьбой враждующих идей. Зачастую она принимает форму религиозных столкновений: представители ортодоксального христианства ведут нескончаемые дискуссии как с последними защитниками язычества, так и с многочисленными приверженцами различных еретических учений. Не мудрено, что разнообразные письменные памятники тех столетий отразили высокий накал общественно-политических и религиозных страстей, будораживших византийское общество.

Ученые-богословы, историки, хронисты последующих веков в поисках полемического оружия неоднократно обращались к арсеналу идейной борьбы этого времени — к героизации выступлений христианства против язычества, к идеализации «боговдохновенной» борьбы отцов церкви за чистоту христианского учения против ненавистных еретиков, к окруженным ореолом непогрешимости образам государей: первого «христианского монарха» Константина и «премудрого» законодателя Юстиниана.

Это идейное оружие использовалось господствующими классами в течение всего средневековья как в самой Византии, так и в соседних с ней странах. Идеологи христианства и крепкой монархической власти постоянно стремились обосновать свои концепции «авторитетными» суждениями отцов церкви и законодательством ранневизантийского времени.

Бурная эпоха IV — первой половины VII в. оставила гораздо больше самых различных источников, чем какой-либо другой период истории Византии. Их многообразие поражает и радует иссле-

дователя. Перед нами многочисленные и порою первоклассные труды историков, целая серия византийских хроник, обширная полемическая и богословская литература, жития святых, произведения ораторского искусства, богатая эпистолография. К этому же времени относятся ценные трактаты по административному устройству империи, военному искусству, труды географического характера, записки путешественников, посетивших самые отдаленные страны. Особое место среди этих источников занимают законодательные памятники, среди которых возвышается знаменитый Corpus Juris civilis Юстиниана — неисчерпаемая сокровищница сведений по социально-экономической и политической истории Византии, ее юриспруденции и культуре IV—VI вв.

Не обделен этот период и документальными материалами. Правительственные предписания, официальная дипломатическая переписка, акты церковных соборов и многочисленные документы различного характера, содержащиеся в папирусах,— таков далеко не полный перечень документальных источников, сохранившихся от этой эпохи. Если к ним добавить археологические, эпиграфические и нумизматические памятники, то создается действительно картина обилия источников. Однако их изучение, как мы увидим далее, связано с немалыми трудностями.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Многоязычная и многоликая византийская историография IV — первой половины VII в., включающая труды греческих, сирийских, латинских, коптских, армянских и других авторов, необычайно пестрая по своей политической и религиозной окраске, с большой наглядностью отразила всю сложность социально-политической борьбы в Византии этой переходной эпохи. В историографии, как и в жизни, происходили острые столкновения двух идеологических течений — идеологии уходившего рабовладельческого мира и идеологии нарождавшегося феодального общества, несшей семена прогресса, но вместе с тем уже скованной мертвящим дыханием христианской церковности.

В каждом из них были свои прогрессивные и консервативные черты. Наряду с «родимыми пятнами» рабовладельческой идеологии, присущими первому из этих течений,— презрением к рабам и к народным массам, сословными предрассудками, прославлением римской исключительности и высокомерным отношением к варварским народам, тайными симпатиями к умирающему язычеству, идеализацией древнего Рима, пессимизмом, свойственным общественным классам, уходящим с исторической арены,— оно все еще таило в себе огромную притягательную силу античной цивилизации. У историков, принадлежавших к этому направлению, сохранялись научное понимание мира, хорошее знание жизни соседних племен и народов, античные философские представления, высокое ораторское искусство, чистота греческого языка. Вместе с тем нарождавшаяся историография средневековья, наряду с прогрессивными чертами — отказ от рабов-

ладельческой идеологии, переход от концепции римской исключительности к изображению всемирноисторического процесса (правда, в библейском духе), «уравнение» перед лицом истории всех народов,— несла на себе печать церковного догматизма, религиозной нетерпимости, пренебрежения к античной науке; в трудах историков этого направления наблюдалась тенденция к замене разума верой, что таило в себе опасность падения научного уровня исторических знаний, открывало возможности торжества мрачных суеверий, подчинения человеческой личности церковной догматике. В эпоху, являвшуюся как бы рубежом между двумя мирами, естественно, черты обоих борющихся идеологических направлений нередко причудливо переплетались в творчестве одного и того же автора.

Ранневизантийский период, особенно IV—VI вв., принято обычно считать временем расцвета византийской историографии. Но это было одновременно и начало ее угасания — последний взлет античной историографии, уже содержавшей в себе признаки намечающегося упадка. Все более видное место в византийской исторической литературе начинали занимать представители новых веяний и постепенно получали преобладание новые жанры: церковные истории, всемирные хроники, агиография — виды исторических сочинений, которым в средневековой Византии суждено было приобрести главенствующее положение. Именно в это время создается христианско-апологетическое направление в историографии, нашедшее свое воплощение в первую очередь в широко популярных в средние века всемирных хрониках.

ИСТОРИКИ

При всех различиях в политических взглядах, образовании, религиозных убеждениях, в степени осведомленности и, наконец, в таланте изложения византийских историков раннего периода объединяют некоторые общие черты.

Прежде всего все они были воспитаны непосредственно на лучших образцах античной историографии: византийские авторы не только хорошо знают и высоко ценят сочинения Геродота, Фукидида и Полибия, но порою и подражают своим великим предшественникам. Однако это отнюдь не рабское копирование; в произведениях византийских историков выражается *органическая связь античной и ранневизантийской исторической науки*, порожденная всем мировоззрением этих историков, как бы впитавших с молоком матери преклонение перед античной цивилизацией. Большинству византийских авторов раннего периода, получивших широкое образование в античном духе, греко-римская историография представлялась вершиной творческой мысли; однако, преклоняясь перед прославленными историками прошлого, они вносили в освещение исторических событий много своего, оригинального. Думается, что некоторых византийских историков, таких как Аммиан Марцеллин, Прокопий, Агафий, Феофилакт Симокатта, можно поставить в один ряд с античными авторами.

Другой отличительной чертой византийских историков IV — первой половины VII в. было их *тяготение к современности.* В своих произведениях все они, в отличие от хронистов, описывавших события от «сотворения мира», освещают сравнительно короткий исторический отрезок времени, сосредоточивая основное внимание на изложении современных им событий. В этом их огромное преимущество перед хронистами. Сочинения историков значительно менее компилятивны, чем произведения хронистов. Они написаны, как правило, на основании документов, рассказов очевидцев и личного опыта. Таким образом, труды историков в большей степени, чем сочинения хронистов, сохраняют аромат эпохи: они представляют собой свидетельства современников, что значительно увеличивает их ценность, как исторического источника.

Вместе с тем именно близость к современности делает произведения историков особенно тенденциозными, особенно подверженными влиянию социально-политической борьбы и субъективного восприятия действительности. Все византийские историки IV — первой половины VII в., как правило, являлись выходцами из господствующего класса: это или высшие государственные чиновники, дипломаты, придворные, находившиеся в гуще политических событий своего времени, или интеллигенты — адвокаты и риторы. Все они, хотя и в разной степени, осведомлены о государственных делах и проявляют в своих трудах особый интерес к внешнеполитической истории Византии, к сложной дипломатической игре, войнам с различными народами, придворным интригам и борьбе политических партий. В меньшей мере их интересуют события внутренней истории, а жизнь народных масс, за редким исключением, и вовсе остается вне поля их зрения.

Политические симпатии и антипатии историков были различны: иногда они настроены оппозиционно по отношению к существующему режиму, иногда вполне лояльны.

Оппозиционно настроенные авторы выступали против автократии императоров с ее политическим произволом и финансовым гнетом, против навязанной сверху, принудительной христианской идеологии. Но их критика данного общественно-политического порядка велась отнюдь не с демократических, а скорее с консервативных позиций; свой идеал общественного развития эти историки находили в уходившем рабовладельческом мире; они всячески идеализировали не только античную культуру и религию, но и римскую государственность.

В IV в. и отчасти в V в. среди византийских историков встречаются представители языческой оппозиции; язычество еще сохраняло своих приверженцев, главным образом в среде старой рабовладельческой аристократии. Позднее, в VI — первой половине VII в. по мере ослабления влияния язычества и оппозиционная струя в историографии теряет свою языческую окраску. В трудах историков этого периода симпатии к язычеству отступают на второй план; формально, во всяком случае, признается официальная, т. е. христианская, религия. Для исторических сочинений того времени, за редкими исключениями, характерен индифферентизм в вопросах веры, равно-

дущие к церковной истории и религиозным спорам, волновавшим тогда византийское общество. Правда, в VII в. христианская идеология начинает уже просачиваться и в труды историков, но она уживается у них с преклонением перед античной культурой. В целом же все произведения византийских историков IV — первой половины VII в. носят вполне светский характер, связно и последовательно излагают историю Византии этих столетий.

По своим философским воззрениям византийские историки этого периода в подавляющем большинстве эклектики, черпающие свои представления из античной философии различных направлений. Рационализм у них часто переплетается с агностицизмом, вера в человеческий разум — с самыми грубыми суевериями. Но все же в своем прагматизме они на голову выше хронистов, которым совершенно чуждо рационалистическое понимание окружающего мира.

Социально-политические взгляды византийских историков изучаемой эпохи в большинстве случаев определялись тем, что эти авторы были или аристократами по рождению, сторонниками аристократического правления, или «аристократами духа», видевшими идеал политического устройства в государстве, управляемом избранными людьми, мудрецами, философами. И те и другие с одинаковым презрением и недоверием относились к народным массам и в самых черных красках описывали народные движения.

Сочинениям византийских историков раннего периода присуща еще одна характерная черта, также порожденная эпохой. Все они, хотя и в разной мере, интересуются таким животрепещущим вопросом современности, как *борьба римско-византийского и варварского мира*. Некоторые из них понимают, что это — вопрос жизни и смерти для Византийского государства; кое-кто с высокомерием потомков истинных римлян стремится убедить себя и своих читателей, что варварская опасность не столь грозна и ромеи выйдут победителями из схватки, длящейся несколько столетий. Часть историков относится с презрением к невежественным и диким варварам; другая уже осознает не только их силу, но и достоинства; иные даже идеализируют общественный строй варваров. Но никто из историков не проходит мимо этого трагического столкновения двух миров.

Благодаря жгучести для Византии проблемы ее взаимоотношений с варварами труды византийских историков IV — первой половины VII в. — лучшие, если не единственные, источники по истории многих варварских народов, с которыми сталкивалась империя в эти столетия: гуннов, готов, аланов, гепидов, франков, лангобардов, славян, антов, аваров, тюрок. Не все у византийских историков в описаниях варваров (их быта, военной тактики, общественного устройства) объективно и правдиво, многое освещено или намеренно тенденциозно, или просто неверно из-за недостаточной осведомленности авторов. Однако если принять во внимание, что эти варварские народы сами еще не имели своих историков (кроме гота Иордана), то придется признать, что византийские писатели IV — первой половины VII в. оказали неоценимую услугу науке, осветив судьбы

варварских народов, окружавших плотным кольцом Византию и уже проникавших в империю.

Важным достоинством многих исторических сочинений византийских авторов раннего периода является обилие в них исторического, географического, топонимического, этнографического материала о жизни различных народов империи и соседних с ней стран. В основном эти сведения отличаются достаточной точностью и подтверждаются позднейшими археологическими открытиями. Это, конечно, не значит, что труды византийских историков лишены фактических ошибок, проистекающих от самых различных причин. Но, как установлено новейшими исследованиями, в целом большинство авторов заслуживает доверия в отношении хронологии, описания фактов и разнообразных конкретно-исторических данных, собранных в их трудах.

Для литературного стиля большей части византийских историков изучаемой эпохи характерно стремление сохранить чистоту древнего аттического греческого языка, не быть ниже своих прославленных образцов — античных авторов. Византийские историки пишут преимущественно для узкого круга избранных, образованных людей. Они часто щеголяют цветистым, риторическим стилем, метафорами и сравнениями, почерпнутыми из античной мифологии и литературы. Но и в стиле византийских авторов IV — первой половины VII в. уже чувствуется дыхание новой эпохи: в их язык проникают порою многочисленные варваризмы, нередко встречается церковно-догматическая терминология, иногда, правда, еще в малой степени, ощущается влияние народной разговорной речи.

Итак, в мировоззрении византийских историков IV — первой половины VII в. отчетливо отразилась противоречивость эпохи. Объективно они стояли на консервативных позициях, защищали умиравший рабовладельческий мир и угасавшую античную цивилизацию; вместе с тем эти историки выступали носителями лучших традиций античной исторической науки. По широте кругозора, по обилию позитивных знаний, по блестящей форме их изложения они были на голову выше современных им христианских хронистов. Именно это выдвигает историков на первое место в византийской историографии раннего времени. Без их трудов было бы совершенно невозможно воссоздать историю Византии IV — первой половины VII в.

* * *

Наиболее выдающимся византийским историком IV в. был антиохийский грек *Аммиан Марцеллин* (ок. 330—400 гг.). Приверженец Юлиана Отступника, с которым участвовал в походе против персов, и сторонник восстановления языческой религии, Аммиан Марцеллин на склоне своих лет написал исторический труд на латинском языке, известный под названием «Res Gestae» — «Деяния» [1]. Это произведение было задумано автором как продолжение знаменитого исторического сочинения Тацита и охватывало период от правления императора Нервы до конца IV в. Сохранилось лишь 18 книг

труда Аммиана Марцеллина (кн. 14—31), посвященных событиям 353—378 гг., современником, а зачастую и участником которых был сам автор. Аммиан Марцеллин предстает перед нами отнюдь не как компилятор, а как мыслящий историк, глубоко озабоченный судьбами Римского государства, стремящийся добросовестно осветить события своего времени. В его сочинении подкупает достоверность фактического материала; большинство его известий выдерживает проверку данными других источников. В значительной мере это объясняется тем, что основой исторического повествования автора служили его собственные жизненные наблюдения и рассказы очевидцев.

Аммиана Марцеллина часто рассматривают как последнего великого римского историка[2]. Это суждение верно лишь отчасти. Нельзя отделить непроходимой гранью позднеантичную историографию от ранневизантийской; напротив, между трудами римских и византийских историков имеется прямая преемственность. Справедливее поэтому считать Аммиана Марцеллина последним представителем античной историографии и первым крупным византийским историком. Он близок не только римским, но и византийским авторам (Прокопию, Агафию, Феофилакту Симокатте), которые, подобно самому Аммиану Марцеллину, во многом оставались еще на почве античной исторической науки.

По своему мировоззрению Аммиан Марцеллин был поклонником античной культуры, религии и философии. Приверженец язычества, он осуждал, однако, излишнее увлечение внешними сторонами языческого культа. Ему были чужды проявления грубого языческого антропоморфизма; больше влекла его мистическая философия неоплатоников, особенно Плотина. Всю жизнь он был крайним идеалистом, верил в безграничное превосходство духа над телом, в бессмертие души.

Аммиан Марцеллин высоко ставит античную философию и хорошо знает труды философов различных школ (платоников и неоплатоников, а также Аристотеля, Гераклита Эфесского, Демокрита). Он знаком с атомистикой; он с похвалой отзывается о занятиях натурфилософией и естественными науками. С большой горечью пишет Аммиан Марцеллин об упадке античной науки в его время. Знатные люди «боятся науки, как яда»[3]. Вместо занятия науками знать и народ предаются безумным увлечениям конными ристаниями; огромной популярностью пользуются мимы, шуты, продажные танцовщицы,— «библиотеки же заперты навек, как гробницы»[4]. Аммиан Марцеллин восстает против гонений на языческую науку и философию, возобновленных после краха реформ Юлиана Отступника, осуждает правительство за инспирированные им процессы, во время которых языческих философов ложно обвиняли в чародействе. Историк оплакивает гибель по воле разъяренных деспотов многих языческих ученых — особенно философов Пасифила и Симонида: они мужественно приняли смерть, не пожелали даже под пыткой оклеветать других невинных людей и проявили необычайную твердость духа. Аммиан Марцеллин обличает вандализм палачей, по приказу императора Валента сжигавших ценнейшие рукописи и

книги античных авторов, захваченные в домах осужденных язычников [5].

Высоко ценя античную науку и образованность, Аммиан Марцеллин не свободен от предрассудков своего времени: он верит в предсказания, во власть Фемиды, открывающей веления рока. Он даже пытается дать философское толкование различным гаданиям.

Этические воззрения Аммиана Марцеллина формировались под непосредственным влиянием античной философии. Выше всего Аммиан ставит духовные качества человека. «По определению философов,— пишет он,— есть четыре главные добродетели: умеренность, мудрость, справедливость и храбрость» [6]. В труде Аммиана мы встречаем галерею портретов различных политических деятелей — Юлиана Отступника, Валента, Валентиниана I и др. Их характеристики отличаются глубиной психологического анализа, огромной жизненной правдой.

Находясь всецело в кругу античных идей, Аммиан Марцеллин проявляет в то же время двойственное отношение к христианству. В труде этого историка критическое отношение к церковной иерархии с ее бесконечными внутренними раздорами уживается с уважением к самой христианской религии и веротерпимостью.

Аммиан Марцеллин создает необычайно реалистическую картину, бичуя пороки высшего духовенства в Риме. Его рассказ достигает редкой обличительной силы, когда он описывает борьбу за папский престол, во время которой претенденты поднимают на восстание чернь и проливают потоки крови. Роскоши и суетному тщеславию высших церковных сановников Аммиан Марцеллин противопоставляет бедность и смирение провинциальных священников.

Осуждая распри между христианами, связанные с развитием ересей, Аммиан Марцеллин вместе с тем и без всякого сочувствия говорит о столкновениях христиан с язычниками.

Сторонник веротерпимости, считающий нормальным сосуществование и культа Адониса, и древнеегипетских культов, и христианства, Аммиан рассматривает последнее как одну из равноправных религий. Иисус Христос для него не бог, а один из учителей мудрости, основатель новой религии, «соперник Юпитера» [7].

Политические идеалы Аммиана складывались под влиянием как современной ему социально-политической борьбы, так и учения античных философов. Он приверженец сильной и справедливой монархической власти, опирающейся на мудрых помощников и чуждой личного произвола.

Власть, по его мнению, есть не что иное, как забота о благосостоянии другого. Добрый правитель должен ограничивать свое имущество, бороться с порывами страстей и гнева, знать, что воспоминания о жестокости — плохая опора для годов старости [8].

Отвлеченный идеал правителя, нарисованный Аммианом, находился в таком вопиющем противоречии с действительностью, что этот контраст прекрасно осознавался самим историком. И сила Аммиана Марцеллина — не в позитивной конструкции идеальной политической власти, а в страстном обличении существующего политического строя.

Повествование Аммиана Марцеллина достигает поистине огромного эмоционального накала, когда он рассказывает о злодеяниях и пороках таких императоров, как Валент и Валентиниан I. Обличительные инвективы против них, впрочем, уже не были опасны для историка, писавшего свой труд в правление Феодосия I, когда критика предшествующего царствования поощрялась новым правительством.

Историк не жалеет самых сильных эпитетов для обличения политики Валента и Валентиниана I. Одновременно он рассыпается в похвалах Феодосию I, всячески прославляя его подвиги [9].

Аммиан Марцеллин — выразитель взглядов языческой оппозиции: он протестует против гонений «христианских» императоров на родовитую патрицианскую знать. При этом вероисповедные мотивы у него не играют первостепенной роли, более существенными являются политические симпатии или антипатии к тому или иному правителю. Сам историк рисует потрясающую картину падения нравов римской аристократии, делая это порою с огромным обличительным пафосом и, судя по живости картины, списывая непосредственно с натуры [10].

По-иному относится Аммиан к городской знати средней руки, к куриалам. Он оплакивает упадок курий и осуждает насильственное прикрепление к ним куриалов. Сочувственное отношение Аммиана к куриалам его родного города Антиохии было столь велико, что историк встал на их сторону во время конфликта с императором Юлианом из-за снижения цен на продукты, которое хотел провести Юлиан, заигрывая с народом Антиохии [11].

Все это заставляет предположить, что Аммиан Марцеллин, выходец из среды антиохийской муниципальной знати, в известной степени отражал настроения куриалов, стоявших в оппозиции к высшей аристократии и правлению некоторых императоров, особенно Валента и Валентиниана I.

Обличение Аммианом Марцеллином пороков высшей знати сочетается с глубоко презрительным отношением к народным массам. Особенно резкие нападки вызывает у Аммиана Марцеллина люмпен-пролетарская беднота Рима, которую он не отделяет от ремесленников, мелких торговцев и работников различных специальностей. Вслед за разоблачением упадка нравов знати Аммиан столь же яростно бичует пороки «праздной и ленивой римской черни».

О рабах Аммиан Марцеллин обычно говорит лишь попутно. Для него рабство — бытовое явление, недостойное особого упоминания.

В труде Аммиана Марцеллина с большой впечатляющей силой воссоздается картина острейшей социальной борьбы, охватившей в IV в. как Восточную, так и Западную империи. К движению латронов и к другим народным восстаниям Аммиан Марцеллин относится с непримиримой, поистине классовой ненавистью, называя их участников «остервеневшей от голода и отчаяния толпой» [12].

Для характеристики социально-политических взглядов Аммиана очень показательно его отношение к восстанию Прокопия (365—366 гг.). Политические цели, которые первоначально ставил Прокопий,— свержение ненавистного режима Валента и защита интересов

горожан, в первую очередь куриалов,— в какой-то мере импонировали Аммиану. Но превращение этого заговора против императора в широкое народное движение, оттолкнув знать и зажиточных горожан, вместе с тем совершенно изменило позицию историка. Он не скрывает своей враждебности к Прокопию, поскольку тот в какой-то степени опирался на народные массы Константинополя, на простых солдат и варваров-готов.

В целом Аммиан оценивает восстание Прокопия, как мятеж, причинивший большие бедствия государству.

Поистине уникальные сведения сообщает Аммиан Марцеллин о другом крупнейшем движении его времени — восстании вестготов на Дунае в 70-х годах IV в., которое привело Восточную Римскую империю на край катастрофы. Чрезвычайно ценны, в частности, известия Аммиана Марцеллина о том, что вестготов поддержали колоны, рабы, горнорабочие Фракии и Македонии[13]. Рассказ об Адрианопольской битве у Аммиана — лучшая часть его труда, где автор поднимается до высот настоящего художника слова, живописуя страшные сцены сражения с огромной выразительностью и жизненностью, свидетельствующей, что Аммиан писал эту картину если не по личным наблюдениям, то по свежим рассказам участников сражения. Сочувствие автора, конечно, всецело на стороне римлян; Адрианопольский разгром для него — национальное бедствие, поражение, наносящее удар Римскому государству, римской национальной гордости.

Аммиан хорошо понимает, сколь велика варварская опасность для империи. Никто другой из византийских историков раннего периода не показал с такой убедительностью поистине грандиозный размах борьбы Рима и варваров. Натиск последних изображается Аммианом как разрушительный ураган; их набеги носят грабительский и опустошительный характер, и борьба с ними — патриотический долг каждого римлянина. В этой борьбе все средства хороши, и Рим, отстаивающий свою культуру, всегда прав.

Аммиан с горечью говорит об упадке былого могущества Римского государства и с пренебрежением относится к другим, варварским и неварварским народам, особенно к диким кочевым племенам — гуннам и аланам. Но даже персы, которых он считает могущественным и цивилизованным народом, рисуются историком в самом неприглядном виде. Презрительное и предвзятое отношение писателя к соседним с империей народам — яркое свидетельство его приверженности к консервативным идеалам древнеримского государства и римской миродержавной исключительности. Вместе с тем этнографические и географические экскурсы Аммиана, касающиеся различных стран и народов (Египет, Персия, Малая Азия и др.), отличаются широтой знаний, написаны как по личным наблюдениям, так и на основании ценных источников и отражают уровень науки его времени.

Центр тяжести повествования Аммиана лежит в освещении преимущественно политической истории; внутренняя, социально-экономическая жизнь Римского государства IV в. отражена в его труде
 значительно меньше. Однако данные Марцеллина о разорении про-

винций, народных восстаниях, варваризации войска, разложении знати, неустойчивости императорской власти и постоянной борьбе за престол показывают с большой жизненной правдой и достоверностью кризис рабовладельческого строя, охвативший как Западную, так и Восточную Римскую империю.

Для истории классовой борьбы того периода: движения багаудов и латронов, восстания Прокопия и особенно восстания вестготов на Дунае труд Аммиана Марцеллина — лучший источник из всех ныне существующих. Достоверны данные Марцеллина и по военной истории империи IV в.

Раскрытие в сочинении Аммиана Марцеллина (конечно, независимо от воли автора) активной роли народных масс в судьбах Римской империи IV в., — огромная заслуга историка, достоинство, которое выдвигает этот труд на одно из первых мест среди источников по истории Западной и Восточной Римской империи той эпохи.

Оппозиционные настроения по отношению к христианским императорам нашли свое отражение в трудах Евнапия, Олимпиодора и особенно Зосима.

Евнапий (345—420) из Сард (Лидия), историк и ритор, был последователем неоплатонической философии и горячим защитником угасающего язычества. Он получил образование в Афинах у знаменитого софиста и философа-неоплатоника Проэресия. Философские взгляды историка представляли собой эклектическое соединение неоплатонизма с различными мистическими представлениями восточного происхождения. Перу Евнапия принадлежит апологетическоe жизнеописание неоплатонических философов IV в.[14]. Исторический труд Евнапия «Εὐναπίου Σαρδιάνου Ἱστορίας τῆς μετὰ Δεξίππον νέας ἐκδόσεως ἐκλόγαι περὶ πρεσβέων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους», охватывающий период времени с 270 по 414 г., известен только в эксцерптах патриарха Фотия[14а] (IX в.). Знаменитый книжник и эрудит, Фотий оставил потомкам огромное собрание выписок из 280 книг греческих авторов — прославленную «Библиотеку» или «Многокнижие» («Myriobiblon»). Благодаря этому бесценному труду для последующих поколений был сохранен подлинный облик многих, ныне безвозвратно утерянных произведений византийских историков и хронистов, в том числе Евнапия. Сочинение Евнапия дошло в сильно переработанном варианте, благочестивый редактор которого вычеркнул все гневные и наиболее непримиримые выпады автора против христианства[15]. Основной идеей, которая владела Евнапием, была идея восстановления язычества и необходимости противодействия распространению христианства.

В центре его повествования находилось правление императора Юлиана Отступника, изображавшееся в панегирических тонах. Труд Евнапия проникнут духом борьбы языческой и христианской идеологий; автор превозносит язычников и проявляет враждебность к христианам. Несмотря на риторичность его стиля, историку нельзя отказать в меткости характеристик, в силе беспощадного разоблачения язв современного ему общества.

Для политических взглядов Евнапия показательно его отношение к императорской власти. Он считает ее необходимой для общества,

но лишь тогда, когда она находится в достойных руках, пример чему — Юлиан, с точки зрения Евнапия, — идеальный правитель. Императорская же власть в дурных руках несет великие бедствия государству. Антиподом Юлиана, философа на троне, был, по мнению Евнапия, христианский император Феодосий I, который «доказал справедливость мнения древних, что власть — великое зло» и которого Евнапий наделяет всеми пороками.

Как и у Аммиана Марцеллина, критика правления «христианских императоров» сочетается у Евнапия с враждебным отношением к народным массам. Историк негодует на то, что при преемниках Феодосия I, когда власть была у временщика Руфина, возвысились люди, «которые вчера или третьего дня выбежали из лавочки, чистили седалища или мели пол. Теперь они носили красивые хламиды с золотыми застежками и имели на пальцах печати, оправленные в золото» [16].

Труд Евнапия был смелым обличением пороков империи в правление Феодосия I и его ближайших преемников. Он отражал политические устремления языческой интеллигенции Восточной Римской империи IV—V вв., связанной со старой римской аристократией и оппозиционной к правлению «христианских императоров».

Младшим современником и продолжателем Евнапия был грек *Олимпиодор* (V в.) [17], родом из египетских Фив. Олимпиодор всю свою жизнь посвятил литературным занятиям. Как сочинитель (возможно, он был и поэтом) и историк он пользовался большой известностью у себя на родине. В бытность свою в Афинах Олимпиодор близко познакомился с афинской философской школой и многими прославленными философами своего времени. Часть жизни он провел в Западной Римской империи, много путешествовал, наблюдал быт и нравы различных варварских народов, в том числе вестготов и гуннов, у которых побывал в 412 г., находясь в составе византийского посольства. Рассказ об этом посольстве — одно из самых ранних упоминаний о гуннских племенах в Европе [18].

Сочинение Олимпиодора «История» (автор посвятил его императору Феодосию II), сохранившееся лишь в эксцерптах Фотия, состояло из 22 книг и охватывало всего 18 лет истории Римской империи — с 407 по 425 г. Хотя Фотий сильно сократил труд Олимпиодора, он все же передал не только важнейшие содержавшиеся в нем исторические факты, но и мысли автора. Сам Фотий довольно суров в оценке произведения Олимпиодора. Поклоннику изысканного стиля древних авторов, Фотию претит прежде всего простонародный язык этого историка — «ясный, но невыразительный и лишенный силы» [19]. У Олимпиодора действительно намечается уже отход от несколько искусственного и подражательного стиля многих византийских авторов раннего времени и появляются зачатки новой манеры изложения, навеянной, быть может, близким соприкосновением с варварским миром. По всей вероятности, именно этот «народный» стиль и составлял основное своеобразие труда Олимпиодора.

Повествование Олимпиодора касается главным образом судеб Западной Римской империи; восточной половине Римского государства автор уделяет сравнительно мало внимания.

Перед читателем мелькает калейдоскоп событий, происходивших на Западе в период правления Гонория (395—423): борьба императоров за колеблющийся престол, мимолетное возвышение и столь же стремительное падение узурпаторов, самовластное вмешательство варварских вождей в дела одряхлевшей империи. Могущественные варвары — Стилихон, Аларих, Атаульф зачастую предстают вершителями судеб Западной Римской империи. В центре изложения Олимпиодора находится одна из последних схваток греко-римского мира с варварским — походы Алариха в Италию. Историк рисует картину страха и уныния, царящего в Риме перед нашествием варваров, против которых бессильны и римские войска, и древние стены городов. Он воспринимает проникновение варваров в недра некогда великой Римской империи как неизбежное зло.

Сочинение Олимпиодора вводит читателя в атмосферу напряженной борьбы «римской» и «проварварской» партий в Западной Римской империи. Политические симпатии самого историка, видимо, на стороне той партии, которая проводит политику союза с молодыми варварскими королевствами и с сильными вождями варварских дружин. Эта партия, трезво оценивая силу варваров и растущую слабость империи, видит путь к спасению Римского государства в натравливании одних варваров против других.

В сочинении Олимпиодора, даже в его сокращенной передаче Фотием, проступают живые образы современников — гордой и умной Галлы Плацидии, безмерно преданного ей полководца, правителя Африки Бонифация, заключившего союз с империей, мрачного и сурового Констанция III, разделившего на краткое время престол с императором Гонорием. Олимпиодор глубоко симпатизирует Галле Плацидии и оправдывает ее политику, ориентировавшуюся на сближение с варварами. Он преклоняется перед Стилихоном и осуждает Гонория, казнившего этого талантливого полководца по проискам сторонников «римской» партии.

Оставаясь в известной степени «римским патриотом» и поклонником греко-римской цивилизации, Олимпиодор вместе с тем был одним из первых византийских писателей, который понял, что без участия варваров империя не в состоянии победить варварство [20]. Бесспорной заслугой Олимпиодора является то, что он значительно более объективно, чем многие другие византийские авторы, изобразил столкновение двух миров — греко-римского и варварского.

Наиболее ярко политические настроения языческой оппозиции V в. отражены в сочинении византийского историка *Зосим*а «Новая история» [21]. Страстные обличения существующего строя перемежаются у этого автора с гневными выпадами против христианства. О жизни Зосима известно только то немногое, что он сам сообщает в своем труде. Зосим жил в Константинополе во второй половине V в. Он занимал высокие должности — комита и экс-адвоката фиска, что указывает на его юридическое образование.

«Новая история», появившаяся на свет уже после смерти автора, была создана в правление императора Анастасия (491—518), точнее, около 498 г. В этом обширном произведении, написанном четким и ясным языком, освещается история Римского государства

со времени воцарения Августа до 410 г. Повествование о событиях до 270 г. носит суммарный и компилятивный характер, лишь период времени с 270 по 410 г. излагается подробнее.

Источники, использованные Зосимом для освещения более ранних событий, неизвестны. Для IV—V вв. ими были главным образом утраченные труды Евнапия и Олимпиодора.

Центральным сюжетом в сочинении Зосима, как и его предшественников, является борьба римского и варварского миров. Он с большой горечью признает упадок былого величия Рима и ставит своей основной задачей раскрыть его причины. В труде Зосима ярко проступает единая историко-философская концепция. Язычник по религиозным убеждениям и консерватор по политическим взглядам, Зосим видит главную причину разложения некогда могущественной Римской империи в забвении эллино-римской, языческой религии предков. Нашествия варваров, восстания покоренных народов, мятежи рабов, внутренний распад государства — все эти бедствия, постигшие империю в IV — начале V в., согласно его концепции,— наказание богов за измену древней языческой религии и принятие христианства[22].

Враждебное отношение Зосима к христианской религии проявляется в обличениях дурных правителей, прежде всего «христианских императоров» — Константина I и Феодосия I, которым противопоставляется кумир всей языческой оппозиции — Юлиан Отступник.

Материал, собранный в труде Зосима, огромен. Чрезвычайно ценны его сведения о варварских племенах, особенно о готах и гуннах. Данные Зосима о поддержке варваров, вторгавшихся в империю[23], народными массами перекликаются с аналогичными известиями его предшественников.

Среди других оппозиционных писателей V в. Зосим выделяется как непримиримостью тона в отношении своих политических противников, так и большой насыщенностью повествования, что делает его труд одним из ценнейших источников V в., отразившим всю напряженность идеологической борьбы между уходящим язычеством и торжествующим христианством.

Необычайно яркая по своей жизненности и правдивости картина столкновения варварского и римского миров в эпоху великого переселения народов была запечатлена в труде знаменитого путешественника и дипломата — грека *Приска Панийского.* Он родился в первой четверти V в. в городе Паний, во Фракии[24], получил блестящее философское и риторическое образование, о чем свидетельствует не только его прозвище — софист и ритор, но и его действительно глубокие и разносторонние познания.

Закончив образование, Приск поступил на государственную службу. В свите знатного вельможи Максимина, занимавшего высокие посты при императоре Феодосии II, Приск участвовал в византийском посольстве к правителю гуннов Аттиле. В течение всего путешествия и пребывания византийцев в ставке Аттилы Приск вел подробный дневник, который и лег в основу его знаменитого сочинения «Ἱστορία Βυζαντιακὴ καὶ τὰ κατ' Ἀττήλαν», сохранившегося, однако, лишь во фрагментах[25]. Ни одна из его последующих дипло-

матических поездок (в Рим, Дамаск, Александрию) не может сравниться по своему значению с посещением ставки Аттилы. Именно описание грозного племени гуннов придало такой необычайный интерес историческому сочинению Приска.

Хронологические рамки его труда, скорее всего, охватывали период времени от 411 по 472 г.[26] Умер Приск, вероятно, после 472 г.

Ценность произведения Приска Панийского состоит прежде всего в том, что оно написано очевидцем. Возможно, Приск использовал и дипломатическую переписку, донесения византийских послов и другие документы из императорской библиотеки, куда имел доступ.

Приск был умным, тонким наблюдателем, он много беседовал с послами западных государств, приехавшими одновременно с византийцами ко двору Аттилы, и получил от них ценные сведения о варварском мире. Но поистине выдающееся историческое сочинение Приску удалось написать не только благодаря таланту и острой наблюдательности: его глаза не застилала пелена ложного «римского патриотизма» и презрения к варварам. Он смог увидеть в Аттиле и других варварских вождях живых людей с их достоинствами и недостатками. В его рассказе о жизни, быте, нравах гуннов нет высокомерия гордого римлянина, противопоставляющего себя невежественным варварам.

Уникальны по своей свежести и непосредственности сведения Приска о стране гуннов, их образе жизни, обычаях[27], языке, обращении с покоренными племенами, а также об отношениях с различными народами Востока и Запада. Никто из современных писателей не оставил такого яркого, списанного с натуры, жизненно правдивого портрета правителя гуннов Аттилы[28], как Приск.

Особое значение имеет рассказ Приска о его встрече с богато одетым греком-военнопленным, который предпочел жизнь у гуннов жизни в империи. Разговор между Приском и пленным греком по существу является спором о преимуществах одного из двух миров — римского или варварского. Критика общественного строя Византийской империи[29], вложенная в уста грека-перебежчика, в какой-то степени выражала политические взгляды самого Приска, изобличавшего пороки византийского общества. Этой критике он в то же время противопоставляет свою апологию порядков Римского государства. Приск рисует идиллическую картину торжества мудрых законов в империи; Византия изображается им в духе идеального государства Платона. Особенно неправдоподобно описаны взаимоотношения рабовладельцев и рабов, с которыми, по словам Приска, ромеи поступают значительно снисходительнее, чем варвары. Господа могут отпускать рабов на волю не только в течение своей жизни, но и перед смертью. Распоряжения умирающего относительно его собственности есть закон. При этих словах Приска грек-перебежчик якобы заплакал и воскликнул: «Законы хороши и римское общество прекрасно устроено, но правители портят и расстраивают его, не поступая так, как поступали древние»[30].

В этих высказываниях Приска проявилась известная двойственность его мировоззрения: он видел и пороки общественного строя империи и преимущества быта варваров, но, оставаясь ромеем, не

мог примириться с критикой существующих порядков, исходившей к тому же от перебежчика.

Приску свойственно благожелательное отношение не только к гуннам, но и к другим варварским народам, в частности к славянам [31].

Для социально-политических взглядов Приска симптоматична его враждебность к народным движениям, принимавшим зачастую религиозную форму. Во время восстания в Александрии в 543 г. Приск показал себя, судя по рассказу Евагрия, как благонамеренный чиновник, хитрый дипломат, православный христианин, помогавший правительству в борьбе с народным движением, которое проходило под монофиситскими лозунгами. В своем сочинении, однако, Приск не проявляет какой-либо религиозности, он скуп на сведения, касающиеся вопросов религии, далек от того, чтобы объяснять ход истории промыслом божьим [32], не склонен к суевериям.

Как и другим образованным писателям того времени, Приску свойственно пристрастие к античным реминисценциям. Повествуя о движении народов Востока и о смерти Аттилы, Приск находит аналогии у Геродота. Геродот был для него образцом, которому он подражал. Влияние Геродота сказалось не только в языке и стиле сочинения Приска, но и в привлечении им исторических аналогий для объяснения современных событий.

Приск не свободен от архаизирующих тенденций античной и ранневизантийской литературы; так, гуннов он называет скифами и т. п. Его язык порою архаичен.

Тем не менее Приск в своем сочинении дал удивительно жизненный и красочный рассказ о посольстве византийцев к Аттиле; по своей живости и величавой простоте он может сравниться с лучшими страницами античной историографии. Беспримерная для византийца объективность в отношении варваров, глубокое понимание исторического значения передвижения огромных масс людей (великое переселение народов), знание жизни, умение обобщить материал и выделить главное выдвигает труд Приска на одно из первых мест среди исторических источников V в. Недаром в последующее время сочинение Приска используют все византийские авторы, а современные ему западные хронисты отстают от него очень далеко, давая лишь краткие сведения о тех событиях, которые он описал с таким блеском.

Продолжателем Приска Панийского являлся сириец *Малх Филадельфиец* (V в.), уроженец города Филадельфии в Палестине. Ритор по профессии, он приобрел большую известность как софист и был преподавателем философии и ораторского искусства в Константинополе. Его перу принадлежит историческое сочинение «О событиях или делах византийских», тоже сохранившееся лишь в извлечениях позднейших писателей [33].

Сочинение Малха, по-видимому, охватывало всего 7 лет византийской истории (474—480 гг.) и делилось на 7 книг. В центре повествования — изобличение пороков императора Зинона, малодушие и преступления которого бичуются с удивительной смелостью [34], отчасти объясняемой тем, что труд Малха был написан уже после

смерти Зинона, в правление императора Анастасия. Не менее критически относился Малх и к предшественнику Зинона — императору Льву, осуждая его за корыстолюбие и ограбление подданных, прежде всего горожан, «которых он лишал прежнего благосостояния» [35].

Защита интересов горожан, быть может, свидетельствует о симпатиях Малха к муниципальной знати, с которой обычно тесно была связана интеллигенция восточных городов.

Большое внимание в своем труде Малх уделяет описанию народных движений при Зиноне. Ненавидя этого правителя, историк отнюдь не сочувствует и народу, который для него всегда остается лишь «взбунтовавшейся чернью». Малх сообщает ценные сведения о ненависти жителей Константинополя к исаврам и о попытках вождя готов Теодориха использовать недовольство столичного люда для захвата города [36].

По своим религиозным убеждениям Малх уже не был язычником, но имеются основания думать, что, формально являясь христианином, он сочувствовал язычеству [37].

Фотий высоко оценивает историческое произведение Малха. Он пишет: «Историческое изложение его превосходно. Слог его чист, непринужден, ясен, цветист; выражения он употребляет звучные и важные, вообще он образец исторического сочинения» [38]. По сохранившимся фрагментам трудно вынести окончательное суждение об утраченном сочинении Малха. Думается, однако, что Фотий несколько преувеличил его достоинства и что этот добросовестный историк все же уступал своему предшественнику Приску Панийскому по уму и красноречию [39].

Смутное время от воцарения Льва I (457—474) до начала правления Анастасия (491 г.) было описано в утраченном труде *Кандида Исавра*, отрывки из которого сохранились лишь в «Библиотеке» Фотия [40]. Писец (нотарий) по профессии, по религии — православный, он верой и правдой служил династии Исавров и основной задачей своего произведения считал ее прославление. Ценность труда Кандида состоит главным образом в том, что в нем сохранились факты, говорящие об острейшей борьбе варваров — исавров и готов (Аспара и его сыновей),— свидетельство усиления варваров и в Восточной Римской империи во 2-й половине V в. В центре повествования Кандида — царствование Зинона и борьба этого императора с разными узурпаторами.

По отзыву Фотия, произведение Кандида было написано излишне витиеватым стилем. Его труд — явно тенденциозное восхваление политической роли исавров в истории Византии V в.

Наиболее выдающимся историком VI в. является *Прокопий Кесарийский*.

Незаурядный политический деятель и искусный дипломат, занимавший высокие посты в византийской администрации, Прокопий обладал недюжинным литературным талантом, широким для своего времени научным кругозором и большой любознательностью. Куда бы ни забрасывала его жизнь, какие бы отдаленные страны он ни посещал, всюду он жадно смотрел на окружающее, много видел,

а главное — понимал. Пытливый ум и зоркая наблюдательность помогли Прокопию собрать ценнейший исторический материал о своей эпохе, описать многие важнейшие события, свидетелем, а зачастую и участником которых он был.

Прокопий родился в Кесарии Палестинской в конце V или в самом начале VI в. (вероятнее всего, между 490 и 507 гг.) [41]. Он происходил из знатной, состоятельной семьи и получил превосходное образование: будущий историк приобрел основательные познания в области риторики, философии, а также юриспруденции; последнее открыло ему дорогу к придворной и дипломатической карьере. В 527 г. Прокопий стал секретарем Велисария, а во время африканского похода этого полководца получил звание его советника по юридическим делам. Поток жизни захватывает и уносит Прокопия в самую гущу политической борьбы: походы против персов, экспедиции в Северную Африку и Италию — калейдоскоп лиц, событий, стран и народов проходит перед его взором.

Уже в эти годы, в перерывах между сражениями и дипломатическими переговорами, в походных палатках и на бивуаках Прокопий, вероятно, вел дневники, куда записывал свои впечатления, беседы с очевидцами, набрасывал характеристики наиболее выдающихся политических деятелей и полководцев, с которыми встречался. Он интересовался всем, но особое его внимание привлекали тайные пружины политических драм, секреты дипломатических переговоров, заговоры, которые плелись при дворах варварских правителей и в константинопольском дворце. Доверие и высокое покровительство Велисария открывали ему доступ ко многим скрытым от посторонних глаз документам. Сведущ был Прокопий и в военных делах.

Отдавая дань уважения древности, Прокопий всем своим существом тяготел к современности.

Свой замысел — создать обширный труд, который бы во всей полноте сохранил для потомства именно современные события,— Прокопий осуществил между 545 и 550 гг., когда написал «Историю войн Юстиниана». Первая редакция увидела свет в 551 г. [42] Издание этого труда принесло Прокопию признание читателей и одобрение двора.

Шестнадцать лет спустя Прокопий пишет «Трактат о постройках Юстиниана» [43], прославляющий в неумеренно хвалебных тонах строительную деятельность этого императора. Прокопий, видимо, настолько угодил деспотическому правителю своим льстивым панегириком, что, возможно, именно в награду за него был назначен на высокий пост префекта города и получил титул illustris (позднейшие писатели называют его патрикием) [44]. События последних лет жизни и дата смерти Прокопия до сих пор остаются неизвестными.

Как в жизни, так и в творчестве Прокопия была глубоко трагическая и вместе с тем бросающая тень на его нравственный облик двойственность. В нем как бы уживались два человека, находящиеся в постоянном противоборстве между собой. Один — несколько суховатый и холодный, замкнутый в себе чиновник, быстро продвигающийся по служебной лестнице, дипломат, обладающий трезвым умом, большой сдержанностью и скрытностью, карьерист,

который, зная, как Юстиниан мечтает иметь придворного историка. был готов использовать свой талант писателя для достижения высоких постов. Карабкаясь к вершинам власти, Прокопий использует в качестве опоры свои официальные исторические труды. Незаурядную эрудицию, обширные знания и жизненный опыт он отдает императору, иногда даже пресмыкаясь перед ним и его любимцами и добиваясь таким путем милостей повелителя. В «Истории войн Юстиниана» историк также всячески подчеркивает свою лояльность. Но в этом основном сочинении Прокопия сквозь завесу официозности уже пробивается, правда, пока еще робкая, критика существующего порядка, начинает приглушенно звучать голос того второго человека, который живет в Прокопии. Иногда он позволяет себе в завуалированной форме отметить недостатки правления Юстиниана. Чтобы обезопасить себя от доносов правительственных шпионов, Прокопий перемежает похвалы Юстиниану и его полководцу Велисарию с отдельными критическими замечаниями, в целях маскировки вкладывая их в уста открытых врагов императора.

Другой человек, уживающийся в Прокопии рядом с придворным льстецом,— это страстный обличитель юстиниановского режима, пылающий самой непримиримой ненавистью к самому Юстиниану и императрице Феодоре, а также к их клевретам. Слава не могла заглушить в душе Прокопия глубокой неудовлетворенности своими официальными творениями. Он остро ощущал лживость их концепции, знал, сколько раз приходилось ему кривить душой, скрывая или искажая истинные причины тех или иных событий, приукрашивая деятельность сильных мира сего. Все настойчивее зрело решение написать такое сочинение, где бы можно было тайное сделать явным. Плодом глубоких раздумий, противоборства политических и личных страстей, симпатий и антипатий явилась созданная скрытно от всех, даже самых близких людей, «Тайная история» — произведение единственное в своем роде во всей византийской историографии [45].

Написанная в 550 г. «Тайная история» как бы собрала воедино все жизненные наблюдения автора и с предельной откровенностью обнажила его политические настроения.

В предисловии к этому произведению Прокопий объясняет задачи своего труда следующим образом. Цель историка — возвышенна: сохранить для будущих поколений истину и научить потомков делать добро и избегать зла. Однако применяемые им самим средства для достижения этой цели довольно сомнительны. Если в своих официальных трудах Прокопий восхваляет существующий режим, то в «Тайной истории» он обрушивает на правителей ушаты грязи, вскрывает не только их действительно ужасные преступления, но порою и приписывает им такие немыслимые пороки, которые могут быть лишь плодом неудержимой фантазии, питаемой глубокой ненавистью. Справедливо отмечалось, что «Тайная история» — не историческое сочинение в собственном смысле этого слова, но скорее политический памфлет, написанный желчью, а не чернилами [46]. Прокопий словно забывает о необходимости для историка строго проверять все факты. Он неразборчиво наполняет свое сочинение самыми нелепыми, порою несправедливыми нападками на Юстиниана,

изображая его в виде некоего демона, пришедшего в империю, чтобы губить ее подданных. Прокопий с радостью, злорадством и удивительным легковерием смакует самые скандальные сплетни о правящей чете или о Велисарии и его жене Антонине, передаваемые на улицах и базарах Константинополя. Но вместе с тем страстная партийность, оппозиционность режиму помогли Прокопию разоблачить тиранию Юстиниана, деспотизм и жестокость его правления. «Тайная история» обнажает растленные нравы византийского двора VI в. с не меньшей силой, чем в свое время «История 12 цезарей» Светония изобличала пороки правителей ранней Римской империи.

Благодаря оппозиционным настроениям Прокопия мы располагаем важными сведениями о тяжелом положении народных масс и народных движениях в правление Юстиниана. Ненавидящий правительство историк вскрывает язвы, разъедающие византийское общество, произвол и продажность администрации, безмерную тяжесть налогов, словом, все, что утаивалось в официальных трудах самого Прокопия и его собратьев по перу.

Причиной оппозиционности Прокопия были не только его личные нравственные качества, его ненависть к правительству, проистекавшая, быть может, от каких-то обид, причиненных ему при дворе. Раздвоенность историка была порождена самой жизнью — сложнейшей идейно-политической борьбой внутри господствующего класса империи VI в.

Характерно, что Прокопий нападает на правительство Юстиниана справа, с позиций старой сенаторской аристократии. Его оппозиционность выражала настроение узкого круга недовольных аристократов и высших государственных чиновников, фрондировавших против неугодного им императора и при этом стремившихся показать, будто они пекутся о благе всех подданных империи, угнетаемых Юстинианом.

Прокопий — непримиримый противник каких-либо социальных переворотов и защитник всякой *законной монархической власти*. Он фрондирует именно против данного «дурного» правительства, против *тирании* Юстиниана, как таковой. Политический идеал историка — сильный, мудрый государь, опирающийся на лучших из подданных, советующийся с сенатом и соблюдающий законы.

Прокопий по существу *консерватор*, оплакивающий упадок старых, «добрых» порядков Римской империи. Он со злобной страстностью нападает на все действительные и мнимые «новшества» Юстиниана. Наибольший гнев Прокопия и его единомышленников вызывает притеснение Юстинианом сенаторского сословия — избранной, «величайшей» части Римской империи [47].

В то же время он осуждает рабское пресмыкательство сенаторов и других государственных людей перед Юстинианом и особенно Феодорой [48]. Сознавая, что тиранический режим Юстиниана привел к упадку былых доблестей римской аристократии, Прокопий ищет идеал политического устройства лишь в далеком прошлом.

Его консерватизм тесно переплетается с своеобразным «римским патриотизмом». Прокопий всегда мыслит себя прежде всего гражданином мировой римской державы. Все человечество византийский

историк делит на римлян — носителей высокой древней культуры и государственности — и на варваров. Прокопий ясно видит, что силы варваров возрастают, а напор их на империю делается все более грозным. И, тем не менее, он полон самоуверенной надежды на победу империи.

В описании Прокопием варварских народов, хотя он и отдает должное воинственности, доблести, гостеприимству и т. п. качествам некоторых из них, всегда звучат нотки презрительного превосходства образованного римлянина над грубыми варварами.

По своим социальным симпатиям и образу жизни Прокопий — утонченный аристократ, восхваляющий добродетели знати и презирающий народ. Это — истый рабовладелец; он отказывает рабам в каких-либо достоинствах и приписывает им самые низменные пороки [49].

Мировоззрение Прокопия, как и его политические взгляды, являются ярким отражением той кризисной, переходной эпохи, в которую жил историк. В суждениях Прокопия звучат нотки пессимизма, разочарованности, неверия в будущее, обычно свойственные обреченным на гибель общественным классам. Вряд ли можно найти в византийской историографии другое столь же мрачное произведение, как «Тайная история». Для Прокопия эпоха, в которую он живет,— «печальные времена» [50], когда «и в частной жизни, и в общественной было одно горе и уныние» [51].

По своим философско-этическим взглядам Прокопий во многом является эклектиком. Большое влияние на формирование его философских взглядов оказала скептическая школа философии. Отсюда им были почерпнуты идея непознаваемости мира, крайне пессимистическое мнение о сущности человеческих страстей и характеров, глубокое убеждение в испорченности человеческой природы [52]. Одна из основных философских идей, проходящая красной нитью через все произведения Прокопия,— представление об изменчивости и непрочности всего земного, в том числе — счастья. «К благополучию всегда приковано злополучие, к удовольствиям — горесть, не дозволяющая никогда насладиться полным благоденствием. Оттого и смеемся мы не без слез» [53],— пишет Прокопий.

В его мировоззрении мы видим сочетание некоторых черт античного миросозерцания с элементами христианской идеологии. Так, античное понимание судьбы соединяется у Прокопия с христианской верой в божественный промысел, причем иногда все изменения в делах человеческих он приписывает велению божества.

Отношение историка к христианству противоречиво. Он чужд христианской ортодоксальности. И хотя Прокопий, естественно, не мог выступать открыто против христианства, особенно в своих официальных трудах, он, тем не менее, не скрывает своего сочувствия к аристократам-язычникам, гонимым правительством Юстиниана за религиозные убеждения [54].

Политик в Прокопии всегда берет верх над христианином. Так, ставя превыше всего интересы старой сенаторской аристократии, он выступает в защиту светского землевладения в его борьбе с церковным [55].

В вопросах веры Прокопий чаще всего обнаруживает индифферентизм. Он подчеркнуто не вмешивается в религиозную борьбу своего времени. Более того, он осуждает Юстиниана за увлечение (в конце жизни) богословскими спорами в ущерб государственным делам [56] и даже за преследования еретиков. Равнодушие к церковно-догматическим проблемам было вообще свойственно сенаторской аристократии, близко к которой стоял Прокопий. Ведь именно здесь еще давала себя знать сила традиций античного миропонимания, здесь дольше всего жило язычество, так жестоко преследовавшееся Юстинианом.

Нельзя утверждать, однако, что сам Прокопий был не христианином, а чуть ли не тайным язычником. Напротив, он верит в единого бога, в промысел божий, только эта вера окрашена в тона умеренной, «официальной» религиозности. Характерной чертой взглядов Прокопия, впрочем, как и почти всех других византийских авторов VI в., является также вера в сверхъестественные силы, в предзнаменования, сны, гадания. Вместе с тем Прокопий очень далек от религиозного фанатизма; ему глубоко чужды идеи аскетизма и подвижничества.

По своему миросозерцанию, а равно и по своим внутренним симпатиям и влечениям, он все еще погружен в прекрасный мир античной цивилизации.

Как историк, Прокопий во многом является продолжателем традиций античной историографии. Подобно древним авторам, Прокопий провозглашает основной задачей своих исторических сочинений выяснение истины [57]. Увы, мы знаем, насколько можно верить его полной объективности!

Прокопий — знаток и горячий поклонник античной культуры. Он широко вплетает в художественную ткань своего повествования мифы, легенды, предания, анекдоты, почерпнутые из сокровищницы греко-римской цивилизации. В композиции и стиле своих исторических произведений Прокопий нередко подражает Геродоту, Фукидиду, Полибию. Особенно ярко это проявляется в его пристрастии включать в повествование речи главных героев происходящих событий. Вместе с тем Прокопий отнюдь не копиист своих великих предшественников, многое в его трудах почерпнуто из самой жизни.

По точности и богатству материала очень ценны экскурсы Прокопия, касающиеся быта и нравов соседних с Византией племен и народов, не лишенные, однако, тенденциозности; важны точные географические, топографические и топонимические сведения, нередко подтверждаемые ныне археологией, интересны известия о военной технике, об армии, гражданском устройстве как самих византийцев, так и других народов.

Сосуществование в мировоззрении Прокопия, с одной стороны, античных, языческих по своему существу, а с другой, христианских элементов еще раз показывает, сколь характерной для этой переходной эпохи была борьба старого с новым во всех сферах идеологии и культуры.

Ценные данные по истории международных отношений в период правления Юстиниана оставили потомству выдающиеся дипломаты

того времени. Первое место среди них принадлежит одному из ближайших советников императора, не раз выполнявшему его особой важности поручения,— *Петру Патрикию*, магистру. Петр Патрикий родился в Фессалонике (Македония). Свою карьеру он начал в Константинополе, где благодаря необычайному красноречию и обширной эрудиции стал известным адвокатом. Вскоре он был замечен при дворе и всецело занялся дипломатической деятельностью. В 30-х годах VI в. Петр был отправлен послом в Италию, в королевство остготов. Во время этого посольства он подвергся многим опасностям и даже был брошен в темницу, когда отношения между остготами и Византией стали враждебными. За проявленное в неволе мужество Петр был по возвращении в Константинополь награжден званием магистра оффиций, а в 550 г. за успешную службу возведен в сан патрикия. В 50—60-х годах дипломатическая деятельность Петра переносится почти всецело на Восток, где Византия вела в то время тяжелые войны с Ираном.

В 563 г. Петр Патрикий потерпел неудачу в переговорах с Ираном; удрученный провалом своей миссии, он вернулся в Византию, где вскоре и умер.

Образ Петра Патрикия — дипломата, историка, человека воссоздается по фрагментам его трудов, и, главным образом, по воспоминаниям современников, в первую очередь Прокопия, Менандра и Иоанна Лида. В сочинениях этих писателей Петр Патрикий предстает перед нами как человек широкого кругозора и разносторонних дарований. Не оставляя никогда дипломатической и государственной деятельности, он постоянно занимался различными науками. Современники единодушно восхваляют таланты Петра Патрикия: его страстное красноречие и необычайный дар убеждения, проницательность, столь необходимую государственному человеку, огромную работоспособность, многостороннюю ученость, кротость его характера [58].

Признавая, что Петр был человеком мягкой души и никогда никого не оскорблял, Прокопий, однако, указывает, что «он больше всех людей любил грабить и был скуп до бесстыдства» [59].

Петр Патрикий — знатный и богатый вельможа — вращался в придворных и дипломатических кругах и, подобно Прокопию, был хорошо осведомлен о важнейших политических событиях своего времени. К сожалению, дошедшее до нас литературное наследство Петра Патрикия сохранилось лишь в отрывках. Перу этого выдающегося дипломата принадлежало обширное сочинение «Истории» (Ἱστορίαι), охватывавшее события римской истории от второго триумвирата до правления императора Юлиана. В последней части оно примыкало к историческому произведению Евнапия. От этого труда Петра Патрикия дошли только выписки, включенные в сочинение Константина Багрянородного «О посольствах». Кроме того, Петр Патрикий написал трактат о церемониале византийского двора — «О гражданском устройстве» (Περὶ πολιτικῆς καταστάσεως). Отдельные отрывки из этого трактата вошли в сочинение Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» [60].

О мировоззрении и политических взглядах Петра Патрикия можно судить лишь по сохранившимся фрагментам его трудов и рас-

сказам современников. Петр был вполне лоялен по отношению к правительству Юстиниана. Он отличался набожностью и неукоснительно выполнял церковные обряды. Сохранились известия, свидетельствующие о его начитанности в богословской литературе и безусловной ортодоксальности. В уцелевших отрывках исторического сочинения Петра Патрикия встречаются пацифистские идеи; он сторонник мира и противник войны, особенно междоусобной [61]. Петр приверженец идеи единства Римской империи и выступает против ее раздела [62].

Историк Менандр, который, очевидно, располагал всем трудом Петра Патрикия и его дипломатической перепиской, упрекает Петра за простонародность речи. Видимо, частое общение с варварами способствовало тому, что сочинение Петра оказалось насыщенным варваризмами, и его речь действительно была близка к народной, хотя и «исполнена силой страсти и красноречия».

Петр Патрикий принадлежал к придворным писателям эпохи Юстиниана и в лояльных тонах описал придворную жизнь своего времени. В отличие от других историков VI в., он увлекался не современной историей, а историей римского государства, изучение которой также находилось в русле духовных интересов правящих кругов Византии, мечтавших о восстановлении былой славы Римской империи.

Другой выдающийся дипломат Юстиниана — сириец *Ноннос* написал ценное сочинение о своих посольствах и дальних путешествиях на Восток — в Аравию и Эфиопию [63]. Это произведение также сохранилось лишь в отрывках. Некоторые, хотя и весьма скудные, сведения о жизни и деятельности писателя мы можем почерпнуть, кроме того, из выписок патриарха Фотия об историческом сочинении Нонноса. Ноннос был потомственным дипломатом. Он возглавлял византийские посольства к эфиопам, химьяритам и к арабам Йемена. Утраченный труд Нонноса был особенно ценен этнографическими и географическими сведениями о различных странах Африки, о нравах и обычаях арабских племен, в частности об их религиозных праздниках, о встрече на одном из островов с неграми-пигмеями [64] и другими красочными описаниями.

Судя по выпискам из его труда, Ноннос, как и Петр Патрикий, был вполне лоялен по отношению к правительству Юстиниана, обладал хорошим знанием языка, нравов и обычаев народов Востока и заслужил доверие императора. Он был достаточно образован, наблюдателен и сумел записать все увиденное и узнанное им в его далеких путешествиях.

Выдающимся историком VI в. был почитатель и продолжатель Прокопия — *Агафий Миринейский* (536/37—582) (Мирины — город в Малой Азии). Свое юридическое образование он начал в Константинополе, куда переехала семья его отца, ритора Мемнония, а продолжал в Александрии. В 554 г. он вернулся в столицу и вскоре стал адвокатом. К этому времени семья Агафия разорилась и ему пришлось самому зарабатывать на жизнь, составляя различные прошения и жалобы своим клиентам. Занятия адвоката сковывали порывы творческой натуры Агафия. Еще в юности он страстно увлекался по-

этическим творчеством и создал немало талантливых поэтических произведений в духе анакреонтической поэзии. В зрелом возрасте Агафий приступает к написанию своего исторического труда — «О царствовании Юстиниана».

Это произведение охватывает лишь 7 лет правления Юстиниана,— с 552 по 558 г. Оно является непосредственным продолжением «Истории войн» Прокопия, которого Агафий считает своим недосягаемым образцом и наставником. Ранняя смерть прервала работу Агафия над этим сочинением, и его труд остался незаконченным [65].

Агафий был человеком двух призваний — поэтом и историком. В своем историческом труде он стремился, по собственным словам, соединить харит с музами. История и поэзия, считает Агафий,— родные сестры, они очень близки друг другу и различаются только ритмом слов. История всегда должна быть наполнена красноречием и поэзией, чтобы и поучать, и услаждать. Вместе с тем историк — не только рассказчик, но и истолкователь событий. Основная цель истории — и с т и н а, и описывать происшедшее нужно прежде всего правдиво.

Агафий обрушивается с едкими нападками на тех современных ему историков, которые позорят себя низкой лестью перед живущими правителями и порицанием уже умерших. Эти историки забывают, что их чрезмерные похвалы неприятны даже самим правителям, ибо «явная лесть не будет достаточной опорой их славы» [66].

Сознавая высокий долг историка писать правду и только правду, Агафий относился к созданию исторического труда с исключительной серьезностью, понимал трудность своей задачи и пытался построить фундамент для объективного освещения фактов тщательным подбором источников. В этом отношении он, быть может, был даже более добросовестным ученым, чем Прокопий. В отличие от Прокопия, собиравшего в своих трудах (особенно, конечно, в «Тайной истории») всякие легенды и даже просто сплетни, Агафий очень внимателен к отбору и критической проверке исторических материалов. В своем произведении он использовал много документов, протоколы судебных процессов, рассказы офицеров, послов, купцов, переводчиков; отсюда — жизненность и достоверность его повествования. Ему, например, удалось использовать в своем сочинении ценные персидские хроники [67].

Вместе с тем Агафий значительно менее, чем Прокопий, осведомлен обо всех происходящих событиях. Его положение мелкого адвоката не идет ни в какое сравнение с положением влиятельного чиновника Прокопия, вращающегося в правительственных сферах. Кругозор Агафия несравненно у́же, лично он мало что видел и знал, и поэтому-то ему было так необходимо прибегать к помощи друзей при сборе материалов для своего исторического труда.

Сравнивая исторические произведения Агафия и Прокопия, мы должны отдать предпочтение осведомленности и широте знаний Прокопия, но признать вместе с тем бо́льшую объективность и серьезность Агафия в подходе к теме. Нельзя согласиться с мнением, будто Агафий — певец любовных песен — был неспособен давать верные оценки историческим фактам, поскольку поэтическое вос-

приятие мира якобы притупляло в нем свободу и остроту исторического взгляда, а фантазия и рефлексия затемняли достоверность рассказа[68]. Напротив, мало у кого из византийских историков раннего периода можно найти столь продуманные, трезвые и прямо выраженные оценки современных событий, как у Агафия. Историк должен, по его словам, «...полезные деяния восхвалять, а бесполезные порицать, так как, если исторические труды... будут состоять из простого пересказа событий, то они будут не многим лучше тех басен, которые рассказываются в гинекеях во время прядения шерсти»[69].

В произведении Агафия встречается много и личных оценок событий, и нравственных и философско-этических рассуждений, и экскурсов естественнонаучного характера, где автор также выражает собственное мнение. Все это говорит о значительной самостоятельности мышления Агафия.

Историческое сочинение Агафия было написано уже после смерти Юстиниана, и историк мог смело и нелицеприятно выражать свое суждение о правлении покойного императора, тем более что при дворе Юстина II критика его предшественника всемерно поощрялась. Тем не менее Агафий старается по мере возможности быть объективным в оценке царствования Юстиниана. Историк воздает должное Юстиниану за его активную внешнюю политику. Агафию весьма импонирует идея восстановления былого величия Римской империи, частично осуществленная Юстинианом. В этой оценке его завоевательной политики у Агафия звучат, с одной стороны, патриотические нотки, свойственные византийской интеллигенции, приверженной к античным традициям; с другой,— в ней можно почувствовать и косвенное порицание Юстину II за его тяжелые внешнеполитические неудачи.

Агафий делит правление Юстиниана на два периода. Первый — счастливое время победоносных войн на Западе, связанных с освобождением Сицилии, древнего Рима и всей Италии от тяжкого ига варваров. Вина Юстиниана состояла не в том, что он вел эти широкие и вполне справедливые завоевания, а в том, что не смог их осуществить до конца и полностью восстановить былое могущество Римской империи. Отсюда и отрицательная оценка второго периода правления Юстиниана, относящегося, по мнению автора, к концу 50-х — 60-м годам VI в. Это — время общего упадка империи, вызванного, по Агафию, тем, что император уже состарился, фактически отошел от руководства государственными делами, перестал контролировать администрацию[70]. Агафий резко порицает императора за неудачную внутреннюю политику, за грабежи чиновников и в самой Византии, и в завоеванных странах. Однако критика внутренней политики Юстиниана у Агафия отнюдь не столь желчная и острая, как у Прокопия. В ней нет той слепой злобы, той личной ненависти к Юстиниану, которыми проникнута «Тайная история». Бóльшая умеренность критики Агафия, по-видимому, объясняется и другим обстоятельством: Агафий отражал идеологию тех кругов византийской интеллигенции, интересы которых в меньшей степени были ущемлены при Юстиниане, чем интересы сенаторского сословия,

рупором которого выступал Прокопий. Интересам византийской интеллигенции, конечно, не отвечали такие мероприятия Юстиниана, как закрытие некоторых центров образованности, например Афинской школы философов [71], но вместе с тем она не пострадала, подобно сенаторам, от репрессий и земельных конфискаций. И в то же время ее «римский патриотизм» находил удовлетворение в политической программе восстановления империи, а некоторые реформы Юстиниана, в частности установление прочного жалованья профессорам и риторам, должны были даже весьма импонировать ей.

Агафий спокойнее, сдержанее в освещении царствования Юстиниана, чем Прокопий, захваченный потоком придворной борьбы. В противоположность последнему, Агафий критикует скорее дурных правителей вообще, чем правительство Юстиниана и его клики.

В сочинении Агафия встречаются более радикальные политические высказывания, более передовые идеи, чем у Прокопия. В политической жизни Агафий превыше всего ставит свободу, правда,— для избранных, особо одаренных, творческих личностей. Государство, с его точки зрения, должно управляться достойными людьми, мудрецами [72] — идеал политического правления, во многом близкий к платоновскому.

По своим философским взглядам Агафий скорее всего был эклектиком. Как и Прокопий, он испытал на себе влияние и учения Платона и идей философов-скептиков. Кроме того, Агафий хорошо знал и ценил Аристотеля и многих других греческих философов. В миропонимании Агафия, как и Прокопия, имеются некоторые черты агностицизма, который, однако, выражен у него менее ярко, чем у Прокопия. По мнению Агафия, человек обязан изучать явления природы, хотя познать до конца их и невозможно, ибо все создано божественным разумом и высшей волей [73]. Агафий явно тяготеет к пантеизму. Если Прокопий — фаталист, верящий в безусловную и грозную силу рока, то Агафий более оптимистичен. Верховное божество, по Агафию, обладает совершенным знанием и высшей волей; его деятельность, правда, непостижима для смертного, но она — разумна и целесообразна, причем охватывает все сферы человеческой жизни и всю природу. В большинстве случаев этот «божий промысел» справедлив к человеку. Так, кара верховного правосудия постигает людей за совершенное ими зло, хотя, как принужден признать Агафий, божественное возмездие далеко не всегда обрушивается на истинных грешников и многие из них ускользают от заслуженного наказания.

В отличие от Прокопия, Агафий более склонен к философскому рационализму. Он признает силу человеческого разума, которую высоко ценит, и выдвигает тезис о свободе человеческой воли, которая может и должна сыграть свою роль в истории человечества.

В вопросах этики, морали, нравственности Агафий также значительно оптимистичнее своего прославленного предшественника. В отличие от него, Агафий видит в человеческой природе не только одни дурные черты, но и хорошие ее проявления — доброту, милосердие, честность, мужество, благородство.

Как поэтическое творчество Агафия, так и его исторический труд проникнуты светлым, жизнеутверждающим античным миросозерцанием. Более оптимистическое, чем у Прокопия, восприятие жизни, преклонение перед ее земными радостями, воспевание земной красоты, природы, поэзии, любви к женщинам, вину и веселью — вот жизненное кредо Агафия-поэта, которое в известной степени отразилось и в его историческом произведении. Античная философия и античное миросозерцание помогают ему преодолеть свойственный человеку страх смерти, но не через христианское учение о бессмертии души, а через наслаждение земной жизнью. Отсюда его холодное отношение к аскетическим идеалам христианской религии и презрение ко всякого рода суевериям.

Исторический труд Агафия, так же как и сочинения Прокопия и других византийских авторов VI в., полон античных реминисценций. Агафий, пожалуй, даже более, чем Прокопий, начитан в классической литературе.

Приверженность к античной культуре наложила свой отпечаток и на религиозные взгляды Агафия. Формально Агафий, конечно, был христианином, но в душе, вероятно, сохранял влечение к языческой религии. Ни в стихотворениях Агафия, ни в его историческом труде мы не видим проявлений искренней веры, а только внешнее, официальное признание христианства. Подобно Прокопию, Агафий не скрывает своего индифферентизма в вопросах веры, своего скептического отношения к бесплодным религиозным спорам. В этом отношении он близок не только к Прокопию, но и к Иоанну Лиду, Менандру, Павлу Силенциарию и другим историкам VI в.

Если в своих интимных, поэтических произведениях Агафий почти открыто проявляет симпатии к язычеству, то в историческом труде, носящем официальный характер, он более осторожен и скрывает свои истинные мысли под покровом показного благочестия. Поэтому в вопросах религии у Агафия чувствуется известная раздвоенность. С одной стороны, он подчеркивает, что «самое нечестивое дело отказаться от истинной религии и священных тайн»[74]. Он признает христианство сильным оружием в руках правительства для расширения влияния Византийской империи на соседние варварские народы. Вместе с тем Агафий — горячий сторонник политики полной веротерпимости. Христианство должно распространяться отнюдь не силой, а только лишь убеждением[75]. Агафий решительно выступает также против всяческих гонений на еретиков и язычников.

Религиозные взгляды Агафия отразили настроения той части византийской интеллигенции, которая если и растеряла уже свои языческие верования, то не приняла до конца и христианства, во многом оставаясь равнодушной к новой религии, тем более, что в VI в. христианство усиленно насаждалось сверху.

По своим социально-политическим взглядам Агафий несколько более демократичен, чем Прокопий. У Прокопия никогда не встречается осуждение высшей знати как социальной группировки, можно найти лишь критику отдельных приверженцев правительства Юстиниана. У Агафия, наоборот, звучит открытое порицание разбогатев-

шей знати в целом — динатов. Вместе с тем Агафий почти так же, как и Прокопий, высокомерен по отношению к народным массам. Но это презрение не аристократа по рождению, а «аристократа духа», человека образованного к простой, невежественной и легковерной «черни», удел которой — суеверие и темнота. Агафий резко выступает против народных восстаний и волнений, связанных с борьбой цирковых партий. Он полагает, что цирковые ристания и увлечение борьбой «цветов» развращают юношество. Агафий предлагает изменить воспитание молодежи: юношам необходимо идти на военную службу, воспитывать в себе доблесть и мужество, а не растрачивать попусту силы в конских ристаниях, в борьбе димов и партий цирка [76].

Народу, толпе Агафий всегда противопоставляет избранных людей, превосходящих остальных не знатностью и богатством, что так ценит Прокопий, а выдающихся своими личными талантами, мудростью, справедливостью, доблестью. В этом сказывается индивидуализм Агафия, противопоставление народа и интеллигенции, столь свойственное античному миру.

Агафий, однако, значительно в меньшей степени, чем Прокопий, склонен к консерватизму. Он считает, что в политических делах иногда необходимы новшества, но при этом проведение реформ является прерогативой лишь мудрых правителей, действующих на благо государства.

Агафию чуждо и представление о римской исключительности. В отличие от Прокопия, он относится к варварам с гораздо большей доброжелательностью и терпимостью.

Агафий даже явно идеализирует образ жизни некоторых варварских народов, например франков. Экскурс, посвященный их общественному строю, написан во многом в том же духе, что и знаменитая «Германия» Тацита. Агафий восхваляет социально-политический строй франков [77], чтобы похвала варварам звучала как порицание пороков современного автору византийского общества. Он хочет показать, чего недостает в общественной жизни Византии и чему византийцы могут поучиться у варваров. Агафий призывает византийское правительство поддерживать дружеские, добрососедские отношения с другими народами и осуждает ошибки правителей в их политике по отношению к соседям империи.

В целом по своему мировоззрению Агафий был более умеренным консерватором, чем Прокопий; приверженец античности, он допускал и перемены, был сдержаннее в критике существующего строя, отражая в этом отношении политические симпатии и антипатии византийской интеллигенции.

К историческому сочинению Агафия непосредственно примыкает «История» его младшего современника и продолжателя — *Менандра Протиктора*, сохранившаяся лишь в эксцерптах Константина Багрянородного [78].

Менандр родился в Константинополе, в семье среднего достатка. В юности он штудировал юриспруденцию, прошел весь курс обучения и стал адвокатом. Однако, подобно Агафию, Менандр тяготился своей профессией и забросил юридическую практику [79]. Нуждаясь в деньгах и рассчитывая на милости пришедшего к власти в 582 г.

императора Маврикия, Менандр приступил к сочинению исторического труда. Вероятно, какое-то время он служил при дворе, о чем говорит его прозвище «протиктор» (офицерский чин в императорской гвардии). Год смерти Менандра, как и дата его рождения неизвестны [80].

Менандр поставил своей задачей продолжить труд Агафия, служивший ему образцом. Сохранившиеся фрагменты «Истории» Менандра охватывают период времени с 558 по 582 г. Подобно Агафию и Прокопию, которого он ценил особенно высоко, Менандр серьезно собирал и изучал исторические материалы. Придворная должность протиктора отчасти, видимо, открывала ему доступ к официальным дипломатическим и военным документам. В своем повествовании он часто приводит тексты подлинных дипломатических актов VI в. Во многих частях труд Менандра вполне самостоятелен и поэтому его можно отнести к числу ценных византийских источников раннего времени [81].

Тем не менее, в дошедшем до нас виде труд Менандра крайне односторонен. В эксцерптах компиляторов X в. Менандр предстает человеком весьма лояльным, последовательно восхваляющим всех правителей империи, о которых сообщается в «Истории». Все это резко контрастирует с разноречивым, но чаще всего критическим отношением других писателей к правлению императоров и доказывает большую политическую осторожность Менандра, умевшего приспосабливаться к любому режиму.

Вместе с тем в труде Менандра имеются и некоторые оппозиционные тенденции. Менандр резко выступает против тирании [82]. В его сочинении встречаются прогрессивные идеи, отражающие социальные взгляды автора. Особенно это сказывается в отношении Менандра к труду и богатству, к миру и войне. Менандр всячески восхваляет труд [83], противопоставляет счастье в труде — праздности в богатстве [84].

Менандр — горячий сторонник мира и противник войны. Он часто повторяет, что мир — великое благо для людей, а война — непоправимое зло [85]. Народ и сановники в равной степени радуются миру [86]. Особенно ненавистны Менандру междоусобные войны [87]. Описание ужасов войны, прославление мира, мирного труда, предусмотрительности, осторожности — лейтмотив многих сентенций и исторического повествования Менандра.

Философские взгляды Менандра, подобно представлениям Агафия, основываются на воззрениях античных философов разных направлений. Так же, как у Прокопия и Агафия, в произведении Менандра с большой четкостью выступает идея судьбы, идея изменчивости человеческого счастья [88]. Веря в судьбу, Менандр одновременно высоко ставит человеческий разум и считает мудрость высшим благом. Силу разума Менандр ставит выше силы оружия [89]. Он верит также и в могущество с л о в а и придает огромное значение о б щ е с т в е н н о м у м н е н и ю. «Все хорошее и дурное взвешивается мнением человеческим» [90],— утверждает автор.

По своим нравственно-этическим воззрениям Менандр близок к Агафию и значительно оптимистичнее Прокопия. Он склонен к

нравоучительным сентенциям, проповедует истинную дружбу, справедливость, добро [91], вставляет в свой рассказ нравоучительные рассуждения, предостерегая людей от дурных покровителей или низких поступков [92] и осуждая различные пороки. Вместе с тем Менандр признает право человека за зло платить злом: «Не нарушает справедливости тот, кто на козни отвечает кознями» [93]. Идеи непротивления злу, христианского смирения и покорности чужды Менандру.

Каково было его отношение к христианской религии?

Как Прокопий и Агафий, Менандр официально — христианин, но, подобно им, он не отличался особым благочестием. Менандр считает промысел божий движущей силой исторического процесса [94]. Вслед за Агафием он наделяет божество разумом и волей, признает его деяния разумными, направленными на благо человечества. Менандр — сторонник веротерпимости. Впрочем, он допускает возможность войны для освобождения единоверных христиан из-под ига язычников, если она выгодна Византии.

Менандр осуждает суеверия. В то же время он верит в христианские легенды о чудесах и мучениках, с большим пиететом относится к отправлению христианских праздников. Таким образом, Менандр являлся христианином, но был свободен от какого-либо фанатизма.

Социальные взгляды Менандра не представляют чего-либо отличного от взглядов Агафия. С точки зрения историка, «простой народ — существо мятежное, и дерзость — в его природе» [95]. К рабам он относится с полным пренебрежением [96].

В отношении Менандра к варварам нет высокомерия родовитого римлянина, которое отличает труд Прокопия, но нет и идеализации их общественного строя, характерной для описания франков у Агафия. Менандр скорее враждебен, чем благожелателен к варварам, но враждебность эта не связана с признанием римской исключительности. В описании варварских народов он старается быть объективным. Так, он подчеркивает заносчивость и жестокость авар, но и не меньшую гордость и независимость склавинов [97]. Необычайно красочны и правдивы сведения Менандра о жизни и культуре тюрок, живших в VI в. близ Алтая,— к ним совершил путешествие византийский посол Зимарх [98].

Итак, Менандр был идеологом той части византийской бюрократии, которая признавала правление преемников Юстиниана, была связана с дипломатическими делами и пользовалась покровительством правящей клики при Маврикии. По своему общественному положению Менандр стоял значительно ниже Прокопия и был менее образован, чем Агафий; тем не менее, он добросовестно собрал ценный материал о современных ему событиях и тем самым занял заметное место среди других византийских историков VI в.

В последние годы VI в. *Феофан,* по прозвищу Византиец, написал обширный исторический труд в 10 книгах, охватывающий период времени с 566 по 581 г. и сохранившийся лишь в выписках патриарха Фотия [99]. Из слов Фотия явствует, что, помимо описания правления императоров Юстина II и Тиверия (565—582), Феофан Византиец кратко касался в своем труде и событий царствования Юстиниана. К первоначально написанным 10 книгам своего труда Феофан Ви-

зантиец позднее добавил еще продолжение, в котором, по всей вероятности, описал первые годы правления императора Маврикия. Уцелевшие фрагменты сочинения Феофана Византийца посвящены главным образом внешне-политической истории второй половины VI в. В центре внимания автора — взаимоотношения Византии, Ирана, тюрок и аваров. Большой интерес для истории Византии имеет сообщение Феофана Византийца о распространении в империи разведения шелковичных червей и изготовления шелка [100]. Сведения Феофана Византийца заслуживают доверия и дополняют наши знания в области внешнеполитической истории Византии VI в., особенно — ее взаимоотношений со странами Востока.

Большой потерей для византийской историографии VI в. является утрата исторического сочинения *Иоанна Епифанийского* (происходил из Епифании Сирийской). Судя по сохранившимся фрагментам, а также по упоминаниям современников [101], этот труд — «История» — был написан с хорошим знанием фактического материала: он был основан на личном знакомстве автора с описываемыми событиями.

В качестве советника антиохийского патриарха Григория Иоанн участвовал в переговорах с персидским шахом Хосровом II, позднее посетил Иран. В центре его исторического повествования находились события ирано-византийских войн 571—572 и 592—593 гг. Одним из источников Иоанна Епифанийского, возможно, был труд Менандра [102]. В свою очередь «История» Иоанна Епифанийского сама послужила источником для Евагрия, Феофилакта Симокатты и Анны Комнины [103]. Утраченный труд Иоанна Епифанийского, как кажется, был первоклассным историческим источником. Даже сохранившиеся его фрагменты проливают новый свет на взаимоотношения Византии и Ирана в 70—90-х годах VI в.

Продолжателем Менандра был историк VII в. *Феофилакт Симокатта,* описавший в своей «Истории» события 582—602 гг. [104]. Феофилакт Симокатта являлся современником и политическим сторонником императора Ираклия (610—641). Уроженец Египта, Феофилакт происходил из знатной семьи и получил разностороннее образование, включая и солидные знания в области естественных наук. В литературном наследстве Феофилакта мы встречаем, кроме исторического сочинения и писем риторического характера, естественнонаучный труд — «Вопросы природы («Quaestiones physicae»). Свое историческое произведение Феофилакт Симокатта написал, по-видимому, между 628 и 638 гг. Оно осталось незаконченным: труд историка обрывается на изложении трагических событий 602 г., связанных с казнью императора Маврикия и его семьи и воцарением Фоки (602—610).

В византийской историографии раннего периода Феофилакт Симокатта занимал видное место и высоко ценился в последующее время. Подобно своим прославленным предшественникам, Прокопию и особенно Агафию, Феофилакт Симокатта чрезвычайно высоко ставит занятия историей. По его мнению, философия — царица науки, а история — ее дочь и ученица [105].

Феофилакт Симокатта стремится использовать в своем историческом труде не только сочинения других, более ранних византийских

авторов (Менандра, Иоанна Лида, Евагрия и, возможно, Иоанна Епифанийского), но и документальные материалы — консульские анналы, протоколы дел цирка и другие ценные источники. Подобно своим предшественникам, много сведений черпает Симокатта и из устных рассказов современников, особенно из рассказов об Иране и других странах. В отношении личных наблюдений и личного опыта Симокатта значительно уступает Прокопию и скорее всего, как и Агафий, принадлежит к типу историка — кабинетного ученого, а не политического деятеля.

Повествование Симокатты гораздо в большей степени, чем рассказ Прокопия, Агафия и Менандра, перегружено малосущественными деталями, что порою затемняет его общую линию. Политические идеи Феофилакта Симокатты проникнуты монархизмом, верой в справедливого и мудрого монарха. Ни в одном из сочинений византийских историков раннего времени нет столь четко и ярко нарисованного абстрактного образа идеального монарха. Свои идеи автор облекает в форму советов императора Тиверия сыну Маврикию, которые включают целую программу поведения мудрого государя-философа на троне. «Держи в узде разума произвол своей власти», — такова первая заповедь дальновидного монарха. Второй заповедью мудрого правителя является соблюдение скромности и справедливости. «Бойся думать, что ты превосходишь всех умом, если судьбой и счастьем ты поставлен выше всех» [106]. Феофилакт призывает василевса осознать тщету всего земного, суетность и преходящий характер счастья и власти на земле [107].

Особое внимание в этом политическом завещании Тиверия, изложенном Феофилактом, привлекает важная политическая идея — фактической ограниченности императорской власти, которая по существу является лишь «блестящим рабством» и которую, по мнению историка, ограничивают не какие-либо реальные политические силы, а божественная воля и божественное провидение. От идеального императора Феофилакт Симокатта требует христианского милосердия. В наставлении даются некоторые практические советы: император обязан заботиться о воинах, не приближать клеветников и пр. [108].

Феофилакт, как и его предшественники, всегда выступает против всякой тирании [109] и всякого насилия, необходимость которого, однако, он с горечью признает [110].

В труде Феофилакта явственно прослеживаются пацифистские идеи, столь характерные, например, для его предшественника Менандра [111]. Не чужды Феофилакту и «римский патриотизм», и горделивое отношение к варварам. Пожалуй, у Феофилакта оно выражено значительно ярче, чем у Агафия и Менандра, которому совершенно не свойственна идеализация общественного строя соседних народов. Представления Менандра о полном превосходстве ромеев над варварами перекликаются с идеями Прокопия и порою переходят в похвальбу подвигами византийцев [112], хотя и он признает трусость и преступления византийских войск.

В мировоззрении Феофилакта тесно переплетаются патриотизм и монархизм. Политические симпатии и антипатии Симокатты выражены в его труде с предельной ясностью. Симокатта — сторонник за-

конных правителей (Тиверия, Маврикия и особенно Ираклия) и непримиримый враг узурпатора, «тирана» и «кентавра» Фоки [113]. Государственный переворот, возглавленный Фокой, рисуется Феофилактом крайне тенденциозно. Отношение Симокатты к народным массам, пожалуй, даже более враждебное, чем у его предшественников (кроме Прокопия): он сам был очевидцем крупного народного восстания в столице и, видимо, был в какой-то степени лично ущемлен в результате этого восстания и воцарения Фоки. Ведь нельзя забывать, что он пользовался покровительством Маврикия. Народ для Симокатты — всегда чуждая и враждебная сила.

Идеализируя стойкость Маврикия, восхваляя положительные черты его характера, Феофилакт Симокатта прославляет мученическую гибель этого императора именно потому, что Маврикий был жертвой восстания народных масс. Напротив, историк столь же тенденциозно освещает и деятельность Фоки — по той причине, что он пришел к власти через народное восстание и пользовался, по крайней мере в начале своего правления, поддержкой народных масс. Враждебная тенденция в отношении Фоки усугублялась еще стремлением угодить новому императору Ираклию.

Философские взгляды Феофилакта Симокатты во многом близки к античным, хотя христианская идеология наложила на его мировоззрение более глубокий отпечаток, чем на мировоззрение Прокопия, Агафия и Менандра. У Феофилакта тесно переплетаются рационализм с явным агностицизмом и верой в божественный промысел. Рационализм Феофилакта прежде всего — в его восхищении разумом [114], который помог человеку создать ремесла и искусства, улучшил человеческую природу. «А разве нам это вполне не доказывает тот, кто является знатоком во всяких ремеслах, кто из шерсти умеет нам выткать тонкий хитон, кто из дерева сделает земледельцу рукоятку для плуга, весло для моряка, а для воина копье и щит, охраняющие в опасностях битвы?» [115].

Но воспев человеческий разум и умение человека изменять мир, Феофилакт Симокатта одновременно склоняет в бессилии голову перед тленностью, скоротечностью всего земного, признает существование неведомой и непостижимой для людей воли творца. По мнению Симокатты, судьбами народов, людей, исходом сражений правит некое божественное провидение, которое дарует или отнимает победу.

Наряду с идеей судьбы [116], большое место в философских взглядах Симокатты занимает представление о вечном кругообороте всех вещей во вселенной и непрестанном рождении нового [117], сочетающееся с идеей необходимости, которая окрашена у Феофилакта в пессимистические тона. «Необходимость, как самый жестокий тиран, управляет жизнью человеческой» [118],— провозглашает историк. Одновременно Феофилакт признает всесилие божественного промысла. Непобедимая божественная сила помогает людям совершать подвиги. Но вместе с тем божественный промысел сурово наказывает людей за совершенные ими злодеяния. «Возмещаются людям дела их» [119],— делает вывод историк

Рядом с верой в божественный промысел, возмездие, судьбу — как некие вечные философские категории — у Симокатты уживаются суе-

верия, представления о том, что дурные деяния внушаются людям некими злыми демонами[120]. Симокатта вполне серьезно верит в различные чудеса, в колдовство, в предзнаменования и пророчества.

В мировоззрении Феофилакта Симокатты причудливо переплетаются черты античного миросозерцания с христианской идеологией, причем последняя получает явное преобладание. Как хорошо образованный грек, Симокатта еще живет в мире античной культуры: он прекрасно знает римскую и греческую литературу, историю, поэзию. Особенно чтит он Гомера и часто его цитирует. Феофилакт преклоняется перед античной поэзией и считает, что творения античных поэтов возвышают души людей[121]. Он высоко ценит некоторые нравственные и этические идеалы, завещанные античностью. Так, для него, как и для других византийских историков того времени, идеалом мужества и доблести по-прежнему остается подвиг спартанца Леонида[122]. Чудесные мифы древней Греции Феофилакт умело вплетает в ткань своего исторического повествования. Вместе с тем Феофилакт Симокатта, впрочем, как и другие историки VI в., уже считает языческие мифы и религиозные представления поэтическим вымыслом. Но особенно сильное влияние оказала античность на стиль Симокатты: он крайне риторичен и зачастую подражателен — историк использует лексику Гомера, Еврипида, Софокла, Фукидида и Платона.

Вместе с тем и христианская идеология уже во многом наложила печать на его исторический труд. Ни Прокопий, ни тем более Агафий и Менандр совершенно не касаются религиозных вопросов и религиозных споров своего времени. Иную картину мы находим у Симокатты: впервые в историческом труде светского характера автор явно стремится продемонстрировать свою ортодоксальность, излагая символ веры в духе решений Никейского собора — прямой отзвук религиозных споров VI — начала VII в.[123].

Подчеркивая собственную ортодоксальность, Симокатта вместе с тем ставит одной из своих задач доказать превосходство христианства над другими религиями, особенно над религией персов. У Феофилакта нет и тени той добродушной веротерпимости к религиозным заблуждениям варваров, которая встречается у Агафия. Наоборот, Симокатта требует решительного отстаивания истинности христианской веры по сравнению с другими, «ложными» вероучениями[124].

Симокатта значительно более богобоязнен, чем его предшественники. Он всегда говорит о боге с благочестивой верой, верит в божественное откровение, почитает иконы и другие изображения Христа, уснащает свое повествование легендарными рассказами житийного характера. В отличие от Прокопия и Агафия, он склонен превозносить аскетические идеалы христианской религии.

Феофилакт Симокатта уже в значительно большей степени, чем Прокопий, Агафий и Менандр, является последователем христианства в его ортодоксальной, никейской форме и, хотя и он еще во многом живет в мире античной культуры, все же годы, отделяющие Симокатту от его предшественников, были, видимо, переломными в окончательной победе христианской идеологии и церковности над остатками язычества.

ЦЕРКОВНЫЕ ИСТОРИКИ

Переход от античной и ранневизантийской историографии, базировавшейся еще на античных, классических традициях, к средневековому летописанию знаменовал коренное изменение исторического вйдения мира. Если античная и ранневизантийская историография, носившая по преимуществу светский характер, сохраняла элементы научных представлений, созданные античностью, то в трудах церковных историков и хронистов IV—VII вв. начинает полностью господствовать провиденциалистское истолкование исторического процесса. Происходит замена разума — верой, рационалистического отношения к миру — преклонением перед церковным авторитетом. Христианство чрезвычайно универсализирует человеческое сознание, подчиняет всю философию истории единой религиозно-апологетической идеологии. На смену античной — многообразной, многоплановой, порою даже эклектичной историко-философской концепции приходит упрощенная, схематизированная, подчиненная единому канону библейская концепция всемирно-исторического процесса. Для нее характерен прежде всего отказ от каких-либо попыток установить причинную связь исторических событий. В трудах церковных историков и хронистов весь ход мировой истории объясняется божьим промыслом, все события оцениваются лишь с точки зрения божественной целесообразности.

Конечно, в историко-философской концепции античных и ранневизантийских историков идея судьбы также играла огромную роль, но мы находим там и попытки социально-политического анализа общественных явлений, морально-этической и политической оценки выступлений народов, деятельности правителей, сословий, партий. В церковной же историографии все факты воспринимаются исключительно сквозь призму христианско-богословского миросозерцания. «Благие» события в истории человечества рассматриваются как помощь и воздаяние господне за добрые дела и истинную веру, а бедствия — как наказание божье людям за их грехи.

Слепой провиденциализм и преклонение перед авторитетом священного писания приводят церковных историков и хронистов к отказу от какого-либо критического отбора, проверки и осмысления исторического материала. В их исторических сочинениях важные исторические события порою хаотически перемешиваются с второстепенными, подлинные — с вымышленными, включая чудеса и легенды. Неудивительно, что труды церковных авторов зачастую изобиловали самыми абсурдными анахронизмами и ошибками. Вообще в них заметно значительное снижение уровня научных знаний, угасание интереса к естественнонаучным вопросам, забвение достижений античности в области астрономии, географии, пренебрежение к проверке и отбору этнографического, топонимического и топографического материала, касающегося жизни и быта различных племен и народов, окружавших Византийскую империю. И чем больше византийские хронисты отходили от античных образцов, тем сильнее ощущался этот упадок. Вместе с тем подбор на первый взгляд слу-

чайных фактов в их сочинениях обычно подчинен строго опреде-

ленной цели: все факты должны служить апологии христианской религии и церкви, осмысляться в духе христианско-богословского восприятия мира.

При этом между трудами церковных историков, с одной стороны, и хронистов — с другой, несмотря на их сходство в главном — в библейско-христианской трактовке всемирной истории, существовали и глубокие различия.

Церковные историки ставили своей основной задачей защиту и прославление христианства в его борьбе с язычеством и различными еретическими учениями. Отсюда — ярко выраженный богословско-полемический характер их произведений, проникнутых духом религиозной нетерпимости. Византийские церковные историки (Евсевий, Руфин, Сократ, Созомен, Феодорит Киррский, Евагрий и др.) жили в период становления и укрепления христианской церкви, когда духовенству было особенно необходимо при помощи богословски образованных ученых создать ее ортодоксальную историю, оправдать деятельность крупнейших «христианских императоров» и церковных иерархов, показать правоту церковных соборов в их борьбе со всеми инакомыслящими. Иные задачи стояли перед византийскими хронистами, создателями первых монашеских хроник. Все они были люди значительно менее образованные, чем их ученые собратья по перу, богословы и историки церкви, и обычно не углублялись в трудные богословские споры. Их задачей было привлечение на сторону христианства народных масс путем создания занимательной, доступной для понимания простого человека, окрашенной в библейские тона истории человечества. Первые византийские хронисты — Иоанн Малала, анонимный автор Пасхальной хроники, Иоанн Эфесский, Иоанн Антиохийский и другие авторы — давали погодные записи исторических событий («от сотворения мира»), уснащая их захватывающими рассказами о различных чудесах и стихийных бедствиях, о мученичестве и подвигах христианских святых. Эти рассказы должны были поразить воображение читателей из народа.

В описании истории различных стран и народов хронисты были компиляторами, перекраивавшими на библейский лад произведения античных писателей. Переписывание других авторов без указания источника считалось подвигом смирения и благочестия. Лишь для современной им эпохи сочинения хронистов содержат ценные материалы, поскольку при составлении хроник использовались сообщения очевидцев, документы и личные наблюдения. Но своей современности хронисты уделяли намного меньше внимания, чем светские историки IV—VII вв. Для всех византийских хроник того времени характерна отрывочность изложения, беспорядочная смена в нем главных и второстепенных событий и лиц.

Вместе с тем византийские хроники были написаны ярким, сочным народным языком, содержали интересные рассказы на морально-этические темы, нравоучительные притчи и сентенции, живые сценки народной жизни, образные картины народных бедствий и восстаний — все это делало их занимательным и чрезвычайно популярным чтением самых широких масс как в Византии, так и в соседних с ней странах. В отличие от сочинений историков, которые писались

для узкого круга знати и интеллигенции и носили аристократический характер, труды хронистов значительно более демократичны, авторы их стояли ближе к народу, лучше знали его повседневную жизнь с ее постоянными заботами, больше вникали в психологию простого человека, для которого составляли свои хроники. Грамотные монахи читали или рассказывали их содержание простым людям и тем самым оказывали на них огромное идейное воздействие. Это был один из путей, через которые идеология христианства проникала в самые широкие слои народа.

«Отцом христианской историографии» обычно называют епископа Кесарийского *Евсевия Памфила* (264—340). Ярый приверженец ортодоксии, Евсевий пережил гонения при Деции и Диоклетиане и после победы христианства, как «стойкий борец за веру», стал одним из влиятельнейших церковных иерархов Востока: он сделался доверенным лицом императора Константина, при покровительстве которого достиг высокого сана епископа Кесарийского.

Евсевий, как и Секст Юлий Африкан (III в.), — один из основоположников библейско-христианской концепции всемирно-исторического процесса. Его перу принадлежит много различных сочинений богословского характера, в том числе и исторические труды. В своей «Хронике» Евсевий делает попытку на основе библейских сказаний изложить историю человечества — от сотворения мира до Никейского собора 325 г. Хронология и периодизация истории даются по Библии. Отныне в церковно-исторических трудах апологетов христианства не Геродот и Фукидид, а Библия становится основной канвой, по которой церковные авторы расшивают узоры исторического повествования. «Хроника» Евсевия дошла до нас в армянском переводе V в. и в латинской переработке с дополнениями Иеронима (конец IV в.). Собственно истории Византии «Хроника» касается мало, но это произведение интересно как документ эпохи, характеризующий начало изменения концепции всемирно-исторического процесса. Евсевий Памфил, кроме того, является создателем первой в византийской историографии обширной «Церковной истории» [125], в которой в апологетических тонах рисуется история христианства и его борьба с язычеством и иудейством.

Утверждению в широких массах читателей христианского миропонимания и церковной идеологии призвано было служить другое произведение Евсевия — «Жизнь Константина». Этот первый христианский император подвергался яростным нападкам оппозиционных языческих писателей. Тем важнее было для христианской церкви создать идеальный, героизированный образ Константина Великого, свободного от всяких пороков и заблуждений. Такую задачу и должно было выполнить произведение Евсевия: Константин, совершивший в действительности немало злодеяний, рисуется здесь как образец истинного христианина.

Это представление сыграло существенную роль в создании последующей церковной традиции, сложившейся после канонизации Константина христианской церковью [126].

Труды Евсевия породили обширную подражательную церковно-историческую литературу. Подражанием Евсевию является «Церков-

ная история» *Руфина* в 11 книгах, написанная в 402 г. на латинском языке. Руфин перевел с сокращениями «Церковную историю» Евсевия и затем добавил к ней составленные им самостоятельно две книги, охватывающие период времени от 325 до 395 г. Полная неточностей, «Церковная история» Руфина [127] — столь же апологетическое произведение, как и сочинение Евсевия. Руфин не уступает своему учителю в прославлении христианской церкви и добродетелей христианских императоров, особенно Константина I и Феодосия I. В то же время труд Руфина в большей степени, чем Евсевия, носит полемический характер. Если Евсевий стремился скрыть внутренние раздоры в христианской церкви, то Руфин открыто полемизирует против еретиков-ариан.

В свою очередь ариане в IV — начале V в. уже имели свою церковную литературу. После поражения арианства при Феодосии I арианские церковные историки перешли в стан оппозиции. Из их трудов сохранились (главным образом в эксцерптах Фотия) фрагменты истории *Филосторгия* (ок. 368—433) [128]. Как и другие оппозиционно настроенные писатели, Филосторгий положительно отзывается о правлении императоров, придерживавшихся арианства.

Учениками и подражателями Евсевия были церковные историки Сократ и Созомен, продолжавшие в своих трудах ортодоксальную традицию, начатую Евсевием.

Сократ Схоластик (ок. 380—440), уроженец Константинополя, в отличие от церковного иерарха Евсевия был юристом по профессии. Однако ортодоксальный христианин, он поставил своей задачей продолжить труд учителя: «Церковная история» Сократа в 7 книгах освещала события с 306 по 436 г. [129]. Тем не менее светские занятия историка наложили отпечаток и на его сочинение. Несмотря на явный примат церковной истории, здесь попутно сообщаются и многочисленные сведения о различных сторонах жизни византийского общества в конце IV — начале V в.

Труд Сократа создавался в тот период, когда христианская церковь еще не добилась монополии во всех сферах идейной жизни империи; отсюда — проповедь гибкой церковной политики и даже критическое отношение этого автора к введению принудительного единства в обрядах. Источниками для труда Сократа Схоластика послужили произведения Евсевия, Руфина, Афанасия и Евтропия. Его ценность как исторического источника прежде всего в том, что в нем приводятся подлинные тексты важных документов, например, акты церковных соборов, письма императоров и крупных церковных иерархов.

Однако в изложении материала Сократом много ошибок и неточностей, особенно в хронологии [130].

Созомен (? — ок. 450) — родился в Палестине, близ города Газы, где получил юридическое образование. Позднее он жил в Константинополе и был юристом. Там и написал он свою «Церковную историю». До нас дошли лишь ее фрагменты, где излагаются события от 324 до 439 г. [131]. Основными источниками Созомена являются Сократ, а также Руфин, Евсевий и Евтропий. Для описания светской истории Созомен использует сочинения Евнапия. По религиозно-по-

литическим убеждениям Созомен был приверженцем ортодоксального направления; в своем сочинении он льстиво прославлял правление императора Феодосия II и особенно его благочестивой сестры Пульхерии.

По мере усиления борьбы внутри христианской церкви — между ортодоксами и представителями различных еретических течений — возрастает и полемический пыл церковных историков. Из них наиболее непримиримым борцом за «чистоту веры», против еретиков и всех инакомыслящих был *Феодорит, епископ Киррский* (393—457). Видный иерарх и образованный богослов, Феодорит оставил обширное литературное наследство; его перу принадлежит много сочинений богословского характера, писем и т. п. «Церковная история» Феодорита Киррского (в 5 книгах) охватывает период времени от 325 по 423 г.[132], однако в ней упоминаются и события более позднего времени.

Феодорит активно участвовал в борьбе против «Разбойничьего» Эфесского собора 449 г.; за свою приверженность к никейскому учению он был низложен на этом соборе, находился в изгнании и был восстановлен на своей епископской кафедре лишь после победы православия на Халкидонском соборе.

Свою «Церковную историю» Феодорит написал, по-видимому, в 449/50 г. в одном монастыре в Апамее. Он хорошо знает труды своих предшественников и современников — Сократа и Созомена и иногда уточняет их и исправляет. Непримиримая ортодоксальность и крайняя тенденциозность приводят к тому, что Феодорит, ослепленный ненавистью к инакомыслящим, порою намеренно искажает факты, замалчивает некоторые важные события, допускает прямую фальсификацию.

В VI в. церковно-богословское направление в византийской историографии было представлено сирийцем *Евагрием Схоластиком* (535/36 — конец VI в.). Он родился в Епифании Сирийской и провел большую часть своей жизни в Антиохии. Занятия адвокатурой принесли Евагрию его прозвище «Схоластик». Опытный юрист, сведущий также в богословских вопросах, Евагрий приобрел известность и был замечен антиохийским патриархом Григорием. Все последующие годы Григорий оказывал покровительство Евагрию, за что тот платил полной и неизменной преданностью своему патрону и поддержкой в его политической и религиозной борьбе. Евагрий был богат, имел много рабов и зависимых крестьян-хоритов. Семейные несчастья усилили религиозность Евагрия, и, оставив дела, он предался богословию и литературе. Литературный труд Евагрия был вознагражден правительством: император Тиверий, которому он поднес свои книги, пожаловал ему титул почетного квестора. Таким образом, Евагрий принадлежал к образованной части чиновной знати Антиохии, близкой к патриаршему престолу.

Основной труд Евагрия — «Церковная история» в 6 книгах — охватывает период времени с 431 по 593 г.[133]. Хорошо разбирающийся как в трудах церковных, так и светских историков, Евагрий все же сам подчеркивает, что продолжает традиции церковных авторов — Сократа, Евсевия Памфила, Созомена и Феодорита Киррского.

К их сочинениям непосредственно примыкает его «Церковная история». Главными источниками Евагрия были сочинения Иоанна Малалы и Захарии Ритора [133а], утраченные труды Приска Панийского и Евстафия Епифанийского, а также все произведения Прокопия.

В отличие от других церковных писателей, Евагрий очень добросовестен в использовании и подборе источников, к которым проявляет критическое отношение [134]. В зависимости от политической и религиозной направленности исторических сочинений он дает положительную или отрицательную оценку тому или иному автору. Захария Ритор и особенно Зосим, отклонившийся от «истинной» веры, находятся у него в явной опале.

Евагрий резко осуждает Зосима за его язычество и «клевету» на правоверного императора Константина. Он вступает в острую полемику с Зосимом по поводу оценки личности этого правителя и значения христианства для Римской империи. Напротив, Евагрий чрезвычайно похвально отзывается об Евстафии Епифанийском, Приске Панийском и Иоанне Малале.

Кроме трудов своих предшественников-историков, Евагрий широко привлекает различные документы: окружные послания императоров и патриархов по церковным вопросам, акты церковных соборов, письма и многое другое. Он использовал также и рассказы современников, и собственный опыт. Особенно ценны его сведения по истории Сирии, в частности Антиохии, основанные не только на сирийских источниках, но и на личных наблюдениях [135].

В тех частях своего труда, где Евагрий пишет о светских сюжетах, он во многом подражает стилю и языку Фукидида, хотя далек от рабского копирования великого историка [136].

По своим религиозно-философским взглядам Евагрий был строго ортодоксальным христианином, считавшим своей обязанностью борьбу против всех и всяческих еретических течений и отступлений от «правой» веры [137]. Он горячий защитник Халкидонского собора, осуждающий Ария, Нестория, Евтихия, монофиситов. Евагрий верит в провидение и вместе с тем придает большое значение в ходе исторических событий случайности.

Как и другие церковные писатели, Евагрий имеет большое пристрастие к описанию различных чудес, якобы совершавшихся мучениками и праведниками. Из своих источников Евагрий выбирает преимущественно легенды и сказания, связанные с прославлением христианской религии. Это особенно видно, если сравнить произведения Прокопия и Евагрия. Но вместе с тем Евагрий отводит достаточно большое место светской истории — описанию правления императоров, войн, народных движений и восстаний в армии. Именно в этих частях «Церковной истории» Евагрия особенно наглядно проявляются политические симпатии и антипатии ее автора.

Одним правителям он явно симпатизирует, других беспощадно хулит. Его похвалы заслуживает в первую очередь защитник христианства император Константин. Напротив, император Зинон получает у Евагрия крайне отрицательную характеристику. Описание пороков Зинона дает Евагрию повод к рассуждению об идеальном государе [138]. Характеристика Юстиниана у Евагрия противоречива,

но скорее отрицательна. Сведения о Юстиниане Евагрий черпает преимущественно из трудов Прокопия, включая «Тайную историю». Это особенно ярко проявляется при описании сребролюбия и ненасытной жадности императора. В оценке церковной политики Юстиниана Евагрий отступает от своего правила хвалить православных императоров: он отмечает, что в конце жизни Юстиниан «уклонился от правой веры». Можно предположить, что именно поэтому Юстиниан, так много сделавший для укрепления авторитета церкви и так жестоко преследовавший еретиков и язычников, не получил хвалебного отзыва у столь ортодоксального церковного писателя, каким был Евагрий.

Зато о царствовавших при жизни историка императорах Тиверии и Маврикии Евагрий пишет в панегирических тонах. Именно Маврикий является для историка тем идеалом императора, который он тщетно искал раньше: этот государь побеждает в себе страсти и господствует над ними [139]. В хвалебном тоне говорит Евагрий и о своем патроне — патриархе Григории Антиохийском, политическую и церковную деятельность которого всячески прославляет.

В своей книге, посвященной церковной истории, Евагрий, тем не менее, отводит большое место описанию народных восстаний в разные периоды истории Византии, но рисует их неизменно в самых мрачных тонах. Перед читателем проходит серия народных мятежей в Александрии, Антиохии и самом Константинополе. Наиболее достоверно и подробно описаны восстания в Антиохии [140].

Таким образом, Евагрий по своим социально-политическим взглядам является представителем антиохийской привилегированной интеллигенции, презиравшей и боявшейся народа, верой и правдой служившей патриарху Григорию и императорам Тиверию и Маврикию.

ХРОНИСТЫ

Ни одно произведение византийской хронографии раннего периода не пользовалось в течение всего средневековья такой популярностью, как «Хронография», или «Всемирная Хроника», сирийца *Иоанна Малалы* (491—578) [141]. Причина этого состоит в том, что автор сумел в простой, доходчивой форме соединить богатейшее наследие античной историографии с христианским миросозерцанием. Заслугой Иоанна Малалы, с точки зрения средневекового человека, было то, что богов и героев языческого мира, не забытых, хотя и преследуемых, он сумел облечь в одежды христианского смирения, а античную историю перекроить на библейский лад. Когда читаешь благочестивый труд Иоанна Малалы, ясно видишь, что классическая древность, в том числе даже само язычество, против которого хронист так ревностно ополчается, еще не перестала быть живым, близким прошлым его страны, еще не утеряла власть над его христианской душой.

Иоанн Малала, скорее всего, родился в Антиохии, где и получил классическое образование в школе риторов. Впоследствии Иоанн стал, видимо, духовным лицом.

Его «Всемирная хроника» в 18 книгах освещала историю всех народов с древнейших времен почти до конца правления Юстиниана: труд Малалы начинается с пересказов библейской истории, затем в переработанном виде излагается греческая мифология и история народов Востока, древняя история римского государства, эллинистического мира эпохи диадохов и т. д. В наиболее полной рукописи хроника Иоанна Малалы доведена до 563 г., но есть предположение, что существовало ныне утерянное заключение, освещавшее события до 574 г.[142].

Автора «Всемирной хроники» нельзя поставить на высоту, достигнутую античной историографией. Труды ее корифеев — Фукидида, Полибия, Аппиана, Тацита и других — запечатлели не только сами события древности, но и донесли до нас элементы той философии истории, которая явилась прогрессивной ступенью в процессе познания мира. Иоанна Малалу нельзя также поставить в ряд и с его близкими современниками — Прокопием, Агафием, Феофилактом Симокаттой. Они выступали еще как наиболее талантливые представители античной историографии на византийской почве, у которых лишь кое-где начинает пробиваться христианская идеология. Иоанн Малала принадлежит уже средневековой эпохе. Это — монах-компилятор: он дает сводку чужих произведений, считая это не только своим правом, но и своей обязанностью. Хроника Иоанна Малалы — новый тип христианско-византийской монашеской литературы. Она основана на множестве источников, в том числе на произведениях античных авторов, но хронист пользуется ими главным образом из вторых рук — из более поздних компиляций римского и византийского времени. Лишь о правлении Юстиниана — своей современности он писал самостоятельно, и поэтому наибольшую ценность в качестве исторического источника имеет как раз 18-я книга хроники, авторская принадлежность которой вызвала некогда большие споры в науке (Малала здесь строго ортодоксален, в других же частях его труда обнаруживаются следы монофиситства).

«Всемирная хроника» Иоанна Малалы писалась уже не для узкого круга знати и образованных людей, а для широких масс, прежде всего для многочисленного в Византийской империи монашества. Автор хроники не ставил перед собой больших историко-философских или политических задач. Он задался целью дать нравоучительное в христианском духе и в то же время занимательное чтение. Эту задачу Малала успешно выполнил. Из-под его пера вышла книга, написанная образным языком и вместе с тем проникнутая христианско-апологетическим освещением событий. Сказочные эпизоды, чудесные происшествия расцвечивали радужными красками ткань повествования. Зачастую, однако, в угоду занимательности автор жертвовал логикой исторического изложения. В отличие от своих предшественников, византийских историков VI в., Малала далек от стремлений критически проверить доступный ему фактический материал. Перед нами — причудливое переплетение важных исторических событий и анекдотов, ярких характеристик исторических деятелей и чудесных явлений природы, достоверных фактов и легенд. Неразборчивость в подборе источников в соединении с не-

достаточной образованностью автора привели к тому, что «Хронография» Иоанна Малалы (особенно в первых 15 книгах) пестрит самыми примитивными и абсурдными ошибками и анахронизмами. Лишь для VI в. она ценный, хотя и нуждающийся в постоянной критической проверке, источник.

Несмотря на все эти слабости, историческому сочинению Малалы суждено было занять выдающееся место не только в византийской, но и в мировой средневековой историографии. Его хроника была переведена на славянский и восточные языки. Как это ни парадоксально, но, видимо, современниками Малала читался и ценился меньше, чем потомками. В эпоху, когда феодальная идеология в Византии еще не сформировалась, Малале трудно было конкурировать, особенно в кругах интеллигенции, со своими прославленными собратьями по перу, в частности с Прокопием и Агафием. Зато позднее, в период торжества феодальной идеологии, христианско-апологетическая концепция истории в сочетании с талантливым изложением принесла «Хронике» Малалы широкую известность. Эта хроника стала весьма популярной в странах, сопредельных с Византией, где складывались феодальные отношения и распространялось христианство. Недаром труд Малалы оказался в числе первых византийских исторических сочинений, переведенных в XI в. в Киевской Руси [143].

Вместе с тем, будучи по своему характеру христианскими, исторические построения Иоанна Малалы несут на себе родимые пятна античности. Его христианско-библейская интерпретация мировой истории во многом оказалась зеркалом (зачастую, правда, довольно кривым) античной, в первую очередь греческой, истории и даже мифологии.

В основе всемирно-исторической концепции Малалы лежит библейская традиция. Главной движущей силой исторического процесса выступает промысел божий. Но, казалось бы, неожиданно в христианскую космогонию хроники Малалы врывался Олимп древнего грека со всеми его обитателями, только лишенными божественного ореола: греческая мифология, хотя и в переработанном виде, уживается здесь с христианской догматикой. Изгоняя из античной мифологии языческую религиозность, сводя олимпийских богов с неба на землю, автор одновременно вносит в языческие мифы религиозность христианскую. И все же сквозь завесу христианского благочестия проступают благородные черты образов, некогда созданных вдохновенной фантазией греков. Используя античную культуру, Малала стремится вложить в нее христианское содержание и зачастую безжалостно ее уродует.

Борьба двух тенденций — античной, языческой, и средневековой, христианской,— пронизывает хронику Малалы, который, естественно, этого и не подозревает, думая, что его произведение вполне соответствует христианским канонам.

Сочинение Иоанна Малалы послужило источником для многих византийских хронистов. Так, еще в VI—VII вв. его уже переписывали Иоанн Эфесский, анонимный автор Пасхальной хроники, Иоанн Никиусский и Иоанн Антиохийский [144]. Еще больше заимствовали

из хроники Иоанна Малалы более поздние хронисты. Такую необычайную славу этого памятника обусловили простота изложения и безыскусственность описаний.

Загадочной фигурой в византийской хронографии раннего периода является *Иоанн Антиохийский*, о личности которого достоверно ничего неизвестно, кроме того, что он был уроженцем Антиохии и представителем сирийской литературной школы [145]. Под его именем сохранилась всемирная хроника, охватывающая промежуток времени от Адама до воцарения византийского императора Ираклия. По-видимому, хроника была создана вскоре после 610 г. Она дошла лишь в отрывках [146].

Длительное время ученых волновал вопрос о взаимосвязи хроник Иоанна Малалы и Иоанна Антиохийского. Оба эти хрониста носили одно и то же имя, были родом из Антиохии, в сохранившихся текстах Малалы и Иоанна Антиохийского много общего, а средневековые компиляторы более позднего времени часто их путали. Теперь установлено, что хроника Иоанна Антиохийского все же значительно отличается от сочинения Малалы, хотя в некоторых частях, видимо, имеет своим источником это последнее.

Как и хроника Иоанна Малалы, произведение Иоанна Антиохийского включало историю еврейского народа и стран древнего Востока, мифологический период истории Греции, историю римского государства и Византии. Для византийской истории, кроме Малалы, источниками Иоанна Антиохийского были труды Евнапия, Зосима, Сократа, Приска, Петра Патрикия, Прокопия и некоторые, ныне утраченные произведения. Фрагменты хроники Иоанна Антиохийского содержат ценные сведения главным образом по внешнеполитической истории VI — начала VII в. Особенно интересны его известия о взаимоотношениях Византии с Ираном и другими странами Востока.

Церковно-апологетический характер носит другое произведение византийской хронографии раннего периода — *Пасхальная хроника* [147]. Этот труд анонимного византийского хрониста занял впоследствии прочное место в средневековом летописании, как лучшее руководство по хронологии. Однако Пасхальная хроника, далеко уступавшая хронографии Иоанна Малалы по таланту и художественному мастерству изложения, никогда не пользовалась такой популярностью, как произведение этого историка.

Хронологические рамки Пасхальной хроники — от Адама до 628 г. Хронист был современником императора Ираклия и написал свое сочинение, по-видимому, вскоре после 628 г. Ярко выраженный клерикальный характер хроники не оставляет сомнения, что ее автор был высоким церковным сановником.

Пасхальная хроника излагает события всемирной истории в строго ортодоксальном, библейском духе. Значение этой хроники для средневекового летописания состояло прежде всего в том, что в ней давалось руководство по установлению даты пасхалий: отсюда — и самое название хроники. Исходным пунктом для определения пасхального цикла анонимный хронист избрал дату 21 марта 5507 г. Позднее в Византии применялась система летосчисления «от сотворения

мира», которая, с некоторыми отклонениями, основывалась прежде всего на данных Пасхальной хроники.

Изложение исторического материала в Пасхальной хронике строится применительно к ее основной задаче; хронологические выкладки анонимный автор как бы сопровождает историческими комментариями. В передаче событий до 532 г. хроника носит чисто компилятивный характер: хронист использует как христианские источники — Библию, жития и мученичества святых, церковные истории Евсевия и Епифания, так и произведения античных писателей — Секста Юлия Африкана и др. Ценность Пасхальной хроники несколько увеличивается благодаря обращению автора к документальному материалу: консульским спискам, надписям из Александрии и Антиохии и другим данным. В основу освещения собственно византийской истории была положена хроника Иоанна Малалы, которую анонимный автор иногда переписывал дословно. События 532—600 гг. переданы не только по письменным источникам: использована, видимо, и устная традиция или неизвестные нам памятники. Особенно это относится к описанию восстания «Ника» (532 г.), которое в Пасхальной хронике отличается от его освещения в других современных источниках.

Наибольшее значение в качестве вполне самостоятельного исторического источника имеет последняя часть Пасхальной хроники, охватывающая период времени с 600 до 628 г. Она написана очевидцем на основании личных наблюдений и рассказов современников. В Пасхальной хронике подробнее, чем в других источниках, освещаются события правления Фоки и Ираклия. Интересны известия Пасхальной хроники об аварах и их войнах с Византийской империей.

Пасхальная хроника была написана простым, близким к народному языком и в течение всего средневековья служила любимым чтением византийских монахов.

Очень ценными для внутренней истории Византии V и начала VI в. являются сирийские источники. Хроника *Иешу Стилита* [148] (написана ок. 517 г.) содержит богатейший материал по истории восточных провинций империи в V в. На сирийском языке сохранился перевод греческой «Истории» *Захарии Ритора* (ок. 480— ок. 560), епископа Митиленского. В его труде описываются события истории Византии с 436 по 491 г. По религиозным симпатиям он — монофисит, хотя и не проявлявший особого фанатизма. Неизвестный сирийский компилятор использовал сочинение Захарии и продолжил его до 569 г. В исторической литературе это произведение обычно называется хроникой *Псевдо-Захарии* [149]. Этот труд был использован в написанной на сирийском языке «Истории» *Иоанна Эфесского* (529—586) [150], фанатичного монофисита, который в осуществление целей императора Юстиниана проводил зверскую политику ликвидации язычества в Сирии. На первом плане в хронике этого автора — отношения Византии и Ирана. Хроника Иоанна Эфесского начиналась с Юлия Цезаря и была доведена до 585 г. Конец жизни Иоанн Эфесский провел в тюрьме, куда был заключен во время преследований монофиситов при преемниках Юстиниана.

Сохранился ряд исторических трудов, главным образом по церковной истории империи раннего периода, на армянском и коптском языках. Для истории Византийской империи и ее взаимоотношений с Арменией и Ираном в 330—387 гг. значительный интерес представляет «История Армении» армянского историка V в. *Фавста* (*Павста*) *Бузанда*[151]. Знаменитый армянский писатель и историограф V — начала VI в. *Мовсес Хоренаци* (Моисей Хоренский) в своем труде «История Армении», доведенном до 426 г., с большой живостью изобразил взаимосвязи Армении с соседними странами и народами, в том числе и с Византией[152].

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Особое место среди византийских нарративных источников занимает полемическая и публицистическая литература: речи ораторов и философов, похвальные слова в честь какого-либо политического деятеля или события, письма публицистического содержания и т. п. Эта публицистическая литература откликалась на важнейшие события современности, в ней ярко отражалась острая идейно-политическая борьба, наполнявшая общественную жизнь Византии.

Философ на троне, император *Юлиан Отступник* одним из первых в IV в. показал пример создания таких публицистических произведений[153]. Апология старинного эллинского мировоззрения соединялась в них с идеями возрождения могучей и воинственной Римской империи, порабощавшей варварские народы. Прошлое казалось Юлиану великим и счастливым для человечества. Естественной и искренней была его ненависть к новым порядкам и к новой идеологии — христианству.

Ритор IV в. *Фемистий*, поклонник языческой культуры, своими льстивыми речами в честь правящих императоров добился их высоких милостей и был даже включен в состав синклита. Его речи[154] отражали интересы сановной знати Константинополя.

Близок к Фемистию по своему мировоззрению другой прославленный ритор IVв.— *Ливаний* (314—393?). Уроженец Антиохии, он принадлежал к местной городской аристократии. Множество изданных речей и писем Ливания[155] блестяще отразили настроения этой группировки, в таком крупном городе, как Антиохия, еще не оставившей попыток борьбы за сохранение своего экономического и политического влияния. По сочинениям Ливания мы можем создать представление о быте и нравах тогдашнего провинциального общества. Важным источником является также автобиография Ливания. Ливаний — представитель языческой оппозиции, продолжавшей придерживаться старинной эллино-римской религии и идеализировавшей прошлое, враг бюрократической централизации. Речи Ливания проникнуты пессимизмом: он чувствовал, что привилегиям курии, влиянию сословных учреждений, язычеству, местному обычному праву приходит конец — побеждают христианство, бюрократическая монархия, римское право. Безнадежность звучит в его словах:

«Что же еще остается? Молиться богам, чтобы они простерли руку помощи и святыням, и земледельцам, и курии, и греческому языку»

Выдающимся мыслителем и талантливым оратором был младший современник Ливания — *Синесий Киренский* (ок. 370 — ок. 413). Мировоззрение Синесия в течение его жизни претерпело коренную эволюцию. Богатый вельможа, воспитанный в традициях античной языческой культуры, Синесий разочаровался в консервативных идеях языческой оппозиции и стал христианским епископом Птолемаиды в Северной Африке. Новые мотивы появились и в политических настроениях Синесия: он видит возможность краха существующего общества в целом; не христианство и бюрократическая централизация, а варвары и неминуемое восстание рабов-варваров было, по мнению Синесия, основной опасностью для империи.

Для спасения государства он считал необходимым создать войско из граждан и не допускать варваров ни к военным, ни к административным постам: иначе «малейшего предлога будет достаточно, чтобы вооруженные (варвары) пожелали стать господами граждан». Синесий выступал против деспотических форм правления. Его политический идеал выдержан в духе идеального государства Платона. Из сочинений Синесия сохранились его письма, интересная речь об обязанностях императора и некоторые другие произведения публицистического характера [156].

В IV и VI вв. видную роль в идейной борьбе играла религиозная публицистика: проповеди, полемические рассуждения, богословские трактаты, письма церковных деятелей. Эпоха оформления христианства как господствующей религии породила огромную богословско-полемическую литературу. В сочинениях ученых богословов, церковных иерархов, монахов, страстно полемизировавших со своими идейными противниками, можно найти и данные о состоянии тогдашнего общества, о событиях классовой борьбы, которая велась под лозунгами различных вероучений.

Важнейшими источниками этой категории для IV в. являются сочинения *Афанасия Александрийского* [157], защищавшего оппозиционные взгляды египетской знати в ее борьбе против арианских императоров.

Ценными источниками, главным образом для истории религиозной борьбы, служат сочинения *Василия Великого,* архиепископа Кесарийского [158] (ок. 330—379), его брата *Григория Нисского* [159] (331—394), хорошо знакомых с античной наукой и стремившихся использовать античное наследие в интересах христианского богословия, а также *Григория Назианзина Богослова* (328—389) [160]. Все они были видными церковными иерархами и в то же время политическими деятелями, основоположниками христианского ортодоксального богословия.

Наибольший интерес представляют сохранившиеся сочинения иерарха Антиохийского, потом константинопольского архиепископа *Иоанна Златоуста* (ок. 347—407) [161], блестящего оратора и церковного проповедника. В проповедях и комментариях на священное писание Златоуст затрагивал почти все стороны общественного быта своего времени. Для того чтобы привлечь на сторону православной

церкви народные массы, Иоанн Златоуст иногда выступал со страстными обличениями пороков господствующего класса и даже высказывал мысль о необходимости справедливого перераспределения имуществ. Однако он нигде не призывал народ к активным выступлениям.

Внутреннюю жизнь общества в одном из провинциальных центров империи в Египте отразил в своих письмах *Исидор Пелусиот* [162].

Обширная полемическая литература на греческом, сирийском, коптском и армянском языках была порождена спорами, возникшими в связи с появлением несторианства и монофиситства.

Из латинских сочинений церковных деятелей для истории Византии имеют значение труды *Иеронима* [163] и *Амвросия,* архиепископа Медиоланского [164], известного своей непримиримой ненавистью к язычеству. Он вел горячую полемику против апологетов эллино-римской религии, настраивал народные массы против ариан; в то же время Амвросий был воинствующим церковником, стремившимся поставить церковь выше государственной власти, поскольку, с его точки зрения, церковь должна быть судьей самих императоров, которых обязана карать за их проступки.

От IV в. сохранилось немало сочинений, пропагандировавших идеи христианской мистики, которая отвлекала народные массы от социальной борьбы. Из основоположников мистики назовем иерархов IV в. *Василия Великого и Евагрия Понтийского* (346—399) (не смешивать с одноименным историком) [165] и особенно *Макария* и *Псевдо-Дионисия.*

Для истории византийской церкви, а также политической и идеологической борьбы в ранней Византии большое значение имеют *акты вселенских и поместных церковных соборов* [166]. Сохранились постановления соборов (каноны) и по некоторым соборам — акты; особенно важны акты Халкидонского собора 451 г. [167]

Победившая христианская церковь старательно и беспощадно уничтожала сочинения своих идейных противников — еретиков. Поэтому труды, принадлежащие самим еретикам (кроме сочинений несториан и монофиситов, основавших свои собственные церкви), не сохранились. Только случайно был найден в Верхнем Египте у местечка Хенобоскион сундук, содержавший коллекцию 44 различных сочинений гностиков, благодаря чему и мифология и мировоззрение гностицизма начала IV в. стали известны по подлинным произведениям гностиков, сохранившимся на коптском языке [168].

Церковь широко использовала новый жанр литературы — описание жизни и страданий мучеников и подвижников — жития святых. Несмотря на апологетический характер, обилие чудес и т. п., эти памятники являются все же историческими источниками, поскольку здесь рисуются живые картинки, даются оценки повседневной жизни различных общественных прослоек. В ранней Византии составлялись целые сборники подобных житий. Особенно изобилует бытовыми картинами сборник житий *Палладия* — «Лавсаик», в котором описывались подвиги святых, выходцев из среды египетского монашества [169]. Большое количество житий приводится в сборнике *Мосха* «Луг Духовный» [170].

Сирийская и коптская агиография [171] особенно важна для выяснения настроений народных масс в V в., после Халкидонского собора. Из памятников латинской агиографии, посвященной восточной церкви IV—V вв., отметим «Историю отшельников» Руфина (V в.) [172]. Для первоначальной истории монашества существенное значение имеет житие Антония Великого, написанное Афанасием Александрийским [173], который, однако, создал скорее образ идеального отшельника-монаха, чем описал реальную жизнь Антония. Определенный интерес для истории возникновения египетского монашества представляют жития Пахомия, сохранившиеся в разных редакциях — на греческом, латинском, сирийском и коптском языках [174]. Ценным памятником, содержащим много сведений по истории славян, являются «Чудеса святого Димитрия» (VII в.).

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ, ВОЕННЫЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ

Своеобразный, весьма надежный источник по истории ранней Византии — административные и военные трактаты, а также географические сочинения: научные произведения, записки путешественников, карты и т. п.

Для изучения административного устройства империи в V в. первоклассным источником является трактат анонимного автора «Сведения о всех должностях и учреждениях как гражданских, так и военных в областях Востока и Запада», где подробно перечисляются государственные должности, штаты центральных и провинциальных учреждений, инсигнии (знаки отличия), присвоенные должностным лицам в Восточной и Западной империи [175].

Для внутренней, социально-экономической и политической, истории Византии VI в. первостепенное значение имеет трактат *Иоанна Лаврентия Лида* (ок. 490—?) «О магистратах» [176] (автор родился в городе Филадельфия в провинции Лидии, этим и объясняется его прозвище — Лид или Лидиец).

Иоанн Лид посвятил свои молодые годы служебной карьере в Константинополе, в префектуре претория, где достиг высоких должностей [177]. Позднее разногласия с вельможами префектуры претория послужили причиной его отставки. Глубоко затаенная, но не забытая личная обида привела Иоанна Лида в стан оппозиционно настроенных чиновников, не решавшихся, однако, на открытые выступления и прямую критику правления Юстиниана. В 552 г. Иоанн Лид удалился от государственной службы и занялся исключительно литературным трудом.

Трактат «О магистратах» («De magistratibus Populi Romani») был закончен в 559 г. [178] и состоял из трех книг. На основании разнообразных античных источников, частично утраченных или еще не установленных [179], Иоанн Лид дает описание административного устройства, внутренней организации и, в меньшей степени, истории Римского государства с древнейших времен до правления Юстиниана включительно. Трактат «О магистратах» в той части, которая

написана автором, как очевидцем событий и знатоком реальной организации центрального и провинциального управления империей является ценнейшим историческим памятником. Данные Иоанна Лида по внутренней, особенно административной истории Византийской империи VI в. во многом совпадают с известиями «Тайной истории» Прокопия и в то же время порою уточняют сообщения этого историка.

Как и Прокопий, Иоанн Лид безжалостно вскрывает пороки византийской администрации, показывает тяжелое положение населения империи, но, всегда сохраняя лояльность по отношению к императорской власти, он всю ответственность за дурное управление государством перелагает на продажных и нерадивых высших чиновников. Язык трактата Иоанна Лида близок к разговорному: он изобилует пословицами и поговорками, хотя и является более литературным, чем, например, язык византийских хронистов VI в.[180]

Неоценимые сведения об организации византийской армии в VI—VII вв. содержат трактаты о военном искусстве, известные под названием «Стратегиконы» или «Тактики». Они представляли собою теоретическое обобщение опыта римской армии и одновременно — практические руководства для ведения войны.

Наибольшей известностью среди таких военных трактатов пользовался «Стратегикон» *Псевдо-Маврикия.* Личность этого автора остается загадкой, так же как и время написания «Стратегикона». По указанным вопросам в науке ведется длительная дискуссия и выдвинуто много различных гипотез[181]. Принадлежность трактата императору Маврикию оспаривается, что заставило специалистов условно назвать этот памятник «Стратегиконом» Псевдо-Маврикия. Наиболее вероятной датировкой памятника является, на наш взгляд, отнесение его к концу VI — первой половине VII в.[182]

Большая историческая ценность «Стратегикона» Псевдо-Маврикия состоит прежде всего в том, что этот трактат дает сравнительную характеристику военной тактики византийцев и других (в том числе варварских) народов: персов, аваров, тюрков, франков, лангобардов, славян. Это позволяет судить об относительном уровне развития военного дела и особенностях военного искусства у различных племен и народов в эпоху ожесточенной борьбы Византийской империи против варварского мира. В русской и советской историографии, естественно, больше всего изучено военное искусство славян и антов по данным «Стратегикона» Псевдо-Маврикия[183].

Псевдо-Маврикий рассказывает не только о военной тактике соседних с Византией народов, но приводит ценные сведения общего характера о своеобразии их политического устройства, нравов и обычаев. Он подчеркивает, что необходимо описать способы ведения войны и обычаи в первую очередь таких народов, которые представляют в его время наибольшую опасность для империи.

С целью создания практического руководства по военному искусству автор посвящает часть своего труда описанию организации византийской армии: ее набора и обучения, формирования и построения войск, порядка их расположения во время битвы, тактики боя, военных хитростей, засад, набегов, рейдов по тылам врага, осады

крепостей и т. п. Это руководство основано на военном опыте, в том числе и на личном опыте самого автора, и на произведениях древних писателей, труды которых он широко использует (Асклепиодота, Элиана, Арриана и особенно Онасандра и Вегетия) [184]. Особый интерес имеют советы главнокомандующему, как бы обобщающие весь опыт верховного командования, накопленный римлянами и византийцами в течение веков. Правила поведения главнокомандующего собирают воедино как чисто военные, так и политические меры, которые должен принимать полководец для успешного ведения войны, на основе чего вырисовывается образ идеального, с точки зрения византийца того времени, главнокомандующего. Псевдо-Маврикий считает, что лучший главнокомандующий не тот, кто славен родом, но тот, кто более опытен в военном искусстве [185]. Автор «Стратегикона», сам верующий христианин, требует благочестия и от главнокомандующего [186]. Он должен предотвращать и подавлять всяческие восстания и мятежи в войске. Благоразумие в соединении с решительностью является, по мнению автора, лучшим украшением полководца, от которого он требует также предусмотрительности и соблюдения тайны при осуществлении важных дел. Основная заповедь полководца — осторожность и умение применить военную хитрость; безопаснее и выгоднее побеждать врага благоразумием и военным искусством, нежели силой оружия. «Стратегикон» Псевдо-Маврикия является своего рода кодексом вероломства, содержащим советы, как обманывать врага.

Политическое кредо автора трактата сводится к тому, что для достижения цели на войне можно использовать любые средства. Недаром впоследствии «Стратегикон» Псевдо-Маврикия послужил основой знаменитого трактата Николо Макиавелли, став для него своеобразной программой беспринципной политики и коварной военной тактики.

По исторической географии империи IV в. много данных сохранилось в трактате «Полное описание всего мира и народов» неизвестного автора [187]. Особую ценность представляет подробное описание Византийской империи в «Спутнике путешественника» (535 г.) *Иерокла,* обработанном в дальнейшем Георгием Кипрским. В этом произведении приведены сведения об административном делении Византийской империи на рубеже V—VI вв., перечисляются все провинции, а также города в каждой из них [188]. Для изучения исторической географии Византии часто используется также сохранившаяся в поздней копии карта римской империи, составленная, вероятно, еще во II в., но с добавлениями, сделанными в V в. (Tabula Peutingeriana).

Из географических описаний путешественников раннего времени можно отметить путешествие знатной пилигримки Егерии в Палестину в конце IV в., написанное на латинском языке [189].

Среди географических трактатов VI в. особое место принадлежит «Христианской топографии» *Косьмы Индикоплова* [190]. Энергичный купец, отважный мореплаватель, бесстрашно проникавший со своими немногочисленными спутниками в самые отдаленные и неизвестные страны Аравии, Восточной Африки и на Цейлон, он был прозван со-

временниками «плавателем в Индию» за то, что якобы посетил и эту сказочную страну. Косьма избороздил на торговых судах Черное, Средиземное и Красное моря, плавал в Персидском заливе. Он много видел, много знал, многое описал. Знание жизни, огромный опыт, наблюдательность помогли ему даже при отсутствии достаточного школьного образования очень верно и необычайно красочно, простым народным языком [191] описать виденные им страны и народы.

«Христианская топография» Косьмы Индикоплова указывает на широкий размах в VI в. торговли Византийской империи, ведшейся через Египет с Эфиопией (Аксум), о-вом Цейлоном (Тапробана), Индией и далеким Китаем. В основу своих описаний Косьма положил, прежде всего, собственные наблюдения, а затем рассказы знакомых ему купцов и путешественников. Поэтому все, что касается непосредственного описания Косьмой стран и народов, как правило, правдиво, наполнено жизненными деталями и заслуживает доверия. Сочинение Косьмы пользовалось огромной популярностью. Сохранились многочисленные рукописи, в частности прекрасно иллюстрированные древнерусские переводы его «Христианской топографии».

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Для изучения внутренней жизни Византийской империи IV—VI вв. первостепенное значение имеют законодательные памятники. Они содержат неоценимый материал о социально-экономических отношениях этого периода, о государственном и административном устройстве империи, о взаимоотношениях классов, сословий, различных социальных групп и их правовом статусе, об организации церкви и ее имуществах, о политике различных императоров. Ценные материалы в юридических источниках встречаются и по международному праву IV—VI вв.

Все юридические памятники IV—VI вв. имеют своей основой римское право. Однако в IV—V вв., в период так называемого постклассического права, происходит существенная эволюция в развитии юридической мысли. Последняя все более бюрократизируется, теряет стройность и ясность классической эпохи, зачастую тонет в многословии и пышном восхвалении императоров [192].

Эволюция постклассического права идет в сторону его унификации, подчинения разрозненного самостоятельного творчества юристов интересам центральной власти. Явственно намечается тенденция превратить все право в писаный закон, а в условиях усиления неограниченной власти монарха — в закон императора. С этим связано стремление возвести в ранг писаного закона право, уже существующее как юридическая доктрина. Одновременно делаются попытки упростить и стабилизировать законодательство. Свое выражение это находит в тенденции преодолеть юридический формализм классической юриспруденции, сделать огромное и разрозненное наследие римских классических юристов и римских императоров достоянием современников, которое можно было бы применить в судебной практике.

Все это привело к первым, еще несовершенным, попыткам кодификации права и к созданию трех самостоятельных кодексов римских законов, предшествовавших законодательной реформе Юстиниана. Кодификационные работы начинаются с систематизации и унификации императорских конституций, изданных по самым разнообразным правовым вопросам [193]. Уже в конце III — начале IV в. появляются два частных сборника видных юристов: 1) *Codex Gregorianus,* составленный в конце III в. юристом Грегором и содержащий важнейшие конституции императоров, изданные в 196—297 гг.; 2) *Codex Hermogenianus,* являющийся продолжением и как бы дополнением Грегориева кодекса, куда вошли императорские конституции нескольких последующих лет. Оба эти кодекса дошли до нас лишь в позднейших извлечениях [194].

Неизмеримо более выдающимся памятником юридической мысли является третий кодекс, изданный в Восточной Римской империи в 438 г. при Феодосии II и по его имени получивший название *Кодекса Феодосия* [195]. Он состоял из 16 книг и включал свыше трех тысяч сокращенных и переработанных конституций римских императоров, начиная с Константина I. Этот юридический сборник в большей степени, чем предшествующие, отразил не только указанную выше эволюцию права, но и реальные изменения общественных отношений, в частности, рост крупного землевладения нового типа, развитие колоната, варваризацию армии и государственного управления. В IV—VI вв. римская юридическая мысль и судебная практика все больше впитывали правовые нормы и обычаи народов, населявших территорию империи, особенно греков; это также сказалось в кодексе Феодосия. В то же время перенесение центра империи на Восток способствовало распространению римского права в восточных провинциях [196].

Почти во всей Римской империи наряду с римским законодательством длительное время применялись местные юридические обычаи, касающиеся главным образом сферы частноправовых отношений [197]. Наиболее ярким примером сохранения таких юридических норм может служить памятник последней четверти V в.— Сирийский законник [198]. Этот уникальный законодательный сборник был создан юристами Бейрутской школы права. В основу его были положены римские правовые установления доюстиниановского времени, почерпнутые из какого-то не дошедшего до нас греческого сборника и переведенные на сирийский язык для нужд местного населения. Однако в римские юридические нормы были внесены существенные изменения в духе обычного права, свидетельствующие о распространенности и живучести местных, в частности, греко-сирийских правовых институтов, особенно в области имущественных отношений и наследственного права. Сирийский законник является первоклассным источником для изучения социально-экономической жизни восточных провинций империи в V в.

В связи с разделением империи с IV в. усиливается ориентализация римского права, но вместе с тем его непререкаемой основой в Восточной империи оставалась римская юриспруденция и римское законодательство. Влияние местного права выражалось не только в

проникновении в официальное законодательство новых институтов, но и в вытеснении и изменении уже изживших себя древних правовых норм и установлений[199]. Этот процесс интенсивно происходил в течение IV—VI вв. и во многом подготовил законодательную реформу Юстиниана. Рождение и оформление новой идеологической надстройки — христианства также не могло не оставить своего следа в развитии постклассического права. В буржуазной историографии крайне преувеличивается влияние церкви на римское законодательство: в основном именно ей приписывается смягчение последнего[200]. Нельзя отрицать, что церковь активно использовала демагогические средства для усиления собственного авторитета в народных массах, поэтому она поддерживала и освящала некоторое смягчение рабства, фиксировавшееся в юридических памятниках, облегчение процедуры отпуска рабов на волю, укрепление законной семьи, ослабление власти отца над сыновьями и т. п. Но при этом «...христианство в течение столетий уживалось в Римской империи с рабством»[201]. К тому же церковь внесла в римское законодательство суровый дух фанатической непримиримости ко всем инакомыслящим — еретикам, язычникам, иудеям, дух борьбы против народных движений, принимавших форму ересей. Она заставила государство законодательным путем оформить монархическую структуру церковной иерархии с неограниченной властью епископов и закрепить за церковью все имущественные права и привилегии.

Среди всех законодательных памятников ранней Византии возвышается грандиозное создание правовой мысли юристов VI в.— знаменитый *Свод гражданского права* (Corpus juris civilis) Юстиниана[202]. Этот памятник как бы подводил итог эволюции постклассического права, отразившей и изменения условий общественной жизни, и влияние местного права, и новой идеологии — христианства. Хотя Юстинианово законодательство использовало в больших масштабах римскую классическую юриспруденцию, она во многом уже была опосредствована постклассическим правом. В широком смысле слова Corpus juris civilis в основных своих частях (за исключением Новелл) отражает и фиксирует общественные сдвиги и изменения в правовой надстройке, которые произошли в империи не только в VI в., но с конца III по VI в.[203] Значение Свода гражданского права Юстиниана как источника по социально-экономической, политической, административной, церковной истории ранней Византии огромно. Не менее важен этот памятник и для изучения истории римского права и эволюции правовой доктрины в IV—VI вв.

Первая часть свода — Дигесты или Пандекты[204] (в 50 книгах) — монументальное собрание отрывков из сочинений прославленных римских юристов. Это — неисчерпаемый источник самых разнообразных сведений о Поздней Римской и Византийской империи. По словам кодификаторов, «в Дигестах, как в цитадели, было заключено все античное право». Центральное место в Дигестах занимают вопросы частного и публичного права. В соответствующих разделах значительное внимание уделяется наследованию, завещанию, регулированию семейных отношений, делам имущественного характера, различным частноправовым сделкам. Здесь рассматриваются

также вопросы уголовного права и процесса. Кроме того, Дигесты касаются многих проблем международного права (так называемого права народов — jus gentium), как-то: объявления войны и заключения мира, разделения народов и образования новых государств, статуса послов и порядка отправления посольств, защиты прав чужеземцев, положения лиц, захваченных в плен и возвратившихся из плена, и т. п.

Помимо чисто практических правовых вопросов, в Дигестах затрагиваются и общие юридические принципы — определение права и правосудия, закона и обычая и др.

Дигесты, на наш взгляд, имеют троякое значение. Историческое значение памятника состоит в том, что, отражая изменения римского права к VI в. и состояние византийской юриспруденции при Юстиниане, он дает возможность выявить эволюцию общественных отношений в IV—VI вв. Научное значение Дигест в том, что они, не столько разрушив (как полагают некоторые буржуазные гиперкритики Дигест), сколько сохранив для последующих поколений классическое римское право, до наших дней являются основной сокровищницей сведений о прославленной римской юриспруденции. Практическое значение Дигест заключалось в том, что они послужили главным источником рецепции римского права, имевшего силу закона в некоторых странах Западной Европы в феодальный и капиталистический период их развития [205].

Вторая часть Свода — Кодекс Юстиниана [206], представляющий собой обширное собрание конституций римских императоров с 117 по 534 г., также охватывает широкий круг правовых вопросов. Значительное место в нем занимает частное право, несколько меньшее — административное и уголовное. В отличие от предшествующего времени, очень большое внимание уделяется церковным делам, определяются права церкви, привилегии епископов и клириков, разбираются чисто теологические вопросы. В Кодекс включены суровые постановления против еретиков, язычников, манихеев, самаритян. Чрезвычайно важны постановления Кодекса, касающиеся рабов. Серьезным нововведением по сравнению с римским правом классической эпохи являются постановления, касающиеся колоната. Особо говорится в Кодексе об источниках права и об обязанностях высших чиновников. Уже само многообразие содержания Кодекса Юстиниана делает его первоклассным историческим источником.

Элементарное руководство по римскому праву — Институции Юстиниана [207], включенные в Свод, по своей ценности как исторический источник сильно уступают его другим частям. При всех своих достоинствах (сжатость изложения в соединении с большим юридическим диапазоном, сохранение рациональной основы Институций римских юристов с учетом изменений постклассического права и законодательной реформы Юстиниана) Институции занимают в Своде гражданского права подчиненное и весьма скромное место: они дают сравнительно мало для изучения общественных сдвигов в IV—VI вв. Для истории собственно классического римского и византийского права VI в. Институции полезны также значительно меньше, чем Кодекс и Дигесты. Между тем, благодаря указанным

достоинствам именно Институции получили широкое практическое применение как в преподавании права, так и в судебной практике. Они стали практическим руководством для юристов со времен Юстиниана и оставались таковым в течение всего средневековья.

Наибольшую ценность для изучения социально-экономической и политической жизни, а также классовой и идеологической борьбы в Византии VI в. представляют законодательные предписания самого Юстиниана, не вошедшие в Кодекс,— *Новеллы*[208]. По сравнению с Дигестами, Кодексом и Институциями они имеют для историка притягательную силу непосредственного источника VI в. В своих Новеллах Юстиниан санкционировал законом те реальные изменения в праве, которые родились из судебной практики. В Новеллах законодатель уже не оглядывается назад, в глубокую, хотя и почитаемую древность Рима; они более, чем весь Свод гражданского права, устремлены вперед, в средневековье. Юридическая мысль здесь меньше скована канонами классического римского права, а исходит в первую очередь из потребностей времени. Всего сохранилось около 169 подлинных Новелл Юстиниана. Большинство из них вводят новые юридические нормы в области публичного и церковного, в несколько меньшей степени — частного права.

Новеллами Юстиниана были внесены существенные изменения в брачное право, в право наследования (особенно при отсутствии завещания). Интересны нововведения в положении рабов, колонов, вольноотпущеников, куриалов. Большое место в Новеллах отводится церковным делам и охране интересов господствующей церкви. Многие Новеллы касаются реформы государственного управления (устройство той или иной провинции, округа). Особые Новеллы устанавливают гражданское и военное управление во вновь завоеванных областях, в частности в Северной Африке и Италии.

По своей форме Новеллы вполне оригинальны, в значительной степени уже независимы от римского права и являются образцом несколько витиеватого и многословного византийского стиля. В отличие от других частей Свода гражданского права, Новеллы Юстиниана были написаны, как правило, уже на греческом языке. Сама жизнь заставляла Юстиниана, несмотря на его приверженность к римским традициям, все больше считаться с тем, что латинский язык не был понятен большинству жителей Византии и поэтому в практических целях необходимо было перейти в законодательстве на греческий язык. Отдельные Новеллы для удобства пользования ими были написаны на двух языках: латинском и греческом.

Законодательные памятники ранневизантийской эпохи так же, как и труды историков и хронистов, отразили постоянную, пронизывавшую все сферы жизни борьбу старого с новым, традиций рабовладельческого мира с зачатками феодализма. Для историков они имеют совершенно исключительное значение потому, что не только дают возможность воссоздать во всем многообразии картину социально-экономической и политической жизни в империи IV—VI вв., но и помогают установить, какие нормы гражданского права могли оказывать организующее или тормозящее влияние на развитие новых производственных отношений.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПАПИРУСЫ IV—VII ВВ. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ПЕРИОДА *

Ни один из разделов истории IV—VII вв. не может быть в настоящее время изучен без учета данных папирусов, которые представляют собою подлинные документы эпохи. Папирусы в основном сохранились в Египте, отчасти в Италии. Это — особого рода источники, в отношении которых исключаются сомнения в подлинности, интерполяции и извращения поздних переписчиков. Единственно, что здесь может быть спорным — правильное чтение и понимание источника. Византийские папирусы были написаны в основном на греческом языке, хотя имеются папирусы и на латинском, а также коптском языках. Количество найденных папирусов составляет десятки тысяч. Издание столь значительной массы документов, производимое по мере открытия и расшифровки папирусов, разбросано по различным сборникам и журналам [209].

Из египетских папирусов для истории Византии важны папирусы, начиная с 297 г., когда после взятия Александрии Диоклетианом было совершенно изменено административное устройство Египта, существовавшее затем в таком виде в продолжение всего ранневизантийского периода и сохранившееся в первые века арабского завоевания. Эти папирусы содержат в себе судебные решения, грамоты, письма, литературные произведения и другие материалы. Они являются одним из основных источников для выяснения характера аграрных отношений не только в самом Египте, но и во всей Византийской империи.

Сохранились папирусы из семейного архива крупных египетских землевладельцев — Апионов и Аврелия Исидора,— в которых дается картина организации хозяйства в больших египетских поместьях; среди папирусов встречается множество соглашений об аренде земельных участков, квитанций о получении арендной платы и выполнении натуральных повинностей [210]. Особенно ценны данные папирусов, рисующие состояние ремесла и ремесленных корпораций Египта. Здесь встречаются договоры об ученичестве у ремесленников, найме помещений под мастерские, найме работников [211]. Важными являются документы о состоянии товарного и денежного обращения, о ценах на товары, в частности, падении стоимости египетского таланта и драхмы [212].

Папирусы содержат богатый материал по внутренней истории мелких городских центров, однако сравнительно мало данных о жизни столицы Египта — Александрии [213].

Папирусы дают возможность разрешить спорные вопросы по ряду проблем хронологии (например, о фискальном происхождении индикта), топографии и исторической географии Египта, а также составить

* Этот раздел написан З. В. Удальцовой совместно с М. Я. Сюзюмовым.

представление об административном устройстве страны в византийское время[214]. Сохранилось довольно много документов, характеризующих налоговую систему (квитанции о взносе налоговых сумм, отчеты сборщиков налогов и различных взносов и т. п.) и дающих представление о тяжком налоговом гнете, который царил в Египте в ранневизантийское время. Интересны сведения папирусов о действовавшем в византийском Египте праве[215], причем в отличие от юридических письменных источников (кодексов и сентенций юристов), папирусы показывают, как римское и местное обычное право применялось в конкретной действительности того времени[216].

Большое значение имеют данные папирусов и для истории церкви. Интересны материалы о развитии христианского культа и церковного устройства в IV—VI вв., о состоянии церковного и монастырского хозяйства того времени. Сохранились дарственные грамоты и завещания в пользу церквей и монастырей. Кроме того, в папирусах содержатся разнообразные сведения об отношениях между церковью и местным населением[217]. Папирусы рисуют яркие картины общественного и частного быта в византийском Египте: уцелели семейные письма, интимная и деловая переписка. Разумеется, находки папирусов носят случайный характер, много папирусов сохранилось от IV в. и особенно VI в. и сравнительно мало — от V в.

Кроме египетских папирусов, для истории ранневизантийского периода имеют значение также папирусы из южной Палестины, большей частью позднего времени (VII в.)[218], и папирусы из Равенны[219]. Равеннские папирусы V—VII вв. были написаны на латинском языке. Они содержат всевозможные документальные материалы: завещания, дарственные грамоты, описи, документы об опеке, акты отпуска на волю рабов, купчие грамоты и т. п. Как исторический источник они имеют ничем не заменимое достоинство: в них зафиксированы подлинные жизненные отношения, не закостеневшие в юридических формулах законодательных памятников и свободные от пристрастного изображения в нарративной и эпистолярной литературе. Равеннские папирусы приоткрывают завесу над живой действительностью Италии V—VII вв., показывают имущественные отношения, категории зависимого населения, этнический состав рабов и колонов, помогают определить (в сопоставлении с другими источниками), в какой мере юридические нормы были адекватны условиям реальной жизни той эпохи. Для истории Италии под византийским владычеством равеннские папирусы и египетские для истории ранневизантийского Египта, хотя и в меньших масштабах, играют такую же роль, как актовый материал — для истории классического средневековья[220].

По своей документальности близкими к папирусам источниками являются *остраконы* — глиняные черепки с надписями. В связи с тем, что папирус был дорогим материалом для письма, среди беднейшего населения византийского Египта по-прежнему имели хождение дешевые остраконы, на которых писались некоторые документы второстепенного значения. Но роль остраконов в византийскую эпоху значительно сократилась по сравнению с античным временем. Сохранившиеся от византийского времени остраконы помогают уточнить

некоторые детали имущественных отношений и налогового обложения Египта [221].

То же самое относится и к эпиграфике, Поэтому эпиграфические материалы сохраняют немаловажное место в исследованиях по экономической истории ранней Византии [222]. В своем большинстве надписи византийского времени являются надгробными или посвятительными, составленными при постройке храмов и других общественных зданий. Надписи политического характера встречаются несравненно реже. Некоторые эпиграфические памятники, например, надписи из городов Корика и Сард, сообщают ценные сведения об общественной жизни ранневизантийских городов [223].

Археологические изыскания, особенно последних лет, открыли первоклассный, хотя еще недостаточно обследованный материал для изучения экономической истории ранневизантийского общества. Новый мир — мир сельских поселений и вилл в Сирии IV—V вв. возник перед учеными благодаря недавним раскопкам Ж. Чаленко в Северной Сирии [224]. В трудах археологов воскресают некогда прекрасные византийские города. На основании новых археологических изысканий можно воссоздать облик Афин, Филипп, Эфеса, Коринфа и города Стоби [225].

Археологические памятники в большинстве случаев подтверждают данные письменных источников ранневизантийского времени. Иногда они вносят в них известные коррективы. Так, если некоторые нарративные и законодательные источники IV—VI вв. говорят об упадке экономики Византии, то археологические материалы свидетельствуют о высоком уровне развития хозяйства империи, особенно городов.

Данные нумизматики в соединении с результатами археологических изысканий, определяющими ареал монетных находок, за последние годы стали занимать все более видное место в исследованиях по экономической истории Византии. Такие находки важны, например, для определения уровня развития товарно-денежного хозяйства и интенсивности городской жизни в ранней Византии [226].

В целом можно с определенностью сказать, что папирологические, эпиграфические, археологические и нумизматические материалы в новейших исследованиях византинистов, особенно в трудах, посвященных социально-экономической истории Византии IV—VII вв., начинают играть все более заметную роль, тогда как раньше им отводилось лишь подчиненное место по сравнению с нарративными и законодательными памятниками. Именно эти материалы, хотя они и не могут заменить другие источники, благодаря новым открытиям дают возможность значительно расширить наши представления о жизни византийского общества в IV—VII вв.

Глава
2

ОБРАЗОВАНИЕ ВИЗАНТИИ. ТЕРРИТОРИЯ, ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Византийская империя получила свое название от древней мегарской колонии, небольшого городка Визáнтия, на месте которого в 324—330 гг. император Константин основал новую столицу Римской империи, ставшую затем столицей Византии,— Константинополь. Название «Византúя» появилось позже. Сами византийцы называли себя римлянами — «ромеями» (Ῥωμαῖοι), а свою империю — «ромейской». Византийские императоры официально именовали себя «императорами ромеев» (ὁ αὐτοκράτωρ τῶν Ῥωμαίων), и столица империи долгое время называлась «Новым Римом» (Νέα Ῥώμη). Возникнув в результате распада Римской империи в конце IV в. и превращения ее восточной половины в самостоятельное государство, Византия во многом была продолжением Римской империи, сохранившим традиции ее политической жизни и государственного строя. Поэтому Византию IV — VII вв. нередко называют Восточной Римской империей.

Разделение Римской империи на Восточную и Западную, повлекшее за собой образование Византии, было подготовлено особенностями социально-экономического развития обеих половин империи и кризисом рабовладельческого общества в целом. Области восточной части империи, тесно связанные друг с другом издавна сложившейся общностью исторического и культурного развития, отличались своеобразием, унаследованным от эллинистической эпохи. В этих областях не получило столь широкого распространения, как на Западе, рабство; в экономической жизни деревни основную роль играло за-

висимое и свободное население — общинное крестьянство; в городах сохранилась масса мелких свободных ремесленников, труд которых конкурировал с рабским. Здесь не было столь резкой, непроходимой грани между рабом и свободным, как в западной половине Римской державы,— преобладали разнообразные переходные, промежуточные формы зависимости. В системе управления в деревне (община) и городе (муниципальная организация) удержалось больше формально-демократических элементов. В силу этих причин восточные провинции значительно менее западных пострадали от кризиса III в., подорвавшего основы экономики рабовладельческой Римской империи. Он не привел к коренной ломке прежних форм хозяйственного строя на Востоке. Деревня и поместье сохранили свои связи с городом, многочисленное свободное торгово-ремесленное население которого обеспечивало потребности местного рынка. Города не переживали столь глубокого экономического упадка, как на Западе.

Все это обусловило постепенное перемещение центра экономической и политической жизни империи в более богатые и в меньшей степени затронутые кризисом рабовладельческого общества восточные провинции.

Различия в социально-экономической жизни восточных и западных провинций империи вели к постепенному обособлению обеих половин империи, подготовившему в конечном итоге и их политическое разделение. Уже в период кризиса III в. восточные и западные провинции длительное время находились под властью различных императоров. В это время на Востоке вновь ожили и укрепились подавленные римским господством местные, эллинистические традиции. Временный выход империи из кризиса в конце III — начале IV в. и укрепление центральной власти не привели к восстановлению государственного единства. При Диоклетиане власть была поделена между двумя августами и двумя цезарями (тетрархия — четverовластие). С основанием Константинополя у восточных провинций появился единый политический и культурный центр. Создание константинопольского сената знаменовало консолидацию их господствующей верхушки — сенаторского сословия. Константинополь и Рим стали двумя центрами политической жизни — «латинского» Запада и «греческого» Востока. В буре церковных споров наметилось и размежевание восточной и западной церквей. К концу IV в. все эти процессы обозначились настолько явственно, что разделение в 395 г. империи между преемниками последнего императора единой Римской державы Феодосия — Гонорием, получившим власть над Западом, и Аркадием, ставшим первым императором Востока, было воспринято как естественное явление. С этого времени история каждого из образовавшихся государств пошла своим путем [1].

Разделение империи позволило в полной мере раскрыться специфике социально-экономического, политического и культурного развития Византии. Константинополь строился как новая, «христианская», столица, свободная от груза старого, отживающего, как центр государства с более сильной императорской властью и гибким аппаратом управления. Здесь сложился сравнительно тесный союз императорской власти и церкви. Константинополь возник на грани

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА I (306—337 гг.)

Майнц. Римско-германский центральный музей

двух эпох,— уходившей в прошлое античности и зарождавшегося средневековья. Энгельс писал, что «с возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается древность» [2]. И если Рим был символом умиравшей античности, то Константинополь, хотя и воспринявший многие ее традиции, становился символом нарождавшейся средневековой империи.

В состав Византии вошла вся восточная половина распавшейся Римской империи. Она включала в себя Балканский полуостров, Малую Азию, о-ва Эгейского моря, Сирию, Палестину, Египет, Киренаику, о-ва Крит и Кипр, часть Месопотамии и Армении, отдельные районы Аравии, а также опорные владения на южном побережье Крыма (Херсон) и на Кавказе. Не сразу определилась граница Византии лишь в северо-западной части Балкан, где в течение еще некоторого времени после раздела продолжалась борьба между Византией и Западной Римской империей за Иллирик и Далмацию, отошедшие в первой половине V в. к Византии [3].

Территория империи превышала 750 000 кв. км. На севере ее граница проходила по Дунаю до его впадения в Черное море [4], затем — по побережью Крыма и Кавказа. На востоке она тянулась от гор Иберии и Армении, примыкала к рубежам восточного соседа Византии — Ирана, вела через степи Месопотамии, пересекая Тигр и Евфрат, и далее вдоль пустынных степей, населенных североарабскими племенами, на юг — к развалинам древней Пальмиры. Отсюда через пустыни Аравии граница выходила к Айле (Акабе) — на побережье Красного моря. Здесь, на юго-востоке, соседями Византии были образовавшиеся в конце III — начале IV в. арабские государства, южноарабские племена, Химьяритское царство — «Счастливая Аравия» [5]. Южная граница Византии шла от африканского побережья Красного моря, вдоль пределов Аксумского царства (Эфиопия), пограничных с Египтом областей, населенных полукочевыми племенами влеммиев (они жили по верхнему течению Нила, между

Египтом и Нубией), и далее — на запад, по окраинам Ливийской пустыни в Киренаике, где с Византией граничили воинственные мавретанские племена авсуриан и макетов.

Империя охватывала области с разнообразными природно-климатическими условиями. Мягкий средиземноморский, местами субтропический, климат прибрежных районов постепенно переходил в континентальный климат внутренних районов с присущими ему резкими колебаниями температур, жарким и засушливым (особенно на юге и востоке страны) летом и холодной, снежной (Балканы, отчасти Малая Азия) или теплой, дождливой (Сирия, Палестина, Египет) зимой.

Бо́льшую часть территории Византии занимали горные или гористые области (Греция, включая Пелопоннес, Малая Азия, Сирия, Палестина). Сравнительно обширные равнинные пространства представляли собой некоторые придунайские районы: дельта Дуная, плодородная южнофракийская равнина, покрытое редким кустарником холмистое плоскогорье внутренней Малой Азии, полустепи-полупустыни востока империи. Равнинный рельеф местности преобладал на юге — в Египте и Киренаике.

Территория империи состояла преимущественно из областей с высокой земледельческой культурой. Во многих из них плодородные почвы позволяли выращивать по 2—3 урожая в год. Однако земледелие почти всюду было возможно лишь при условии дополнительного полива или орошения. Везде, где допускали условия, выращивались зерновые культуры — пшеница и ячмень. Остальные поливные или орошаемые земли были заняты под садово-огородные культуры, более засушливые — под виноградники и оливковые плантации. На юге была распространена культура финиковой пальмы. На пойменных лугах, а главным образом на покрытых кустарниками и лесами горных склонах, на альпийских высокогорных лугах и в полустепях-полупустынях востока было развито скотоводство.

Природно-климатические и водные условия определяли известные отличия в хозяйственном облике разных областей империи. Основным районом производства зерна был Египет. С IV в. второй житницей империи стала Фракия. Значительное количество зерна давали и плодородные речные долины Македонии и Фессалии, холмистой Вифинии, области Причерноморья, орошаемые Оронтом и Иорданом земли Северной Сирии и Палестины, а также Месопотамия.

Греция, острова Эгеиды, побережья Малой Азии, Сирии, Палестины — это были районы садово-огородных культур и винограда. Роскошными виноградниками и полями, засевавшимися хлебом, была богата даже горная Исаврия. Одним из крупнейших центров виноградарства являлась Киликия. Значительных размеров достигло виноградарство и во Фракии. Греция, Западная Малая Азия, внутренние районы Сирии и Палестины служили основными центрами оливководства. В Киликии и особенно Египте в большом количестве выращивался лен, а также стручковые (бобы), составлявшие пищу простого народа. Греция, Фессалия, Македония и Эпир славились своим медом, Палестина — финиковыми пальмами и фисташковыми деревьями.

В западных областях Балкан, во Фракии, внутренних районах Малой Азии, на степных пространствах Месопотамии, Сирии, Палестины, Киренаики было широко развито скотоводство. На невысоких, покрытых кустарниками склонах гор Греции и побережье Малой Азии разводили тонкошерстных коз. Внутренние районы Малой Азии (Каппадокия, степи Халкидики, Македония) были овцеводческими; Эпир, Фессалия, Фракия, Каппадокия — коневодческими; холмистые области Западной Малой Азии и Вифиния с их дубовыми лесами были главными районами свиноводства. В Каппадокии, в степях Месопотамии, Сирии и Киренаики разводились лучшие породы лошадей и вьючного скота — верблюдов, мулов. У восточных границ империи были распространены различные формы полукочевого и кочевого скотоводства. Славу Фессалии, Македонии и Эпира составлял изготовлявшийся здесь сыр — он назывался «дарданским». Малая Азия была одним из основных районов производства кож и кожаных изделий; Сирия, Палестина, Египет — льняных и шерстяных тканей.

Богата была Византия и природными ресурсами. Воды Адриатики, Эгейского моря, Черноморского побережья Малой Азии, особенно Понта, Финикии, Египта изобиловали рыбой. Значительны были и лесные массивы; в Далмации имелся превосходный строевой и корабельный лес [6]. Во многих областях империи были огромные залежи глины, применявшейся для производства керамических изделий; песка, пригодного для изготовления стекла (прежде всего Египет и Финикия); строительного камня, мрамора (особенно Греция, острова, Малая Азия), поделочных камней (Малая Азия). Империя располагала и значительными залежами полезных ископаемых. Железо добывалось на Балканах, в Понте, Малой Азии, в горах Тавра, в Греции, на Кипре, медь — в знаменитых Феннских рудниках Аравии; свинец — в Пергаме и на Халкидике; цинк — в Троаде; натр и квасцы — в Египте. Настоящей кладовой полезных ископаемых являлись балканские провинции, где добывалась основная масса потреблявшихся в империи золота, серебра, железа и меди. Немало полезных ископаемых было в области Понта, в византийской Армении (железо, серебро, золото) [7]. Железом и золотом империя была значительно богаче всех соседних стран. Однако олова и отчасти серебра ей нехватало: их приходилось ввозить из Британии и Испании.

На побережье Адриатики, из соленых озер Малой Азии и Египта получали соль. В достаточном количестве имелись в Византии и разные виды минерального и растительного сырья, из которого изготовлялись красители, гнались ароматические смолы; здесь были и ныне исчезнувшее растение сильфий, и шафран, и лакричный корень, и различные лекарственные растения. У побережья Малой Азии и Финикии добывалась раковина murex, служившая для приготовления знаменитой пурпурной краски.

Египет — дельта и берега Нила — был основным районом Средиземноморья, где произрастал особый тростник (ныне уже редко встречающийся в верховьях реки), из которого выделывался важнейший писчий материал того времени — папирус (он изготовлялся также в Сицилии).

Византия могла обеспечивать свои потребности почти во всех основных продуктах, а некоторые из них даже в значительном количестве вывозить в другие страны (зерно, масло, рыба, ткани, металл и металлические изделия). Все это создавало известную экономическую устойчивость в империи, позволяло вести достаточно широкую внешнюю торговлю как продуктами сельского хозяйства, так и ремесленными изделиями, ввозя преимущественно предметы роскоши и драгоценное восточное сырье, восточные пряности, ароматы, шелк. Территориальное же положение империи делало ее в IV—VI вв. монопольным посредником в торговле между Западом и Востоком.

Население огромной Византийской империи в IV—VI вв., по подсчетам некоторых исследователей, достигало 50—65 млн. [8] В этническом отношении Византия была пестрым объединением десятков племен и народностей, находившихся на разных стадиях развития.

Наиболее многочисленную часть ее населения составляли греки и эллинизированные местные жители негреческих областей. Греческий язык стал самым распространенным, а греки фактически — господствующей народностью. Кроме юга Балканского полуострова, чисто греческими по населению были острова, бóльшая часть побережья византийской Африки и Западной Малой Азии. Очень значительным был греческий элемент в Македонии и Эпире.

Довольно много греков жило в восточной половине Балкан, на побережье Черного моря в Малой Азии, в Сирии, Палестине, Египте, где они составляли преобладающий процент городского населения.

Латинское население в восточной половине бывшей Римской империи отличалось сравнительной немногочисленностью. Значительным оно являлось лишь в северо-западных районах Балканского полуострова, на Адриатическом побережье Балкан и вдоль дунайской границы — до Дакии включительно. Довольно много римлян жило и в городах Западной Малой Азии. В остальных областях восточной половины империи романизация была весьма слабой, и даже представители наиболее образованной части местной знати обычно не знали латинского языка. Небольшие группы римлян — в несколько десятков, редко — сотен семей — сосредоточивались в наиболее крупных административных и торгово-ремесленных центрах. Несколько больше их было в Палестине.

Значительным и широко рассеянным по важнейшим областям империи являлось иудейское население. Жившие большой компактной массой на территории Палестины евреи и самаритяне, близкие по быту и вере к евреям, были многочисленны и в соседних провинциях — Сирии и Месопотамии. Крупные еврейские общины имелись в Константинополе, Александрии, Антиохии и других городах. Евреи сохраняли свою этническую самобытность, религию, язык. В период Римской империи сложилась огромная талмудическая литература на еврейском языке.

Большую группу населения Византии составляли жившие на северо-западе Балкан иллирийцы. Они в большей мере подверглись романизации, приведшей к распространению и установлению господства латинского языка и письменности. Однако и в IV в. у иллирийцев уцелели известные черты этнического своеобразия, особенно в

сельских, горных районах. Они сохранили в основной своей массе свободу, сильную общинную организацию, дух независимости. Воинственное племя иллирийцев давало лучшие контингенты позднеримской и ранневизантийской армии. Иллирийский язык, употреблявшийся в разговорной речи, сыграл впоследствии немалую роль в формировании албанского языка.

На территории Македонии жили македоняне — довольно многочисленная народность, давно уже подвергшаяся интенсивной эллинизации и романизации.

Восточную половину Балканского полуострова населяли фракийцы — одна из наиболее крупных по численности народностей Балканского полуострова. Многочисленное свободное крестьянство Фракии жило общинами, в которых еще нередко удерживались остатки родовых отношений. Несмотря на сильную эллинизацию и романизацию Фракии, ее население и в IV в. настолько отличалось от населения эллинизированных областей Востока, что восточноримские писатели нередко называли Фракию «варварской страной». Свободные фракийские земледельцы и скотоводы, рослые, крепкие и выносливые, пользовались заслуженной славой едва ли не лучших воинов империи.

После утраты империей всей задунайской Дакии, на территории Византии осталось весьма немного дакийцев: они были переселены в пограничные области Мизии.

Начиная с середины III в. в этническом составе дунайских провинций произошли значительные изменения. С этого времени здесь стали селиться соседние с империей варварские племена: готы, карпы, сарматы, тайфалы, вандалы, аланы, певки, бораны, бургунды, тервинги, гревтунги, герулы, гепиды, бастарны[9]. Каждое из этих племен насчитывало десятки тысяч человек. В IV—V вв. приток варваров заметно усилился. Уже до этого, в III—IV вв., у окружавших империю племен германцев и сарматов, находившихся на разных стадиях разложения первобытнообщинных отношений, заметно развились производительные силы, стали складываться мощные союзы племен, что позволило варварам захватывать пограничные области слабевшей Римской империи.

Одним из наиболее крупных стал готский союз, объединивший в конце III — начале IV в. многие наиболее развитые, земледельческие, оседлые и полуоседлые племена Причерноморья, переходившие от первобытнообщинного строя к классовому. У готов были свои короли, многочисленная знать, существовало рабство. Восточноримские писатели считали их самыми развитыми и культурными из северных варваров. С конца III — начала IV в. среди готов начинает распространяться христианство.

К середине IV в. союзы племен вандалов, готов, сарматов окрепли и усилились. По мере развития земледелия и ремесла их походы на империю предпринимались уже не столько ради добычи и пленных, сколько для захвата плодородных, пригодных для обработки земель. Правительство, будучи не в силах сдержать напор варваров, вынуждено было предоставлять им опустошенные пограничные территории, возлагая затем на этих поселенцев оборону государственных рубе-

жей. Особенно усилился натиск готов на дунайские границы империи во второй половине IV в., преимущественно с 70-х годов, когда их стали теснить продвигавшиеся из Азии полудикие кочевники — гунны. Разгромленные готы, сарматы, кочевники-аланы придвинулись к Дунаю. Правительство разрешило им перейти границу и занять пустующие пограничные области. Десятки тысяч варваров были расселены в Мизии, Фракии, Дакии. Несколько позже они проникли в Македонию и Грецию, частично осели в малоазийских областях — во Фригии и Лидии. Остготы поселились в западных придунайских районах (Паннония), вестготы — в восточных (Северная Фракия).

В V в. гунны достигли пределов империи. Они подчинили себе многие варварские народы и создали мощный союз племен. В течение нескольких десятилетий гунны нападали на балканские провинции империи, доходя до Фермопил. Фракия, Македония и Иллирик были опустошены их набегами.

Массовые вторжения и заселение варварами балканских земель привели к значительному сокращению греческого, эллинизированного и романизированного населения этих провинций Византии, к постепенному исчезновению македонской и фракийской народностей.

Раздираемый внутренними противоречиями гуннский союз племен распался в 50-х годах V в. (после смерти Аттилы). Остатки гуннов и подвластных им племен удержались на территории империи. Гепиды населяли Дакию, готы — Паннонию. Они заняли ряд городов, из которых ближайшим к империи был Сирмий, а отдаленнейшим — Виндомина, или Виндобона (Вена). Много гуннов, сарматов, скиров, готов было поселено в Иллирике и Фракии.

С конца V в. в византийские владения начали проникать другие племена, подступившие к границам империи,— протоболгары-тюрки — кочевники, переживавшие процесс разложения первобытнообщинных отношений, и земледельческие племена славян, поселения которых в конце V в. появляются у дунайских границ империи.

К моменту образования Византии процесс эллинизации коренного населения во внутренних восточных областях Малой Азии был еще далеко не завершен. Авторы IV—V вв. с пренебрежением описывают примитивный деревенский быт жителей этих областей. Известное значение сохраняли многие местные языки. Лидийцы, имевшие в прошлом развитую цивилизацию и государственность, обладали своей письменностью. Местные языки были распространены в Карии и Фригии. Фригийский язык еще в V—VI вв. существовал как разговорный. Этническую самобытность сохраняли и жители Галатии и Исаврии, население которой только в IV—V вв. было подчинено власти византийского правительства. В Каппадокии эллинизация серьезно затронула лишь высшие слои местного населения. Основная масса сельских жителей в IV в. продолжала говорить на местном, арамейском, языке, хотя официальным языком служил греческий.

В восточной части Понта, в Малой Армении и Колхиде обитали различные местные племена: цаны (лазы), албаны, абазги. У многих племен, населявших пограничные балканские районы и области Малой Азии, удерживались пережитки родовых отношений.

Еще в IV—V вв. воинственное племя исавров жило кланами, подчиняясь своим родовым и племенным вождям и мало считаясь с властью правительства.

После раздела в 387 г. Армянского государства Аршакидов в состав Византии вошла приблизительно четвертая его часть: Западная (Малая) Армения, Внутренняя Армения и автономные княжества. Армяне, прошедшие к этому времени многовековой путь исторического развития, переживали в IV—V вв. период разложения рабовладельческих и зарождения феодальных отношений. В конце IV в. Месропом Маштоцем был создан армянский алфавит, и в V в. происходило активное развитие армянской литературы, искусства, театра. Пользуясь распространением христианства в Армении, Византия стремилась овладеть всеми армянскими землями, за которые вела борьбу с Ираном. В IV—V вв. армянское население появилось и в других областях и городах империи. В то же время Византия, опираясь на некоторые пункты кавказского побережья, добивалась укрепления своего влияния в Грузии, где с IV в. также распространялось христианство. Грузия разделялась Лихским хребтом на два царства: Лазику (древняя Колхида) — на западе и Картли (древняя Иберия) — на востоке. Хотя Иран в IV—V вв. упрочил свою власть в Иберии, в Западной Грузии укрепилось государство лазов, связанное с Византией. В Предкавказье, на побережье Черного и Азовского морей, Византия имела влияние среди адыго-черкесских племен.

Прилегающие к Каппадокии и Армении районы Месопотамии были населены арамеями, а области Осроены — арамейско-сирийскими и отчасти арабскими кочевниками. Смешанным — сирийско-греческим — было и население Киликии. На границах Малой Азии и Сирии, в горах Ливана, жило многочисленное племя мардаитов.

Подавляющее большинство жителей византийской Сирии составляли семиты-сирийцы, имевшие свой язык и сложившиеся культурно-исторические традиции. Лишь очень небольшая часть сирийцев подверглась более или менее глубокой эллинизации. Греки здесь жили только в крупных городах. Деревня и более мелкие торгово-ремесленные центры были почти целиком населены сирийцами; из них состояла также и значительная прослойка населения больших городов. В IV в. продолжался процесс формирования сирийской народности, оформлялся сирийский литературный язык, появилась яркая и самобытная литература. Главным культурным и религиозным центром сирийского населения империи стала Эдесса.

В юго-восточных пограничных областях Византии, на восток от Сирии, Палестины и Южной Месопотамии, начиная с Осроены и далее на юг обитали арабы, ведшие полукочевой и кочевой образ жизни. Часть их более или менее прочно обосновалась в пределах империи, подверглась влиянию христианства, другая — продолжала кочевать у ее границ, время от времени вторгаясь на византийскую территорию. В IV—V вв. происходил процесс консолидации арабских племен, складывалась арабская народность, шло развитие арабского языка и письменности. В это время сложились более или менее крупные объединения племен — государства Гассанидов и Лахмидов; за влияние на них боролись Иран и Византия.

В Киренаике господствующей прослойкой, концентрировавшейся в городах, являлись греки, эллинизированная местная верхушка и небольшое число римлян. Известную часть торговцев и ремесленников составляли иудеи. Абсолютное же большинство сельского населения принадлежало к коренным жителям страны.

Этнически чрезвычайно разнообразным было также население византийского Египта [10]. Здесь можно было встретить римлян, сирийцев, ливийцев, киликийцев, эфиопов, арабов, бактрийцев, скифов, германцев, индийцев, персов и т. д., но основную массу жителей составляли египтяне — их принято называть коптами — и очень уступавшие им по численности греки и иудеи. Коптский язык был главным средством общения коренного населения, многие египтяне не знали и не хотели знать греческого языка. С распространением христианства возникла религиозная по содержанию коптская литература, приспособленная к народным вкусам. Вместе с тем развилось самобытное коптское искусство, оказавшее большое влияние на формирование византийского искусства. Копты ненавидели эксплуататорское Византийское государство. В исторических условиях того времени этот антагонизм принимал религиозную форму: вначале копты-христиане противостояли эллинизированному населению — язычникам, затем копты-монофиситы — грекам-православным.

Разноплеменный состав населения Византии оказывал определенное влияние на характер складывавшихся здесь социально-политических отношений. Предпосылок для образования единой «византийской» народности не было. Напротив, большие компактные этнические группы, которые жили в империи, сами представляли собой народности (сирийцы, копты, арабы и т. д.), находившиеся в процессе своего становления и развития. Поэтому по мере углубления кризиса рабовладельческого способа производства наряду с социальными обострялись и этнические противоречия. Отношения между населявшими империю племенами и народностями являлись одной из важнейших внутренних проблем в Византии. Господствующая греко-римская знать опиралась на известные элементы политической и культурной общности, сложившиеся в период эллинизма и существования Римской империи. Оживление эллинистических традиций в социальной, политической и духовной жизни и постепенное ослабление влияния традиций римских были одним из проявлений консолидации Восточной Римской империи. Используя общность классовых интересов господствующих слоев разных племен и народностей, а также эллинистические традиции и христианство, греко-римская аристократия стремилась упрочить единство Византии. В то же время проводилась политика разжигания противоречий между различными народностями с тем, чтобы таким образом удерживать их в подчинении. На протяжении двух — двух с половиной столетий Византии удалось сохранить свое владычество над коптами, семитами-сирийцами, иудеями, арамеями. В то же время на греческих и эллинизированных территориях, постоянно входивших в состав Восточной Римской империи, постепенно складывалось основное этническое ядро Византии.

Глава
3

АГРАРНЫЙ СТРОЙ ВИЗАНТИИ В IV—VI ВВ.

Кризис III в., хотя и не в такой степени, как на Западе, все же неблагоприятно отразился на сельском хозяйстве областей, вошедших позднее в состав Византии. Пришли в упадок ирригационные сооружения, деградировали агрикультура и агротехника, из-за нехватки рабочих рук были заброшены большие площади земли. Использование пустующих земель было одной из важнейших проблем для государства. Правительству не удалось полностью разрешить ее ни в IV, ни в V, ни в VI вв. Правда, последствия кризиса III в. были в Византии частично преодолены. Было восстановлено большинство ирригационных сооружений, вновь обработана значительная часть заброшенных земель (главным образом, поселившимися на них варварами). В IV—VI вв. широкое применение получили механизмы для орошения полей, а на полевых работах в отдельных областях — усовершенствованные орудия: колесный плуг, запряженные быками жатки, косилки, молотильные телеги. По свидетельству Палладия, многие из этих орудий изготовлялись в Малой Азии не только для собственных потребностей страны, но и для вывоза в Италию. Трактаты греческих агрономов IV в. свидетельствуют о продолжавшемся развитии агрикультуры. Писатели IV—VI вв. говорят о повсеместном применении удобрений. Григорий Нисский сообщает о высоком уровне садоводства, о выведении новых сортов плодов садоводами, о «природе, измененной их искусством».

Как показывают материалы раскопок, в византийских имениях и деревнях в IV—V вв. весьма интенсивно строились новые колодцы

и цистерны, сооружались масляные и виноградные прессы [1]. Развивалось и животноводство: разводились различные породы скота — тонкорунные козы и овцы, вьючные и верховые лошади. В большинстве областей империи хозяйство носило интенсивный по тому времени и притом товарный характер (хлебопашество, оливководство, виноградарство, садоводство) [2].

Однако прогресс сельского хозяйства был чрезвычайно медленным. Его развитие тормозили производственные отношения, существовавшие в Византии.

На ее аграрном строе отразились противоречия, характерные для эпохи, переходной от рабовладельческой к феодальной формации. Хотя рабский труд уже не играл решающей роли в сельском хозяйстве, все же он сохранял еще весьма заметное значение. Источники IV—V вв. нередко упоминают сельских рабов. Они имелись и у некоторых мелких земельных собственников, и в имениях средних землевладельцев-куриалов, и в поместьях земельных магнатов. Закон запрещал рабам императорских имений вступать в армию и на государственную службу. Как показывает отчетность имения крупнейших землевладельцев Египта — Апионов, затраты на содержание рабов составляли здесь одну из постоянных статей расхода. Однако абсолютное большинство рабов-земледельцев в имении — это рабы.

БЫК

Мозаика зала Филии. Антиохия. Vв.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе Вторая половина VI в. (?)

посаженные на землю, рабы на пекулии. Подобно колонам, они обрабатывали свои участки и вели свое хозяйство.

Рабский труд в земледелии больше всего применялся в Элладе и на Пелопоннесе, на островах Эгейского моря, в западных районах Малой Азии. Судя по рассказу Ливания об имении его друга, коринфского куриала Аристофана[3], в нем, по-видимому, и в IV в. довольно широко использовался труд рабов. Вопрос о продаже рабов рассматривает закон 327 г., адресованный комиту Македонии. О рабах-земледельцах говорят и фрагменты кадастровых записей из Тралл, с о-ва Феры[4]. На рынках Малой Азии в IV в. шла бойкая торговля рабами.

По-видимому, значительно распространен был тогда рабский труд и в имениях Киренаики. Киренский куриал Синесий писал в конце IV — начале V в.: «Я уменьшил свои земельные владения, многие из моих рабов сделались полноправными гражданами»[5].

В других областях империи (Сирия, Египет, дунайские провинции, внутренние районы Малой Азии) труд посаженных на землю рабов, вероятно, не имел столь большого значения. Обычно рабы здесь не использовались на основных земледельческих работах. Это были рабы-пастухи, рабы, присматривавшие за господскими садами и виноградниками, занятые в домашнем хозяйстве имения — давильщики винограда, работники на масляных прессах, господской мельнице, рабы-ремесленники, разного рода прислуга и низший административный персонал в имении[6].

В IV в. заметно возросла хозяйственная самостоятельность раба, окрепла его связь с пекулием. Закон 366 г. запрещал продавать рабов-земледельцев отдельно от их земли. Меньшая, сравнительно с западными провинциями численность рабов в Византии IV—V вв., живших при доме господина и работавших на домениальной земле, объясняется исторически сложившимися особенностями развития рабства в восточных провинциях. Оно и раньше не получило здесь столь широкого распространения, как на Западе. Тут было много рабов, посаженных на землю, работавших не в господском хозяйстве, а на выделенных им участках, и пользовавшихся известной хозяйственной свободой. В свое время, в эллинистическую эпоху, в таком положении находились царские рабы и иеродулы храмов, ближе стоявшие по своему положению к зависимым крестьянам, чем к рабам эргастулов Запада. Все это, как и наличие на Востоке более мягких форм рабства, при которых рабу предоставлялась известная фактическая и юридическая правоспособность (так, греко-египетские

ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА. БОРЬБА ЗВЕРЕЙ

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

ПАСТУХ СРЕДИ СТАДА

Блюдо. Серебро. VI в. Государственный Эрмитаж

рабы еще во II—III вв. владели собственным имуществом) [7], облегчало в восточных провинциях выведение рабов на пекулий. Хотя их земля, имущество, скот, орудия труда, семена принадлежали господину, фактически они имели значительные права распоряжения этим имуществом. Практика отпуска сельских рабов на свободу, широко распространенная и в IV в., еще более приближала их положение к положению зависимых крестьян, колонов. По закону 371 г. вольноотпущенники были прикреплены к имениям своих господ. Уже Дигесты рассматривали раба, посаженного на землю, как колона, не зачисляя его в инвентарь имения.

Основную массу сельского населения в IV—V вв. составляли колоны разных степеней зависимости.

Вопрос об общественно-экономической сущности восточноримского колоната еще недостаточно разработан, хотя по нему и существует обширная литература [8]. В буржуазной историографии главное внимание обращается на юридический статус колонов и на роль государства в формировании колоната. Изучение социально-экономического содержания этого института начато лишь в марксистской историографии.

По своему происхождению колон — первоначально свободный арендатор земли у земельного собственника. В период империи колоны были прикреплены к земле. В восточных провинциях колонат еще в первые века нашей эры получил очень широкое распространение. Его развитию благоприятствовало наличие массы мелких

свободных собственников в деревне. Прикрепление к земле было также хорошо известно в восточных провинциях, где оно практиковалось в эллинистическую эпоху в царских и храмовых имениях. Пережитки этого института сохранились и в эпоху римского владычества. Они стали возрождаться в период распада рабовладельческих отношений. Издавна на Востоке существовали и различные категории зависимых держателей на городских и частных землях [9].

Численность колонов в IV в. увеличивалась — частично за счет посаженных на землю, а затем освобожденных рабов, военнопленных, варваров-поселенцев, которые в IV—V вв. в подавляющем большинстве превращались в колонов, но главным образом за счет разорявшихся мелких земельных собственников, свободных арендаторов, безземельных работников, инквилинов [10], трибутариев [11]. Положение различных категорий держателей чужой земли продолжало сближаться. Они все более сливались в единый слой колонов, в котором оформлялись две основные категории: свободные колоны, или элевтеры (ἐλεύθεροί), и адскриптиции — приписные колоны, или энапографы (ἐναπόγραφοι).

В то время еще сохранилось значительное число мелких свободных арендаторов, которые имели право уйти с арендуемой земли по истечении срока договора.

Прослойка мелких независимых земельных собственников и свободных арендаторов все более сокращалась. Начавшееся с IV в. прикрепление колонов к имениям, в которых они арендовали землю,

ДОЕНИЕ КОЗЫ

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

было мерой, вызванной не только фискальными интересами правительства. Оно прежде всего отражало сложившуюся зависимость большинства колонов от собственников земли, в силу которой колоны фактически уже были прикреплены к своим участкам. Государство в своей фискальной политике закрепляло реально складывавшиеся отношения. Знаменитый закон 332 г. de fugitivis colonis предписывал ловить и возвращать обратно на их участки всех беглых колонов так же, как и рабов.

В большинстве старых эллинизированных областей восточных провинций прикрепление колонов к земле было в первой половине IV в. обычным явлением. В областях, где рабовладельческие отношения не получили столь широкого распространения, где значительную часть сельского населения составляло свободное крестьянство, этот процесс протекал значительно медленнее. Так, колоны Иллирика были прикреплены лишь в 371 г., колоны Фракии — в 392 г. Прикрепление колонов было в основном завершено к концу IV в.

Юридическое положение прикрепленного к земле свободного колона в IV—V вв. было двойственным. С одной стороны, он обладал собственностью и считался лично свободным человеком, с другой — был прикрепленным к земле наследственным держателем. Наряду с той землей, орудиями, рабочим скотом и прочим имуществом, которое колон получал от господина, он мог иметь и собственную землю, инвентарь, скот, семена. Формально его отношения с господином ограничивались уплатой (в соответствии с обычаями местности) оброка натурой (иногда — деньгами, иногда — и тем и другим) и выполнением обусловленных договором работ. В случае приобретения земли или имущества, достаточного для существования, он мог вновь стать независимым собственником.

Как лично свободный, колон сам уплачивал государственные подати и выполнял государственные повинности. Как собственник, он отвечал своим имуществом «не только за взнос аренды, но и за инвентарь, за налоги и за другие обязательства, вытекавшие из договоров и местных обычаев». Постепенно, в результате роста недоимок по податям и долгов, колоны теряли принадлежавшую им собственность. В IV в. велось активное наступление крупных земельных собственников на права свободных колонов. Были изданы многочисленные императорские постановления, свидетельствовавшие о нарушении прав колонов, о попытках увеличить их оброки и повинности. Если раньше у колонов оставалась половина или третья часть урожая, то в V в. она составляла не более четвертой или пятой доли. Большинство колонов стало неоплатными должниками своих господ. А задолженность свободных колонов собственникам земли приводила к повышению их платежей и увеличению повинностей.

Ухудшение материального положения колонов отразилось и на их юридическом статусе. Законодательство IV—V вв. включает оброки и повинности в список имущества, принадлежащего собственнику имения, наряду с инвентарем, рабами и скотом. Колоны не могли уже свободно распоряжаться своим имуществом. Согласно эдикту 365 г. они утратили право отчуждать свою собственную землю без согласия господина.

Превращение свободных колонов в наследственных зависимых держателей было сложным процессом. Конечно, свободные колоны вправе были протестовать против насилий и притеснений своего господина и даже судиться с ним, если он пытался увеличить платежи и поборы: «Если господин требует от колона больше, чем колон обычно платил раньше и чем взыскивали с него в предшествующий период,— говорится в Кодексе Юстиниана,— пусть колон пойдет к судье... и установит правонарушение, чтобы человеку, уличенному в том, что он требовал больше, чем обычно получал, было запрещено делать это в дальнейшем». Однако в большинстве случаев рост платежей и повинностей колонов находил оправдание в их задолженности господину.

Сдвиги в положении колонов в определенной мере тормозились тем, что в Византии многие свободные колоны являлись не индивидуальными арендаторами, а сидели на частной земле целыми общинами, деревнями (κώμη, χωρίον), это давало им известную коллективную сплоченность в борьбе с землевладельцем. Так, часть земель Ливания обрабатывали колоны-иудеи, поселившиеся на ней компактной группой, вероятно, деревней, «четыре поколения назад» и дававшие отпор своему господину довольно организованно. Они сообща избирали и направляли ходоков в суд, собирали деньги и продукты для подкупа судей и лиц, способных оказать влияние на исход дела. И все же обычно эта борьба заканчивалась поражением колонов: вследствие реальной силы их господина, получавшего к тому же поддержку в классовой политике государства и его представителей, перевес оказывался на стороне магната.

Свободные колоны со временем превращались в приписных — в адскриптициев, или энапографов, не располагавших земельной собственностью, орудиями труда, рабочим скотом, семенами, нередко и остальным имуществом и получавших пекулий от господина. Они были арендаторами земли и господского имущества, которыми не могли свободно распоряжаться и которые имели право лишь передавать по наследству. Такие колоны были прикреплены к имению; им запрещалось покидать его без разрешения господина и даже вступать в брак за его пределами. В отличие от свободных колонов, энапографы и юридически не признавались свободными лицами. Они были записаны в ценз своего господина, и только через него осуществлялись все их отношения с государством, прежде всего уплата податей.

К концу V в. фактическое положение свободных колонов и энапографов во многом сблизилось. Свободные колоны, утрачивая свою собственность и свободу, все более превращались в наследственных держателей земли господина (согласно закону V в., по истечении 30 лет колон навсегда терял право покинуть участок) и обрабатывали землю с помощью его орудий и скота. Энапографы, среди которых было немало испомещенных на землю рабов, постепенно укрепляли свои владельческие права на землю и имущество господина, которыми пользовались. Он не имел права сгонять этих колонов с участков, продавать своих адскриптициев отдельно от их хозяйства.

МУЗЫКАНТ И ДВЕ ЛОШАДИ С ЖЕРЕБЕНКОМ

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

По-видимому, несмотря на утрату частью свободных колонов своей земли, инвентаря и скота, общей тенденцией развития являлось упрочение хозяйственной самостоятельности колонов и расширение их владельческих прав. Законодательство свидетельствует о том, что в VI в. колоны обладали правом распоряжения своим пекулием [12].

Прикрепление колона к земле было одним из последствий разложения рабовладельческого хозяйства. Поскольку в рассматриваемую эпоху экономически наиболее выгодным стало не крупное (домениальное), а мелкое хозяйство, постольку собственно господская земля сокращалась, а экономическая самостоятельность земледельцев возрастала. Прикрепление колонов к земле в этих условиях гарантировало господину их эксплуатацию.

Таким образом, аграрные отношения в Византии претерпевали глубокие изменения. Наряду с непосредственной утратой колонами их собственности, происходило укрепление мелкого хозяйства этих земледельцев, увеличение их прав в области фактического распоряжения землей и инвентарем, хотя юридически то и другое большей частью находилось в собственности господина [13].

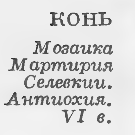
В IV—V вв. колоны, свободные и энапографы составляли большинство зависимого сельского населения. Так, в имениях упоминавшихся уже египетских землевладельцев Апионов более 90% земли находилось в руках держателей разных категорий: это были участки (γήδιον) колонов.

Указанные обстоятельства определяли и хозяйственную структуру византийского имения (κτῆμα χωρίον) IV—V вв. Ведь уже в более раннее время значительная часть земли в восточноримских имениях обрабатывалась держателями, нередко целыми селениями зависимых земледельцев-общинников. К тому же на Востоке, особенно в Малой Азии, крупные и даже средние владения далеко не всегда являлись единым территориальным комплексом, единым гос-

подским хозяйством. Подчас, напротив, они состояли из множества небольших имений, вероятно, представлявших собой лишь поселения зависимых земледельцев на господской земле, поселения, в которых, однако, не было хозяйских усадеб. Таковые имелись лишь в крупных поместьях, и здесь обычно большее количество земли занимало собственно господское хозяйство. Однако и там, где оно сохранялось, в III—V вв. происходило его дальнейше сокращение.

Теперь господское хозяйство редко включало в свой состав значительные массы пахотных земель (ἰδιοσπειραὶ ἀροῦραι)

Господский дом, вилла, постепенно переставал быть средоточием хозяйственной жизни имения, каким он являлась раньше, а все более превращался в центр эксплуатации расположенных на территории имения хозяйств колонов, их деревень и селений [14], в пункт обработки и хранения поступавших от них продуктов. В связи с этим изменялся самый облик господской виллы: археологические данные свидетельствуют о том, что в это время исчезли жилища работников, ранее строившиеся близ виллы, многочисленные помещения для хранения инвентаря, содержания рабочего скота, необходимого для обработки господской земли. Как показывают, в частности, материалы раскопок в Сирии, одни господские виллы постепенно пришли в упадок и вовсе перестали существовать, другие утратили прежнее хозяйственное значение. Зато на территории имений вырастали хозяйства держателей, селения колонов [15]. Появилось множество новых деревень и поселков, развивалось деревенское строительство.

КОНЬ
Мозаика Мартирия Селевкии. Антиохия. VI в.

На окружавшей господский дом земле располагались огородные участки, сады и виноградники (здесь выращивались лучшие плоды и сорта винограда), луга для выпаса господских коней; тут же имелись водоемы и пруды, в которых разводилась рыба для стола владельца имения. Господский дом все более приобретал облик загородной резиденции вельможи, в которой он и его семья проводили свой летний отдых. В IV—V вв. шло интенсивное строительство больших, светлых, красивых вилл с многочисленными помещениями для отдохновения и развлечений, банями, беседками и т. д. [16] Описание одного из таких имений сохранилось у Григория Нисского: «Издали, словно какое-то пламя от огромного костра, засияла перед нами красота зданий... Каждое из них представляет что-то особенное, придуманное для удовольствия. Выдающиеся башни, постройки для пиршеств, широкие и высокие ряды деревьев перед дверьми, увенчивающие вход... И все эти сады, кроме красоты, отличаются обилием каждого сорта деревьев, расположением всех насаждений и стройной живописностью... А дорожка под привязанными к деревьям виноградными лозами, и приятная тень от гроздьев, и новый ряд стен по сторонам — из кустов роз и виноградных ветвей, и в конце каждой дорожки водоем и в нем выкармливаемые рыбы... Потом привели меня к некоему дому, словно предназначенному для отдыха, ибо крыльцо побуждало нас думать о доме, но, переступив порог, мы очутились не в доме, а в галерее. Галерея же стояла на возвышении, весьма высоко поднимавшемся над глубоким прудом. Вода ударяла в фундамент, поддерживающий эту галерею, которая как бы служила преддверием внутренней роскоши, ибо галерея заканчивалась домом с высокой кровлей, отовсюду освещаемым солнечными лучами, расцвеченным различными живописными изображениями: так что мы, будучи на этом месте, почти забыли о том, что видели прежде...» [17].

На некотором расстоянии от виллы были разбросаны деревни и селения обрабатывавших ее землю колонов. Жившие в таком имении рабы были главным образом слуги, конюхи, виночерпии, егеря и т. д. Из рабов, работавших на земле, в источниках упоминаются садовники и рабы, обслуживавшие виноградные и масляные прессы, а также занятые на господской мельнице.

Письменные и археологические памятники дают довольно полное представление о сирийской вилле этого времени. Она представляла собой более или менее правильный прямоугольник, одну сторону которого занимал каменный двухэтажный господский дом с портиком. К дому примыкали различные хозяйственные и жилые постройки. Свободные стороны этого прямоугольника были ограждены стенами; в одной из них имелись ворота. Под жилье для рабов и живших в имении зависимых работников могло быть использовано сравнительно немного помещений. По-видимому, число таких людей в самой вилле было довольно ограниченным. Большее место занимали различные хозяйственные постройки — помещения для хранения и переработки сельскохозяйственных продуктов. На территории виллы находились также виноградные и масляные прессы, более совершенные, чем те, которыми пользовались колоны.

От сирийских вилл несколько отличались виллы малоазийских магнатов. Расположенные среди их обширных владений, в окружении десятков зависимых селений, они в какой-то мере походили на феодальные поместья последующего времени. Их хозяева дольше, чем крупные землевладельцы Сирии, жили в своих имениях, находившихся вдалеке от городов. Поэтому господский дом здесь более напоминал дворец, богато украшенный мрамором, резьбой и мозаиками. Вследствие удаленности от городов в имении малоазийского магната было в большей степени развито собственное ремесленное производство: здесь жили «ремесленники, обученные всякому ремеслу и необходимому и изобретенному для наслаждений и роскоши, повара, рыболовы, виночерпии, охотники, ваятели, живописцы, устроители всякого рода развлечений». Обычно такое поместье было хорошо укреплено и своим внешним видом напоминало замок.

Существенными особенностями отличались виллы IV в. на Балканах, раскопанные археологами в последние годы. Они также представляли собой господский центр имения и по своему типу были близки к малоазийским; в них имелось относительно развитое поместное производство, что связано с меньшим развитием городов, а также с постоянной военной опасностью, заставлявшей сосредоточивать все господское имущество в укрепленной вилле.

Основные работы на господской земле и в господском хозяйстве осуществлялись в то время не столько рабами, сколько преимущественно колонами. Выполняя барщину, они производили запашку господского поля, посев и уборку урожая, обработку господских виноградников (если те не сдавались в аренду). Некоторое сокращение сферы применения рабского труда, очевидно, обусловливало стремление землевладельцев к увеличению отработок колонов, особенно там, где было выгодно сохранять господское хозяйство. Иоанн Златоуст говорит о «бесконечных работах», к которым господа принуждают своих колонов. Помимо выполнения разного рода повинностей, зависимость колонов от господина ограничивалась уплатой ему в определенные сроки оброка. В остальном же деревня колонов, как свидетельствует одно из высказываний Иоанна Златоуста, жила самостоятельной хозяйственной жизнью.

Уменьшение числа рабов в господском хозяйстве не коснулось тех из них, кто занимался сбором и хранением поступавших господину продуктов. Численность господских ключников, сборщиков, учетчиков, писцов, мелкой администрации из рабов, возможно, даже увеличилась.

Как уже указывалось, господское хозяйство обычно состояло из садов, огородов, виноградников и участков с оливковыми насаждениями; постоянный текущий уход и надзор за ними также осуществлялся рабами. Но на время сбора урожая ни рабов, ни колонов не хватало: на этот сезон широко привлекались мистоты — поденщики из городской и свободной деревенской бедноты.

Часть расходов по содержанию наемной рабочей силы шла на оплату труда ремесленников, приглашавшихся работать в имение,— строителей, специалистов по ремонту наиболее сложных хозяйственных и оросительных сооружений [18]. Более мелкие работы по поддер-

жанию в порядке и улучшению оросительных систем в пределах селений зависимых земледельцев проводились самими общинниками. Первичная обработка сельскохозяйственной продукции также зачастую производилась в хозяйствах колонов. У них нередко имелись собственные масляные и виноградные прессы — правда, маленькие, грубые и примитивные. Прессы бо́льших размеров принадлежали всей деревне.

При таких условиях значительная часть продуктов сельского хозяйства поступала господину уже в готовом для потребления или продажи виде, а постоянную часть расходов имения составляли расходы на покупку всевозможной тары — корзин, сосудов для хранения и транспортировки масла, зерна, вина. В целом расходы господина — на содержание рабов, найм работников, приобретение необходимого инвентаря — не превышали, как правило, четверти расходов имения.

В Византии IV—V вв. были распространены не только крупные и средние имения богатых землевладельцев, но и хозяйства мелких земельных собственников. Свободные крестьяне большей частью жили общинами, или комитурами, митрокомиями (χωρία ἐλευθερικά, κωμητοῦραι μητροκωμία). Они существовали в большинстве областей империи: в Египте, Сирии, на Балканах, в Малой Азии. Нередко общины представляли собой «деревни большие и многолюдные» [19] с несколькими сотнями жителей. Остатки свободных деревень обнаружены при раскопках в Сирии. Деревни эти, говорит Ливаний, «принадлежат многим, причем каждый владеет небольшой долей земли» [20].

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?

ПАСТОРАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ

Мозаика виллы Константиниана. Антиохия. IV в.

Много свободных деревень было во Фракии, Дакии, а также во внутренних областях Малой Азии и в Армении. На территории империи имелись общины разных типов, представлявшие разные стадии общинного развития. Одни объединяли почти независимых друг от друга земельных собственников-крестьян различного достатка, обладавших правом полного распоряжения своей землей, правом продажи, отчуждения ее в целом и по частям. Члены других общин располагали более ограниченным правом собственности: крестьяне могли здесь распоряжаться своей долей (μέρος) лишь в целом, т. е. полностью продавать свой участок и свои права на пользование общественными угодьями. Существовали и общины сравнительно архаического типа, где строго соблюдался принцип равного пользования землей, периодически производились земельные переделы, запрещалось отчуждать надел или дробить его. В некоторых горных районах продолжали сохраняться остатки кровнородственной общины [21]. Однако преобладающим типом была соседская община — митрокомия с правом частной собственности крестьянина на участок, но ограниченным в возможностях его отчуждения.

Наряду с индивидуальными участками крестьяне имели общественную землю, которая являлась коллективной собственностью селения. Она использовалась односельчанами совместно и могла быть подарена, продана, сдана в аренду лишь с единодушного согласия общинников.

В сельских общинах иногда складывалась зажиточная верхушка. Особенно это было характерно, видимо, для Фракии и дунайских провинций, где более состоятельные односельчане (солдаты и ветераны) пользовались привилегиями по сравнению с остальными общинниками. В ходе раскопок во Фракии в ряде селений были вскрыты весьма богатые захоронения. В общинах Сирии, Египта и других провинций таких различий не наблюдается. Археологические материалы и данные письменных источников свидетельствуют об относительном равенстве в положении крестьян. Как правило, у общинников не было ни частных, ни общественных рабов [22]. Жили крестьяне-общинники в небольших, сложенных из мелких камней и глины домиках с маленьким, огороженным стеной двором, где размещался скот, хранились орудия труда, находился примитивный масляный или виноградный пресс, был вырыт колодец. Крестьянин работал вместе с членами своей семьи. Наемный труд также не находил в его хозяйстве сколько-нибудь широкого применения. Община в значительной степени регулировала хозяйственную жизнь односельчан. Силами деревни организовывались совместные работы на общинной земле — ремонт и строительство каналов, насыпей, дамб, рытье коллективных колодцев и водоемов. Расходы на такие работы покрывались из средств общины, поступлений от ее общественных имуществ и сборов с односельчан. Община же контролировала распределение воды по крестьянским участкам.

В IV—V вв. византийская сельская община сохраняла известные элементы самоуправления (неодинаковые по своему объему в различных районах). Она избирала своих старост (комархов, протокомитов) и других должностных лиц: смотрителей плотин, контролировавших распределение воды, особых надзирателей, ведавших сооружением общественных построек, иринархов, следивших за порядком (деревенская полиция). На общих собраниях крестьяне решали общественные и хозяйственные дела, регулировали отношения между членами своей общины и с ее соседями. Община сама собирала подати с односельчан и вносила их в казну. Во Фракии, где было мало городов и преобладали сельские округа, деревенские общины являлись очень важными общественными ячейками. Во многом сходное положение наблюдалось и в Египте. Общины имели здесь сравнительно развитые органы самоуправления и довольно широкий круг должностных лиц [23]. Менее развитыми были общины, расположенные близ городов, например в Сирии, где все земли были приписаны к городским территориям, а общинное самоуправление подавлено властью муниципальной организации. Так, в деревне Северной Сирии в IV в. отсутствовали строго определенные выборные должностные лица, которые бы отвечали за сбор податей; не было и своих стражников —все эти функции осуществляла городская муниципальная организация [24].

Являясь самоуправляющейся организацией свободных крестьян, община была одновременно и низовой административно-фискальной ячейкой государственного аппарата, своего рода придатком его низших звеньев. Она выступала как податная община, члены которой были связаны круговой порукой, коллективной ответственностью за поступление податей, выполнение повинностей и поддержание общественного порядка. Распределение податей между крестьянами и сбор их — там, где он не осуществлялся куриалами-сборщиками (как это было в Сирии),— производились должностными лицами общины: сборщик и староста, в первую очередь, отвечали перед государством за полное и своевременное поступление податей и выполнение повинностей. Община уплачивала в казну и подати за пустующие и заброшенные крестьянами земли: соответствующие суммы раскладывались на всех жителей деревни.

В IV—V вв. подати и повинности непрерывно росли. Всей своей тяжестью они ложились на мелких свободных собственников. Это были прежде всего аннона — основная поземельная подать, взимавшаяся натурой или деньгами, и всевозможные отработочные повинности — munera sordida (строительство дорог, мостов, укреплений, извозная повинность, перевозка государственных грузов, постой войск и т. д.). Увеличение податей и повинностей, злоупотребления чиновников, военных командиров, куриалов, крупных землевладельцев ускоряли разорение мелких земельных собственников. Особенно быстро исчезала прослойка мелких городских землевладельцев, не объединенных в общины и бессильных противостоять натиску властей и произволу богатых соседей. Беднело и общинное крестьянство. Рост податной задолженности и притеснения власть имущих заставляли многих деревенских жителей покидать свои участки. «Раньше,— пишет Ливаний,— у земледельцев были и сундуки, и платье, и деньги... Теперь же приходится проходить мимо заброшенных полей, которые привело в запустение жестокое взыскание подати» [25]. «Всюду,— говорит он в другом месте,— бедность, нищенство и слезы, и земледельцам кажется более подходящим просить милостыню, чем обрабатывать землю» [26].

По словам его современника Иоанна Златоуста, «тяжесть податей разрушает дома бедных как бурный поток, наполняя селения стоном...» Правительство в V в. уделяло все большее внимание вопросам использования участков односельчан, продавших или покинувших свою землю, усиливало коллективную ответственность за полное поступление податей — систему так называемой прикидки — эпиболэ (уплата за пустующие или покинутые соседями участки).

Общинное крестьянство вело упорную борьбу за свое существование. Аресты властями старост деревень, не уплативших сполна податей, столкновения крестьян с куриалами-сборщиками, посылка воинских отрядов в деревни для взыскания налогов силой становятся широко распространенным явлением. Иногда крестьянам удавалось добиться отмены недоимок и получения некоторых льгот, в частности, пра́ва самим, минуя местный фискальный аппарат, вносить подати в государственное казначейство — право автопрагии, избавлявшее крестьян от злоупотреблений местных властей. Этого права добилось

ПАСТОРАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ

Мозаика виллы Константиниана. Антиохия. IV в.

после долгой упорной борьбы в конце V в. большое сплоченное селение Афродито в Египте.

Разорение свободного крестьянства приводило и к обострению противоречий в его собственной среде. Соседние селения в Египте нередко враждовали друг с другом, происходили настоящие битвы за земли и водные источники. В Сирии, как видно из речей Ливания, не прекращались тяжбы между деревнями, сопровождавшиеся захватом земли, имущества, скота, уничтожением посевов, порубкой плодовых деревьев, уничтожением колодцев [27]. Борьба, тянувшаяся долгие годы, завершалась разорением более слабой деревни, за счет которой более сильная пыталась поддержать свое благополучие.

Однако ни борьба крестьян против злоупотреблений чиновников, ни бесплодные указы правительства против вымогателей и взяточников не избавляли свободных общинников от главного источника их бедственного положения — растущих податей и повинностей. В IV—V вв. реальное положение большинства свободных крестьян по существу мало чем отличалось от положения колонов, находившихся в зависимости от частных землевладельцев и государства.

Выступления против налогового гнета жестоко подавлялись пра-

вительством. Неплательщиков податей подвергали телесным наказаниям. Египетский крестьянин редко уплачивал подать, не будучи предварительно нещадно высечен. По словам Аммиана Марцеллина, египетские крестьяне гордились своими рубцами от плетей, как солдаты ранами[28]. Сопротивление свободного крестьянства в какой-то мере сдерживало нажим правительства. Аналогичную роль, особенно в пограничных областях, играло и давление варварской периферии. Оно вынуждало правительство остерегаться недовольства свободного крестьянства, борьба которого могла слиться и нередко сливалась с выступлениями варваров против империи.

Одним из важнейших последствий разорения мелких земельных собственников в IV в. было развитие патроната. В своей чистой форме, получившей наиболее широкое распространение к V в., патронат представлял собой передачу мелким собственником своей земли более крупному, привилегированному собственнику, иногда с соблю-

МАЛЬЧИК С ОСЛОМ

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

дением всех необходимых юридических формальностей (акт продажи, дарения, уплаты долга), и отдачу самого себя под его покровительство, означавшее признание своей зависимости, превращение в колона. При этом патрон, как правило, возвращал землю ее бывшему собственнику в качестве прекария, без юридического обеспечения каких-либо прав крестьянина на участок, и получал с патронируемого натуральный или денежный оброк. Становясь держателем крупного и влиятельного магната, прежний владелец земли, теперь уже — колон, избавлялся от некоторых из своих податей и повинностей (от munera sordida, например) и получал в лице патрона известную защиту против притеснений и вымогательств чиновников, военных властей, а также более сильных соседей. Как говорится в законе 395 г., крестьяне с помощью патроната «сопротивляются государственным повинностям». В IV—V вв. в качестве патронов обычно выступают senatores, consulares, magistri militum, tribuni, а в качестве прибегающих к патронату — minores possessores, coloni, convicani.

Патронат практиковался еще в III в., но в IV в. принял необычайно широкие размеры. Причем, если до середины IV в. в основном преобладал индивидуальный переход под патронат, то со второй половины IV в. отдача под патронат становится массовой: целые свободные деревни ищут «покровительства» магнатов.

Развитие patrocinia vicorum — специфическая особенность восточных провинций, где сохранилась крестьянская община,— накладывало определенный отпечаток на эволюцию патронатных отношений [29]. Если отдававшийся под патронат мелкий земельный собственник сразу же попадал в полную зависимость от патрона, то патронат над свободной общиной, поскольку последняя обладала известной сплоченностью, а также потому, что, в отличие от индивидуального, такой патронат не мог быть законно оформлен и в принципе не признавался государством, приводил лишь к постепенной утрате крестьянами-общинниками своей собственности на землю и свободы.

Со временем зависимость деревни от патрона, часто долговая, т. е. сложившаяся в результате того, что он уплачивал недоимки по податям за ее жителей, росла. Египетские папирусы сообщают, например, о случаях, когда в связи с долгами всей деревни сельские старосты подвергались заключению в тюрьму землевладельца. Исподволь патрон подбирался и к общинной земле, которая, как показывает закон 468 г., переходила к нему в результате фиктивного дарения или прямой продажи. Так или иначе, но в конце концов крестьяне лишались своей земельной собственности и превращались в колонов богатого землевладельца.

Патронат развивался не только вследствие заинтересованности в нем свободного крестьянства, но и по инициативе самих крупных землевладельцев, стремившихся использовать этот институт как средство закабаления общины и присвоения земли общинников. Хитростью, а нередко и силой влиятельные собственники навязывали патронат свободным деревням, которые иногда еще и не особенно в нем нуждались. Наибольших масштабов переход под патронат до-

стиг во второй половине IV в., особенно к концу его, и в начале V в. Не имея возможности противостоять крупным землевладельцам, правительство вынуждено было идти на уступки, признав de jure вследствие давности владельческие права патронов на патронируемые деревни. Уже в начале V в. были издан эдикт, согласно которому все сложившиеся к 397 г. патронатные отношения считались законными.

Развитие патроната в разных областях империи протекало неравномерно. Там, где преобладала крупная земельная собственность (например, в Сирии, Египте), оно происходило более бурно в конце IV — начале V в. В тех же областях, где было особенно многочисленным свободное крестьянство, а крупное землевладение играло сравнительно небольшую роль (как, например, во Фракии и дунайских провинциях), деревня дольше сохраняла свою свободу. Патронат получил здесь широкое распространение лишь в V в. и развивался медленнее.

С ростом патроната численность свободного крестьянства непрерывно сокращалась. Но в условиях IV—V вв. это сокращение в целом не было особенно значительным, поскольку на европейской территории Византии, а частично и в Малой Азии происходил постоянный приток варваров. Во Фракии, Дакии, отчасти Македонии и Иллирике число свободных крестьян скорее возросло в связи с поселением десятков тысяч бастарнов, гепидов, готов, карпов, сарматов и других племен, обычно оседавших здесь в качестве федератов и лимитанов, которые получали для заселения обширные пространства и обязаны были нести военную службу [29a]. Большинство поселений варваров представляло собой свободные земледельческие и скотоводческие общины.

Таким образом, благодаря упорному сопротивлению сплоченного свободного крестьянства и образованию новых поселений варваров-общинников в Византии в IV—V вв. продолжала сохраняться довольно многочисленная прослойка свободных крестьян.

Распространение патроната наносило наибольший ущерб хозяйствам мелких и средних муниципальных землевладельцев-куриалов, не пользовавшихся такими привилегиями, какими обладали магнаты. В IV—V вв. бегство рабов и колонов с земель куриалов и переход под патронат крупных земельных собственников приняли весьма широкие размеры. Либаний говорит, что колоны частных лиц целыми селениями отдаются под патронат магнатам [30]. Свободные колоны самого оратора отказались выполнять работы для своего господина и прибегли к патронату влиятельных лиц.

За поддержку против своего господина колоны платили патрону часть тех продуктов, которые они должны были вносить прежнему хозяину. Лишенный доли доходов и притесняемый патроном «законный» собственник имения быстро разорялся и оказывался вынужденным продавать за бесценок свое имение тому же могущественному патрону.

Одной из важнейших черт эволюции аграрных отношений в Византии IV—V вв. был нараставший упадок муниципального землевладения и рост независимого от городов крупного частного земле-

владения — сенаторского, императорского, церковного[31]. Еще в начале IV в. города лишились большей части собственных земель, когда-то пожалованных им эллинистическими монархами, ныне же конфискованных императорской властью и вошедших в состав императорских имуществ, а также розданных крупным собственникам. Кроме того, были конфискованы земельные владения храмов, фактически находившиеся в руках муниципальной организации. Упадку муниципального землевладения способствовал рост налогового бремени, так как на куриалов, помимо несения муниципальных повинностей, была возложена ответственность за полное поступление податей с жителей города и его территории. Мелкие городские земельные собственники продавали свои земли крупным землевладельцам. Например, в конце IV в. абсолютное большинство граждан Антиохии уже не было связано с земельной собственностью[32]. Очень активно протекал также процесс разорения муниципальной аристократии — средних городских землевладельцев-куриалов. Будучи не в состоянии вынести расходов по покрытию недоимок, они нищали и разбегались. «Другие хозяйничают в их имениях»,— с горечью писал Ливаний[33]. В течение IV в. число куриалов Антиохии сократилось с 600 до 60.

За счет муниципального землевладения увеличивалась крупная независимая земельная собственность. Источники IV—V вв. свидетельствуют о «ненасытной жадности» византийских магнатов, присоединявших к своим владениям все новые и новые «тысячи плефров земли». Владения магнатов охватывали тысячи гектаров и были разбросаны по многим провинциям. Как писал Аммиан Марцеллин, «крупные землевладельцы умножают ежегодные доходы от своих плодородных нив, раскинутых от самого востока и до крайнего запада»[34].

Имения крупных собственников, представителей сенаторского сословия были свободны от муниципальных повинностей, от чрезвычайно обременительных для остального населения munera sordida, от экстраординарных поборов и взносов за рекрутов. Правда, и крупным землевладельцам-сенаторам приходилось уплачивать поземельные подати, однако налоги и повинности, взимавшиеся с их имений, были значительно меньшими, чем с остальных землевладельцев. Привилегии, которыми пользовались магнаты, привлекали под их патронат массу рабов и колонов мелких и средних землевладельцев.

В IV—V вв. крупные земельные собственники добивались от правительства все новых привилегий, в частности автопрагии. Возраставшее экономическое могущество и влияние в политической жизни приводили к усилению независимости магнатов от чиновной администрации. Становился более сложным и многочисленным аппарат их частной власти. С конца IV в. стали сооружаться частные тюрьмы, куда могущественные собственники сажали не только рабов и колонов, но и своих должников, свободных крестьян и прочих соседей, не желавших подчиняться их воле. Сначала в скрытой, а затем и в открытой форме появилась частная полиция, частные дружины.

Разветвленная частная администрация, как показывает пример египетских землевладельцев Апионов, имевших собственные тюрьмы

ОЛЕНИ У ИСТОЧНИКА ЖИЗНИ.

Мозаика Мавзолея Галлы Плацидии в Равенне. Вторая четверть V в.

и огромный аппарат учетчиков, сборщиков и стражников[35], была одним из важнейших орудий закрепощения массы попадавших в зависимость от Апионов должников и искавших покровительства свободных крестьян. В V в. крупные землевладельцы все в более широких размерах укрывали у себя беглых рабов и колонов, принадлежавших не только частным лицам, но и государству, практиковали прямой захват земли более слабых соседей.

Некоторые имения как в пограничных провинциях, так и во внутренних областях империи превратились в настоящие крепости. В одном из таких имений в Малой Азии укрылся от своих врагов Иоанн Златоуст. Владелица имения выслала против его преследователей вооруженных людей. Крупные собственники хозяйничали не только в своих поместьях, но и на прилежащих к ним территориях, мало считаясь с провинциальной администрацией, а иногда и с императорской властью.

Наряду с крупной светской земельной собственностью в Византии IV—V вв. складывается обширное церковно-монастырское землевладение[36]. Уже в начале IV в., со времени официального признания христианства, церкви было разрешено приобретать земли. Основу ее земельных богатств составили владения, подаренные ей императорской властью (главным образом, из числа конфискованных государством храмовых и, частично, городских земель). В дальнейшем имения церкви росли как за счет новых пожалований императоров, так и обильных дарений частных лиц.

Церковные земли пользовались важными налоговыми льготами. До 360 г. они были вообще свободны от поземельной подати. В дальнейшем огромные льготы сохранили константинопольская, александрийская и фессалоникийская церкви. Остальные пользовались свободой как от большей части экстраординарных поборов, так и от муниципальных и государственных повинностей.

Все эти привилегии привлекали в клир и под патронат духовенства многих куриалов и мелких земельных собственников.

Особенно интенсивно росло в Византии монастырское землевладение. Начиная со второй половины IV в. множество куриалов и мелких свободных землевладельцев устремилось в монастыри, спасаясь от тяжелого налогового гнета и разорительных повинностей. В V в. многочисленные монастыри, мелкие и крупные, густой сетью покрывали всю страну.

Быстрее всего монастырское землевладение расширялось там, где происходило массовое разорение свободного крестьянства и превращение его в колонов — в Сирии, Палестине, Египте. Несколько медленнее протекал этот процесс во Фракии и Дакии, внутренних областях Малой Азии. Здесь бурный рост церковно-монастырского землевладения начинается не со второй половины IV, а в V в. Так, только в небольшой долине Дана в Северной Сирии в начале V в. было уже около 40 монастырей, а к концу этого столетия их число удвоилось[37]. Наряду с массой мелких, появляются и крупные монастыри, в которых жили сотни монахов. Складываются большие монастырские хозяйства, охватывавшие обширные территории: таковы хозяйства монастырей Тавенисси и Сохаге, Дейр-Турманин и

Каср-эль-Банат в Сирии. Церковь проявляла исключительную предприимчивость в приобретении земельных имуществ. Она не только получала их в виде дарений и через патронат, но и скупала, отнимала за долги, захватывала. К концу IV — началу V в. она стала одним из крупнейших землевладельцев империи и, по признанию Иоанна Златоуста, в его время епископы и клирики были больше «озабочены сбором винограда, жатвой, продажей, покупками», нежели своими духовными обязанностями [38].

По подсчетам некоторых исследователей, уже к этому времени церковные имения занимали $^1/_{10}$ всех земельных владений [39]. Здесь работали десятки тысяч колонов и рабов.

Обычно лишь монастыри вели собственное хозяйство. Церковные имения, как правило, сдавались в аренду крупным светским собственникам. Обладавшая огромными земельными владениями, тесно связанная с массой зависимых от нее земледельцев, церковь в IV—V вв. стала играть важную роль в экономике Византии. Экономическое могущество было одной из важнейших основ огромного влияния духовенства и в социально-политической жизни империи.

Крупнейшим землевладельцем Византии был император. Он распоряжался обширными государственными (императорскими) земельными владениями. Императорские домены имелись почти во всех провинциях Византии — в Сирии и Палестине, Понте и Финикии, Месопотамии и Каппадокии, Азии и Фракии, занимая иногда до трети и даже до половины их территории. Египет до конца IV в. в значительной своей части представлял огромный императорский домен. Императорские имения покрывали бóльшую часть Каппадокии. В охватывавшей по Диоклетиановскому делению 6000 кв. км провинции Азии 400 кв. км занимали домены императора [40].

В первой половине IV в. эти земельные фонды значительно пополнились за счет конфискаций храмовых и городских, а также выморочных владений, собственности проскрибированных и осужденных за политические преступления магнатов. Эти имущества находились под управлением особого ведомства — comitiva rei privatae, из которого в V в., в связи с увеличением императорских владений, выделилось специальное управление fundi patrimoniales. Эксплуатация таких земель осуществлялась двояким образом. На некоторых из них велось домениальное хозяйство, им руководили назначавшиеся императорской властью управляющие [41]. Другие земли сдавались в аренду частным лицам, иногда — крупным собственникам-сенаторам, представителям военно-чиновной верхушки империи, а также средним и даже мелким землевладельцам. Арендаторы обязаны были уплачивать в установленном размере государственную ренту. Население императорских имений, включая арендаторов, освобождалось от ряда поборов, от поставки рекрутов и экстраординарных повинностей.

Администрация императорских поместий разоряла их своей бесхозяйственностью и хищениями. Ведомство res privatae не могло обеспечить сохранение доходности значительной части хозяйств. Все это побудило императорскую власть более широко сдавать свои земли в аренду. Причем по мере падения их доходности, наряду с крат-

косрочной (ежегодной) арендой (annonae praestatio), все чаще практиковались различные формы долгосрочной, льготно йаренды, особенно на пустующих и заброшенных, но плодородных землях, а также в разоренных имениях.

Уже в IV в. было распространено держание по jus perpetuum, не ограниченное временем и с неизменной рентой. Перпетуарий мог передавать эту землю по наследству, продавать, дарить ее, отдавать в аренду, но отвечал за поступление канона и (в случае его неуплаты) лишался земли. Близкой к только что указанной была аренда по jus privatum salvo canone, когда арендатор, уплачивая постоянный ежегодный налог, получал право полной частной собственности на участок или имение (dominium). Применялась и аренда по jus privatum dempto canone: арендатор фактически покупал здесь право частной собственности на арендуемую землю, внося сразу часть цены и выплачивая остальное в виде вечной ренты, меньшей, чем вносившаяся по условиям аренды предыдущего типа.

Однако наиболее распространенным в V в. видом льготной аренды, постепенно вытеснявшим все другие ее формы, стал эмфитевсис, известный в восточной половине империи и ранее,— долгосрочная или вечно-наследственная аренда с освобождением от уплаты ренты в течение первых нескольких лет эксплуатации участка или имения и уплатой в дальнейшем фиксированной ренты, составлявшей $^5/_6$ обычного канона. Эмфитевту предоставлялись очень широкие права распоряжения арендованным участком, включая его продажу. Но императорская власть или собственник земли могли отобрать у эмфитевта его держание в случае несоблюдения им условий аренды. Развитие эмфитевсиса облегчало возможность присвоения эмфитевтами своих держаний (не случайно во второй половине V в. между византийскими юристами возник спор — является ли эмфитевсис арендой или отчуждением).

Все эти виды аренды, отражавшие распад старых, античных форм собственности, развивались в основном там, где земля сдавалась достаточно состоятельным арендаторам, способным затратить значительные средства на улучшение хозяйства и обеспечить уплату канона. Собственное хозяйство в V в. сохранилось главным образом на частных землях императоров.

С другой стороны, льготные условия аренды, которыми пользовалась значительная часть правящей верхушки империи, способствовали ее более тесному сплочению вокруг императорской власти.

Своеобразие развития аграрных отношений в Византии IV—V вв.— одна из причин того, что вопрос об их характере является в нашей науке дискуссионным.

На наш взгляд, в Византии IV—V вв. происходила глубокая ломка рабовладельческих порядков, рушились остатки античных, рабовладельческих форм собственности, росло не связанное с городом крупное частное землевладение, развивались условные формы держания и собственности на землю.

Изменение аграрных отношений в различных областях Византии отличалось большим своеобразием, зависевшим от преобладания тех или иных категорий крестьянства, соотношения крупного, среднего

и мелкого землевладения, городской и независимой от городов земельной собственности. В некоторых областях, например в Греции, рабовладельческие устои были сломлены только славянскими вторжениями, в других, где численность свободного крестьянства была больше, а рабство оказывало слабое влияние на развитие колоната, его превращение в феодальную зависимость могло совершаться более интенсивно. В отдельных областях империи, как известно, раннефеодальные отношения стали складываться на основе внутренней эволюции рабовладельческого строя. Таково было положение в значительной части Малой Азии, ставшей впоследствии областью наиболее быстрого развития византийского феодализма,— она не знала варварских поселений в IV—V вв., а в VII в. успешно противостояла славянским и арабским вторжениям.

Глава
4

ГОРОДА, РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ В ВИЗАНТИИ IV—V ВВ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОВИНЦИИ

Одной из важнейших особенностей Византии IV—V вв. была огромная роль города в ее экономической, политической и культурной жизни[1]. В отличие от западной половины Римской империи, где города в это время приходили в упадок, городская жизнь затухала, экономика довольно быстро аграризировалась и центр экономической жизни перемещался из города в деревню, в Византии все эти характерные для разлагающегося рабовладельческого общества процессы протекали значительно медленнее, упадок городской жизни был менее ощутим. По подсчетам некоторых исследователей, в V—VI вв. здесь было около 1000 городов[2]. Число же городских общин-полисов (πόλεις, civitas), вероятно, было значительно большим. Хотя города распределялись по территории Византии неравномерно, в целом это была «страна городов», которые густой сетью покрывали ее основные области. Наряду с массой мелких в Византии было немало крупных городов: их население исчислялось десятками тысяч человек. В ряде крупнейших центров оно превышало 100 тыс. человек. В бурно росшем в IV—V вв. Константинополе, по самым скромным подсчетам, в конце IV в. было до 100, а в конце V в.— до 150 тыс. жителей. В старых городах Востока — Антиохии и Александрии — население было еще более многочисленным: в Антиохии IV—V вв. насчитывают до 250, в Александрии — до 300 тыс. жителей. Многие крупные города, такие, как Фессалоника, Иерусалим, Эдесса, Тир, Бейрут, Филиппополь, Дамаск, Никея, Эфес, Никомидия, имели от нескольких десятков до сотни тысяч жителей каждый.

Причины большей устойчивости ранневизантийских городов коренились в своеобразии социально-экономического развития восточной половины империи в течение предшествующих столетий. Характеризуя клонившуюся к упадку Римскую империю последних веков ее существования, Энгельс подчеркивал, что уцелевшие остатки торговли приходятся на восточную, греческую часть империи [3].

В своей основе ранневизантийский город IV—V вв. был еще во многом античным рабовладельческим полисом, не столько центром ремесла и торговли, сколько городом, основанным «на земельной собственности и земледелии» [4]. В отличие от феодального, рабовладельческий город представлял собой единое целое со своей сельской округой (territorium civitatis, regio), владеть землями в пределах которой могли лишь граждане города. Помимо земель, находившихся в их частной собственности, значительная часть территории города являлась общей собственностью городского коллектива, сдававшейся в аренду горожанам.

Земельная собственность города была одним из важнейших источников доходов городской общины. Все граждане, прежде всего земельные собственники и держатели городской земли, были обязаны разного рода муниципальными повинностями.

Как общественный организм полис был основной формой организации рабовладельческого общества.

Богатые городские землевладельцы-рабовладельцы, сосредоточившие в своих руках большинство частных земель округи, утвердившие свое безраздельное господство в городских советах-куриях (булэ), в I—II вв. тратили огромные средства на муниципальные нужды, строительство, подкуп неимущей свободной бедноты.

В условиях кризиса рабовладельческого общества, наиболее тяжело отразившегося на полисной экономике, муниципальная аристократия уже не могла нести прежние расходы на нужды города. В основе падения ее интереса к муниципальной деятельности лежали экономические причины — упадок рабства, развитие колоната, вносившие весьма заметные изменения в отношения между собственником земли и земледельцем, землевладельцем и городской общиной. В III в. богатые муниципальные землевладельцы все чаще стремились выделить свои земли из городской округи и избавиться таким образом от ставших обременительными должностей и обязанностей. Правительство постепенно освобождало от муниципальных повинностей земли сенаторов, чиновников, военных. Количество этих свободных, экзимированных земель в III в. быстро росло, владения античного полиса уменьшались [4а]. В этот период начался процесс запустения рабовладельческих полисов, столь характерный для городской жизни Византии IV — V вв. [4б]

С конца II в. сокращение числа полисов шло непрерывно, на Западе — быстрее, на Востоке — более медленно, достигнув здесь своего апогея в эпоху падения рабовладельческого строя в конце VI—VII в. [5] Упадок полисов раньше всего обнаружился в старых областях наиболее развитого рабовладения, где он был ускорен бурными событиями III в.— народными движениями, гражданскими войнами, конфискациями, контрибуциями, эпидемиями.

ОХОТА

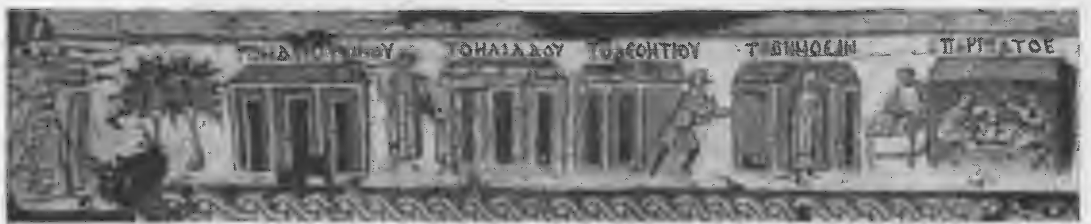
Мозаика виллы Константиниана. Антиохия. IV в.

Вышедшая из кризиса III в. Римская империя была уже не столько объединением полисов, сколько государством крупных земельных собственников. Наиболее жизнеспособными оказались те города — а их было немало,— которые являлись средоточием товарного производства. Наряду с ремесленными центрами в Византии было много торговых городов, расположенных на важных сухопутных и морских торговых магистралях; в их экономической жизни главным было не только землевладение, но и торговля. Постепенно, с упадком торгово-ремесленной активности мелких городов, особенно расположенных во внутренних областях, возрастало хозяйственное значение крупных торгово-ремесленных центров [6]. Среди них особенно выделялись Константинополь — по своей роли для балканских и малоазийских провинций империи, Антиохия — город, через который велась вся караванная торговля с Востоком, и Александрия — важнейший центр ремесленного производства на юге империи и главный центр морской торговли с восточными странами.

Население крупнейших городов в IV—V вв. заметно увеличивалось за счет массы приходивших в упадок мелких центров. Ливаний писал об Антиохии: «Размеры города... растут день за днем» [7].

Существенным фактором упадка пограничных полисов империи в IV и особенно V в. послужили варварские вторжения. В обстановке постоянных набегов многие мелкие полисы были разрушены, их население бежало и укрылось в крупных городах. Значительная часть мелких полисов пограничных областей превратилась в крепости, в

УЛИЦЫ АНТИОХИИ

Бордюр мозаики из Якто. Антиохия. V в.

укрепленные пункты, где располагались пограничные гарнизоны; эти полисы утратили свое муниципальное устройство [8].

Характерной чертой экономики ряда областей (внутренняя и северная Малая Азия, дунайские провинции), где в IV—V вв. продолжалось развитие товарно-денежных отношений, было возникновение особых торговых центров — эмпориев, рынков, не являвшихся в собственном смысле этого слова городами [9]. Это были скорее пункты торговли и обмена, не имевшие сколько-нибудь значительного постоянного населения и оживавшие лишь в дни ярмарок, когда сюда съезжались купцы и окрестные жители.

Упадок полисов совершался неравномерно. Интенсивнее всего он шел там, где античный полисный строй получил наиболее полное развитие.

Известная стабилизация экономической и политической жизни империи в IV в. позволила некоторым полисам несколько оправиться от потрясений III в. До последней четверти IV в. в них наблюдалось определенное оживление торгово-ремесленной и муниципальной деятельности. Однако с конца IV в. упадок мелких полисов усилился и в V в. происходил хотя и медленно, но неуклонно.

Как правило, новые города возникали в V в. уже не как полисы, а как торгово-ремесленные и административные центры.

Внешний облик города IV—V вв. иногда еще сохранял прежние, античные черты. Прямые, перпендикулярно пересекающиеся улицы, мощенные каменными плитами, с портиками, с площадями и перекрестками, украшенными статуями античных богов и знаменитых граждан. Широкая, проходящая через весь город главная улица, застроенная светлыми двух- и трехэтажными домами богачей; здесь располагались также лавки и конторы самых состоятельных купцов и ростовщиков и общественные здания. Так, в Антиохии «улица с портиками» тянулась на 4 км, центральная улица Апамеи имела в длину 2 км (при максимальной ширине в 23,5 м). Главная площадь — агора (форум), находившаяся в центре города, была окружена важнейшими общественными зданиями. Здесь обычно были расположены городской совет — курия (булевтерий), разные муниципальные постройки, муниципальная школа, помещения для спортивных занятий, храмы наиболее почитавшихся в городе языческих богов. Многие храмы в IV в., с победой христианства, были разрушены, либо перестроены в церкви или государственные учреждения. Главная, а нередко и особая торговая площади были застроены длинными рядами каменных лавок. Для торговых целей сдавались и части портиков — эмволы.

Неотъемлемыми элементами городского быта IV—V в. являлись театр, обычно строившийся на склоне холма и вмещавший несколько тысяч зрителей, цирк или ипподром, где происходили спортивные состязания, травля зверей, официальные торжества и празднества; великолепные общественные зимние и летние бани, водоемы и фонтаны, снабжавшие население водой. Хорошая система водоснабжения и канализации обеспечивала чистоту в городе.

В центре города утопали в зелени садов роскошные дворцы и дома богачей, отделанные мрамором, украшенные колоннами и статуями, с красочными мозаичными полами.

Многие улицы были заняты дешевыми доходными домами, сдававшимися под жилье и лавки торгово-ремесленному люду, одноэтажными домишками мелких ремесленников и торговцев, огородников — владельцев небольших пригородных садов и огородов. Ремесленники нередко селились целыми кварталами и улицами — по профессиям. Как правило, кузнечные, красильные, кожевенные мастерские располагались на окраинах города, близ естественных водоемов,— вода необходима была им для производства. Здесь же, на реке, строились и городские мельницы.

На узких улицах стояли многочисленные мастерские и лавчонки ремесленников и торговцев, кабачки и харчевни, вокруг которых прямо с лотков шла бойкая торговля разной снедью. Здесь выступали

бродячие музыканты, фокусники, вожаки дрессированных зверей, сюда в поисках клиентов заглядывали проститутки. За игрой в кости коротали свой скромный досуг ремесленники, мелкие торговцы, поденщики; тут собирались те, кому удалось подработать на строительстве, в пригородных садах и огородах, на переноске тяжестей, и те, кто мечтал подкормиться жалкой подачкой или объедками кого-либо из посетителей кабачка.

Горожане позажиточнее сходились в лавочках брадобреев, изготовителей благовоний, менял, в аптеках, служивших своего рода клубами, где можно было узнать последние городские сплетни, поговорить о ценах и погоде, видах на урожай, махинациях «отцов города» — куриалов — и несправедливости чиновников, послушать «ученые» разговоры и споры местных философов и политиков.

За городскими воротами, охраняемыми муниципальными стражниками, начинались предместья. Тут находились постоялые дворы и гостиницы для приезжих купцов, здесь же были разбросаны сады и огороды горожан, снабжавших рынок свежими овощами и фруктами; вдали от дорог виднелись загородные виллы богачей. Недалеко от городских стен нередко находилось поле для военных упражнений, место для казни. Здесь же, по соседству, устраивалась и городская свалка, куда выбрасывались без погребения трупы казненных. а также павшие животные, вывозились мусор и нечистоты.

Крупнейшим и красивейшим городом империи стала в V в. ее столица — Константинополь, раскинувшийся на живописном холмистом полуострове на берегу Босфора. На месте небольшого городка Визáнтия вырос совершенно новый, огромный город, строившийся Константином как столица империи, по заранее разработанному плану. Уже при Константине были возведены стены, застроена бóльшая часть города, сооружены главнейшие общественные здания: помещение для сената, значительная часть императорского дворца, проведена главная улица — Меса (Средняя), построены Новый форум для общественных собраний, множество портиков, огромный ипподром, монетный двор, общественные бани и водопроводы, фонтаны и цистерны, церкви и т. п. сооружения[10]. Константин выстроил и десятки дворцов для сенаторов, которых стремился привлечь в свою столицу из Рима и других городов империи. 11 мая 330 г. состоялось торжественное открытие новой столицы, после которого она стала расти еще стремительней. В V в. стены Константинополя уже не вмещали увеличивавшегося населения города; Феодосий II вынужден был расширить его пределы и возвести новые стены, охватившие обширные городские предместья. Вскоре, однако, и эти стены стали тесными. По словам Зосима, в V в. в Константинополе царили «многолюдство и теснота», и в прибрежной части за недостатком площади строили дома на сваях.

По данным Notitia urbis Constantinopolitana, в Константинополе, помимо десятков общественных сооружений, было 4488 каменных домов знати, 52 аркады-портика, 8 общественных и 153 частные бани, 20 общественных и 120 частных хлебопекарен, 5 хлебохранилищ, 5 боен, 14 церквей, гавани, рынки, театры[11]. Город делился на 14 районов-регионов и 322 квартала-гитонии. Управление столицей

сосредоточивалось в руках эпарха и его помощника — никтэпарха («ночного эпарха»). Им были подчинены кураторы регионов и квартальные, стража и пожарные столицы. Эпарх отвечал за безопасность и порядок, за подвоз продовольствия и деятельность торгово-ремесленного населения. В снабжении съестными припасами Константинополь еще при Константине получил те же привилегии, что и Рим. Значительная часть его жителей — придворные, чиновники, гвардия, владельцы домов, беднота — получала хлеб бесплатно. Прокормление столицы хлебом обеспечивал Египет, оттуда ежегодно ввозилось 8 млн. артаб зерна. В Константинополе имелось 117 пунктов раздачи хлеба.

Вопрос о численности константинопольского населения в V в. не может быть решен с точностью. Расчеты исследователей колеблются между 100—700 тыс. человек.

Центром официальной политической жизни столицы являлся район, окружавший главную площадь — Августеон. Сюда выходили Большой императорский дворец и здание сената. Вблизи находились преторий эпарха города, ипподром. Большой императорский дворец [12], расположенный в первом районе столицы, на склоне спускающегося к морю холма, представлял собой сложный комплекс построек, раскинувшихся на огромной территории, среди рощ и садов. Здесь были и личные покои императора и императрицы, тронные и приемные залы, помещения для пиршеств и отдыха, церкви. Здесь же находился трибунал, помещение консистория, казармы придворной гвардии, дворцовые службы, конюшни. Спускавшиеся к морю лестницы выходили к императорским пристаням.

Дворец был непосредственно связан и с ипподромом — огромным открытым цирком длиной в 370 м и шириной в 180 м. Его арена достигала 170 м в длину и 35—40 м в ширину. С одной стороны, примыкавшей к дворцу, находилась императорская трибуна и ложи виднейших сановников империи. Под трибуной на террасе в виде балкона, украшенного колоннами, располагались императорские те-

УЛИЦЫ АНТИОХИИ

Бордюр мозаики из Якто. Антиохия. V в.

лохранители. Трибуна императора была соединена крытыми переходами с дворцом, так что в случае необходимости всегда можно было спастись бегством. Остальная часть арены была окружена 30 рядами каменных ступеней, где сидели зрители. Над последним рядом ступеней шла легкая галерея, украшенная статуями. Почти всю арену по центру пересекала невысокая каменная стена — «Спина», на которой стояли лучшие произведения античного искусства, колонны, статуи. Ипподром вмещал более 40 тыс. зрителей. Он был фактическим центром общественной жизни столицы. Здесь проводились официальные государственные празднества, торжества, зрелища, состязания колесничих, травля и театральные представления, привлекавшие множество народа.

От ипподрома через весь город тянулась его самая широкая, главная улица — Меса. Вымощенная каменными плитами, окруженная двухэтажными портиками и колоннадами, она пересекала крупнейшие площади — форумы Константина, Тавра, Анастасия, Аркадия и выходила к Золотым воротам. На ней и были расположены упоминавшиеся выше общественные здания — сенат, преторий эпарха города, а также палаты константинопольского архиепископа, церкви, общественные бани, дворцы виднейших сановников империи. В то же время Меса и ее площади были средоточием торгвой жизни столицы. От Августеона, императорского дворца и церкви св. Софии до форума Константина шли лавки богатейших купцов, где торговали дорогими ароматическими веществами и драгоценностями, тончайшими, как паутина, тканями и шелковыми одеждами, расшитыми золотом и серебром. Здесь же находились конторы менял-трапезитов. Оживленная торговля продуктами шла на городских площадях. В здании Капитолия размещался основанный около 425 г. Константинопольский университет — один из очагов византийской образованности. Другим была Basilica, которой Юлиан подарил библиотеку в 150 тыс. томов и которая стала центром изучения законов.

Десятки более мелких улиц шириной не более 5 м были застроены трех-, двух- и одноэтажными домами знати и купцов, украшены одноэтажными портиками. В этих портиках-эмволах были лавки менее состоятельных купцов, но и здесь велась бойкая торговля. Узкие, грязные, почти не мощеные улицы окраин были застроены доходными для их владельцев домами, иногда в девять этажей. Тут, в жалких клетушках, отапливавшихся зимой жаровнями, на которых готовилась и подогревалась пища, в страшной грязи и скученности жил простой народ — тысячи мелких ремесленников и торговцев, моряков и наемных работников.

Недалеко от городских стен находилась вторая резиденция императора — дворец Евдом; к нему примыкало обширное военное поле для военных смотров. В предместьях столицы были разбиты многочисленные сады; тут находились пригородные хозяйства императора и знати, было много монастырей. Северное побережье полуострова и азиатский берег Босфора были районами роскошных вилл, летних резиденций константинопольской знати. Значительная часть побережья Золотого Рога и Босфора была занята гаванями, пристанями, где разгружались суда и лодки, перевозившие в Константино-

УЛИЦЫ АНТИОХИИ

Бордюр мозаики из Якто. Антиохия. V в.

поль товары, которые доставлялись сушей на азиатский берег Босфора. Здесь же находились и товарные склады. Это была торговая часть столицы, в которой сосредоточивалась основная масса купцов и ремесленников.

Сложной проблемой являлось водоснабжение Константинополя. Вода, доставлявшаяся по водопроводам с гор, накапливалась также в огромных открытых и закрытых цистернах и использовалась в жаркие летние месяцы, когда ее поступление сокращалось. Однако нехватка воды была в Константинополе обычным делом.

В V в. были воздвигнуты и основные оборонительные сооружения столицы — стены Феодосия, ограждавшие город с суши, и морские стены. Вместе со старыми стенами, выстроенными Константином, они образовали мощный, тянувшийся на 16 км оборонительный пояс стен, укрепленных 400 башнями и надежно защищавших Константинополь в течение многих столетий. Стены Феодосия представляли собой сложный комплекс оборонительных сооружений, выстроенных по последнему слову тогдашней техники. Протяженностью 5,5 км, они пересекали весь полуостров, от одного берега до другого. Фактически эти стены состояли из трех рядов и имели 96 башен. Доступ к стенам преграждал наполненный водой каменный ров глубиной до 10 и шириной до 20 м. С внутренней стороны канала поднималась пятиметровая стена — протейхизма. Затем, на известном удалении, возвышался второй ряд стен шириной в 2—3 м и высотой в 10 м, укрепленных 15-метровыми башнями. В 25—30 м за ними шли еще более мощные стены, толщиной до 6—7 м, защищенные также огромными — восьми-, шести- и четырехугольными башнями высотой от 20 до 40 м с двумя оборонительными площадками каждая. Подступы к стенам и башням были хорошо прикрыты, а основания этих сооружений уходили под землю на глубину до 10—12 м, что делало почти бесперспективными попытки подкопа. Пять защищенных башнями ворот вели в город. Кроме них, было пять небольших военных ворот. Легкие деревянные мосты через рвы в случае опасности быстро разбирались или сжигались.

25 лет спустя после завершения постройки стен Феодосия были закончены и морские стены Константинополя, расположенные в один ряд и укрепленные башнями. Они достаточно надежно защищали

столицу с моря. Едва ли какой-либо город этого времени мог сравниться с Константинополем мощью своих оборонительных сооружений.

В Константинополе жила большая часть крупнейших земельных собственников империи, виднейшие представители торгово-ростовщической верхушки, военно-чиновная бюрократия, огромный двор, а также многочисленный, подкармливаемый государством и знатью, плебс. Константинополь превратился в огромный город-спрут, живший эксплуатацией империи, существовавший за счет ее провинций и являвшийся колоссальным центром потребления. Египет кормил хлебом, снабжал столицу, в том числе двор и армию, льняными тканями и папирусом — бесчисленные канцелярии императорских учреждений. Сирия и Палестина отправляли туда масло, тонкие льняные ткани, вина, изделия своих шелкоткацких мастерских. Провинции Малой Азии посылали в столицу вино и фрукты, кожи и меховые изделия, Фракия — хлеб и скот. Однако Константинополь не был только городом-потребителем. В нем скрещивались важнейшие внутренние и международные торговые пути. Он стал главнейшим в империи пунктом обмена, «огромным торговым рынком» Средиземноморья, на котором встречались изделия Востока и Запада, сосредоточивались лучшие товары самой Византии [13]. В IV—V вв. Константинополь превратился также в важный центр византийского ремесла. Здесь находились не только многочисленные императорские и государственные мастерские, обслуживавшие нужды двора, центральной администрации и армии, домашние мастерские знати, но и развивалось обширное производство на вывоз. Сюда стекалось наиболее ценное сырье и лучшие ремесленные изделия со всей империи, здесь сталкивались и взаимно обогащались вкусы, стили, высокое мастерство. Такой город не мог не стать крупнейшим центром производства предметов роскоши. Уже тогда Константинополь стал той «мастерской вселенной», «мастерской великолепия» [14], какой он служил для Европы и Востока на протяжении многих последующих столетий. В Константинополе в более резкой по сравнению с другими городами, концентрированной форме выражались основные черты ранневизантийского города — развитое ремесло и торговля, особенно производство предметов роскоши, богатство знати и нищета народа, определенные элементы самоуправления и строгая централизация, острота социальных противоречий.

В течение IV в. городская земельная собственность заметно сократилась. Большая часть городских земель в первой половине IV в. была конфискована императорской властью и перешла в руки независимых от города земельных собственников. Такая же участь постигла и храмовые земли, попавшие во власть церкви и заложившие основу мощного церковно-монастырского землевладения. Оценивая эти конфискации, Ливаний писал, что города лишились большей части своих прежних земельных владений [15]. Экономическая база античного города была серьезно подорвана.

Даже остававшиеся у городов небольшие земельные владения арендовались в основном не мелкими городскими собственниками и куриалами, а богатыми землевладельцами. Это вносило существен-

ные изменения в прежние экономические отношения между городом и его сельской округой. Уже в IV в. снабжение города зависело от кучки местных богачей-землевладельцев, господствовавших на городском рынке.

Рост крупного землевладения открывал более широкие возможности натурализации хозяйства, развития поместного и домашнего производства, поместных и сельских торгов и ярмарок, ослаблявших значение городского рынка. В основных областях Византии товарное производство, городское ремесло и товарно-денежные отношения продолжали оставаться достаточно прочными. Крестьянское хозяйство на Востоке в той или иной мере было связано с городом. В IV—V вв. эти связи еще сохранялись. На знаменитом мозаичном итинерарии по Антиохии из Якто (V в.) красочно изображены крестьяне у городских ворот, направляющиеся в Антиохию с «продуктами полей». Хроника Иешу Стилита (конец V в.) также сообщает о торговле окрестных крестьян на городском рынке[16]. Как свидетельствует законодательство, не только свободные крестьяне, но и колоны продавали в городе свои продукты. То же самое относится и к собственной торговле крупных землевладельцев сельскохозяйственными продуктами.

Для развития товарно-денежных отношений важное значение имел также высокий уровень, большая дифференциация городского ремесла. В восточной половине империи оно в меньшей мере, чем на Западе, покоилось на рабском труде и меньше страдало от кризиса рабовладельческого способа производства. Здесь существовали более развитая специализация отдельных областей и более широкий обмен между ними. Все это сдерживало развитие домашнего, поместного производства.

Как правило, византийские магнаты жили не в поместье, а в городе, лишь время от времени наезжая в свои сельские владения. Большие городские дворцы и дома знати с множеством покоев и помещений, с конюшнями, банями, сотнями слуг были своего рода «городом», вернее — поместным центром в городе, независимым от муниципальной организации.

Однако на развитии товарного производства не могли не отразиться процессы аграризации старых полисов[17]. Хотя в восточных провинциях Римской империи в IV—V вв. ремесленная техника стояла на весьма высоком уровне, многочисленный материал раскопок последних десятилетий неизменно подтверждает вывод, что и в это время продолжался упадок ремесленного производства. Он находил свое выражение не только в сокращении количества, но и в ухудшении качества изделий. Углублялся разрыв между качеством изделий, производившихся для широкого потребителя, и тех, которые предназначались для узкого круга богачей (это были преимущественно предметы роскоши). Ухудшение обработки сырья, ремесленной техники в IV—V вв. особенно явственно выступает в керамическом, стекольном, металлообрабатывающем, ткацком производствах. Наиболее ярко все эти процессы сказываются во внешней отделке. Ее примитивизация, упрощение — это одна из характерных черт развития ремесла в IV—V вв. Вместе с тем в изготовлении неболь-

шого ассортимента предметов роскоши в большей степени сохранялось достаточно высокое качество отделки.

Аналогичные процессы мы наблюдаем и в производстве строительных материалов. Ухудшилось качество кирпича, черепицы, глиняных водопроводных труб — материалов, необходимых для массового строительства. В то же время императорские дворцы, государственные учреждения, дворцы знати, церковные здания, возводившиеся в IV—V вв., строились по всем правилам искусства — из мрамора, кирпича или хорошо обработанных каменных блоков; здесь применялись тонко отполированные мраморные плиты, цельные мраморные колонны.

Если одни отрасли ремесла деградировали, то другие все же продолжали совершенствоваться и развиваться. Некоторый прогресс наблюдался в обработке камня и мрамора, где получил более широкое распространение бурав, использовавшийся для отделки деталей. Улучшались методы плавки и обработки стали, шлифовки металлических изделий. В какой-то мере, очевидно, в результате усиления связей с Востоком, прогрессировали техника производства тканей, приемы и методы их крашения и производства самих красителей. Иоанн Златоуст рассказывает о каком-то педальном станке, с помощью которого в его время воспроизводились рисунки по одежде [18]. Прекрасное качество тонких и драгоценных византийских тканей обусловливало высокий спрос на них в странах Востока и Запада.

Усовершенствовались и получали дальнейшее распространение различные механизмы, известные в античности,— водоотливные и водоподъемные сооружения (Египет, Сирия), водяные мельницы.

Однако все эти успехи в отдельных отраслях производства происходили на фоне постепенного замедления в развитии ремесла и его техники.

Городское ремесло обслуживало потребности не только горожан, но и сельского населения [19]. Как писал Иоанн Златоуст в IV в., «земледелец совершенно не мог бы заниматься своим делом, если бы кузнец не доставлял ему заступ, сошник, серп, топор и много других орудий, нужных для земледелия; если бы плотник не сделал для него плуга, не приготовил ярма и молотильной телеги, а кожевник — ремней». Хотя в IV—V вв. значение собственно деревенского и поместного производства несколько повысилось и многие деревни жили, по словам Ливания, «мало пользуясь городом вследствие постоянного обмена между собой» [20], город продолжал играть важную роль в снабжении округи ремесленными изделиями.

Одной из наиболее многочисленных групп ремесленников в городе были мастера по производству строительных материалов. При этом в IV—V вв. несколько сократилось число специалистов по обработке камня, но увеличилась численность ремесленников-строителей. Значительную группу составляли, далее, металлисты: литейщики, включая мастеров по производству свинцовых водопроводных труб и частей для фонтанов; кузнецы, занимавшиеся изготовлением сельскохозяйственных и ремесленных орудий; специалисты по горячей и холодной обработке металла; оружейники — мастера, изготовлявшие панцири, шлемы, наконечники стрел и копий, мечи, кин-

жалы, ножи; гвоздильщики, проволочники, изготовители замков, уздечек и многие другие.

Большую роль в хозяйственной жизни города играло производство керамических изделий — не только кирпича и черепицы, но и посуды. Глиняная посуда — горшки, миски, блюда, фляги, сосуды для хранения продуктов (зерна, вина, масла), глиняная тара, светильники широко использовались горожанами — как в богатых, так и в бедных домах.

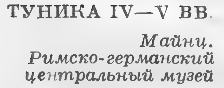
Во многих городах было развито и производство стеклянных изделий. Стекольщики составляли особую группу ремесленников. Подавляющее большинство их специализировалось на производстве стеклянной посуды, фляжек, флаконов для ароматических смесей и благовоний. Стеклянная посуда была сравнительно недорогой и в IV—V вв. имела значительное распространение в восточных провинциях.

Много было в городе текстильщиков: сюда относятся и шерстобиты и ткачи разных профессий — ткачи шерстяных и льняных тканей, изготовители грубых материй для парусов и мешковины, а также шелкоткачи. Заметной группой городских ремесленников являлись красильщики. Практиковалась однократная — менее стойкая, и многократная окраска ткани. Византийские красильщики были искусными мастерами своего дела, применявшими разнообразные минеральные и растительные красители.

Близко к ткачам, помимо ковровщиков, стояли плетельщики и веревочники. Изготовление веревок и канатов было весьма распространенной профессией в приморских и торговых городах.

Не менее важным являлось и кожевенное производство. В ряде городов число кожевников и меховщиков было довольно значительным. Кожевенное производство, во всяком случае в крупных городах, было весьма дифференцированным.

В каждом городе имелись и ремесленники менее распространенных профессий: парфюмеры, изготовлявшие ароматические мази и благовония, мировары, аптекари, переписчики и т. д.

ТУНИКА IV—V ВВ.

Майнц. Римско-германский центральный музей

Немало жило в городе и портных. Большая часть населения шила одежду не на заказ, а приобретала ее в лавке или на рынке в готовом виде.

Довольно большая категория торгово-ремесленного населения была связана со снабжением города топливом: речь идет о дровосеках и угольщиках, которые заготовляли и доставляли дрова и уголь горожанам, обслуживая также общественные бани и пекарни.

С притоком населения в большие города возрастало значение торговцев продовольствием. Они специализировались на доставке зерна, мяса, масла, вина, рыбы, овощей и фруктов. Тут были как оптовики, так и более мелкие торговцы, продававшие свой товар в розницу.

Высокий процент жителей приморских центров составляли рыбаки и моряки.

Сложившаяся ранее специализация отдельных городов и областей на производстве определенного рода изделий и товаров способствовала сохранению оживленных связей между отдельными городами и провинциями империи и в IV—V вв.

Египет вывозил в другие районы большое количество хлеба, льняные ткани, стеклянные изделия, папирус; Малая Азия — оливковое масло, вино, а также кожи, меха, железо и изделия из них, тонкие шерстяные ткани. Сирия, Финикия, Палестина славились своей пшеницей, маслом, тонкими винами, полотняными тканями, красками, предметами роскоши, особенно изделиями из серебра, вывозившимися во все крупнейшие города империи. Побережье Финикии было одним из основных районов рыболовства. Греция являлась одним из главных поставщиков меда, острова — строительного камня и мрамора. Македония вела торговлю железом, свинцом, а иногда еще солониной и дарданским сыром. Даже отдаленная Далмация вывозила сыр, строительный лес и железо.

Правда, многие города внутренних областей империи были довольно слабо втянуты в общеимперскую и провинциальную торговлю. Тем не менее узловые сухопутные торговые дороги были весьма оживленными. Еще интенсивнее велась морская торговля, все более успешно конкурировавшая с сухопутной.

Ливаний о своей родине — Антиохии, писал: «Всякое грузовое судно отправляется отовсюду с продуктами всех стран: Ливии, Европы, Азии, островов, материков, и наилучшее из того, что лучшее в каждом месте, доставляется сюда..., и мы пользуемся произведениями всей земли» [21].

Морские и сухопутные торговые линии связывали Сирию и Палестину с Александрией, малоазийскими городами и Константинополем [22]. Прямой морской путь соединял Александрию со столицей. Превращение Константинополя в столицу империи повысило значение торговых путей Малой Азии и Балкан [23]. Дорога на Анкиру связывала Константинополь с внутренними областями Малой Азии. Три главные дороги пересекали Балканский полуостров: путь от Виндобоны (Вены) на западной дунайской границе через Сингидун — на Константинополь; знаменитая Via Egnatia, пересекавшая Балканы с запада на восток — от Диррахия на берегу Адриатики до Фессалоники и далее до Константинополя; третий путь шел от Син-

ОХОТНИКИ
Мозаика виллы Константиниана. Антиохия. IV в.

гидуна, вдоль Дуная, его дельты и по побережью — к столице. Не менее важен был и морской путь вдоль восточного побережья Балкан. В IV—V вв. возросло значение путей по южному берегу Черного моря, к северным малоазийским провинциям, к Армении и Кавказу.

Как уже отмечалось, все большую роль в это время играла сравнительно дешевая и безопасная морская торговля. Одним из крупнейших судостроительных центров был тогда о. Кипр, расположенный на скрещении главных морских путей; другим была Александрия (правда, здесь использовался привозной лес). Много судов строилось в портах Малой Азии и Финикии, в Константинополе и на побережье Адриатики. Имелись корабли различной вместимости — от небольших плоскодонных судов, пригодных лишь для каботажного плавания, до крупных кораблей вместимостью в 50 тыс. модиев. Судно средних размеров обычно имело от 60 до 100 гребцов [24].

Как правило, купцы не были судовладельцами. Судовладельцы (навикулярии) ограничивались в основном перевозкой товаров; нередко они сдавали суда в наем. Среди навикуляриев было немало представителей знати. Крупным судовладельцем являлась александрийская церковь.

Навигация продолжалась бóльшую часть года. Она прекращалась лишь с середины ноября по 10 марта — в связи с зимними бурями.

Немалую роль в сохранении торгово-ремесленного значения многих городов Византии играло как раз их положение на путях международной торговли. Константинополь был «золотым мостом» между Востоком и Западом [25]. Византия торговала с Аравией и Аксумским царством (Эфиопией), Ираном и Индией, Цейлоном (о. Тапробана) и Китаем, откуда ввозились шелковые и хлопчатобумажные ткани, шелк-сырец, перец и пряности, слоновая кость и редкие металлы, жемчуг и драгоценные камни, ароматы и красители, лекарственные вещества и яды, бисер и черное дерево [26]. Торговый путь связывал Александрию с Эфиопией и Аравией, Индией и Цейлоном. Караванные торговые дороги проходили через города Сирии и Аравии, вели на юг — к Персидскому заливу и на восток — в Иран. Большое значение имели торговые магистрали Малой Азии, приводившие к городам Месопотамии, через которые шла торговля со средней и центральной Азией, Индией, Китаем. Отсюда через Иран и Согд проходил знаменитый «шелковый путь». Более 10 тыс. км тянулся караванный путь из Китая в Византию. 150 дней шли караваны от Китая до иранской границы и 80 дней — через Иран к границе Византии. Важными центрами торговли с Ираном были города Месопотамии.

Известная роль в торговле с Востоком принадлежала и путям, лежавшим вдоль южного побережья Черного моря, ведшим в Армению и далее — к торговым дорогам Азии. Самая оживленная торговля шла в пограничных торговых городах, где в установленные сроки встречались византийские и иностранные купцы.

Значительная часть восточных товаров поступала в Византию в виде сырья, которое превращалось в готовые изделия ремесленниками византийских городов. Многие мастерские в городах Сирии. Палестины, Александрии и Малой Азии работали на привозном. восточном сырье.

Предметы роскоши, изготовленные в мастерских византийских ремесленников, пользовались спросом не только в самой Византии, но и за ее пределами.

Из Византии на Восток в значительных размерах вывозились также зерно и железо (особенно в Иран), кожи и кожаные изделия. льняные и шерстяные ткани, изделия из стекла и вино, наркотические вещества и папирус, драгоценные камни и изделия из серебра и золота.

Весьма насыщенными были и торговые связи Византии с Западным Средиземноморьем. В IV—V вв. морские пути связывали Константинополь, Антиохию и Александрию с Италией — Неаполем и Римом, а также с Карфагеном, Масилией, Испанией. С Западом Византию соединяли и торговые пути на Балканах: один проходил через Фессалонику, на Диррахий, к портам Адриатики и далее — в Италию; другой вел на Сирмий, к Дунаю и северным областям Италии.

В IV—V вв. Византия была главным поставщиком предметов роскоши в Западное Средиземноморье. В V в. торговля на Средиземном море в значительной мере находилась в руках византийского купечества [27].

Византия вывозила в Западную Европу восточные ткани и выделанные кожи, сирийские вина и серебряные изделия, папирус и пряности, драгоценные камни и жемчуг, шелковые и льняные ткани, стеклянные изделия и вышивки. Ввозила же она в то время металлы (в частности серебро и олово), лес — с побережья Адриатики, коней — из Испании. В погоне за оловом византийские купцы добирались до далекой Британии.

Значительное место в торговле Византии занимала и торговля с северными, дунайскими соседями — варварскими племенами, а также торговля по Черному морю. Здесь в византийском вывозе также преобладали готовые продукты и изделия: ткани и различные металлические вещи, украшения, предметы роскоши, оружие, а также зерно, вино, масло, соль, соленая рыба. Ввозились преимущественно кожа, меха, скот, воск, мед, рабы. Большую роль в черноморской торговле в IV—V вв. играл Херсон. Данные раскопок свидетельствуют о росте в Херсоне в IV в. виноделия и рыболовства [28].

Внутренняя и внешняя торговля обогащала верхушку византийского купечества. Торговая прибыль в 100% на одной торговой операции не являлась чем-то из ряда вон выходящим. Состоятельные купцы играли крупную роль в экономической жизни торговых городов.

В византийском городе IV—V вв. процветало и ростовщичество. Продажа имущества, а нередко и самих должников в рабство за долги была тогда чрезвычайно распространенной. Процветание ростовщичества поддерживалось развитием крупной внутренней и международной торговли. Займы у ростовщиков были обычным явлением в практике византийских купцов, предпринимавших торговые операции большого размаха. Рост в IV—V вв. новой военно-чиновной знати, выходившей из небогатых кругов, практика продажи должностей — все это делало постоянными клиентами ростовщиков многих представителей знати, чиновников, военных. Увеличение спроса на займы, особенно среди беднейших слоев населения, приводило к возрастанию процента, который в IV в. нередко достигал 50% занятой суммы.

Ростовщичеством занимались и земельная знать и церковь. Однако большинство ростовщиков принадлежало к торгово-ростовщической верхушке города, которая держала в зависимости от себя немалую часть торгово-ремесленного населения.

Товарно-денежные отношения в Византии были в IV—V вв. довольно развитыми. Часть податей государству и платежей землевладельцам крестьянство нередко вносило деньгами. Денежными были и все поборы с ремесленников и торговцев. Чиновники, военные, муниципальные служащие получали деньгами значительную часть своей платы; во всех сделках и договорах предусматривалась денежная оплата и денежные расчеты.

Монетная реформа, проведенная Константином в условиях определенной стабилизации экономической жизни в первой половине IV в. и положившая в основу денежной системы золотой солид — номисму, временно укрепила денежное обращение. Однако упадок товарно-денежных отношений нашел свое выражение в постепенном

сокращении выпуска серебряной монеты и в развитии тенденции к превращению золота и серебра в сокровища — масса золота использовалась крупными землевладельцами для изготовления роскошной домашней утвари, золотых и серебряных статуй, шла на украшение церквей и монастырей.

Обратимся к вопросу о характере и организации городского ремесла в IV—V вв. В городе господствовало мелкое производство, где «не могло найти применения большое число рабов» [29]. Крупные и средние, приносившие солидный доход, рабские мастерские были распространены лишь в больших городах. Не характерны для ранневизантийского ремесла, работавшего на рынок, и мастерские, основанные на применении в сколько-нибудь широких размерах наемного труда. Обычной для того времени была мелкая мастерская, в которой трудился сам хозяин-ремесленник: помощником у него был кто-либо из членов семьи [30], а иногда — раб, наемный работник, ученик.

Как правило, ремеслу начинали обучаться с детских лет. Отдача в обучение оформлялась специальным договором. Ученик мог приходить к учителю или жить в его доме. В зависимости от этого родители ученика вносили определенную плату учителю в течение первых 1—2 лет обучения. Учитель обучал, содержал и одевал (1 хитон в год) ученика. Ученик был обязан постоянно находиться при мастере. По мере приобретения необходимых навыков (обычно через 1—2 года) он получал от мастера и более высокую плату, которая к концу обучения, через 4—5 лет, достигала платы обученного наемного работника. Окончивший срок ученичества некоторое время оставался наемным работником, накапливая средства для приобретения собственной мастерской, а затем уже становился самостоятельным ремесленником.

Часть ремесленников владела на правах собственности не только своими орудиями труда, но и помещениями, в которых производилась работа. Ремесленная мастерская называлась эргастирием. Обычно эргастирий был одновременно и лавкой, и мастерской, и жилищем мастера. Многие из мастеров не имели своего жилья и мастерской, жили и работали в наемных помещениях, которые снимали у города или частных лиц. Часто собственниками мастерских являлись богатые городские землевладельцы, сдававшие их ремесленникам в аренду. Нередко в одном помещении жили и работали несколько ремесленников различных специальностей. Цены на помещения в крупных городах стояли высокие, поэтому часть ремесленников, не имевшая возможности нанимать мастерских, жила и работала в жалких будках, построенных на улицах и в портиках.

Ремесленники изготовляли свои товары на рынок и на заказ. В производстве дешевых изделий «широкого потребления» преобладала работа на рынок, а в изготовлении предметов роскоши все более возрастала доля работы на заказ. Даже состоятельные ремесленники далеко не всегда могли изготовлять из своего сырья изделия по заказу богачей и церкви. Широкое распространение получила работа на дому заказчика, нередко предоставлявшего мастеру стол и жилье [31].

Приток обедневших ремесленников из небольших, приходивших в упадок полисов в более крупные торгово-ремесленные центры, надо полагать, усиливал здесь мелкое производство, обостряя конкуренцию свободного и рабского труда. Во всяком случае, в «низких» ремеслах, изготовлявших дешевые изделия на местный городской рынок, в IV—V вв., видимо, в большей мере проявилась экономическая невыгодность применения труда рабов. Весьма возможно, что в производстве предметов роскоши, вывозившихся в другие города и провинции, а также на внешний рынок, рабский труд находил значительно более широкое применение.

Собственные рабы-ремесленники и даже мастерские были в городе и у некоторых землевладельцев средней руки. Однако куриалы имели таких домашних рабов уже редко. Значительно более распространено было ремесло в домах крупных городских собственников, динатов-землевладельцев. Здесь можно было встретить как отдельных рабов-ремесленников разных профессий, так и целые мастерские, главным образом ткацкие. Эти, преимущественно рабские, мастерские обслуживали прежде всего потребности домашнего хозяйства магната. Но часть своих нужд в тех или иных изделиях городской магнатский дом удовлетворял, покупая их на рынке, а также нанимая ремесленников для проведения необходимых работ. Даже в самых богатых имениях использовался труд наемных мастеров, а не только рабов.

Доходные мастерские в IV и особенно в V в. принадлежали и церкви. Переход ремесленников в клир, уход в монастыри способствовал росту церковно-монастырского ремесла.

Наиболее крупными мастерскими в ранневизантийском городе были государственные и императорские, устраивавшиеся в IV в. очень часто. Почти все они находились в столице и в некоторых других больших городах империи. Значительная часть работников государственных мастерских, особенно ткацких, были рабами.

Во многих случаях государственные мастерские не представляли собой крупного производства в собственном смысле слова: нередко занятые здесь ремесленники жили и работали у себя дома и в своей мастерской; получая соответствующее сырье, каждый из них производил установленное количество продукции и сдавал ее государству, которое выплачивало мастеру «содержание» натурой и деньгами.

В городах, где имелись и монетный двор, и оружейные, и ткацкие мастерские, число таких прикрепленных к государственному тяглу ремесленников могло быть весьма значительным. По мере того как государство монополизировало ряд отраслей ремесла, связанных с удовлетворением нужд армии и двора, значение «государственного производства» возрастало. Так обстояло дело с изготовлением оружия; постепенно все оружейники были прикреплены к государственным фабрикам» (fabricae) и арсеналам. Монополией государства являлась добыча и изготовление пурпурной краски, выделка пурпурных тканей.

Важная роль в жизни города принадлежала производствам, обеспечивавшим снабжение городского населения, прежде всего хлебо-

пекарному. В столице, где часть жителей получала даровой хлеб, существовали как государственные, так и частные пекарни, принадлежавшие членам корпорации хлебопеков. Пекари выпекали хлеб различного качества, но строго определенного веса и формы. Самым дешевым был ячменный хлеб, являвшийся пищей большинства горожан. Чистый пшеничный хлеб был дорог. Продавали хлеб обычно в пекарне, которая служила и лавкой.

В городе, особенно торговом, имелось много харчевен, кабачков, постоялых дворов — гостиниц. Доходными заведениями в больших городах были и публичные дома. Кабачки и харчевни были в основном небольшими, обслуживавшимися семьей трактирщика, которому помогали один-два раба или наемных работника. Крупных магазинов, вроде знаменитого «дома ламп» в Константинополе, было немного. Обычно торговцы снимали под лавки помещения в первых этажах домов, расположенных на наиболее бойких улицах, или муниципальные лавки на торговой площади. У купца был раб-помощник, выполнявший деловые поручения. Доставка товаров производилась наемным транспортом, с помощью наемных работников. Найм торговцем работника, носильщика — обычное явление в ранневизантийском городе.

Наемные работники использовались и в качестве чернорабочих на строительстве, на переноске грузов, а также в сельскохозяйственном производстве — в пригородных садах и огородах. В приморских городах много лиц наемного труда было занято на погрузке и разгрузке кораблей, в судостроении. Как правило, наемными были и многочисленные в приморских центрах матросы. Гребцы на судах были преимущественно рабами, хотя встречались и наемные гребцы.

Почти все эти работы носили сезонный характер, и в зимний период немало людей оставалось без заработка.

Торгово-ремесленное население византийских городов в значительной своей части объединялось в корпорации — по профессиям[32]. Даже в небольшом городе, как правило, существовало 15—20 корпораций, объединявших ремесленников и торговцев наиболее распространенных профессий — гончаров, ткачей, кожевников, красильщиков, сапожников, портных, кузнецов, золотых и серебряных дел мастеров, домостроителей, парфюмеров, хлебопеков, огородников, владельцев кабаков, харчевен и постоялых дворов, торговцев зерном, мясом, маслом, вином, овощами, рыбой, тканями и готовой одеждой, представителей свободных профессий.

Первоначально коллегии были добровольными объединениями, носившими не столько производственно-фискальный, сколько религиозный характер. По мере развития кризиса рабовладельческого общества возрастало вмешательство государства и муниципальных властей в деятельность коллегий, достигшее своего апогея в IV в. Правительство все более усиливало элементы корпоративной фискальной ответственности, наследственного прикрепления к ремеслу.

Коллегии объединяли свободных ремесленников, на которых возлагались определенные обязанности и которые обладали также известными правами. Деятельность корпораций регламентировалась положениями, определявшими эти права и обязанности, отношения

коллегиатов друг с другом, покупателями и заказчиками, городом и государством. Корпорации имели своих выборных или назначавшихся начальников, которые контролировали их деятельность, выполнение ими повинностей, сбор государственных податей. Положение различных корпораций было неодинаковым. Однако в большинстве своем они были обязаны обеспечивать уплату государству «златосеребряной» подати (хрисаргира), введенной в 314 г., и выполнять муниципальные и государственные повинности.

Византийские корпорации могут быть разделены на несколько групп. Прежде всего это — корпорации, объединявшие ремесленников государственных мастерских. Такие ремесленники были прикреплены к своему ремеслу на всю жизнь, причем самое прикрепление являлось наследственным. Некоторые из них — монетарии, оружейники — клеймились: им выжигали на руке особые знаки — стигматы. В случае бегства этих мастеров их ловили и возвращали обратно. Государственные ремесленники были освобождены от поборов и повинностей. Во главе государственных мастерских стояли чиновники и надзиратели, назначавшиеся властями.

Далее следует назвать корпорации, объединявшие независимых ремесленников: вместо уплаты податей и выполнения повинностей они должны были сдавать государству часть произведенной ими продукции.

Наследственное прикрепление и строгий государственный контроль распространялись не только на ремесленные, но и на торговые профессии. В отдельную корпорацию были объединены судовладельцы — навикулярии, обязанные в течение определенного времени в году перевозить государственные грузы за низкую плату.

В IV в. усилился контроль государства и муниципальных властей над деятельностью важнейших торговых корпораций, снабжавших города основными продуктами питания,— над корпорациями пекарей, огородников, садоводов и др. Обычно высшие должностные лица таких корпораций назначались правительством или местными властями.

Остальные корпорации были более свободными. Они имели своих выборных начальников. Их деятельность регламентировалась уставами. Большую роль здесь играли собрания ремесленников. Выход из корпорации и вступление в нее были свободными. Государственный и муниципальный контроль ограничивался проверкой уплаты податей и выполнения государственных и муниципальных повинностей (обязательные бесплатные услуги государству, поставка известного количества изделий или продуктов, участие в государственных работах, прием на постой воинов и т. д.).

Некоторые торговцы и ремесленники не были объединены в корпорации; сбор налогов и взимание повинностей в этом случае осуществлялись властями по месту жительства.

Социальный состав городского населения Византии IV—V вв. был весьма разнородным. Многочисленную прослойку его, стоявшую на низшей ступени общественной лестницы, составляли рабы. Число рабов, занятых в ремесле, было значительным [33]. Труд массы город-
 ских рабов применялся также и в сфере обслуживания. «Во всех се-

мействах, пользующихся достатком,— писал киренский куриал Синесий,— рабы накрывают на стол, готовят пищу, разливают вино..., носят носилки» [34]. Большей частью рабов владели самые богатые горожане — сенаторы, чиновники, военные командиры, зажиточные куриалы. В их городских домах было по нескольку сот, а иногда и до тысячи рабов, преимущественно домашней челяди. Хотя общая численность рабов в городе постепенно сокращалась, все же рабы составляли от $^1/_{10}$ до $^1/_4$ городского населения.

Наиболее многочисленной прослойкой горожан были плебеи, свободные жители города — люмпен-пролетарии, ремесленники, торговцы, мелкие городские земельные собственники. Плебейское население отличалось большой пестротой. С одной стороны, росла прослойка неимущих и малоимущих плебеев, городской бедноты, с другой — выделялась небольшая группа богатых ростовщиков и торговцев.

Для жизни крупных восточноримских городов IV—V вв. характерен рост люмпен-пролетариата, кормившегося подачками богачей и церкви, случайными заработками и воровством. Однако в Византии люмпен-пролетарские традиции не являлись сколько-нибудь прочными и устойчивыми. Здесь никогда не были распространены в такой степени, как на Западе, взгляды на труд как на недостойное свободного человека занятие. Автора известного «письма Адриана», приехавшего в Александрию еще в начале н. э., чрезвычайно поразило, что здесь «все работают, никто не живет в праздности». Иоанн Златоуст писал, что в труде этих бедняков-поденщиков «нуждаются и строители домов, и земледельцы, и мореплаватели. Чтó для богатых поля, дома и другие источники доходов, то для бедных их собственное тело, весь их доход — от их собственных рук и ниоткуда больше» [35]. Видимо, на «черной» работе — в земледелии, строительстве, при погрузке и разгрузке стал более широко наряду с рабским использоваться и наемный труд.

Однако в условиях развития мелкого производства возможности применения наемного труда в ремесле были также ограничены. Поэтому многие бедняки не находили средств к существованию. Иоанн Златоуст говорит о толпах голодных, раздетых бедняков, которые живут на улицах городов, спят на мостовых, под стенами домов [36]. Эту всегда недовольную чернь подкармливала, подкупала и использовала в своих интересах богатая городская верхушка.

В IV—V вв. основной массой плебейского населения городов были ремесленники и мелкие торговцы. Большей частью они жили своим трудом, не имея рабов. Собственностью ремесленника являлись несложные орудия труда, которые он берег как зеницу ока. Все имущество его семьи состояло из котла, в котором варили пищу, глиняной посуды, да тряпья, составлявшего постель. Единственной одеждой плебея была простая короткая полотняная туника. Дети бегали нагими. Питание было очень скудным: бобы, овощи, ячменный хлеб, в приморских городах — дешевая рыба — таков был повседневный рацион ремесленников. Не часто могли они позволить себе покупку оливкового масла, а мясо считалось малодоступным деликатесом. Работая «от зари до зари», они едва обеспечивали себе полуголодное

существование[37]. У большинства не было никаких сбережений, и малейшие жизненные потрясения грозили плебейской семье разорением.

Значительно возросший в IV в. налоговый гнет ухудшал положение плебса. Особенно тяжело сказывался на нем хрисаргир, взимавшийся со всех, занимавшихся каким-либо ремеслом или промыслами. Хрисаргир, приносивший государству огромные доходы, держал плебеев на грани нищеты. Со времени введения хрисаргира распространенным явлением стала продажа ремесленниками и мелкими торговцами своих детей в рабство, в кабалу[38]. В IV—V вв. увеличивались недоимки по хрисаргиру, и длинные записи задолженности украшали двери большинства лавок и мастерских.

Помимо хрисаргира, на торгово-ремесленное население города ложилась вся тяжесть возраставших государственных и муниципальных повинностей. Городские курии стремились переложить на корпорации бóльшую часть расходов и работ по удовлетворению общегородских нужд. Вмешательство чиновной администрации и курий в жизнь и деятельность корпораций приняло чрезвычайно широкие размеры. Чиновники и куриалы грабили торгово-ремесленное население. Реальное положение плебейских масс города в IV—V вв. сильно изменилось к худшему.

Вместе с тем из рядов плебса в этот период все более отчетливо выделялась богатая верхушка: ростовщики, торговцы, судовладельцы, наживавшиеся на разорении своих собратьев-горожан. Правительство создало систему привилегированных корпораций, члены которых пользовались большими податными и социальными преимуществами. Укрепление статуса таких корпораций вело к упрочению их монополии в городской торговле. Богатая торгово-ростовщическая верхушка восточноримских городов заметно укрепила свое господство в экономической жизни города.

До IV в. ведущую роль в ней играла землевладельческая верхушка — муниципальная аристократия и куриалы, средней руки землевладельцы. Теперь курия превратилась в придаток имперского чиновно-бюрократического аппарата; почти во всех вопросах своей деятельности она зависела от правителя и чиновной администрации. Разорявшиеся куриалы стремились сбросить часть падавшего на них бремени на плечи зависимого от них городского населения. Злоупотребления куриалов, их лихоимство, взяточничество тяжело отражались на положении плебейских кругов города. Усилилась имущественная дифференциация и внутри сословия куриалов. Богатые и влиятельные старались переложить наиболее разорительные обязанности на менее сильных, чем ускоряли их разорение. В течение IV в. основная часть куриалов обеднела, превратилась в куриальную бедноту, безропотно тянувшую лямку муниципальных повинностей. С другой стороны, образовалась небольшая верхушка куриалов, целиком господствовавшая в городских советах и постепенно сливавшаяся с крупными земельными собственниками, тогда как остальные по своему имущественному положению все более сближались с плебеями. Этот процесс углублялся вследствие того, что для пополнения убыли в куриях правительство широко включало в них состоятель-

ных плебеев. Все большее число куриалов уклонялось от своих обязанностей, вступая в торгово-ремесленные корпорации.

Таким образом, в IV—V вв. в Византии происходил процесс разложения муниципальной аристократии — одной из основных прослоек господствующего класса рабовладельческого общества. Некогда обладавших большими привилегиями куриалов теперь публично пороли на площади плетьми со свинцовыми шариками за невзнос податей и невыполнение муниципальных обязанностей. В одном из городов такой куриал, ответственный за функционирование общественных бань, за неимением средств сам топил печи и мыл посетителей [39].

В полисах полуаграрного характера с упадком сословия куриалов замирала и муниципальная жизнь. В городах, имевших по преимуществу характер торгово-ремесленных центров, все бо́льшая роль в городской жизни переходила к торгово-ростовщической верхушке. В крупных городах, наряду с нею, приобретали влияние земельные магнаты.

Близкую к ним группу составляли многочисленные чиновники и военные, пользовавшиеся значительными привилегиями и свободные от муниципальных обязанностей. В результате реформ конца III — начала IV в. значительно увеличился административно-финансовый аппарат и армия. Появилось многочисленное провинциальное чиновничество. Крупные города стали центрами провинций. Местные муниципальные собственники, в том числе и куриалы, пополняли состав чиновничества и армейских командиров.

Независимой от античной муниципальной организации была церковь. Привилегированное положение духовенства давало возможность многим из его представителей сохранить свое имущество и продолжать свои прежние занятия. Среди церковных иерархов было немало богатых землевладельцев и лиц, в прошлом занимавшихся ремеслом и торговлей. Духовенство в IV—V вв. стало играть видную роль в экономической и политической жизни городов, большинство которых являлись центрами епархий.

В течение рассматриваемого времени многие административно-фискальные функции курий перешли к чиновничьему аппарату. Правительство начало все шире привлекать независимых городских собственников, церковь и клир к обсуждению и решению городских дел. Так складывался новый орган (скорее местного, нежели муниципального) самоуправления — собрание представителей знати, сенаторов, чиновников и военных в отставке, живших в городе землевладельцев, куриалов и духовенства. С конца IV в. руководство муниципальными делами постепенно сосредоточивалось в руках епископа и местной знати. Важным шагом в этом направлении было создание в 368 г. института дефенсоров — «защитников» городского населения. Дефенсор был первым муниципальным магистратом, избиравшимся не из куриалов, а из представителей местной знати и утверждавшимся правительством. Он приобрел со временем весьма широкие функции — контрольные, судебные (мелкая юрисдикция), фискальные (сбор податей), полицейские (контроль и руководство муниципальной полицией).

С местной жизнью города — центра епархии наиболее тесно была связана церковь. Церковные учреждения обзаводились доходными предприятиями, занимались торговлей, имели свои суда, брали откупа. По мере упадка курий именно церкви, игравшей большую роль в торговле, правительство начало вверять надзор за городским рынком.

С утверждением господства христианства повышалось значение церкви и в духовной, а также культурной жизни города. Церковь постепенно приобретала право контроля над образованием. На смену муниципальным формам помощи гражданам пришла церковная благотворительность, основывавшаяся на христианском учении о милостыне. Используя собственные средства и богатые пожертвования частных лиц, церковь поддерживала бедноту, содержала странноприимные дома, убежища для престарелых и больных (геронтокомии и носокомии), больницы, родильные дома, приюты для малолетних. Церковь стала принимать решающее участие в наблюдении за санитарным состоянием городов, за лекарской службой; она брала на себя также заботу о городском благоустройстве. В условиях борьбы против язычества и ересей к церкви перешли некоторые карательные функции. С течением времени епископы получили и право суда — в тех случаях, когда тяжущиеся изъявляли желание решать свои дела в таком, епископском, суде. Многие конфликты, ранее рассматривавшиеся курией, муниципальными магистратами, синдиками, теперь разбирались именно в суде епископа. Уже в IV в. епископ приобрел право ходатайствовать перед гражданскими властями и самим императором по общественным, мирским делам города. Приобретение этого права в какой-то мере ставило местного епископа наравне с курией. В течение V в. епископ фактически встал во главе городского самоуправления.

Разложение рабовладельческих устоев города протекало в обстановке острой социальной и политической борьбы. Рабы не только участвовали в народных восстаниях, происходивших в крупных городах, но и применяли свои специфические методы борьбы против господ. Убийство рабами наиболее жестоких хозяев, оказание поддержки варварам во время их вторжений и захвата городов, бегство от хозяев, участие в разбойничьих отрядах — таковы основные формы борьбы рабов в этот период.

Распространенным явлением было бегство рабов. Муниципальные власти постоянно занимались розысками и поимкой беглецов. Рабы все чаще выступали совместно с колонами, свободными. Правительство всячески стремилось не допустить какого-либо участия рабов в социальной и политической борьбе в городе. Так, эдикт от 11 сентября 404 г. предписывал: «Если кто, владея рабами в столице, допускает, чтобы рабы принимали участие в недозволенных сборищах, тот должен знать, что за каждого участвовавшего в сборищах раба придется уплатить 3 либры золота штрафа, причем рабы будут само собой наказаны»[41].

Одной из главных сил социальных движений в городе были плебейские массы. Источники этого времени свидетельствуют о разнообразных формах, в которых выражалось недовольство городских ни-

зов. Здесь и волнения наемных работников, и выступления ремесленников — отказ работать, иногда настоящие забастовки (вроде забастовки строителей в Сардах в середине V в.), и возмущения работников государственных мастерских, выливавшиеся иногда в настоящие восстания, которые сопровождались разгромом мастерских, убийством возглавлявших их чиновников и надзирателей (такие случаи имели место в IV в. на монетном дворе и оружейной «фабрике» в Александрии). Однако поскольку в IV—V вв. основную массу городского населения составляли мелкие ремесленники и торговцы, мелкие землевладельцы, разорявшиеся под бременем налогов и повинностей, городские движения носили главным образом антиналоговый характер. После введения хрисаргира волнения и восстания против налогов стали обычным делом. Одним из наиболее крупных выступлений такого рода было восстание 387 г. в Антиохии, где доведенные до отчаяния сбором новой подати бедняки, вооружившись, осадили дворец правителя; низвергая и уничтожая статуи и портреты императоров, восставшие требовали снижения суммы побора. Выступление против правительства вскоре переросло в возмущение против местной верхушки. Народ стал поджигать дома антиохийских богачей. Это стихийное и неорганизованное восстание народных масс Антиохии было потоплено в крови, как только местные власти и богачи оправились от испуга и собрали силы. Аналогичные выступления произошли в последней четверти IV в. и в других городах восточных провинций: волна антиналоговых волнений и восстаний прокатилась в Константинополе, Фессалонике, Александрии. Они продолжались в течение всего V в., в конце которого разразилась настоящая «плебейская война» (bellum plebeium), вынудившая правительство отменить разорительный хрисаргир.

Необычайно широкие размеры принимали волнения против дороговизны, голодные бунты. Гнев городской бедноты обращался как непосредственно против спекулянтов, так и против покровительствовавших им правителей и чиновников. Так, в 354 г. возмущенные спекуляциями и дороговизной антиохийцы разгромили дом руководителя местных землевладельцев Евбула,— он едва спасся бегством; правитель Феофил, не желавший принимать мер против спекуляции, был убит толпой.

Беднейшее население городов, работники государственных мастерских, как показывает история фракийских городов V в., вместе с рабами оказывали помощь варварам, помогали им захватывать города, расправляться с чиновниками и землевладельцами.

Недовольство торгово-ремесленного населения своим положением, налоговым гнетом, произволом правительственных органов и курий находило свое выражение в уходе под патронат, а также в клир и монастыри, где многие, освободившись от бремени налогов и злоупотреблений властей, продолжали заниматься своим ремеслом.

С победой христианства социальные движения в городе приобретали религиозную окраску, выступая в виде различных ересей; знаменем многих из них являлись социальные идеи раннего христианства.

Стремление куриалов, используя античную муниципальную организацию, поддержать свое падающее благополучие за счет плебейства, приводило к обострению противоречий между курией — булэ и «демосом». Во время народных волнений куриалы, не дожидаясь развития событий, бежали из города в свои имения. По словам Ливания, в его время в случае народного недовольства куриалам были нужны «не ноги, а скорее крылья, если они хотели избежать огня» [42]. Плебейские массы города отходили от курии, начинали искать иные формы защиты своих интересов.

Со времени исчезновения народных собраний общественным центром городов стал ипподром, где проводились официальные празднества, обнародовались постановления и декреты. Здесь зрители криками выражали свое отношение к политике чиновников и правителей, к деятельности куриалов. Постепенно вокруг зрелищ, особенно — наиболее популярных в то время состязаний колесниц, стали складываться своеобразные политические партии — димы.

В IV—V вв. изменялись формы общественно-политической жизни, характерные для античного города и способствовавшие его сплочению вокруг курии. С упадком язычества отмирали местные, муниципальные культы. Утрачивали свой ритуальный характер и городские празднества, сопровождавшиеся общими пиршествами, которые организовывались курией, и содействовавшие поддержанию муниципального патриотизма. Уходили в прошлое публичные выступления городских риторов на общественно-политические темы. Терял свое прежнее общественное значение и характер театр [43]. Ставившиеся в нем античные трагедии и комедии некогда играли немалую роль в поддержании полисной идеологии. В IV—V вв. они сходят со сцены. Их вытесняют выступления мимов, фокусников, певцов, танцоров, акробатов, т. е. более грубые и примитивные виды зрелищ. В обстановке растущей апатии большинства городского населения церковь успешно конкурировала с отживающими идеалами античности, противопоставляя им христианские идеи смирения, всеобщего равенства перед богом и государственной властью и т. п.

Во многом церкви удалось поставить под свой контроль духовную жизнь города. На смену театру пришел храм: в богослужение усиленно вводились элементы театральности, музыкального оформления. К концу V в. окончательно прекратились выступления риторов. Их сменила церковная проповедь.

Однако не все формы общественной жизни античного города утратили свой светский характер. К числу ее сохранившихся элементов относились прежде всего состязания колесниц, издавна с успехом устраивавшиеся на Востоке и приобретшие особую популярность в IV в. Увлечение бегами колесниц стало в это время поистине всеобщим. Церкви стояли пустыми, когда начинались конные ристания. Ипподром, на котором собирались большие массы людей, стал, как уже отмечалось, главным центром политической активности. Здесь развернулась борьба различных группировок, отражавшая политические противоречия среди горожан и в курии. Однако в IV в. она еще не приобрела отчетливого политического оформления. Боролись разные группировки куриалов, местной знати, опиравшиеся на свое

окружение, продажный люмпен-пролетариат. К концу столетия в эту борьбу втянулись недовольные своим положением более широкие плебейские круги. С упадком значения курий, сплачивавших вокруг себя имущие слои плебса, стало отчетливее оформляться разделение борющихся партий на землевладельческую и торгово-ремесленную группировки, к которым, в зависимости от их интересов, в тех или иных случаях примыкали и массы горожан. Борьба цирковых партий, сложившихся к началу V в., стала с этого времени одной из характернейших особенностей политической жизни города.

По мере разложения античного полиса изменялся и его внешний облик. Город утрачивал свои былые черты и приобретал новые, сближавшие его со средневековым. Вместо муниципальных учреждений строились дворцы правителей, канцелярии судебных и фискальных чиновников, военных управлений, дворцы крупных местных собственников, группировавшиеся в центре города. На месте языческих храмов и театров выросли церкви. В связи с усложнившейся военной обстановкой стали нарушаться старые принципы планировки городов. К V в. бóльшая их часть была обнесена стенами. При восстановлении разрушенных городов прежде всего принимались в расчет возможности их обороны, размещения за стенами всего населения. Постепенно перестало практиковаться строительство обширных центральных площадей, прямая планировка улиц. Они становились более узкими, застройка — более тесной. Многие из небрежно и поспешно отстроенных в V в. городов были расположены на стесненном пространстве, в удобных для обороны местах и напоминали скорее средневековые города-крепости, нежели просторные города античности.

Глава

5

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИМПЕРИИ В IV—V ВВ.

Византийская империя IV—V вв. была централизованной военно-бюрократической монархией. Она унаследовала основные черты государственного строя Поздней Римской империи, сочетавшего традиции римского государственного устройства с элементами восточной деспотии. Правящая верхушка Константинополя видела в Византии преемника Римской империи. В V в., несмотря на фактическое разделение, оба государства — Восточная Римская и Западная Римская империи — еще считались частями единого целого. Это находило свое выражение в едином консулате (каждая империя назначала одного из двух консулов), в общих для обеих империй законах, издававшихся от имени обоих императоров, во взаимной поддержке последними друг друга. Хотя Византия включала в себя области, где господствовал греческий язык, государственным языком империи до VI—VII вв. продолжал оставаться латинский.

Византия восприняла римское законодательство; оно было положено в основу первого свода собственно византийского права — Кодекса Феодосия.

В своей административной структуре империя в IV в. сохраняла диоклетиановско-константиновское деление. Она распадалась на две крупные административно-территориальные единицы — префектуры: Восток, охватывавший восточные области (его центром являлась столица империи — Константинополь), и Иллирик, в который входили балканские земли (центр — Фессалоника). Каждая из префектур в свою очередь членилась на диоцезы, делившиеся на провинции.

Самой крупной была префектура Востока, состоявшая из 4 диоцезов: 1) Восток — 15 провинций; 2) Азия — 10 провинций; 3) Понт — 10 провинций и 4) Фракия — 6 провинций. В префектуру Иллирика входили 2 диоцеза: 1) Македония — 6 провинций и 2) Дакия — 5 провинций. Отдельную административную область (диоцез) образовывал Египет, во главе управления которого стоял префект-августал; его резиденция находилась в Александрии. Всего в империи имелось 7 диоцезов и свыше 50 провинций [1].

По своей социальной сущности Византийское государство представляло собою диктатуру крупных земельных собственников-рабовладельцев и богатой торгово-ростовщической верхушки, в условиях кризиса и разложения рабовладельческого общества сплотившихся вокруг сильной императорской власти.

Все свободное население империи резко отграничивалось от рабов и делилось на сословия (ordines), каждое из которых имело строго определенные права и обязанности. Наиболее бесправной, стоявшей вне официальной жизни общества, прослойкой населения Византии продолжали оставаться рабы [2]. Хотя раб по-прежнему считался полной собственностью своего господина, в законодательстве и в общественной практике он уже признавался не только «вещью», но и «человеком». Было ограничено право господина на убийство раба и чрезмерно жестокое обращение с ним. Однако за господином сохранялось почти неограниченное право наказания рабов. Смерть раба, если она происходила во время или в результате наказания, не рассматривалась как преднамеренное убийство. Вместе с тем государство поощряло отпуск рабов на волю и в ряде случаев прямо предписывало обращать военнопленных не в рабов, а в колонов. Были облегчены также формальности, связанные с освобождением рабов.

В IV—V вв. окрепли и элементы имущественной правоспособности рабов, частично существовавшей в восточных провинциях Римской империи уже раньше. Упрочилась связь рабов со своим пекулием, право владения и распоряжения им, в частности, передачи по наследству. Фактически было признано существование семьи у раба.

Наряду с имущественной, несколько возросла и юридическая правоспособность рабов в отношении третьих лиц. Рабы фиска и императора могли от своего имени вести против свободных судебные процессы по уголовным и гражданским делам. Однако раб не имел права судиться со своим господином, кроме как в случае принесения жалобы на чрезмерно жестокое обращение. Рабы не могли выступать и в качестве свидетелей не только против своих господ, но и против других свободных, за исключением дел о преступлениях против государства и императорской власти.

Изменения в положении рабов объективно сближали их в какой-то мере с основной массой свободных. Поэтому государство менее сурово преследовало браки тех и других между собою. Согласно закону 319 г., такие браки уже не запрещались, хотя и не считались «законными», но дети, рождавшиеся от них, получали, как и раньше, статус своей матери.

Однако рабам был наглухо закрыт доступ ко всем государственным и общественным должностям. В принципе не допускалась и их служба в армии. Не только в правах, но и в системе наказаний за различные преступления законодательство самым решительным образом отделяло рабов от лиц, «украшенных достоинством свободы». Жесточайшие пытки в процессе дознания, отсечение рук и ног, обезглавливание, сожжение, отдача на растерзание зверям — таковы были обычные наказания, которым рабы подвергались за сколько-нибудь существенное преступление против государства или рабовладельцев.

В IV—V вв. происходит известное сближение фактического положения рабов и других категорий зависимого населения империи. Грань между свободой и несвободой становилась чрезвычайно зыбкой. Если возможности перехода из рабства в другое зависимое или свободное состояние расширились и стали более легкими, то заметно облегчились и пути перехода в рабство для свободных [3].

Почти полностью бесправными были многочисленные приписные колоны — энапографы. Они рассматривались как наследственные рабы земли (servi terrae). Даже личное имущество энапографов стало считаться собственностью их господ, а браки со свободными, равно как и с зависимыми от других господ, им запрещались. В IV—V вв. утратили значительную часть своей прежней правоспособности и свободные колоны, которые в течение IV в. постепенно прикреплялись к земле. Официальное право все более противопоставляло колонов свободным. Таким образом, подавляющее большинство сельского населения империи, состоявшего в IV—V вв. из колонов, являлось почти бесправной массой. В системе наказаний государство нередко приравнивало колонов, особенно приписных, к рабам.

Известными политическими и гражданскими правами обладало свободное население империи. Его низшую прослойку составляло многочисленное в Византии плебейское сословие — ordo plebeius.

Часть торгово-ремесленного населения городов была в течение IV в. наследственно прикреплена к своим профессиям. Лица, вступавшие в брак с членами коллегий, причислялись к коллегиатам. Однако прикрепление распространялось лишь на профессии, в которых государство было особенно заинтересовано. Основная же масса ремесленников не была прикреплена. Свободные плебеи не пользовались также особыми привилегиями перед судом, законодательство сближало плебс с рабами. Плебеев все чаще стали подвергать пыткам, отдавать на растерзание зверям, приговаривать к сожжению, к вечному или временному рабству в копях и рудниках.

Лучшим было положение второго сословия империи, объединявшего средних городских землевладельцев-куриалов — ordo curialium. Куриалы пользовались рядом привилегий. Обычно самой высокой мерой наказания для них была конфискация имущества и ссылка в отдаленные провинции, на окраины империи.

Наряду с сословными ограничениями политических прав для широких слоев населения империи существовали ограничения, обусловленные этническими и особенно религиозными мотивами. Так,

язычникам, иудеям, самаритянам, представителям различных демократических религиозных сект уже в начале V в. было запрещено занимать государственные должности. Многие еретики были стеснены в своих судебных и имущественных правах.

Высшим в империи было сенаторское сословие — ordo senatorius, включавшее в свой состав несколько сотен семей богатейших и крупнейших земельных собственников, представителей военно-чиновной знати. Доходы многих сенаторов исчислялись тысячами либр золота в год. Пополнение сенаторского сословия происходило не только в силу наследственной принадлежности к нему или через претуру, но и путем дарования сенаторского достоинства отдельным лицам сенатом или императорской властью за их заслуги перед государством. К началу V в. много людей незнатного происхождения, выдвинувшихся на государственной и военной службе, вошли в сенаторское сословие [4].

В V в. завершился процесс слияния старой, сенаторской и новой, военно-чиновной знати. Формировалась влиятельная служилая аристократия.

Представители сенаторского сословия пользовались исключительными налоговыми, судебными и политическими привилегиями.

Сословному неравенству соответствовало и неравенство перед судом. За одинаковые преступления представители высших слоев общества (honestiores) подвергались значительно менее суровым наказаниям, чем humiliores [5]. Сенаторы не могли быть арестованы и заключены в тюрьму без разрешения сената или императора.

Политический строй Византии IV—V вв. представлял собой дальнейшее развитие режима домината, сложившегося в Римской империи в IV в., когда вся полнота власти сосредоточивалась в руках императора, считавшегося единоличным выразителем суверенитета, воли и прав всего «римского народа». Император (василевс), крупнейший и богатейший собственник империи, наследник власти римских императоров и восточноэллинистических монархов, являлся неограниченным правителем (αὐτοκράτωρ), абсолютным господином (dominus) своих подданных. Облеченный неограниченной законодательной и исполнительной властью, он был единственным источником власти и закона, верховным законодателем и судьей, носителем высшей военной власти, «избранником божиим» и как таковой — верховным защитником и покровителем, светским главой византийской церкви. Теория божественного происхождения императорской власти, представлявшая императора «помазанником божиим», живым символом врученного ему богом царства, окружала его ореолом святости, отделяла императора непроходимой гранью от остальных «смертных». Всякий род государственной службы рассматривался как служба императору, а все государственные чиновники — как его слуги. Тщательно разработанный пышный придворный церемониал был призван подчеркнуть величие и недосягаемость императорской власти [6]. Золотая, украшенная жемчугом и драгоценными камнями диадема и длинные пурпурные одежды и сапоги были отличительными знаками императорской власти.

Император безраздельно распоряжался всеми ресурсами и средствами империи.

Совещательным органом при императоре был сенат, или синклит. Сенат обсуждал вопросы, которые предлагал ему император, подготавливал законодательные предложения, которым последующее императорское утверждение давало силу закона. По поручению императора сенат выполнял функции высшей судебной и апелляционной инстанции. В Византии сохранился консулат: консул — это был высший почетный титул, даруемый сенатом. На консулов ложилась обязанность устраивать за свой счет развлечения для жителей столицы. Уцелела претура, также связанная с расходами на организацию празднеств в столице. В Восточной империи было восемь преторов.

Претура открывала доступ в сенаторское сословие. Автоматически получали сенаторское достоинство различных разрядов все носители высших государственных должностей (illustres, spectabiles, или clarissimi).

В конце IV в. число сенаторов достигало двух тысяч. Сенаторы делились на разряды, представители каждого из которых[7] обладали разными правами. В V в. высший разряд сенаторов — illustres — охватывал около 600 активных государственных деятелей, пользовавшихся исключительными привилегиями. Illustres были обязаны постоянно жить в Константинополе.

Император, являвшийся членом сената, советовался здесь по основным принципиальным проблемам внутренней и внешней политики. Такая система, с одной стороны, не связывала инициативу и быстроту действий императорской власти, с другой,— гарантировала правящей верхушке империи необходимую степень участия в руководстве государственными делами.

Важным фактором, обеспечивавшим влияние сената на политику императоров, была выборность последних. Чтобы передать престол своим сыновьям, императоры с IV в. обычно давали им титул соправителей. Однако лишь последующие выборы превращали их в «законных» императоров. Провозглашение нового императора сенатом, армией и «народом», а с V в. в отдельных случаях и коронация его патриархом считались необходимой «конституционной» процедурой утверждения «законности» его власти. В случае недовольства политикой императора, сенат, армия и «народ» могли низложить его. Таким образом, императорская власть в Византии была в действительности ограничена привилегиями и правами правящей верхушки, вынуждавшей императора постоянно считаться с ее интересами и пожеланиями.

Формально император, как уже указывалось, выбирался сенатом, армией и «народом» — димами. Фактически решающее значение принадлежало сенату и верхушке армии, выдвигавшим кандидатуру нового императора.

Что касается «народа Константинополя», то здесь определяющей была позиция вожаков политических партий, прежде всего партий венетов и прасинов, сложившихся в первой половине V в. и состоявших из представителей тех же правящих кругов империи.

Димы (δῆμοι)[8] — партии цирка — играли особую роль в Византии V—VI вв. Они сложились в результате развития внутренней политической жизни византийского общества в IV — начале V в. В это время вокруг зрелищ в городах образовались спортивные организации — факции, ведавшие подготовкой и проведением цирковых представлений, а вокруг них оформились своеобразные спортивные партии, «болевшие» за ту или иную факцию, имевшие свои места на ипподроме, поддерживавшие факции пожертвованиями, тесно связанные с ними и получившие от них свое название. В каждом более или менее крупном городе было по четыре спортивных цирковых партии: левки (белые), русии (красные, розовые), прасины (зеленые) и венеты (синие, голубые), делившиеся по цветам одежды возниц.

Однако рост интереса к зрелищам в IV в. носил не только спортивный характер. Если в западной половине Римской империи факции так и остались чисто спортивными объединениями, умиравшими вместе с упадком города, то в Византии их судьба сложилась иначе. Здесь факции стали превращаться из спортивных в политические организации городского населения, в своеобразные политические партии. Важное значение в истории формирования цирковых партий имел указ Константина об acclamationes, давший право городскому населению во время зрелищ выражать свое одобрение или неодобрение деятельности властей. К концу IV — началу V в. факции приобрели более отчетливо выраженный политический характер.

Димы были привлечены и к обороне столицы; по димам составлялись отряды городской милиции. Правительство было вынуждено признать за димами определенные права — право участвовать в политической жизни и иметь вооружение. Правда, число димотов, пользовавшихся этими правами, было, по-видимому, невелико. «Военных» димотов было всего несколько тысяч человек, записанных в особые списки — каталоги. Во главе димов стояли официально признанные правительством димархи, патроны (простаты) партий из числа наиболее влиятельных их сторонников.

В V в. столичные партии уже считались известной «конституционной» силой. Они имели право собираться на ипподроме, где занимали «свои» места, участвовать в официальных церемониях и празднествах, выражать свое мнение и предъявлять требования к императорской власти и чиновной администрации во время представлений на ипподроме. Нередко по их требованиям здесь ставились и решались важнейшие вопросы политической жизни страны; димы выражали одобрение или неодобрение политике императоров. В V в. партии сложились и в других городах, с течением времени превратившись в своего рода общеимперские организации, тесно связанные друг с другом.

Из четырех цирковых партий определенное политическое значение приобрели лишь прасины и венеты. Левки обычно объединялись с венетами, русии — с прасинами. Вокруг этих партий, в зависимости от тех или иных политических интересов или связей, группировались более широкие слои городского населения, народные массы города.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ

Часть диптиха. Слоновая кость. VI в. Государственный Эрмитаж

Партия венетов сложилась как партия греко-римской земельной аристократии, партию прасинов возглавляла торгово-ростовщическая верхушка. Эта партия имела свою основную опору в богатых торговых городах Востока империи, венеты — в земледельческих областях — малоазиатских и балканских провинциях.

В V в. правительство все чаще вынуждено было ориентироваться в своей политике преимущественно на интересы одной из этих групп. Борьба между партиями стала борьбой за влияние на политику императорской власти. Венеты добивались ограничения поборов с землевладельцев и усиления их — с торговцев и ремесленников; прасины выдвигали диаметрально противоположную программу.

Все это объединяло вокруг партий соответствующие слои населения города, заинтересованные в смягчении ложившегося на них податного гнета.

По мере того, как государство оказывалось не в состоянии с одинаковой активностью действовать на всех границах империи, обострялись конфликты между партиями по вопросу об основном направлении внешней политики. Столкновения особенно усилились в V в. в связи с ухудшившимся положением Западной Римской империи. Партия венетов, руководящие круги которой были тесно связаны с римской знатью Запада, стояла за всемерную активизацию политики на Балканах, за оказание активной помощи погибавшей Западной Римской империи.

Партия же прасинов стремилась к перенесению центра внешнеполитической активности на Восток — в интересах торгово-купеческих кругов восточных провинций.

Постепенно в процессе складывания политических «программ» оформлялось и размежевание по религиозным признакам. Знаменем венетов стало официальное, «никейское» христианство, господствовавшее и в западной римской церкви. Прасины же выступали поборниками нового, возникшего в V в. в восточных провинциях Византии христианского учения — монофиситства. Борьба между партиями приобрела религиозно-политический характер. Во второй половине V в. она принимала весьма острые формы, нередко выливаясь в вооруженные столкновения на ипподроме и на улицах столицы и других городов.

Фактически деятельность партий целиком направлялась их богатой верхушкой. В V в. в эту борьбу все больше втягиваются народные массы города, выражая таким образом свое недовольство политикой императорской власти и господствующего класса. Поэтому иногда борьба партий, вопреки интересам и желанию их руководящих верхов, перерастала в настоящие народные волнения.

Во главе центрального государственного управления стоял Государственный совет (consistorium sacrum) — консисторий. Он состоял из узкого круга высших гражданских и военных чинов, назначавшихся императором. Этот орган имел совещательный характер и созывался по усмотрению императора.

Члены консистория сопровождали его во время длительных поездок по империи. Существование консистория обеспечивало оперативность в решении основных текущих дел, принимавшемся при

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КРАСНОЕ МОРЕ.

Мозаика базилики Санта-Мария Маджоре в Риме. 432—440 гг.

участии наиболее видных представителей сенаторского сословия. Иногда Совет заседал в более широком составе, вместе с представителями сената [9].

Управление империей осуществлялось через разветвленный бюрократический аппарат, формировавшийся императором и возглавлявшийся высшими чиновниками империи, объединенными в консистории. Наряду с должностными чинами и званиями существовали почетные титулы, не связанные с занятием какой-либо должности, даровавшиеся императором и дававшие большие общественные привилегии (свободу от муниципальных обязанностей, телесных наказаний в суде и т. д.). Положение лиц, находившихся на государственной службе, и соотношение между гражданскими и военными чинами было в начале V в. определено особой табелью о рангах (Notitia dignitatum omnium tam civilium quam militarium, in partibus orientis et occidentis) [10]

Структура государственного управления целиком основывалась на диоклетиано-константиновской системе. Гражданская власть была отделена от военной. Государственная служба (militia) делилась на гражданскую, военную (militia armata) и придворную (palatina). Во главе гражданского управления стояли два префекта претория (praefecti praetorium) [11], назначавшиеся императором. Это были высшие гражданские правители, обладавшие широкой административной, судебной и финансовой властью. Они являлись ближайшими помощниками императора в сфере гражданского управления. Префекты претория ведали общим управлением диоцезов и провинций, императорской почтой, постройкой и содержанием общественных зданий, надзором за торговлей, сбором податей и поборов, выплатой средств чиновникам диоцезов, назначением и смещением викариев и правителей, делами городов. В их ведении находилась казна префектуры, набор рекрутов для армии, ее снабжение и содержание, арсеналы и мастерские. Для населения подвластных им областей префекты претория были судьями высшей инстанции. Они имели право издавать преторские эдикты по вопросам, касавшимся деталей управления и законодательства.

В непосредственном подчинении префектов претория находились гражданские правители диоцезов — викарии (vicarii). Их власть в основном была контрольно-судебной и апелляционной. Они осуществляли общий надзор за деятельностью правителей провинций, служивших основным звеном в системе гражданского управления. Правители также были наделены большими административными, фискальными, судебными и полицейскими полномочиями. Дважды в год они посылали префекту претория подробные отчеты о состоянии провинций и о своей деятельности. Правители отвечали за сбор налогов. Они же были судьями первой инстанции во всех гражданских и уголовных делах (отсюда их второе название — iudex, судья). В распоряжении правителей, резиденция которых находилась в главном городе провинции, был значительный штат, делившийся на отделы — канцелярии.

Провинциальным властям были подчинены в административном отношении города с их территориями и внегородские земли, входив-

шие в состав провинции. Курии превратились в IV в. в придаток бюрократического аппарата империи. В аналогичном положении находились и сельские общины.

Константинополь вместе с его ближайшей округой (до 100 миль) был выделен из ведения префектов претория в самостоятельную территориальную единицу. Гражданским правителем города был его префект (эпарх), подчинявшийся непосредственно императору. Он руководил гражданским управлением столицы, осуществлял контроль над деятельностью торгово-ремесленных корпораций, ведал городским благоустройством, снабжением, следил за охраной порядка через подчиненную ему городскую полицию. Префект обладал на территории Константинополя и его округи высшей судебной властью. Как правитель Константинополя он отвечал за безопасность императорского дворца и был хранителем государственной казны, а как представитель сената считался его председателем и официальным «защитником» прав сената и сенаторов.

Центральное управление империи сосредоточивалось во дворце (sacrum palatium). Один из важнейших постов в центральном управлении занимал магистр оффиций — начальник дворца и дворцовых служб[12]. Располагая штатом чиновников и переводчиков, он руководил внешней политикой государства, ведал организацией посольских приемов и сношениями с послами, осуществлявшимися через канцелярию приемов. Другой важной функцией магистра оффиций являлась охрана безопасности императора. Магистр оффиций был начальником дворцовой гвардии, личной охраны императора и арсеналов Константинополя. В то же время он стоял во главе полиции. Ему принадлежал контроль над управлением, надзор за придворной и чиновной администрацией (в каждом диоцезе и провинции был princeps — начальник канцелярии правителя, непосредственно связанный с магистром оффиций).

В ведении магистра оффиций находилась также вся организация государственной почты. Под его контролем состояли оружейные «фабрики». С 443 г. на магистра оффиций были возложены обязанности инспектора пограничных войск — лимитанов, ему было дано право судить командиров пограничных округов и их офицеров.

Другим высшим чиновником империи был квестор священного дворца (quaestor sacri palatii), председатель консистория и начальник нотариев. Значение этой должности в V в. постепенно возрастало. Квестор священного дворца ведал составлением и рассылкой императорских указов. Главный юрист империи, квестор обладал и судебной властью.

К числу высших государственных чиновников принадлежали далее два комита финансов: comes sacrarum largitionum и comes rerum privatarum. Первый из них распоряжался казной, в которую поступали все денежные доходы от податей, пошлин, торговых оборотов. Второй ведал эксплуатацией и сбором доходов с частных и коронных императорских имуществ, дворцами, конными заводами. В ведомства комитов финансов широко привлекались представители торгово-ростовщической верхушки империи, финансовый опыт которых государство использовало.

БОРЬБА
ГЛАДИАТОРОВ

Диптих.
Слоновая кость. V в.
Государственный
Эрмитаж

Большую роль в жизни двора играло ведомство императорских покоев (sacrum cubiculum), обеспечивавшее безопасность и все личные нужды императора и императрицы. Во главе этого ведомства стоял praepositus sacri cubiculi [13]. Ему были подчинены многочисленные евнухи, cubicularii, находившиеся в услужении императора и императрицы. Евнух-препозит опочивальни василевса был наиболее близким доверенным лицом императора, одним из его ближайших советников. Благодаря постоянной связи с ним он пользовался огромным влиянием при дворе.

Общая численность чиновников была колоссальной. По подсчетам исследователей, в префектурах Востока и Иллирика служило не менее 10 тыс. гражданских чиновников. Множество служителей жило и при дворе. В середине IV в. одних только брадобреев в императорском дворце было 1000 человек, курьеров — 10 тыс.

Как уже отмечалось, военная организация империи была обособлена от гражданской. Византийская армия [14] в начале V в. насчитывала несколько сот тысяч человек [15]. Часть ее пополнялась детьми ветеранов, имевших земельные наделы, пользовавшихся податными льготами и обязанных с 18-летнего возраста в течение 20—25 лет служить в армии; другая — путем рекрутских наборов. В связи с сокращением свободного сельского населения и усилившимся прикреплением городского ordo plebeius к коллегиям правительство вынуждено было привлекать на военную службу даже колонов. В IV в. в Византии стали переходить к замене поставки рекрутов денежными взносами (от 25—36 номисм за рекрута), средства от которых расходовались для найма солдат.

Уже тогда в армии все большую роль играли поэтому контингенты варваров. Частично это были наемные дружины соседних варварских народов, а главным образом варвары-поселенцы, или федераты (foederati), согласно договору (foedus) размещавшиеся на пограничных территориях с обязательством нести военную службу за деньги или довольствие. Федераты составляли самостоятельные воинские части, находившиеся под командованием собственных командиров, своих вождей. К концу IV — началу V в. варваризация армии приняла очень широкие размеры. Варвары были основной силой не только армии, но и придворной гвардии (palatini), несшей охрану дворца и императора.

Однако в Византии продолжали сохраняться и значительные формирования из местного населения, главным образом из иллирийцев и исавров, что делало армию более надежной и послушной правительству.

Тяжелая пехота, являвшаяся прежде основой римской армии, постепенно утрачивала свое значение. Конница была отделена от пехоты: выделенная из легионов в самостоятельную боевую единицу, она постепенно становилась главной силой армии. В пехоте все возрастающую ее часть составляли легковооруженные подвижные воины. В IV—V вв. в пехоте особенно повышается роль лучников. Число воинов в легионах сократилось до 1—2 тыс. человек, а в кавалерии — до 300—500 всадников, находившихся под командой префектов или трибунов.

Организация армии в основных чертах была той же, что и во времена Диоклетиана и Константина. Она подразделялась на пограничные части, расположенные в пограничных областях, и действующие, мобильные войска. Общая численность армии в начале V в. достигла 550 тыс. чел. [16].

Вся территория Византии была разбита на 13 пограничных округов, во главе с duces, являвшихся верховными представителями военной власти на территориях этих округов. Высшее командование армии сосредоточивалось в руках пяти magistri militum. Два из них были главнокомандующими действующей армии: один — пехоты, (peditum), другой — кавалерии (equitum) [17] — и находились в Константинополе. Три остальных магистра командовали войсками, расположенными в трех военных округах — Востока, Иллирика и Фракии.

Кроме того, наряду с магистрами были 2 комита rei militaris, один из которых стоял во главе отрядов, размещенных в Нижнем Египте, другой — в Исаврии. Основная масса пограничных войск была расположена на Дунае и Евфрате.

Дробность командования армией ослабляла угрозу узурпаций, хотя и не всегда положительно сказывалась на ведении военных действий. Снабжение и вооружение армии находилось в руках гражданской, а не военной администрации. С V в. в византийской армии известную роль начали играть частные дружины полководцев. У императоров, кроме их гвардии, были и частные отряды, конные и пешие. Крупные землевладельцы и чиновники также содержали свои отряды солдат и «полиции». Правительство запрещало такого рода формирования. Однако поскольку в армии увеличивалось число наемников, постольку полководцам для успешного использования этой разношерстной и недисциплинированной массы необходимо было иметь частные дружины. Они составляли самую надежную часть войска.

Византийский военный флот [18] в качестве самостоятельной силы в IV—V вв. не существовал. С тех пор, как Средиземное море стало «римским озером» и было ликвидировано пиратство, необходимость в сколько-нибудь значительном военном флоте отпала. В случае необходимости вооружались и использовались суда навикуляриев. Однако образование варварских государств, а позднее, уже в VII в., морские набеги славян, захват восточных провинций арабами побудили византийское правительство создать свой постоянный военный флот. Он начал строиться в VI в.

Солдаты и офицеры византийской армии получали государственное содержание. Жалованье воинов было очень низким, и выплата им денег часто задерживалась правительством, что служило одной из постоянных причин недовольства, волнений и мятежей в армии. Разношерстная, разноязычная, ослабляемая этническими противоречиями, византийская армия была недисциплинированной, трудноуправляемой на поле боя и вследствие постоянных измен варварских союзников — ненадежной.

Однако стройная воинская организация, многочисленный командный (особенно низший) состав, совершенное вооружение, в том

числе разнообразные осадные и метательные машины, хорошо продуманная стратегия и тактика обеспечивали армии достаточно высокую боеспособность.

Содержание огромного чиновничьего аппарата и колоссальной армии осуществлялось на основе виртуозно разработанной фискальной системы[19]. Основным налогом была поземельная подать — аннона (annona militaris et civilis), взимавшаяся ежегодно со всего сельского населения империи. В основу обложения была положена особая фискальная единица(iugum), при определении которой учитывались как размеры площади (а также ее качество и возделываемая культура), так и число работников.

В Византии, как и в Поздней Римской империи, существовала сложная система обложения, состоявшая из комбинации подушной и поземельной подати (iugatio — capitatio). Через каждые 5 лет производилась общая налоговая перепись всего населения и имущества, а через 15 лет (такой порядок действовал с 312 г.) — генеральный пересмотр размеров обложения (indictio). Составлялся новый кадастр (census) на ближайшие 15 лет. Поземельная подать собиралась, как правило, в натуре (продуктами, скотом) в три срока ежегодно (1 сентября, 1 января, 1 мая). Податные поступления сосредоточивались в государственных хранилищах (horrea publica). В V в. нередко подать взималась в денежной форме.

Тяжелой добавкой к поземельному налогу в V в. для многих землевладельцев стала «прикидка» (эпиболэ), распространенная на государственных землях,— обязанность односельчан платить за соседние, заброшенные или пустующие, участки.

Главным денежным побором, ложившимся на свободное неземледельческое население империи, был хрисаргир. Он взимался со всех лиц, занимавшихся любым промыслом, кроме земледелия. Хрисаргир собирался один раз в 4—5 лет. Кроме хрисаргира, существовали различные торговые пошлины[20].

Наряду с этими основными налогами были и некоторые сословные поборы. Нередко проводились также экстраординарные и чрезвычайные поборы.

Кроме податей, византийцы были обременены разного рода имущественными и личными повинностями. В своей совокупности все эти налоги и повинности ложились тяжелым бременем на подавляющее большинство населения империи.

Часть денежных средств — поступления от основных налогов — шли в государственное казначейство. Пошлины с внутренней и внешней торговли поступали в императорское казначейство; эти деньги находились в личном распоряжении императора.

Наличие огромной массы продуктов, поступавших в виде натуральных поборов, а также значительных денежных средств, позволяло византийскому государству располагать достаточными материальными ресурсами.

Концентрируя в своих руках доходы от собственных имуществ и доходы, которые давала государственная служба (плата за военночиновные и придворные должности), правящая верхушка, естественно, сплачивалась вокруг императорской власти. Эта довольно широ-

кая эксплуататорская прослойка (крупные земельные собственники — сенаторы, чиновники, военные, клир) пользовалась большими податными льготами и изъятиями, тогда как народные массы изнывали под бременем непрерывно возраставших в IV—V вв. податей и повинностей. По свидетельству Фемистия, за 40 лет, предшествовавших правлению Валента, налоги увеличились вдвое[21]. Фемистий превозносит этого императора за то, что при нем не произошло дальнейшего увеличения податного бремени. Однако этот автор забыл упомянуть, что вместо повышения податей Валент встал на другой путь — беспощадного выколачивания из населения недоимок, накопившихся с конца III в. Со второй половины IV в. быстро росли и чрезвычайные, и экстраординарные поборы. Тюрьмы были постоянно переполнены должниками фиска. Взыскание податей, согласно закону, нередко производилось с помощью военной силы.

Тяжесть податей еще более усугублялась процветавшими в Византии злоупотреблениями чиновников и податных сборщиков, чему благоприятствовало как всевластие чиновничьего аппарата и бесправие населения, так и все более широко применявшаяся в V в. практика продажи должностей. В немалой мере этому явлению способствовало само положение рядового чиновничества: если высшие и средние чиновники и придворные имели колоссальные оклады, то огромная масса представителей бюрократии низшего ранга получала крайне скудное содержание и в значительной мере жила за счет «дополнительных» взиманий с населения. Подобные же порядки существовали и в армии, где, в отличие от превосходно оплачиваемых командиров, солдатам платили ничтожное жалованье, значительная часть которого к тому же присваивалась их начальниками. Мизерное содержание, нерегулярная выплата жалования, воровство командиров — все это вынуждало солдат поддерживать свое существование, главным образом грабя население. Поэтому не удивительно, что жители провинций рассматривали появление агентов фиска или солдат как бедствие не менее страшное, чем нашествие врага.

Воровство огромной армии чиновников и придворных было одной из самых глубоких язв византийского государства с самого начала его существования. К рабовладельческой Византии IV—V вв. в полной мере применимо высказывание Ф. Энгельса о Поздней Римской империи: «Чем более империя приходила в упадок, тем больше возрастали налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и вымогали чиновники»[22].

Глава

6

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В IV—VI ВВ.

К началу IV в. христианство уже прошло длительный путь развития. Генетически связанное с идеологией угнетенных низов, находивших утешение и надежды в различных эсхатологических представлениях [1], оно содержало в своем учении немало положений социального характера, отражавших именно чаяния масс. Но уже во II в. христианские общины перешли под руководство представителей состоятельных кругов, а само христианство претерпело глубокие изменения: оно превратилось в религию господствующих классов.

Среди христиан начала IV в. имелись две основные группы. Широкие круги приверженцев христианства ожидали от божества помощи в земной жизни и утешались верой, что в загробном мире будет осуществлена высшая справедливость. Христианство, распространявшееся в массах, выступало как народная религия; ее адептов не интересовали догматы, но зато эти верующие были проникнуты туманными надеждами социального характера. Другая группа христиан — это узкий руководящий круг учителей церкви, выдвигавших четкие формулировки догматов веры и требовавших точного выполнения обрядов. Здесь христианство являлось религией клира, представители которого старались внушить рядовым христианам, что исполнение надежд на небесную помощь в жизни и на загробное блаженство зависит в основном от того, насколько правильно верует данный христианин, насколько безропотно следует он их поучениям. Со временем наряду с бродячими проповедниками-апостолами в

каждой общине появились постоянные проповедники, а вместе с тем и лица, отправлявшие хозяйственные функции и разбиравшие конфликты между членами общины, т. е. епископы-надзиратели. «Миряне», рядовые члены общины стали все чаще противопоставляться клирикам. Бродячие апостолы сделались опасными для внутренней устойчивости общин, и в конце II в. их руководство начало резко выступать против всех не включенных в клир проповедников.

Уже во времена раннего христианства возник институт «пресвитеров» — первоначально это были старейшины общин; распространение учения проповедниками, установление связей между различными общинами приводили к объединению христиан и к созданию церкви. Контакты общины с другими, подобными ей, теперь выполняли епископы. Отправлять богослужение епископ поручал вместо себя в отдельных местах пресвитеру, который таким образом из старейшины превратился в священника, подчиненного епископу.

Учение о благодати, получаемой епископами, давало им большие, в том числе практические, преимущества по сравнению с прочим клиром. Так, епископ стал бесконтрольно распоряжаться хозяйством церкви в пределах епископии. В условиях господства римского права христианская община не обладала правами юридического лица. Поэтому все имущественные сделки церкви велись епископом от его собственного имени. Естественно, епископы избирались из весьма состоятельных и влиятельных лиц. Фактически церковь превращала христианство из стихийного религиозного движения в строго иерархически построенную организацию, уже находившуюся под контролем представителей эксплуататорских прослоек. Тем не менее, руководимая епископами церковь, выступавшая против религиозного мировоззрения рабовладельческого общества, против культа императора как бога, привлекала к себе все оппозиционные элементы Римской империи. Это вызывало враждебное отношение императорского правительства к христианским организациям. В управлении церковью в целом господствовал аристократически-республиканский принцип. Съезды епископов решали разногласия идеологического характера. Епископ, как бы он деспотически ни распоряжался в своей церкви, зависел от местной общины. С III в. избрание епископа сделалось значительным событием: в нем принимали участие местный клир, члены общины и соседние епископы.

Епископские съезды обычно собирались в крупных городах (Карфаген, Рим, Александрия, Антиохия): это делало их епископов руководителями обширных районов. Такой город получил название митрополии («матери городов»). Епископы соседних городов были в подчинении у епископов митрополий, которые стали называться митрополитами. Иногда они носили звание архиепископов. Отдельные черты церковных митрополий можно проследить уже во II в. Александрийский архиепископ в начале III в. имел право рукоположения епископов в пределах всего Египта. Антиохия в середине III в. была религиозным центром Сирии, Каппадокии, Палестины.

Административная реформа Диоклетиана привела к тому, что
 церкви получили особое деление по диоцезам. В Азии выделился в

качестве церковного центра Эфес, в Понте — Кесария (Каппадокийская), во Фракии — Ираклия.

Средством общения священнослужителей с середины II в. стали поместные «соборы» (в рамках отдельных провинций). Фактически это были съезды епископов и клира по внутрицерковным делам. Кроме того, собирались и более широкие съезды, на которых обсуждались принципиальные вопросы, касавшиеся не положения церкви в той или иной провинции, а вероучения в целом. Постепенно сформировалось представление о существовании единой всемирной («вселенской») церкви, невидимо руководимой самим Христом.

К началу IV в. в церкви было завершено деление на «пастырей» и «овец». Чтобы не потерять влияние на паству, необходимо было придерживаться некоторых форм демократии. Всенародно, в торжественной обстановке, происходили обсуждения поступков какого-либо члена общины. В узкодогматические споры вовлекались широкие массы верующих; борьба вокруг догматов в какой-то степени отражала политические и социальные настроения масс.

К началу IV в. главными расходами церкви были благотворительные: традиции взаимопомощи членов общины верующих сочетались здесь с римской практикой подкармливания люмпен-пролетариата. Но вместе с тем совершенно явственно обозначилось и стремление клира эксплуатировать общину. Епископ смешивал свои личные дела и средства с церковными, т. е. присваивал себе доходы церкви. На рубеже III—IV вв. епископы являлись собственниками крупных богатств и фактически были представителями городской знати.

Важной внутрицерковной проблемой в это время стал вопрос о том, могут ли христиане занимать общественные должности, отправление которых было так или иначе связано с государственным эллино-римским культом. На Эльвирском соборе 305/6 г. были приняты решения, дававшие возможность христианам выполнять местные литургии, отделываясь незначительными эпитимиями.

Таким образом, отныне род занятий христианина не мог быть препятствием для принадлежности к церкви. Первоначальные установки демократического характера, такие, как тезис «не трудящийся да не ест», потеряли всякое значение. К концу III — началу IV в. христианство вполне созрело для того, чтобы стать господствующей религией, и в социальном и в моральном плане соответствующей интересам имущих классов. Оно представляло собою уже широко распространенную идеологию, выходившую даже за пределы Римской империи.

Но борьба за внутрицерковное единство продолжалась. Среди духовенства «вселенской» церкви утвердился взгляд, что любое отступление от принятого ею учения — это самый страшный грех. Появилось понятие «ересь» (αἵρεσις — свободно избранное направление мысли), и она была объявлена преступлением, наиболее опасным для церкви.

Христианство развивалось в странах с различными религиозными верованиями. Принимая крещение, новообращенные, естественно, привносили в христианство элементы своей прежней религии.

В формировании и установлении отдельных элементов культа исключительное значение имел митраизм[2], особенно его праздники в честь солнца; в развитии христинской мифологии наиболее существенную роль играли представления иудаизма, а для богословия — концепции позднеантичной философии. Образованные люди, изучавшие эллино-римскую философию, тоже вносили свои философские воззрения в догматику.

В итоге христианство оказалось разветвленным на множество религиозных сект. Наиболее активной была секта гностиков. Гностицизм развился из стремления интеллигенции того времени осмыслить в духе античной философии различные эллино-римские и восточные религии. Воззрения гностиков были далеки от христианских представлений о божестве; иногда идеи гностицизма сближались с пантеистическими. Гностицизм казался весьма «опасным» и потому, что фактически отвергал авторитет священного писания, считая единственным путем спасения особое «знание» («гносис»). Гностики доходили до отрицания загробной жизни, что также было совершенно неприемлемо для христианской пропаганды. Понятно, что в догматическом отношении гностицизм в начале IV в. представлял собою серьезного противника вселенской церкви. В отдельных сектах он принимал «опасный» характер и в социальном плане: гностики высказывали пренебрежение к материальному миру, отрицая подчас многие общественные институты, в том числе собственность.

Другая опасность для церкви заключалась в появлении ригористических сект, требовавших от верующих отказа от всяких связей с существующими общественно-политическими учреждениями.

Опасны были и учения рационалистического толка — особенно ересь Павла Самосатского, который считал Иисуса Христа только человеком, рожденным чудесным образом и проникнутым божественным логосом.

Внутренний разлад в христианской церкви наблюдался также в области ее обрядовой практики. Обрядность воздействовала на массы в большей мере, чем догматы. В IV в. иудейский ритуал, соблюдавшийся христианами раннего периода, был уже забыт; однако все еще отмечался главный праздник иудаизма — пасха. Первоначально бытовой праздник иудейских пастушеских и земледельческих племен, пасха, со времени потери евреями независимости, наполнилась новым, освободительным содержанием: народные массы стали связывать ее с ожиданиями прихода мессии-спасителя. Такой характер этого праздника приобрел особое значение в период римского завоевания Палестины. А поскольку, по евангелию, Христос пострадал в пасхальные дни, христиане тоже стали праздновать этот праздник, изменив его смысл. Они истолковывали понятие «спасения» сугубо символически и мистически, так что праздник пасхи стал как бы воспоминанием о страданиях евангельского Христа. Несмотря на то, что еврейская обрядность была отвергнута, пасха праздновалась по еврейскому исчислению. Поэтому вопрос о том, когда праздновать пасху, был очень острым. Споры о пасхе велись весьма бурно — в начале IV в. они буквально потрясали церковь.

В борьбе за единство религиозных верований церковные деятели приступили к созданию христианского богословия. Еще в середине II в. было заметно стремление увязать христианство с античной культурой. Юстин-философ писал о божественном логосе, разлитом во всем мире; действие этого логоса проявилось, полагал он, и в дохристианском обществе, но лишь в лице Христа логос нашел свое полное воплощение. Подобного рода тенденции давали богословам возможность черпать из античной философии все то, что им казалось «полезным» для упрочения христианства.

В городских кругах, особенно в богатой торгово-промышленной Александрии, ненависть к античной культуре не могла иметь глубоких корней. «Отцы» александрийской церкви прежде всего и стояли за укрепление связи христианской мысли с античной философией. Климент Александрийский (150—225) считал, что вера и знание должны сосуществовать: своими учениями философы, по его мнению, подготовляли мир к принятию христианства.

Особенно явственно проникновение элементов античной философии в христианство стало в александрийской школе, а именно в концепции Оригена (185—222). С его точки зрения, христианство — это завершение античной философии, поэтому Ориген вменял в обязанность христианским богословам изучение античных наук.

К концу III в. явственно различались два богословских направления, или две школы — антиохийская и александрийская. Александрийцы старались вкладывать самый широкий богословско-философский смысл в каждое выражение священного писания. Антиохийская школа в большей степени придерживалась буквального понимания выражений Ветхого и Нового завета. Обе школы, однако, стремились использовать позднеантичную философию в толковании христианского вероучения.

Хотя христианство развивалось бурными темпами, церковное единство к началу IV в. еще не было достигнуто. Одними только мерами убеждения оказалось невозможным создать устойчивую идеологию. Борьба с различными сектами велась упорно, но безуспешно; возникали все новые и новые ереси. Христианской церкви грозили распад и разложение. Единственное спасение ее как вселенской организации заключалось в том, чтобы прибегнуть к силе государства. Заключение союза с государством является в начале IV в. неотложной задачей для церкви.

Когда в Римской империи наметился переход к централизованной автократии, встал вопрос и об установлении идеологического единства. Первоначально его пытались построить на базе эллино-римской религии, сочетая ее с некоторыми восточными верованиями. Христианство не поддавалось включению в систему позднеримских культов, и в середине III в. правительство развернуло его планомерное преследование. Наиболее энергично добивался единства идеологии Диоклетиан: намереваясь полностью ликвидировать церковь, 24 февраля 303 г. он объявил о запрещении христианства.

Гонения были относительно суровыми, особенно на Востоке, и продолжались до отречения Диоклетиана. Однако уничтожить христианскую церковную организацию ему не удалось.

В 311 г. преемник Диоклетиана Галерий прекратил гонения на христианство. Но правитель Италии и Африки — Максенций оставался на позиции Диоклетиана. В междоусобной борьбе с Максенцием правитель Галлии Константин решил привлечь на свою сторону христианские элементы войска и администрации. После победы над Максенцием Константин и правитель Малой Азии Лициний на совещании в Милане издали распоряжение наместникам Вифинии, Сирии и Палестины о юридическом признании христианских организаций. Христианство на большей части империи стало не только терпимой, но и наиболее благоприятствуемой религией. Превращение ее в господствующую было вопросом времени.

Переход на положение государственной религии вызвал глубокие волнения внутри самой церкви. После прекращения гонений в ней возник серьезный раскол, сразу же принявший социальный характер. Во время гонений богатые христиане, не желая рисковать своим имуществом и положением, отрекались от христианства, а епископы и высший клир выдавали властям священные книги и предметы культа. Вместе с тем простой народ упорно хранил веру и переносил гонения. После их окончания пострадавшие верующие из низов к удивлению своему увидели, что «предатели» снова заняли места епископов, снова стали учить христианской морали.

В негодовании массы стали отвергать таких «традиторов». Так, в Африке поднялась кампания против «предателя» Цецилиана, и «сыны мучеников» избрали своего епископа Майориана, потом Доната, по имени которого все движение называется донатизмом.

10 ноября 316 г. Константин решительно выступил против донатистов: по-видимому, его испугала демократическая направленность движения. Начался раскол, длившийся в этой провинции вплоть до VII в.

В Египте на почве протеста против централизации церкви возник мелетианский раскол.

Независимо от личностей руководителей «раскольников» эти движения выражали недовольство масс полной бюрократизацией церковного управления, осуществлявшейся в интересах господствующего класса. Но это недовольство выражалось в форме христианского ригоризма, в стремлениях вернуть порядки идеализированного массами «древнего христианства».

Поскольку христианство превращалось в государственную религию, все дальнейшие «неурядицы» в церкви стали вопросами внутренней политики императорского правительства. Те или другие церковные течения либо являлись носителями сепаратистских тенденций, либо представляли собой социальные выступления, направленные против гнета государства, либо — внутриклассовую борьбу различных прослоек: все эти противоречия внешне выступали в виде догматических, церковных споров. Они захватывали подчас целую страну, и поэтому «церковная политика» того времени не могла быть чисто церковной.

С самого начала союза церкви с государством господствующее положение принадлежало императорской власти, которая владычествовала над церковью (цезарепапизм). Константин фактически руко-

водил ею. В его правление она не выражала никакого протеста против этого. В дальнейшем право императора вмешиваться в церковные дела было санкционировано как светским законодательством, так и на церковных соборах.

Однако далеко не все в церкви зависело от императорской воли: поскольку императорская власть объявила церковь господствующей, поскольку была признана божественность ее канонов, постольку сам император подчинял себя основным принципам церковного устройства и догматов; он мог относительно самостоятельно назначать и смещать иерархов, мог вмешиваться в церковные споры, но не мог отменить ничего из того, что считалось откровением и общепринятыми традициями; каноны стали своего рода статьями неписаной конституции империи в области идеологии. Сложившись в качестве мировой религии, христианство не могло принимать такие положения, которые подрывали бы ее основы.

Император рассматривался как защитник и покровитель, устроитель порядка и единства в церкви. Законы римского гражданского права начали распространяться на церковные учреждения, а постановления государства признавались теперь обязательными для христиан. Христианские организации приобрели все имущественные права официально признанных коллегий.

В 321 г. Константин предоставил церкви полное право юридического лица — и церковь, и клирики отныне могли получать имущество по завещанию. Имущественные права церкви особенно укрепились после того, как в 434 г. Феодосий II издал закон, согласно которому церковь наследовала имущество клириков, умерших без завещания.

Все церковное имущество, находившееся вне города, в деревенских церквах, являлось юридической собственностью епархии. Управителем этой собственности был епископ, который распоряжался ею единолично, хотя и должен был осведомлять об имущественных операциях диаконов и пресвитеров. Вся недвижимость, в первую очередь церковные здания и предметы культа как священные вещи (res sacrae), стала неотчуждаемой (extra commercium).

Но с основанием отдельных церквей высокопоставленными лицами (ктиторами), которые жертвовали на поддержание церкви земли с их доходами, хозяйственное единство епископии стало распыляться.

В IV—V вв., особенно когда возникали монастыри, принадлежавшие их основателям — ктиторам, создались довольно сложные отношения между епископами и частными церквами.

Посвящение имущества богу не нарушало фактической собственности и права ктитора распоряжаться имуществом основанной им церкви или монастыря. Оформилось ктиторское право[3]; оно было наследственным.

В IV в. церковь стала привилегированной организацией. Подобно жрецам эллино-римских храмов, клирики были освобождены от муниципальных литургий (munera civilia) и от прямых налогов. С конца IV в. они освобождались от munera sordida и частично от munera extraordinaria, от военной службы. В 343 г. клир получил

освобождение от уплаты пошлин и налогов за право занятия ремеслами и торговлей. Еретики, напротив, были лишены всех привилегий церкви, а лица, особенно опасные для нее и для государства, лишались даже гражданских прав.

Материальное положение церкви укреплялось в IV в. за счет бесчисленных даров, жаловавшихся императорами. Если до Константина церковь могла заниматься благотворительной деятельностью лишь за счет собственных средств, то с тех пор, как христианство сделалось государственной религией, церковь организовывала больницы, богадельни, странноприимные дома, оказывала материальную помощь вдовам и сиротам, подкармливала нищих в основном на средства государства. Чтобы превратить городскую бедноту в послушную клиру массу, которая не представляла бы опасности для господствующего класса, церковь стала получать от казны большие суммы денег и продовольствие.

Особые привилегии предоставлялись церкви и в области судопроизводства. 23 июня 318 г. Константин признал епископский суд равносильным государственному, если обе стороны соглашались передавать дело на рассмотрение епископа. В 321 г. тот же император признал арбитраж епископа безапелляционным и выполнение его приговоров обязательным. Это давало епископату такие широкие привилегии, что фактически вместо учреждения епископского суда в качестве третейской инстанции был введен собственно суд епископа, с соблюдением всех формальностей, приведением доказательств, письменных актов и т. д. 5 мая 333 г. епископскому суду было предоставлено право рассматривать гражданские иски даже по желанию только одной из сторон. Рассмотрение судебных дел стало важной сферой деятельности епископа: ведь клирики не имели права обращаться в гражданский суд — в этом случае они теряли свой сан и свое положение в клире.

Что касается уголовного права, то клирики подлежали епископскому суду только за незначительные проступки. Вобще же духовенство было полностью в руках епископа.

Сами епископы могли быть судимы лишь соборами, а в криминальных случаях — подлежали личному суду императора. Тяжбы между духовными лицами решались судом епископов, а позднее (с 530 г.) всякая жалоба на духовное лицо разбиралась не светским, а церковным судом. Право посредничества (jus intercessionis) позволяло епископу вмешиваться в любое судебное дело. Епископы получали в суде исключительные привилегии: если давал показания епископ, не требовалось выслушивать других свидетелей.

Особое значение имело предоставление церкви права торжественно оформлять освобождение рабов. На практике, однако, церковь полностью подчинялась гражданским законам там, где дело касалось признания существующих социальных отношений. Несмотря на то, что по канонам церковный брак распространялся как таинство на всех христиан, в том числе и на рабов, священник не имел права венчать рабов, и свершение брака не считалось действительным. Церковь не могла принять раба в клир без разрешения господина; если же тот давал такое разрешение, то раб становился свободным.

Церковь получила «право убежища»[4]. Убежищем признавался храм и вся территория вокруг него в радиусе 50 шагов; духовенство имело право не выдавать властям человека, который прибегал таким путем к его защите. В 398 г. это право подверглось ограничениям: его были лишены те, кто, укрываясь в церкви, хотел оградить себя от гражданских исков или избавиться от выполнения обязательств перед государством.

В дальнейшем Юстиниан вовсе отнял у должников право прибегать к церковному убежищу. Когда таким правом пытался воспользоваться раб, епископ вступал в переговоры с господином о возможности «прощения» раба.

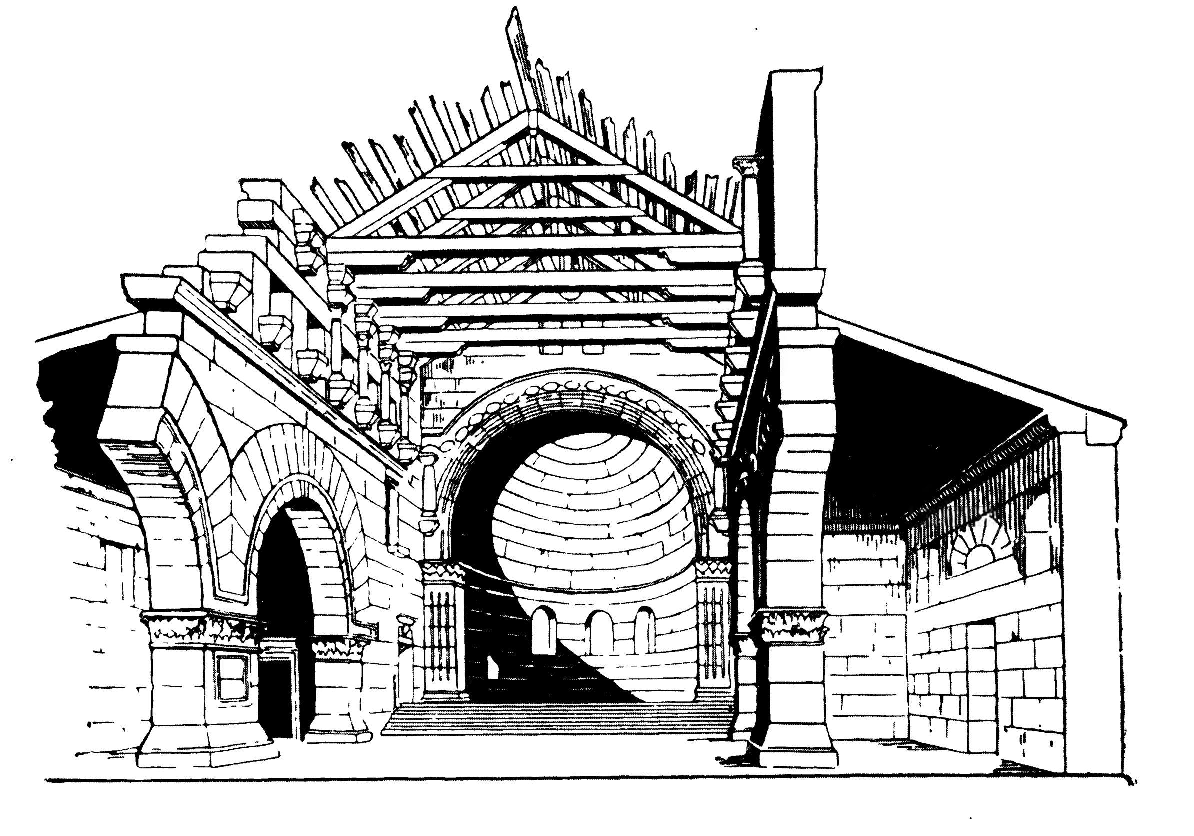
По отношению к нарушителям канонов и еретикам церковь применяла различные меры воздействия. Самой суровой карой являлась «анафема», по Златоусту,— полная «передача» неисправимого врага церкви в распоряжение сатаны. Слабее звучало «отлучение» — подвергнутый ему человек временно или пожизненно прерывал связи с церковью.

Наказанием для клириков было снятие сана или же временное недопущение к богослужению. При тяжелых проступках их передавали в руки светских властей, подвергали изгнанию, иногда — за ересь — смертной казни. Епископ мог арестовывать своих врагов, приговаривать их к телесным наказаниям, держать в заключении, особенно под видом «покаяния».

В IV в. и первой половине V в. в основном завершилось оформление организационной структуры церкви. Ее первичной единицей в конце III в. была епископия. Приход, как низовое звено, к началу IV в. еще не сложился. Отдельные общины в мелких центрах и селах стали управляться хорепископами, которые в конце III в. еще не были окончательно подчинены епископу, но уже создание хорепископата фактически было началом возникновения приходской системы.

Во главе прихода стоял пресвитер (священник), занимавший относительно самостоятельное положение. Предметом разногласий между приходом и епископатом были приношения верующих. Первоначально, когда еще не было приходской единицы, все эти приношения считались доходом епископа. Теперь же приходы имели свой штат клириков, нуждавшихся в средствах на свое содержание. Естественно, что приходские доходы должны были только частично поступать епископии. Однако отношения между нею и приходами еще не определились.

В IV—V вв. пресвитер прихода был выборным. При возведении в сан пресвитера требовалось «испытание», т. е. публичное обсуждение жизни кандидата. Выборы происходили шумно, избиратели делились на партии, кандидатуры обсуждались страстно. Знатность рода, богатство, политическое влияние — вот что требовалось от главы прихода. Епископ мог «рукоположить» в священники только кандидата, выдвинутого на собрании. Сельские приходы состояли под властью городского епископа: ему в основном и шли их доходы. Таким образом, в эпоху, когда города лишались своих земель, права сбора налогов с деревенских общин и поместий, в церковно-

БАЗИЛИКА
В КАЛЬБ-ЛУЗЕ
Северная Сирия. V в. Внутренний вид. Реконструкция.

административном отношении город и его клир стали господствовать над всей округой. Епископ извлекал доходы с населения приходов, расположенных на земле, вовсе не являвшейся собственностью города.

В положении епископа в IV в. произошли перемены: из руководителя нелегальной организации, рисковавшего попасть в темницу или подвергнуться казни, он превратился во влиятельного вельможу. Он избирался другими епископами путем «рукоположения» — хиротонии. После его смерти соседние епископы при участии знатных мирян и клириков рассматривали кандидатуры лиц, способных сменить умершего, а затем проводили голосование. Естественно, при избрании епископа всплывали все политические и догматические споры, так что зачастую в церквах, где производились выборы, завязывались настоящие сражения.

В V—VI вв. выборы епископов заметно аристократизировались. Митрополиты часто стали самовластно назначать епископов на кафедры своей митрополии. В VI в. установился такой порядок, при котором местный клир и наиболее видные миряне выдвигали трех кандидатов. Митрополит «рукополагал» одного из них по своему усмотрению.

За хиротонию новый епископ уплачивал «приношение» — крупный денежный взнос (просфору), который тяжело ложился на население; ведь епископ возмещал этот взнос за счет различных поборов, что нередко разоряло город.

Иногда епископом избирали не духовное, а светское лицо. Требование безбрачия к епископу еще не предъявлялось, хотя на практике оно уже стало обычаем. Только на Трулльском соборе (692 г.) было вынесено постановление, что епископ обязан вести безбрачную жизнь.

После избрания епископа устанавливалось, какое имущество должно принадлежать лично ему. Все остальное, приобретенное им, считалось достоянием церкви.

Епископ избирался на свою кафедру пожизненно, перевод на другую кафедру запрещался. Сместить епископа мог только собор.

Материальные богатства епархий использовались в первую очередь самими епископами, которые стали считать роскошь при выходах и в быту необходимой для поддержания своего престижа. Доходы епископов были колоссальными. Иоанн Златоуст, будучи епископом, мог на личные средства содержать 7700 бедняков и штат двух госпиталей.

Главные доходы епископии складывались из поступлений от земель, деревень, эргастириев, мельниц, находившихся в церковной собственности. Епископ являлся крупным землевладельцем. В IV—V вв. церковь жестоко эксплуатировала местное население.

Как уже указывалось, в организационном отношении восточная церковь в первой половине IV в. делилась на несколько самостоятельных центров, таковыми были: Александрия, Антиохия, Ираклия (Фракия), Кесария (Понт), Эфес (Азия). В каждом из них имелась своя верхушка церковной иерархии.

Высшие чины церкви назывались по-разному. Никейский собор отвел важное место митрополиту; но тем не менее наиболее видные церкви — константинопольская, антиохийская, александрийская — сохраняли за своими главами титул архиепископа. Наименование патриарх в IV в. прилагалось к престарелым, почтенным епископам и не имело особого значения. В V в. появилось звание экзарха как главы церкви в рамках гражданского диоцеза.

Титул патриарха для обозначения архиепископов Константинополя. Антиохии, Александрии и Иерусалима стал применяться в V в.[5]

Ко времени роста политического влияния столицы относится возвышение константинопольского архиепископа. В административно-церковном отношении он был подвластен митрополиту Ираклийскому, на практике, однако, уже вскоре стал решать дела Фракии и Малой Азии. Вплоть до 449 г. константинопольский престол не имел особых привилегий и даже находился по сути под началом александрийского. Но на Халкидонском соборе (451 г.) константинопольский архиепископ был признан вторым после римского и получил право назначать митрополитов по трем диоцезам (Фракии, Азии и Понту). Константинопольский патриарх (архиепископ) первоначально избирался так же, как обычный епископ, т. е. на исход выборов

часто оказывали влияние и настроение народных масс, и, в большей мере, давление местной знати. Позднее патриарх фактически назначался императором, при этом иногда устраивалась инсценировка «выборов».

Роль александрийского патриарха в церковных делах отнюдь не определялась политическим статусом Египта. Последний находился в подвластном положении, тогда как александрийская церковь, напротив, в продолжение IV в. и вплоть до Эфесского собора 449 г. в сущности стояла во главе восточной церкви. Патриарху александрийскому был подчинен иринах («умиротворитель») — начальник полиции. Он производил ревизию мер и весов, собирал и даже вводил пошлины. Александрийский патриарх был не только духовным, но практически и светским правителем Египта, не в меньшей степени, чем императорский августал.

Египетским иерархам принадлежало последнее слово в разрешении вопросов летосчисления, в определении времени празднования пасхи. В своих отношениях с прочими церквами они проявляли диктат и исключительную грубость.

После Халкидонского собора, к моменту, когда уже сформировалась монофиситская церковь, Александрия фактически отпала от православия.

В Эфиопии христианская церковь утвердилась с IV в. Она признавала подчинение александрийскому патриарху и была полностью независима от византийской церкви. С середины V в. эфиопская церковь стала монофиситской [6].

Значительное влияние в IV в. имела антиохийская церковь. В продолжение IV и V вв. иерархи Александрии и Антиохии соперничали между собой. Постепенно со второй половины V в. антиохийский архиепископ утратил свое значение.

Иерусалимская церковь в IV в. была подвластна митрополиту Кесарии Палестинской, но вследствие того, что Иерусалим считался святым городом, в котором пострадал Христос, слава его все время увеличивалась. Начались паломничества в Иерусалим. Иерусалимская церковь была признана «матерью всех церквей». На третьем вселенском соборе, в 431 г., она стала самостоятельной и превратилась в патриархию.

Тогда же была признана автокефальность кипрской церкви, получившей в сущности права патриархии.

Так в V в. возникло несколько патриаршеств. В VI в. Юстиниан решил сделать патриархией свою родину, назвав ее «Юстиниана прима» (близ Охрида).

Римский архиепископ, который, как и александрийский, в просторечии назывался папой, имел власть также над Грецией, включая Фессалонику. В 379 г. Фессалоника была присоединена к Восточной империи, однако это не привело к подчинению ее церкви константинопольскому патриарху.

В организационной структуре церкви — в образовании патриархий и выделении автокефальных церквей — отразились исторические, этнические и другие особенности различных районов империи:
 так, армяне в IV в. имели собственную автокефальную церковь;

восточносирийское население после 431 г. организовало свою, несторианскую, церковь; в Египте с 451 г. восторжествовала коптская церковь; на Западе обособилась церковь романских и германских народов.

В IV—VI вв. считалось, что высшей церковной инстанцией являются соборы. На Никейском соборе (325 г.) было решено собирать епархиальные соборы два раза в год. Однако это постановление не выполнялось: во времена обострения религиозных споров епархиальные соборы представляли опасность, они могли послужить очагами распространения ересей. Позднее Трулльский собор счел необходимым созывать соборы один раз в год — после пасхи и до наступления осени.

Соборы в рамках митрополии или патриархии — поместные соборы — созывались в экстренных случаях.

Вселенские соборы собирались императором. На них была представлена, правда, ничтожным числом иерархов, и западная церковь. Право императора созывать, а иногда и лично или через своего представителя председательствовать на соборе в византийской церкви не оспаривалось. Каноны, или правила, принимаемые вселенским собором, считались обязательными для церкви в целом.

Вселенские соборы в основном занимались догматическими вопросами. На них были выработаны так называемые символы веры, т. е. краткие изложения тех религиозных идей, которые должен был принимать на веру каждый христианин. Обязательным для церкви стал «символ веры», утвержденный Никейским собором 325 г. Этот собор был созван в связи с потрясшим церковь арианским спором (см. ниже, стр. 168 и сл.). В 381 г. в Константинополе состоялся второй вселенский собор, окончательно упрочивший победу над арианством и принявший дополнения к никейскому «символу веры», иначе — «никео-константинопольский символ». В 431 г. в Эфесе происходил третий вселенский собор, на котором от ортодоксального христианства отделилось несторианство. Четвертый вселенский собор был собран в 451 г. в Халкидоне: здесь был окончательно признан «символ веры» и осуждено монофиситское учение. Пятый (второй константинопольский) собор, занимавшийся догматическими вопросами, заседал в 553 г. Шестой, созванный в Константинополе в 681 г., осудил монофелитство, а седьмой (второй никейский) уже в 787 г. выступил против иконоборчества. Православная церковь признает вселенскими только эти семь соборов, тогда как католическая называет вселенскими ряд последующих соборов [7].

В IV—V вв. христианская догматика была в основном разработана и принята соборами. Следуя никео-константинопольскому «символу», христианин должен был верить в сотворение мира богом, в Иисуса Христа, бога-сына, порожденного богом-отцом и единосущного с ним, в воскресение и вознесение Христа на небо, в загробную жизнь, в спасительность таинства крещения и т. д. Не признающий какое бы то ни было положение «символа веры» не считался христианином.

Соборы выработали особые правила, касающиеся устройства церкви и наказания тех, кто нарушал ее запреты. Эти запреты по-

зволяли духовенству вмешиваться в частную жизнь каждого человека. Постепенно в ведение церкви практически перешло семейное право (брак, развод и т. д.). В решениях соборов особое внимание обращалось на организацию церкви и меры поддержания дисциплины и авторитета духовенства. Большое место уделялось церковной собственности и ее сохранности. Помимо правил вселенских соборов, для церкви стали считаться обязательными (каноническими) решения, принятые некоторыми поместными соборами. Социальная направленность церковных канонов проявляется в призывах к императорской власти вооруженной силой подавлять сопротивление народных масс епископам и уничтожать ереси.

Постановления вселенских и поместных соборов являются источниками так называемого канонического права. Его кодификация началась в VI в., когда вместе со светским законодательством, определявшим статус церкви, появились «Номоканоны» (в дальнейшем проникшие в Россию под названием «Кормчей книги») [8].

Наряду с поместными ежегодно созывались епархиальные соборы. Особое значение приобрели соборы, устраивавшиеся в Константинополе. Для разрешения важных дел, касавшихся всей церкви и ее отношений с императорской властью, здесь организовывались также съезды епископов. С течением времени в деятельности византийской церкви все большее значение приобретали «соборы прибывающих» (σύνοδος ἐνδημοῦσα). Поскольку в столице всегда было много епископов, приезжавших сюда по делам своих церквей, патриархи и ввели в практику собирать этих епископов для обсуждения важнейших вопросов церкви в целом. Постановления таких соборов легко находили поддержку императорской власти и сами они практически вытеснили регулярные патриаршие соборы.

Несмотря на то, что по своей влиятельности и богатствам духовенство являлось в IV в. видной прослойкой господствующего класса, в то время был еще очень легок переход светских лиц в ряды духовенства и обратно.

Духовенство, или клир, имело свою сложную, иерархически оформленную организацию. У епископа были советники — синкеллы, впоследствии обычно преемники епископа. Особое значение приобрела должность апокрисиариев — доверенных лиц патриарха для ведения внешних переговоров. Юрисконсультом епископа был экдик, который оформлял гражданские иски по римскому праву. Видную роль в окружении епископов (особенно крупных центров) играли архидиаконы и протодиаконы, которые обычно подготовляли богословские выступления епископа.

Для оформления различных актов при епископе состояли нотарии, организованные в корпорацию, во главе которой стоял примикирий. Заведующий архивом — хартофилак — был видным лицом в канцелярии архиепископа. Хозяйственные дела епископа велись экономом. Хранителями сокровищ церкви были скевофилаки. Они же исполняли и обязанности казначеев.

К низшей прослойке клира относились прежде всего диаконы при пресвитерах. Диакон выполнял различные поручения священника, касавшиеся обслуживания населения; большие церкви, кроме

того, имели иподиаконов, т. е. помощников диаконов. В число клириков входили и чтецы, прислуживавшие епископу. К низшим клирикам принадлежали также парамонарии (подготовлявшие помещение храма к богослужению и вообще прислуживавшие священнику), птохотрофы, орфанотрофы, ксенодохи (ведавшие благотворительными делами).

Деканы, главным образом из мирян, охраняли церкви и выполняли обязанности церковных тюремщиков. Личное обслуживание епископа осуществляли кувикулярии (спальники).

В число клириков входили и «труждающиеся» (κοπιᾶται), могильщики, копатели. Организацию погребений вместе со всеми расходами брали на себя лектикарии.

В Александрии особое положение занимали так называемые ипараволаны: это был отряд отъявленных головорезов, состоявших на службе у александрийского архиепископа. Ипараволанам поручалось расправляться с неугодными ему лицами. Они являлись его вооруженной свитой и буквально терроризировали население Александрии.

В IV—VI вв. церковь еще не взяла на себя полное содержание клира. Рядовые клирики должны были сами зарабатывать себе пропитание, занимаясь каким-нибудь ремеслом или торговлей.

Социальное положение клириков отличалось двойственностью: с одной стороны, они представляли собой привилегированную прослойку населения — духовенство, с другой,— были в зависимости от епископа (и как церковного иерарха, и как крупного землевладельца). Была ли деревня собственностью церкви или нет, клир платил епископу взносы налогового характера.

Что же касается клириков церквей, находившихся во владениях ктитора, то здесь они были зависимыми людьми. Эти клирики выполняли повинности и платили взносы господину как колоны или арендаторы.

Клир быстро разрастался — многие стремились включиться в него, чтобы пользоваться приношениями верующих и всякого рода привилегиями.

Как правило, простые священники были фанатичны, непримиримы к языческим традициям и к античной учености. Высшие клирики, напротив, щеголяли своими познаниями в области языческой философии, допускали иногда (правда, в своей среде) рационалистические толкования природных явлений, переписывались с язычеcкими учеными.

Развитие богословской мысли в период становления христианской церкви, как господствующей, пережило несколько последовательных этапов. На первом этапе богословы стремились вместо наивных мессиано-эсхатологических представлений более раннего времени создать философскую теорию бога-Логоса. С одной стороны, этим пресекались опасные тенденции развития социально окрашенных элементов религиозных верований, с другой — преодолевалось отвращение христиан к античной культуре и к общественным устоям рабовладельческой цивилизации. На втором этапе в центре богословских споров встал вопрос об отношении бога-отца к богу-сыну. Это

ЦЕРКОВЬ САНТ-АПОЛЛИНАРЕ ИН КЛАССЕ В РАВЕННЕ

Внутренний вид. VI в.

были арианские споры IV в. На третьем этапе объектом полемики сделалась проблема сущности Христа-богочеловека. Это — христологические споры V в., которые вели несториане, монофиситы и халкидонцы. Четвертым этапом можно считать дискуссии об отношении божества к человеку, связанные с возникновением мистических представлений о благодати, об энергии божьей, о соединении с божеством. Эти споры велись уже параллельно христологическим, но значительную остроту приобрели в Византии впоследствии, в период иконоборчества и особенно в XIV в.

Богословские споры осложнялись тем, что получали широкий резонанс в народных массах. С неудовольствием рассказывает Григорий Нисский об увлечении населения богословскими дискуссиями: меняла, разменивая деньги, рассуждает, рожден или сотворен Иисус Христос; булочник, продавая хлеб, доказывает, что бог-отец больше бога-сына; банщик же, приготовляя ванну, убеждает, что бог-сын произошел из ничего. Страсти разгорались настолько, что пришлось особым указом устанавливать, во что именно должны верить подданные империи. Но богословские споры не прекращались. Массы вносили в них свои настроения и чаяния, иногда политического (например сепаратистского) характера.

На всех этапах развития богословской мысли догматы были неотделимы от политики; догматические споры принадлежат не только церковной, но и гражданской истории Византии.

В отношении социальных проблем христианская мысль не выработала той четкости в формулировках, как в догматике. Иерархи стремились заслонить эти проблемы шумом чисто богословской борьбы. Однако нельзя сказать, что эти социальные сюжеты нисколько не затрагивались богословами раннехристианской эпохи. Проблемы такого рода решались так, чтобы основы существовавших тогда общественных отношений оставались в неприкосновенности. Богословская мысль не выдвинула никаких принципиальных положений, направленных против рабства. Христианство с полным равнодушием относилось к страданиям рабов, объявляя их мучения залогом счастья в загробном мире[9].

Вопрос о богатстве и собственности формально решался церковью с этической точки зрения: собственность — это учреждение человеческое, несправедливое, но, тем не менее, нельзя отвергать богатство вообще. Церковь сформулировала учение о ложном и истинном богатстве: ложное богатство — это материальные блага, истинное — моральные достоинства верующего, обладая которыми он может получить блаженство в загробной жизни. Фактически это был призыв к бедноте не завидовать богачам, т. е. оправдание социального неравенства.

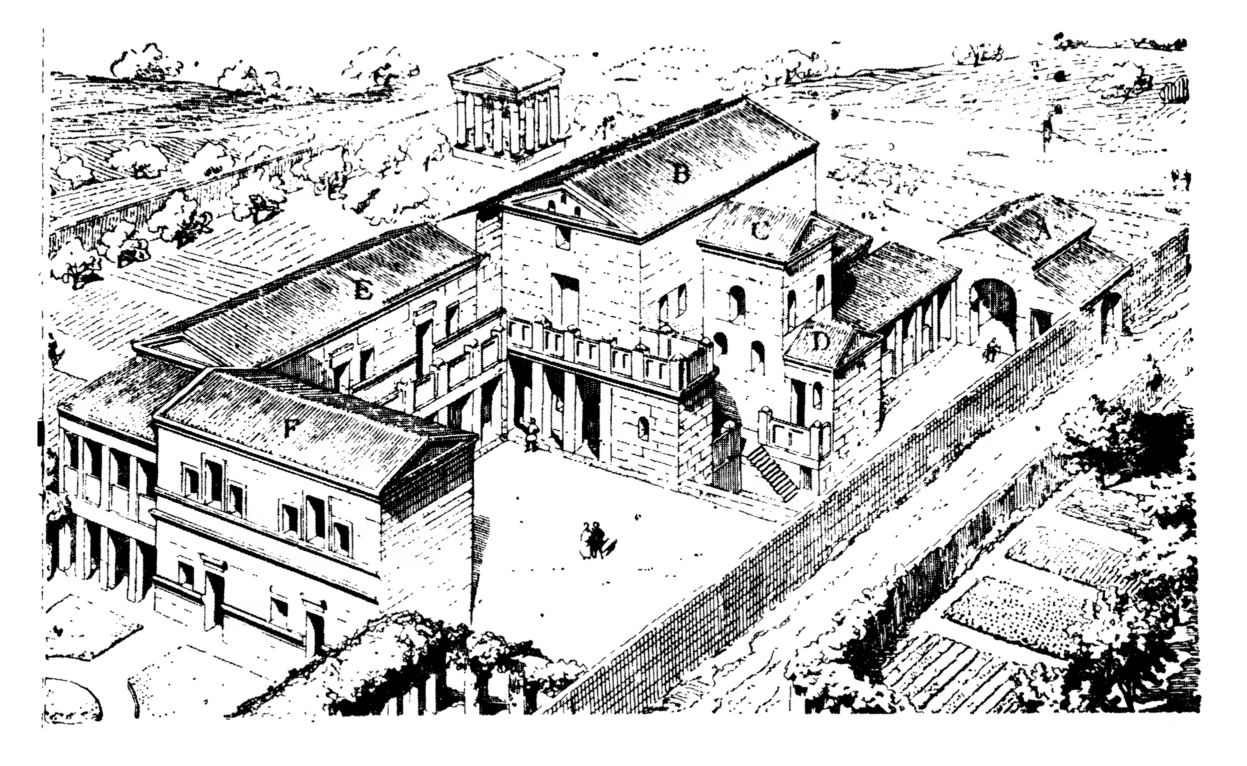
Обращаясь к массам, церковь всегда прославляла труд. В обществе, где даже свободные бедняки презирали физический труд, это имело немалое значение.

В IV—VI вв. в византийской церкви окончательно оформился культ. Для церкви было очень важно перестроить быт населения в соответствии с христианским мировоззрением, так, чтобы в сознании верующего каждый день был связан с памятью о евангельских мифах или святых и чтобы традиционные народные празднества получили христианскую окраску.

Византийский церковный календарь очень сложен. Дни праздников, богослужений, обрядов, постов устанавливаются на основе двух систем исчислений времени: лунно-солнечной (еврейской) и солнечной (римско-юлианской). Расчеты празднования подвижных, ежегодно меняющих свою дату праздников строятся соответственно лунно-солнечной системе, расчеты дней неподвижных праздников — юлианскому году. Из комбинации этих двух систем исчисления и составляется церковно-литургический календарь.

Никейский собор установил в качестве обязательных основные принципы исчисления времени празднования пасхи: она отмечается в первое воскресенье после весеннего полнолуния, причем весенним полнолунием считается то, которое происходит после весеннего равноденствия.

По поводу празднования пасхи между Римом и греческой церковью вплоть до начала VI в. происходили трения. Единый порядок был установлен лишь после введения в Риме александрийской системы подсчета дней этого праздника Дионисием Малым (532 г.).

МОНАСТЫРСКИЙ КОМПЛЕКС

В конце IV в. были введены основные обряды и установлен твердый распорядок богослужения, с определенными гимнами, молениями и с точно распределенными по неделям чтениями священного писания.

Стали создаваться особые литургические книги, излагавшие порядок богослужения на различные недели (впоследствии эти книги полностью перешли в русскую церковь). Христианская церковь стремилась воздействовать на эмоции верующих; литургия превратилась в пышное театрализованное зрелище. Видное место в богослужении заняла проповедь.

Крещение малолетних тогда еще не было распространено. Обычно его принимали в зрелом возрасте. Считалось, что этим таинством человек очищается от всех грехов, так что многие верующие крестились перед самой смертью.

В конце IV в. были введены торжественные шествия с зажженными свечами («крестные ходы»). Появилась церковная музыка, религиозная поэзия.

В обычай вошло использование символических изображений, которые стали постепенно превращаться в иконы — изображения Христа, богоматери и святых. Эмблемой христианства сделался крест (первое упоминание о поклонении кресту относится к 340 г.). Изображения страданий Христа появились в конце V в., миниатюры распятия — в конце VI в. Стали практиковаться благочестивые путешествия в Иерусалим. Утверждался культ святых (главным обра-

зом «мучеников», а впоследствии и прочих «отцов церкви»). Был создан полный церковный календарь с указанием празднования святых на каждый день (святцы).

В IV—V вв. сложилось монашество, сыгравшее столь значительную роль в истории церкви. Монашество возникло в народной среде как своеобразная форма социального протеста против господствующих порядков. Идеология раннего монашества была пронизана мистикой, а его основным принципом являлся отказ от земных благ — аскетизм. Под влиянием усиливавшихся эсхатологических настроений представители угнетенных низов, проникнувшись ожиданиями конца света, удалялись в пустынные местности и жили изолированно от общества, в одиночку. Вскоре начали появляться и общины отшельников во главе с аввами (отцами). Монашество стало распространяться в Египте (среди коптского населения), в Сирии и в Палестине. Церковь оказывала покровительство таким отшельникам.

Первооснователем монастырей-общежитий был Пахомий, прозванный церковью «Великим» (ум. 346 г.). Около 320 г. он построил в Верхнем Египте, в Фиваиде, монастырь (Тавениссн), представлявший собою комплекс зданий, с отдельными кельями для монахов, с общими трапезными и особыми помещениями для богослужений [10]. Монастырь имел свое хозяйство, труд здесь распределялся между монахами. Монастырские здания были окружены крепкой стеной. Все было строго регламентировано, были введены жесткие правила внутренней дисциплины, требовавшей абсолютного послушания авве.

Строгие уставы египетских монастырей стали образцом для палестинских, сирийских, отчасти западных обителей. Сложились два вида монастырей — отшельнические и общежительские. Формой сочетания принципов тех и других стали так называемые лавры, где монахи жили в отдельных изолированных кельях, но подчинялись авве и собирались для совместного богослужения. Такие лавры были организованы в Палестине и Сирии.

Монастыри являлись центрами всякого рода извращенного «подвижничества». Среди монахов были ходившие нагими, не стригущие волосы, землеспальники, грязноногие, грязныши.

Особой разновидностью «подвижников» были в IV—V вв. «пасущиеся»: они ходили нагими и питались, как животные, травой и кореньями. Широкую «славу» приобрели стилиты (столпники), годами пребывавшие на столбах. Появились и «юродивые».

Халкидонский собор стремился полностью подчинить монастыри епископальной власти. Глава монастыря (игумен) избирался пожизненно — его власть была подобна епископской: он полновластно распоряжался в монастыре. В отличие от епископа, однако, новый авва мог быть назначен предыдущим. Власть игумена распространялась лишь на мелкие проступки монахов; серьезные нарушения дисциплины были подведомственны суду епископа.

Обычно монастыри были или мужские или женские. Но существовали и «двойные монастыри»: в этом случае две обители представляли собой единый комплекс зданий и подчинялись общему управлению. Церковь неодобрительно смотрела на такие монастыри, тем не менее они функционировали до VIII в.

Уже в ранней Византии монастыри сделались организационными центрами эксплуатации местного населения.

Монахи уничтожали языческие храмы, захватывали храмовые земли, подчиняли их население.

Наряду с монахами-отшельниками появилось множество бродячих монахов, которые, подобно греческим «философам» — киникам [11], превозносили свое невежество и свой аскетизм. Эти бродяги были настоящим бичом для правителей городов, и императоры IV в. неоднократно принимали против них строгие меры.

Все «отцы церкви» любовно относились к монашеству и восхваляли жизнь монахов в качестве образца для христиан. Однако между монашеством и церковной иерархией постоянно возникали трения: монахи зачастую самым пренебрежительным образом относились к церковной иерархии.

Монашество имело исключительно сильное влияние на широкие массы населения империи. Трудовой народ видел в государстве и его представителях — сборщиках налогов, судьях, военных — только грабителей и насильников. Взгляд Августина на государство как на «великий разбой» (latrocinium magnum), безусловно, в какой-то мере являлся отражением воззрений народных масс. Когда восточные жрецы желали войти в доверие широкой аудитории, они произносили гневные слова, бичуя агентов государственного аппарата. И когда монахи уверяли, что отвергают все светские общественные институты, что они строят жизнь на новых началах религии и братства, то они часто встречали полное сочувствие простых людей.

Религиозные идеи, рожденные противоречиями периода разложения рабовладельческого общества, проникая в народ, делались материальной силой, которую стремились использовать и иерархи церкви, и монахи, и проповедники еретических сект.

Глава

7

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В IV В.

Отмирающее рабство еще в силах было задерживать развитие новых общественных отношений, ибо оно «оставило свое ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду» [1]. Так характеризовал Ф. Энгельс роль рабства в истории Римского государства последних веков его существования. Это положение является определяющим для понимания сущности внутренней политики Римской империи в IV—VI вв.: она сводилась к тому, чтобы защищать позиции рабовладельческого класса в целом, не считаясь с тем, что при этом затрагивались интересы его отдельных прослоек. Господствующий класс и в условиях разложения прежних форм социально-экономической жизни вовсе не собирался отказываться от своих имущественных прав. Он старался включить элементы новых общественных отношений, развивавшихся в недрах рабовладельческого строя, в систему действующего права, сохранить сословные перегородки рабовладельческого общества.

Попытка стабилизации, предпринятая Диоклетианом (284—305), окончилась неудачно: одних только военно-административных реформ было недостаточно для упрочения отживающих общественных порядков.

В обстановке непрекращавшегося соперничества военно-чиновных клик с неослабевающей силой продолжались народные волнения. В 314 г. Лициний (308—324) и Константин (306—337) поделили между собой Римскую империю: Константину досталась западная часть, а также Греция, Эпир, Верхняя Мезия и Македония, т. е. боль-

шая часть Балканского полуострова. Через 10 лет, после его победы при Хрисополе 18 сентября 324 г., в Римской империи установилось единодержавие Константина [2].

К этому времени ему было около 40 лет. Родным языком Константина был латинский. Исполненный уважения к римскому прошлому, он не стеснялся ломать традиции, если это было нужно для проведения в жизнь его идеалов — установления единства власти и упрочения порядка, заключавшегося в полном экономическом, политическом и идеологическом порабощении народных масс. Император был осторожен в решениях, любил прибегать к демагогическим приемам, умел хитростью привлекать на свою сторону деятелей разных направлений и взглядов. Встречаясь с непредвиденными затруднениями, он иногда приходил в бешеную ярость — тогда его жестокость не знала пределов. Узнав об интригах Лициния, он нарушил клятву и велел его убить; по подозрению в связи со своей молодой женой Константин казнил собственного сына Крипса, а потом приказал задушить и жену. Он был искренно убежден в правильности христианского учения, но подчинял свои религиозные чувства политике. Крещение он принял только перед смертью и в течение всей жизни не отказывался от права руководства языческими культами.

Вся внутренняя деятельность правительств Константина и его преемника на Востоке — Констанция (337—361) была направлена на то, чтобы стабилизировать общественные отношения, подорванные в смутах III — начала IV в., при помощи установления жесточайшей диктатуры. Но для ее эффективности и устойчивости требовались укрепление политической централизации, последовательная бюрократизация государственного аппарата, введение единообразия в идеологической сфере. Разрешение этой задачи было немыслимо без напряжения всех материальных ресурсов империи.

Прочность и эффективность централизации предполагали заинтересованность в ней влиятельной прослойки знати, которой бы эта централизация в первую очередь могла принести как материальные, так и политические выгоды. Учитывая это, Константин, а потом и его ближайшие преемники осуществляли политику концентрации имущих элементов знати вокруг новой столицы — Константинополя. Тем самым экономически более развитый Восток превращался в основной центр императорского правительства.

Проводя централизацию и бюрократизацию империи, эти императоры стремились по возможности вытеснить действие местного права и обычаев в городах Востока. Римское право олицетворяло собой политику социального гнета и было заострено против народных выступлений, которые подавлялись путем организации ужасающего террора.

Константин и Констанций последовательно внедряли римское право. Власть на местах изымалась из рук городской знати и переходила к канцеляриям. Функции городской курии из распорядительных превращались в исполнительные, ограничивались сбором налогов и отправлением повинностей.

 В империи сложилась весьма напряженная обстановка, при которой любое народное выступление, по какой бы причине оно ни

БРОНЗОВАЯ МОНЕТА ИМПЕРАТОРА ДИОКЛЕТИАНА (284—305 гг.)

Майнц. Римско-германский центральный музей

возникало, оказывалось весьма опасным для господствующего класса. Могущество императорской власти не давало развиться народным движениям в грозные восстания; только натиск варваров, обострив внутреннее положение страны, развязывал силы возмущения, но это происходило не столько вследствие сочувствия масс к варварам, сколько вследствие ненависти к правительству. Всякое нашествие варваров вызывало такое напряжение финансовых ресурсов государства, что оно оказалось непосильным для народа. Нередко крестьянство предпочитало уживаться с варварами, нежели находиться под властью чиновников.

Социально-политический протест, как правило, облекался либо в форму волнений религиозного характера, либо — сепаратистских движений и иногда — прямой государственной измены (переход на сторону варваров, персов). В деревне народные волнения направлялись главным образом против налогового обложения. Иногда должники казны становились разбойниками и пиратами; их действия представляли собою угрозу всему рабовладельческому правопорядку. Правительство расправлялось с ними беспощадно; разбойники и их сообщества уничтожались полностью — вместе с женщинами и малолетними детьми.

В IV в. наиболее острой формой социальной борьбы являлась религиозная. Все проявления недовольства существующим строем, все поиски выхода из тяжелых обстоятельств — как реакционные, так и прогрессивные, как реальные, так и утопические — облекались в религиозную форму. В разных районах Римской империи функционировали всевозможные религиозные общества, которые часто являлись по сути дела объединениями врагов римского господства. Чувство обреченности всего общественного строя породило эсхатологические ожидания, чреватые социальными взрывами. В этих условиях только религия могла установить обязательные для верующих догматы, которые были бы совместимы с существующим общественным

порядком. Оформление такой религии было необходимо для смягчения социальных взрывов в период краха рабовладельческого общества. Для придания устойчивости правопорядку, основанному на частной собственности, единство мировоззрения было столь же важно, как и единство норм гражданского права. Упрочение эксплуататорского строя было невозможно без того, чтобы господствующими идеями не стали идеи господствующего класса.

Естественно, что в политике Константина и его преемников религиозный вопрос оказался наиболее тревожным и настоятельно требовавшим разрешения. Церковь должна была сама и при поддержке правительства пресекать проявления всех опасных для господствующего класса настроений народных масс.

С помощью язычества нельзя было осуществить контроль над мировоззрением: язычество не имело устойчивой догматики, канона священных книг, ему была незнакома борьба с ересями. Оно не годилось в качестве мировой религии. Напротив, христианская церковь обладала уже вековым опытом борьбы за «чистоту» вероучения, опытом фанатичного преследования инаковерующих в рядах своих собственных приверженцев; христианство очень легко воспринимало синкретические элементы старинных местных верований, включавшихся в новое единое мировоззрение. Однако к моменту создания

ИМПЕРАТОР КОНСТАНЦИЙ II

Чаша. Серебро. IV в. Государственный Эрмитаж

ранневизантийского государства христианская догматика еще не была окончательно установлена.

Всю историю правления Константина и его преемников в IV в. заполняют богословские споры, связанные с арианской «ересью». Арианство зародилось в Александрии, в условиях сложной и противоречивой внутренней жизни самого крупного производственно-товарного центра древнего мира. Экономическая мощь Александрии совершенно не соответствовала политической придавленности ее населения. Горожане Александрии хотели использовать христианскую церковь как орудие приобретения автономии в руководстве местными делами.

Большую роль в формировании церковных направлений играла и социальная борьба в городе. Его трудовое население находилось под гнетом собственной знати. В начале IV в. демократические круги Александрии поднялись против аристократии, и именно это движение оказалось на первом плане. Арий — пресвитер из демократических религиозных общин — выступил против архиепископа Александра, избранного богатой верхушкой Александрии; при этом Арий стремился найти поддержку в народе. Написанные им гимны были рассчитаны на матросов, грузчиков, ремесленников. В своих проповедях Арий стал нападать на богословские догматы официальной александрийской церкви. Он обвинил епископа Александра в савелианской ереси (Савелий учил, что бог троичен только по названию: как существо небесное он именуется отцом, в проявлениях своей воли на земле — сыном, а как творец, чья божественная сила выявляется в его творениях,— духом святым). Александр в свою очередь обвинял Ария в ереси Павла Самосатского, согласно воззрениям которого Христос родился не богом, а простым человеком, позднее осененным божественной мудростью. Такого рода обвинение станет понятно, если учесть, что, по утверждению Ария, Христос-Логос не равен богу, но является его творением. На самом деле, однако, взгляды Ария не имели ничего общего с представлениями о Христе как обыкновенном человеке. По мнению Ария, Христос был подлинным божественным Логосом, но поскольку он сын божий, постольку, следовательно, было время, когда он не существовал. Логос — предвечен, но не вечен; он «меньше» отца, ибо имеет свое «начало». Арий рассуждал посвоему логично: богослов, признающий Логос не имеющим начала, вынужден отвергнуть и причину его появления, иначе говоря, вынужден отказаться от представления о рождении бога-сына. С этой точки зрения, следовательно, Логос не рожден, и, значит, бог-отец — не отец, а бог-сын — не сын.

Александр и его ловкий протодиакон Афанасий протестовали против отожествления понятий «рожден» и «сотворен»; они считали богохульством называть тварью Христа-Логос. Александр и Афанасий выдвигали тезис о вечном сосуществовании бога-отца и бога-сына или Логоса: ни тот, ни другой не имеют «начала», но сын рождается от отца, как луч света от его источника. Александр и Афанасий считали Логос особой стороной, «лицом» божественной сущности. Арий же критиковал положение об отсутствии «начала» у Логоса, исходя из употребления слов «отец» и «сын». Но Александр и Афанасий

АПОСТОЛ ВАРФОЛОМЕЙ.

Баптистерий в Равенне. VI в.

выдвинули и более «сильное», с их точки зрения, возражение своему противнику: ведь если признать, говорили они, что было время, когда Логоса не существовало, то значит бог-отец являлся ἄλογος, т. е. неразумным, значит творческая сила бога-отца была бессознательной. Афанасий усмотрел, таким образом, в концепции Ария серьезную опасность для самых основ религии и яростно выступил против него.

И Арий, и его противники — Александр и Афанасий — были образованными богословами и вели спор на философской основе: Арий исходил из положений антиохийской школы, генетически связанной с Павлом Самосатским; его противники стояли на позициях александрийской школы Оригена. И ариане, и приверженцы официального вероучения — православные — обвиняли друг друга в нелогичности: характерным для их спора было обращение к разуму.

Задача, стоявшая перед Константином, заключалась в том, чтобы содействовать господствующей церкви в выработке прочной основы для богословской мысли, приемлемой для правящих слоев. Его тревожило отсутствие единства в церкви. Оно внушало императору тем большее беспокойство, что в распрях иерархов приняли участие широкие массы.

По инициативе Константина 20 мая 325 г. в Никее был созван вселенский собор. Он происходил с показной пышностью. Несмотря на то, что сам император еще не был крещен, именно он играл руководящую роль на соборе. После некоторых колебаний Константин принял враждебную Арию сторону: вероятно, его смутило демократическое происхождение арианства. Арианство было осуждено. Никейский собор выработал основу для «символа веры». «Оно (христианство.— *Ред.)* перешло к нам уже в том официальном виде, какой придал ему Никейский собор, приспособивший его к роли государственной религии...» [3]. Правительство Константина взяло в свои руки церковные дела. Арий был сослан. Его сочинения подлежали сожжению. Отныне всякое инакомыслие в богословских делах являлось в Византии государственным преступлением. Так был оформлен союз церкви и государства. Епископы стали чиновниками империи, а император — верховным богословом. Государство получило мощного союзника по идейному воздействию на народные массы.

Данные о преследованиях ариан, сохранившиеся в законодательных памятниках, не отражают той борьбы, которая при жизни Константина велась вокруг учения Ария. Сильная придворная клика негодовала на привилегии, полученные епископами. Стали указывать на своеволие египетского клира, обнаружившееся после изгнания Ария. Император решил было снова созвать собор, но группа православных епископов была непреклонна в своей враждебности к Арию, и Константин, добивавшийся установления церковного мира, был этим весьма недоволен. Он все яснее убеждался, что арианские епископы более приемлемы для автократии, нежели православные, тесно связанные с городским самоуправлением. Между тем в Египте произошли серьезные перемены. После смерти Александра в 328 г. архиепископом в Александрии стал Афанасий, умелый демагог и красноречивый, искусный в спорах религиозный фанатик.

Он отличался бесцеремонностью и неразборчивостью в средствах, которые пускал в ход, борясь с противниками. Постоянно находясь в изгнании, среди опасностей, он проявлял в то же время недюжинную энергию. С ним-то и пришлось иметь дело Константину.

С 332 г. Египет поставлял в столицу хлеб, притом в колоссальном количестве. Возмущения против собственной знати стали сменяться в Александрии волнениями против Константинополя, грабившего страну. В оппозицию встал и епископ Афанасий. Император в гневе сослал его и реабилитировал Ария. Последний вскоре скончался, но Константин открыто перешел теперь на сторону арианских епископов, которых находил более «законопослушными». Перед смертью он принял крещение от арианского епископа. Арианство было таким образом признано официально, православие же превратилось в оппозиционное течение.

В Египте оно приобрело сепаратистскую направленность, ставленниками императора оказались арианские епископы, которые начали прибирать к своим рукам городские богатства. Влияние арианства быстро падало; наоборот, авторитет Афанасия, постоянно преследуемого властью, а вместе с тем и престиж православия, стали расти.

22 мая 337 г. император Константин умер, оставив трех сыновей, между которыми и была разделена Римская империя: Востоком стал править Констанций, Галлией — Константин II Младший (337—340), Италией — Констант (337—350). Констанций произвел кровавую баню в Константинополе, были перебиты братья и сторонники Константина. Между его сыновьями началась длительная борьба за господство в империи. Борьба эта получила религиозную окраску. Констант поддерживал никейскую веру. После смерти Константина II могущество Константа возросло, и Констанцию пришлось ослабить преследования никейцев.

Констанций представлял собою тип императора-бюрократа. В действиях своих он был очень осторожен. При дворе фактически властвовал препозит — евнух Евсевий. Все должностные лица подвергались строгому контролю. Процветал режим тайных доносов. Роскошь, казнокрадство и коррупция двора достигли высших пределов.

Конфликты между Востоком и Западом превратились в открытую войну после того, как в начале 350 г. Констант был убит узурпатором Магненцием (350—353). Методы борьбы обоих государств пагубно сказывались на положении их населения: на территорию противной стороны натравливали варваров. Получая помощь императоров, варвары производили невероятные опустошения: десятки тысяч людей уводились в плен, города предавались пламени. В кровопролитных битвах между Констанцием и Магненцием погибла бо́льшая часть лучшего римского войска.

Восток оказался более сильным. 10 августа 535 г. Магненций погиб. Констанций стал единодержавным правителем всей Римской империи. Восток полностью возобладал над Западом.

Самым острым внутриполитическим вопросом в правление Констанция был церковный. Император считал возможным установить власть над церковью только при условии, если она станет арианской.

Но, поскольку трудности заключались не в догматах, все попытки Констанция решить религиозный вопрос оказались неудачными. Наиболее шумные столкновения произошли в городах. Куриалы поддерживали языческие традиции из политических соображений. Вокруг никейских епископов сплотились разбогатевшие ремесленники, торговцы, домовладельцы, ростовщики. Эти круги стремились с помощью епископов овладеть самоуправлением города. На сторону арианства переходило высшее чиновничество, а также некоторые представители провинциальной аристократии, выступавшие против усиления влияния столичной знати. Но главной социальной базой арианства служили ремесленные низы города, бедные владельцы пригородных участков, люди, испытывавшие угнетение богатой верхушки горожан. Ариане имели, таким образом, немало сторонников среди городского населения Востока.

Констанций изгнал православных епископов из Константинополя и Александрии. В Александрию вооруженной силой был поставлен арианский епископ, Афанасий же в 341 г. отлучен от церкви. В Риме его отлучение объявили незаконным. В 342 г. при выборе епископа в Константинополе дело дошло до кровавых столкновений. Правительственные войска поддержали арианского кандидата; жители столицы во время уличных схваток поджигали дома; был убит военачальник Гермоген. Констанций расправился с никейцами и наказал константинопольцев, вдвое уменьшив им отпуск хлеба. Церковники православного толка прибегли к демагогическим приемам: обличая произвол чиновников, они приобрели авторитет у широких масс.

Констанций не мог противопоставить православным иерархам организованную силу ариан, поскольку последние не были едиными ни в социальном, ни в догматическом отношении. Приняв после 353 г. власть над всей империей, он приступил к систематическому преследованию никейцев. Проарианская политика Констанция вызвала настоящую гражданскую войну в Египте, где трудовой люд страдал от жестокой эксплуатации. Против правительства выступал неутомимый Афанасий. Констанций вынужден был пустить в ход все местные легионы: императорские войска вошли в Александрию как во враждебный город. 9 февраля 356 г. Афанасий был вновь сослан. Констанций стремился полностью диктовать свою волю церкви, однако ему не повиновались ни православные — никейцы, ни ариане. Несколько соборов занимались «уточнением» учения Ария. Наконец, арианский собор 359 г. в Римини разработал богословскую концепцию, которая позднее стала официальным исповеданием веры в арианской церкви.

Правительство Констанция стремилось привлечь к арианству вождей варварских дружин, состоявших на службе императора и выполнявших поручения карательного характера в городах. Если арианство как официальная религия постепенно теряло почву в народных массах, то зато оно таким образом стало приобретать все больше адептов среди германских наемников.

В отношении язычества политика Константина и его преемников была последовательно враждебной. Конфискация земель языческих храмов сопровождалась захватом участков свободных храмовых крестьян, обрабатывавших эти земли.

Правительству приходилось, однако, считаться и с языческой оппозицией. Сопротивление правительственным мероприятиям оказывали храмовые свободные крестьяне-общинники и местная городская знать (хотя она была сугубо реакционна, но создавала себе некоторый авторитет своими выступлениями против бюрократии).

К языческой оппозиции присоединилась и интеллигенция крупных городов. Победа христианства, превращение его в принудительную идеологию явились подлинной катастрофой для позднеантичной науки и искусства — этим и объясняется оппозиционность интеллигенции того времени.

Отношение византийского правительства к язычеству определялось факторами как экономического, так и политического характера. Выступая так или иначе против языческой идеологии, государство, опиравшееся на христианскую церковь, таким образом ломало устои того самого общества, к сохранению которого оно прилагало все силы. Наивысшим выражением антиязыческой политики явилось введение смертной казни за совершение жертвоприношений.

Центром оппозиции мероприятиям Констанция была Италия, где особую преданность язычеству проявляла римская сенаторская знать, не желавшая примириться с подчиненным положением Рима в империи. Ведь антиязыческий курс Констанция был продиктован именно стремлением установить единство империи, при котором господство принадлежало бы Востоку.

Сложную проблему византийской внешней политики в IV в. представляли отношения с готами и связанное с этим общее положение дел к северу от Дуная. Готы становились все более опасными соседями. Римская империя в это время уже отказалась от завоевательной политики на Дунае. Между тем хозяйственное развитие готских племен приводило к углублению в их среде внутренней, социальной дифференциации: выделявшаяся у них знать стремилась к завоеваниям в культурных и богатых областях Балканского полуострова. В 332 г. готам было нанесено решительное поражение, король Видигоя пал в битве. Готы были вынуждены заключить мир, согласно которому их дружины переходили на службу императору: они должны были участвовать во всех его походах и охранять границу на Дунае. В свою очередь, Византия обязалась выплачивать готам субсидию. Часть готов приняла христанство в его арианской форме. Около 340 г. епископом у них стал Вульфила. Он изобрел готский алфавит, перевел на готский язык христанские книги. Готы сделались арианами, потому что в это время арианство являлось господствующей религией в Восточной Римской империи. Часть готов переселилась на север Балканского полуострова в район Никополя.

Положение на Востоке осложнялось наступательной политикой Ирана, который начал добиваться выхода к Средиземному морю. Яблоком раздора Византии и Ирана была Армения, где христианство в начале IV в. превратилось в государственную религию. Правители Ирана добивались введения в Армении зороастризма Авесты с тем, чтобы подчинить страну своему влиянию. В 338 г. Констанций возвел на престол Армении сына Аршака — Тиграна (из армянской династии). Война против персов проходила с переменным успе-

хом. Персы три раза неудачно осаждали Нисибис. Пытаясь вмешиваться во внутренние дела Ирана, Византия делала это под видом проявления заботы о христианах, подвергавшихся преследованию за веру.

Арабские племена, жившие вдоль границ Сирии и Палестины, пока еще не представляли серьезной опасности. И византийское, и персидское правительства стремились вовлечь эти племена в сферу своего влияния, не допуская в то же время создания сильного арабского государства. Начиная со второй четверти IV в., христианизация служила основной формой политической агрессии Византии против арабских племен. Однако, принимая христианство, вожди этих племен не желали иметь клир, поставленный правительственной церковью, поэтому они примкнули к гонимому тогда православию.

Централизаторская политика государства и церкви встречала оппозицию главным образом в куриях крупных городов. Укреплялись связи куриалов с интеллигенцией. Городское самоуправление давало широкий простор ее деятельности, тогда как бюрократический режим и господство церкви снижали общественную роль риторов и философов. Всякое выступление против существующего режима принимало религиозный характер. Отчасти это учитывали никейцы в своей борьбе против Констанция. Но этим же воспользовались и приверженцы язычества. Они занимали довольно сильные позиции в восточных провинциях Сирии; в Италии языческой оставалась большая часть сенаторской знати. Особенно ревностной сторонницей язычества становилась интеллигенция.

Среди поборников «отеческих богов» выделяется император Юлиан (361—363). Его отец, брат Константина, был убит в 337 г. по распоряжению Констанция. Такая же участь постигла и его брата Галла, так что Юлиан остался единственным отпрыском Константиновой династии. Он учился у афинских философов. Не имевший наследников Констанций женил Юлиана на своей сестре и 6 ноября 355 г. провозгласил кесарем — номинальным правителем Галлии. Юлиан обнаружил организаторские способности, сумел навести порядок в войске и добился ряда блестящих побед над варварами. Это создало ему такой авторитет, что войско провозгласило Юлиана августом (1 февраля 360 г.).

Убежденный сторонник эллино-римской религии (при этом языческие представления в его сознании переплетались с идеями стоической философии и староримским патриотизмом), Юлиан осознавал, какой глубины достиг политический, военный и моральный упадок в обществе его времени. Он искренне презирал христианство за отступления от идеалов староримской доблести, считая его недостойной римского гражданина религией рабского смирения и покорности. Юлиан хотел реформировать эллино-римскую религию на философской базе и, используя опыт христианства, создать языческое богословие. Но при всех симпатиях к язычеству Юлиан был относительно веротерпим. Главной целью его политики было величие Римской империи, основу которого он видел в крепком городском сословии. Он был идеологом и политиком отжившей полисной системы.

Во время похода на Восток сопротивление Юлиану оказали только низы балканских городов, в среде которых Констанций пользовался

симпатиями. Но Констанций внезапно умер, и Юлиан беспрепятственно вступил на престол [4]. Он объявил об отмене преследований языческой религии, о возвращении всех сокровищ, отобранных у языческих храмов. В ряде городов возникли волнения. Особенно бурно развивались события в Александрии, где фактическим правителем был арианский епископ Георгий, наложивший руки на главные промыслы Египта и ненавистный населению Александрии. После прихода к власти Юлиана епископ Георгий был схвачен толпою, привязан к верблюду и вместе с ним сожжен. Это был протест масс против гнета господствующей арианской церкви. Епископ Епифаний Кипрский признает, что Георгий пострадал от народа не за исповедание Христа, а «за великое насилие, которое он причинил городу и народу во время своего епископства».

Юлиан старался укрепить городскую верхушку. Он стал возвращать в ведение курии территории, отнятые у городов. Однако Юлиан вовсе не склонен был предоставлять куриям прежнее самоуправление.

Формально никаких гонений на церковь при Юлиане не было; все сосланные Констанцием епископы никейского вероисповедания были возвращены из ссылки. Но от власти христиане отстранялись. Юлиан боялся народных масс. Он привлекал их мелкими демагогическими мероприятиями, старался настроить против варваров. Социальная база Юлиана была весьма узкой. Он мог рассчитывать только на военную диктатуру. 26 июня 363 г. во время похода против персов Юлиан погиб.

Новый император Иовиан (363—364), сторонник никейского исповедания, отменил все распоряжения предшественника, основой политики императоров снова стал союз с христианством. После Иовиана на престол вступил ревностный арианин Валент (364—378), который продолжал политику Констанция. Между тем страна находилась в состоянии глубокого потрясения, вызванного мероприятиями Юлиана и внезапной их отменой. В особенно тяжелом положении были балканские провинции; их часто тревожили набеги варваров. Налоги и произвол правителей приводили к запустению крестьянских земель. Горючим элементом являлись также работники горных промыслов, в основном рабы и лица, осужденные на каторжные работы.

Отмена распоряжений Юлиана о возвращении городам земельных территорий возбуждала городскую знать. Недовольны были и галльские легионы, которые возвели на престол Юлиана и теперь находились в немилости. Эти легионы восстали против Валента и 28 сентября 365 г. провозгласили императором племянника Юлиана — Прокопия [5].

Прокопию удалось занять Константинополь. Основой политики Прокопия была поддержка городских курий, создавшая популярность новому императору. Расправа с чиновниками, ставленниками Валента, доставила ему расположение широких масс, которые примкнули к нему как во Фракии, так и в западных провинциях Малой Азии. Поддерживало Прокопия и сельское население Фракии, придерживавшееся язычества.

Но именно участие этих социальных элементов в восстании Прокопия привело к тому, что городская знать и сенаторы стали переходить к Валенту. Политика конфискаций усилила ненависть знати к Прокопию. Он принимал в свою армию даже беглых рабов, что отталкивало от него все владетельные прослойки: противники сравнивали его со Спартаком. В числе союзников Прокопия были и ненавистные для городского населения варвары. Сам он боялся превращения восстания в широкое народное движение и ограничился удовлетворением интересов городских куриалов и легионов.

Между тем Валент уже незадолго до восстания стал принимать строжайшие меры против коррупции чиновников. Временно были прекращены преследования никейцев. Состоятельные слои перешли на сторону Валента. Армия Прокопия начала таять, ее вожди изменяли. Прокопий был схвачен и 27 мая 366 г. зверски казнен. Народные выступления после длительного сопротивления были подавлены. Развернулся ужасающий террор.

Валент требовал немедленного возвращения беглых рабов и приписных колонов. Куриям нанесен был новый удар: с мая 366 г. сбор налогов с колонов возлагался на землевладельцев. Курии оставалось собирать подати только с земель самих куриалов и с мелких свободных городских и подгородных хозяйств. Курии перестали играть какую-либо роль в политической жизни. В дальнейшем против них уже не велось острой борьбы, скорее проявлялась забота о том, чтобы сохранить это учреждение в качестве фискального аппарата — для сбора налогов и выполнения повинностей.

Несмотря на подавление восстания Прокопия, положение в стране оставалось тревожным. Во второй половине IV в., когда значительно возросли натуральные повинности, участились случаи бегства из деревень и поместий: колоны бежали от непосильных налогов и повинностей. Появлялось множество разбойных объединений, участники которых нападали на виллы, а иногда и на города. Население часто оказывало поддержку разбойникам. Был издан указ, согласно которому укрывавший разбойника карался наравне с ним.

К этому времени относится появление и оформление секты мессалиан, длительное время имевшей сильное влияние на народные массы. Мессалиане отказывались от всякой собственности. Они считали, что нужно все делать своими руками, подобно апостолу Павлу, провозгласившему девиз: «не трудящийся да не ест». Мессалиане бродили по стране, спали на открытом воздухе. Их учение представляло собою наиболее ярко выраженную форму идеологического протеста против существующего мира угнетения. Однако протест этот носил наивный характер, религиозная мистика отвлекала мессалиан от практических революционных действий.

Постоянные выступления масс оказали определенное воздействие на внутреннюю политику Византии: при Валенте издается много постановлений о защите «мелких» людей против «сильных». В 368 г. была введена должность защитника (дефенсора) плебса». Дефенсоры избирались из числа сенаторов. Эта мера в некоторой степени ограждала плебс от насилий куриалов и чиновников, но вместе с тем усиливала позиции местной земельной аристократии.

Поскольку любая оппозиция в то время облекалась в религиозную форму, больше всего затруднений представляли для правительства отношения с церковью. Валент сделал официальным риминийское вероисповедание арианской церкви; ряд православных деятелей был арестован и сослан. В середине IV в. императорская власть, однако, столкнулась с новым церковным институтом — монашеством.

Первоначально императорская власть относилась к монашеству враждебно. В ту пору монахи еще не являлись прослойкой господствующего класса, и самое хозяйство монастырей еще не приняло характера поместья. Монахи были своего рода «люмпен-пролетариями в рясах». Они являлись таким же резервом политической реакции, как и люмпены античного Рима. Но монашество было самой активной и реальной силой в борьбе против языческой оппозиции. Разумеется, государство стало использовать эту силу — правда, не непосредственно, а через церковь. В глазах Валента монахи были социально-опасным элементом. Он приказал изгонять их из городов, ловить бродячих монахов и принудительно направлять их на военную службу. Но в монашеской среде не было единства: она отражала настроения местного населения, и, например, монахи-ариане фанатично боролись против монахов-никейцев.

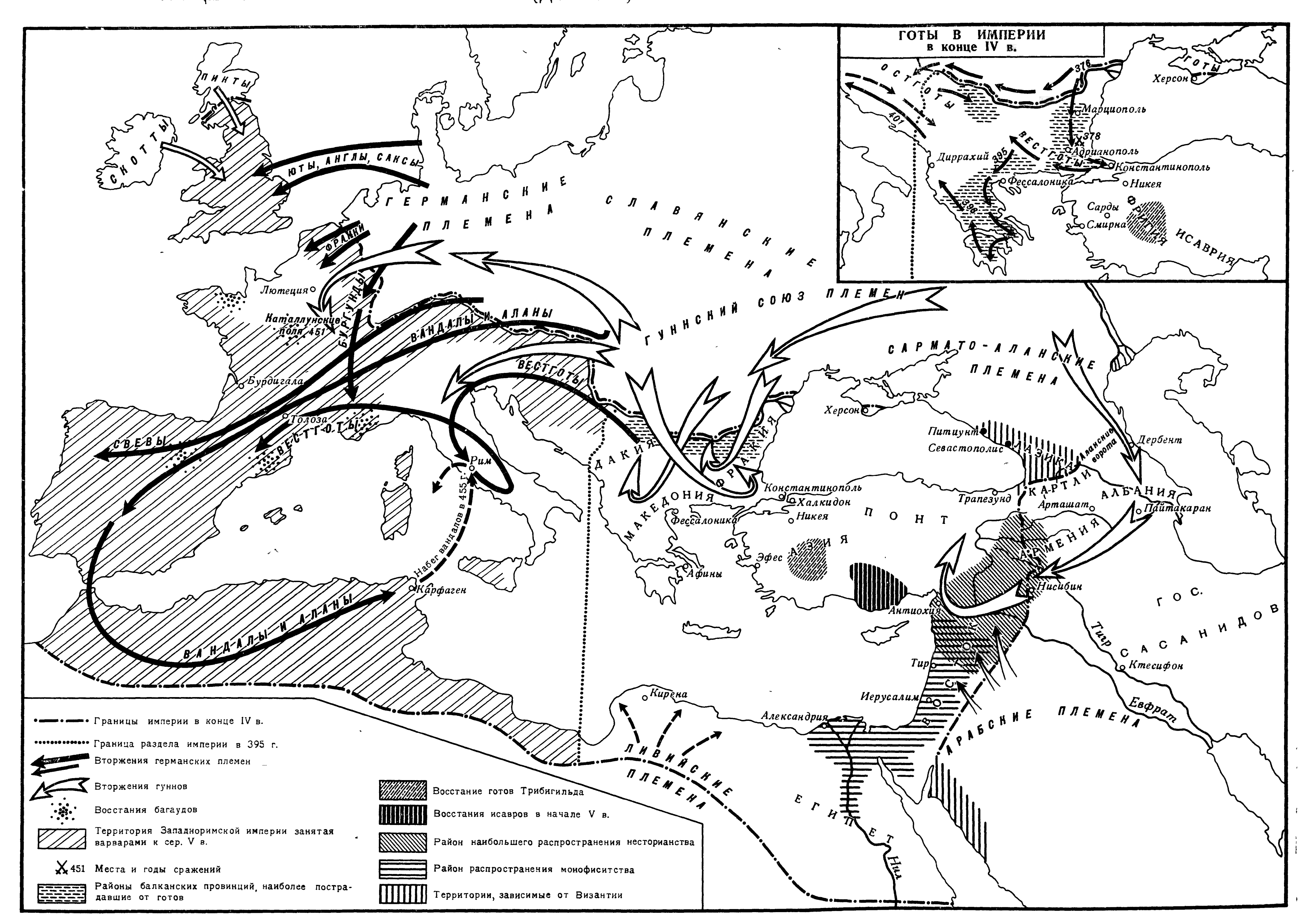
Восстание Прокопия, конфликты с персами, вторжения готов произвели серьезные потрясения в экономике империи. Государство испытывало острый недостаток золота. Это отрицательно сказывалось на денежном обороте и безусловно усиливало оппозиционные настроения горожан, которые выступали против арианской политики Валента и против его союза с варварскими вождями.

Начиная с середины 70-х годов IV в., в центре политической жизни империи оказался варварский вопрос. Внешнеполитическая по существу проблема почти на четверть века стала сугубо внутриполитической, социальной проблемой. И антагонистические противоречия между угнетенными и угнетателями, и борьба внутри господствующих прослоек, и религиозные распри — все это получило особую окраску в свете отношений империи с варварами.

С 70-х годов IV в. внешнее положение Византии заметно осложнилось. Правительству приходилось вести военные действия на всех границах империи. Персы стали проводить более агрессивную политику в Армении и в районах поселения арабских племен. Византия перешла к оборонительной политике в Сирии, но осуществляла активные мероприятия в Армении. Арабские племена, объединение которых пока еще не удавалось, то предпринимали нападения на византийские провинции, то вступали в дружественные связи с империей. Но основным направлением византийской внешней политики оказался Балканский полуостров. Готы вновь стали переходить через Дунай. Валент стремился использовать внутренние раздоры готских племен. Под предлогом освобождения 3 тыс. пленников, ранее сражавшихся на стороне Прокопия и находившихся теперь у Валента, готы в 367 г. вторглись во Фракию.

Нападение было отражено. Валент признал независимость готских племен севернее Дуная, готы со своей стороны обязались не переходить эту реку.

ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ IV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V в. (ДО 457 г.)

В то же время под влиянием христианской пропаганды часть готов выступила против их короля Атанариха, начавшего преследования готов-христиан, в которых он справедливо видел ставленников Валента. Во главе восставших встал Фритигерн, принявший христианство в форме арианства. Он получил от Валента военную помощь. Фритигерн стал вождем независимого от Атанариха племенного объединения готов.

Постоянные войны с готами сделали обстановку на Балканах крайне напряженной. Столкновения с варварами заканчивались обычно захватом массы пленников, которые продавались в рабство. Особенно много рабов появилось в городах и поместьях Фракии. В близком к рабскому положению находилась и большая часть работников государственных мастерских, которые в основном были сосредоточены на Балканском полуострове. Участие рабов в народных волнениях придавало последним революционную окраску. Правительство привлекало к ответственности рабовладельца, рабы которого участвовали в выступлениях. Особенно опасными были рудокопы, об условиях жизни которых выразительно говорил Иоанн Златоуст: «Для них нет никакой пользы от их работы, от тех богатств, которые они добывают... Рудокопа от его трудов освобождает смерть».

В этой обстановке участились случаи перехода местных жителей на сторону варваров. Церковь пришла тогда на помощь государству: она предавала анафеме тех, кто участвовал в нападениях варваров. Когда они отступали, народ захватывал имущество бежавших или взятых в плен богачей. На месте разгромленного имения появлялся ряд мелких владений. В городах все чаще вспыхивали восстания, массы легко вовлекались в религиозные смуты.

Валент видел выход из напряженного положения только в одном — в укреплении диктатуры, опорой которой являлись бы наемные дружины христианизированных варваров-готов.

В 375 г. вестготы, теснимые гуннами, с разрешения Валента переправились через Дунай — вместе со своими семействами и большим числом рабов. Валент имел в виду расселить готов на правах военных поселенцев с тем, чтобы они обрабатывали землю и поставляли в армию воинов. Превращаясь в крестьян, организуя крестьянское хозяйство, готы испытывали все тяготы византийской податной системы: подчас им приходилось продавать своих детей, чтобы изыскать средства к существованию. Непривычные к земледельческому труду, готы пришли в волнение. Римская администрация со своей стороны стремилась использовать трудности, с которыми они столкнулись. Видя возмущение готов, римский воинский магистр Лупицин решил перебить их вождей. Один из них, Фритигерн, спасся, и к концу 376 г. его дружина начала военные действия. Готы нападали на римские имения и правительственные магазины. Через Дунай переправились и другие дружины варваров. Правительственные силы не могли с ними справиться, тем более, что к готам присоединились все недовольные элементы населения, в первую очередь рабы (по большей части тоже готского происхождения), местные колоны и особенно работники горных рудников, принадлежавших государству и служивших обычно местом ссылки на каторжные работы.

К Фритигерну перешли и некоторые римские воинские части, состоявшие из германских наемников. В конце 377 г. ему удалось нанести поражение римским войскам под Маркианополем. Ситуация становилась все более опасной для византийского правительства.

Летом 378 г. римская армия двинулась к Адрианополю. Валент вступил в переговоры с Фритигерном. Условия, выдвинутые последним, были суровыми — он требовал предоставить готам Фракию, где бы они имели право захватить все имущество местного населения. 9 августа 378 г., не дожидаясь приказа, готская конница напала на римлян: разыгралось общее сражение. Императорское войско было в нем полностью уничтожено, сам Валент погиб.

Эти события явились катастрофой для Византийской империи. Весь Балканский полуостров оказался фактически беззащитным. Деревенский люд, по-видимому, включился в восстание и совместно с варварами громил поместья крупных землевладельцев [6]. Готы подступили к Константинополю. Вдова Валента распорядилась выдать жителям столицы оружие, и с помощью наемных арабов горожане отогнали варваров.

Отношение народных масс к варварам не было единым: сельские жители соединялись с варварами против властей; напротив, ремесленно-торговое население крупных городов, экономически связанное с господствующими кругами, всегда отчаянно сопротивлялось варварским нашествиям.

Разгром императорской армии вызвал панику во всей империи. Власти Малой Азии, опасаясь восстания рабов, организовали ужасающую по своему зверскому характеру резню всех заложников и рабов готского происхождения. После гибели Валента Грациан (375—383) направил на Восток для подавления восстания готов полководца Феодосия, выходца из испано-римской военной знати. Его провозгласили императором 19 января 379 г. Это был еще сравнительно молодой человек (33 лет), энергичный военный командир и ловкий дипломат. Перед ним встала трудная задача: нужно было в условиях общего восстания набрать новое войско. Феодосий I (379—395) понимал, что он сможет найти опору только среди городского населения. Во главе войска был поставлен представитель константинопольской знати — Сатурнин. Горожанам жаловались различные льготы.

Укрепившись в городах, Феодосий завязал переговоры с германскими вождями. Последних соблазнила возможность влиться в состав византийской знати. Остготским дружинам было предоставлено право поселиться в Паннонии, вестготам — на севере Фракии. Феодосию удалось не только изолировать восставшее население от готов, — в лице продажных германских вождей и их дружинников он нашел жестоких карателей, которых мог использовать для подавления народных выступлений. Опираясь на этих союзников, Феодосий рассчитывал установить мир внутри страны.

Союз с германскими предводителями был тяжел для Византии: они получали власть над населением определенной территории; у варваров сохранялась полностью их военная племенная организация; они освобождались от налогов; им выдавались крупные суммы денег

и большое количество продовольствия, взамен чего вожди принимали обязательство выставлять военную силу в качестве союзников — федератов. Вместе с тем варвары поступали и в регулярную византийскую армию — как рядовыми солдатами, так и на офицерские должности. Армия, таким образом, подвергалась варваризации. Готам предоставлялось право свободно исповедывать арианство. Готские наемники чувствовали себя господами в городах, где часто совершали грабежи; при всяких конфликтах Феодосий становился на сторону готов. За убийство гота расплачивались все жители города.

Налаживая отношения с варварами, Феодосий должен был в то же время уделить большое внимание внутренней политике. После относительного замирения балканские провинции находились в тяжелом положении: пахотная земля пустовала, горные разработки были заброшены. Сельское население устремлялось в города.

Прежде всего правительство приняло меры к возвращению рабов их господам. Были усилены меры наказания землевладельцев, принимавших к себе беглых рабов (ведь рабы бежали от своих хозяев главным образом для того, чтобы устроиться у других землевладельцев в качестве арендаторов). Острой проблемой являлось запустение громадного количества брошенных частных земель (они не обрабатывались годами). Незасеянными оставались и государственные земли. Первой мерой правительства было принудительное возвращение в имения прикрепленных к ним колонов. Согласно приказу префекта претория Татиана, всякий землепашец (культор) мог занять пустующую землю, брошенную владельцем, и, если тот не возвращался в двухгодичный срок, он лишался собственности и владения. Эта мера способствовала распространению мелкого землевладения.

Одной из причин стабилизации хозяйства в V в. и было относительное увеличение числа мелких свободных землевладельцев. Особые льготы предоставлялись тем, кто брался заниматься промыслом. Восстановить в полной мере горные разработки путем использования труда заключенных не удавалось. Префекту Флору пришлось издать распоряжение, предоставлявшее полную свободу занятий горным промыслом при условии уплаты десятины казне и десятины — владельцу земель на данной территории. Возможно, этим указом воспользовалась некоторая часть беглых колонов.

Чтобы сохранить поддержку сенаторского сословия, особенно провинциальных сенаторов, Феодосий ввел должность «дефенсора сенаторов». Последний обязан был защищать их владения как от насилий чиновников, так и от попыток куриалов собирать налоги с крестьян, подвластных сенаторам. В результате всех этих мероприятий значительно укрепилась частная власть крупных землевладельцев, принуждавших свободное население идти под патронат.

Чрезвычайно важное значение в политике Феодосия приобрел вопрос об отношении к религии. По мнению императора, арианству надлежало оставаться религией варварских наемников, а подданным империи следовало придерживаться никейского православия, которое за 40 лет оппозиции приобрело симпатии горожан и пользовалось бóльшим влиянием, чем арианство. 27 февраля 380 г. Феодосий издал эдикт de fide catholica, согласно которому все подданные

императора должны были исповедовать православную веру. Победа православия была оформлена на втором вселенском соборе в Константинополе в 381 г. Но, обеспечив победу никейцам, Феодосий в то же время стремился к полному подчинению церкви императорской власти, что неоднократно приводило его к столкновениям с церковными иерархами.

Второй вселенский собор был созван по сути дела для установления прав константинопольского епископа. На соборе отмечалось, что Константинополь — Новый Рим и поэтому надлежит воздавать соответствующие почести его епископу. С этого времени церковь Малой Азии и Фракии фактически попала в сферу церковной юрисдикции константинопольского епископа, и Константинополь сделался не только столицей империи, но и ее церковным центром.

По отношению к монашеству Феодосий первоначально продолжал политику Валента. Монахам запрещалось пребывание в городах. Однако, когда выяснилось, что монашество может стать силой в руках правительства, Феодосий отменил свой эдикт. Наибольшую непреклонность его правительство обнаруживало в отношении к язычеству. В 392 г. был издан закон, согласно которому отправление языческих обрядов считалось оскорблением величества. Резко усилились гонения на языческую интеллигенцию, выступления которой все чаще представляли собой протест против автократии и особенно против союза императорской власти с варварами.

Православные историки присвоили Феодосию титул Великого за то, что он утвердил православие. Между тем его правление было весьма непопулярным. Союз с варварами обходился очень дорого. В городах постоянно происходили антиналоговые волнения. Они вспыхивали стихийно, терпели поражения, за которыми обычно следовали массовые казни. Характерный случай имел место весной 390 г. в Фессалонике. Во время народных волнений был убит начальник варварских наемников — Бутерих. Взбешенный Феодосий предоставил готам право отомстить. Он послал в Фессалонику сильный отряд варваров, которые, по приказу императора, неожиданно напав в цирке на безоружных зрителей, перебили до 7 тыс. человек.

Все общество тревожило в то время усиливавшееся проникновение в Византию варваров. Часть варваров была вполне довольна своим положением и верно служила императору. Но среди военачальников варварских племен вынашивались проекты установления полного господства варваров в империи. За союз с ними стояли определенные элементы феодализирующейся знати, находившие, очевидно, что варвары — более подходящая сила для подавления народных волнений, чем императорская бюрократия, которая мешала развитию частной власти на местах. Другие представители знати, пользовавшиеся доходами от участия в управлении и от эксплуатации товарного хозяйства Константинополя, были решительно настроены против варваров. Такую же позицию занимала торгово-ремесленная и ростовщическая прослойка.

Отношение к варварам в деревне было двойственным: народ охотно помогал им громить имения знати, но в то же время ненавидел их за грабежи.

В конце 90-х годов IV в. в отношениях с варварами явно назревал кризис. В это время усилилось соперничество между Западной и Восточной империями. Обстановка стала особенно напряженной после того, как полководец Арбогаст возвел на западный престол сторонника язычества Евгения (392—394), который проводил политическую линию Юлиана. Феодосий направил против Евгения свое войско. Разразилась гражданская война. После кровавых битв победу одержал Феодосий.

17 января 395 г. он умер, и империя снова была разделена на две части. На Западе императором стал самовлюбленный прожигатель жизни Гонорий (395—423), на Востоке — слабовольный Аркадий (395—408), женатый на дочери франкского вождя — Евдоксии, женщине чрезвычайно энергичной и властолюбивой. При разделе империи часть Иллирика (Македония с Фессалоникой) была включена в удел Аркадия.

После смерти Феодосия варварский вопрос стал еще острее. Вестготы, жившие на Балканах, считались состоящими на службе империи. Их возглавлял Аларих Балта. Вступив в контакт с некоторыми представителями местной знати, Аларих вторгся на Пелопоннес, предавая поселения жестокому разгрому.

Влияние варваров было очень сильным как в Риме, так и в Константинополе. Окружение обоих императоров было варварским. Фактическим правителем на Западе был magister militum вандал Стилихон. Военные силы Византии также находились под начальством варваров. 27 ноября 395 г. опиравшийся на городскую аристократию глава гражданского управления галл Руфин был убит варварами-солдатами. При этом они нашли сторонников среди населения столицы. Реальная власть над армией оказалась в руках у гота Гайны. Во главе гражданского правительства встал бывший раб, евнух Евтропий, при котором получила влияние богатая торгово-ремесленная и ростовщическая верхушка Константинополя. Первоначально Евтропий пытался править в союзе со знатью. Однако в дальнейшем аристократия заняла враждебную позицию по отношению к Евтропию. Должности стали продаваться богатым горожанам. В правительстве появились лица «низкого» происхождения. Содержание варварских наемников ложилось тяжелым бременем на страну. Регулярных доходов не хватало. Приходилось прибегать к массовым конфискациям имущества провинциальной знати. Предлогом для земельных конфискаций служило нарушение указов о запрете патроциния.

Евтропий старался вначале не ссориться с Гайной, но подготовлял силы против него. Префектом претория был назначен Аврелиан — вокруг него стала сплачиваться антиготская партия. Архиепископом Константинополя при содействии Евтропия стал видный церковный деятель — антиохиец Иоанн Златоуст, который повел решительную борьбу против арианства. Сделавшись консулом, Евтропий начал более энергичные действия против варваров. Варвары ответили восстанием: во главе восставших встал Трибигильд, начальник готских гарнизонов во Фригии. К Трибигильду немедленно стали стекаться военнопленные готы — рабы, уходившие от своих господ.

Восстание быстро охватило Вифинию, Галатию и Писидию. На первых порах оно имело большой успех. Недовольные отовсюду устремились к Трибигильду. Поместья богатых землевладельцев подвергались разграблению, а уцелевшие от «неистовства» варваров бежали на острова. Однако восстание не могло превратиться в народную революцию. Заботясь только о добыче, варвары беспощадно опустошали страну. Восставшие готы сами делались рабовладельцами. Это привело к перелому в настроениях масс. Крестьянство, страдавшее от разнузданных дружинников Трибигильда, стало организовывать сопротивление грабителям. Под руководством некоего Валентина, имевшего опыт в военном деле, крестьяне окружили Трибигильда в горных теснинах, забросали камнями и вогнали в болото все его войско. Сам Трибигильд с небольшим отрядом едва спасся.

Но тогда его начал открыто поддерживать Гайна. Он потребовал отставки Евтропия, которым была недовольна и аристократия Константинополя. В августе 399 г. Евтропий был смещен. На его место встал руководитель константинопольской знати Аврелиан, группировавший вокруг себя всех настроенных против готского засилья. Друг Аврелиана ритор Синесий выступил при дворе Аркадия с предложением объединить все силы против варваров. Он указывал на опасность объединения рабов с варварскими военачальниками и советовал Аркадию спешно создавать войско из византийцев. Чувствуя враждебные приготовления знати, Гайна добился смещения и Аврелиана, и других предводителей антиготской партии. Маскируясь горячей приверженностью к арианству, Гайна стремился овладеть столицей. Казалось, Константинополь станет добычей готов. Однако в борьбу вмешались горожане и 12 июля 400 г. изгнали варваров из Константинополя. Власть перешла в руки столичной аристократии.

Глава

8

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V В.

Июльские дни 400 г. в Константинополе явились решающим поворотом в судьбах Византии — вестготам не удалось создать на ее месте варварское королевство завоевателей. Однако опасность была устранена в Константинополе, но не на Балканах, где производили опустошения вторгшиеся отряды гуннов Ульдиса. Рабы массами переходили к гуннам. Варварское нашествие грозило соединиться с широким народным движением. На Балканах свирепствовали и вестготские дружины Алариха, облеченного титулом magister militum per Illyricum.

Византийская дипломатия сумела направить Алариха против Западной Римской империи, одновременно нанеся удар западному сопернику и изгнав вестготов из пределов Византии. Удалось подавить также движение Ульдиса.

Но правительству пришлось, кроме того, иметь дело с трудовым людом столицы, активность которого возросла после июльских событий 400 г. Особое влияние на широкие слои народа оказывал своими яркими речами Иоанн Златоуст, архиепископ константинопольский (398—404). Златоуст представляет собой весьма колоритную фигуру. Слабосильный и болезненный, он был неумолимым в отношениях к подчиненному ему духовенству, лишал сана и отлучал от церкви за малейшие провинности. Духовенство, особенно монахи, ненавидело Златоуста за его исключительную требовательность. Фанатичный и непреклонный, архиепископ константинопольский на свои средства разрушал языческие храмы. Он самовольно распоряжался церквами

Малой Азии. Властолюбие Златоуста вызвало вражду со стороны александрийского архиепископа, который стал настраивать против него епископат Востока. Первоначально Златоуст пользовался покровительством Евтропия, потом, после его падения, Златоусту покровительствовала императрица Евдоксия. Однако он не побоялся укорять ее за то, что она отняла у одной вдовы участок земли, порицал Евдоксию за роскошь. Императрица превратилась в его врага. В пылу увлечения Златоуст допускал в своих речах высказывания, направленные против властей и господствующего класса: «А бедный,— говорил он в одной из проповедей,— не нуждается и в самом царе!» «Если бы было можно,— заявлялось в другой проповеди,— подвергать богатых наказаниям, то все темницы наполнились бы ими!» Конечно, Златоуст не ставил своей целью поднять трудовой народ столицы против имущих. Но слова были произнесены, и они оказывали свое действие независимо от того, хотел ли этого сам Златоуст или нет. Кроме того, Златоуст страстно обличал жестокосердие богачей, говорил об ужасном положении голодной бедноты; особенно резко он обрушивался на сборщиков налогов, которых называл разбойниками. Объективно эти проповеди представляли опасность для господствующего класса.

Был организован суд над Златоустом. Его признали виновным в нарушении церковных правил и лишили сана. Но население Константинополя возмутилось и заставило власти вернуть Златоуста. С большими усилиями, преодолевая сопротивление его сторонников, правительству удалось в 404 г. сослать Златоуста в Армению, где он после трехлетнего пребывания умер.

Выступление масс в защиту Златоуста было настоящим восстанием против имущих людей. Народ поджигал дома знати, толпы бедняков громили здания государственных учреждений. В мятеже участвовали и рабы-христиане. 11 сентября 404 г. правительство возложило на господ ответственность за участие их рабов в мятежных сходках. На ремесленные корпорации, принявшие участие в волнениях, налагался громадный штраф.

Вся Малая Азия была охвачена огнем народного возмущения. Свободные крестьяне горной Исаврии не раз восставали против попыток ввести в ней общевизантийские порядки. Оказав сопротивление дружинам Трибигильда, исаврийцы сами перешли в наступление против властей: они нападали на города, опустошали имения. Восстание в Исаврии было сурово подавлено. «Куда ни поедешь,— писал Златоуст,— везде увидишь потоки крови, груды мертвых тел, до основания разрушенные жилища, разоренные города» [1]. Жестокость карательной экспедиции александрийца Иерака была невероятной: по словам Евнапия, разорения, произведенные исаврийцами, были «милым цветком» в сравнении с теми бедствиями, которые причинил своими грабежами Иерак. Страна была замирена, но законы о прикреплении колонов на нее пока все же не распространялись. Вскоре, однако, исаврийские горцы попали во власть своей собственной клановой знати и стали наниматься солдатами в византийскую армию. С этого времени исаврийская знать начала оказывать влияние на политическую жизнь страны.

В ноябре 408 г. в Константинополе произошли голодные бунты; их удалось ликвидировать, упорядочив доставку хлеба из Египта.

Во главе правительства с 10 июля 405 г. по 18 апреля 414 г. стоял префект претория Востока энергичный Анфимий («Великий»), представитель городской аристократии, связанный с куриалами и языческой интеллигенцией. Серьезная опасность народных движений заставила православных временно примириться с языческой знатью.

Несмотря на продолжавшиеся выступления городской бедноты, правительство смогло одержать победу в бурных событиях 399—405 гг. только благодаря поддержке городов. Наличие этих крупных производственно-торговых центров давало Византии такие возможности для упрочения существующих имущественных отношений, какими не располагала западная половина империи. Из горожан формировались особые военно-полицейские силы — диогмиты («преследователи»), подчиненные иринарху («умиротворителю»); при императоре Аркадии из горожан были созданы и карательные отряды. Горожане защищали византийское государство, стремясь сохранить имущественные отношения, связанные с товарным производством и торговлей. Объективно эта позиция задерживала падение рабовладельческой формации.

После избавления от готской опасности и подавления выступления исавров положение империи относительно стабилизировалось. В интересах торговых кругов Константинополя и Сирии были установлены дружественные сношения с Ираном.

> «...И возвратился
> Мир и желанный покой — после восстаний и смут!
> Вновь утвердились закон и свобода, и не допускалось,
> Чтобы в стране господа были рабами рабов».

Так определил значение победы реакции поэт Клавдий Нуманциан (416 г.). Утверждение «закона и свободы» отождествлялось прежде всего с восстановлением старых отношений между господином и рабом; это представлялось главным.

Стабилизация начала V в. была достигнута благодаря поддержке правительства массами горожан. В этих условиях приходилось как-то демократизировать общественную жизнь. Эдиктом 412 г. предписывалось собирать народ и спрашивать его о достоинствах того или иного сборщика налогов. В случае основательных жалоб сборщик предавался суду (впоследствии этот эдикт был отменен).

Значение города как административного, церковного и религиозного центра с начала V в. повысилось. В Константинополе окрепло влияние сената; в первой половине V в. он принимал активное участие в делах империи [2].

1 мая 408 г. умер император Аркадий. На престол вступил малолетний Феодосий II «Малый» (408—450). Управление по-прежнему находилось в руках Анфимия, который продолжал политику «умиротворения». Отношения с Ираном стали еще более дружественными. Желая сохранить на время малолетства Феодосия мир с Ираном, император Аркадий в своем завещании просил персидского царя Йездегерда I (399—420) быть защитником, покровителем и воспита-

телем маленького Феодосия. Йездегерд согласился. В связи с этим в Персии изменилось отношение к христианам: в 412 г. им было разрешено создать в пределах Персидского государства особую автокефальную христианскую церковь. Временно прекратились споры из-за Армении.

В 414 г. в правительственных кругах Византии произошли изменения. Во главе правления встала старшая сестра молодого императора — Пульхерия. Религиозно-фанатичная, она ввела при дворе монастырские порядки. Пульхерия была мастерицей придворной интриги. Все дела она решала от имени Феодосия, который находился всецело под ее влиянием. Вокруг Пульхерии сгруппировались дельцы, жаждавшие прибылей от участия в управлении. Двор с его евнухами и сановниками приобретал все большее влияние. Языческая интеллигенция, связанная с куриальными кругами, оказалась в оппозиции. Как уверяют оппозиционные историки, при Пульхерии любую должность продавали, словно с аукциона. Константинополь, как никогда ранее, высасывал соки из провинции, разорял местных рабовладельцев и доводил страну до частых голодовок (наиболее сильными они были в 419 г.).

В 416 г. была произведена чистка чиновничьего аппарата от «неблагонадежных»: в особенности она коснулась чиновников, которые должны были проводить политику правительства на местах. Эта мера дала возможность константинопольским ктиторам (городским собственникам) принять широкое участие в покупке должностей. Финансовые притеснения городов продолжались: категорически запрещалось введение новых видов внутренних торговых пошлин и прочих обложений для пополнения городских средств. Однако правительство предприняло ряд мер для поддержания явно отжившего института — курии.

В этот период в городах усилились элементы всякого рода личной зависимости. Вольноотпущенники часто использовались в качестве подставных лиц в коммерческих и ростовщических операциях, проводившихся знатью. Среди городского населения стал распространяться патроциний. Отдельные ремесленники и торговцы, желая избавиться от хрисаргира, приписывались к домам высшей знати, освобожденной от этого налога. Указом от 21 августа 418 г. патроцинии были строго запрещены. В случае их дальнейшего распространения вся торговля перешла бы в руки высшей знати — в ущерб многочисленному торговому населению Константинополя. Против городских патроциниев правительство боролось решительнее, чем против сельских. Что же касается зависимости, вытекавшей из рабского состояния, то правительство не только полностью поддерживало рабство, но и пыталось ограничить права вольноотпущенников: согласно указу 426 г., они не должны были занимать более высокое общественное положение, чем их господа. При этом особо подчеркивалось, что вольноотпущенники и их дети не могут допускаться к высшим военным должностям. Очевидно, с точки зрения правящего класса вольноотпущенник — бывший раб — казался неблагонадежным.

Совсем иной характер носил закон от 3 мая 415 г., направленный против сельских патроциниев. Все уже существовавшие патроцинии

рассматривались не как «покровительство», а как собственность патрона. В то же время те казенные земли, которые сдавались в аренду на условиях jus privatum sine canone, jus privatum salvo canone, jus emphyteuticum, фактически становились частной собственностью арендаторов. Это мероприятие оформило происходивший в провинции, особенно в Египте, процесс превращения государственных земель в частную собственность. Владетели этих земель должны были ежегодно вносить в казну определенную сумму налога или канона, а во всем остальном распоряжались землею как своею собственностью; они были даже вправе производить ее отчуждение.

Некоторые перемены произошли в военном деле. Варваров стали брать в солдаты персонально, а не целыми племенами с вождями во главе. Наряду с варварами все большее значение приобретали контингенты из Фракии и Исаврии. Офицерами были, как правило, греки, хотя среди высшего командного состава имелись и лица варварского происхождения (гунны, готы, аланы и др.). Вместо сплошных поселений варваров, как это было при Феодосии I, вокруг castella (κάστρα) создавались поселения мелких землевладельцев, на которых возлагалась обязанность нести военную службу [3].

Изменения в военной системе усилили потребность государства в деньгах: ведь помимо рекрутов, в армию привлекалось много добровольцев. Поэтому правительство начало проводить политику адэрации — перевода натуральных повинностей и взносов на денежные. В 401 г. на деньги была переведена и такая важная повинность, как доставка лошадей (equorum collatio). Это было весьма выгодно для городских дельцов, которые брались за поставки и втягивались в систему откупов. Адэрация укрепляла константинопольский рынок, где малоазийские землевладельцы в широких масштабах торговали лошадьми. Но, разумеется, к такой политике прибегали только тогда, когда при торговле на внутреннем рынке можно было получить нужное количество продовольствия. При его недостатке вновь возвращались к натуральным поставкам.

Политика централизации и укрепление товарных отношений выдвинули в начале V в. задачу улучшения средств связи и путей сообщения. С 423 г. постройка мостов и проведение дорог не считались munera sordida и возлагались на все сословия, включая членов императорского дома.

Внутри господствующего класса шла острая борьба разных группировок. Клика Пульхерии отражала интересы родовитой константинопольской знати, стремившейся использовать столичное положение Константинополя. Против этой клики выступала более широкая группировка императрицы Евдоксии (жены Феодосия II) и префекта Кира, состоявшая из константинопольских ктиторов, к которым примыкала интеллигенция, в том числе языческие философы и юристы. Против обеих группировок боролась партия константинопольских дельцов, связанных с торгово-ростовщической знатью Египта.

Около 425 г. был издан указ о расширении высшего светского образования в Константинополе. Была установлена некоторая преемственность между Константинополем и Афинами, где все еще продолжали существовать остатки афинской языческой высшей школы.

Константинопольский университет был организован как государственное учреждение — с твердыми штатами и окладами [4].

В 429 г. была создана комиссия по кодификации законов христианских императоров. 15 февраля 438 г. составление свода было закончено. Издание кодекса законов свидетельствовало о серьезных успехах в централизации управления империей, равно как о развитии товарных отношений в стране. В кодексе Феодосия явно заметно стремление легализовать прокладывавшие себе дорогу новые производственные отношения (появление зависимого мелкого хозяйства), подчинив их общей структуре рабовладельческого государства.

Внешнее положение империи оставалось устойчивым. Правда, отношения с Персией, начиная с 415 г., испортились: Персия снова вмешалась в дела Армении и вместо кандидата из армянской династии Аршакидов силой поставила армянским царем персидского принца. Это было ударом по византийскому влиянию. В ответ сторонники союза с Византией сожгли храм огня в Сузиане. Началась война, которая продолжалась с переменным успехом два года. В 422 г. был заключен мир «на 100 лет»; согласно его условиям признавался status quo ante bellum. Как с персидской, так и с византийской стороны было проявлено стремление найти компромиссное решение за счет Армении.

В процессе культурного развития последней укреплялись связи армянской культуры с традициями античной образованности. В результате борьбы с персами усилилось влияние и византийской культурной традиции. После создания Месропом Маштоцем армянского фонетического алфавита на армянский язык стали переводиться как церковные книги, так и исторические, философские и другие труды. Это мирное содружество укрепляло внутреннее положение той части Армении, которая упорно сопротивлялась персидскому завоеванию [5].

Значительные трудности для византийской дипломатии представляли отношения с Западной империей. В правление Стилихона она вела агрессивную политику на Востоке, добиваясь возвращения Риму ведущего положения в империи. В 407 г. отношения достигли большой остроты: дело явно шло к войне. Однако убийство Стилихона, казненного в 408 г., и походы Алариха, направленного византийской дипломатией на Запад, устранили эту опасность. Взятие Рима Аларихом и последовавшие затем осложнения в Западной империи в корне изменили положение. Между империями было установлено согласие.

С помощью Византии на западном престоле утвердился Валентиниан III (425—455). В 431 г. византийцы, хотя и без успеха, стремились помочь Западной империи в борьбе против вандалов.

Серьезно осложнилось положение Византии на северной границе. В степях Причерноморья крепло господство гуннов. Византийское правительство считалось с возможной угрозой их вторжения. В 413 г. были воздвигнуты новые, так называемые Феодосиевы, стены Константинополя. На Дунае был построен ряд крепостей и создан солидный речной военный флот. Воздвигались стены вокруг городов Балканского полуострова.

МАВЗОЛЕЙ ГАЛЛЫ ПЛАЦИДИИ В РАВЕННЕ
Внешний вид. Вторая четверть V в.

В V в. наблюдался известный рост городов Сирии и Египта. Росту сирийских городов способствовало развитие внутреннего рынка в Византии. Типичные для Сирии и Палестины культуры олив и красителей стали очень выгодными — имелся массовый сбыт. Египет являлся центром хлебной торговли, а также сохранял монополию в производстве папируса и был известен своими изделиями из стекла. Между тем Константинополь рос как грандиозный потребляющий центр и как «мастерская великолепия», славившаяся производством предметов роскоши. Между Сирией и Египтом разгоралось соперничество, которое отразилось в бурных столкновениях александрийской и антиохийской богословских школ.

В Сирии преобладало мелкое сельскохозяйственное производство — хозяйство свободных или зависимых производителей оливкового масла. В Египте мелкие земледельцы находились в подчинении у крупных собственников — в основном у александрийской церкви, владевшей неисчислимыми богатствами. Сирийская торговая знать оказывала сильное влияние и на политический курс константинопольских вельмож и ориентацию мелких торговцев, имевших дела с сирийским купечеством. Это влияние сказалось, в частности, в избрании патриархом Константинополя антиохийского священника Нестория (428—431); вскоре он вызвал открытую вражду к себе константинопольского клира, недовольного засильем сирийцев; враждебность проявили также александрийские иерархи.

Несторий предпринял догматическое наступление на александрийский клир. Развернулись христологические споры — дискуссии по

вопросу о том, что представлял собой «богочеловек» — Христос. Согласно Несторию, в Христе неслитно существуют два естества и два лица: божественное и человеческое. Божественная субстанция не может соединиться с человеческой. Бог-Логос рожден богом-отцом. Нельзя считать, следовательно, будто Христа родила дева Мария, будто предвечно существовавший бог-Логос был младенцем и питался молоком матери. Мария, по Несторию, родила человека Христа, и ее нужно называть не богородицей, а христородицей.

Точно так же, рассуждал далее Несторий, на кресте пострадал не бог, а человек, ибо бог не может страдать. Несторий, таким образом, резко разделял в Христе человеческое и божественное начало. Он заявлял: «Я разделяю естества, но соединяю поклонение». Однажды в церкви ставленник Нестория Дорофей неожиданно для широких слоев молившихся провозгласил анафему тем, которые признают Марию богородицей, и потребовал, чтобы ее называли христородицей. Это требование произвело смятение в столице.

Константинопольцы встретили нововведение Нестория враждебно. Своей надменностью и страстностью в выступлениях Несторий навлек вражду Пульхерии, хотя и пользовался симпатией самого императора. Против Нестория выступил александрийский клир, во главе которого стоял архиепископ Кирилл. Это был церковник-политик, пылкий и раздражительный в спорах, мстительный интриган, умевший, однако, отступать и маневрировать. Он был подлинным правителем Египта. Распоряжаясь его финансами, Кирилл действовал путем самых циничных подкупов (взятки Кирилл называл «евлогиями» — т. е. благословениями). Влиятельного при дворе Феодосия II евнуха Хрисафия он считал своим человеком.

Кирилл возражал Несторию: нельзя, утверждал он, говорить об отсутствии божественного и человеческого единства в Христе; ведь и у человека телесное начало и начало душевное также различны по естеству, однако они тесно связаны — «человеко-убийца» является в то же время и «душегубцем».

В этот, казалось бы, чисто богословский спор вовлекались широкие массы. Вся империя пришла в волнение. Особенно активизировалось монашество. В обстановке ожесточенной борьбы 7 июня 431 г. император созвал в Эфесе 3-й вселенский собор. Наступил церковный раскол.

Учитывая остроту обстановки, правительство приняло меры к тому, чтобы собор не вызвал волнений в столице. Император послал в Эфес своего приближенного Кандидиана с распоряжением не впускать в город никого, кроме членов собора,— ни монахов, ни мирян, а также не выпускать из Эфеса ни одного человека, который мог бы сообщить о дебатах на соборе, прежде чем он закончится. Воинские части заняли Эфес. Константинополь был буквально блокирован: «сторожили на кораблях и на дорогах, чтобы никто не проник со сведениями о соборе».

Первыми прибыли в Эфес египетские епископы, которых сопровождала большая свита. Потом прибыл Несторий. Ход заседаний на соборе взяли в свои руки египтяне. Ожидали главных противников Кирилла — антиохийских епископов, но они запоздали. Кирилл не

стал ждать их и открыл заседание. Пользуясь отсутствием антиохийцев, Кирилл добился предания анафеме Нестория — его учение приравняли к ереси Павла Самосатского. Египтяне расставили вооруженных людей у домов сторонников Нестория и фактически держали их под арестом. Но через несколько дней прибыли антиохийцы с патриархом Иоанном во главе. Он организовал новое заседание, на котором отлучил от церкви Кирилла и епископа Эфесского — Мемнона. Кирилл и Мемнон обратились тогда за помощью к египетским корабельщикам, к жителям Азии и «наполнили страхом весь город». Император был всецело на стороне Нестория. Кандидиан поддержал антиохийцев. В Константинополе с тревогой ожидали известий о соборе; Кириллу удалось через своего посла, переодетого нищим, отправить в Константинополь тайное письмо, запрятанное в нищенский посох. Это послание было передано столетнему старцу Далмату, наиболее видному представителю константинопольского монашества. Далмат возбудил народные массы Константинополя против императора. Феодосий колебался. Наконец, был отдан приказ об аресте и Нестория и Кирилла. Вскоре Кирилл послал в Константинополь целую флотилию, нагруженную богатствами, которые предназначались для подкупа придворных. В результате двор встал на сторону Кирилла. Последовал указ о низложении Нестория и запрете хранить его книги; нельзя было произносить самое имя Нестория; его сторонников стали называть «симонианами», у них конфисковывалось имущество. Несторий был сослан в Египет.

Вероятно, александрийская церковная клика намеренно вызвала затруднения с доставкой хлеба в Константинополь, в результате чего в 431 г. произошли народные волнения, во время которых в императора бросали камнями. Правительство было вынуждено проводить политику, в большей степени устраивавшую церковь.

Но взгляды Нестория встретили поддержку у населения Сирии; антиохийские ремесленники и сирийские садоводы сделали учение Нестория знаменем протеста против фискального гнета. Несторианство стало своеобразной формой религиозно-политических выступлений сирийского населения.

Положение в империи продолжало обостряться. Сирийские епископы собрались вначале в Тире, потом в Антиохии и предали проклятию Кирилла и Мемнона. В Египте и в Константинополе, напротив, прокляли сирийцев. Антиохийские сторонники Нестория проявили фактически сепаратистские тенденции. Обеспокоенное правительство решило примирить обе стороны. Было оказано давление на антиохийского патриарха Иоанна, который согласился примириться с Кириллом. Компромисс был достигнут в 432 г.: было признано справедливым «анафематствование» Нестория. Однако в самой антиохийской церкви произошел раскол.

Бродячие монахи и проповедники повсюду сеяли смуту. Население изгоняло неугодных епископов. Ретивые сторонники Кирилла разогнали в Эфесе школу богословия, которая оставалась на позициях Нестория. Ученики бежали отсюда в Иран и сумели установить свое влияние на персидскую автокефальную христианскую церковь, которая с тех пор стала несторианской.

Полные вражды к Византии, сирийские несториане эмигрировали в страны Востока, повсюду неся с собой религиозную сплоченность и торгово-ремесленную предприимчивость. Они достигли Китая и Монголии. Основанная в Нисибисе богословская школа несториан фактически была школой политических эмигрантов, резко враждебно настроенных против Византии [6].

После победы над Несторием Константинополь освободился от засилья сирийского клира. Все большее влияние приобретала придворная клика императрицы Евдоксии, дочери афинского философа, бывшей язычницы, которая, будучи образованной в античном духе, возглавляла придворную интеллигенцию. К этой группе относился и видный политический деятель, эпарх Константинополя Кир, в чьем лице группировка местных константинопольских ктиторов имела достойного вождя. 6 декабря 439 г. Кир получил и пост префекта претория Востока, что фактически превратило его в властелина империи.

Однако в Константинополе все более усиливалось в то время влияние придворных евнухов, руководивших финансами,— Макробия и Хрисафия. С 442 г. глава придворных евнухов (препозит) по рангу стал равен высшим должностным лицам империи. Этим была закреплена связь двора с финансовыми кругами Александрии.

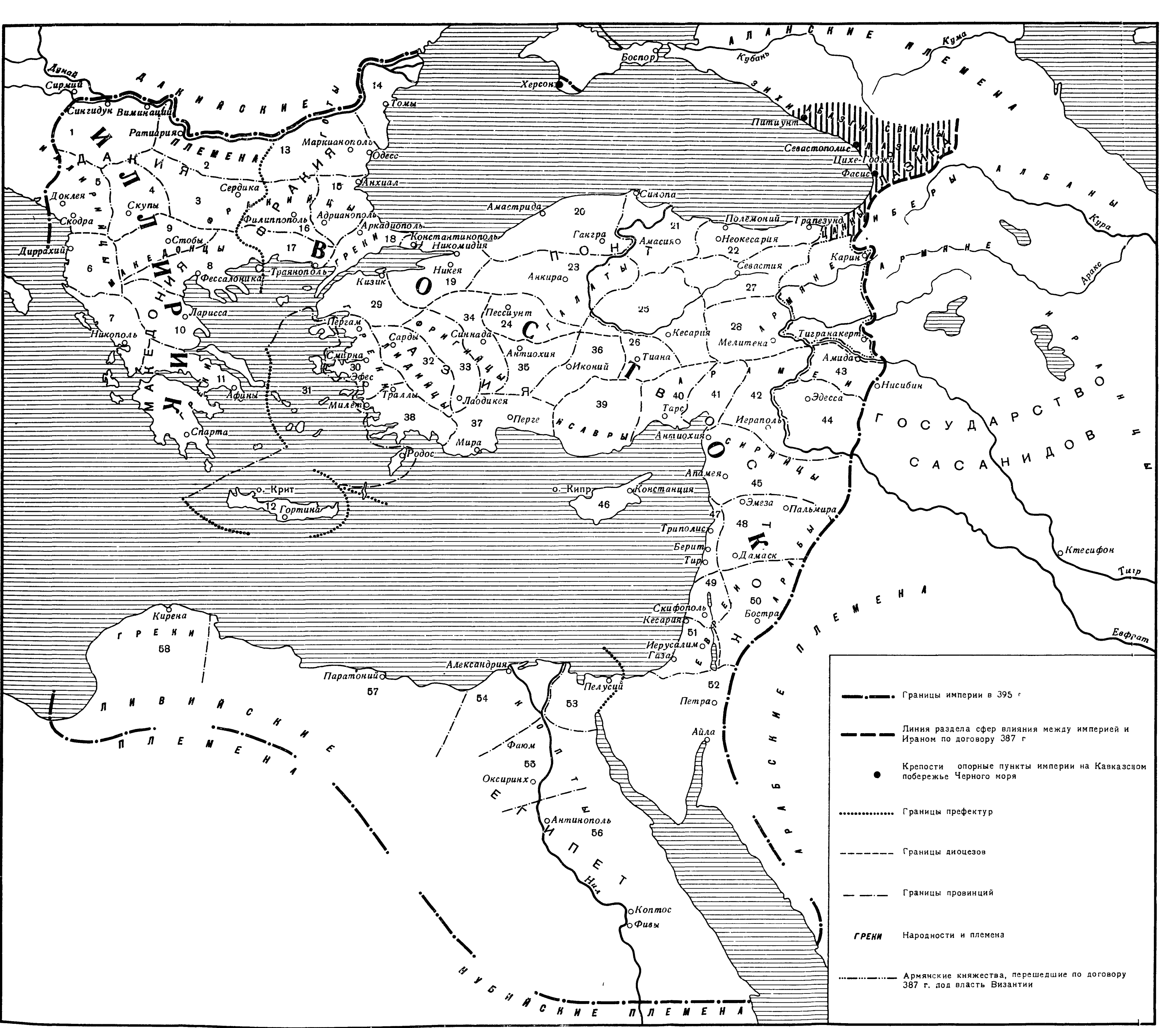
В Константинополе считали, что несторианская оппозиция в Сирии разгромлена. Значительно более серьезные осложнения произошли в отношениях с Египтом. Александрийский клир пытался использовать глубокое возмущение египетских народных масс грабительской политикой Константинополя для создания светской власти духовенства. Эта политика особенно ярко проявилась во второй половине V в. При наличии автократического централизованного правительства в Константинополе всякое политическое влияние провинции могло осуществляться только через церковь. Египет не подвергался серьезным нападениям варваров. Его хозяйство не пострадало. Египетская знать стремилась, опираясь на переживавшую расцвет экономику страны, установить свое политическое преобладание, орудием которого должен был послужить александрийский патриарх. Разгром сирийских конкурентов в 431 г. привел к еще большему повышению его престижа.

Опираясь на православие, египетские иерархи фактически захватили политическую власть — и не только в Египте. Любой их религиозный противник объявлялся подозрительным с церковной точки зрения, а следовательно, еретиком и врагом императора. Под давлением Александрии патриархами Константинополя избирались маловлиятельные, слабые лица.

Таким образом, стремление египтян к независимости облекалось в форму поддержки власти александрийского патриарха, который мог не считаться с августалом, назначенным императором.

Все это вызывало тревогу у родовитой константинопольской земледельческой знати, боявшейся ослабления политического веса Константинополя в провинциях и среди константинопольского клира. Однако позиции Египта в Константинополе были прочными: в столице жило много египетских купцов и моряков. Оживленными были

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ К НАЧАЛУ V в.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ IV—V ВВ.

ПРЕФЕКТУРА ИЛЛИРИК

Диоцез Дакия

Провинции:

1. Мизия (Верхняя)
2. Дакия Прибрежная
3. Дакия Внутренняя
4. Дардания
5. Превалитания

Диоцез Македония

6. Эпир Новый
7. Эпир Старый
8. Македония I
9. Македония II
10. Фессалия
11. Ахайя (Эллада)
12. Крит

ПРЕФЕКТУРА ВОСТОК

Диоцез Фракия

Провинции:

13. Мизия II (Нижняя)
14. Скифия
15. Эмимонт
16. Фракия
17. Родопа
18. Европа

Диоцез Понт

Провинции:

19. Вифиния
20. Пафлагония
21. Еленопонт
22. Понт Полемона
23. Галатия I
24. Галатия II
25. Каппадокия I
26. Каппадокия II
27. Армения I
28. Армения II

Диоцез Азия

Провинция:

29. Геллеспонт
30. Азия
31. Острова
32. Лидия
33. Фригия I
34. Фригия II
35. Писидия
36. Ликаония
37. Памфилия
38. Кария

Диоцез Восток

Провинции:

39. Исаврия
40. Киликия I
41. Киликия II
42. Евфратисия
43. Месопотамия
44. Осроена
45. Сирия
46. Кипр
47. Финикия
48. Финикия Ливанская
49. Палестина II
50. Аравия
51. Палестина I
52. Палестина III

Диоцез Египет

Провинции:

53. Августамника
54. Египет
55. Аркадия
56. Фиваида
57. Ливия Нижняя
58. Ливия Верхняя

торговые и особенно финансовые связи Константинополя и Александрии, где константинопольские банкиры имели свои филиалы. Влияние Александрии усиливалось.

К тому же внешнеполитическая обстановка не позволяла правительству вести серьезную борьбу против египетской клики. 40-е годы V в. принесли тяжелые испытания для населения Балканского полуострова. В результате нашествия гуннских орд угроза нависла над самим Константинополем[7]. Балканские провинции были жестоко опустошены. Правительство предпочитало дипломатическую борьбу с варварами, рассчитывая, как всегда, на продажность их вождей, которых оно подкупало. Но эта политика обходилась чрезвычайно дорого населению. Несмотря на мирные соглашения с варварами, отряды Аттилы постоянно нарушали мир, и Византийская империя все время находилась под ударом.

Трудности возникли и на Востоке. Несмотря на договор 428 г., мир Византии с Ираном был непрочным. Византийское наступление выражалось в покровительстве христианским подданным Иранского государства. Вмешательство византийской дипломатии и церкви в персидские дела снова привело к войне. Она была неудачной для Византии. Только возникновение угрозы Ирану со стороны кочевых восточных племен вынудило персидское правительство заключить в 442 г. мир, не сделав каких-либо серьезных приобретений за счет Византии.

В 441 г. в результате придворной интриги влияние императрицы Евдоксии и эпарха Кира пало. Современники передают следующую романтическую историю об обстоятельствах, при которых это произошло. Императрица враждовала с Пульхерией, которая только ждала случая свалить свою соперницу. Евдоксия была в дружественных отношениях с очень образованным вельможей Павлином. Однажды император подарил супруге яблоко необычайной величины. Та, узнав о болезни Павлина, послала ему это яблоко. Но оно попало в руки императора. Феодосий спросил жену, где яблоко. Евдоксия ответила, что съела его. Этого было достаточно, чтобы обвинить ее в измене. Павлин был казнен, а Евдоксия отправлена в почетную ссылку в Иерусалим. Ее клика потеряла власть, Пульхерия победила.

Власть попала, однако, в руки евнуха Хрисафия, открыто поддерживавшего александрийского патриарха.

Политика Хрисафия отражала интересы торгово-финансовых кругов Константинополя, переплетавшиеся с интересами тех провинциальных землевладельцев, которые сбывали свои продукты в Константинополь. Эта группировка знати выступала за расширение прав сената и городских сословных учреждений, за уменьшение значения местных константинопольских ктиторов, за тесные связи с Египтом.

В правление Хрисафия был издан закон (446 г.) об обязательном двукратном чтении, обсуждении и принятии сенатом законодательных актов. Укрепление сената в некоторой степени ограничивало роль бюрократической централизации. Политика Хрисафия в общем соответствовала интересам сановной столичной знати. Против Хрисафия выступала клика Пульхерии, отражавшая интересы родови-

той константинопольской знати. Правда, тамошние крупные землевладельцы не могли иметь в это время особого политического влияния: Балканы подверглись опустошительному нашествию гуннов. Естественно, в этих условиях преобладание получила египетская партия.

Борьба придворных клик отразилась на общеполитических настроениях константинопольцев. Именно в это время в нее вмешались цирковые организации. Начались вооруженные столкновения между ними.

Активизация цирковых партий в 40-х годах V в. тесно связана с повышением значения городского населения в организации обороны от возможного нашествия гуннов. Именно это обстоятельство в значительной степени способствовало превращению спортивных организаций в чисто политические.

Наиболее ранние известия — хрониста VI в. комита Марцеллина и Иоанна Малалы — о кровавых столкновениях цирковых партий в Константинополе относятся к 445 г.

В 40-х годах правительственной партией были прасины, которые поддерживали проегипетскую политику Хрисафия. Венеты, напротив, отстаивали политический курс, целью которого являлось сохранение господствующей роли за Константинополем, его клиром, бюрократией, землевладельческой знатью.

Конец 40-х годов был крайне тяжелым для империи. Хрисафий изощрялся в сборе средств для уплаты денег Аттиле. В то же время двор тратил огромные средства на роскошь. Все прослойки населения чувствовали фискальный гнет государства. Правительство обвиняли в робкой политике по отношению к варварам. Среди константинопольцев появилась неприязнь к более богатому, не затронутому нашествиями варваров Египту. В 446 г. константинопольский клир и сановники избрали патриархом Флавиана (446—449), враждебно относившегося к александрийцам. Хрисафию этот выбор был неприятен, но он надеялся получить от патриарха крупную взятку. Вместо драгоценностей Флавиан в качестве «благословения» отправил временщику хлебец. Хрисафий был взбешен и стал открытым врагом патриарха.

В это время во главе александрийского клира после смерти Кирилла встал Диоскор, невероятно грубый, надменный, непримиримый, открыто стремившийся к утверждению полной власти египетской церкви над всей христианской церковью. Он выступил как против Константинопольского, так и против Римского епископов. Диоскор поддерживал самые дружественные отношения с Хрисафием и императором Феодосием II. Клика Хрисафия, однако, имела в Константинополе много врагов. Их возглавил патриарх Флавиан, который обрушился с нападками на ставленника александрийского клира, архимандрита одного из константинопольских монастырей — Евтихия. Этот старый монах был другом Хрисафия. Всем было ясно, что выступление Флавиана, затрагивавшее, казалось бы, чисто догматические вопросы, по сути носило политический характер и было направлено против Хрисафия и его налоговой политики, при проведении которой он не щадил даже самых влиятельных особ. Выступая против

Нестория, Евтихий выдвинул новые догматические положения, а именно, он сформулировал тезис о полном слиянии в Христе двух субстанций: Христос, утверждал Евтихий, не имел плоти, как другие люди; телесное и божественное в нем полностью слились.

Флавиан созвал собор, пригласив на него епископов, случайно находившихся в Константинополе, и объявил учение Евтихия ересью. Однако никаких мер против Евтихия принять не удалось: его охранял воинский отряд, присланный Хрисафием. Евтихий даже угрожал сторонникам Флавиана, что сошлет их в египетский оазис. Диоскор решительно принял сторону Евтихия. Снова Византия была потрясена религиозной распрей. Римский епископ, папа Лев I встал на защиту Флавиана, надеясь ослабить тем самым александрийский клир. Лев I писал императору, но особенно старался убедить Пульхерию, поскольку знал о ее вражде к Хрисафию.

Чтобы прекратить волнения, император Феодосий II созвал собор. Он собрался 8 августа 449 г. в Эфесе. Это был так называемый «разбойничий собор». Александрийский клир, чувствуя расположение к себе Хрисафия и императора, действовал бесцеремонно. В своем обращении к собору император, считая виновником распри Флавиана, потребовал строгого наказания нарушителей церковного мира. Заседание началось бурно. Сторонники Диоскора кричали: «На двое рассеките признающих два естества!» Диоскор настаивал на отлучении Флавиана. Римские легаты протестовали и держали себя также вызывающе. Общее смятение достигло высшей точки, когда на заседание собора ворвался фанатичный монах Варсума, приверженец Диоскора, во главе тысячной толпы монахов, которые стали избивать епископов, сторонников Флавиана. Епископы залезли под столы. У каждого епископа были свои нотарии, которые записывали прения. Нотарии Диоскора переломали пальцы нотариям приверженцев Флавиана и отобрали у них записки. Самого Флавиана бросили наземь, и Диоскор в ярости топтал его ногами. Всем епископам представили чистый лист папируса для подписей. В страхе они подписались — Флавиан был проклят, его отправили в ссылку. Таким образом, используя фанатичных монахов, ипараволанов и воинские части, присланные Хрисафием, Диоскор и Евтихий при помощи грубого насилия одержали полную победу. Флавиан был низложен и замучен. Новым константинопольским патриархом был избран египетский ставленник Анатолий (449—458). Политика Хрисафия торжествовала.

Борьба церковных группировок стала важнейшей проблемой внутренней политики правительства, заслонив собой все остальные вопросы и до крайности обострив положение в городах.

Победа египтян на Эфесском соборе 449 г. оказалась непрочной. Константинопольский клир не мог примириться с нею. В 450 г. придворная интрига свалила Хрисафия. Его падение означало, что возобладало влияние тех столичных кругов, которые, будучи напуганы возвышением Александрии, добивались усиления централизации. И сенат, и масса константинопольских ктиторов, и духовенство временно объединились в стремлении освободиться от засилия египетского клира. К тому же знать была встревожена тем, что народ-

ные массы столицы принимали слишком активное участие в религиозных спорах. Укрепление цирковых партий казалось опасным. Было сочтено необходимым снова опереться на готов-ариан, оторванных от населения. Наметился союз придворной клики Пульхерии с готским вождем Аспаром — военачальником, который имел под своим командованием особый отряд, состоявший из наемников-варваров различных племен, а также из византийских солдат и офицеров. С этого времени началось усиление могущества Аспара, приведшее в дальнейшем к возрождению варварской опасности.

Почти одновременно с падением Хрисафия сошел со сцены и Феодосий II, умерший после несчастного случая на охоте. Феодосий II не оставил мужского потомства. Придворная клика и войско Аспара возвели на престол Пульхерию, от которой потребовали, чтобы она выбрала себе мужа. Ей было 52 года. Будучи религиозной ханжой, она дала обет безбрачия, однако, избрала себе мужем (правда, с условием, чтобы тот «пощадил ее девственность») одного из офицеров Аспара, почти неграмотного Маркиана (450—457), разбогатевшего выходца из низов. Пришедшая к власти Пульхерия резко повернула церковную политику византийского двора и решительно высказалась против решений Эфесского собора 449 г. Она встретила поддержку среди владетельных слоев Константинополя. Патриарх Анатолий, изменив своим египетским покровителям, перешел на ее сторону. Константинопольские ктиторы сумели снискать симпатии масс. К тому же политические условия на Балканах изменились — гуннская опасность была временно ликвидирована, завоевательный пыл Аттилы обратился на Запад. Константинопольские собственники пригородных имений, фракийско-македонские и пелопоннесские магнаты снова могли быть спокойными за свои владения.

Опиравшийся на широкие круги константинопольских ктиторов Маркиан стремился изменить в известной мере состав сената. При Феодосии II высшие должности и сенаторские звания фактически продавались. Сенаторское звание было недоступно менее состоятельным лицам также вследствие тяжелых взносов в казну и дорогостоящих повинностей, связанных с занятием почетных должностей. Маркиан значительно снизил требования к сенаторам при выполнении претуры и, кроме того, освободил сенаторов от особого денежного налога. Эти мероприятия облегчили доступ в сенат более широкой прослойке константинопольских ктиторов и ослабили политическое влияние торгово-ростовщической и провинциальной знати, которая при Хрисафии господствовала в сенате.

Главной проблемой, вставшей перед новым правительством, явилась ликвидация религиозной распри. Постановления Эфесского собора были аннулированы, сам он был назван «разбойничьим». В 451 г. был созван новый — четвертый вселенский собор в Халкидоне близ столицы. Сюда съехались епископы Малой Азии, Сирии, балканских областей. Были вызваны и египетские епископы. Диоскор должен был явиться на собор как подсудимый. На него посыпались жалобы: жаловались на его произвол в дни «разбойничьего» собора, а также на его хозяйничание в Египте; его обвиняли в разврате, в организации убийств и грабеже, наконец, оскорблении величества. Ярость врагов

Диоскора была неописуема. Отлученные собором 449 г. и изгнанные епископы вопили: «Флавианова убийцу низвергнуть! Сатана (т. е. Диоскор) не должен иметь епископство!» Диоскора и Евтихия объявили еретиками и предали анафеме. Требовались подписи всех участников под постановлением собора. Египетские епископы в страхе отказались дать свои подписи: «Пожалейте нас. Если мы подпишем, нас убьют в Египте!» Но копты-монахи держали себя вызывающе и требовали восстановления прав Диоскора. Однако Халкидон крепко охранялся войсками, и монахи не могли ничего предпринять в защиту Диоскора. Собор вынес против монахов ряд суровых постановлений. В них указывалось, что монахи повсюду вносят смятение, расстраивают церковные и гражданские дела, бродяжничают; собор предписывал силой возвращать монахов в монастыри, изгонять их из городов. Монахам запрещалось организовывать сборища. Власть над монастырями полностью передавалась епископу.

На соборе присутствовали легаты римского папы. В догматическом отношении никакого примирения враждующих группировок здесь не произошло: сторонники свергнутого Диоскора по-прежнему признавали полную слитность двух естеств в Христе и утверждали, что его сущность является единой. Вследствие этого они получили название монофиситов. Константинопольские иерархи и папа Лев выработали следующую формулу: Христос имел два естества — божеское и человеческое, неслитные, но и нераздельные после воплощения.

В монофиситском богословии налицо была тенденция к признанию тезиса о полном исчезновении материального субстрата после слияния обоих «естеств»; монофиситство логически тяготело, таким образом, к пантеизму. Православие же считало постоянным единство материального и духовного начала в Иисусе, присущее ему даже после смерти.

Халкидонский собор должен был высказать свое отношение и к несторианству — ведь сторонники Диоскора обвиняли своих противников в несторианской ереси. Анафема Несторию была подтверждена, однако ряд его последователей (Ива Эдесский, Феодорит Киррский, Феодор Мопсуэстийский) не подверглись осуждению. Легаты римского папы Льва торжествовали, считая поражение Диоскора своей победой. Папа Лев I в резкой форме сформулировал тезис о верховенстве римского епископа над всей христианской церковью. Между тем константинопольская знать вовсе не желала возвышения римской церкви в ущерб правам Константинополя.

Вопреки воле своего патриарха, константинопольский клир добился на Халкидонском соборе принятия 28-го канона — о признании константинопольского патриарха вторым после римского папы.

Халкидонский собор[8] окончился полным разгромом египетских иерархов, но вместе с тем он привел к церковному расколу. В Сирии и Египте не признали канонов собора, точно так же не признали их в Армении. Многочисленное бродячее монашество, еще не превратившееся в привилегированное сословие и тесно соприкасавшееся с населением, возбуждало массы, и без того настроенные против
 Константинополя, в котором видели источник своего угнетенного по-

ложения. Правительству Маркиана пришлось посвятить все свое внимание распрям, которые, являясь религиозными по форме, по существу представляли собою выступления, направленные против существующего общественного порядка.

После ссылки Диоскора население Египта восстало против сторонника Халкидонских канонов — Протерия. Воины, защищавшие Протерия, были сожжены живыми. Правительство направило из Константинополя подкрепления, и только путем уступок народу (раздача хлеба, организация зрелищ) возмущение было погашено. Бурные волнения происходили и в Палестине. Монах Феодосий во главе многочисленного отряда овладел Иерусалимом и захватил власть над Палестиной. Он освободил всех заключенных, предал казни множество «почтенных людей», приказал убить некоторых епископов и самолично поставил на их место монофиситов. Для подавления мятежа правительство послало крупные воинские части. Феодосий со своими оруженосцами бежал на Синай, в монастыри, и там продолжал борьбу против претворения в жизнь решений Халкидонского собора. Движение Феодосия было ярким образцом перерастания церковных распрей в сепаратистское движение, в антиправительственный мятеж.

После Халкидонского собора влияние императора на церковные дела значительно усилилось. Маркиан держал себя так, как будто он был патриархом Константинополя. Права государства на церковное имущество признавались неоспоримыми. Маркиан отменил ограничения, касавшиеся завещаний в пользу духовенства.

Ведущую роль во всех волнениях V в. играли клирики и бродячие монахи, отличавшиеся большой недисциплинированностью. Так, патриарх антиохийский Мартирий вынужден был оставить престол, не справившись с «бунтующим клиром». Независимое положение монашества и клира объяснялось тем, что монахи еще не распоряжались богатствами, обладание которыми позднее превратило монастыри в учреждение господствующего класса: клир фактически состоял из ремесленников, которые были посвящены в сан и только в качестве дополнительной «работы» выполняли службу в церкви.

Монофиситы пользовались постоянной поддержкой населения Египта и сирийских городов. У них были свои отряды, формировавшиеся из вооруженной молодежи, фанатически преданной духовенству и в то же время горячо ненавидевшей гнет Константинополя. Они врывались в православные храмы и терроризировали тех, кто был послушен властям.

В последние годы правления Феодосия II Византия находилась под угрозой гуннского нашествия. Византийская дипломатия путем сложной интриги сумела направить Аттилу против Запада и тем отвести нависшую угрозу. Это развязало руки правительству. Поражение Аттилы на Каталаунских полях явилось большой победой и для Византии. Смерть Аттилы в 453 г. и последовавший затем распад его державы изменили международную политическую ситуацию к большой выгоде Византии. Но вместо гуннских полчищ появилась новая опасность: складывавшиеся готские государства; они снова поставили Константинополь под удар варваров-завоевателей.

Византийское правительство стремилось оказать Западной империи посильную поддержку против вандалов, завоевавших северную Африку и стремившихся овладеть Сицилией. Были посланы войска, которые, однако, вскоре пришлось отозвать вследствие нападения Аттилы. В продолжение десяти лет Византийская империя не могла прийти на помощь Западу. Дальнейшие события в Италии (взятие Рима Гейзерихом в 455 г. и пленение императорской семьи) произвели в Византии тягостное впечатление. Константинополь потребовал освободить императрицу и ее дочь, но вандалы оставили это требование без внимания. Напряженное внутреннее положение не позволяло, однако, Византии активно вмешаться в дела Западной Римской империи.

Ослабление опасности на западных границах дало возможность Маркиану проводить более активную политику в Грузии. Византийские войска принудили царя Губаза вступить в переговоры. Влияние Византии на церковно-политические дела Грузии в значительной степени усилилось: Грузия нуждалась в византийской помощи против Ирана, который оккупировал обширные территории Грузии, и стремилась к ликвидации самостоятельного грузинского государства. После Халкидонского собора положение в Грузии осложнилось, поскольку и там началась борьба между монофиситами и сторонниками халкидонского исповедания.

Глава

9

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V В.

Халкидонский собор привел к расколу византийской господствующей церкви. Безусловно, это явилось результатом усиления центробежных устремлений, развитие которых было в свою очередь связано с нарастанием социального протеста против всей системы общественно-политических отношений. Казалось бы, естественным следствием церковного раскола должен стать и политический распад Византии. Однако этого не произошло. Еще существовали могучие силы, заинтересованные в сохранении единства империи. В городах Сирии, Палестины и Египта греко-римские элементы все еще господствовали над местным населением (сирийцами, арабами, коптами). К тому же известная часть горожан получала выгоды от централизации, включаясь в административный аппарат и используя торговые связи. Что же касается господствующего класса рабовладельцев, то сохранение единства империи служило для него гарантией сохранения прежних имущественных отношений.

Несмотря на всю свою ненависть к императорским чиновникам, возмущение их насилиями и злоупотреблениями, городские массы не выдвигали прямых требований политического отделения тех или иных территорий от империи и создания самостоятельных государств. Но поскольку в религиозную распрю включались самые широкие слои местного — сирийского, коптского, арабского — населения, постольку церковный раскол угрожал перерасти в политический, которого отнюдь не желали состоятельные прослойки греко-римских городов. После Халкидонского собора весь Восток пришел в броже-

ние, и только военная сила заставляла местное население признавать официальную церковную иерархию.

Для сохранения политического единства необходима была центральная власть, которая опиралась бы на крупные военные контингенты и управляла методами военной диктатуры. В условиях религиозной распри местные войсковые соединения были ненадежны. В качестве основного ядра войска приходилось использовать оторванных от народной массы наемников — сначала готов и аланов, затем исаврийцев. С их помощью византийская автократия надеялась сохранить политическую целостность страны, существующие имущественные отношения и социальный строй, маневрируя в то же время между интересами различных прослоек господствующего класса.

После Халкидонского собора продолжался курс на суровую эксплуатацию зависимых от Константинополя территорий Сирии и Египта. Константинопольская и александрийская торгово-ростовщическая верхушка, пытавшаяся при Хрисафии установить свое преобладание в империи, потерпела в Халкидоне поражение. Укрепилось автократическое правление, опорой которого являлись средние прослойки константинопольских ктиторов и вместе с тем военные круги — императорская гвардия; ее командный состав пополнялся не сенаторской знатью, а выслужившимися в рядах войска выходцами из низов туземного населения. И Маркиан, и Лев I, и Зинон начали свою карьеру простыми воинами.

Крупное провинциальное землевладение не имело в Византии V в. столь большого удельного веса, как на Западе. Правительству повсеместно приходилось считаться с горожанами, которые выражали свои требования шумными демонстрациями во время цирковых зрелищ, а также на судебных процессах. Последние проводились тогда открыто, и толпа часто вмешивалась в них, требуя изменения приговора.

Варвары продолжали служить в армии. Во главе византийских войск стоял алан Аспар, прославившийся своими победами над гуннами. Аспар не был племенным вождем; он сам и его личная охрана исповедовали арианство, которое в то время уже совершенно не пользовалось влиянием в Византии. Это оторванное от населения, чуждое ему по религии и племенному происхождению, войско было очень удобной карательной силой при подавлении народных волнений.

26 января 457 г. умер Маркиан, последний легитимный представитель династии Феодосия I. Реальная власть оказалась в руках Аспара, но учитывая свое происхождение и религию, он не смог отважиться на захват престола. Аспар выдвинул в императоры одного из своих офицеров, фракийца по происхождению, Льва I (457—474). Впервые обряд коронации императора был совершен константинопольским патриархом. Эта церемония отразила укрепление связей императорской власти с господствующей церковью и в представлении народа сделала Льва I независимым от готской верхушки. В то же время на Западе императорская власть полностью попала в руки германских военачальников, которые по своему усмотрению назначали и свергали императоров. Казалось, судьбы Византии и Италии сложатся одинаково. Однако Лев I вовсе не находился в такой зависимо-

сти от Аспара, как императоры Запада — от Рицимера. Городское население, послушная бюрократия, церковь с ее воинствующим монашеством — все это представляло собою такую реальную силу в Византии, которой Запад не знал и которую при случае можно было использовать.

Между тем народные волнения в Египте, Сирии, Палестине приобрели невиданный размах. Фанатизм египетского монашества объективно имел освободительную направленность. Во главе монахов стоял Шенуте, фактически руководивший боевой организацией. Монахи терроризировали византийских чиновников и их местных приспешников, которые были бессильны против этих иноков, облеченных священным саном и привлекавших к себе народные симпатии.

Возбуждаемое монахами население Александрии вместо константинопольского ставленника — патриарха Протерия выдвинуло на престол александрийского партриарха монофисита Тимофея, по прозвищу Элур («Кот»). Протерий был повешен и изрублен на куски. Все православное духовенство было изгнано из Александрии. Льву I удалось сместить Элура и сослать его в Гангры, а затем в Херсон. Волнения происходили в Антиохии, где дважды пришлось изгонять монофиситского патриарха Петра Кнафея («Валяльщика»), судя по прозвищу — бывшего ремесленника.

Несмотря на бурные волнения в провинциях, наиболее серьезной политической проблемой для Византии оставалась готская. Размеры германской опасности были очевидны: судьба Западной империи была наглядным тому подтверждением. Правительство Льва I вмешивалось в дела Рима. В 467 г. византийская дипломатия добилась возведения на западный престол своего ставленника, знатного вельможи Анфимия (внука Анфимия, главенствовавшего в Константинополе в начале V в.). Была осуществлена грандиозная попытка совместного наступления на Вандальское государство. Византия снарядила колоссальную для того времени эскадру из 1113 кораблей; затраты на подготовку похода составили 68 тыс. либр золота и 700 тыс. либр серебра. Но вследствие плохой организации и придворных интриг экспедиция потерпела неудачу. Этот провал сделал неизбежным падение Западной империи.

Поражение в войне с вандалами заставило правительство Льва I принять меры предосторожности в отношении готов Аспара. Лев набрал из исаврийцев особый отряд императорской гвардии — экскувитов. Их начальником был назначен Тарасокодисса, принявший имя Зинона. Между тем готы выдвинули требование провозгласить кесарем, наследником Льва, сына Аспара. Народ столицы, возбуждаемый монахами, константинопольские ктиторы, боявшиеся готской власти, выступили против провозглашения арианина престолонаследником. Положение еще более обострилось, когда в результате распада державы Аттилы на границе империи образовались племенные государства остготов: Теодориха, сына Тиария, и Теодориха, сына Теодомира. В 469 г. остатки гуннских племен вторглись на Балканский полуостров. Византийская армия с Аспаром во главе нанесла им уничтожающий удар. Но тем опаснее стали воинственные дружины готов, входивших некогда в состав гуннского союза Аттилы.

МАВЗОЛЕЙ ГАЛЛЫ ПЛАЦИДИИ В РАВЕННЕ

Внутренний вид Вторая четверть V в.

Пребывание Аспара у власти грозило Византии опасностью. В начале 471 г. по приказу Льва I и при содействии корпуса исавров Аспар и все его семейство вместе с дружиной были перебиты.

Вместо готов ядром византийского войска, императорской гвардией сделались теперь исаврийцы Зинона, который, породнившись с Львом I, после его смерти стал императором (474—491).

Вслед за убийством Аспаридов началась война против готов Теодориха, сына Тиария. Византийцы терпели неудачи. Пришлось действовать обычным дипломатическим путем — предоставлять готам почетные звания и должности, подкупать вождей. В то же время опустошительные походы на Балканы совершали и остготы Теодориха, сына Теодомира. Византийская дипломатия пыталась натравливать готских вождей друг против друга, что, однако, не всегда удавалось. Обычно мир между Византией и готскими вождями устанавливался таким образом, что в жертву приносилось население бал-

канских провинций. Предоставляя в «управление» готам отдельные города и районы полуострова, правительство фактически отдавало на поток и разграбление варварам их жителей. Народ был в ужасе от этих «правителей». В Фессалонике при одном только слухе, что император велел отдать город Теодориху, все население города заявило бурный протест: были низвергнуты статуи императора, произведена попытка убить префекта и сжечь дома правительственных учреждений. Только благодаря посредничеству епископа и гарантиям, данным им, мятеж в Фессалонике был прекращен. Во время переговоров с византийскими дипломатами готы открыто указывали, что не могут содержать свои дружины и семьи без грабежей или крупных субсидий из Константинополя.

Готская опасность ложилась тяжелым бременем на всю империю. Кроме того, враждовавшие группировки византийской знати искали себе сторонников среди готских вождей. Смерть Теодориха, сына Тиария, в 481 г. несколько облегчила положение.

В 486 г. отношения между Византией и готами стали особенно напряженными. Теодорих, сын Теодомира, осадил Константинополь и разграбил его окрестности. Исавры и городское население готовы были сжечь город, если его невозможно будет отстоять. Однако Теодорих отступил и согласился на примирение. Зинон предложил ему двинуться с готами в Италию и стать ее правителем вместо Одоакра. Осенью 488 г. основные силы готов покинули Балканы.

С приходом к власти Зинона высшие должности в империи перешли к исаврийской военной знати. Это сразу же вызвало яростное сопротивление константинопольских сенаторов. Положение Зинона на престоле было непрочным. Сознавая враждебное настроение сенаторов, Зинон должен был искать опоры в более широких слоях константинопольского населения, особенно среди торгово-ростовщической прослойки. В основном он продолжал внутреннюю политику Льва I. Опираясь на сильный гарнизон из исавров, Зинон правил самовластно, отстранив сенат от дел. Во главе его правительства стоял ловкий представитель торгово-ростовщических кругов евнух Урвикий.

Несмотря на то, что в правление Льва I и Зинона царил грубый произвол военщины, сначала готской, потом исаврийской, в сущности их действия были угодны константинопольским ктиторам, которые пользовались привилегиями столичных жителей, в частности дешевым хлебом из Египта. Политика, которую проводили Лев I и Зинон в отношении крестьян, в основном соответствовала интересам торгово-ростовщических слоев Константинополя и партии прасинов. В 486 г. был издан так называемый закон Льва I и Анфимия, согласно которому крестьянам митрокомии запрещалось продавать свои земельные участки лицам, не являвшимся ее членами. В том же году был повторен указ, запрещавший практику самоотдачи крестьян под патроциний. Несколько позднее Зинон издал закон, не допускавший перекладывания долгов отдельных членов общины на других общинников.

Эти мероприятия несколько задерживали превращение свободного крестьянства в зависимое. В них нельзя усмотреть какой-то особой заботы Льва I и Зинона о крестьянстве. Стремление не допускать пе-

МАВЗОЛЕЙ ТЕОДОРИХА В РАВЕННЕ

Построен около 519 г

рехода земель в руки не членов общины было старинной традицией греческих полисов. Закон Льва I и Анфимия позволял городским дельцам эксплуатировать свободное крестьянство, используя фискально-судейский аппарат, а также через торговлю и ростовщичество.

Одним из проявлений того, что политика Зинона была направлена против крупной поземельной знати, служили попытки утвердить законом практику эмфитевсиса. Право передачи земель в аренду на вечные времена (при условии осуществления на этих землях хозяйственных улучшений) юридически оставалось неясным: со стороны держателей-эмфитевтов наблюдалась тенденция понимать эмфитевсис как передачу земли в полную собственность; землевладельцы же стремились видеть в нем аренду на неопределенный срок, причем господин был вправе изменять ее условия, т. е. фактически превращать эмфитевта в зависимого. Закон Зинона относительно эмфитев-

сиса обязал обе стороны соблюдать первоначальное соглашение, причем убыток от стихийных бедствий падал на землевладельца, а не на эмфитевта. Этот закон давал широкую возможность предпринимательским кругам городских ктиторов в порядке эмфитевсиса арендовать участки земли для разведения виноградников, оливковых рощ, садов и огородов в пригородной полосе крупных городов.

Правление Зинона ознаменовалось массовыми конфискациями владений оппозиционной аристократии. Отнятые у знати поместья пополнили фонд императорских земель, доходы от которых шли на содержание двора и не подлежали ведению местных властей.

Сенат был лишен права судить своих членов — оно передавалось лично императору или назначенному по его указанию судье. Эта мера снижала политическое значение сената.

Вторая половина V в. в истории Византии была относительно спокойным временем: большая часть территории Византии (Малая Азия, Сирия, Палестина, Египет, Греция) не подвергалась нашествию врагов. Продолжался рост городов — торгово-ремесленных центров. Ремесленно-торговые корпорации становились сильными организациями; они заключали между собой соглашения, пытались диктовать цены на рынке, что в некоторой степени препятствовало развитию рыночных связей. Правительства Льва I в 473 г. и Зинона в 482 г. запретили монопольные соглашения. Лев и особенно Зинон издавали указы о благоустройстве городов, отражавшие интересы константинопольских ктиторов.

Осуществлялось бурное строительство городских зданий. При этом повысилась активность строительных рабочих, которые требовали улучшения условий труда и оплаты. Надпись в Сардах говорит о конфликте между работодателями и работниками в 459 г. Правительство строго запретило строительным рабочим бросать начатую работу и препятствовать ктиторам в случае отказа работников от работы нанимать других.

Классовая борьба во время правления Зинона тесно переплеталась с религиозными распрями и народно-освободительными движениями. Несмотря на личные симпатии к монофиситам, Зинон продолжал по отношению к ним политику Льва I. Монофиситские иерархи Тимофей Элур и Петр Кнафей по-прежнему оставались в ссылке.

Правление исаврийской клики было неустойчивым. В столице ненавидели исаврийских «выскочек». Знать находилась в решительной оппозиции, народные массы постоянно испытывали произвол исаврийских воинов, которые грабежами надеялись сколотить себе состояние и таким путем занять более видное положение в обществе. Зинон буквально купался в роскоши. Он был ленивым и трусливым правителем. При его дворе большое влияние имели женщины — жена императора Ариадна и ее мать, вдова Льва, властолюбивая интриганка Верина. Верина стояла в центре ряда заговоров против Зинона. Она надеялась при помощи своего брата, неудачливого полководца Василиска, свергнуть исавров и возвести на престол своего интимного друга; заговорщикам удалось захватить власть, но Василиск обманул Верину и сам стал императором (9 января 475 г.). Наблюдая постоянные волнения монофиситов, Василиск переоценил

их силу. Ратуя за установление церковного мира, он открыто принял сторону монофиситов. Вероятно, на этот шаг его побудили прежде всего политические затруднения империи в Египте.

Константинопольская знать не оставляла грабительских методов эксплуатации богатств Египта и предприняла попытку утвердить свое положение в Александрии, вступив в союз с монофиситами; был издан указ («сакра») об отмене решений Халкидонского собора. Все низвергнутые и сосланные епископы-монофиситы были восстановлены в правах. Однако против этой политики восстал патриарх Акакий (472—489), который настроил против Василиска городские массы. Василиск лишил константинопольского патриарха церковных прав на Малую Азию и возвысил Эфесского митрополита. Это еще более взволновало константинопольцев. Вспыхнуло восстание. Весь город был охвачен огнем. В пожаре погибли многие прекрасные произведения искусства классической древности — Афродита Книдская и другие статуи. Сгорела масса рукописей. Испуганный Василиск понял безнадежность своей политики в Константинополе и отменил «сакру». Но было уже поздно. Войска Зинона заняли город (август 476 г.). Партия прасинов бурно приветствовала возвращение императора. Религиозная распря с монофиситами временно заставила константинопольцев примириться с исаврийцами. Как раз в это время на Западе потерял престол последний западноримский император Ромул Августул. Византия, раздираемая внутренними смутами, не приняла участия в судьбе Западной Римской империи.

Несмотря на победу, положение исаврийцев в столице не было прочным. Произвол, коррупция и налоговый гнет возбуждали народ. Его недовольством снова решила воспользоваться родовитая константинопольская знать. Представитель знатной константинопольской семьи — Маркиан, женатый на младшей дочери Верины, организовал заговор. В 479 г. сторонники Маркиана неожиданно напали на правительственные учреждения; население Константинополя немедленно присоединилось к восстанию; исаврийских экскувитов избивали, народ бросал в них камни с крыш домов. Дворец был взят, Зинон бежал. Население Константинополя праздновало победу. Но за ночь исаврийцы собрались с силами и сумели арестовать заговорщиков. Маркиан скрылся и некоторое время предводительствовал отрядом повстанцев в провинции, надеясь утвердиться в Малой Азии. Однако эта попытка не удалась. Время для Константинополя было крайне опасным, так как с запада городу снова угрожали остготы.

Постоянные смуты в Александрии и Антиохии, особенно в тяжелые годы внешней опасности, когда под Константинополем стояли германцы, привели Зинона и патриарха Акакия к решению примирить враждующие церкви. В 482 г. они издали Энотикон («Объединение»). Компромиссными формулировками, которые казались бы приемлемыми для обеих сторон, Зинон хотел прекратить церковную вражду. Ряд ставленников императора из обоих лагерей признал Энотикон, но борьба не прекратилась. Суть споров заключалась отнюдь не в догматах. Народные движения только по форме были религиозными. Энотикон не удовлетворил ни ту, ни другую сторону.

 Особенно энергично протестовал римский папа. Зинон и патриарх

Акакий прибегли к насилию. Восставшие против Энотикона монахи были казнены, а с римским престолом произошел полный разрыв, продолжавшийся 34 года (484—518).

Правительство было обеспокоено активностью монашества и его связями с массами. Принимались меры к закреплению монахов за монастырями, которые таким образом превращались в хозяйственные учреждения с неотчуждаемыми владениями. Иначе говоря, делались попытки оторвать монашество от масс, включив монахов в ряды господствующего класса. Рабам и энапографам запрещалось вступать в монастыри.

Исаврия находилась при Зиноне в особом положении: исаврийцы становились военным сословием, связанным с землей. Их предводители стремились превратить свое традиционное влияние, вытекавшее из их положения как родоплеменных вождей в нечто большее — в устойчивую политическую власть. Исаврийцы ежегодно получали в качестве «даров» (donativa) 1500 либр золота. Из их рядов формировалась военно-землевладельческая знать. Но в продолжение всего правления положение Зинона не было прочным именно в Исаврии. Политика этого императора, его связи с торгово-ростовщическими кругами вызывали недовольство исаврийцев. В результате в Исаврии росло возмущение против Зинона. Этим воспользовался его сподвижник Илл, поднявший восстание и провозгласивший императором сенатора Леонтия (из исаврийской знати). Напряжением всех сил Зинону удалось подавить восстание.

Обострялась обстановка и в Палестине. Здесь происходили выступления греческого городского населения. Они носили реакционный характер: греки стремились сохранить свое привилегированное положение и инспирировали нападения на евреев и самаритян.

Ответом на религиозные преследования, на социальный и налоговый гнет было большое восстание самаритян (484—486 гг.). Их религиозным центром являлась гора Гаризим, которая стала и центром движения. Самаритяне в Неаполе (сирийском) произвели избиение христиан, организовали свое правительство во главе с Юстасом, которого провозгласили царем. Восставшие овладели центром Палестины — Кесарией. Но правительство организовало силы горожан, сколотило военно-полицейские отряды добровольцев и разгромило самаритян. Подавление восстания сопровождалось почти полной конфискацией имущества состоятельных самаритян в городах. На горе Гаризим был построен христианский храм.

Иная ситуация складывалась на персидской границе. Иранское государство во второй половине V в. переживало тяжелый период. В персидской Армении вспыхивали восстания, персам не удалось добиться полного подчинения восточной Армении. После острой гражданской войны (457—459) на Персию напали гунны-кидариты, затем гунны-эфталиты. Считая кочевников общими врагами, Византия оказывала Персии финансовую помощь. Шах Пероз (459—484) попал в плен к эфталитам. Зинон принял меры к его освобождению: очевидно, Византия рассматривала персов как менее опасного противника. В Иране ширилось революционное движение маздакитов; наибольший размах оно приняло в конце 80-х годов V в. Иран на

время выпал из числа реальных противников Византии. Против учения Маздака и демократических сил Ирана совместно выступили и зороастрийское жречество и поддерживаемое Византией христианское духовенство.

Относительное спокойствие на восточной границе давало возможность византийскому правительству сконцентрировать внимание на Западе и попытаться ликвидировать угрозу со стороны готов.

В 491 г. в Константинополе произошел переворот. 9 апреля при подозрительных обстоятельствах умер император Зинон. Согласно поздней версии, мертвецки пьяного Зинона выдали за покойника и похоронили, хотя и слышали его крики. Вдова Зинона Ариадна объявила о своем желании избрать мужем чиновника из незнатной семьи, добившегося должности силенциария и близкого к сенаторским кругам,— Анастасия Дикора (491—518). Родственники и сподвижники Зинона не сумели воспрепятствовать этому.

Несмотря на попытки Зинона укрепить свое положение мероприятиями в интересах ктиторов и уступками оппозиционным элементам Сирии и Египта, правление этого императора было выгодно преимущественно формировавшейся военно-феодальной знати Исаврии. Все прослойки общества возмущались методами его правления, которые основывались на грубом произволе военщины.

Анастасий был избран сенатом, духовенством и цирковыми партиями Константинополя. Избрание нового императора происходило в напряженной обстановке: народ восстал, он требовал смещения городского эпарха, изменения всей политики, в частности, отмены Энотикона и признания халкидонского исповедания государственной религией. Новый император выполнил некоторые из этих требований, дал присягу в верности православию. Однако народные массы не удовлетворились сменой отдельных лиц в правительстве. Началась так называемая плебейская война — восстание, во время которого была сожжена бóльшая часть столицы. В выступлениях масс принимали участие цирковые артисты-мимы, возбуждавшие народ. Анастасий подавил восстание, цирковые мимы были высланы из столицы.

Новое правительство сместило исаврийцев с занимаемых ими государственных должностей. Переворотом 491 г. была пресечена попытка исаврийцев занять главенствующее положение среди феодализирующейся знати Византии. Правда, для полного подчинения Исаврии правительству Анастасия пришлось вести в продолжение семи лет войну.

Политический переворот, направленный против деспотического правительства, опиравшегося на военно-полицейскую систему, способствовал оживлению и повышению значения сословных организаций. Одной из них был сенат, ставший при Анастасии сословным учреждением, главным образом константинопольской землевладельческо-рабовладельческой знати. В его состав, однако, в течение V в. включилось много представителей торгово-ростовщической прослойки, купивших сенаторское звание.

Другим сословным учреждением была церковь во главе с патриархами Константинополя, Антиохии, Александрии и Иерусалима.

Важной общественной силой оставались цирковые партии, которые, несмотря на то, что руководство ими находилось в руках состоятельной верхушки, все же представляли собой сословную организацию плебейских масс города; социальное недовольство низов всегда толкало верхушку партии на выступления.

Анастасий поддерживал прасинов. Их руководство стояло за то, чтобы сенат и цирковые партии участвовали в управлении. Однако Анастасий считался лишь с финансовыми дельцами, связанными с Сирией и Египтом и возглавлявшими прасинов; представителей широких плебейских масс он не мог допустить к участию в управлении. Напротив, он начал проводить политику, направленную на сокращение влияния масс в цирке: уменьшалось количество зрелищ, запрещались некоторые виды празднеств. Народ ответил на это волнениями. В императора бросали камнями. В 499 г. центр столицы сгорел в пламени пожара. Император сумел подавить движение при помощи верхушки партии прасинов; на должность эпарха был назначен видный сенатор — патрон прасинов Платон.

Правительству, естественно, казалось опасным объединение прасинов с венетами. Разжигание вражды между партиями отвечало интересам властей. Взаимные побоища прасинов и венетов, вероятно спровоцированные правительством, были нередким явлением. В 501 г. в одном из таких столкновений на ипподроме погибло 3 тыс. человек, в том числе и сын Анастасия.

Политика натравливания одной партии на другую, видимо, имела успех. Когда в Антиохии плебейские массы под руководством прасинов выступили против наместника и начальника полиции никтэпарха Мины, венеты сражались на стороне правительственных отрядов. Прасины победили. Мина был убит. Была организована карательная экспедиция. Волнения удалось подавить.

В основе политики правительства Анастасия лежало стремление к умиротворению страны. Путь к этому император видел в повышении роли гражданских учреждений. Но нужно было срочно создать новую военную силу вместо исаврийцев, с которыми приходилось вести войну. Уже в первый год правления Анастасия была введена хрисотелия. Нуждаясь в средствах для создания армии и не доверяя случайным рекрутам, Анастасий постановил вместо поставки рекрутов и провианта для войска требовать денежных взносов. Собранные таким образом суммы позволили Анастасию нанять послушные контингенты войск и в длительной борьбе с исаврами преодолеть их сопротивление.

В дальнейшем была введена синонэ ((συνωνή — coemptio) — закупка продовольствия у населения, которое должно было в принудительном порядке, по установленным правительством ценам, продавать излишки продовольствия особым чиновникам, или купцам, взявшимся за выполнение подрядов. Синонэ (она могла быть адэрирована) стала особенно тяжелой повинностью сельского населения.

Важной проблемой для правительства Анастасия явилась перестройка налоговой системы в соответствии с интересами торгово-ростовщической прослойки. Тяжесть хрисаргира в основном ложилась на бедноту; но его взимание затрагивало интересы и торгово-

ростовщических кругов. В 488 г. под давлением масс Анастасий был вынужден согласиться на отмену налога. Сыграли свою роль, по-видимому, и другие мотивы: налог пагубно влиял на предприимчивость горожан, способствуя вместе с тем росту числа социально опасных люмпен-пролетариев и бродячих монахов. Возможно, доходы от рыночных пошлин, возросшие вследствие развития предпринимательства, покрыли убыток от отмены налога. Современники отмечали бурную радость населения при получении известия об отмене хрисаргира. Были учреждены морские таможни для сбора пошлин с товаров, перевозившихся на кораблях.

На торговле ходовыми товарами, в частности продовольствием, тяжело отражалась неустойчивость соотношения между разменной медной монетой и золотой номисмой. При Анастасии был введен твердый курс медного фолла; кератий был приравнен к 40 фоллам. Эта реформа способствовала стабилизации денежного обращения.

Наиболее четко классовая позиция правительства Анастасия проявилась в его реформе сбора налогов в провинции. До того времени ответственными за сбор налогов были городские курии. В IV в. они терпели большой ущерб от выполнения этой обязанности. Однако в V в. в экономическом положении городов Малой Азии и Сирии произошли крупные изменения. Археологические раскопки дают представление о значительном росте производства. Сбор налогов уже не мог быть столь разорительным предприятием. Был издан ряд законов против патроциниев, которые серьезно затрудняли сбор налогов во времена Ливания. Все это позволяло вкладывать капиталы в налоговое дело. Анастасий передал сбор городских налогов виндикам, т. е. откупщикам. Реформа не встретила поддержки горожан, ибо, хотя куриалы и жаловались на тяжесть сбора налогов, они так или иначе могли перекладывать основную часть налогового бремени на остальное население. Теперь курия лишилась главного и почти единственного преимущества: городское самоуправление оказалось совершенно беспомощным. Введение института виндиков нанесло сильный удар благосостоянию городов. Когда раньше куриалы грабили бедноту, награбленные средства оставались в городах, теперь же, через виндиков, деньги стали идти в Константинополь. Кроме того, виндики, обладая правительственной поддержкой, имели больше возможностей совершать насилия и грабежи. Реформой недовольна была также клика чиновников префектуры, поскольку сбор налогов осуществлялся без их участия. Однако крестьянство пригородов испытывало некоторое облегчение: ведь в прежние времена куриалы старались всю тяжесть налогов возложить на население пригородных деревень.

Немалые трудности для правительства представляло снабжение горожан. Законами 491 и 505 гг. оно возлагалось на епископа и протевонов города, которые должны были путем распределения литургий между разными должностными лицами курии доставлять хлеб не по твердой, а по рыночной цене. Эти меры стимулировали развитие внутренней торговли.

Несмотря на ряд демагогических мероприятий, проведенных в
 правление Анастасия, оно было очень непопулярно. Тяжелые налоги,

в основном денежные, хозяйничанье откупщиков и придворных евнухов — все это возбуждало против Анастасия горожан. Возмущение вызывала его финансовая политика. К концу правления Анастасия казна располагала колоссальными запасами золота, достигавшими 320 тыс. либр. Анастасий сократил расходы на роскошь, не строил пышных дворцов и зданий, стремился урезать траты на организацию зрелищ. Эта политика лишала работы многих жителей Константинополя, особенно ремесленников, занятых производством предметов роскоши.

Изъятие из оборота массы золота стесняло развитие товарного хозяйства и порождало недовольство тех кругов, которые вначале поддерживали Анастасия.

Переход к денежным налогам привел к значительной задолженности населения. Обычным явлением стала выдача кабальных записей. Анастасию пришлось издать указ об их отмене, оказавшийся, впрочем, малоэффективным.

В аграрном вопросе Анастасий последовательно проводил политику сохранения существовавших тогда имущественных отношений. Отражая интересы городской знати, имевшей доходы от товарного хозяйства, вводя четкую денежную систему, Анастасий стремился придать устойчивость старым формам собственности и аграрных отношений. Никаких нововведений — таков был основной принцип его политики. Та же цель явственно проступает в указе Анастасия, изданном около 500 г.: указ ясно определял юридический статус лиц, работавших на земле крупного землевладельца. Все энапографы, прикрепленные еще в IV в., приравнивались к рабам: их имущество считалось только пекулием. Арендаторы, которые арендовали землю на срок не свыше 29 лет, сохраняли договорные отношения с господином. Лица, арендовавшие землю на срок более 30 лет, закрепляли за собой участок земли при условии обязательной ее обработки и выплаты положенных взносов. Закон Анастасия практически приравнивал таких колонов к эмфитевтам Зинона. Таким образом, появился институт, неизвестный римскому праву, но соответствовавший феодализационным тенденциям в аграрном строе. Закон препятствовал превращению арендаторов в энапографов, мало чем отличавшихся от рабов, и закреплял новые формы поземельных отношений, которые в большей мере стимулировали труд земледельцев. Закон Анастасия не предоставлял особых выгод крупной землевладельческой знати, которая привыкла закрепощать крестьян, лишь превращая их в энапографов, или устанавливая патроциний.

Та же тенденция к стабилизации общественных отношений лежала в основе религиозного курса Анастасия [1]. Объединительные мероприятия Зинона не удались, и потому первоначально политика Анастасия сводилась к принципу невмешательства в религиозные дела. Однако этого принципа невозможно было придерживаться в то время, когда все политические и социальные движения принимали форму борьбы за ту или другую религиозную доктрину. Политика невмешательства резко осуждалась константинопольским клиром и трактовалась как уступка монофиситам. Церковные авторы называли Анастасия еретиком.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Мозаика верхнего яруса южной стены корабля в базилике Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне (493—526 гг.)

Поскольку религиозные симпатии отражали социальные и сепаратистские тенденции, в каждой провинции по-разному относились к халкидонским канонам. В Константинополе широкие круги ремесленников и торговцев были втянуты в торговые отношения с Сирией и Египтом; немало моряков получало работу от навикуляриев. Естественно, в этой среде заметна была тяга к монофиситам. К тому же в руководстве цирковой партии прасинов имелись знатные лица, заинтересованные в снижении политической роли константинопольского чиновничества. Однако более сильными в Константинополе были приверженцы партии венетов, в которой преобладала высшая земельная аристократия. Партия венетов умела привлекать на свою сторону бедноту, люмпен-пролетарские элементы, которые подкармливались за счет ограбления провинций, в первую очередь Египта и Сирии. Именно эти элементы поддерживали халкидонское вероисповедание. Анастасий окружал себя незнатными людьми (он продавал им должности) и евнухами. Это вызывало особое недовольство верхушки столичного общества. Когда в 511 г. Анастасий решил более энергично защищать монофиситство и отстранить патриарха Македония II (496—511 гг.), бóльшая часть населения Константинополя выступила против императора столь воинственно, что он должен был отказаться от своего намерения.

В 512 г. Анастасий и патрон прасинов Платон объявили о введении монофиситской формы так называемого «трисвятого» славословия. Несмотря на полную поддержку императора, руководству прасинов не удалось привлечь на свою сторону массы — прасины и венеты объединились против Анастасия и потребовали избрания нового императора. Были сожжены дома знатных сторонников Анастасия. Движение народных масс стало принимать социальный характер, аристократический квартал столицы был уничтожен огнем. В 513 г. константинопольцы снова выступили против монофиситской формы славословия. Столица стояла за строгую церковную централизацию, соответствовавшую принципам халкидонского вероисповедания. В Сирии Анастасий открыто проводил линию монофиситов. Основная часть местного населения придерживалась здесь монофиситства (хотя много оставалось еще и язычников разных культов); его непримиримыми воинственными проповедниками были фанатичные монахи-сирийцы. Их воодушевляла ненависть к греческим аристократам, владевшим землей в Сирии.

Религиозная политика Анастасия в Сирии была тесно связана с внешней. После социальных потрясений второй половины V в. Персия постепенно окрепла. Началась длительная эпоха персидского наступления на византийские владения в Сирии. Не желая допустить потерю этого богатейшего края, Анастасий стал проводить здесь промонофиситскую политику.

В крупных городах Сирии (Антиохия) были, однако, и противники монофиситов. Привилегированное греческое население хотело удержать свои позиции, и его симпатии поэтому устремлялись к Константинополю; в провинциях не затухала борьба между греками и сирийцами. Местное греческое население поддерживало патриарха Флавиана, высказавшегося за халкидонское исповедание. Громадная толпа монахов-сирийцев вступила в Антиохию, чтобы сместить Флавиана, но горожане, защищая его, перебили монахов. Анастасий счел Флавиана виновником столкновений: он был сослан, а на патриарший престол выдвинут монофисит Север.

Совсем иным было положение в Палестине. Первые попытки утвердить здесь монофиситство в конце V в. окончились неудачей. Преобладание получили православные. В Сирии основной массой христианского населения были негреки. Палестина, напротив, была густо населена пришлым греческим элементом. Христианские святыни в Палестине пользовались широкой поддержкой Константинополя, и в интересах жителей Палестины было сохранять дружественные отношения со столицей. Что касается местного негреческого населения, то оно не было христианским, и поэтому его социальный и национальный протест, естественно, не облекался в религиозную форму монофиситства.

Среди самаритян продолжалась борьба за возвращение им священной горы Гаризим. Эти выступления, религиозные по своему внешнему характеру, были прямо направлены против византийского господства

В Египте церковь снова приобрела значительное влияние, поскольку власти Константинополя в общем благоприятно относились

к монофиситам. Крупные египетские землевладельцы, преимущественно греки, опирались на свои связи со столицей, игнорируя, однако, невыгодные для них указы против патроциниев. Во главе этой аристократии стоял назначенный императором августал. Церковь демагогически выступала в качестве защитницы коптского населения против правительственных чиновников. Масса местных жителей поддерживала монофиситского патриарха против августала. Между войсками Анастасия, симпатизировавшего монофиситам, и населением происходили вооруженные столкновения. В 509 г. императорские воины сожгли дом патриарха Иоанна, а городской плебс низверг статую Анастасия; толпы бедняков жгли дома противников патриарха. Видя в местной аристократии оппозицию монофиситству, правительство Анастасия приняло против нее ряд мер: в 510 г. крупнейший землевладелец Египта Апион был сослан, а имения его конфискованы.

Промонофиситская политика Анастасия была не в состоянии предотвратить выступления ремесленных низов Александрии. В 516 г. между сторонниками нового патриарха-монофисита и императорским августалом произошло столкновение. Повод к нему сам по себе был незначителен, но народ был раздражен недостатком продовольствия в Александрии. Августал был убит. На александрийских ремесленников и торговцев обрушились жестокие репрессии. Отношения властей с монофиситами снова урегулировались при монофиситском патриархе Диоскоре. В правление Анастасия продолжался разрыв с папой римским, который не признавал ни Энотикона Зинона, ни, тем более, монофиситского курса Анастасия. Папа активно вмешивался во внутреннюю политику Византии. Он стремился настроить духовенство против Анастасия. Попытка Анастасия установить связи с Римом (517 г.) окончилась безрезультатно вследствие непримиримости позиций обеих сторон.

Западные провинции переживали тяжелые времена. Опорой Византии являлись малоазийские и сирийские области. Балканы, в течение ряда лет находившиеся во власти готов, в 488 г. освободились от них, но хозяйство страны долго не могло оправиться от разорений. Считая невозможным собрать во Фракии какие-либо средства, Анастасий освободил балканские провинции от синонэ. Однако последующие финансовые мероприятия Анастасия сделали непопулярным его правление на Балканах как среди народных масс, так и в землевладельческих кругах.

В 513 г., опираясь на общее недовольство Анастасием, против него выступил комит федератов в провинции Скифии (Добруджа) — Виталиан. Поводом к восстанию послужило снижение денежных выдач федератам. Учитывая общее настроение масс, Виталиан подверг критике правление Анастасия в целом. Он призывал к борьбе против «ереси» императора — к борьбе за халкидонскую веру.

Военные действия Виталиана были успешны: он дошел до Константинополя. Однако испуганные размахом движения, принявшего социальный характер, его приближенные примирились с Анастасием. Примирение это оказалось недолговечным — Анастасий нарушил его условия. Виталиан поднял новое восстание. На этот раз против него

было послано 80-тысячное войско под начальством Ипатия, племянника Анастасия. Оно было разгромлено восставшими. Ипатий попал в плен. Армия восставших опять появилась у Константинополя. Но Виталиан не смог реализовать своего блестящего успеха. Переговоры с Анастасием вели его приближенные. Будучи выразителями интересов землевладельческой знати, они фактически предали народные массы.

Условия мира совершенно не затрагивали вопросов социального порядка — здесь говорилось лишь о защите халкидонского исповедания, выдвигалось требование созыва церковного собора под руководством папы. Виталиан и все ведущие начальники восставших получили видные должности и подачки.

Клика Анастасия временно пошла на уступки. Вскоре, однако, император, собрав силы, решил покончить с Виталианом. Анастасию удалось убедить высшую аристократию в опасности возглавлявшегося им движения, и сенат торжественно объявил его «врагом отечества».

Третье восстание Виталиана потерпело неудачу. Его войско состояло почти исключительно из варваров-наемников. Вероятно, среди них были и славяне. Памятуя о предательстве, имевшем место во время второго похода, местное население не приняло участия в новом восстании. Воины Виталиана совершали жестокие опустошения. В Константинополе против восставших объединились все группировки. Сторонник халкидонского исповедания Юстин разгромил флот Виталиана. Последний бежал.

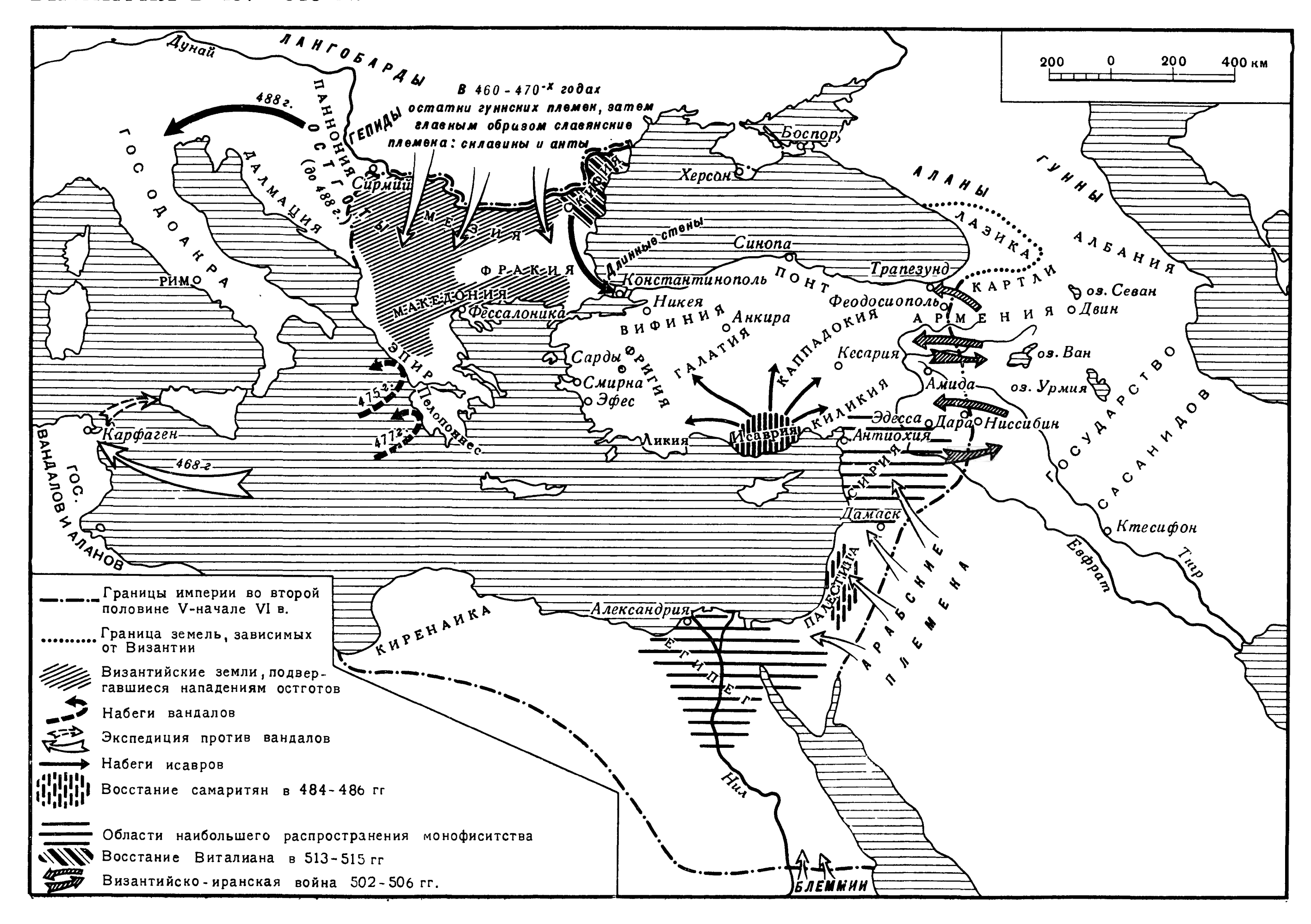
Внешняя политика Анастасия на всех границах была оборонительной. На востоке после длительного мира возобновились военные действия против персов. Анастасий отказался выплачивать Ирану денежную субсидию (персы требовали ее под предлогом необходимости охраны Каспийских ворот от наступления варваров). Персидская армия двинулась в наступление. Главные бои разыгрались в 502 г. за город Амиду. Персы захватили его, но не сумели удержать в своих руках. В 506 г. был заключен мир на условии сохранения прежних границ. Для защиты от будущих нападений персов византийцы построили новую крепость — Дару.

На Балканском полуострове конец V в. ознаменовался значительным усилением после распада державы гуннов болгарской опасности и опасности со стороны появившихся на Дунае славян. Они вторгались в пределы империи в 493, 499, 502 гг.

Вероятно, одно из славянских племен, которое византийцы называли традиционным именем «геты», организовало нападение на Византию в 497 г. Варвары глубоко проникли во Фракию, так что императору пришлось выплатить им большую сумму денег.

Варварские нашествия побудили Анастасия завершить постройку Длинных стен, которые должны были защищать пригородную территорию Константинополя приблизительно на протяжении 100 км. Это был район, втянутый в товарное производство. Мероприятие Анастасия оказало стабилизирующее влияние на хозяйство Константинополя и было выгодно константинопольским ктиторам и крестьянству пригородных деревень.

ВИЗАНТИЯ В 457—518 гг.

С Остготским государством в Италии отношения Византии были дружественными. Мир был нарушен лишь в 505 г., когда разгорелась борьба за Сирмий, который пришлось оставить за готами.

В продолжение V в. общественная, политическая и религиозная жизнь Византии проходила на фоне бурных и кровавых выступлений угнетенных масс. Казалось, империя шла к развалу. Однако народные движения V в. не сокрушили ее. Напротив, к началу VI в. Византия оказалась способной повести длительную реставрационную политику и достигнуть наивысшего внешнего блеска в своей истории.

Стихийные движения народных масс не могли иметь успеха, поскольку они не руководствовались идеями, которые были бы в состоянии мобилизовать, вдохновить, организовать их в борьбе и, овладев ими, стать материальной силой. В V в. таких идей не было. Идеи, воодушевлявшие в это время народ, носили религиозный характер: это были христианские догматы и мораль, не заключавшие в себе, однако, принципиального протеста против рабовладения и даже, напротив, оправдывавшие эксплуатацию. Религиозные учреждения, секты и церкви, не столько объединяли массы, сколько разъединяли их. Цирковые партии также не выдвигали положительных идеалов. Трудовой люд в равной мере выступал как против старых, так и против новых форм социального гнета. При таких условиях особое значение приобретали варварские вторжения. Но ни кочевники-гунны, экономически не связанные с византийцами, ни совершенно оторвавшиеся от трудовой деятельности дружины готов не могли стать оплотом революционных выступлений масс.

Что же касается восстаний рабов варварского происхождения, то они представляли скорее попытки военнопленных освободиться из неволи и превратиться в победителей, чем социальные движения, направленные против рабства как такового. Восставшие рабы-варвары также не могли возглавить революционные силы.

Только в дальнейшем вторжения славян, более глубоко связанных с земледелием, могли развязать эти внутренние революционные силы в Византии. Византийское правительство в течение V в. умело приспосабливало пробивавшие себе дорогу новые производственные отношения к старым имущественно-правовым нормам.

Разъедаемая внутренними экономическими, социальными и идеологическими противоречиями, Византия тем не менее смогла сохранить еще в течение столетия свою политическую силу и административное единство.

Глава 10

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА ЮСТИНИАНА

В то время как Западная империя, разорванная на куски завоевателями, превратилась в конгломерат варварских королевств, Византия мало-помалу вступила в полосу экономической и политической стабилизации. Волна варварских завоеваний, перекатившись через Византию, отхлынула на Запад, и варвары, оставаясь опасным врагом, более не угрожали существованию империи.

Экономический подъем, начавшийся еще при императоре Анастасии, во многом подготовил тот необычайный взлет внешнего и внутреннего могущества Византии, который она пережила в правление Юстиниана[1]. В результате проводившейся Анастасием политики покровительства городам и укрепления финансов государственная казна, обычно пустая, оказалась наполненной золотом на огромную сумму в 320 тыс. либр[2]. Это дало Византии экономические ресурсы, необходимые для того, чтобы перейти от пассивного наблюдения за гибелью Западной империи к отвоеванию утраченных областей.

Их потеря весьма болезненно воспринималась на Востоке. Римская империя, по-прежнему, считалась законной владелицей отторгнутых варварами территорий, а римский император, живший в Константинополе, рассматривался как признанный глава всего orbis Romana. Идею единства римского мира церковь дополнила идеей религиозного единства всей христианской ойкумены. Реставрация единой Римской империи и отвоевание западных областей у варваров-ариан были провозглашены миссией константинопольских императоров.

Сокровенная мечта василевсов — возрождение под их эгидой универсальной Римской империи — нашла свое воплощение в деятельности наиболее выдающегося византийского правителя раннего средневековья — императора Юстиниана.

Первые шаги к осуществлению этих грандиозных замыслов были сделаны еще в царствование Юстина I (518—527). Согласно традиции, переданной Прокопием, Юстин был простым македонским крестьянином, в поисках счастья юношей пришедшим с котомкой за плечами в Константинополь[3]. Сила и красота проложили ему дорогу в императорскую гвардию, а воинская доблесть помогла подняться по лестнице военных должностей. Участвуя во многих походах, он завоевал славу храброго воина и, умея угождать влиятельным вельможам, достиг высокого поста начальника дворцовой гвардии. Обстоятельства прихода Юстина к власти окутаны тайной. Смерть в 518 г. императора Анастасия, не оставившего преемника, повергла столицу в пучину борьбы придворных клик за престол. Законным наследникам, в том числе племяннику покойного императора Ипатию, противостоял всесильный временщик Амантий. Он беззастенчиво рвался к власти, но будучи евнухом, не мог сам занять трон и поэтому выдвинул в качестве своей креатуры Феокрита. Для осуществления этого хитроумного плана Амантий решил использовать Юстина, который пользовался популярностью у солдат дворцовой гвардии; к тому же он был уже в преклонном возрасте, не проявлял честолюбия и не казался ему опасным. Амантий поручил Юстину подкупить войско. Однако Юстин обманул своего покровителя и употребил данные ему деньги в свою пользу.

10 июля 518 г. гвардия, партии цирка и сенат избрали Юстина императором. Подобный выбор был неожиданностью для многих, в том числе и для самого Юстина. Однако придя к власти, Юстин проявил решительность. Он немедленно казнил Феокрита и Амантия, а затем вероломно убил другого возможного претендента на престол, популярного полководца Виталиана. Влиятельный при Анастасии префект претория Марин, инициатор финансовых реформ, попал в опалу, а сосланные при покойном императоре вельможи были возвращены из ссылки и получили высокие посты в новом правительстве[4].

Юстин отнюдь не был полной бездарностью, каким его стремится изобразить историк-аристократ Прокопий[5]. Правда, мало сведущий в государственных делах, скорее закаленный в боях и привыкший к лишениям походной жизни воин, чем политический деятель, он долгое время чувствовал себя неуютно в обстановке пышного и порою изнурительного этикета императорского дворца. Прокопий рассказывает, что Юстин был неграмотен и не умел поставить свою подпись под государственными бумагами. Хитроумные министры нашли тогда выход из положения: они изготовили дощечку с прорезанными в ней буквами — legi («я прочел»), ее прикладывали к документу, а император водил в прорезях пером, обмакнутым в пурпурные чернила[6].

Будучи человеком необразованным, Юстин I, однако, понимал важность образования и покровительствовал развитию наук,

ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН I

Мозаика базилики Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне. VI в.

искусств, строительству храмов и дворцов. Только в Константинополе при нем было построено восемь церквей, широкое строительство развернулось по всей империи. Он вел активную дипломатическую игру на Востоке, стремясь к усилению Византии в Аравии [7].

Фактически уже при Юстине I началась подготовка к отвоеванию Западной Римской империи у варваров. Желая привлечь на свою сторону население Константинополя, в большинстве своем приверженного к православию, а также ища поддержки папского престола, Юстин резко изменил религиозную политику своего предшественника [8]. Он выступил против монофиситов: их стали преследовать в Малой Азии и Сирии; правда, Юстин был вынужден соблюдать по отношению к ним веротерпимость в Египте, где их положение было весьма прочным.

В последние годы жизни престарелый император отошел от государственных дел, фактически передоверив управление империей своему племяннику Юстиниану.

Флавий Петр Савватий Юстиниан родился около 482 г. в глухой деревушке Таурисий (Верхняя Македония), близ крепости Бедерианы, в семье бедного иллирийского крестьянина. Его бездетный

дядя Юстин, став императором, тотчас вызвал племянника в столицу и дал ему блестящее образование в духе лучших традиций античной науки. Юстиниан, благодаря своему уму и энергии, приобрел огромное влияние на дядю и стал активно вмешиваться во все государственные дела. В апреле 527 г., чувствуя приближение смерти, Юстин усыновил Юстиниана и сделал его своим соправителем. Вскоре император умер, и Юстиниан стал неограниченным правителем византийского государства.

Юстиниан I (527—565) почти полстолетия оказывал воздействие на ход исторических событий: 38 лет он был самовластным властелином огромной империи и одним из самых могущественных государей тогдашнего мира.

В истории Византии, да, пожалуй, и всей средневековой Европы нет другого политического деятеля, который бы, подобно Юстиниану, получил столь противоречивую оценку у современников и потомков. Одни его прославляли, другие хулили, но никто не оставался к нему равнодушным. Противоречивость суждений о Юстиниане[9] была порождена в известной степени тем, что его историограф Прокопий нарисовал двойственный образ императора: он то не жалел самых радужных красок для его восхваления, то изображал все его деяния в черном цвете[10]. В конечном же счете противоречивая оценка Юстиниана историками, если отбросить ее субъективные причины, была вызвана противоречивостью натуры этого императора и сложностью политической обстановки, в которой ему пришлось жить и действовать.

В 527 г., при воцарении на троне, Юстиниану было 45 лет; он уже имел значительный опыт в государственных делах, был человеком зрелого ума и со сложившимся характером. Простой крестьянин, всегда остававшийся в глазах аристократов безвестным выскочкой и затаивший ненависть против знатных вельмож, Юстиниан обладал душой гордой и деспотической. Он был фанатически одержим идеей величия своей императорской особы, которой выпала великая миссия возрождения могущества Римской империи. Все царствование он посвятил воплощению в жизнь этой идеи.

Непомерное властолюбие было основной чертой его характера. Он вмешивался решительно во все и не позволял никому принимать какие-либо решения по собственному почину. Одержимый этой манией, Юстиниан трудился день и ночь, лично вникал в бесчисленные государственные дела, вел огромную переписку, составлял множество указов и рескриптов, мелочно регламентировал деятельность своих полководцев и министров. Он щеголял простотой образа жизни, мало ел, мало спал, был доступен людям различного звания. Среднего роста, полный, с круглым, красивым белым лицом, большими, темными, проницательными глазами, Юстиниан мог быть обворожительным в обращении[11]. Он очень любил, когда хвалили его щедрость, великодушие, милосердие к врагам и заботу о бедных. Ради славы милостивого монарха он иногда был способен на порывы великодушия.

Но эта кажущаяся простота и внешняя доступность были только маской, скрывавшей натуру беспощадную, двуличную и глубоко ко-

ИМПЕРАТРИЦА ФЕОДОРА СО СВИТОЮ

Стенная мозаика церкви Сан-Витале Равенне. Ок. 547 г.

варную. Юстиниан обладал необычайным даром притворства и умел скрывать свои истинные замыслы.

Ради сохранения своей власти и осуществления идеи восстановления былого величия империи он мог уничтожить множество народа, не испытав ни малейшего угрызения совести [12]. Всегда внутренне трепетавший за свою власть, Юстиниан отличался крайней подозрительностью, всюду видел заговоры и боялся покушения на свою жизнь. Поэтому он был склонен верить доносам, окружал себя льстецами и шпионами и по наговору готов был наказать без суда и следствия любого своего ближайшего помощника и даже любимца [13]. Никто в государстве не был гарантирован, что завтра на него не обрушится, по навету врагов, гнев государя, а затем последуют казнь или ссылка и конфискация имущества. Человек завистливый, Юстиниан был к тому же падок на лесть. По рассказу Прокопия, когда хитрый царедворец Трибониан публично заявил, что опасается, как бы император за свое благочестие не был взят живым на небо, Юстиниан милостиво внимал этой грубой лести и осыпал своего любимца всяческими щедротами [14]. Для достижения поставленных

целей Юстиниан не брезговал никакими средствами. Постоянно нуждаясь в деньгах для претворения в жизнь своих грандиозных планов, он беспощадно грабил подданных [15]. Алчность сочеталась у него с любовью к показной роскоши, расточительностью (большие средства тратились на пышные постройки), щедростью к варварам, которых нужно было привлечь на сторону Византии. Состарившись, Юстиниан потерял былую энергию и предался бесконечным богословским спорам [16].

В некоторых отношениях деятельность Юстиниана была как бы обращена в прошлое: таковы его реставраторская политика и религиозный консерватизм. Но кое в чем он обгонял свой век: это проявилось в реформе законодательства, в административном переустройстве империи, грандиозном строительстве, активной дипломатии, покровительстве развитию культуры и искусства.

Сильное влияние на Юстиниана в течение большей части царствования оказывала его жена Феодора. Это — одна из самых ярких и своеобразных фигур, когда-либо занимавших византийский престол. Дочь смотрителя за дикими зверями в цирке Константинополя, рано познавшая развратную жизнь цирковых актеров, сама танцовщица и куртизанка, Феодора благодаря своей редкой красоте, уму и твердой воле покорила Юстиниана и стала его законной женой, а затем и императрицей. Небольшого роста, изящная, с изумительно красивым матовым лицом, Феодора была остроумна, весела, изобретательна и обладала необычайным даром злоречия [17].

Став императрицей, Феодора обнаружила недюжинный государственный ум, вникала во многие дела управления, принимала иностранных послов, вела дипломатическую переписку, участвовала в богословских спорах: Феодора открыто сочувствовала монофиситам, которые часто находили убежище в ее покоях. Она была великой мастерицей тайной интриги, беспощадно расправлялась со своими врагами и покровительствовала клевретам. В решительные и трудные минуты Феодора проявляла огромное мужество и неукротимую энергию. Она страстно любила власть и требовала рабского поклонения [18].

В противовес своему царственному супругу, щеголявшему простотой, Феодора была чрезмерно склонна к роскоши, недоступна и высокомерна с самыми знатными людьми государства [19]. По словам Прокопия, общими чертами характера Юстиниана и Феодоры были «корыстолюбие, жажда убийств и отсутствие правдивости» [20]. Низкое происхождение во многом определило ненависть Феодоры к придворной знати, которая противилась ее браку с Юстинианом.

Императрица страстно любила цирковые игры, активно вмешивалась в борьбу цирковых партий. Ее отец был смотрителем зверинца, принадлежащего партии прасинов; когда после его смерти мать Феодоры, приведя в цирк троих своих осиротевших маленьких дочек, просила оставить эту должность за ней, прасины не вняли мольбам вдовы. Венеты же взяли ее к себе. Феодора никогда не могла забыть этого оскорбления и всю жизнь с необузданной ненавистью относилась к партии прасинов [21]. Вообще она отличалась мстительностью и никогда не прощала нанесенных ей обид. Феодора очень

дорожила своим влиянием на Юстиниана и неумолимо расправлялась не только с возможными соперницами, но и с теми, кто мог ей повредить в глазах императора. Став законной супругой Юстиниана и повелительницей огромной империи, Феодора превратилась в строго добродетельную женщину. Заметив однажды, что придворные заподозрили ее в склонности к рабу-варвару Ареовинду, юноше необычайной красоты, она тотчас приказала наказать его плетьми, а затем сослать. О дальнейшей судьбе этого юноши никто ничего больше не знал[22].

Несмотря на различные пороки, так причудливо соединившиеся в этой императрице, ее государственный ум, незаурядная воля, личная храбрость, широта политического кругозора сделали ее одной из знаменитейших женщин византийской истории[23].

Поднявшись на трон византийских василевсов из низов, а не благодаря своему знатному происхождению, Юстиниан прекрасно сознавал, что в глазах высшей сенаторской аристократии он всегда остается выскочкой, homo novus.

На первых порах он пытался заигрывать с сенаторами, но вскоре понял, что это бесполезно. Восстание 532 г. в Константинополе («Ника»)[24] показало ему, что многие сенаторы враждебны сильной власти государя: они мечтали о покорном василевсе, выполняющем волю высшей знати. А Юстиниан сам хотел подчинить их своей воле и сломить сенаторскую оппозицию.

Подавление восстания 532 г. убедило императора, что сенат можно поставить на колени. И хотя в дальнейшем Юстиниан не раз шел на сближение с аристократией, все же он всегда понимал необходимость подрыва ее экономической мощи — крупного землевладения. «Тайная история» Прокопия буквально пестрит известиями о конфискации Юстинианом земель сенаторов[25].

Наступление на крупное сенаторское землевладение стало одной из важных задач социально-экономической политики Юстиниана, а борьба против сепаратизма и децентрализаторских устремлений высшей аристократии — чуть ли не главным направлением его административной политики. Хотя и с большим трудом, Юстиниану удалось добиться покорности от сената. Если верить Прокопию, сенат при Юстиниане не обладал уже никакой реальной властью, и «часто бывало, что постановление сената, поступавшее затем на утверждение императора, в конце концов получало у него совершенно противоположное решение»[26].

Не имея поддержки высшей аристократии, правительство Юстиниана искало опору у других социальных слоев. На определенное время Юстиниану удалось ее найти у землевладельцев-куриалов и рабовладельцев среднего достатка. Весьма многочисленные в Византии, они были насущно заинтересованы в сильной центральной власти, в которой прежде всего видели защиту от притеснений крупных землевладельцев из сенаторской аристократии.

Аграрная политика Юстиниана во многом определялась желанием привлечь на сторону правительства эти широкие слои землевладельцев и рабовладельцев средней руки. Показательны меры византийского правительства, принятые для обеспечения рабочей силой

имений посессоров указанной категории. Эти землевладельцы менее, чем крупные земельные собственники, цеплялись за старые, латифундиальные методы ведения рабовладельческого хозяйства. Переходу к новым формам использования труда зависимых людей и способствовали рескрипты Юстиниана, благоприятствовавшие освобождению рабов и переводу их на пекулий [27]. Конечно, новые методы использования труда рабов были выгодны и другим землевладельцам, особенно церкви, а также находили применение в доменах императора.

Переход к более прогрессивным методам ведения хозяйства был назревшей потребностью социально-экономической жизни того времени, и Юстиниан сумел направить и использовать эту тенденцию в интересах своего правления. Политика благоприятствования развитию хозяйства широких слоев землевладельцев, проводившаяся Юстинианом, нашла свое выражение и в дальнейшем закреплении колонов за имениями посессоров [28].

В VI в. византийское правительство вновь должно было начать серьезную борьбу против запустения земель в провинциях. Необходимо было принять радикальные меры для привлечения землевладельцев к обработке заброшенных земель и к возделыванию пустошей. С этой целью в законодательстве Юстиниана устанавливалась прочная юридическая защита института долгосрочной аренды — эмфитевсиса. Характерно, что основное требование, которое предъявлялось правительством Юстиниана к эмфитевту, это, наряду с уплатой канона,— постоянная забота об улучшении обработки участка, полученного в долгосрочную аренду. Широкие права распоряжения участком давали вместе с тем большой простор для хозяйственной инициативы эмфитевтов. Кстати, Юстиниан разрешил эмфитевтам по их желанию отпускать рабов из арендованных имений на волю и переходить к новым методам ведения хозяйства. Поэтому правом эмфитевсиса в VI в. пользовались лица, располагавшие средствами, достаточными для распашки заброшенного участка и налаживания на нем хозяйства, доходы с которого позволяли бы платить подати и канон и улучшать культуру земледелия. Скорее всего эмфитевты выходили из среды новых, разбогатевших собственников, вкладывавших свои деньги в обработку земли. Это, конечно, не исключает того, что эмфитевтами могли быть и крупные землевладельцы [29], и представители состоятельных слоев городского населения, и зажиточное крестьянство. Размер имений, отдаваемых в долгосрочную аренду, был различен — от больших земельных массивов до сравнительно незначительных участков. Однако подавляющее большинство эмфитевтов в это время, видимо, принадлежало именно к средним слоям достаточно обеспеченных землевладельцев [30].

Развитие института эмфитевсиса, получившее юридическую санкцию в законодательстве Юстиниана,— яркий показатель того, как господствующий класс Византии ищет путей выхода из аграрного кризиса V в. Стремясь не подрывать рабовладельческой основы общества, Юстиниан и его помощники видят один из таких путей в предоставлении наиболее обеспеченной и хозяйственно инициативной части новых — средних, а отчасти и крупных — собственников

законных прав на пустующие земли с целью подъема агрикультуры в стране и создания широкой социальной базы правительству.

Та же цель преследовалась при проведении политики ограничения роста патроциниев и частной власти крупных землевладельцев в провинциях. Действительно, широкие слои землевладельцев, ища у центрального правительства защиты от всесилия магнатов, были особенно заинтересованы в установлении правопорядка в стране, упрощении судопроизводства, в пресечении захватов их земель влиятельными патронами. Это вполне совпадало со стремлением императора подчинить своей власти земельных магнатов, фрондирующих против правительства.

Совпадением этих двух тенденций, видимо, и можно объяснить хорошо известные меры законодательства Юстиниана, направленные против роста патроната, неоднократные запрещения крупным землевладельцам иметь частные тюрьмы, творить суд над зависимым населением, заводить в поместьях отряды дружинников — букелариев. Юстиниан энергично боролся против захвата магнатами земель средних и мелких собственников, запрещая ставить на незаконно приобретенных землях межевые знаки с именами вельмож (так называемые титулы). Вводились и некоторые законодательные меры, суживавшие сферу воздействия могущественных лиц на судопроизводство. Им запрещалось брать на себя ведение процессов мелких просессоров, оказывать давление на судей в пользу одной из тяжущихся сторон.

Политика ограничения власти крупных землевладельцев проводилась правительством Юстиниана не всегда достаточно последовательно. Порою император шел на серьезные уступки крупным магнатам, особенно во вновь завоеванных провинциях. Однако общее стремление правительства Юстиниана опереться на широкие слои земельных собственников в противовес фрондирующей знати все же очевидно.

В своей аграрной политике Юстиниан не забывал об интересах фиска и всемерно старался восстановить домениальное хозяйство императора. Заброшенные домены сдавались в аренду состоятельным, но не слишком знатным и богатым земельным собственникам, которые способны были исправно платить канон и налоги, возродить агрикультуру доменов и вместе с тем не претендовали бы на захват этих земель в свою собственность. Именно поэтому эмфитевсис так широко практиковался Юстинианом на пустующих землях фиска и императора.

Оказывая покровительство средним слоям землевладельцев и рабовладельцев, Юстиниан требовал от них прежде всего безоговорочной поддержки своих завоевательных планов на Западе. Он надеялся, что эти круги можно будет легко увлечь заманчивой идеей победоносного отвоевания у варваров исконных римских владений. И Юстиниан не ошибся в своих расчетах. Среди указанных слоев населения Византийской империи был жив «римский патриотизм». Они надеялись также получить свою толику доходов из отвоеванных провинций. Их завораживала не только идея превосходства ромеев
227 над другими народами, но и надежда на возможное обогащение.

Всем этим, быть может, и объясняется, что завоевательные планы Юстиниана нашли сперва столь широкий отклик в стране. Когда же войны потребовали непомерных материальных тягот и слишком больших жертв, наступило отрезвление. Но это произошло уже в конце царствования Юстиниана.

Сколь ни важна была для правительства Юстиниана поддержка широких слоев земельных собственников, оно искало и других союзников. Чрезвычайно влиятельным союзником оказалась православная церковь. В течение всего правления Юстиниана высшее ортодоксальное духовенство было одной из важнейших социальных опор правительства как в его внутренней, так и во внешней политике [31]. И если не следует слишком преувеличивать масштабов роста доменов церкви в тот период, как это делают некоторые исследователи [32], то все же очевидно, что крупное церковное землевладение пользовалось особым покровительством правительства Юстиниана.

В его экономической политике видное место занимали меры в защиту земельных владений церкви. Юстиниан дарует церквам и монастырям ряд важных привилегий. Церковные и монастырские земли освобождаются от многих налогов и непрерывно растут за счет конфискованных владений языческих храмов, императорских пожалований, дарений крупных земельных магнатов и куриалов. К VI в. церковно-монастырское землевладение составляло приблизительно $^{1}/_{10}$ часть всех земельных владений в Византии.

Через все аграрное законодательство Юстиниана красной нитью проходит стремление увеличить земельные владения церкви и помешать их отчуждению [33]. Правительство Юстиниана поощряло эмфитевсис на землях церкви, ограждая в то же время ее интересы от возможных притязаний эмфитевтов на приобретение арендуемых участков в собственность [34]. Оно содействовало освобождению рабов из церковных имений и превращению их в зависимых людей, более заинтересованных в своем труде [35].

За все дарения и привилегии, которые церковь получала при Юстиниане, он требовал от нее идеологической поддержки посредством воздействия на народные массы, а также политической и церковной санкции широкой завоевательной политики на Западе. И действительно, высшее ортодоксальное духовенство не только дало эту санкцию, но и во многом помогло превращению завоевательных войн на Западе в благочестивую миссию борьбы против варваров-ариан.

Более сложной и изменчивой была политика правительства Юстиниана в отношении городов и торгово-ремесленного населения византийского государства.

Юстиниана иногда обвиняли в забвении интересов экономически развитого Востока, центра ремесла и торговли, в угоду политике завоевания Запада. В этом видели не только основное противоречие царствования Юстиниана, но и причину недолговечности его успехов [36]. Вряд ли эти обвинения справедливы. Более того, ни в один другой период истории Византии не поощрялось столь активно развитие ремесленного производства и торговых связей с самыми отдаленными странами, как в правление Юстиниана. Никогда, быть может, дипломатическая деятельность византийского правительства не

была так тесно связана с торговыми интересами страны. В VI в. византийские дипломаты, являвшиеся одновременно купцами и христианскими миссионерами, в поисках новых торговых путей проникали в глубь Африканского континента, в страны Азии, на Кавказ и в Крым.

Константинополь в то время был средоточием мировой торговли и контролировал обмен товаров между Европой и Азией. Крупными экономическими центрами империи были также Александрия — в Египте, Антиохия — в приморской Сирии, Эдесса, Эфес, Смирна, Никея, Никомидия — в Малой Азии, в Финикии — Тир, Бейрут, а в европейской части Византии — Фессалоника, Коринф, Патры, Фивы. В стране, прежде всего в ее богатых городах, продолжало развиваться ремесленное производство. Совершенствовалась строительная техника, что дало возможность Юстиниану воздвигнуть великолепные дворцы и храмы, а также возвести оборонительные сооружения во многих пограничных районах. Прогресс строительной техники был важным стимулом и для расцвета архитектуры. В VI в. заметно улучшилась обработка металлов, широкие военные предприятия Юстиниана стимулировали производство оружия и расцвет военного искусства. Развитие техники заметно также и в ткацком производстве (Сирия, Финикия, Палестина, Малая Азия, Египет).

Византийская империя при Юстиниане вела оживленную торговлю со многими странами и народами. Первостепенную роль в экономической жизни Византии VI в. играла торговля с Востоком. Из Византии, как и раньше, вывозились изделия ремесленного производства, тончайшие льняные и шерстяные ткани Малой Азии, Сирии и Египта, изумительные произведения ювелирного искусства, превосходная для того времени стеклянная посуда, изделия из кожи, а также железо, зерно, вино, наркотики, папирус. В обмен на эти товары византийские купцы (главным образом египетские и сирийские) везли с Востока шелк-сырец для изготовления шелковых тканей, слоновую кость, драгоценные камни, жемчуг, перец и пряности, благовония, черное дерево, красители, а также рабов. Византийский двор и высшая аристократия с их пристрастием к пышности и роскоши были особенно заинтересованы в развитии торговли шелком. Однако именно здесь империю ожидали немалые затруднения [37].

Торговля с Китаем, основным поставщиком шелка, была подчинена посредничеству персидских купцов и в мирных условиях страдала от высоких пошлин, взимавшихся Ираном, а во время войн с Сасанидами всегда находилась под угрозой. Византийское правительство было постоянно обеспокоено и большим отливом золота из империи — ведь пошлины персам приходилось платить в золотой монете. Торговые пути в Китай по суше пролегали через Иран; морской путь в Индийский океан также находился в руках персидских купцов, которые контролировали торговые связи между Персидским заливом и островом Тапробаной (Цейлоном).

Византийским купцам и дипломатам не удалось вытеснить персов с Тапробаны. Тогда правительство Юстиниана попыталось установить непосредственные торговые связи с Китаем, обеспечив своим купцам морской путь в Индию (через Красное море) при помощи

государства химьяритов и правителей Аксума. Ни византийские, ни эфиопские купцы в конечном счете все же не смогли сломить торговой гегемонии персов на Индийском океане [38].

Одновременно византийское правительство не менее энергично искало установления сухопутных торговых связей с Китаем через свои форпосты в Крыму — Боспор и Херсон, а также через Кавказ (Лазику). Отсюда же византийские купцы завязывали торговые сношения со степными народами, жившими к северу от Евксинского Понта. В это время возросла торговля Византии со странами Причерноморья и Кавказа, откуда по-прежнему вывозились меха, воск, мед, кожи, скот, рабы и куда ввозились предметы роскоши, ткани, железо, зерно, масло, соль, соленая рыба.

Византийская дипломатия пытается использовать в своих интересах вражду между Ираном и тюрками, которые распространили свое владычество вплоть до Северного Кавказа. И здесь основным для Византии был вопрос о посредничестве тюрок в торговле шелком с Китаем в ущерб персидским купцам.

Немало было попыток со стороны отдельных смельчаков использовать для торговых целей и сухопутную дорогу в Китай, проходившую по берегу Черного моря к Центральной Азии, но очень редко кто достигал желанной страны, ибо здесь купцов подстерегали многочисленные опасности.

Поиски торговых путей и защита интересов византийского купечества сделались при Юстиниане неотъемлемым элементом государственной политики.

Большим успехом Византии явилось раскрытие секрета производства шелка, тайна которого веками строго оберегалась в Китае. По преданию, два несторианских монаха в своих полых посохах вывезли отсюда грены шелковичного червя: в империи возникло собственное производство шелковых тканей. Его центрами в VI в. стали Сирия и Финикия. Шелкоткацкие мастерские Антиохии, Тира, Бейрута вскоре приобрели огромную известность. Крупные государственные мастерские по производству шелковых тканей были основаны при Юстиниане и в самом Константинополе. Понимая важность производства шелка, византийское правительство ввело на него государственную монополию, и скоро императорские шелкоткацкие мастерские стали одним из главных источников доходов фиска [39].

Несколько меньшее значение в экономической жизни Византии VI в. имела торговля с Западом. Сильный удар ей нанесло падение Западной Римской империи. И хотя византийские купцы по-прежнему возили в варварские королевства Италии, Галлии, Испании, Северной Африки восточные ткани, сирийские вина, изделия из серебра, папирус, драгоценные камни, пряности, одежду, вышивки, стеклянные изделия, а торговые фактории византийских купцов имелись в Неаполе, Равенне, Масилии, Карфагене, все же торговые связи по Средиземному морю в этот период были очень затруднены. Торговым судам византийцев на Средиземном море угрожали военные корабли вандалов; греческие купцы в варварских королевствах иногда подвергались преследованиям.

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА I (527—565 гг.)

Майнц. Римско-германский центральный музей.

Византийское купечество, в частности богатые купцы Константинополя, Антиохии, Александрии и других городов, было заинтересовано в восстановлении торговых связей с Западом. Они мечтали о безопасности мореплавания по Средиземному морю и о превращении его вновь в Римское озеро. Неудивительно, что завоевательные планы Юстиниана встретили сочувствие в этих кругах: купцы хотя и скупились, но все же платили большие деньги на военные расходы.

Торгово-ремесленные слои Византии в большинстве своем оказывали поддержку правительству Юстиниана. Они были заинтересованы в покровительстве сильной центральной власти, в широких завоеваниях на Западе, в военной защите на Востоке.

Это не исключает существования влиятельной оппозиции правительству среди части богатого купечества восточных провинций, которое тяготилось опекой центральной власти, мечтало о самостоятельности Египта и Сирии, было недовольно гонениями на монофиситов. К тому же глухое недовольство торгово-ремесленного населения страны порождали слишком тяжелые денежные поборы Юстиниана.

Прокопий, например, рассказывает, что при Юстиниане были значительно повышены таможенные пошлины на товары, ввозившиеся в столицу, и корабельные сборы, взимавшиеся с навикуляриев в гаванях Авидоса и Иерона [40]. Не могла не вызывать оппозиции части торгово-ремесленного населения Византии практика государственных торговых монополий, также получившая распространение при Юстиниане [41].

Отсюда — довольно частые колебания правительственной политики в отношении купцов и ремесленников и изменчивый курс в отношении монофиситов [42].

ХРАМ СВ. СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Внешний вид. 532—537 гг.

Большое значение для стабилизации экономики Византийской империи VI в. имела широкая строительная деятельность Юстиниана, засвидетельствованная «Трактатом о постройках» Прокопия и другими письменными источниками и подтверждаемая результатами многочисленных современных археологических изысканий. По инициативе правительства на территории всей Византии строились не только дворцы, храмы, оборонительные сооружения, но и происходило восстановление и благоустройство старых городов и возведение новых. Особенно важным было строительство портов и укрепление прибрежных дамб[43]. Широкая строительная деятельность преследовала своей целью и удовлетворение безмерного честолюбия императора: большинство вновь построенных городов как в самой Византии, так и в завоеванных на Западе провинциях Юстиниан называл своим именем и именем Феодоры. Особую заботу император проявил о своей родине: местечко Бедериана, где он родился, было превращено в цветущий город, украшенный богатыми общественными зданиями; ему было присвоено имя Первой Юстинианы[44]. Вместе с тем столь грандиозный размах строительной деятельности поднимал пульс общественной жизни в стране, давал заработок строителям и ремесленникам разных специальностей.

Стремясь к усилению централизации и к укреплению своей социальной базы, византийское правительство вскоре после воцарения Юстиниана должно было серьезно подумать о реформе управления государством.

Средние и мелкие землевладельцы, духовенство, торговцы и ремесленники, сельские жители и горожане — все страдали от гнета бюрократии, все с одинаковой надеждой ожидали реформ — упорядочения администрации, ограничения произвола и взяточничества чиновников. И Юстиниану пришлось пойти на эти реформы.

Прежде всего была объявлена беспощадная война одному из главных пороков администрации — продаже государственных должностей. В то время за получение любой должности приходилось платить так называемый «обычай» — плату за диплом на должность и «суффрагий» — узаконенную взятку лицу, от которого зависело назначение. Чиновник, купивший за большие деньги должность в провинциальной администрации, приехав в провинцию, принимался с особым ожесточением грабить население в расчете не только окупить свои расходы, но и нажиться. Все это крайне тяжело отражалось на положении подданных империи.

В 535 г. был издан закон против коррупции, положивший начало широким административным реформам. Этим законом Юстиниан навсегда запретил взимание суффрагия и установил точную таксу на «обычай». Он потребовал от всех чиновников, чтобы у них были «чистые руки». Взяточничество стало неумолимо преследоваться. Правителям провинций предписывалось «отечески» относиться к населению, охранять подданных от всяких несправедливостей, но в то же время неусыпно заботиться о своевременном поступлении налогов в государственную казну. Важной практической мерой для пресечения коррупции было повышение жалования чиновникам. Однако реформы не принесли желаемого результата, и до конца своего царствования Юстиниан безуспешно продолжал борьбу с продажностью администрации.

В 536 г. была проведена реформа административного устройства империи. Эта реформа коснулась преимущественно восточных и некоторых европейских провинций. Суть ее состояла в расширении административных округов и в создании более прочных территориальных единиц путем подчинения двух провинций власти одного правителя. Так, были объединены провинции Еленопонт и Понт Полемонский, Македония и Дардания, Пафлагония и Гонориада. В Египте были соединены под властью одного правителя две провинции Ливии. Правители новых административных округов получали различные титулы — преторов, ректоров, президов, модераторов, проконсулов — в зависимости от важности провинции. Особое значение имело соединение в руках этих правителей гражданской и военной власти.

В Новеллах, посвященных административной реформе, Юстиниан откровенно говорил о причинах своих нововведений. Их основной задачей являлось укрепление власти наместников провинций для борьбы с участившимися восстаниями народных масс и отдельных непокорных туземных племен, населявших империю [45]. Большую

роль играло также стремление правительства уничтожить сепаратистские тенденции провинциальной знати и положить конец постоянным распрям военных и гражданских властей [46]. Все это в соединении с введением повышенной оплаты государственных чиновников и отменой продажи должностей должно было, по мнению законодателя, обеспечить коренное улучшение администрации.

Ахиллесовой пятой правления Юстиниана была его финансовая политика. Придя к власти, Юстиниан хотел было поразить подданных своей щедростью и благотворительностью. Император устроил в столице роскошные игры для народа, потратив на это огромные деньги. Он выдавал из казны большие суммы на отстройку городов восточных провинций, пострадавших от землетрясений и других стихийных бедствий. По всей стране строились благотворительные учреждения: больницы, дома для престарелых, гостиницы [47], восстанавливались дороги, мосты, акведуки, цистерны для воды. В 528 г. была даже отменена прибавка к анноне, состоявшая в поставке населением дров и оливкового масла отрядам варварских войск, расквартированных в империи [48].

Но вскоре нужда в деньгах заставила Юстиниана забыть о каком-либо смягчении налогов и, напротив, сосредоточить все силы и внимание на поисках новых средств. Войны, широкая строительная деятельность, дипломатия, подкуп варваров, роскошь двора истощили государственную казну и привели Византию на грань финансовой катастрофы. Выходом из создавшегося положения явилось усиление налогового гнета и изыскание новых методов получения денег от подданных. Назрела необходимость в финансовых реформах. Для их осуществления Юстиниан нашел талантливого финансиста и администратора — Иоанна Каппадокийца, которого поставил во главе префектуры претория.

Родом из Кесарии Каппадокийской, Иоанн был человеком низкого происхождения, необразованным, грубым, суеверным и порочным. С отталкивающими манерами, шедший напролом в достижении своих целей, он к тому же был нечист на руку и собрал темными путями огромные богатства [49].

Вместе с тем Иоанна Каппадокийца отличали черты незаурядности. Даже Прокопий, ненавидевший Иоанна, вынужден был признать его государственный ум, политическую прозорливость, кипучую энергию и умение преодолевать трудности [50]. Будучи выходцем из народа, этот «финансовый гений», по иронии судьбы, употреблял свои способности во зло народу.

Иоанн Каппадокиец длительное время был вершителем всех финансовых и административных дел в государстве. Признавая необоснованной всякую идеализацию его деятельности, заметную у некоторых исследователей [51], необходимо все же отдать должное его решительным, хотя в конечном счете и бесплодным, попыткам улучшить финансовое и государственное управление империей.

Программа финансовых реформ, проводившихся Иоанном Каппадокийцем, соединяла в себе противоречивые начала. С одной стороны, он стремился централизовать финансовое и административное управление, сделать финансовую администрацию более гибкой

и менее продажной с тем, чтобы она обеспечивала поступление основных средств от налогоплательщиков государству, а не в частные руки. Отсюда его старания ограничить произвол знати на местах и положить конец коррупции чиновников. Земельным магнатам запрещалось приобретать заброшенные домениальные земли и таким путем узурпировать доходы государства. В 528 г. был подтвержден суровый запрет вельможам, занимающим высокие посты в провинциальной администрации, покупать земли в тех провинциях, где они служат. В 529 г. было возобновлено запрещение частных тюрем [52]. Велась борьба (правда, далеко не последовательная) с казнокрадством и взяточничеством чиновников финансовой администрации.

Однако бесконечная нехватка денег в казне толкала Иоанна Каппадокийца на изыскание все новых и новых способов ее пополнения. Прежде всего была сделана попытка увеличить доходы с доменов императора и владений фиска. Императорские имения в VI в. быстро росли (за счет конфискации поместий политических противников правительства и присоединения пустующих земель). Они были разбросаны по всей империи и являлись особенно обширными в Египте, Сирии, Палестине, Малой Азии. С целью повышения их доходности Юстиниан в 531 г. провел изменения в системе управления государственным и коронным имуществом. Он отошел от политики Анастасия, поддерживавшего старое разделение в управлении имуществом императора и имуществом фиска, подчинив домены императора, императрицы и земли фиска кураторам императорского дома. Кураторы фактически перестали быть министрами государства, а сделались чиновниками двора, в сущности — слугами императорской четы, хотя и носившими высокий сан иллюстриев. Произошло окончательное смешение императорского имущества и земель фиска.

Важным способом получения дополнительных доходов для государства, широко практиковавшимся в правление Юстиниана, было повышение Иоанном Каппадокийцем различных косвенных налогов и экстраординарных платежей. Среди них первое место по доходности занимали торговые монополии: отмененные предшественниками Юстинина, они стали практиковаться вновь в его правление. И раньше за предоставление торговым корпорациям монопольного права установления цен на продаваемые ими товары (в пределах максимума, введенного правительством) государство взимало особую плату — так называемый monopolium, составлявший немаловажную статью доходов фиска. При Юстиниане государство отказалось от таксации и в широких масштабах даровало торговым корпорациям монополию на установление цен по их усмотрению. В обмен на эти привилегии правительство требовало от торговцев уплаты все более и более высоких взносов, а они поднимали цены на продукты, что в конечном счете ложилось бременем на покупателей. Прокопий сообщает: с введением широкой практики монополий на товары первой необходимости цены повысились в три раза, что особенно тяжело сказалось на положении людей, «живущих подаянием», людей «маленьких и неимущих, находящихся в крайней нужде и унижении».

Введение монополий давало широкий простор для злоупотреблений государственных чиновников и частных лиц, которые «не только во много раз повышали стоимость товаров, но и неслыханным образом при помощи всяких хитростей портили эти товары».

Наиболее тяжелыми для широких масс явились монополии на хлеб. Юстиниан, по словам Прокопия, «грабил покупавших хлеб»; «каждый год он считал допустимым извлекать для себя отсюда 300 либр золота, а хлеб стал [дороже и] полон золы» [53].

Кроме того, были введены государственные монополии на производство шелковых тканей и других предметов роскоши, что, как указывает Прокопий, привело к разорению многих мелких ремесленников [54], особенно в городах Финикии.

Искусный министр финансов Юстиниана не довольствовался этим, а придумывал все новые методы добывания денег. В 528 г. станции морской полиции в Авидосе и Иероне (где ранее проходил досмотр судов, плывущих через проливы, с целью пресечения контрабанды и вывоза варварам запрещенных товаров, в первую очередь оружия) были превращены в таможни: с купцов и навикуляриев здесь стали взиматься высокие таможенные пошлины [55]. Позднее были повышены пошлины, уплачивавшиеся торговцами при входе в столичную гавань.

Иоанн Каппадокиец с особой строгостью требовал с подданных уплаты налоговых недоимок или процентов с них, так что, по словам того же Прокопия, недоимки стали «петлей, вечно висевшей на шее земледельцев» [56]. За свое длительное правление Юстиниан ни разу не простил недоимки подданным, не снял налогов с разоренных врагами городов.

При Юстиниане в более широких масштабах, чем раньше, стала применяться принудительная скупка хлеба у населения — синонэ (coemptio) [57]. Император Анастасий в свое время строго ограничил и регламентировал проведение синонэ, теперь эта регламентация всячески нарушалась. Прежде всего не соблюдался запрет скупать хлеб лишь в провинциях, изобилующих зерном. Его принудительная покупка по смехотворно низким ценам производилась теперь даже в тех провинциях, где не было своего хлеба, и владельцам имений приходилось покупать для сдачи государству зерно в других областях, иногда очень отдаленных, а затем на свой счет перевозить хлеб на значительные расстояния к государственным амбарам. Обычным явлением при приемке хлеба были злоупотребления сборщиков: хлеб, по словам Прокопия, принимался «не той мерой, как это полагается для всех людей, но как заблагорассудится этим приемщикам» С введением синонэ, пишет Прокопий, сельское население платило налогов, по крайней мере, в 10 раз больше, чем раньше, и у «хозяев имений вытягивались все жилы» [58].

В империи еще существовал древний обычай — в чрезвычайных случаях взимать с какой-либо провинции или города добавочный экстраординарный налог —диаграфэ (descriptio). Этот налог обычно распределялся между всеми плательщиками налогов — пропорционально поземельной подати, вносимой каждым из них. При Юстиниане такие экстраординарные поборы делались все более частыми,

а потом фактически превратились в постоянный дополнительный налог [59].

Не менее обременительной для населения была и широко практиковавшаяся при Юстиниане эпиболэ; покинутые владельцами земли, количество которых росло, насильственно присоединялись к владениям соседей с обязательством платить в казну причитающиеся с этих земель налоги. По словам Прокопия, эпиболэ, — «это какая-то непредвиденная чума, внезапно поразившая владельцев имений и с корнем вырвавшая у них надежду на возможность жизни» [60].

Особенно большое недовольство населения Византии вызвано было введением при Юстиниане дополнительного налога — так называемого «налога на воздух» (аэрикона), как бы «упавшего с неба». Мы не располагаем данными для определения характера налога и способа его взимания. Известно только, что налог этот — Прокопий называет его «делом подлости Юстиниана» — приносил казне доход в 3 тысячи фунтов золота [61]. Быть может, аэрикон складывался из штрафов, которые платили городские домовладельцы, если их дома находились на меньшем расстоянии от других зданий, чем предусматривалось установленными государством нормами (10—15 шагов). Перед домовладельцами ставилась в таком случае альтернатива: или снести дом, или платить высокий штраф [62].

Во время префектуры Иоанна Каппадокийца проводилась строгая экономия государственных расходов: были сокращены затраты на содержание государственной почты [63], контролировались военные расходы, солдат неохотно производили в следующие чины, чтобы не повышать им жалования [64].

Отрицательное влияние на жизненный уровень населения оказала также порча монеты [65]. Современники жалуются и на сокращение хлебных и денежных раздач беднейшим жителям Константинополя и других крупных городов [66]. Финансовая политика Юстиниана была одной из важных причин нараставшего недовольства народных масс Византии, часто выливавшегося в грозные восстания.

О жизни народа в правление Юстиниана мы осведомлены, к сожалению, очень мало. Можно лишь предположить, что в некоторых провинциях, особенно в придунайских, уже в этот период в связи с поселением здесь варваров, в частности славян [67], начинает значительно увеличиваться численность свободных крестьян и колонов.

Рабовладение в VI в. по-прежнему сохраняло свое экономическое значение. Степень развития рабовладения в отдельных провинциях Византии, однако, была различной. Областями наибольшего его распространения, как и ранее, оставались Греция, западная часть Малой Азии, Сирия, Египет, Киренаика; в окраинных провинциях, в горных районах, в местностях с преобладанием поселений свободных крестьян число рабов было невелико. Определить их численность при отсутствии статистических данных невозможно. Известно, однако, что завоевательные войны Юстиниана обеспечили постоянный и широкий приток рабов в империю [68]. Особенно много невольников было захвачено во время победоносной экспедиции Велисария в Северную Африку. По словам Прокопия, военнопленных мужчин византийские солдаты в королевстве вандалов чаще всего избивали,

а женщин и детей обращали в рабство[69]. Немало рабов приносили византийской знати и другие завоевательные походы Юстиниана — в Италию и Испанию. Во время войны с Ираном византийские войска вторглись в персидскую Армению и захватили в рабство большое число армян[70]. Постоянные междоусобные войны соседних с Византией варварских племен и народов также доставляли значительное количество рабов, продававшихся варварами в империю.

Работорговля в VI в. была еще значительной. Основная масса рабов ввозилась из областей, расположенных вокруг Черного моря, из стран Восточной Европы и с Кавказа[71]. Несколько меньшие масштабы имела византийская торговля рабами с государствами Востока и Средиземноморья. Наиболее интенсивная работорговля существовала в пограничных областях, куда правительство, опасаясь рабских восстаний в больших городах страны, перенесло невольничьи рынки.

Размах работорговли вызвал необходимость ее строгой регламентации. Законодательство Юстиниана ввело постоянные рыночные цены на рабов — от 20 до 70 номисм, в зависимости от квалификации раба. Прокопий упоминает о том, как в Северной Африке одного военнопленного выкупили из рабства за 50 золотых номисм, что подтверждает реальность указанной продажной цены[72].

Правительство стремилось извлечь доходы от взимания торговых пошлин за ввоз рабов. В гаванях Авидоса и Иерона устроены были специальные таможни, следившие за уплатой пошлин работорговцами. Через Иерон ввозились рабы из стран Восточной Европы и Кавказа, через Авидос — из областей Средиземноморья. Пошлина за ввоз раба обычно составляла $^1/_{10}$ его стоимости и при средней продажной цене раба (20 номисм) исчислялась в 2 номисмы. Работорговцы всячески уклонялись от уплаты пошлин; в пограничных областях империи, особенно на Кавказе и в Причерноморье, а также на островах Эгейского моря, процветала поэтому контрабандная торговля рабами.

При продаже раба продавец должен был указывать его этническую принадлежность: византийская знать опасалась покупать рабов из свободолюбивых и воинственных варварских племен. За сокрытие опасных для новых хозяев «пороков» раба продавец подвергался штрафу. Он обязан был сообщать о склонности раба к бегству, о его попытках к самоубийству, о строптивости раба. Эти качества снижали цену рабов. Закон запрещал продажу раба — уроженца империи в чужие страны.

Наряду с торговлей одним из источников рабства продолжала оставаться самопродажа бедняков и продажа ими своих детей. В египетском папирусе VI в. говорится о бедной девушке, отданной своим братом кредитору, у которого она должна была отбывать «рабскую повинность» до уплаты долга.

Рабский труд сохранял свое значение как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. В законодательстве Юстиниана проводится разграничение между сельскими и городскими рабами[73]. Современники рассказывают о применении рабского труда на мельницах; рабы упоминаются в качестве погонщиков мулов, пастухов. В поместьях жили

также рабы-ремесленники, изготовлявшие для своих господ предметы роскоши, ткани, ювелирные изделия, а также одежду и обувь.

При составлении земельного кадастра владельцы имений обязаны были подавать фиску сведения о числе рабов, живших в их владениях, поскольку оно учитывалось при обложении, увеличивая сумму налога.

В больших городах встречались эргастирии, в которых зачастую работало несколько сотен рабов. Во главе эргастирия стоял раб-эргастириарх: в его обязанности входило наблюдение за производством, закупка сырья и товаров, внесение энойкиона — платы за помещение хозяину дома, где была расположена ремесленная мастерская. В домах знатных вельмож обычно имелись мастерские по изготовлению предметов роскоши; особенно славились женские мастерские — гинекеи, где искусные рабыни-златошвейки шили прекрасные одежды для своих господ.

Свидетельством важности применения рабского труда в ремесле является тот факт, что раб — квалифицированный ремесленник во всех случаях ценился дороже, чем необученный раб. Насколько возрастала стоимость раба в зависимости от его профессии, мы можем судить по упомянутой выше таксе рыночных цен на рабов. Законом 531 г. Юстиниан установил, что взрослые рабы обоего пола, необученные какому-либо ремеслу, ценились в 20 номисм (дети — в 10 номисм). Рабы, знающие ремесло, продавались уже за 30 номисм. Цена раба значительно возрастала в том случае, когда раб владел редкой специальностью, требующей особых знаний и навыков. Рабы-нотарии, обученные римскому праву, ценились в 56 номисм, врачи и акушерки — в 60 номисм. Самая высокая цена — 70 номисм уплачивалась за рабов-евнухов, владеющих каким-либо ремеслом [74]. Такса на продажу раба, установленная при Юстиниане, сохраняла свое значение и в последующее время. Так, по данным жития Иоанна Милостивого (VII в.), молодой раб, обученный ювелирному делу, стоил 30 номисм.

Помимо рабов-ремесленников, работавших в эргастириях частных лиц, в VI в. существовала еще довольно многочисленная категория государственных рабов и рабов, находившихся в распоряжении муниципальных властей. Рабы, принадлежавшие городской курии, как правило, выполняли все работы, связанные с поддержанием чистоты и благоустройством города. Среди них источники упоминают, например, рабов-гидрофилаков, занимавшихся ремонтом городского водопровода [75]. Большинство государственных рабов в VI в. работало в государственных мастерских по изготовлению оружия, одежды для двора и армии, предметов роскоши. В эти мастерские в первую очередь попадали военнопленные, владевшие ремеслом. В государственных мастерских и на различных общественных работах трудились и лица, осужденные за различные, главным образом, политические преступления. Рабы, сосланные за особо опасные преступления в рудники, обычно после отбытия наказания не возвращались прежним господам, а передавались фиску. Особенно тяжелой была участь рабов-моряков, работавших на гребных судах — катергах. Недаром их подневольный труд породил в дальнейшем термин — «каторга».

Законодательство категорически запрещало рабам служить в армии. Однако, постоянно нуждаясь в солдатах, византийское правительство в 529 и 531 гг. издало постановления о том, что раб, поступивший в армию с согласия господина, в обязательном порядке становился свободным человеком и хозяин лишался на него всех прав [76]. Если же раб становился солдатом без ведома господина, то он немедленно возвращался хозяину [77]. В отдельных случаях, правда, закон мог обходиться. Прокопий в «Тайной истории» рассказывает: корыстолюбие Юстиниана привело к тому, что рабы, которые были в состоянии уплатить большую сумму денег, могли приобрести себе воинское звание схолария, впрочем, к тому времени уже не связанное с реальной военной службой [78]. Обычно рабы использовались лишь как слуги военачальников и солдат византийской армии и выполняли в армии самые трудные и «низкие» работы [79].

В случае нападения врагов на город рабы иногда привлекались для несения службы охраны, но всегда — под присмотром свободных. Зачастую рабовладельцы создавали из своих рабов вооруженные отряды, охранявшие их поместья, дома, служившие защитой хозяину во время его путешествий или использовавшиеся для набегов на владения его соседей во время распрей с ними.

Многочисленной категорией рабов в Византии VI в. оставались рабы — домашние слуги: повара, стольники, спальники и др. Особенно высоко ценились в качестве домашних слуг рабы-евнухи. Закон запрещал оскоплять рабов — уроженцев Византии (оскопленный раб получал свободу), и поэтому рабы-евнухи обычно были иноземного происхождения. Многочисленная челядь из рабов наполняла императорский дворец и дома знатных вельмож. Большая свита рабов, окружавших господина, как и раньше, служила показателем богатства и политического влияния вельможи. Византийских послов в их поездках в чужеземные страны всегда сопровождала толпа рабов. Так, посол Юстиниана Сотирих, по словам Агафия, прибыл в страну мисимиан в сопровождении многочисленной свиты, в составе которой было немало рабов [80]. Знатные византийские дамы соперничали друг с другом числом, красотой и искусством принадлежавших им рабов и рабынь. Даже удаляясь в монастырь, эти вельможные дамы не забывали брать с собой своих невольниц, которые продолжали им прислуживать и там.

Прокопий сообщает о чрезвычайно жестоком обращении византийских вельмож с рабами-слугами. Историк рассказывает, как жена полководца Велисария — Антонина расправилась с рабами, сообщившими мужу об ее измене: «У них у всех, как говорят, она велела сначала вырезать язык, а затем, изрубив на мелкие куски, в мешках бросить в море...» [81]

В VI в. произошли весьма существенные изменения в формах и методах использования рабского труда, что нашло свое юридическое оформление в законодательстве Юстиниана [82]. Все большее распространение получает пекулий. Для землевладельцев становится выгоднее, уменьшая барскую запашку, делить имение на мелкие парцеллы, часть которых сдавать в аренду колонам, а другую передавать для обработки «посаженным на землю» рабам [83]. В Византии

МАСКА.

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. VI в.

пробивает себе дорогу новая тенденция социально-экономического развития — использование труда рабов для ведения мелкого хозяйства как в деревне, так и в городе. Таким путем увеличивалась заинтересованность раба в труде и в некоторой интенсификации хозяйства. Но все-таки бесправие раба придавало его производственной деятельности ограниченный характер, что затрудняло дальнейшее развитие производительных сил страны. Эволюция экономического положения рабов оказывала влияние и на их юридический статус, подвергавшийся известным изменениям [84].

В VI в. расширяется и такая категория сельского населения, как колоны. Увеличение их числа шло главным образом за счет принятия на территорию империи варваров, которые получали статус колонов, а также за счет возросшей в VI в. практики отпуска на свободу рабов [85]. Иногда колонами становились и разорившиеся крестьяне. Социально-экономическое положение колонов существенно изменилось по сравнению с предшествующим временем.

В VI в. все явственнее проступает тенденция законодательства лишить имущественных прав не только энапографов, но и свободных колонов. В случае бегства свободного колона в поместье какого-либо землевладельца беглец возвращался прежнему господину вместе со всем своим имуществом [86]. Если свободный колон (или энапограф), убежав от господина, укрылся в монастыре, то согласно закону, по прошествии трех лет он мог быть принят в клир, и бывший господин терял на него права, однако мог требовать возврата имущества беглеца. Иными словами, землевладелец сохранял более прочные права на имущество колона, чем на него самого [87].

Согласно новелле Юстиниана, и свободные колоны ограничивались в завещании своего имущества. Если колон не имел прямых наследников и умирал без завещания, то все его достояние переходило господину. Одновременно устанавливалось, что колон был вправе завещать наследство лишь колонам своего же господина с тем, чтобы это имущество не переходило лицам, живущим за пределами имения землевладельца [88]. Закон 529 г. уже прямо ставит под сомнение право собственности свободных колонов на землю. В процессах колонов против землевладельцев, где идет спор о собственности на землю, суд всегда остается на стороне господ [89]. Даже длительное владение не обеспечивало колону владельческих прав на участок [90]. Кодекс Юстиниана указывает, что земледелец, платящий оброк за держание земли, не может считаться ее владельцем [91]. «Колон не может оспаривать право владения против воли и без ведома господина» [92]. Колону принадлежит лишь снятый урожай, а хлеб на корню, плоды на дереве считаются собственностью господина. Как правило, колоны не являлись также собственниками инвентаря и рабочего скота, которые они получали от землевладельца. Свободный колон мог иметь, однако, и свой инвентарь, о чем свидетельствует спор между господином и колонами из-за переданного по наследству инвентаря колонов [93]. Из материала папирусов видно, что свободные колоны Египта владели рабочим скотом.

Иногда колоны имели своих рабов, выполнявших на их участках наиболее тяжелые работы. Запрещалось кому-либо без согласия

колона использовать на работе его быка или раба. В случае неуплаты колонами налогов государственные чиновники отнимали у них в счет платежей рабочий скот и рабов[94]. Равеннские папирусы VI в. сообщают, что у колонов были рабы.

Землевладелец имел возможность удалить из имения колона только в случае, если тот не обеспечил хорошую обработку поля и уплату оброка[95]. Если колон по каким-либо причинам не был в состоянии вести хозяйство, то господин мог передать участок колона его наследникам, а за отсутствием последних имел право отдать землю другому земледельцу[96].

Колоны оказывали упорное сопротивление попыткам лишить их прав на землю, что получило отражение и в законодательстве об имущественном статусе колонов: оно достаточно противоречиво. Иногда само правительство должно было идти на уступки колонам, чтобы заинтересовать их в обработке имений, заброшенных владельцами вследствие нехватки рабочих рук. В покинутых хозяевами имениях чиновники имели право признавать колонов владельцами земли[97]. Есть сведения, что у колонов имелись собственные участки земли (помимо тех, которые они обрабатывали у господ)[98].

В различных провинциях положение колонов было неодинаковым. Кроме того, наблюдается множество оттенков в имущественном положении колонов — вопреки нивелирующим тенденциям законодательства. Так, в Египте в VI в., по данным папирусов, колоны реально могли заключать соглашения имущественного характера, брать ссуды, гарантируя их своим имуществом.

Законодательство Юстиниана предписало продавать имение только вместе с живущими в них колонами[99]. Запрещалось продавать колона-энапографа без земли[100]. Продажа или дарение имения могли осуществляться лишь совместно с передачей новому владельцу тех колонов, которые уже там жили[101]. Завещание не имело силы, если колон был завещан без земли. Новым хозяевам земли запрещалось изгонять из купленных ими имений живущих там колонов и заменять их своими рабами или другими колонами. Подобный проступок карался конфискацией приобретенного имения[102].

Равеннские папирусы VI—VII вв., характеризующие действительное имущественное положение колонов Италии, свидетельствуют о прочной связи колона с его земельным участком[103]. Продажа, дарение, завещание земли, по данным равеннских папирусов, обычно производились вместе с продажей, дарением, завещанием колонов, сидевших на ней. Колонов же дарили и завещали обязательно вместе с участками земли, которые в Италии VI в. назывались колонскими землями. Интересно описание имущества колонов в папирусах Италии. В одном равеннском папирусе говорится о передаче монастырю (по завещанию) колонов вместе со всем их имуществом — домами, хозяйственными пристройками, небольшими участками пахотной земли, виноградниками и другими угодьями. По другому завещанию мы можем судить о наделах колонов, сидящих на земле крупного землевладельца. Обычно такой надел включал виноградник, поле, луг, сад, оливковые насаждения и другие угодья. Документы свидетельствуют о достаточно прочной хозяйственной связи ко-

лонов с имением и фактической невозможности для господ разорвать эту связь при отчуждении земли.

Все сказанное убеждает нас в том, что на имущественное положение византийских колонов VI в. оказала влияние борьба двух противоречивых тенденций социально-экономического и политического развития. С одной стороны, господствующие классы при помощи законодательных мер пытались не только окончательно лишить приписных колонов имущественных прав, но и наложить руку на имущество свободных колонов, существенно ограничив их в распоряжении землей. С другой, неуклонно возрастала реальная хозяйственная связь колона с его участком, на котором колон вел по существу самостоятельное хозяйство. Поэтому землевладельцу практически становилось все труднее согнать колона с его участка и захватить его имущество.

Если реальная жизнь, как мы видели, вносила известные ограничения даже в распоряжение пекулием раба, то тем более подобные действия были затруднительны по отношению к колонам.

Колоны являлись одним из основных податных сословий; на них ложилось бремя уплаты государственных налогов и выполнения различных повинностей — по строительству укреплений, дорог, мостов, дамб, очистке каналов и созданию ирригационных сооружений [104]. Только колонам императорских имений при Юстиниане даровалось освобождение от экстраординарных податей и повинностей [105]. Хотя эти колоны и платили поземельный налог, но были освобождены от тяжелой повинности доставлять хлеб в государственные амбары [106].

Большая часть налогов падала на приписных колонов, внесенных в цензовые списки (составлявшиеся, однако, на имя землевладельца). Приписной колон должен был уплачивать господину, а через него — в казну и поземельный и подушный налоги [107]; свободные же колоны — лишь поземельный налог [108]. В случае неуплаты налогов чиновники сгоняли колонов с земли, отбирали их имущество, низводили на положение рабов. Как и раньше, в VI в. в большинстве своем землевладельцы сами собирали налоги с колонов и вносили их в казну [109]. Частые злоупотребления земельных магнатов (об этом говорится в египетских папирусах) разоряли колонов и наносили ущерб государству. Случалось, что землевладельцы, собрав налоги с колонов, утаивали деньги от казны, и фиск вторично требовал с их колонов уплаты налогов, которую те уже не могли произвести. В связи с этим правительство сочло выгодным разрешить части свободных колонов вносить налоги государству, минуя землевладельцев [110].

Правда, несколько позднее, в 545 г. (видимо, под давлением крупных земельных собственников), Юстиниан вновь предоставил господам право взимать налоги не только с приписных, но и со свободных колонов и вносить эти поступления в казну [111].

Помимо государственных налогов, колоны обязаны были определенными платежами господину за пользование землей: они вносились как натурой, так иногда и деньгами; кроме того, во время пахоты, посева и жатвы колоны работали в имении господина [112]. В Дигестах упоминаются колоны-издольщики; в некоторых провинциях доля,

отдаваемая колоном господину, равнялась пятой или седьмой части урожая [113].

По сравнению с предшествующим временем размеры натуральных платежей колонов в VI в. возрастают. В Египте, по данным папирусов, колоны могли оставлять себе лишь одну четвертую или одну пятую часть урожая. Из материала папирусов видно, что колоны часто были не в состоянии уплатить свой оброк и вносили его лишь на следующий год.

Владелец имения мог требовать денежные взносы с колонов лишь при условии, если здесь сложился обычай платить ренту деньгами [114]. Согласно обычаю исчислялась и норма оброка. Однако нередко землевладельцы пытались увеличивать платежи колонов вопреки установившимся нормам [115]. В случае незаконного увеличения платежей правительство разрешило колонам обращаться в суд с исками против хозяев [116]. Сверх обычных платежей колоны вносили господину деньги за пользование пастбищами и за орошение своего участка [117].

Сведения о норме отработочных повинностей колонов в источниках очень скудны. Известно только, что еще во II в. каждый колон должен был ежегодно отработать в пользу владельца земли по 2 дня на пахоте, по 2 дня на жатве и по 2 дня на прополке.

Равеннские папирусы дают представление если не о точном размере, то о составе повинностей колонов на церковных землях. Колоны должны были поставлять церкви так называемые добровольные приношения — свиное сало, гусей, кур, яйца, мед, молоко, а также обязаны были отбывать барщину — от одного до трех дней в неделю (чаще всего в документах упоминается трехдневная барщина) [118]. Сопоставление данных об отработочных повинностях колонов II и VI вв. позволяет сделать вывод о возможном увеличении барщины в VI в. Однако уровень оброка и размеры отработок колонов в разных областях империи весьма отличались друг от друга; приведенные сведения имеют все же узко локальный, ограниченный характер.

В VI в. продолжался процесс прикрепления колонов к земле. Правительство Юстиниана усиливает наступление на права колонов, окончательно ликвидировав одну из важных привилегий вольного человека — свободу передвижения. Согласно закону 531 г., права перехода из одного имения в другое были лишены как приписные, так и свободные колоны [119]. Подтверждая закон императора Анастасия о прикреплении к земле свободных колонов, проживших в имении 30 лет, Юстиниан распространил это суровое предписание на всех потомков свободных колонов, в том числе и на детей, родившихся в других местностях и даже не проживших в имении 30 лет. Беглые колоны разыскивались и возвращались на прежние места жительства, подобно рабам. Уходить из имения свободным колонам разрешалось лишь в том случае, если они приобрели где-либо имущество, достаточное для их содержания [120]. Что касается приписных колонов, то, по закону Юстиниана, они теряли всякую надежду на освобождение и лишались какой-либо возможности покинуть имения своих господ [121].

В законодательстве Юстиниана все явственнее проступает тенденция низвести правовой статус колона, особенно энапографа,

к рабскому: в одной из новелл Юстиниана дети энапографов прямо названы «рабским отродьем» [122]. Все больше утрачивает свои права и свободный колон. Хотя официально законодательство Юстиниана признает его свободным человеком, на деле он все больше попадает в зависимость от господина и, как зависимое лицо, фактически лишается прав свободного гражданина.

Юстинианово законодательство значительно ухудшило и семейно-правовое положение колонов [123].

Колонам запрещалось без разрешения господина поступать на военную службу или занимать какие-либо государственные должности [124]. Исключение делалось только для колонов, прослуживших 30 лет в курии или корпорации: им дозволялось продолжать выполнение своих обязанностей, не опасаясь преследования со стороны своих прежних господ. Это постановление, идущее до некоторой степени вразрез с общим направлением Юстинианова законодательства о колонах, отражает борьбу между двумя группировками господствующего класса — представителями земельной аристократии и городских торгово-ремесленных кругов из-за рабочих рук, в которых нуждались те и другие.

Итак, в социально-экономической политике Юстиниана намечаются следующие тенденции: борьба против роста крупного сенаторского землевладения и стремление, в противовес высшей аристократии, найти социальную опору в средних слоях рабовладельцев — землевладельцев и куриалов, у высшего ортодоксального духовенства, а также в какой-то мере привлечь на свою сторону торгово-ремесленные круги городов.

На определенном этапе эти попытки Юстиниана создать широкую социальную базу своему правлению имели успех, что дало императору возможность начать завоевательную политику на Западе. Однако финансовые мероприятия правительства мало-помалу стали отталкивать от него и те социальные круги, которые ранее его поддерживали.

Тогда Юстиниан начал искать выход из положения во все большем нажиме на народные массы, в политике самого жестокого террора и ограбления народа.

В конечном счете это привело к чрезвычайному обострению классовой борьбы в Византии VI в.

Глава

11

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ЮСТИНИАНА

В памяти многих поколений представление о правлении Юстиниана всегда было связано с предпринятой им реформой римского права. Грандиозное творение, называемое «храмом правовой науки» и приписываемое воле законодателя Юстиниана, по сути дела было рождено самой жизнью. Коренные изменения социально-экономических и политических отношений в империи IV—VI вв. требовали переработки старых правовых норм, мертвой глыбой лежавших на пути дальнейшего прогресса византийского общества. Однако в условиях сохранения в VI в. основ рабовладельческого строя и рабовладельческого государства фундаментом воздвигнутого при Юстиниане огромного здания Свода гражданского права могло быть только старое римское право.

В переходный период от рабовладения к феодализму, когда рабовладельческий строй еще не сдал своих позиций, еще были живы многие институты римского права: в несколько модифицированном виде они были приемлемы для господствующих классов империи. Само рабовладение и различные методы классового господства рабовладельцев, социальные и сословные перегородки и привилегии, разнообразные формы рабовладельческого государства и его системы управления — все это еще отвечало интересам господствующих классов византийского общества. Поэтому-то краеугольным камнем всей законодательной деятельности Юстиниана стал чисто консервативный принцип, декларированный самим императором,— принцип безусловного «уважения к непогрешимой древности». Отсюда такое преклонение законодателей VI в. перед римским правом. Кроме

того, поскольку в Византии VI в. сохранялись крупные города, развивались ремёсла и торговля, имущественные и торговые сделки отличались многообразием, реальная жизнь требовала упорядочения и тщательной регламентации прав частной собственности, на которой во многом зиждилась экономика страны. И в этом отношении римское право являлось источником, из которого можно было черпать полной рукой. Недаром Ф. Энгельс считал римское право совершеннейшей формой права, имеющей своей основой частную собственность [1].

Вместе с тем практические потребности порождали настоятельную необходимость внесения серьезных коррективов в существовавшие правовые нормы. Новые социальные порядки, рождаясь, создавали новые правоотношения, возникали иные, неведомые раньше формы взаимоотношений классов, сословий, требовавшие юридического оформления.

Но, конечно, существовали и чисто юридические причины, вызвавшие кодификацию права. Прежде всего, для практического ведения процессов необходимо было внести ясность в огромное количество зачастую противоречивых юридических предписаний и узаконений, добиться доступности и четкости правовых норм, систематизировать и классифицировать законы, облегчить пользование ими. Кроме того, нужно было навести порядок в юридической терминологии, устранив многие устаревшие термины, характеризовавшие явления и институты, уже исчезнувшие из реальной действительности. Надо было придать многочисленным узаконениям единообразную и современную форму, положить предел произволу судебных чиновников. Это было особенно необходимо потому, что материалы римского права в VI в. были распылены по различным источникам, часто труднодоступным, многое устарело. Назрела практическая потребность, согласно выражению самого Юстиниана, создать «точные и неоспоримые законы».

Перед византийским правительством стояла дилемма: применять на практике устаревшее законодательство было крайне затруднительно, выработать новые законы, навсегда простившись с овеянным величием древних традиций римским правом,— невозможно. Оставался лишь средний путь, половинчатый и компромиссный, но единственно возможный в сложной социально-политической обстановке VI в.— кодификация римского права с учетом изменений, происшедших в жизни. И император Юстиниан пошел по этому пути [2].

В 528 г., на второй год его правления, началось осуществление грандиозной кодификации права. Монархическая форма правления и деспотический нрав нового императора послужили причинами того, что вся законодательная реформа была приписана одному Юстиниану и созданный в ее результате Свод гражданского права получил его имя.

Безграничное честолюбие Юстиниана толкало его не только на внешние завоевания и восстановление Римской империи, но и на внутренние реформы, возрождавшие славу римской юриспруденции. Подражая своим предшественникам на троне цезарей, Юстиниан мечтал быть и императором-воителем, воскресившим славу военных

побед Рима, и императором-законодателем, поднявшим до невиданных высот науку права. Таковы были мечты деспотического правителя. В действительности, однако, сам Юстиниан никогда не участвовал ни в одном сражении и все завоевания осуществлял чужими руками. Точно так же он лично не участвовал в законодательной реформе и предоставил это делать другим.

Тем не менее его роль в создании нового Свода гражданского права была весьма значительной[3]. Ему принадлежали не только основной замысел всего предприятия и инициатива его выполнения, но и постоянная помощь и наблюдение за проведением реформы. Он не жалел ни энергии, ни денег, ни времени на создание нового свода законов и постоянно торопил исполнителей. Он трезво оценил обстановку в стране и понял неотложную необходимость систематизации и кодификации права. Кроме того, он сумел найти себе способных сотрудников, на знания и опыт которых опирался, осуществляя задуманное дело.

Душой всей законодательной реформы Юстиниана был ее талантливый руководитель и знающий исполнитель — квестор Трибониан. Императору посчастливилось найти в нем такого энергичного и образованного человека, который мог бы претворить в жизнь его замысел. Трибониан был известным юристом, обладавшим широкими юридическими познаниями, соединенными с практическим опытом и величайшим трудолюбием. В императорских конституциях Трибониан именовался человеком, «украшенным красноречием и юридической мудростью». Действительно, у Трибониана нельзя отнять его огромной эрудиции, блестящего знания юриспруденции, таланта организатора. В то же время ученый юрист уживался в Трибониане с льстивым царедворцем, карьеристом и беззастенчивым, жадным чиновником, который «продавал за деньги и приговор, и закон». Тем не менее все дело кодификации римского права практически вел именно он. и благодаря его энергии и настойчивости реформа была завершена в предельно короткий срок.

Она началась с составления Кодекса Юстиниана. 13 февраля 528 г. по приказанию императора была создана комиссия из 10 опытных государственных деятелей, занимавших высшие административные посты, знающих юристов и профессоров права. Возглавил эту комиссию экс-квестор священного дворца — патрикий Иоанн. По характеристике Юстиниана, в комиссию вошли «люди науки, неутомимого трудолюбия и похвального усердия к общественному делу». Среди них особенно выделялись своими знаниями Трибониан и профессор права Феофил. Правительством была поставлена перед комиссией десяти задача отобрать из огромной массы императорских конституций наиболее важные, имеющие практическое применение и отбросить все устаревшее, фактически потерявшее значение. Необходимо было также систематизировать и классифицировать все отобранные императорские постановления.

Комиссия начала работу с пересмотра ранее созданных кодексов — Грегориева, Гермогенианова и Феодосиева[4], из которых отобрала самое ценное, в первую очередь — конституции, соответствующие реальным потребностям и важные для юридической практики.

ЦЕРКОВЬ СВ. ИРИНЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Вид с крыши св. Софии

Возможно, были использованы и специальные юридические работы Бейрутской школы права. Кроме того, были собраны и систематизированы законы императоров, не вошедшие в предшествующие кодексы. В процессе работы комиссия юристов, получившая широкие полномочия, вносила изменения в законы, отбрасывала устаревшие постановления, исключала отмирающие или уже исчезнувшие институты, стремилась устранить противоречия и повторения.

Дело было завершено в поразительно короткий срок — уже 7 апреля 529 г., спустя немногим более года после начала кодификации, первая редакция Кодекса Юстиниана была закончена, а 16 апреля она получила силу закона. Однако спешка не могла не сказаться на качестве работы, и очень скоро потребовалось издание новой, второй редакции Кодекса. Эта работа была опубликована 16 ноября 534 г., а 29 декабря того же года второе издание Кодекса приобрело законную силу. Кодекс Юстиниана сохранился до наших дней во второй редакции и именно в этом виде уже впоследствии стал всемирно известным.

Одновременно с подготовкой Кодекса началась работа по созданию сборника важнейших правовых положений, заимствованных

из различных трудов римских юристов; по замыслу составителей, он должен был охватить самый широкий круг правовых вопросов и поэтому получил название «Дигесты», что по-латыни означает «собранное», «приведенное в систему». Одновременно ему было дано и равнозначное греческое название — «Пандекты» (по-гречески — «содержащие в себе все»).

Особой конституцией Юстиниана от 15 декабря 530 г. комиссии из 16 юристов предписывалось приступить к составлению Дигест[5]. Комиссию возглавлял Трибониан, оправдавший надежды императора. В состав комиссии, кроме Трибониана, входили четыре профессора права — Феофил и Грациан из Константинополя, Дорофей и Анатолий из Бейрута, один крупный государственный чиновник по имени Константин и 11 адвокатов, причастных к высшей администрации империи. Позднее составителей Дигест стали называть компиляторами, поскольку их труд сводился главным образом к компилированию произведений римских юристов. Комиссии Трибониана предстояло выполнить чрезвычайно сложную, двойную задачу. Прежде всего необходимо было собрать и систематизировать огромное правовое наследие римских юристов, пришедшее к VI в. в хаотическое состояние. Тем самым осуществлялась консервативная идея — сохранения в их незыблемости правовых ценностей, созданных почитаемыми юристами Рима. По мнению Юстиниана, «не зная древних законов, нельзя понять современное право». Одновременно требовалось решить другую, чисто практическую и в известной степени противоречащую первой задачу: отобрать из классических произведений юристов именно то, что могло бы стать действующим правом в конкретных общественных условиях VI в. Для этого надо было устранить отжившие правовые нормы и привести все установления в соответствие с требованиями жизни. Для осуществления этих задач комиссия юристов должна была разобрать и систематизировать около 2-х тысяч книг, или 3 миллиона строк. Император ясно понимал трудность задуманной кодификации: он писал, что о таком деле никто ранее и не мечтал и что в нем, «как в глубоком море», могли потонуть самые ученые и искусные люди. Первоначально предполагалось, что на составление Дигест потребуется 10 лет, но уже через три года Дигесты были закончены и 16 декабря 533 г. утверждены Юстинианом. Отныне они стали действующим законом во всей империи.

Выполнение столь трудного дела в такой короткий срок оказалось возможным, видимо, потому, что организация работы была хорошо продумана и в помощь знающим юристам из комиссии 16 был привлечен многочисленный штат секретарей, тоже сведущих в юриспруденции. По всей вероятности, комиссия разделилась на три секции, каждая из которых занялась компилированием определенной группы источников. После того, как юристы каждой секции собрали и классифицировали материал источников, вся комиссия пересмотрела и отредактировала текст Дигест в целом (для устранения повторений и противоречий).

Дигесты разделяются на 7 частей и 50 книг. Каждая книга в свою очередь распадается на титулы и фрагменты; всего в Дигестах со- 250

держится около 429—433 титулов и около 9200 фрагментов. В Дигестах собраны и систематизированы извлечения из юридических сочинений 39 знаменитых римских юристов I в. до н. э. — VI в. н. э. Древнейшими произведениями, включенными в Дигесты, являются фрагменты из сочинений юристов республиканского времени — Квинта Муция Сцеволы, Эллия Галла, Алфена Вара (I в. до н. э.). Подавляющее большинство трудов, составивших основу Дигест, принадлежит юристам эпохи Принципата и Империи. Особенно широко компиляторы черпали из сочинений пяти наиболее почитавшихся юристов — Папиниана, Павла, Ульпиана, Гая и Модестина. На долю такого корифея римской юриспруденции, как Ульпиан, приходится около $^1/_3$ текста Дигест, а на долю Павла — $^1/_6$.

В Дигестах, общий объем которых составлял около 150 тысяч строк, давалась в кратком изложении квинтэссенция римской науки о праве. Юстиниан высокопарно заявил, что созданием Дигест был выстроен священный храм римской юстиции. Конечно, Дигесты имели немало недостатков и были далеки от совершенства. Несмотря на хвастливые заявления Юстиниана, будто в Дигестах нет противоречий, мы встречаем в них и противоречия и прямые ошибки. Пробелы, сокращения, упущения и ошибки возникли вследствие поспешности составления Дигест, но объясняются не только ею. Они показывают стремление компиляторов приспособить древнее право к потребностям своего времени, что иногда делалось недостаточно продуманно, а порою неуклюже и вело к ошибкам и противоречиям. Однако это отнюдь не может снизить чрезвычайно большой ценности Дигест.

Реформа права, проведенная Юстинианом, не ограничивалась созданием Кодекса и Дигест. Назревала реформа юридического образования [6], и для улучшения преподавания юриспруденции необходимо было прежде всего написать элементарное руководство по изучению права. Этот труд был назван «Институции», поскольку таким названием в римской литературе давно уже обозначали подобные «наставления». Институции, согласно замыслу византийского правительства, должны были в доступной форме осветить современное состояние права, отбросить все устаревшее, положив в основу реформированное Юстинианом законодательство. По словам самого Юстиниана, необходимость эта возникла потому, что не все могли «снести бремя такой мудрости», как Кодекс и Дигесты. Новый труд был задуман в качестве руководства для юношества, «для тех еще мало опытных людей, которые стоят в преддверии храма юриспруденции, желая проникнуть в его святилище».

На этот раз дело было поручено узкому кругу лиц: Трибониану и двум профессорам права — Феофилу и Дорофею. Но работа была выполнена преимущественно последними, а Трибониан, занятый составлением Дигест, оставил за собой лишь общее наблюдение за написанием Институций. Видимо, указанными обстоятельствами можно объяснить, что это краткое руководство составлялось почти столько же времени, сколько такой грандиозный труд, как Дигесты. К созданию Институций было приступлено в 530 г., а 21 ноября 533 г. они были завершены.

Институции, подобно Дигестам, были компиляцией классического права, правда, уже с учетом тех изменений, которые были внесены в Дигесты и Кодекс. Основное содержание Институций Юстиниана заимствовано из Институций Гая. Кроме того, составители использовали Институции Марциана, Флорентина, Ульпиана, а возможно, и Павла. В Институциях заметно также влияние Юстинианова законодательства — Дигест и Кодекса. Некоторые эксцерпты из древних авторов заимствованы через посредство Дигест. В угоду Юстиниану составители руководства придали своей компиляции форму лекций, читаемых императором студентам, которые жаждут узнать законы. Институции Юстиниана, по образцу Институций Гая, были разделены на 4 книги.

До нас не дошло подлинной рукописи Институций времени их составления. Однако сохранилось значительное число более поздних рукописей (начиная с IX в.), что лишний раз свидетельствует о большой популярности Институций, имевших огромное распространение в странах Западной Европы[7]. Институции широко использовались не только для учебных целей в школах права Византийской империи, но и получили практическое применение при разборе отдельных судебных дел. Они приобрели силу императорского закона в соответствии с предписанием Юстиниана от 30 декабря 533 г. Оценивая труд своих юристов, Юстиниан, как всегда хвастливо, заявляет, что Институции собрали «мутные воды древних источников в прозрачное озеро».

Создатели Свода гражданского права, и прежде всего сам Юстиниан, настолько верили в непогрешимость собственного творения, что категорически запретили не только как-либо его изменять, но даже комментировать. Лишь император, которому одному было предоставлено право устанавливать и толковать закон, пользовался прерогативой устранять обнаруженные в новом законодательстве противоречия или объяснять спорные и неясные места.

Публикацией Дигест, Институций и второго издания Кодекса работа по кодификации права, предпринятая при Юстиниане, была закончена. Вместе с тем было очевидно, что жизненные нужды прежде всего и судебная практика неизбежно потребуют дальнейшего развития и совершенствования законодательства. И действительно, после издания первых трех частей Свода гражданского права законодательная деятельность Юстиниана продолжалась весьма активно. Законы Юстиниана, изданные между 534/35—565 гг., получили впоследствии название Новелл.

В большинстве своем они являлись законодательными предписаниями, вводившими какие-либо новые нормы права или отменявшими старые. Лишь часть их представляет собой истолкования императором уже существующих законов. При жизни Юстиниана Новеллы публиковались отдельными законами и не были соединены в особый сборник. Это было сделано уже позднее. До наших дней дошло три сборника Новелл, но все они не носили официальный характер.

Законодательные реформы Юстиниана как бы подвели итоги процесса развития как правовой доктрины, так и действующего права империи.

В законодательстве Юстиниана нашла свое завершение эволюция теории права. Римская юриспруденция выработала такие теоретические понятия, как право, закон, обычай, разработала концепцию гражданского и публичного права, отражавшую взаимоотношения прав индивида и общества, обогатила науку созданием многих юридических презумпций и норм. Эволюция правовой доктрины, происходившая в зависимости от изменения общественных отношений в империи, в законодательстве Юстиниана проявилась прежде всего в выработке понятия универсального права, распространяемого на все человечество. Юридическая теория освобождалась от узких рамок учения об особом праве одного, господствующего, народа. Ранее существовавшее разделение права на различные системы (цивильное, преторское, право народов), соответствовавшие делению населения империи на римских граждан и неримлян, теперь было уничтожено. В законодательстве Юстиниана все правовые системы сливаются в единую, универсальную систему, созданную для всего свободного населения империи. Эта реформа имела огромное прогрессивное значение и в политическом и в юридическом аспекте.

Со времени создания Восточной Римской империи и перенесения центра государства в Константинополь как в юридической теории, так и в самом действующем праве все больше сказывается влияние греческих и восточных философских учений, обычаев, правовых норм и юридических воззрений. В Юстиниановом своде этот процесс прослеживается вполне отчетливо. В законодательство Юстиниана проникают некоторые философско-правовые идеи, рожденные главным образом под воздействием греческой философии. Важнейшим среди них было учение о естественном праве (jus naturale), основанное на представлении о том, что весь мир является эманацией естественного разума (ratio naturalis), который устанавливает жизненный порядок, являющийся вечным, разумным и безусловным. Установления естественного права, прогрессивные для своего времени, покоились на абстрактных законах нравственности и морали[8]. Естественное право выдвинуло доктрину о том, что «по праву природы все люди являются равными». Декларировались и такие принципы римского классического права, как равенство всех граждан перед законом (aequitas) и человечность (humanitas), требовавшая от законодателя уважения к личности, устранения правовых норм, унижающих человека. Однако все эти принципы находились в вопиющем противоречии с жизнью (сохранение рабства); в самом действующем законодательстве (особенно уголовном) ясно выступало социальное неравенство, права свободных знатных лиц (honestiores) противопоставлялись правам низших слоев населения (humiliores).

Эти правовые доктрины находились в не меньшем противоречии и с духом автократизма, неограниченности власти императора, пронизывавшим все Юстинианово законодательство. Именно в нем нашло окончательное оформление учение о божественности и полной непогрешимости власти автократора на земле. Император считался «живым законом», совершенным воплощением неограниченной власти. Тем самым философско-политические идеи волюнтаризма, полной зависимости закона от воли императора были доведены до своих

крайних пределов. Как же можно было согласовать такого рода концепции с принципами естественного права, всеобщего равенства перед законом и гуманности? Юридическая теория, создав учение о добром и мудром императоре, вдохновляемом в своей законодательной деятельности свыше, пыталась примирить эти непримиримые положения. Но действительность на каждом шагу опровергала теоретические выкладки юристов.

Поскольку теперь правовые нормы складывались и развивались не в процессе научного творчества юристов, а посредством законодательной деятельности императора, не знавшего никаких пределов своему произволу, постольку право стало все больше зависеть от императорского деспотизма, от колебаний внутренней и внешней политики правительства.

На изменение правовой доктрины в законодательстве Юстиниана (по сравнению с классическим правом) оказало влияние и христианство. Глубочайший идеализм и спиритуализм христианского вероучения первоначально совершенно не вязались с сугубым практицизмом римского права. Но и здесь христианство сумело постепенно приспособить юридическую теорию к интересам господствующей церкви, а императорское правительство — использовать христианское вероучение для прославления и укрепления единодержавной власти. В угоду императору церковь провозгласила доктрину божественности его власти; в свою очередь императорское правительство защищало имущественные и политические привилегии духовенства.

Римская теория права, воплотившаяся в законодательстве Юстиниана, сочетала в себе некоторые прогрессивные черты философско-этических представлений, накопленных в античную эпоху, с реакционными воззрениями рабовладельческого общества периода его кризиса. С одной стороны, мы видим поиски путей к созданию права на основе принципов всеобщего блага, равенства, гуманности; с другой — увековечение и возведение в степень философско-правовой доктрины принципа абсолютной монархической власти, столь далекой от идеалов всеобщего равенства, защиту политических и сословных привилегий высших слоев общества, включая и духовенство, правовое признание глубочайшего социального неравенства между свободными и рабами, honestiores и humiliores. Философия права при Юстиниане была столь же противоречива, как и сама эпоха, ее породившая.

Юстинианово законодательство отразило многие существенные сдвиги, происшедшие в социально-экономической жизни к VI в. Важнейшим из них была эволюция прав собственности и владения. Законодательство Юстиниана как бы подвело итог изменениям в отношениях собственности IV—VI вв. Образование единой империи, рост экономических связей между провинциями и торгового оборота, развитие частной собственности в ущерб собственности городских курий и корпораций настоятельно требовали унификации всех прежних видов собственности и создания единой, универсальной категории собственности, снабженной прочной юридической защитой.

Подобно тому как в законодательстве Юстиниана отменялись устаревшие системы права, так двумя Конституциями этого импера-

тора был окончательно уничтожен и дуализм между ранее существовавшими формами собственности — так называемыми квиритской и бонитарной собственностью. В первой из этих Конституций, обнародованной в 530/31 г., устанавливалось правовое равенство между всеми видами собственников на любые вещи[9]. Вторая Конституция 531 г. ввела единый и более простой способ передачи (traditio) всех вещей в собственность другому лицу[10]. Одновременно был завершен процесс уравнения прав собственности на земли в Италии и провинциях[11].

Таким образом, в VI в. получает окончательное юридическое оформление правовое понятие единой собственности, приобретаемой единым способом и приложимой одинаково ко всем вещам.

Эта унификаци имела весьма важные последствия. Она упрощала процедуру продажи собственности, укрепляла провинциальное землевладение, уничтожала преимущество одних собственников перед другими и уравнивала их права. Все это было выгодно большинству крупных и средних землевладельцев империи, а также торгово-ремесленным кругам: ускорялся торговый оборот и облегчалось проведение самых различных сделок, связанных с передачей прав собственности. В тех же целях стабилизации хозяйства страны в законодательстве Юстиниана укрепляется право владения (possessio) и облегчается превращение его при определенных условиях в право собственности.

Таким образом, к VI в. заканчивается длительный процесс правового освобождения собственности от пут старой римской исключительности и ограниченности, ликвидация пережитков многообразия древней римской собственности и создание ее единой универсальной формы.

Значение этих реформ было очень велико: именно введение единой формы собственности, так же как и единой системы права, обеспечило рецепцию Юстинианова законодательства в средние века и в новое время.

Законодательные реформы Юстиниана вносили существенные изменения и в гражданские права свободного населения империи: был завершен длительный процесс их нивелировки. Сглаживаются правовые различия между римским народом и некогда покоренными Римом народами. Этого настоятельно требовало развитие экономических и политических связей между различными областями империи. Гражданская неполноправность, определявшаяся местом жительства и положением завоеванного народа в провинциях (latini, dediticii и т. п.), теперь полностью себя изжила. В Юстиниановом законодательстве красной нитью проходит идея подчинения всех жителей империи власти одного императора и единой правовой системе.

Закон 530 г. отменил состояние неполноправия для большой категории вольноотпущенников, которые по отпуске на волю становились dediticii, и уравнял их в правах с другими либертинами[12]. Еще важнее был закон Юстиниана от 531 г. Он отменил ограничения гражданской правоспособности для тех категорий либертинов, которые по отпуске на свободу делались латинами. Теперь, по предписанию Юстиниана, рабы, отпущенные на свободу любым, даже неформальным,

но законным способом, получали вместе со свободой и право римского гражданства.

Гражданское состояние латинов уничтожалось. Тем самым были окончательно отменены остатки юридической неполноправности, связанные со статусом латинского гражданства, и самое это понятие потеряло какое-либо практическое значение. Потеряло также всякое реальное значение внутри государства и понятие перегрины, ибо прежнее деление на cives romani и peregrini фактически исчезло, а перегринами продолжали называться теперь только народы, живущие вне империи.

Однако было бы ошибкой думать, что тенденцией к нивелировке населения, нашедшей свое явственное завершение в VI в., ограничиваются изменения в гражданских правах, внесенные в законодательство Юстиниана. Наряду с сильной нивелирующей струей мы наблюдаем здесь параллельный процесс юридического оформления гражданско-правового статуса новых этнических и сословно-классовых группировок, сложившихся в Римской империи в IV—VI вв.

Согласно законодательству Юстиниана, все варвары, вселившиеся на территорию империи и живущие в ее пределах на положении gentiles, laeti, foederati, хотя и считались подданными римского государства, но не получали полного права гражданства. Подчиняясь римскому публичному праву, они сохраняли свой особый юридический статус, свои законы и обычаи в гражданском праве.

Законодательство VI в. юридически оформляет изменения в правовом положении еще одной группы населения — воинов (milites). Звание воина связывается теперь с особыми привилегиями, но влечет и известное ограничение прав. Воины получают привилегии в сфере семейного права: в случае длительного отсутствия им разрешается на законном основании развод с женой, причем за ними сохраняются все имущественные выгоды брака. Интересы воинов ограждены и в отношении прав наследования. В случае смерти воина без завещания его имущество переходит к детям. Вместе с тем солдаты подлежат суду своих военачальников и стеснены в личной юрисдикции. Военная профессия делается фактически наследственной, и сыновья ветеранов, по достижении определенного возраста, должны вступать в армию.

В Кодексе и Новеллах Юстиниана оформляется новый правовой статус такой многочисленной прослойки сельского населения, как колоны. В XI книге Кодекса Юстиниана подведен итог многолетним изменениям хозяйственного и правового положения различных категорий колонов. Правоспособность колонов в сфере публичного и частного права теперь существенно ограничивалась. В области публично-правовых отношений это выражалось в прикреплении колонов к земле и ограничении права передвижения. Сильно умалялась личная свобода колона. Колонам запрещалось без разрешения господина вступать на гражданскую и военную службу. В сфере частноправовых отношений колоны низшей категории — энапографы — по существу были крайне стеснены и в осуществлении права на брак и семью, а также права быть субъектом всех имущественно-правовых сделок. Была умалена их активная юрисдикция.

Законодательные реформы Юстиниана вносили весьма существенные перемены и в положение рабов [13]. Эволюция в экономическом положении рабов в империи к VI в. привела и к изменению их правового статуса. В законодательстве Юстиниана власть господина над рабом рассматривалась уже как право по отношению к лицу, а не право по отношению к вещи. Господину запрещалось преднамеренно убивать раба. Не дозволялось наносить обиды чужим рабам, что считалось оскорблением для их господина. За убийство чужого раба или изнасилование чужой рабыни-девушки виновный подвергался суровой казни.

При Юстиниане произошло дальнейшее упрощение и облегчение процедуры освобождения рабов. Юстиниан придал законную силу многим неторжественным и неформальным способам отпуска рабов на волю. За определенные заслуги перед государством и раскрытие особо тяжких преступлений рабы, по закону, получали свободу даже без согласия господина.

Раб, обнаруживший фальшивомонетчика, выдавший дезертира, предотвративший похищение девушки, отпускался на волю вопреки желанию господина.

Число подобных действий, открывавших путь к освобождению раба, при Юстиниане было увеличено.

В 531 г. Юстиниан издал закон, согласно которому, завещая рабу имущество, господин тем самым отпускал его на волю. Разрешалось освобождать раба, послав его на военную службу или дав согласие на поступление в монастырь. Если раб поступал в монастырь, то через три года господин терял на него свои права. Раб получал свободу, достигнув сана епископа. В судебных процессах, решавших споры о свободе, раб мог теперь сам выступать в качестве юридической стороны (раньше он должен был выставлять за себя особого «защитника свободы»).

Однако все эти изменения в статусе рабов, вызванные экономическими и социально-политическими причинами (народные восстания), отнюдь не приводили к отмене рабства как фундамента всего общественного строя рабовладельческой империи.

Наоборот, многие предписания законодательства Юстиниана укрепляли эту основу основ византийского общества, самым жестоким образом карали рабов за бегство, за малейшее неповиновение господам и беспощадно боролись со всеми выступлениями рабов против их господ.

Законодательные меры Юстиниана были свидетельством живучести этого института и его глубокого проникновения во все поры византийского общества VI в.

В законодательстве Юстиниана нашла свое завершение длительная эволюция семейных отношений в Римской империи, происшедшая за многие столетия [14]. Реформы семейного и наследственного права, проведенные Юстинианом, во многом завершили процесс разложения древнеримской семьи (familia) и формирования новых семейных отношений.

Главный бастион старых патриархальных связей — древнеримская семья, фамилия, к этому времени уже готова была рухнуть. В зако-

нодательстве Юстиниана был дан последний толчок к ее разрушению. Здесь перед нами — уже развалины прежней фамилии, некогда являвшейся опорой римской исключительности и замкнутости.

Разложение фамилии прежде всего проявилось в ослаблении власти домовладыки над подвластными ему лицами. Первыми стали освобождаться жена и дети. К VI в. практически сильно ограничивается власть мужа над женой, супруги принципиально (но не всегда реально) признаются равноправными, хотя главой семьи остается по-прежнему муж. Ослабевает власть отца над детьми; жена и дети получают имущественные права.

Особым законом Юстиниан полностью покончил со старым принципом неограниченного распоряжения домовладыки всей собственностью членов фамилии. Он постановил, что отныне сын будет приобретать для себя все имущество, за исключением того, что он приобретает на средства отца [15]. Постепенно облегчалось освобождение детей из-под власти домовладыки: сын получал свободу, занимая высокую государственную должность, связанную со званием патрикия, и по достижении сана епископа. Освобождение подвластных детей совершалось и в наказание за преступления домовладыки: за выбрасывание слабых и больных детей из дома и оставление их без помощи, за вступление в кровосмесительный брак, за сводничество в отношении своих дочерей.

К VI в. завершается вытеснение агнатского родства когнатским. В семейно-правовой сфере последнее получает явное преобладание. Наиболее ярко это проявилось в реформе наследственного права, проведенной Юстинианом. Его законодательство ставит своей целью не сохранение, как ранее, имущества в агнатской фамилии, а обеспечение интересов законных детей. Для этого была ограничена свобода завещания главы семьи, затруднено произвольное лишение детей наследства. Отец по завещанию может отказать в наследстве детям и внукам лишь в случае их покушения на его жизнь, безнравственного поведения, нежелания выкупить его из плена, а также если они впали в ересь. Во всех других случаях происходит наследование «против завещания» (ab intestato), и законные наследники получают свою обязательную долю имущества, которая теперь была увеличена до его четвертой части.

Родство по мужской и женской линии отныне давало равные права на наследство, агнаты не имели никаких преимуществ перед когнатами, мужчины — перед женщинами. Наследники разделялись соответственно на четыре класса, при наследовании исключавшие друг друга. В первый класс входили все родственники обоего пола по нисходящей линии, во второй — все по восходящей линии, а также полнородные братья, сестры и их дети; в третий — неполнородные братья, сестры и их дети; в четвертый — остальные родственники по боковым линиям. После всех указанных наследников наследство открывалось пережившему другого супругу. Бедная вдова всегда имела право на $1/4$ часть наследства [16].

С уничтожением деления подданных на римских граждан и не-римлян исчезает и запрещение заключать браки в зависимости от прав гражданства. В Новеллах Юстиниана провозглашается принцип

свободы брака между всеми свободными гражданами, независимо от их сословного и общественного положения. Единое государство, единый закон, единая система заключения браков для всех свободных жителей империи — такова основная презумпция семейного права, декларированная в законодательстве Юстиниана.

Самым важным нововведением, пробившим брешь в сословных перегородках, было разрешение запрещенного ранее законного брака между сенаторами и женщинами низкого общественного положения (вольноотпущенницами, актрисами, дочерьми актеров и актрис) [17]. В литературе этот законодательный акт Юстиниана обычно связывают с его женитьбой на бывшей актрисе и куртизанке Феодоре, однако такое объяснение явно недостаточно [18]. Думается, что основную роль при этом сыграли политические соображения: правительство Юстиниана, опиравшееся на новых землевладельцев, торгово-ремесленные круги и ортодоксальное духовенство, вело борьбу против сословной замкнутости старой сенаторской аристократии. Большое значение имело и желание императора уравнять всех, в том числе и сенаторов, перед лицом автократора.

Однако под влиянием изменившихся общественных условий появлялись и новые запреты для заключения браков. Так, в VI в. были запрещены законные браки между римлянами и варварами. Христианская церковь распространила религиозную нетерпимость и на семейные отношения: под ее влиянием при Юстиниане был наложен запрет на браки между христианами, с одной стороны, иудеями и приверженцами гонимых еретических сект, — с другой [19]. Иными словами, на смену римской исключительности по принципу гражданства пришла христианская исключительность, основывавшаяся на религиозной нетерпимости.

Под воздействием христианской доктрины ограничивались возможности вступления в брак клириков. Клирики высокого ранга в случае заключения брака лишались священнического сана. Для клириков низшего положения брак разрешался, но вторичный брак или брак при порочащих обстоятельствах закрывал им доступ к более высоким духовным должностям [20].

Уничтожая одни сословные перегородки, законодательство Юстиниана в то же время создавало другие ограничения сословного характера в семейно-правовых отношениях.

Были существенно ограничены в своих брачных правах приписные колоны: они могли жениться только на женщинах своего сословия, которые к тому же жили в имениях одного с ними землевладельца. Категорически запрещались браки между приписными колонами и свободными людьми.

В отношении браков между свободными и рабами законодательство Юстиниана было, по-прежнему, беспощадным: такие браки запрещались. Обращение одного из супругов в рабство считалось бесспорной причиной расторжения брака, подобно смерти. Как и она, неравенство положений разрывало брачные узы. Если муж или жена были захвачены в плен врагами и обращены в рабство, то «неравенство положения не позволяло сохраняться равенству брака».

В случае, если оставшийся в империи супруг не имел никаких

известий о пленном и в течение пяти лет не было подтверждено, что тот еще жив, сторона, сохранившая свободу, могла вступить во второй брак.

Однако семейно-правовой статус рабов в целом трактуется законодательством Юстиниана весьма противоречиво. С одной стороны, оно вводит новые суровые запреты незаконных связей свободных и рабов, с другой — несколько улучшает положение потомства, рожденного от смешанных браков рабов, зависимых, а также свободных людей. Юстиниан отменил жестокое предписание классического права, согласно которому свободная женщина за связь с рабом сама становилась рабыней. Были приняты законодательные меры против отдачи господами рабынь для проституции.

В законодательстве Юстиниана было отменено обращение в рабство преступников, ссылаемых на каторжные работы в рудники не пожизненно, а на определенные сроки. Оставаясь свободными, они сохраняли и законность своих браков со свободными людьми[21].

Под влиянием изменившихся этических норм и под воздействием христианской морали к VI в. меняются взгляды на брак и безбрачие. Если в классическом праве безбрачие осуждалось, то христианство всячески восхваляло его как проявление высшего целомудрия. Эти новые для римского общества воззрения стали проникать и в законодательство Юстиниана. Хотя брак признавался союзом, освященным христианской религией, но вместе с тем выдвигались все новые препятствия к заключению брака, такие, как пострижение в монахи, различие веры. Расширялся круг родственников и свойственников, которым запрещалось заключать между собою браки. Считался недействительным брак между похитителем и похищенной девушкой, вдовой или монахиней, даже при наличии согласия похищенной вступить в брак с похитителем. Законным возрастом для вступления в брак признавались 12 лет — для женщин и 14 лет — для мужчин. Был запрещен брак между опекуном и опекаемой до достижения ею совершеннолетия. Считался невозможным брачный союз между сообщниками в прелюбодеянии. За нарушение этих запретов устанавливались суровые наказания.

Христианская религия строго осуждала развод и вторичные браки. Эти воззрения также оказали воздействие на законодательство Юстиниана. Если по нормам классического римского права развод был совершенно свободен, то, согласно Юстинианову кодексу, он допускался лишь в чрезвычайных случаях. Законными причинами к одностороннему расторжению брака считались: смерть одного из супругов, потеря свободы, плен, неспособность супруга к выполнению супружеских обязанностей, поступление в монастырь. При этом принятие монашеского сана и избрание «чистой», аскетической жизни всячески восхвалялось.

Юстиниан категорически запретил существовавший ранее развод по взаимному согласию супругов, кроме случаев поступления в монастырь мужа или жены[22]. Односторонний развод по вине одного из супругов хотя и разрешался, но влек за собой тяжелые последствия для виновной стороны. Жена могла возбудить дело о разводе, если муж был виновен в прелюбодеянии, человекоубийстве, отравитель-

стве, колдовстве, государственной измене, осквернении могил и храмов, грабеже, укрытии разбойников и угонщиков скота, похищении людей, оскорблении целомудрия нравственных женщин, покушении на жизнь жены, избиении жены бичом [23]. В свою очередь муж мог дать жене развод и изгнать ее из своего дома, если она была виновна в прелюбодеянии, отравительстве, человекоубийстве, святотатстве, соучастии в грабежах разбойников, в отказе без причины от выполнения супружеских обязанностей, участии в пирах с чужими людьми без разрешения мужа и без присутствия родственников, в необузданном увлечении без согласия мужа конными ристаниями, цирковыми и театральными зрелищами, в покушении на жизнь мужа или только угрозе убить его, в злоумышлении насильственного захвата власти и соучастии в государственной измене, в поднятии руки на мужа. Кроме того, Юстинианом были добавлены еще такие проступки жены, влекущие за собой развод, как аборт без ведома мужа, лишавший его надежды на детей, разврат и сговор при жизни мужа о браке с другим лицом [24].

Было значительно затруднено вступление во второй брак и усилены его невыгодные последствия. По расторжении брака на законных основаниях, мужу разрешалось тотчас вступить во второй брак, жена же должна была — в целях соблюдения нравственных норм и предотвращения возможного кровосмешения — соблюсти траурный год и только после его прошествия могла вступать во второй брак. Если же при разводе была признана вина жены, то после этого она не имела права в течение 5 лет заключить законный брак [25]. За прелюбодеяние, как уголовное преступление, при Константине была установлена смертная казнь. При Юстиниане закон был несколько смягчен: жена наказывалась ссылкой в монастырь, и только ее сообщник — смертной казнью; имущество обоих преступников конфисковалось в пользу фиска, монастыря или родственников [26]. Двоеженство при Юстиниане наказывалось смертной казнью, если только виновные знали о своей вине.

Принятие суровых мер против развода и второго брака имели целью в первую очередь защиту интересов детей, рожденных от законного брака.

В Юстиниановом законодательстве были обобщены те изменения в семейно-правовом положении женщины, которые происходили в течение длительного времени и в результате привели к существенному расширнию прав женщин в гражданско-правовой сфере и улучшению ее положения в семье и обществе. Это сказалось прежде всего в исчезновении при Юстиниане старинного римского брака cum manu mariti, когда женщина, выйдя замуж, оказывалась полностью под властью супруга. Смягчением брачного права в пользу женщины было запрещение мужу прогонять свою жену только за то, что она являлась бесприданницей [27]. Жена получала права юридического лица. Было установлено, что муж и жена равноправны, но муж должен охранять жену, а она обязана почитать мужа и оказывать ему услуги. Как покровитель жены, муж мог вести за нее процессы в суде, и обида, нанесенная ей, считалась непосредственным оскорблением мужа. Супруги не могли возбуждать позорящие (инфамирую-

щие) иски друг против друга; их нельзя было заставлять и свидетельствовать друг против друга.

Если в классическом праве женщина не допускалась к опеке, то при Юстиниане ей впервые было дозволено делаться опекуном малолетних.

Улучшался правовой статус женщины в области наследования. При наследовании против завещания права лиц обоего пола уравнивались. В случае лишения наследства прямых наследников для женщин и мужчин устанавливались одинаковые правовые нормы[28].

Делаются более прочными имущественные гарантии независимого положения женщины и ее детей в семье. Приданое теперь уже не служит для жены (в случае развода или вдовства) средством обеспечения возможности вторичного замужества, ибо церковь осуждала вторые браки. Приданое превращалось главным образом в средство обеспечения детей, родившихся от данного брака. В 530 г. Юстиниан провел важную реформу: иску жены о возврате приданого в случае расторжения брака был придан наследственный характер, т. е. иск этот были вправе предъявлять и ее дети[29]. Не менее существенной гарантией имущественного обеспечения жены и ее детей было запрещение мужу отчуждать земли, входившие в приданое супруги, даже при наличии согласия с ее стороны[30]. Те же цели преследовал реформированный Юстинианом под влиянием греко-римских обычаев юридический институт предбрачного дара. Жених, его отец (или дед) были обязаны перед свадьбой дать невесте имущество, по стоимости равное приданому: таким образом создавался имущественный фонд для жены и ее детей на случай развода[31].

Все это показывает, что при Юстиниане были юридически оформлены те разумные меры, которые судебная практика выработала в течение длительного времени для гарантии гражданских и имущественных прав женщины и ее детей.

Однако если улучшалось положение женщины в сфере семейных отношений и прав наследования, то в области публичного права она по-прежнему оставалась абсолютно неправоспособной; женщины не допускались к занятию каких-либо государственных или гражданских должностей и не могли участвовать в общественной жизни.

В законодательстве VI в. нашла свое отражение классовая и политическая борьба, особенно обострившаяся в обстановке кризиса рабовладельческого общества, постоянных войн и жестоких столкновений партийных группировок. Наиболее ярко это проявилось в сфере уголовного права, включенного в Свод Юстиниана. В соответствующих статьях Кодекса с необычайной рельефностью и в значительно большей степени, чем в гражданском праве, сказались классовые и политические тенденции императорского законодательства, его социальная сущность.

В уголовном процессе — как при определении состава преступления, так и при установлении меры наказания — проводилась резкая грань не только между свободными и рабами, но и между привилегированными (honestiores) и низшими (humiliores) слоями общества. В особом, привилегированном положении находились также воины. За равные преступления знатные лица и воины подлежали меньшим

наказаниям, чем лица низшего общественного положения, а также не принадлежавшие к военному сословию. По отношению к низшим классам римская карательная система последнего периода ее развития, т. е. в законодательстве Юстиниана, отличалась необычайной жестокостью: за преступления и уголовные правонарушения простым людям в подавляющем большинстве случаев грозила смертная казнь. Основным фактором, определившим жестокость этой карательной системы, был социальный: наличие рабства и резких сословных отличий между подданными императора. При этом для рабов и незнатных бедняков всегда устанавливались изощренно жестокие, унизительные кары. Так, наиболее распространенными способами казни рабов и humiliores были: распятие на кресте, иногда головою вниз, повешение, сожжение, выдача на съедение диким зверям, избиение розгами до смерти, залитие горла свинцом (по обычаю, пришедшему из Индии), четвертование и разрывание тела преступника на клочки. Для преступников из привилегированных классов применялась смертная казнь через отсечение головы мечом. Но чаще всего за одинаковые преступления honestiores карали лишь ссылкой на различные сроки и изгнанием, а рабов и humiliores — смертной казнью.

Рабы всегда сами (а не их господа) отвечали за уголовные преступления. Как рабы, так и свободные бедняки особенно жестоко наказывались за поджог и вооруженный мятеж; в этих случаях им грозило сожжение или распятие на кресте. Разбойники (latrones), нападавшие на дома и виллы богачей, предавались смерти; рабы, не только покусившиеся на жизнь своего господина, но даже лишь замыслившие его убийство — сожжению. Оно применялось и по отношению к тому рабу, который слышал призывы своего господина о помощи, но не спас его. За похищение свободной женщины или девушки и за прелюбодеяние со свободной женщиной раб всегда подвергался смертной казни.

Для свободного бедняка присуждение к вечной каторге обычно было связано с потерей свободы. Такого рода преступники получали особое название — «рабы вследствие наказания».

Сохранялось в силе жестокое узаконение римского времени, согласно которому все свидетельские показания рабов давались только под пыткой. Судья не нес ответственности, если во время пытки раб умирал. Из «Тайной истории» Прокопия видно, что пытки рабов во время судебных процессов оставались при Юстиниане распространенным явлением.

Огромное влияние на уголовное право оказала острейшая социально-политическая борьба в империи и рост деспотизма автократора. Недаром в законодательстве Юстиниана, обобщившем императорские конституции по уголовным делам, самые суровые наказания полагались за преступления политического характера.

Страшным бичом для населения империи были законы об оскорблении величества. При Юстиниане они не только сохраняли свое значение, но, судя по «Тайной истории» Прокопия, получили широчайшее применение[32]. Преступления этой категории, трактовавшиеся как государственная измена, занимали важнейшее место среди

других уголовных преступлений в 48-й книге Дигест. Законы об оскорблении величества представляли чрезвычайную опасность для всех граждан римского, а затем византийского государства, ибо они давали широчайший простор произволу властей. В государственной измене считались виновными все те, кто поднимал вооруженное восстание в столице или в провинциях против императора, покушался на его жизнь, убивал магистратов, готовил захват власти, кто вступал в тайные сношения с врагами государства, помогал им во время войны. Государственным преступником считался и тот, кто своими советами убедил правителя какой-либо державы быть менее покорным римлянам, кто был виновен в том, что из-за его действий римское государство получило меньшее число заложников или добычи, нежели другое государство. Смертная казнь грозила также за оскорбление императорских статуй, причем нередко трудно было установить, повреждены ли они случайно или по злому умыслу [33].

Законы об оскорблении величества были особенно опасными (для всех без исключения подданных императора, от самых знатных до бедняков) еще и потому, что обвинителями по политическим делам могли выступать лица, обычно не имевшие этого права: рабы, люди, опороченные каким-либо преступлением и лишенные гражданской чести (famosi), женщины.

Величайшая несправедливость и жестокость этих законов состояла также в том, что они включали суровое предписание, согласно которому допускалось перенесение на детей ответственности за преступление родителей. Все дети, рожденные государственными преступниками, считались виновными в преступлении их родителей. Смерть такого человека не ликвидировала карательных последствий обвинения, даже если оно не было доказано. Наказанием за государственную измену всегда была смертная казнь и конфискация всего имущества [34].

Не менее ярко, чем в законодательстве о политических преступлениях, классовая сущность Юстинианова права сказалась и в законах, направленных против насилия (unde vi). Их жестокость показывает необычайную напряженность социально-политической борьбы в империи, заставлявшую законодателей применять самые беспощадные меры для охраны жизни и собственности представителей господствующих классов от насилия со стороны народных масс. Всякое вооруженное восстание, а также вооруженное нападение на дома или виллы знати приравнивались к публичному насилию и карались смертной казнью [35]. Социальный характер носили и постановления Юстиниана, защищавшие от всякого насилия права собственников и владельцев.

Жестоки были наказания за посягательство на жизнь свободного человека. За его убийство, по уголовному праву Дигест, как правило, наказывали смертной казнью через отсечение головы или повешение. За убийство родителей или лиц, близких по крови, полагалась особо страшная казнь: виновного зашивали в мешок вместе с гадами и отвратительными животными и топили в реке или в море [36].

Начиная с IV в. произошли некоторые изменения и в законах об убийстве раба. При Юстиниане у господина фактически было

отнято право на жизнь раба. В Кодекс Юстиниана был включен закон, категорически запрещавший убивать раба с преднамеренной целью. Правда, одновременно допускались и некоторые исключения. Так, если раб умирал под плетьми или во время заключения в темнице, то господин не нес никакой ответственности. За убийство чужого раба свободный подвергался уголовному наказанию [37].

Тяжким преступлением в римском уголовном праве считалось нарушение супружеской верности. В Дигестах приводится обширнейший материал по этому вопросу, свидетельствующий о широком распространении подобных преступлений. Особенно отталкивающее впечатление производит такой случай, как продажа мужем жены для проституции, показывающий всю глубину падения нравов в эпоху империи. Вместе с тем и в законодательстве о прелюбодеянии ярко проявляются господствовавшие тогда классовые и сословные предрассудки. Законодательство особенно сурово пресекает считавшиеся позорными связи между свободными людьми и рабами. За связь со свободной, в частности со знатной женщиной, раба сжигали [38].

Специфическим для разлагающегося рабовладельческого общества явлением, свидетельствующим об общем упадке морали, было предписание, на основании которого по особо важным уголовным делам, как-то: об убийстве, святотатстве, прелюбодеянии, похищении девушек, педерастии — рабы могли привлекаться в качестве свидетелей против своих господ [39].

В целом римское уголовное право, с последней стадией развития которого мы знакомимся по законодательству Юстиниана, отличалось значительно большей реакционностью, чем гражданское право. В нем ярче всего сказались социальные предрассудки рабовладельческого общества, ненависть к рабам и свободным беднякам со стороны господствующего класса, императорский деспотизм и отсутствие какой-либо политической свободы, влияние на уголовный суд социального неравенства и колебаний в политике правительства. Уголовное судопроизводство особенно поражает своей классовой предвзятостью и несправедливостью. Неправильное построение органов уголовного суда, при смешении однородных функций законодательной, административной и судебной власти, исключало какое-либо равенство граждан перед судом. Фактически были произвольно отменены постановления относительно равенства сторон перед законом, относительно защиты правильной оценки судебных доказательств. Никакого равенства перед законом знатных и бедняков, а тем более свободных и рабов не было и быть не могло. Неограниченный деспотизм и социальное неравенство исключали существование начал законности, справедливости и гуманности в уголовном процессе. Лицо, стоявшее на низшей ступени социальной лестницы, не имело никаких гарантий в отношениях с обвинительной властью и государством. Тираническое распоряжение государства правами и интересами отдельной человеческой личности, вторжение светской и духовной власти в дела совести и нравственности граждан, в их интимную жизнь, жесточайшая система наказаний, узаконение социального

 неравенства при установлении виновности и определении наказа-

ния — таковы характерные отрицательные черты римского уголовного права, увековеченного в кодификации Юстиниана.

Подводя некоторые итоги, мы можем прийти к заключению, что в законодательных реформах Юстиниана с необычайной яркостью отразилась социально-политическая и идейная борьба между уходившим с исторической сцены старым, но еще влиятельным рабовладельческим строем и нарождавшимися новыми, раннефеодальными порядками. Главной политической идеей Юстиниановa законодательства, уводившей его в прошлое, было сохранение рабовладельческих имущественных отношений, основанных на полной частной собственности, в том числе и на рабов. В кодифицированном при Юстиниане праве отчетливо выступает стремление рассматривать все формы зависимости как собственность на человека и продукт его труда, что фактически и юридически приравнивало энапографа к рабу.

Но одновременно в обстановке перемен, совершавшихся в социально-экономической жизни империи, в законодательство Юстиниана начали проникать новые веяния. В связи с растущей нерентабельностью рабского труда облегчался отпуск рабов на волю, поощрялось предоставление им пекулия и оформлялись некоторые права рабов, получивших пекулии.

Общие тенденции экономического развития приводили к тому, что все вопросы гражданского права рассматривались с учетом господства частной собственности и потребностей товарного обращения. Поэтому такое большое место в законодательстве Юстиниана отводилось регулированию торговых и ростовщических операций, а также определению форм собственности и владения, соглашений о купле-продаже, ссуде, проценте, аренде, семейному праву — на основе защиты частной собственности. Особенно четко были сформулированы положения о полной частной собственности — основы гражданского права. Именно благодаря этому Свод гражданского права Юстиниана мог быть впоследствии использован в буржуазном обществе.

Сильны в законодательстве Юстиниана и централизаторские, универсалистские тенденции, наталкивавшиеся, правда, на сопротивление со стороны сил децентрализации — возраставшей власти крупных землевладельцев на местах. Тенденции централизации, несмотря на некоторые уступки крупным землевладельцам, явно торжествуют. Именно поэтому в законодательстве Юстиниана получает юридическую санкцию идея единой империи, подвластной одному императору, обладающему неограниченной властью, санкционированной религией. Единая империя во главе с императором, единый закон, единая форма собственности, семьи, одинаковые права гражданства для всех свободных подданных империи, единая вера — вот основные идеи законодательства Юстиниана, проводимые законодателем, быть может, не всегда последовательно, но весьма настойчиво. Эти идеи в последующие столетия во многом были восприняты юристами буржуазного общества.

Глава

12

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА ЮСТИНИАНА. НАРОДНО-ЕРЕТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ИМПЕРИИ

В византийском обществе VI в. выросла идейная и политическая роль православной церкви. Ее влияние на все стороны общественной жизни — идеологию, политику, законодательство, быт, нравы,— было необычайно велико.

Правительство Юстиниана прекрасно понимало силу церкви и старалось всеми способами укрепить свой союз с ней [1]. Одержимый идеей создания единой империи, в которой господствовала бы единая православная религия, Юстиниан в течение всего своего царствования заботился об единстве церкви не менее, чем об единстве государства. Единое государство, единый закон, единая православная церковь — это были три кита, на которых покоилась внутренняя и внешняя политика Юстиниана.

Еще император Юстин, в противовес своему предшественнику, монофиситу Анастасию, восстановил православие и признал никейский символ веры [2]. Продолжая политику своего дяди, хотя и с некоторыми отступлениями, Юстиниан выступил защитником православия против каких-либо иных вероучений. На союз с православным духовенством Юстиниана толкало прежде всего то обстоятельство, что его отношения со старой сенаторской аристократией были весьма напряженными и поэтому он особенно нуждался в таком могущественном союзнике, как церковь: ведь она имела много приверженцев и в центральных областях империи и в самой столице. Широкие завоевательные планы Юстиниана на Западе заставляли его постоянно думать и о союзе с Римом, искать поддержки у папского престола.

Политика Юстиниана в отношении церкви характеризуется двумя основными чертами. С одной стороны, он всемерно покровительствовал ортодоксальному духовенству, осыпал его различными привилегиями, щедрыми земельными пожалованиями и богатыми подарками, заботился о строительстве по всей стране множества храмов, монастырей и благотворительных учреждений. С другой стороны, в церковной политике Юстиниана чрезвычайно ярко обнаруживаются самодержавные тенденции, рассматриваемые иногда даже как проявление цезарепапизма. Юстиниан был не только ревностным защитником и милостивым покровителем христианской церкви, но и деспотическим владыкой, силой навязывающим ей свою волю [3]. Он всегда и везде самым решительным образом отстаивал примат светской власти перед церковной, подчеркивая, что император — глава не только государства, но и церкви, рассматривая патриархов и пап как своих слуг, порою жестоко третируя их. Юстиниан требовал признания своей верховной власти над церковью во всех сферах, в том числе и в области вероучения: он считал, что «император для церкви является верховным учителем веры». Даже в вопросах догматики и литургики Юстиниан сохранял за собой права верховного арбитра. Он направлял по своему произволу деятельность церковных соборов, писал теологические трактаты и сочинял религиозные гимны. Понимая опасность для государства церковных раздоров, он властной рукой устанавливал религиозные догматы, вмешивался в богословские споры, диктуя свою волю там, где нужно было примирить враждующие партии; впрочем, весьма часто его вмешательство лишь усиливало богословские распри.

Первейшей заботой правительства Юстиниана было преумножение богатств церкви и расширение ее влияния на народные массы. В этом отношении Юстиниан сделал так много, как ни один другой византийский император раннего средневековья.

Важным фактором укрепления экономической мощи церкви было запрещение отчуждать церковные имущества, санкционированное Новеллами Юстиниана [4]. Духовенство впоследствии использовало этот запрет для создания экзимированного церковного землевладения. Особенно показательна знаменитая VII Новелла Юстиниана от 535 г. Ареал ее действия был очень широк: он включал как столицу и соседние города, так и провинции — Восток, Иллирик, Египет, Ликаонию, Ликию, Африку, а также западные области — «от древнего Рима до пределов океана». Закон распространялся также на церкви, находившиеся под властью епископов и других патриархов, т. е. носил всеобъемлющий характер. Именно это заставило Юстиниана издать его не на «отечественном» (т. е. латинском), а на понятном для всех подданных империи греческом языке. Согласно VII Новелле, запрещалось отчуждать недвижимое имущество, принадлежавшее церковным учреждениям: дома, поля, сады,— а также занятых на обработке земли рабов и государственные хлебные выдачи. Запрет был наложен на все виды отчуждения: продажу, дарение, обмен, долгосрочную аренду (эмфитевсис), отдачу имущества в залог кредиторам. Исключение было сделано только в пользу императора [5]. Закон разрешал ему в случае необходимости

в интересах государства производить обмен государственного имущества на имущество церкви.

В законе содержатся существенные положения относительно взаимоотношений светской и церковной властей. Юстиниан отстаивает идею главенства императора над церковью. По его словам, «источником всех богатств церквей является щедрость императора». Именно он, как верховный собственник всего имущества в империи, мог одарить церковь всеми благами, для него же «давать церквам без меры является лучшей мерой» [6]. Забота о преумножении богатств церкви есть первейшая забота императора, но сама церковь должна постоянно помнить о его благодеяниях.

Многое было сделано Юстинианом и для поднятия престижа церковных учреждений [7]. В его законодательстве местные церковные общины впервые признавались корпорациями; они наделялись правами юридического лица и могли обладать собственным имуществом. Духовенство добилось предоставления церковным организациям серьезных привилегий [8]. По своим социально-экономическим последствиям важнейшей стала привилегия церкви выступать наследником любого лица — в соответствии с его завещанием. Именно это право обеспечило в дальнейшем быстрый рост церковных имуществ за счет пожертвований верующих. Подобной привилегией до того времени пользовались лишь государство и городские общины. Особенно крупные последствия возможность приобретать имущество по завещанию имела для монастырей [9]. Одновременно законодательство Юстиниана признало статус юридического лица за учреждениями, основанными с благотворительной целью. Отныне больницы, богадельни, сиротские и странноприимные дома получили право владеть имуществом, правда, под надзором местного епископа.

Все эти рескрипты императора, издававшиеся по просьбам церковных иерархов, свидетельствуют об упорном стремлении церкви к расширению своих привилегий. Они заложили фундамент ее экономического благосостояния в последующие века.

Рост земельных богатств византийской церкви порождал недовольство представителей светского землевладения, в частности сенаторской аристократии. Прокопий, идеолог последней, резко осуждает Юстиниана за покровительство церковному землевладению в ущерб светскому. По его словам, Юстиниан всячески потворствовал тому, что духовенство грабило своих соседей, захватывая их земли. В судебных процессах по делам о захвате имущества церковью правительство неизменно было на стороне духовных лиц. «Справедливость,— пишет Прокопий,— он (Юстиниан) видел в том, чтобы церковнослужители всегда оказывались победителями своих противников» [10]. Сам император, незаконно конфискуя имущество у сенаторов и других представителей аристократии, жертвовал земли церкви, «прикрывая свои преступления покровом благочестия» [11].

Не меньшему осуждению со стороны Прокопия подвергаются мероприятия Юстиниана по упрочению прав церковного землевладения. Так, большое негодование старой римской знати вызвал закон, по которому срок давности для подачи судебных исков о возврате церковных земель увеличивался до 100 лет [12].

Все это показывает, что при Юстиниане значительно обострилась борьба представителей светского и церковного землевладения, причем в этой борьбе Юстиниан, как правило, был на стороне церкви.

В VI в. церковь добилась от центрального правительства и серьезных политических уступок. Важнейшей из них было дарование духовенству особой церковной юрисдикции. Верховным судьей каждого духовного лица в империи был его епископ; светские судьи не могли рассматривать дела клириков. Церковным же иерархам, особенно епископам, предоставлялось право контроля над гражданской администрацией. В подвластной ему епархии, в своем городе епископ получал широкие судебные и административные полномочия; он контролировал светских магистратов, должен был выступать защитником интересов всех жителей епархии [13]. Правда, предоставляя епископам право надзора за местной администрацией, император оставлял за собой возможность самому вмешиваться не только в догматические споры, но и в установление внутреннего распорядка жизни духовенства, прежде всего монашества. Император регламентировал правила избрания нового епископа и посвящения клириков в духовный сан, порядок избрания игуменов монастырей и управляющих «богоугодными» учреждениями. Юстиниан заботился о строгости нравов клириков и монахов, санкционировал постоянный надзор высших иерархов за подчиненными им духовными лицами [14].

Вместе с тем церковь добилась полной поддержки государства в ее столкновениях с политическими и религиозными противниками. Борясь против инакомыслящих, церковь внесла в законодательство империи дух религиозной нетерпимости и установила правовые ограничения в зависимости от вероисповедания. Хотя на словах ортодоксальное духовенство после победы христианства и провозгласило веротерпимость основным принципом государственной политики [15], на деле, однако, оно начало вскоре жестокие преследования всех еретиков, язычников, евреев, вероотступников. Законодательство Юстиниана дает представление о чрезвычайно сложной атмосфере религиозных противоречий в 30—40-е годы VI в. Под покровом догматических споров между приверженцами различных вероучений достаточно четко прослеживаются социально-политические столкновения, иногда превращавшиеся в острейшие классовые конфликты.

Мечта Юстиниана о создании единой империи на основе единой православной веры была очень далека от осуществления. В огромном государстве буквально кипела религиозная борьба, существовало множество враждовавших между собой и несогласных с догматами православия еретических течений.

На Западе империи прочные корни пустило арианство. В варварских королевствах остготов, вестготов и вандалов арианская церковь долгое время пользовалась привилегиями господствующей церкви. Арианское духовенство обладало огромными богатствами и множеством приверженцев. В Северной Африке, несмотря на гонения, сохраняли влияние донатисты и другие, более радикальные, религиозные секты. Но наиболее ожесточенная религиозно-политическая и социальная борьба развернулась на Востоке, где опаснейшими для

ХРАМ СВ. СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
Внутренний вид

византийского правительства были демократические религиозные секты; их вероучения носили открыто бунтарский характер и были враждебны как господствующей церкви, так и государству в целом. Крайне революционно настроенными сектантами являлись манихеи, имевшие многочисленных сторонников в народных массах Малой Азии, и монтанисты, учение которых находило прозелитов среди беднейшего крестьянства Фригии.

Евреи, весьма многочисленные на Востоке империи, также разделялись на секты, среди которых самой распространенной была секта самаритян в Палестине.

Несколько более умеренную в социально-политическом плане позицию занимали несториане, учение которых имело приверженцев в Армении, Месопотамии, Осроене, и монофиситы — самые сильные и самые многочисленные противники Халкидонского собора, создавшие влиятельные церковные организации в Египте, Сирии, Палестине, Месопотамии, Армении, и даже в Константинополе. Монофиситы пользовались здесь покровительством императрицы Феодоры и ее окружения. Несторианская и особенно монофиситская ереси объединяли отнюдь не только демократические слои населения. Среди монофиситов большим влиянием пользовались богатые купцы и другие состоятельные горожане крупных городов Востока, се-

паратистски настроенные земельные магнаты восточных провинций, многочисленное монофиситское духовенство и монашество.

Поставив перед собой задачу создать сильную централизованную империю, объединенную единой религией, Юстиниан с первых же шагов своего правления столкнулся с острейшей проблемой внутрицерковной борьбы. Искоренение ересей стало одним из центральных вопросов его внутренней политики [16]. Оно означало по существу борьбу не только против религиозных, но и против классовых и политических противников империи и господствующей церкви.

Под влиянием высшего ортодоксального духовенства Юстиниан возвел религиозную нетерпимость в государственную доктрину. Беспощадное истребление ересей он провозгласил долгом совести всех православных подданных Византийского государства [17]. В 527—528 гг. были изданы императорские законы против еретиков, язычников, евреев, вероотступников. Преследования распространялись на всех неправославных, исключение было сделано лишь для готов-ариан, находившихся на службе империи в качестве воинов-федератов. Правительство Юстиниана слишком нуждалось в услугах готских воинов, чтобы запретить им свободно исповедовать свою веру [18]. Кроме того, Константинополь должен был считаться с могущественным остготским королем Теодорихом, выступившим против преследования ариан.

Законодательство Римской империи со времен Диоклетиана не знало столь суровых и столь грандиозных по своим масштабам гонений на инакомыслящих. Прежде всего вне закона ставились все еретические культы. Еретикам запрещалось иметь свою церковную организацию и иерархию, совершать таинства крещения, брака, рукоположение в духовный сан [19]. «Было бы нелепым дозволять нечестивым совершение священных обрядов» [20],— гласила одна из Новелл Юстиниана. Был отдан приказ закрывать арианские храмы, еврейские и самаритянские синагоги, разрушать их или превращать в православные церкви. Особенно жестоко преследовались всякие «тайные сборища» еретиков.

Еретики ущемлялись в политических и имущественных правах, отстранялись от участия в общественной жизни. Юстинианова доктрина, согласно которой «справедливо лишать земных благ тех, кто не поклоняется истинному богу» [21], нашла широкое применение в законодательстве и жизненной практике. По приказу императора все еретики лишались права занимать общественные, государственные, военные и даже некоторые муниципальные должности. Вводился строжайший контроль за составом чиновничьего аппарата: для поступления на государственную службу было необходимо, чтобы три уважаемых гражданина поклялись на евангелии и удостоверили, что претендент не еретик, а исповедует ортодоксальную религию. Еретики, занимавшие какие-либо должности к моменту издания закона, немедленно увольнялись. За ними сохранялись лишь наименее выгодные, связанные с выполнением повинностей и несением расходов должности куриалов и когорталов. Будучи вынуждены нести тягостные обязанности, еретики отнюдь не смели претендовать на какие-либо преимущества [22].

Еретикам запрещалось заниматься и свободными профессиями: они исключались из состава адвокатуры и профессуры. Правительство опасалось, «чтобы своим преподаванием они не вовлекли простые души в собственные заблуждения»[23]. Эти предписания наглядно показывают страх, который испытывали правительство и духовенство перед идеями свободомыслия и непокорности властям, распространявшимися среди молодежи.

Но законодательство Юстиниана не ограничилось ущемлением политических прав еретиков. Были введены ограничения гражданской правоспособности всех лиц, не придерживавшихся догматов господствующей церкви. Император объявил: «Справедливо, чтобы православные пользовались в обществе бо́льшими преимуществами, чем еретики»[24]. Последние были жестоко стеснены в сфере гражданского права; закон вмешивался в их частную жизнь и семейные отношения, сея раздоры между родственниками. Еретики были ограничены в правах наследования и получения по завещанию дарений — так называемых легатов. Если в числе детей отца-еретика были дети-еретики и дети-православные, то закон давал православным предпочтительные права наследования перед еретиками. Если сыновья были заподозрены в ереси, то наследство переходило к более отдаленным родственникам, лишь бы они были православными. В случае же, когда никаких православных родственников не было, наследство еретика переходило в собственность государства[25]. Сами еретики могли завещать легаты и делать подарки только православным. По закону мать-еретичка обязана была даже вопреки собственному желанию выделить из своего имущества приданое дочери, придерживавшейся догматов православной церкви. Если между родителями возникали разногласия по поводу воспитания детей то закон всегда защищал того из родителей, кто придерживался православия и хотел воспитывать детей в духе православной религии[26]. Еретики были лишены права давать на суде свидетельские показания против православных. Отступники, т. е. лица, отступившиеся от православной религии и перешедшие в язычество или иудейство, лишались права составлять завещания и наследовать. Кроме того, они также не могли выступать на суде в качестве свидетелей. Если еретики даже и принимали православие, то тем не менее они всю жизнь подлежали строгому надзору церкви, а за вторичное впадение в ересь и вероотступничество их ожидала смертная казнь[27].

Еретики, так же как язычники и иудеи, не могли владеть рабами-христианами. В случае нарушения этого закона раб получал свободу[28].

Выступая против еретиков, т. е. всех, кто не исповедовал «истинной» веры и не подчинялся догматам господствующей вселенской церкви, Юстиниан, однако, проводил существенные разграничения в отношении различных сект и вероучений. Еретические секты, носившие демократический характер и угрожавшие самому существующему строю, не только ограничивались по закону в правах, но и подвергались гонениям. Наибольшую ненависть правительства Юстиниана вызывали манихеи и монтанисты. В отношении к ним законодательство проявляет предельную жестокость.

За приверженность к манихейской ереси каждому грозила смертная казнь; только смерть, по мнению законодателя, могла искупить преступления этих «проклятых богом безумцев». Всюду предписано было гнать манихеев, стирать с лица земли их нечестивые капища, искоренять самое их имя, предавать их самих позорной и мучительной казни. Смертной казнью карались и все, кто предоставлял убежище манихеям, кто не выдавал их властям. Строжайшим образом преследовалось распространение идей манихейства; манихейские книги предписывалось сжигать. Манихеи не только отстранялись от всех должностей, но им не давалось даже права владения имуществом, чтобы, «лишенные всего, они погибли в нищете»[29].

Не меньшим гонениям подвергались фригийские монтанисты. Храмы, где они отправляли свой культ, разрушались[30], тайные собрания сектантов разгонялись, представителей их духовенства отправляли в ссылку или казнили. Всем христианам, под страхом сурового наказания, запрещалось какое-либо общение с монтанистами. Последователям учения Монтана не разрешалось участвовать в судебных делах, даже касающихся лишь самих еретиков, давать показания не только против православных, но и против инакомыслящих. Они лишались всех гражданских прав, не могли заключать какие-либо законные сделки[31].

Во все концы империи были посланы правительственные агенты, которые, опираясь на воинские отряды, насильственно заставляли еретиков переходить в православие или подвергали их мучительной казни. Многие еретики были избиты; некоторые сами наложили на себя руки[32]. В 527 г. большое число манихеев, мужчин и женщин, были с величайшей жестокостью сожжены на кострах[33].

Ответом на преследования манихеев и монтанистов было массовое бегство еретиков за пределы империи. Прокопий пишет, что со времени начала гонения на еретиков «...вся Римская империя была наполнена избиениями и люди бежали из нее»[34]. Особенно упорное сопротивление гонениям оказали, по словам того же автора, «люди деревенского склада ума». Действительно, учения Мани и Монтана были широко распространены в первую очередь среди беднейшего крестьянства, колонов и рабов Малой Азии и других областей Востока. Не желая покориться правительству, манихеи и монтанисты в Малой Азии поднимали иногда оружие против гонителей. Во время кровавого подавления мятежа монтанистов во Фригии нередки были случаи самосожжения еретиков. Предпочитая смерть в огне подчинению властям, монтанисты сжигали себя заживо в своих храмах[35].

Бегство и массовые самоубийства еретиков являлись формой проявления социального протеста широких народных масс против гнета господствующей церкви и государства.

Преследования еретиков то затихали, то возобновлялись с новой силой. В 40-х годах VI в. по приказу правительства Иоанн из Амиды, ставший позднее епископом Эфеса и написавший всемирную хронику, провел специальную карательную экспедицию в Малую Азию: целью экспедиции было искоренение ереси. В 542 г. ему было поручено обратить в православие всех вероотступников в Малой Азии, особенно в Лидии и Карии. Иоанну удалось насильственными мерами

крестить около 70 тысяч еретиков. Одновременно им было, по преданию, основано 200 православных монастырей и построено около 100 храмов [36]. Таким образом, борясь с манихеями и монтанистами, правительство по сути расправлялось с опасными врагами господствующих классов.

Несколько иной характер носили преследования довольно многочисленных еще в VI в. язычников [37]. В отличие от манихеев и монтанистов, секты которых по своему социальному составу были плебейскими, сторонники язычества встречались в это время главным образом в среде старой римской аристократии. Случаи тайного поклонения языческим богам были нередки и в самом ближайшем окружении императора Юстиниана. Прокопий, осуждая его за ограничение прав сенаторской знати, одновременно приписывает императору корыстные соображения, побудившие его начать преследования язычников и некоторых других еретиков. «При полном отсутствии всякой вины,— пишет Прокопий,— он осуждал тех, кто слыл богатым в Визáнтии и во всяком другом городе, одних обвиняя в многобожии, других в ересях и в неправом исповедании христианской веры» [38]. Языческий культ был запрещен законом, язычники лишены права занимать какие-либо должности на государственной и общественной службе. Исключение было сделано лишь для муниципальных должностей, занятие которых было скорее бременем, чем привилегией. Язычникам, перешедшим в христианство, а затем вновь отступившим от «правой» веры, грозила смертная казнь [39].

Судя по законодательству Юстиниана, рассказам Прокопия и других современников, можно предположить, что борьба против язычников отражала не столько социальные противоречия, сколько столкновение различных группировок внутри господствующего класса, прежде всего старой римской аристократии и новой, светской и духовной знати, добившейся установления своего политического и идейного влияния в стране.

Определенные оттенки религиозной политики Юстиниана характеризует его отношение к евреям. Составлявшие значительную часть населения Палестины, они не подвергались официальным гонениям. Однако, подобно язычникам, евреи не могли занимать государственных должностей, им не разрешалось иметь рабов-христиан. Кроме того, евреям (как и жившим в империи варварам) категорически запрещалось вступать в брак с христианами. Такой брак считался незаконной связью [40].

Более непреклонная политика проводилась правительством Юстиниана в отношении иудейской секты самаритян, учение которых имело много прозелитов в Палестине и других восточных провинциях. На самаритян в полной мере обрушились общие законы против еретиков. А в 528 г. Юстиниан издал специальный эдикт, предписавший немедленное закрытие самаритянских синагог и запрещавший их восстановление в будущем [41]. По словам Прокопия, этот закон вызвал «необычайное волнение» [42]. Жестокий налоговый и национальный гнет, пренебрежение к культуре, религии и обычаям самаритян, притеснения со стороны местной знати и «правоверного» духовенства — все это усугубляло народное недовольство в Палестине.

Начавшиеся гонения против самаритян послужили сигналом к открытому народному восстанию против византийского правительства и поддерживавшей его церкви.

Это восстание оставило настолько глубокий след в памяти византийского общества, что было описано многими как современными этому событию, так и более поздними историками и хронистами: Прокопием, Иоанном Малалой, Захарием Митиленским, Кириллом Скифопольским, автором Пасхальной хроники, в «Хронографии» Феофана, а также Михаилом Сирийцем [43].

Поводом к восстанию послужили события в Скифополе, где во время столкновения с христианами самаритяне сожгли значительную часть города. Узнав об этом, император казнил архонта Басса, который не сумел предотвратить беспорядков. Опасаясь репрессий, самаритяне подняли восстание. Оно началось весной 529 г. и вскоре охватило всю Палестину. Особый размах движению придало то, что к восставшим самаритянам очень быстро присоединилось манихейское и языческое население провинции, также тяжко страдавшее от религиозных преследований [44].

Начавшееся из-за религиозных разногласий, восстание сразу же приняло социальный характер: вместе с церквями восставшие жгли поместья и чинили «разбой» на дорогах [45]. Они громили православные храмы и сжигали их, убивали ненавистное духовенство и знать.

Социальный состав участников восстания был весьма разнороден. По данным Прокопия, их основную массу составлял деревенский люд, видимо, беднейшие, свободные и зависимые, крестьяне. «Жители же деревень,— пишет Прокопий,— собравшись все вместе, решили поднять оружие против императора и выбрали себе вождем одного из разбойников, по имени Юлиан, сын Савара» [46].

Если разоренное крестьянство Палестины в целом шло под знамена Юлиана, то в городах положение было сложнее. По словам того же Прокопия, горожане, в том числе жители его родной Кесарии, после издания закона против самаритян раскололись на две группы: к одной принадлежали более состоятельные люди, по выражению Прокопия «разумные и добропорядочные»: они пошли сперва на компромисс с правительством и приняли христианство. Большинство же торгово-ремесленного населения, крещенное насильственно, вскоре вновь примкнуло к еретикам, в том числе таким радикальным, как манихеи [47]. Можно предположить, что в восстании приняли участие в первую очередь беднейшие слои городского демоса, плебейские массы, мелкие торговцы и ремесленники, в среде которых еретические учения имели особый успех.

Вождь восстания Юлиан был одним из тех «разбойников», как называет его Прокопий, отряды которых наводили страх на богатых землевладельцев по всей империи. Восставшие провозгласили Юлиана царем и торжественно короновали его. Тем самым была объявлена открытая война самому императору, а восстание приняло социально-политический характер, выйдя далеко за рамки столкновения на чисто религиозной почве. Юлиан со своими отрядами захватил крупный центр Палестины Неаполь, разрушил там все христианские церкви и убил епископа этого города Саммона. Одновременно несколько

священников были изрезаны на куски и сожжены вместе с мощами, хранившимися в церквах. Иоанн Малала передает любопытный рассказ о том, что Юлиан и множество его приверженцев, справляя свою победу в Неаполе, устроили по этому случаю конские ристания на городском ипподроме. В первом забеге победил прославленный возничий Никий. Когда победитель пришел за наградой к Юлиану, тот спросил его, какой он придерживается веры. Узнав, что Никий христианин, Юлиан немедленно приказал отсечь ему голову мечом тут же, на ипподроме, на глазах многочисленных зрителей [48]. Рассказ Малалы показывает, сколь велика была тогда вражда между самаритянами и христианами.

Восстание в Палестине постепенно переросло в настоящую гражданскую войну.

По своим масштабам, по упорству и стойкости мятежников оно явилось одним из самых грандиозных народных движений из всех проходивших в VI в. под религиозными лозунгами.

Восстание представляло опасность для византийского правительства еще и потому, что за развитием событий в Палестине зорко следил постоянный враг Византии — сасанидский Иран. Волнения самаритян начались как раз во время мирных переговоров Юстиниана с шахом Кавадом. Персидский шах тотчас прервал переговоры, ожидая исхода палестинского восстания. Повстанцы в свою очередь отправили посольство к персам, которым предложили заключить союз против Константинополя. Напротив, архонт Палестины и дукса этой провинции Феодор Курносый донесли Юстиниану о дерзости «тирана» Юлиана и просили о помощи [49]. Юстиниан, крайне обеспокоенный восстанием в Палестине, отправил на его подавления большие воинские силы, поручив командование дуксу Палестины Феодору. Однако этих сил оказалось недостаточно для усмирения восставшей провинции, и Феодору пришлось заключить против самаритян союз с враждебными им арабскими шейхами [50]. С помощью арабского предводителя Абу-Кариба и началось подавление восстания. По словам Прокопия, восставшие, «вступив в открытый бой с отрядами войск императора, некоторое время держались, но затем, побежденные в сражении, погибли вместе со своим предводителем» [51].

Иоанн Малала сообщает, что Юлиан был захвачен победителями в плен, обезглавлен, и его окровавленная голова, увенчанная короной, была в виде трофея отправлена в Константинополь императору Юстиниану [52]. Тотчас последовали ужасные репрессии против восставших. По данным Малалы, 20 тысяч самаритян были убиты, 20 тысяч и среди них дети и юные девушки — стали рабами арабов Абу-Кариба, которые продавали их затем в Иран и Эфиопию [53]. Прокопий называет явно преувеличенную цифру погибших во время восстания — 100 тысяч человек [54].

Многие из жителей Палестины, спасаясь от расправы, бежали в Иран. Во время переговоров, которые повстанцы вели с персами, около 50 тысяч человек обещали добровольно перейти под власть персов, предпочитая их господство гнету Византийского государства. Персидский шах явно хотел использовать это восстание для срыва мирных переговоров с Византией. По словам Феофана, он якобы

собирался при помощи самаритян и иудеев захватить всю Палестину и овладеть самим Иерусалимом, где хранились сказочные богатства [55]. Даже после разгрома на поле сражения остатки повстанческих войск не сдались: они бежали в горы, где продолжали сопротивление. Лишь в конце 530 г. последние отряды самаритян были окружены в горах, их вожди казнены, а оставшиеся в живых участники восстания силой обращены в христианство.

В результате гражданской войны Палестина, преданная огню и мечу, была жестоко разорена. Правительство Юстиниана с еще большей строгостью продолжало требовать от жителей этой провинции — как еретиков, так и христиан — уплаты налогов, что тяжело отразилось на положении всего населения опустошенной страны [56]. Вскоре после подавления восстания в Палестине были изданы новые, еще более суровые законы против самаритян, лишавшие их всех гражданских прав [57]. Внешне в провинции временно установилось спокойствие, и самаритяне под угрозой смерти стали переходить в православие. Но недовольство в Палестине не ослабевало. В 551 г., по просьбе епископа Кесарии Сергия, Юстиниан даже несколько смягчил законы против самаритян [58].

Эти уступки константинопольского правительства уже не смогли, однако, предотвратить нового восстания самаритян, которое и вспыхнуло в июле 555 г. На этот раз восстание началось в крупнейшем городе Палестины — Кесарии. В отличие от первого восстания самаритян, в нем приняло участие преимущественно городское население этой провинции. По свидетельству современников, восстание было связано с движением городских димов и цирковых партий. Самаритяне и иудеи Кесарии Палестинской объединились в партию прасино-венетов и подняли оружие против правительства [59]. Такое объединение враждующих партий было чревато для правительства особенно опасными последствиями. Восставшие горожане сжигали церкви, убивали христиан. Они напали на резиденцию эпарха города (преторий) и разгромили ее. Во время восстания был убит Стефан — эпарх Кесарии и проконсул всей Палестины. Жена убитого вельможи бежала в Константинополь и рассказала Юстиниану о гибели своего мужа. Узнав о восстании, император тотчас послал в Палестину для ее усмирения полководца Амантия с многочисленным войском. Движение было потоплено в крови. По рассказу Феофана, Амантий, разыскав бунтовщиков, иных повесил, иных обезглавил, у других отсек конечности или конфисковал имущество. «И был страх великий во всех восточных провинциях» [60].

Брожение в Палестине, однако, не прекращалось и после подавления второго восстания самаритян, а насильственно обращенные в христианство самаритяне вновь возвращались к старой вере. Для того чтобы окончательно смирить население непокорной провинции, преемник Юстиниана Юстин II в 572 г. вновь восстановил все суровые законы против самаритян [61].

В отношении такого распространенного вероучения, как арианство, политика византийского правительства была противоречивой и непоследовательной: во многом она зависела от изменения общеполитической и военной обстановки. В годы завоевания Север-

ной Африки и Италии Юстиниан не раз пытался пойти на компромисс с влиятельным арианским духовенством. Однако после победы над вандалами и остготами Константинополь, уступая настойчивым требованиям местного православного духовенства, открыто порвал с арианами. Церковники-ортодоксы в этих завоеванных провинциях проявляли полную непримиримость к своим соперникам-арианам. В 535 г. в Северной Африке под нажимом православного духовенства, мстившего им за гонения, которые происходили на православных во времена господства вандалов, была издана особая новелла о восстановлении всех прав и привилегий ортодоксальных церквей. Последним возвратили все земли, церковные богатства, предметы культа, захваченные арианами. Арианские храмы были разрушены, их имущество конфисковано и передано православному духовенству, арианские священники изгнаны, культ строжайшим образом запрещен. По закону, ариане не только отстранялись, как и другие еретики, от государственных должностей, но даже переход в православие не открывал им доступа к государственной или общественной деятельности. По словам Юстиниана, ариане должны были быть довольны и тем, что им сохранялась жизнь [62].

Подобную же политику византийское правительство и ортодоксальное духовенство проводило в завоеванной Италии. Согласно Прагматической санкции 554 г., православной церкви вновь возвращалось все имущество, отнятое у нее во время владычества остготов. Кроме того, в широких масштабах была проведена конфискация богатств арианских церквей: их земли, рабы, храмы и все имущество передавались ортодоксальному духовенству [63]. Конфискация земель ариан проводилась, по данным Прокопия, и в самой империи.

Прокопий рассказывает, что в арианских храмах было собрано множество золота и драгоценностей, а само арианское духовенство владело большим числом домов и селений, огромными поместьями во всех частях византийского государства. Конфискация Юстинианом этих богатств, по словам историка, тяжело отразилась не только на самих арианах, но и привела к разорению православных ремесленников, получавших работу в поместьях арианского духовенства [64].

В своей религиозной политике на Востоке византийское правительство всегда должно было считаться с богатым и могущественным несторианским и особенно монофиситским духовенством. И если Юстиниан сперва не хотел идти на уступки монофиситам в сфере догматики и осудил учение Нестория и Евтихия [65], то в области политики он принужден был быть значительно более осторожным. Несториане и монофиситы были причислены к еретикам лишь законом 541 г. Правда, после этого на них были распространены все законы против еретиков. Монофиситам было запрещено отправление культа, их храмы были закрыты. Монофиситы подверглись ущемлению в своих гражданских правах, им было запрещено приобретать земельную собственность и даже брать земельные участки в аренду. Жены монофиситов были лишены права на приданое [66].

В ответ на гонения монофиситы сплотились еще теснее и постепенно начали восстанавливать свою церковь. Большую роль в этом сыграл фанатичный монах, пользовавшийся покровительством Фео-

доры, мужественный и энергичный проповедник монофиситского учения — епископ Эдессы Яков Барадей. В 40-х годах VI в. он в одежде нищего пешком обошел многие восточные провинции: Яков Барадей побывал в Сирии, Армении, Малой Азии, на островах Эгейского моря; всюду он не только обращал население в свою веру, но и возрождал монофиситскую церковную организацию, рукополагая монофиситских епископов и священников. Преследования со стороны православных иерархов оказывались бесполезными, и Яков Барадей оставался неуловимым. В 550 г. он даже возвел на антиохийский патриарший престол монофисита Павла. Тем самым было завершено восстановление монофиситской церкви, которая по имени своего восстановителя была названа яковитской. Усиление монофиситов на Востоке заставило правительство Юстиниана пойти им на уступки несмотря на то, что этот шаг был чреват серьезными церковными неурядицами на Западе.

В 40—50-х годах VI в. отношения с монофиситами, с одной стороны, и с папским престолом,— с другой, превратились для византийского правительства в самую сложную проблему церковной политики. Завоевания на Западе требовали союза с Римом и, как следствие этого союза, проведения антимонофиситской политики: Запад был резко враждебен к монофиситам [67].

Но разрыв с ними мог привести к отпадению восточных провинций, прежде всего Египта и Сирии, где все сильнее зрело недовольство миродержавной политикой Константинополя, где среди коптов и сирийцев росли сепаратистские настроения. Если мир с западной церковью мог был куплен лишь ценою усиления религиозного антагонизма с Востоком, то сближение с египетскими и сирийскими монофиситами могло быть достигнуто только ценою разрыва с Западом, с населением центральных областей и столицы империи, поддерживавшим православие. Поэтому Юстиниан в своей церковной политике вынужден был лавировать между Востоком и Западом.

По мере укрепления позиций монофиситской церкви на Востоке для него становилась все более настоятельной потребность какого-то компромисса с монофиситами. Средством к заключению мира с ними и установлению единства внутри церкви Юстиниан считал осуждение так называемых «Трех глав» — богословских трудов Феодора Мопсуэстийского, Феодорита Киррского и Ивы Эдесского. Произведения этих богословов были ненавистны монофиситам, обвинявшим их в приверженности к несторианской ереси. Ведь Халкидонский собор отнесся примирительно к упомянутым богословам и тем самым еще более скомпрометировал себя в глазах монофиситов. Осуждение «Трех глав» было косвенным порицанием и примирительной политики в этом вопросе Халкидонского собора [68].

Вопреки протестам папы Вигилия и западного духовенства (Северной Африки, Сардинии, Италии и Иллирика) Юстиниан добился осуждения «Трех глав» на пятом вселенском соборе в Константинополе в 553 г. Однако борьба по этому вопросу, бесплодная и ожесточенная, не затухала: она длилась в общей сложности около 10 лет (544—554) и фактически не принесла византийскому правительству никаких положительных результатов.

Хотя для усмирения непокорного западного духовенства, особенно Северной Африки и Иллирика, Юстиниан применил такие средства религиозного «убеждения», как пытки, тюрьмы и казни, а римского папу Вигилия подвергал всяческим унижениям и насилиям [69], Запад фактически отказался от компромисса с монофиситами.

Вместе с тем осуждение «Трех глав» не удовлетворило монофиситов, и Восток остался глух к уступкам императора. Монофиситы категорически отказались от соединения с православными и вместо желанного для Юстиниана единения церквей религиозные распри продолжались с прежним ожесточением.

Итак, поиски правительством Юстиниана компромисса сперва с верхушкой арианского, а затем и монофиситского духовенства лишний раз показывают, что их разделяли не столько социальные, сколько политические и — в меньшей мере — религиозные разногласия. Точно так же борьба ортодоксального духовенства против ариан и монофиситов была столкновением различных группировок внутри господствующего класса, борьбой внутри единой вселенской церкви за супрематию, власть, политическое влияние и богатство. Это, конечно, не означает, что в среде самих ариан и монофиситов не было оппозиционных и даже демократических элементов: напротив, они решительно выступали против господствующей церкви и правительства, и их участие в религиозной борьбе порою придавало ей социальную окраску. Во всяком случае церковная политика Юстиниана в конечном счете определялась крайне изменчивой социально-политической и идеологической борьбой в империи, происходившей чаще всего в форме религиозных столкновений. Правительство Юстиниана действовало совершенно беспощадно по отношению к тем еретическим движениям, которые в той или иной мере выражали социальный протест угнетенных народных масс. В то же время оно было значительно мягче в отношении других религиозных течений, не имевших столь ярко выраженного социального характера.

Последствия религиозной политики Юстиниана были для империи весьма плачевны. Гонения на еретиков порождали не только огромное недовольство в стране, но и массовое бегство гонимых, особенно из числа городских ремесленников и крестьян. Как бы подводя итоги религиозной политики Юстиниана, Прокопий писал в своей «Тайной истории»: «Поэтому народ большими толпами убегал не только к варварам, но и ко всем живущим далеко от римских пределов» [70]. И хотя ни один другой период истории Византии не дает столь яркого примера неограниченной власти императора над церковью, как правление Юстиниана, все же его усилия искоренить ереси, примирить православных и монофиситов и установить единство внутри церкви по существу остались бесплодными [71].

Более того, авторитарная политика Юстиниана по отношению к духовенству и тщетные попытки сближения с монофиситами вызвали столь сильное возмущение, особенно в центральных и западных областях империи, что после смерти этого императора его преемники принуждены были вновь вернуться к безусловной поддержке православия и к защите догматов Халкидонского собора.

Глава

13

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ВИЗАНТИИ ПРИ ЮСТИНИАНЕ. ВОССТАНИЕ НИКА (532 г.)

В правление императора Юстиниана происходит заметное обострение классовой борьбы. Она принимала самые различные формы: ересей, столкновений цирковых партий, восстаний рабов, колонов, угнетенного крестьянства.

С первых же лет правления Юстиниана достигла значительного накала борьба между цирковыми партиями венетов и прасинов. Во главе венетов в это время по-прежнему стояли сенаторская аристократия и крупные землевладельцы. У прасинов же большим влиянием пользовались богатые купцы, связанные с восточной торговлей, и владельцы крупных ремесленных эргастириев. В состав обеих партий входили и рядовые димоты, выходцы из среды торгово-ремесленного люда. В партии венетов было немало клиентов богатых вельмож, колонов пригородных имений; среди рядовых прасинов преобладали ремесленники, работники эргастириев, моряки.

Городские димы, объединенные в партии цирка, являлись крупной политической силой: они формировали военные отряды для охраны городов и играли активную роль в религиозно-политической борьбе VI в. Прасины были ярыми монофиситами, а венеты выступали приверженцами православия [1].

Подобно другим византийским императорам, Юстиниан вынужден был считаться с цирковыми партиями, как с влиятельными социально-политическими организациями. В течение всего своего царствования он вел по отношению к ним двойственную политику, не раз меняя ее в зависимости от изменений внешнеполитического курса и вследствие внутренних затруднений.

Стремление завоевать западные провинции Римской империи поддерживало в Юстиниане желание жить в мире с Римом и православным духовенством, чтобы получить поддержку своих завоевательных планов у земельной аристократии как в самой империи, так и на Западе. Отсюда — его заигрывания с партией венетов, к которой он сам принадлежал и покровителем которой считался. Однако усиление Ирана и постоянная угроза отпадения богатых восточных областей толкали его на сближение с прасинами, связанными с восточным купечеством и монофиситами.

В начале своего царствования Юстиниан, как и Феодора, открыто покровительствовал венетам (одновременно проводились гонения против монофиситов) [2]. Воспользовавшись этим, стасиоты — представители аристократической «золотой молодежи» партии венетов — начали творить бесчинства в Константинополе и в других городах. По словам Прокопия, Юстиниан сам подстрекал венетов к насилиям[3]. На незаконно приобретенные средства стасиоты вели роскошный образ жизни, предавались кутежам и разврату, одевались по новой — «гуннской» моде: подстригали волосы спереди, а сзади отпускали длинные локоны, отращивали бороду и усы, облачались в хитоны с очень узкими в запястье рукавами и широкими буфами на плечах, носили просторные, богато вышитые плащи, «гуннскую обувь» [4]. Они открыто держали при себе оружие и, собираясь группами, нападали на мирных жителей, грабя и убивая их даже среди бела дня. По утверждению Прокопия, буйства венетов навели такой страх на жителей столицы, что они боялись показываться днем на улице в богатой одежде, а с наступлением ночи прятались по своим домам [5]. Больше всего от насилий стасиотов из партии венетов страдали их политические противники — прасины. Эпарх Константинополя и другие высшие чиновники попустительствовали венетам, и они, пользуясь безнаказанностью, совсем распоясались: не уплатив долга, вынуждали своих кредиторов возвращать расписки, а судей — выносить решения в свою пользу, заставляли своих противников против воли отпускать рабов, принуждали к бесчестным связям женщин и мальчиков [6–7]. «Нельзя назвать такого позорного и преступного деяния, какое бы в нарушение закона они ни совершали в это время, оставаясь безнаказанными» [8]. Партия зеленых пыталась дать решительный отпор насилиям синих. Прасины тоже организовали свои отряды. На улицах Константинополя, Александрии, Апамеи, Антиохии не раз лилась кровь во время стычек между стасиотами обеих партий [9]. От этих столкновений тяжко страдали рядовые димоты — и зеленые и синие, а равно и прочие мирные жители городов.

Иногда Юстиниан, как и другие императоры, намеренно разжигал борьбу цирковых партий, чтобы расколоть народные массы, не дать им сплотиться. Византийское правительство всегда стремилось использовать столкновения димов и направить их по выгодному для него руслу. В столкновениях димов и центральной власти проявлялась также борьба автократического правительства и связанных с античным муниципальным строем политических организаций свободных горожан [10]. Но едва в борьбу втягивались широкие слои на-

селения и она начинала угрожать трону, правительство тотчас при-

нимало меры против обеих партий. В случае опасного усиления одной из них императоры могли опереться на другую, и таким образом разделение на факции в какой-то мере служило для правительства гарантией против совместного выступления всего народа[11].

Однако такого рода надежды сбывались далеко не всегда: нередко народные массы, ломая расчеты императоров, а равно и своих собственных партийных вождей, объединялись и действовали сообща против ненавистных правителей.

Ярким примером подобного объединения низших слоев обеих партий в борьбе против правительства является народное восстание 532 г. в Константинополе, известное под названием «Ника». Это название оно получило от того, что во время восстания повсюду в столице раздавался клич-пароль восставших — «Ника» («Побеждай!»), по которому они узнавали друг друга. Это было сделано, как говорит Малала, чтобы к ним не примешались солдаты или экскувиты[12]. Особая опасность восстания Ника для византийского правительства состояла в том, что на этот раз демагогическая политика раскола народа на партии потерпела полный крах и сама столица империи стала ареной невиданного по силе и размаху народного движения, поколебавшего трон Юстиниана.

Восстание Ника оставило глубокий след в памяти современников и было описано в трудах многих историков и хронистов. Не сохранилось, однако, ни одного произведения, написанного в сколько-нибудь сочувственных тонах по отношению к народным массам. Всех историков, писавших об этом событии, роднит общая ненависть к восставшей «черни». Из трудов современников и очевидцев восстания Ника наибольшее значение имеют: Хроника Иоанна Малалы, произведения Прокопия, Иоанна Лида, Псевдо-Захарии Митиленского, анонимного автора Пасхальной хроники. Некоторые интересные дополнительные сведения дают краткие хроники комита Марцеллина и Виктора Тонененского. Из сообщений более поздних авторов особое внимание привлекают данные Феофана, Зонары, отчасти Георгия Кедрина (Скилицы), в произведениях которых использованы ценные, не дошедшие до нас источники.

Поскольку восстание явилось результатом очень сложной политической и религиозной борьбы и в нем приняли участие разные социальные слои, оно получило совершенно неодинаковую политическую интерпретацию различных авторов. Рассказ о восстании ведется ими с позиций различных социально-политических группировок, и поэтому мы встречаемся в сочинениях византийских авторов с противоречивой, иногда прямо противоположной оценкой событий 532 г.

Прокопий, идеолог сенаторской аристократии, ненавидя восставший народ, в то же время отнюдь не сочувствует и самому Юстиниану, стоявшему во время восстания на краю гибели. Все политические симпатии историка, тайные и явные, на стороне сенаторов, замешанных в восстании и являвшихся сторонниками наследников правившего ранее императора Анастасия. Отсюда стремление Прокопия оправдать его племянников — Ипатия и Помпея и показать, что они жертвы, с одной стороны, разгула «черни», с другой — произвола Юстиниана. Будучи близок ко двору, Прокопий, возмож-

но, был во время восстания во дворце и поэтому по собственным наблюдениям описал действия Юстиниана, Феодоры и их приближенных в момент осады восставшими императорской резиденции [13].

Иоанн Малала, скромный монах, тоже очевидец восстания, более осведомлен о событиях в городе и на ипподроме. Если Прокопий следил за событиями из дворца, то Малала — из города. Детальный рассказ Малалы является основой для установления хронологии событий и дает представление об их последовательности. Малала лоялен, но без подобострастия по отношению к правительству Юстиниана, и «в меру» ортодоксален. Он сдержан в своих оценках правителей и в то же время не выражает каких-либо симпатий к восставшему народу [14]. Иоанн Лид, хотя и недовольный произволом чиновников при Юстиниане, также занимает лояльные позиции. Его рассказ интересен тем, что восстание Ника рисуется как результат жадности и злоупотреблений префекта Иоанна Каппадокийца. Возможно, что сам Юстиниан после опалы Иоанна Каппадокийца в 541 г. желал свалить вину за восстание на своего бывшего любимца и Иоанн Лид уже отражал в своем труде официальную версию [15]. Эту версию поддерживает и Псевдо-Захария Митиленский. Комит Марцеллин, иллириец по происхождению, земляк Юстиниана, офицер, сражавшийся под его командованием и близко связанный с этим правителем, в своей краткой хронике воспроизвел так же, как и Иоанн Лид, официальную точку зрения, но выдвинутую правительством Юстиниана тотчас после подавления восстания Ника. Согласно этой версии, вся вина за восстание возлагается на Ипатия и Помпея, якобы составивших тайный заговор с целью захвата власти. Юстиниан не хотел признать народный характер восстания; это значило бы согласиться с тем, что восстание выражало весьма глубокое недовольство подданных его правлением. Ему было выгодно изобразить восстание Ника не широким народным движением, каким оно было в действительности, а династической борьбой кучки заговорщиков, выражением личных притязаний честолюбцев, стремившихся захватить престол [16].

Анонимный автор Пасхальной хроники окрасил свой рассказ в ортодоксально-религиозные тона, но вместе с тем, как и более поздний хронист Феофан, использовав неизвестный источник, сохранил знаменитый диалог между Юстинианом и прасинами на ипподроме, известный под названием «актов Калоподия» [17]. Феофан, выражая точку зрения монашества, много заимствовал из трудов Малалы и автора Пасхальной хроники. Его рассказ прославился, главным образом, наиболее полным изложением «актов Калоподия» [18]. Зонара располагал иными источниками о восстании Ника, чем другие историки, и поэтому его рассказ значительно расходится с известиями остальных авторов [19]. Интересны совершенно новые данные Зонары о поведении наемников-варваров во время восстания, о позиции духовенства, об участии широких масс населения города в борьбе против бесчинств наемников.

Несмотря на всю противоречивость известий источников о восстании Ника, все же представляется возможным восстановить его истинные причины, характер и ход событий [20].

Как всякое стихийное народное восстание, сложное по социальному составу своих участников, восстание 532 г. было вызвано целым комплексом различных причин. Среди них можно выделить экономические причины: в этот период на основе столкновения хозяйственных интересов обострились противоречия между руководящими группами венетов и прасинов. Обе группы вместе с тем были недовольны экономической политикой правительства Юстиниана: синие — мерами по ограничению роста сенаторского землевладения; зеленые — высокими таможенными пошлинами и различными запретами, стеснявшими торговлю, в особенности — с Востоком. Обе партии были недовольны и фискальной политикой императора, а также произволом префекта претория Иоанна Каппадокийца, который «много золота собрал в императорскую казну у обоих сословий» [21].

Каждая социальная группировка, каждое сословие имели свои особые причины к восстанию, отсюда — пестрота социального состава участников событий. Для старой сенаторской аристократии восстание Ника открывало возможности использовать народное движение в целях свержения ненавистного им «выскочки» Юстиниана, окружившего себя выходцами из средних слоев, которых он осыпал милостями, третируя при этом древние аристократические фамилии, лишая их придворных синекур и прежнего высокого положения в обществе. Недовольство сенаторской знати вызывали также ограничения Юстинианом политических прав сената. Немаловажной причиной участия в восстании руководящих группировок обеих партий была переменчивая религиозная политика императора, его лавирование между православными и монофиситами. Находившаяся в оппозиции к правительству партия зеленых имела еще и свои причины к возмущению: именно зеленые больше всего страдали от несправедливости судей, притеснений чиновников и бесчинств стасиотов из партии синих.

Народные массы, рядовые димоты обеих партий объединились в этом восстании также по многим причинам: их заставляла выступить общая ненависть к жестоким и корыстолюбивым правителям, особенно к начальнику дворцовой гвардии спафарию Калоподию, эпарху города Евдемону, квестору Трибониану и префекту претория Иоанну Каппадокийцу. По словам Прокопия, особую ненависть народа заслужили Иоанн Каппадокиец и Трибониан. Иоанн Каппадокиец, «будучи самым мерзким из людей, употреблял во зло все свои способности» [22]. Накопив нечестными путями огромные богатства, он предался безмерному пьянству и чревоугодию, до обеда грабил имущество подданных, а остальное время проводил в кутежах и разврате [23]. Трибониан, ученый правовед, был до безумия корыстолюбив, торговал правосудием и судебными приговорами [24]. Непомерные налоги, грабежи чиновников, неправый, лицеприятный и продажный суд, политическое бесправие, эксплуатация со стороны землевладельцев и купцов, бесчинства стасиотов обеих партий, гонения против еретиков, долги ростовщикам — все это создавало невыносимые условия жизни и побуждало массы взяться за оружие.

Восстание Ника началось 11 января 532 г. и длилось целых восемь дней. В праздничный день 11 января на ипподроме Константи-

ЦИРКОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Часть диптиха. Слоновая кость. 517 г. Государственный Эрмитаж

нополя по обычаю происходили конные ристания, на которых присутствовал сам император Юстиниан и вся его свита. С самого начала ристаний на скамьях, занятых прасинами, было неспокойно: прасины шумели и волновались. Их вожди пытались поднять димотов своей партии против венетов и всячески разжигали вражду между факциями. Они хотели заставить императора отказаться от покровительства венетам и уравнять в правах обе партии. События развернулись таким образом, что вожди прасинов выступили открыто: они выдвинули обвинения против спафария Калоподия.

Источники сохранили интереснейший диалог между вождем прасинов и Юстинианом; происходивший публично, на ипподроме, ведшийся через императорского глашатая, это самый удивительный диалог между народом и императором, какой знает история. Жалобы на притеснения Калоподия, сперва почтительные, по мере того, как накалялась атмосфера в цирке, превратились в жестокие обвинения и оскорбления. Калоподия называли виновником гибели многих прасинов, безжалостным палачом. Прасины предъявили правительству целый перечень обид, нанесенных их партии. Прасины утверждали, что они лишены свободы, могут появляться в столице лишь как преступники, с позором возимые на спине осла; что всякий свободный гражданин, заподозренный в том, что он прасин, немедленно подвергается преследованию со стороны властей. Суды несправедливы к прасинам, их наказывают — без вины и оставляют

без наказания преступников за убийство прасина. За короткий срок в квартале города Зевгме совершено несколько убийств прасинов. Все эти убийства — дело рук венетов, оставшихся безнаказанными.

Разгневанный император отверг все притязания прасинов и в свою очередь решил дискредитировать их в глазах масс, по большей части придерживавшихся православия. Он обвинил зеленых в том, что они — иудеи, манихеи, самаритяне. Это были страшные обвинения, которые могли повлечь за собой суровые кары. В ответ на угрозы императора прасины бросили тень на истинность его собственной веры, намекнув на то, что он — сторонник несторианства и признает существование в Христе двух ипостасей раздельно — божеской и человеческой. Своих же противников, венетов, они обвиняли в «эллинстве» (язычестве), еще распространенном среди высших классов. Вожди прасинов с их приверженностью к монофиситству не могли рассчитывать на сочувствие димотов даже своей факции, ибо большинство народа стояло за православие. Поэтому они обвиняли императора в несторианстве, которое было непопулярно среди народных масс.

Страсти разгорелись до такой степени, что прасины назвали самого Юстиниана виновником всех этих преступлений. В гневе они кричали императору: «Лучше бы не родился твой отец Савватий, он не породил бы убийцу!»

Венеты отрицали свою причастность к убийствам прасинов и пока еще сохраняли относительное спокойствие. Император, услыхав оскорбления уже по своему адресу, стал угрожать зачинщикам прасинов казнью. С криком «Да будут брошены на живодерню кости зрителей!» зеленые с шумом покинули цирк, нанеся тем самым неслыханное оскорбление императору [25].

Необычайный диалог прасинов и Юстиниана проливает свет на причины недовольства зеленых: они требовали политической свободы для своей партии, законного суда, защиты от покушений со стороны венетов, ограничения произвола властей, наказания ненавистного им более всех спафария Калоподия. Но в этом диалоге уже звучат угрозы по адресу самой верховной власти — грозные предвестники готовящейся бури. Политическая борьба партий начинает приобретать антиправительственный характер. Религиозные споры используются обеими сторонами для дискредитации своих противников в глазах народа.

После происшедшей на ипподроме бурной сцены император удалился во дворец, приказав эпарху Константинополя Евдемону произвести аресты и сурово наказать зачинщиков беспорядков. В тот же день вечером эпарх арестовал и бросил в темницу нескольких руководителей димов, участвоваших в столкновении на ипподроме, причем среди арестованных были как прасины, так и венеты.

Арест представителей обеих партий был произведен преднамеренно: Юстиниан хотел показать свое беспристрастное отношение к тем и другим, опровергнуть таким образом обвинения прасинов в его пристрастии к венетам и продемонстрировать народу, что он стоит выше борьбы партий. Однако этот политический ход принес результаты обратные тем, которых ожидало византийское правительство.

По единодушному мнению хронистов, одновременный арест прасинов и венетов привел к сближению димотов обеих партий[26]. Трое арестованных были приговорены к смертной казни. Во время повешения один умер сразу, а двое дважды срывались с виселицы. Один из них был прасин, другой — венет. Собравшаяся на месте казни огромная толпа народа, уже до того крайне раздраженная действиями эпарха города, увидев, что осужденные живы, стала кричать: «Этих в церковь!»,— требуя, чтобы по древнему обычаю им предоставили убежище в храме и затем помиловали. Услышав крики, монахи монастыря св. Конона забрали сорвавшихся с виселицы, посадили в ладью и укрыли в церкви св. Лаврентия, обладавшей правом церковного убежища[27]. Константинопольский эпарх Евдемон, узнав об этом, тотчас послал своих солдат стеречь здесь преступников. Монахи активно вмешались в события и помогли народу спасти участников выступления против императора. Возможно среди них были бедные монахи, близкие к народу и сочувствовавшие гонимым. Кроме того, монахи хотели лишний раз показать значение церковного убежища и таким путем воздействовать на народные массы.

Накануне вожди прасинов и венетов готовили столкновение партий, но народные массы опрокинули их расчеты и стихийно объединились вместе. Поводом для объединения послужил отказ эпарха помиловать сорвавшихся с виселицы прасина и венета, но истинные причины сплочения рядовых димотов обеих партий крылись гораздо глубже. Бедняков — и прасинов и венетов — разделяли столь острые социальные противоречия с руководящей верхушкой факций, что при первой же возможности низы объединились. Руководителям факций ничего не оставалось делать, как выполнить желание масс.

В понедельник 12 января синие и зеленые договорились о совместных действиях — пока только для того, чтобы добиться помилования осужденных. Была образована объединенная организация прасинов и венетов — партия «прасино-венетов». Ее паролем-лозунгом был избран клич «Ника!»[28].

Во вторник 13 января на ипподроме вновь проводились конные бега. Во время ристаний обе партии обратились к присутствовавшему в цирке императору с просьбой о помиловании осужденных, но никакого ответа не получили. Тогда прасины и венеты открыто декларировали свой союз. По словам Зонары, «когда родилась у димов ненависть к василевсу и василиссе, обе партии заключили между собой соглашение, хотя всегда враждовали друг с другом, и начали мятеж»[29]. Вечером того же дня стихийно вспыхнуло вооруженное восстание народа. Огромная толпа бросилась с ипподрома в город и начала поджигать правительственные здания вокруг Августеона[30].

Восставшие напали на резиденцию префекта претория и эпарха города — преторий и подожгли его. Они ворвались в тюрьму претория и выпустили на свободу политических заключенных. Всех солдат, охранявших преторий и оказавших им сопротивление, они перебили[31]. В претории был сожжен архив с налоговыми списками и перечнем долгов. Разгром претория показывает, что восстание приняло социальный характер. Всю ночь восставший народ громил не только

учреждения, но и дома знати, расположенные близ императорского дворца и на центральной улице Константинополя — Месе. Мятежники жгли дома вельмож, не делая различия между богатыми прасинами и венетами. И если во время пожаров больше всего пострадал квартал венетов, то это объясняется близостью их домов к правительственным учреждениям. По словам Прокопия, в пламени погибло много домов богатых граждан столицы и большие ценности [32]. Повстанцы двинулись к Августеону, собираясь напасть на императорский дворец. В центральных кварталах города начался пожар; сгорели многие великолепные постройки: преторий, здание сената, медные ворота дворца (так называемая Халка), бо́льшая часть Августеона, храм св. Софии, бани Зевксиппа, странноприимный дом Сампсона. Раздуваемый сильным ветром, огонь перекинулся в другие кварталы, в результате чего погибли церковь св. Ирины, ксенодохий Евбула, большая часть улицы Месы — от императорского дворца до форума Константина [33].

Иоанн Лид рисует страшную картину выгоревшего Константинополя: «Город представлял собой груду чернеющих развалин, как на Липари или около Везувия; он был наполнен дымом и золою; всюду распространившийся запах гари делал его необитаемым, и весь вид его внушал зрителю ужас, смешанный с жалостью» [34].

Согласно рассказу Прокопия, после начала восстания «благонамеренные» граждане Константинополя, «непричастные к беспорядкам», в страхе бежали из города на азиатский берег Босфора [35].

В среду 14 января император запросил вождей прасино-венетов о причине восстания, и те потребовали отставки наиболее ненавистных народу министров — префекта претория Иоанна Каппадокийца, квестора Трибониана и эпарха города Евдемона. Их партийная принадлежность при этом роли не играла: Иоанн Каппадокиец был прасин, а Трибониан и Евдемон — венеты. По словам Прокопия, пока партии враждовали, злоупотребления этих чиновников были менее заметны, но когда обе партии объединились, то стали требовать их к ответу, обвиняли во многих преступлениях и хотели убить. Требование димотов было немедленно удовлетворено: Иоанн Каппадокиец был заменен патрикием Фокой, а Трибониан — патрикием Василидом. Прокопий утверждает, что новые министры — и Фока и Василид — отличались знатностью и добрыми нравами и пользовались уважением [36].

Эти похвалы историка говорят о том, что новые правители были скорее всего ставленниками сената.

Однако перемены в правительстве уже не могли удовлетворить восставший народ. Уступки Юстиниана не в силах были спасти положение. Восстание разгоралось с новой силой и открыто приняло антиправительственный характер: народ добивался свержения самого Юстиниана. Прасино-венеты выдвинули требование об избрании нового императора. К народному движению явно примешиваются династические интересы оппозиционно настроенной сенаторской аристократии — сторонников старой, «законной», династии покойного императора Анастасия. Сенаторская знать стремится использовать народное движение для смены династии. По рассказу комита Мар-

целлина, во время восстания знать (nobiles) раздавала народу оружие и подарки [37].

Народные массы не имели своего вождя; среди них были весьма сильны царистские иллюзии: народ поддался на уговоры руководителей димов и поддержал их ставленников. Сперва было решено избрать василевсом племянника императора Анастасия — Ипатия, патрона венетов, но Ипатий и его брат Помпей находились в то время во дворце, где заперлись с большинством сенаторов и своими приближенными Юстиниан и Феодора. Тогда повстанцы стремительно двинулись к дому их третьего брата Проба, тоже венета. Толпа народа хотела провозгласить его императором, но Проб заранее скрылся: видимо, он испугался народа и никак не мог решиться стать «народным» царем. Возмущенная бегством Проба толпа подожгла его дом [38].

В это время Юстиниан, наконец, предпринял попытку вооруженной рукой подавить восстание. Но военные силы, которыми располагало правительство, были незначительны. В распоряжении императора находился лишь отряд наемников-варваров, готов и герулов, численностью всего около 3 тысяч человек. Это были преимущественно букелларии и щитоносцы из отрядов полководцев Велисария и Мунда [39]. Настроение других воинских частей, расквартированных в столице, было выжидательное. Они не желали ни примыкать к восставшим, ни поддерживать императора, выжидая, кто победит, чтобы потом присоединиться к победителям [40]. Тогда Юстиниан отдал приказ Велисарию выйти из дворца с отрядом в 3 тысячи воинов и разбить мятежников. Чуждые населению византийской столицы, говорившие на непонятном языке, варвары — готы и герулы были единственной надеждой императора, поскольку на местный гарнизон уже распространилась «зараза» неповиновения властям. Выйдя из дворца, Велисарий завязал с восставшими сражение на улицах города.

По рассказу Зонары, между воинами-варварами и димотами произошла жестокая битва в Милее и многие пали с обеих сторон. Тогда духовенство, «спеша прекратить мятеж и войну», неся священные книги и иконы, замешалось в толпу сражавшихся и пыталось удержать их от битвы. Но варвары, «не обратив внимания на святыни», изрубили и димотов и священников. Расправа с духовенством вызвала всеобщее возмущение жителей Константинополя [41]. Они были охвачены ненавистью к наемникам, рассказывает Зонара, и сражались с невиданным ожесточением. В сражении приняли участие даже женщины, которые с крыш домов и верхних этажей зданий бросали на воинов камни, черепицу и все, что им попадало под руку. Варвары же, впав в бешенство и желая отомстить за такое упорное сопротивление жителей, подожгли их дома, и многие прекрасные постройки погибли в пламени [42]. Смятые вооруженными димотами воины Велисария были разбиты наголову и отступили во дворец [43].

В пятницу 16 января сражение на улицах столицы продолжалось. Пожар распространился на север, захватывая все новые и новые кварталы и губя роскошные здания. Восставшие, ожесточившись, без
291 сожаления убивали всех сторонников Юстиниана [44]. В субботу

17 января повстанцы заняли важное правительственное здание Октагон. Во время приступа охранявшие Октагон солдаты подожгли это здание и другие постройки; пожар охватил юг и юго-запад Константинополя. Вечером 17 января Юстиниан, осведомленный о враждебных намерениях некоторых сенаторов и их связях с восставшими, подозревая в каждом из них заговорщика и убийцу, приказал большинству сенаторов покинуть дворец. Император все больше терял голову и дрожал за свою жизнь. Он заявил сенаторам, чтобы они оставили дворец и сами позаботились о защите своих домов и спасении своего имущества [45].

По версии Прокопия, Ипатий и Помпей хотели остаться во дворце, но это только усилило подозрения василевса, и они были удалены из императорской резиденции [46]. Этим необдуманным поступком Юстиниан, сам того не желая, дал восстанию вождей, которых им так не хватало. Теперь восставшие могли посадить на престол законных претендентов — племянников Анастасия. В воскресенье 18 января, еще до восхода солнца, Юстиниан сделал последнюю попытку пойти на переговоры с мятежниками и отправился для этого на ипподром. Придя в императорскую ложу (кафисму), он принес перед собравшимся на ипподроме народом и вождями димов торжественную, на евангелии, клятву о заключении мира с восставшими. Юстиниан клялся предоставить полную амнистию всем участникам восстания и принимал на себя всю вину за трагические события, происшедшие в городе. «Клянусь святым евангелием,— говорил император,— я прощаю вам все ваши преступления, я не арестую ни одного из вас, лишь бы вы успокоились. Вы ни в чем не виноваты в совершившихся событиях, я один — причина всему. Это мой грех, когда я отказал вам в том, о чем вы просили меня на ипподроме» [47].

Однако раскаяние императора запоздало, и никто не поверил его клятвам. Речь Юстиниана прерывалась грозными криками и насмешками: «Ты лжешь, осел! Ты даешь ложную клятву!» [48] Лишь немногие из богатых венетов и подкупленных императорскими агентами людей агитировали в пользу императора. Толпа осыпала оскорблениями не только Юстиниана, но и Феодору.

Юстиниану не оставалось ничего другого, как обратиться в позорное бегство и скрыться во дворце [49].

После бегства Юстиниана с ипподрома восставшие решили короновать императором Ипатия, тем более, что по городу разнесся слух, будто Юстиниан вместе с Феодорой, взяв с собой казну, бежали во Фракию. Народ двинулся к дому Ипатия и, несмотря на протесты и слезы его жены Марии, предложил ему императорский престол [50]. Затем произошла церемония коронации нового императора. Восставшие повели Ипатия на форум Константина, подняли на щит, возложили на голову вместо императорской диадемы золотую цепь, а затем облачили в принесенные из захваченной части дворца императорские знаки отличия и в пурпурную мантию. С восторженными криками толпа двинулась к ипподрому, где новый василевс был поднят в кафисму, а димы и народ прославляли его [51]. После этого предводители восстания начали обсуждать план дальнейших действий. Прокопий, пытаясь обелить Ипатия, утверждает, будто

Ипатий был коронован восставшим народом насильно. Поступки Ипатия опровергают это представление. Так, во время обсуждения плана действий, он, вместе с наиболее решительно настроенными вождями димотов, стоял за немедленный штурм дворца [52]. Против активных наступательных действий, однако, высказались некоторые участвовавшие в восстании сенаторы, боявшиеся народа и занявшие по отношению к нему предательскую позицию. Сенатор Ориген произнес длинную речь, в которой всячески отговаривал восставших от наступления на дворец, ссылаясь на то, что Юстиниан скоро сам покинет столицу [53]. Сенаторы и некоторые вожди димотов медлили. Тогда отряд прасинов, состоявший из 200—250 вооруженных с ног до головы молодых людей, видимо, принадлежавших к городской милиции, самовольно начал штурм дворца. Группа смельчаков напала на ворота императорской резиденции как раз в тот момент, когда императорская чета держала совет со своими сторонниками о том, как спасти положение. А оно действительно было катастрофическим.

По словам Лида, настал критический момент, и «сама империя, казалось, находилась на краю гибели» [54]. Доведенный до отчаяния Юстиниан решил бежать из столицы. Уже были приготовлены корабли для бегства и на них погружены царская казна и богатства императорского дворца. Однако в эту трагическую для правительства минуту необычайную энергию и решимость проявила императрица Феодора. Она явилась на заседание императорского совета, горько упрекала своего царственного супруга и его приближенных в позорной трусости и заявила, что предпочитает смерть потере власти, ибо «царская порфира — прекрасный саван» [55]. Феодора требовала, чтобы Юстиниан отказался от бегства и немедленно отдал приказ напасть на мятежников.

В это время среди восставших обнаружились разногласия: часть аристократии из числа венетов, испугавшись столь широкого размаха выступления народных масс, отшатнулась от восстания. Немалую роль в этом сыграло и золото Юстиниана, переданное вождям синих через приближенного императора, ловкого евнуха Нарсеса. По словам Зонары, «люди царя раздавали много денег и откололи венетов» [56].

Среди восставших произошел раскол, послуживший одной из причин поражения восстания. К этому времени правительство, мобилизовав все военные силы, перешло в наступление.

18 января император поручил Велисарию и Мунду подавить восстание. Велисарий с отрядом варваров проник через дымящиеся развалины на ипподром, где в это время собралось огромное количество народа. В свою очередь Мунд через ворота «мертвых» (Некра) с отрядом готов и герулов ворвался в цирк с другой стороны. Внезапно напав на толпу, запертую в цирке, воины осыпали ее градом стрел, затем в ход были пущены мечи. На ипподроме началась страшная паника. Наемники двинулись через арену, никого не щадя на своем пути. «Толпа была скошена, как трава» [57]. Все повстанцы, находившиеся в цирке, были убиты, и к ночи, когда бойня прекратилась, на арене ипподрома лежали горы трупов. Сведения о числе погибших в тот день противоречивы. По-видимому, было убито

около 35 тысяч человек[58]. Среди них были как димоты и граждане Константинополя, так и чужеземцы.

Велисарий вытащил Ипатия из царской кафисмы и отвел несчастного узурпатора и его брата Помпея к императору. Пытаясь оправдаться, Ипатий тщетно доказывал Юстиниану, что его короновали силой и что он сохранял верность императору. В свое оправдание он говорил, что намеренно завлек в цирк народ и хотел предать его Юстиниану. С этой целью он якобы послал верных людей во дворец известить императора. Но посланцы Ипатия не смогли пробраться через горящий город во дворец и не выполнили поручения. На эти уверения Ипатия Юстиниан по словам хрониста ответил: «Хорошо, но так как вы пользовались таким авторитетом у этих людей, то вы должны были применить его прежде, чем они сожгли мой город».

Юстиниан слишком много пережил во время восстания, чтобы простить Ипатия. Правда, некоторые историки полагают, будто он склонен был помиловать Ипатия и Помпея, но на их казни настояла императрица Феодора[59]. Однако эта версия кажется не слишком правдоподобной.

В понедельник 19 января, еще до рассвета, Ипатий и Помпей были казнены и их тела брошены в море. Так трагически кончилось столь кратковременное царствование Ипатия.

После подавления восстания начались жестокие репрессии: аресты, ссылки, казни. Они коснулись, конечно, прежде всего рядовых димотов и городской бедноты. В Константинополе наступили мрачные дни. «И был страх большой, и замолчал город и не проводились игры долгое время»[60].

Боясь народных собраний на ипподроме и в наказание цирковым партиям Юстиниан после подавления восстания Ника запретил проводить ристания в Константинополе. Цирковые игры были возобновлены только в 537 г.[61]

Репрессии обрушились и на организации димов. После разгрома восставших долго «не видно было нигде ни одного димота»[62]. Удар, нанесенный димам, был настолько сильным, что вплоть до 547 г. в источниках не встречается упоминаний о движении димов и столкновениях цирковых партий.

Но Юстиниан не пощадил и знатных заговорщиков. 18 сенаторов и иллюстриев, в том числе брат казненных Ипатия и Помпея — Проб, муж племянницы Анастасия сенатор Оливрий и другие были отправлены в ссылку, а все их имущество конфисковано[63]. Правда, позднее, уступив сенаторской аристократии, Юстиниан вернул из ссылки многих сенаторов и возвратил им их имения. Конфискованное имущество было возвращено даже детям Ипатия и Помпея.

Торжествуя победу, Юстиниан приказал отстроить погибшие в пламени центральные кварталы города и с особой роскошью восстановить сожженный восставшими храм св. Софии. Главные сотрудники Юстиниана, которые под давлением народа были смещены со своих высоких постов, в том числе Иоанн Каппадокиец и Трибониан, были вновь призваны ко двору и заняли свои прежние должности.

Правительство приняло решительные меры по предотвращению народных восстаний. В 535 г. была уничтожена должность «ночного эпарха»: ее заменили новым магистратом высокого ранга spectabilis — претором плебса, который зависел непосредственно от императора. В обязанности претора плебса входило наблюдение за порядком в столице и поведением народных масс. Сперва Юстиниан хотел сделать эту должность коллегиальной, но фактически она исполнялась одним лицом [64]. В 539 г. была создана должность квизитора (тоже ранга spectabilis), которому был поручен политический надзор за всеми подозрительными. Претор плебса и его чиновники должны были «очистить столицу от лютых зверей», как писал Юстиниан в своей Новелле, «усмирять мятежи народа» и изгонять из столицы всех «смутьянов» [65]. Был значительно увеличен штат городской полиции, которая обязана была следить за порядком и пресекать любые проявления народного недовольства.

Одновременно Юстиниан принял меры к укреплению императорского дворца и на случай осады построил при нем хлебные склады и цистерну для воды. Для устрашения всех недовольных Юстиниан приказал объявить о своей победе и уничтожении тиранов по всем городам империи [66].

Восстание Ника, одно из самых значительных и грозных движений в ранней Византии, оказало немалое влияние на всю дальнейшую политику Юстиниана как внутреннюю, так и внешнюю. Во внешней политике для Юстиниана теперь необходимо было скорее перейти к широким завоеваниям на Западе с целью отвлечения населения от политических беспорядков. Во внутренней политике Юстиниан, разгромив как династическую сенаторскую оппозицию, так и восстания народных масс, мог приступить к активной реформаторской деятельности — и в сфере законодательства, и администрации. Вместе с тем с подавлением восстания Ника и движения димов в других городах империи, византийская автократия праздновала победу над древними чаяниями о политической свободе, вынашивавшимися муниципальной знатью и широкими слоями горожан. Тем самым был нанесен удар не только по оппозиционно настроенной сенаторской аристократии, но и по старой муниципальной организации.

Одновременно эти события укрепили союз Юстиниана с православным духовенством, которому император щедро раздавал земельные владения, конфискованные у знатных заговорщиков.

В то же время восстание Ника послужило тяжелым уроком для городского люда. С одной стороны, оно показало силу народа и его организаций в том случае, когда обе партии объединялись. С другой — в нем проявились и слабости движения димов: отсутствие руководства и вождей из народа, стихийность, сохранение у большинства восставших веры в необходимость и могущество императорской власти. Восстание Ника лишний раз продемонстрировало предательскую позицию сенаторской аристократии, особенно из партии венетов, стремившейся лишь использовать движение в своих династических целях и перешедшей на сторону правительства в самый решительный момент восстания.

Однако и после подавления восстания Ника движение димов продолжается, то временно затухая, то разгораясь снова, особенно в таких крупных городах Востока, как Антиохия и Александрия. В течение всего царствования Юстиниана нередки были бунты городской бедноты и в самой столице (их вызывал, главным образом, недостаток продовольствия). Но никогда движение димов не принимало столь опасного для правительства характера, как в восстании Ника.

Более скудны данные источников о восстаниях сельского зависимого населения при Юстиниане. Сохранились лишь отрывочные сведения о движении скамаров в V—VI вв. в придунайских провинциях империи, преимущественно в Реции, Паннонии и Норике, а также во Фракии и Иллирике. Византийские авторы разумели обычно под скамарами разбойников — latrones, praedones. В таком смысле термин «скамары» употребляют Евгиппий в «Житии Северина» (VI в.), гот Иордан в своей «Гетике», Менандр и хронист VIII в. Феофан Византийский [67].

Начавшись еще в V в., движение скамаров особенно усилилось в правление Юстиниана [68]. Скамары создавали вооруженные отряды, нападали на поместья и виллы крупных землевладельцев, осаждали целые города. В отряды скамаров стекались беглые рабы, колоны, разоренные крестьяне. В горных местах Фракии возникали целые поселения скамаров. При Юстиниане движение скамаров охватило почти всю Фракию и часть Иллирика. Юстиниан, обеспокоенный тревожными известиями, приходившими из этих провинций, принужден был издать ряд Новелл, ограждавших земли и другое имущество крестьян и колонов во Фракии и Иллирике от захвата ростовщиками [69]. В одной из этих Новелл рисуется безрадостная картина «безбожного корыстолюбия» кредиторов, которые, «используя голодное время, за ничтожное количество хлеба забрали всю землю нуждающихся, так что одни земледельцы бежали, другие погибли от голода; произошла страшная убыль людей, ничем не меньшая, чем при варварском вторжении» [70].

Однако эти уступки византийского правительства могли лишь временно ослабить, но не полностью потушить движение скамаров, опасность которого возрастала в связи с славянскими вторжениями во Фракию и другие балканские области империи.

Неспокойно было и в других провинциях огромного Византийского государства. Проводя свои административные реформы, Юстиниан стремился укрепить власть наместников провинций: им давались широкие полномочия для борьбы как против своеволия провинциальной знати, так и, главным образом, против народных восстаний. В своих Новеллах, касающихся административного переустройства империи, Юстиниан сам сообщает о внутренних беспорядках и народных волнениях в восточных провинциях: Писидии, Ликаонии, Исаврии, Еленопонте, Пафлагонии, Каппадокии, Армении [71], Палестине, Египте и в некоторых европейских областях, в частности во Фракии.

Зачастую народные восстания, особенно в провинциях Малой Азии, переплетались с выступлениями различных туземных племен,

которые боролись за свою независимость, за сохранение своих обычаев и культуры против централизаторской и ассимиляторской политики византийского правительства. Особенно много хлопот Константинополю доставляли в VI в. воинственные племена Исаврии, Ликаонии и Каппадокии. В Египте народные движения то принимали характер еретических выступлений, то зачастую также сливались с борьбой коптского населения за сохранение своей самобытной культуры и известной политической независимости.

Итак, правительству Юстиниана приходилось постоянно сталкиваться с большими трудностями, связанными с внутренними беспорядками и недовольством населения по всей стране. Огромным напряжением всех сил Юстиниану еще удавалось подавлять народные восстания, действуя либо репрессиями, либо идя на уступки в отношении народных масс. Однако автократическая политика Юстиниана стоила империи слишком больших жертв, и уже ближайшие преемники Юстиниана оказались перед лицом еще более грозных народных движений в империи.

Глава

14

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЮСТИНИАНА. ПОПЫТКИ РЕСТАВРАЦИИ ИМПЕРИИ НА ЗАПАДЕ. ВОЙНЫ С ИРАНОМ. ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Осуществление грандиозного плана восстановления границ Римской империи на Западе Юстиниан начал с завоевания королевства вандалов в Северной Африке (Ливии). Этому благоприятствовали международная обстановка и внутреннее положение в вандальском королевстве. К тому времени византийскому правительству удалось устранить опасность, грозившую с Востока: в 532 г. между Византией и Ираном был заключен «Вечный мир». Руки у Юстиниана были развязаны. Осуществлению его планов способствовало и отсутствие единства среди германских королевств. К 30-м годам VI в. вандалы порвали с остготами, остготы постоянно враждовали с франками, франки — с вестготами. Византийская дипломатия всячески разжигала эти конфликты. Из всех варварских королевств Вандальское, пожалуй, более всего было ослаблено внутренними раздорами. За сто лет господства в Северной Африке вандалы и аланы потеряли свою прежнюю воинственность. Вандальский флот, некогда наводивший ужас на все страны Средиземноморья, пришел в упадок[1].

Придя в Северную Африку как освободители местного населения от римского владычества и пользуясь первое время поддержкой народных масс, вандалы провели широкую конфискацию земель римской аристократии, православной церкви и императорского фиска. Вандальские короли и их приближенные захватили в свои руки богатейшие земли; рядовые воины-вандалы (около 50 тысяч человек) получили в наследственное владение земельные наделы — клеры, которые были освобождены от уплаты налогов. Старым владельцам

оставлялись лишь малоплодородные земли, да и за них нужно было платить в казну высокие налоги. Некоторых знатных и богатых римлян и ливийцев вандалы обратили в рабство или убили, другим удалось бежать. Будучи ревностными арианами, первые вандальские короли Гейзерих (428—477), Гунерих (477—484) и Гундамунд (484—496) подвергали жестоким гонениям африканских церковнослужителей ортодоксального толка [2].

Арианское духовенство, непримиримое в своем благочестивом фанатизме, разжигало религиозную рознь в стране. Земли и прочие богатства местных церквей были захвачены арианскими иерархами и вандальской знатью. В среде оставшейся в Северной Африке римской знати и православного духовенства росло ожесточение против завоевателей.

Вместе с тем в самом вандальском обществе происходило глубокое имущественное и социальное расслоение: знать все больше отдалялась от своего народа. Королевские дружинники и сами короли зачастую прибирали к рукам наделы воинов-соплеменников. Часть разбогатевшей вандальской знати усвоила римские обычаи, римский образ жизни. Появилась партия, ориентировавшаяся на сближение с Восточной Римской империей. Если Гейзерих упорно враждовал с ней, если тогда флот вандалов грабил Иллирик, Грецию, Пелопоннес и другие владения империи, то Тразамунд (499—523) всячески добивался дружбы с византийским императором Анастасием; он прекратил гонения против православного духовенства, стремясь привлечь подданных к арианству дарованием почестей и должностей, а не насилием. Еще более «проримский» характер приобрела политика вандалов в правлении короля Гильдериха (523—530). При его дворе явно возобладала «римская» партия. Произошел разрыв с государством остготов. Сам Гильдерих искал дружбы Юстиниана. В стране была установлена религиозная веротерпимость. Византийская дипломатия всячески стремилась поставить Гильдериха в подчиненное положение по отношению к империи. Антиримски настроенная вандальская знать обвиняла короля в тяжких поражениях, которые несли вандалы в войнах с туземными, мавретанскими (берберийскими) племенами Северной Африки. Последние, стремясь к полной независимости, воспользовались ослаблением военных сил вандалов и подняли против них восстание в Бизацене. Военные неудачи были связаны с упадком вандальской армии, вызванным растущим расслоением среди ее рядовых воинов.

Изменилось и отношение к вандалам со стороны населения Северной Африки. Вандальская знать стала проводить политику закабаления свободных крестьян [3]. В народных массах, преданных православной религии, известный успех имела враждебная вандалам-арианам проповедь ортодоксального духовенства. Между местным населением и завоевателями-вандалами существовала также и этническая рознь. Эмиссары Юстиниана всячески подливали масло в огонь.

В правление проримски настроенных вандальских королей уцелевшая римская аристократия ожила, а православное духовенство, использовав религиозный мир, вновь стало укреплять свои позиции.

Римская знать и ортодоксальное духовенство с нетерпением ожидали помощи с Востока. Втайне они готовили восстание против вандалов.

Союзником византийцев в Северной Африке было и купечество североафриканских городов, связанное торговыми интересами с восточными провинциями Византии.

В 530 г. слабый Гильдерих был свергнут с престола антиримскими кругами вандальской знати. Трон занял его родственник Гелимер, также происходивший из королевского рода Гейзериха. Выдвинутый на престол военной партией и пользовавшийся поддержкой армии, Гелимер решительно расправился со своим предшественником. Гильдерих и все его родственники были схвачены и брошены в темницу. Юстиниан потребовал у Гелимера немедленно освободить Гильдериха и начал готовиться к войне. Подавив в 532 г. восстание Ника, император задумал широкой завоевательной политикой отвлечь своих подданных от тяжелого положения внутри страны. Блеском завоеваний он надеялся восстановить свой престиж и заслужить славу великого полководца.

Однако при подготовке экспедиции в Северную Африку император неожиданно натолкнулся на оппозицию придворной знати, которую возглавлял сам Иоанн Каппадокиец. Больше всего ее страшили опасности далекой морской экспедиции. Чиновники двора, связанные с казначейством, были обеспокоены огромными затратами, которых она потребует. Военачальников и солдат пугала война в далекой и неизвестной им стране; кроме того, они опасались возможного нападения на империю персов. Среди солдат, только что вернувшихся из персидского похода и еще не насладившихся миром, не было желания вновь пускаться в опасную экспедицию. Полагали, что даже в случае ее успеха византийские войска не смогут закрепить свою власть над Северной Африкой, пока Сицилия и Италия находятся в руках остготов.

Чиновная знать поколебала на время решимость императора. Но в это время активизировались те силы в империи, которые настаивали на завоевании Вандальского королевства. К императору прибыла делегация восточного православного духовенства. Многочисленные африканские эмигранты, римские аристократы и церковные сановники докучали императору просьбами об отмщении. Активизировались и зарубежные союзники Юстиниана. В Триполисе знатный римлянин Пуденций восстал против вандалов и передал город империи. Вандальский наместник Сардинии гот Года перешел на сторону императора, которого просил о немедленной присылке войск для передачи острова византийцам.

Весной 533 г. началась деятельная подготовка к войне. Прикрывая свои истинные, завоевательные цели, Юстиниан стремился изобразить поход в Ливию как великую освободительную миссию. Главнокомандующим экспедиционного корпуса был назначен Велисарий, к этому времени уже известный полководец, успешно закончивший персидскую кампанию [4]. Армия, собранная под его знаменами, состояла из 10 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы. Это было многоплеменное и разноязычное войско. Пехотинцы были набраны из

населения Фракии и Македонии, конница состояла преимущественно из варваров-федератов, гуннов, герулов. Для перевозки армии было снаряжено 500 транспортных судов, на которых насчитывалось 30 тысяч матросов. Кроме того, в распоряжении Велисария имелась эскадра военных кораблей, состоявшая из 92 быстроходных судов — дромонов. На дромонах находилось около 2 тысяч византийцев, гребцов и воинов одновременно.

22 июня 533 г. эскадра отплыла из Константинополя. Вместе с Велисарием в далекий поход отбыл и его советник — историк Прокопий, позднее подробно описавший в своем труде все события, связанные с завоеванием Африки. Суровыми мерами Велисарий навел дисциплину в войске. В гавани Мефоне на Пелопоннесском полуострове к основным силам присоединился еще один воинский отряд. На шестнадцатый день пути византийский флот пристал к пустынному берегу Сицилии. Велисарий послал Прокопия в Сиракузы для выяснения обстановки на острове и отношения остготов, хозяев Сицилии, к походу византийцев. Прокопий донес Велисарию, что путь на Карфаген свободен, ибо вандалы совершенно не ожидают прибытия византийской армии. Незадолго до появления Велисария вандальский король Гелимер отослал свой лучший флот (120 отборных быстроходных кораблей) в Сардинию, для отвоевания ее у Годы. Сам Гелимер, покинув Карфаген, жил в это время в Бизацене, далеко от побережья.

Остготы же не собирались помогать вандалам. Их королева Амаласунта даже разрешила византийцам закупить в Сицилии продовольствие для армии.

Велисарий тотчас приказал поднять паруса, флот быстро пристал к берегам Северной Африки. В начале сентября 533 г. войско беспрепятственно высадилось на расстоянии около 200 километров от Карфагена. Желая привлечь на свою сторону местное население, Велисарий сурово наказывал солдат за мародерство. Византийский полководец направил небольшой отряд к близлежащему городу Селекту. Воины хитростью проникли в него, смешавшись с толпой поселян, въезжавших в город на телегах. В Селекте их радостно встретили сторонники империи — местный епископ и знатнейшие горожане. Византийские войска продолжали успешно продвигаться к Карфагену.

Узнав о высадке неприятельских войск, Гелимер приказал немедля убить Гильдериха и всех его родных, сам же с отрядом легкой конницы пошел по пятам Велисария, не вступая, однако, в соприкосновение с его войском. Вандалы собирали силы. Генеральное сражение обеих армий произошло 13 сентября 533 г. около местечка Децим, в 13 километрах от Карфагена. Вандалы проиграли битву. Путь на Карфаген византийским войскам был открыт. Жители Карфагена растворили перед ними ворота города и, сняв железную цепь, преграждавшую вход в залив Мандракий, дали возможность византийскому флоту войти в гавань. 15 сентября 533 г. Велисарий торжественно, без боя, вступил в Карфаген. В завоеванном городе царил полный порядок, торговля и деловая жизнь не прерывались, лавки не закрывались, солдат по спискам распределяли на постой

в домах жителей, а продовольствие они покупали себе на рынке за деньги, выданные казначейством. Заняв Карфаген, Велисарий поднял из руин его стены.

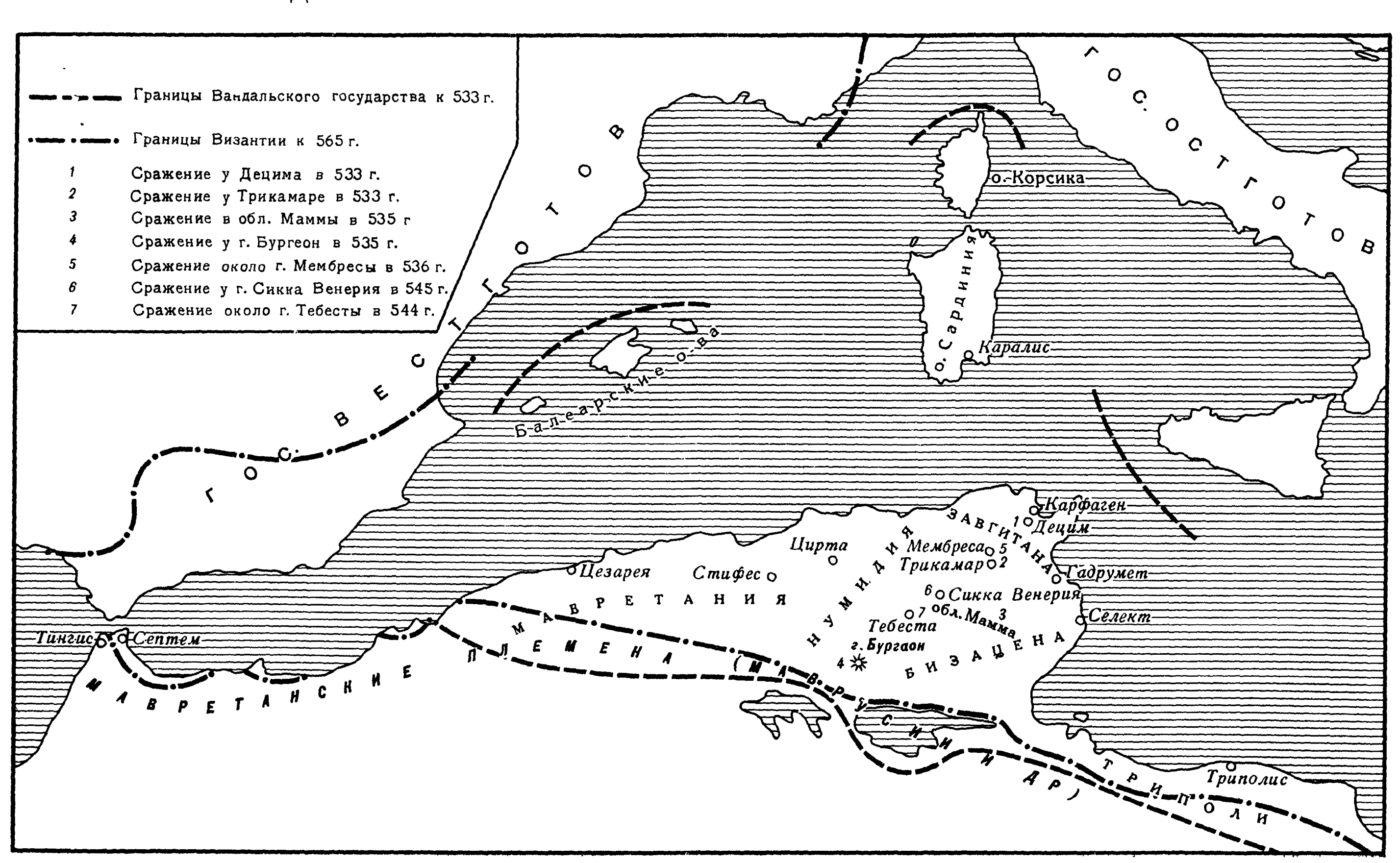
Гелимер начал срочно собирать войска, тщетно пытаясь вернуть потерянную столицу. Все его попытки найти союзников против Велисария терпели провал. Вестготский король Тевд отказался заключить военный союз с вандалами[5]. Вожди мавретанских племен заняли нейтральную позицию, выжидая исхода войны, чтобы перейти на сторону победителя. На помощь Гелимеру пришли лишь немногие маврусии и его брат Зазон, к этому времени убивший Году и овладевший Сардинией. Попытки Гелимера щедрыми подарками и обещаниями переманить на свою сторону вождей гуннов, находившихся в армии Велисария, также не увенчались успехом. Не сбылись надежды Гелимера и на восстание карфагенян против византийцев.

Второе сражение между вандалами и византийцами произошло в середине декабря 533 г. при Трикамаре. Коннице византийского полководца Иоанна удалось стремительным ударом разбить отряд вандалов, которым командовал Зазон. Сам он пал в этой стычке. Гелимер, узнав о его гибели, покинул войска, чтобы предать земле тело брата. Когда весть об этом распространилась среди вандалов, они обратились в бегство. Разгром армии Гелимера был полный. Победителям достался лагерь вандалов, где находились их жены, дети и имущество. Воины Велисария в одну ночь стали обладателями огромных богатств и множества рабов. Семья и сокровища Гелимера также оказались в руках византийцев. Пять дней и пять ночей византийские войска преследовали Гелимера. Ему удалось ускользнуть от погони и найти убежище на границе Нумидии, у дружественного племени маврусиев. Велисарий, приказав блокировать Гелимера, засевшего на горе Папуа, и отрезать его и его дружинников от подвоза продовольствия, сам с остальным войском возвратился в Карфаген.

Вслед за тем он приступил к завоеванию остальных владений вандалов. Талантливый военачальник Кирилл был послан с войском на остров Сардинию. Без труда подчинив ее, Кирилл вскоре столь же легко захватил и Корсику. Далее к византийцам перешли важные стратегические пункты — Цезарея (Кесария) в Мавретании и крепость Септем (Сеута) — недалеко от Геракловых столпов (Гибралтара), а также Балеарские острова — Майорка и Минорка. Византийцы упрочили свою власть в Триполисе и в других важный укрепленных местах.

В марте 534 г. Гелимер решил сдаться на милость победителя. Условия сдачи были почетными: Гелимеру, всем его родственникам и приближенным-вандалам была гарантирована личная безопасность; ему было обещано, что по приезде ко двору Юстиниана он будет пользоваться почетом и, живя в Византии, ни в чем не будет нуждаться. Захватив с собой Гелимера и все богатства вандальских королей, Велисарий срочно отплыл из Карфагена в Константинополь. В честь Велисария в столице Византии был отпразднован торжественный триумф.

ВИЗАНТИЯ И ВАНДАЛЫ

Император и императрица милостиво обошлись со знатными вандалами. Гелимеру были пожалованы земли в Галатии в Малой Азии, и он поселился там на правах частного лица. Пленных же вандальских воинов вывезли из Северной Африки, включили в византийскую армию, расквартировали в отдаленных восточных областях империи и послали на войну с персами.

Самонадеянно веря в то, что вся Северная Африка уже лежит у его ног, византийский император между тем присвоил себе титулы «вандальский» и «африканский», отозвал Велисария из еще не замиренной провинции и уменьшил состав оккупационной армии. В 534 г., тотчас после победы над Гелимером, Юстиниан издал Новеллу об устройстве завоеванной страны. Здесь была организована преторианская префектура во главе с префектом претория Африки, который пользовался широкими полномочиями. Вся Северная Африка делилась на семь провинций: Зевгитана, Карфаген, Бизацена, Триполи, Нумидия, Мавретания и Сардиния. Во главе четырех из них стояли ректоры, другими тремя управляли президы. Военная администрация была отделена от гражданской. Оккупационная армия состояла из корпуса комитатов, расквартированных во внутренних областях, и из пограничных войск — лимитанов. Все чиновники гражданской администрации, все военные командиры и солдаты получали от государства жалование, которое выплачивалось за счет собранных в провинции налогов [6]. В Северной Африке была полностью реставрирована отмененная вандалами римская налоговая система. Податями было обложено также население Сардинии и Корсики.

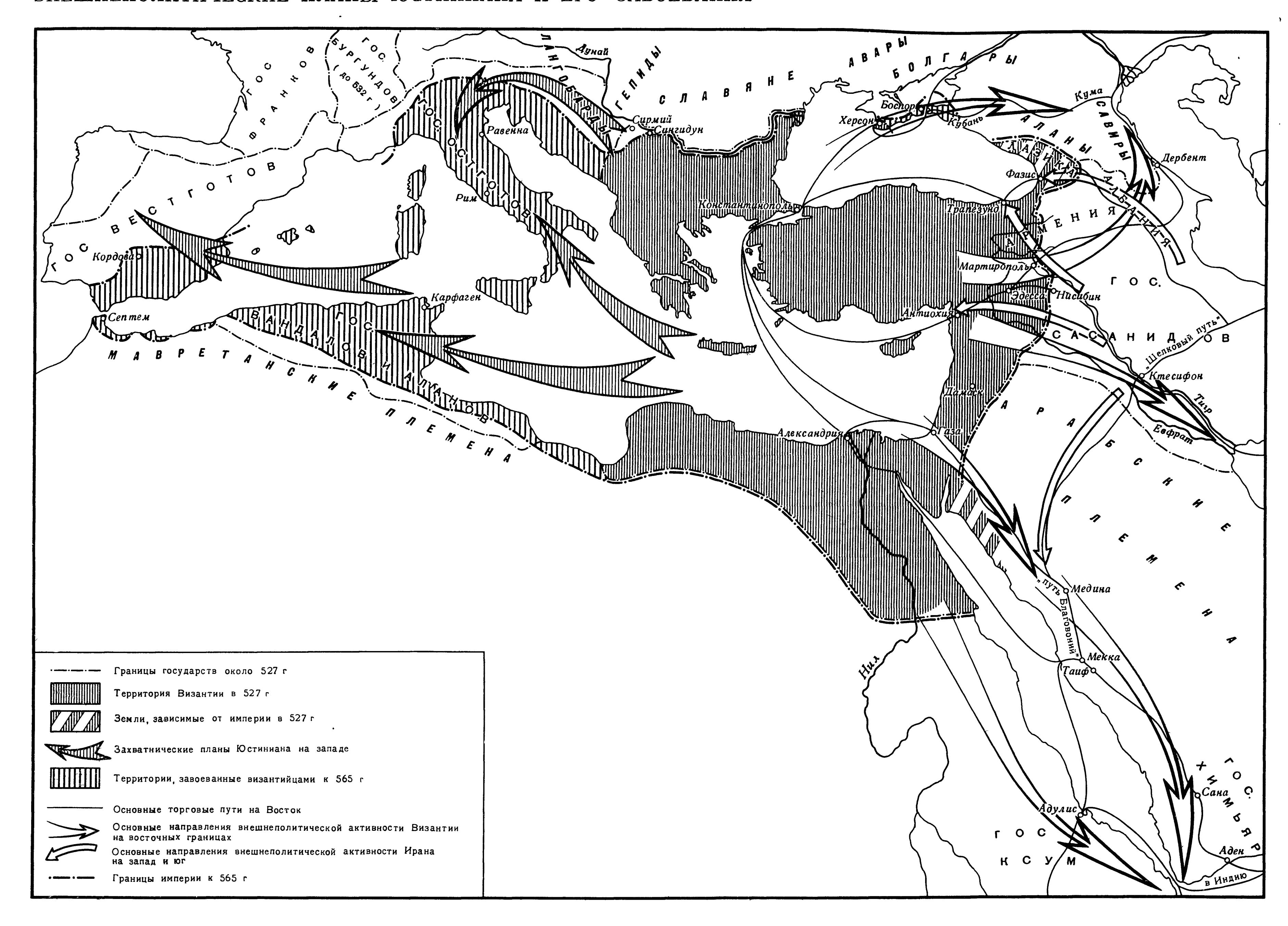
Первой задачей Юстиниана в области аграрной политики в Северной Африке было восстановление крупного римского землевладания. Все земли, потерянные прежними собственниками во времена господства вандалов, возвращались старым владельцам — императорскому фиску, православной церкви, потомкам римских посессоров и местной романизированной африканской знати [7]. Львиную долю конфискованных у вандалов земель Юстиниан присвоил себе или передал фиску. Запрещалось отчуждать церковные имущества. Карфагенской церкви предоставлялись все права, которыми пользовались церкви метрополии.

Инаковерующие — ариане, донатисты, иудеи и язычники — подвергались гонениям. Недаром византийское завоевание было восторженно встречено африканским православным духовенством [8].

Все рабы и колоны, бежавшие от своих господ в период владычества вандалов и жившие на свободе, возвращались наследникам их прежних хозяев [9]. Тяжелую руку завоевателей вскоре почувствовали и маврусии, многие вожди которых во время войны византийцев с вандалами заняли позицию нейтралитета. Разбив Гелимера, византийцы открыто взяли курс на подчинение туземных племен власти империи.

Политика византийского правительства, направленная на восстановление в Северной Африке рабовладельческих порядков, вызвала недовольство народных масс этой провинции [10]. Развернулось широкое движение против завоевателей, в котором приняли участие самые

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ЮСТИНИАНА И ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ

различные слои населения Северной Африки. Первыми подняли оружие маврусии. Эти племена находились на стадии разложения первобытнообщинного строя, и их военная организация еще сохраняла особенности народного ополчения — массовость и мобильность, что делало маврусиев опасным врагом византийцев.

Восстание началось в 534 г. в Нумидии и Бизацене, вскоре после отъезда Велисария в Византию. Маврусии опустошили значительную часть этих отдаленных областей. Немногочисленные здесь византийские войска, к тому же застигнутые врасплох, были наголову разбиты маврусиями и почти целиком истреблены. Против маврусиев был послан со значительной армией евнух Соломон, храбрый и опытный полководец. Война была упорной и кровопролитной. Первое сражение произошло в области Маммы. Хотя численностью маврусии превосходили византийцев, но вооружением уступали им. Византийские войска с богатой добычей вернулись в Карфаген. Однако маврусии, не желая подчиняться византийцам, тотчас вновь поднялись всем народом и стали опять опустошать Бизацену. Второе крупное сражение произошло у горы Бургаон. Победу опять одержал Соломон. Победители жестоко расправились с непокорными туземцами. После разгрома маврусиев на горе Бургаон византийские солдаты «взяли в плен такое число женщин и детей, что желавшим купить (в рабство) ребенка из маврусиев (его) отдавали за цену овцы» [11].

Остатки разбитых маврусиев отступили в глубь Нумидии, найдя спасение в горах Авреса. Движение маврусиев временно затухло. Однако передышка для византийского правительства оказалась короткой.

Уже в начале следующего, 536 г. в Северной Африке вспыхнуло новое, крайне опасное для империи восстание византийской армии и народных масс [12]. Его важнейшей причиной была развернувшаяся в Северной Африке острая борьба за землю. Византийские солдаты претендовали на получение земельных участков в завоеванной провинции. Они стремились прочно обосноваться здесь, многие женились на вдовах, дочерях и сестрах погибших вандалов и считали себя законными владельцами их участков земли. Между тем Константинополь рассматривал земли вандалов как собственность императора или казны; их возвращали православной церкви или потомкам римских землевладельцев. Попытки отобрать в казну участки вандалов вызвали страшное возмущение в армии. Борьба за землю временно объединила простых солдат, привилегированных воинов из гвардии главнокомандующего и значительное число военачальников. Недовольство рядовых солдат усугублялось тем, что правительство подолгу задерживало уплату им жалованья, а командиры их всячески притесняли.

Одной из важных причин восстания была также усилившаяся в армии и во всей стране религиозная рознь между арианами и православными. По словам Прокопия, в византийских войсках в Северной Африке было не менее тысячи солдат в большинстве своем — варваров, исповедовавших арианство [13] (особенно много было среди них герулов). Религиозные гонения Юстиниана создавали почву для

сближения восставших воинов с местными жителями-арианами. Известную роль в восстании сыграли и вандалы, уцелевшие после разгрома их армии Велисарием.

Весной 536 г. в Карфагене был составлен заговор против Соломона. Заговорщики хотели убить его, однако убийство не удалось, и часть заговорщиков бежала из Карфагена. Соломон решил пойти на уступки. Но спустя четыре дня после раскрытия заговора, солдаты карфагенского гарнизона подняли открытое восстание на ипподроме, где рассчитывали получить поддержку карфагенской бедноты. Своим вождем они избрали видного военачальника Феодора Каппадокийца. Захватив штурмом дворец, восставшие стали убивать всех сторонников Соломона, громить дома богачей и знати. Однако Феодор Каппадокиец, выражавший интересы привилегированной части армии, лишь временно примкнувшей к движению, не хотел идти на полный разрыв с правительством, поэтому он тайно помог Соломону, его приближенному Мартину и историку Прокопию ночью бежать на корабле из Карфагена. Мартин отправился в Нумидию, чтобы собрать там войска для борьбы с восставшими солдатами, а Соломон и Прокопий прибыли за помощью в Сицилию, где в это время находился Велисарий, посланный Юстинианом для ведения войны против остготов.

После бегства Соломона в лагере восставших начался раскол. Власть в городе захватили умеренные элементы во главе с Феодором Каппадокийцем. Воины, ушедшие из Карфагена, избрали вождем одного из телохранителей Мартина — Стотзу. Под знаменами Стотзы собралась целая армия — 8 тысяч хорошо вооруженных византийских солдат и тысяча вандальских воинов. К ним присоединилась, по словам Прокопия, и «большая масса рабов»[14]. Участие рабов придало движению социальный характер.

Партия умеренных стремилась сохранить город для императора и заперлась в Карфагене. Тогда Стотза начал его осаду. Он уже был близок к захвату города, когда в Северную Африку из Сицилии прибыл Велисарий. Видимо, использовав разногласия в лагере восставших и опираясь на помощь Феодора Каппадокийца, он сумел отколоть от Стотзы значительное число воинов. Вскоре по прибытии Велисария в его распоряжении было уже две тысячи воинов. После этого Стотза отступил, но не сложил оружия.

Решительное сражение между войсками Велисария и повстанческой армией Стотзы произошло в 536 г. около города Мембресы, на берегу реки Баграда. Победа досталась Велисарию, более опытному в сражениях полководцу. Велисарий не решился преследовать Стотзу и возвратился в Карфаген. Здесь его ожидало тревожное известие о солдатском восстании в собственной армии в Сицилии, заставившее его поспешно покинуть Африку.

Но восстание воинов Стотзы продолжалось. Восставшие одержали блестящие победы в Нумидии. На сторону Стотзы перешла целая армия правителя Нумидии Маркелла. Победы Стотзы так обеспокоили Юстиниана, что он послал в Северную Африку своего племянника патрикия Германа, наделив его большими полномочиями. Герман тотчас произвел перепись всех солдат, сохранивших вер-

ность империи. Оказалось, что только одна треть войска осталась в Карфагене и других городах на стороне императора, а все остальные ушли к Стотзе. Экстренными мерами Герману удалось вернуть часть солдат в свою армию: им было выплачено все жалование, даже за то время, когда они сражались против правительства, всем возвращавшимся под знамена императора даровалась полная амнистия и раздавались щедрые подарки. Тем не менее, Стотза продолжал борьбу. Он сумел привлечь на свою сторону некоторые племена маврусиев. Стотза даже пытался наступать на Карфаген, но потерпел неудачу.

В 537 г. близ местечка Скале Ветерес в Нумидии повстанческая армия встретилась с войсками Германа. Превосходство сил было на стороне Германа, и он выиграл сражение. Немалую роль в этом сыграла позиция некоторых вождей маврусиев, внезапно перешедших на сторону Германа. Стотза принужден был скрыться в Мавретанию. Однако брожение в византийских войсках в Африке не утихало. Зимой 537/38 г. вспыхнуло восстание карфагенского гарнизона под руководством Максимина, с трудом подавленное Германом. Вскоре Герман был отозван Юстинианом из Африки, и ее окончательное замирение было вновь поручено евнуху Соломону.

Для восстановления порядка Соломон стал проводить суровую чистку армии. Он выселил из провинции всех вандалов, построил по всей стране многочисленные укрепления, требовал строгого соблюдения римских законов. К 539 г. Соломону удалось разбить непокорные племена маврусиев в горах Авреса, захватить области Заба в Первой Мавретании и временно установить в Африке мир. Но этот мир длился только четыре года. В 543 г. военные действия против маврусиев возобновились. В 544 г. в битве у местечка Циллий, около Тебесты, византийские войска были наголову разбиты маврусиями Триполи и Бизацены, а сам Соломон, наместник Африки, убит.

Весной следующего, 545 г. началось второе восстание Стотзы. Прибыв из Мавретании, он вновь поднял восстание в Бизацене против преемника Соломона — Сергия. Стотзу поддержали маврусии и местное население. Повстанцы разбили армию наместника Бизацены Имерия и захватили в плен его самого. Воины Имерия присоединились к войскам Стотзы, которые овладели затем крупным приморским городом Гадруметом. Повстанцы стали фактическими хозяевами всей Бизацены. Стотза снова достиг большой власти, и множество византийских воинов опять спешили под его знамена.

В этот критический момент Юстиниан совершил ошибку, послав в Северную Африку сенатора Ареовинда. Не сведущий в военных делах, он мало походил на полководца, способного спасти Африку. Император усугубил свой промах, разделив власть в провинции между Сергием и Ареовиндом: первому поручалось вести борьбу с повстанцами в Нумидии, второму — в Бизацене. Между двумя правителями вскоре вспыхнула смертельная вражда, породившая бесконечные распри, которые были наруку восставшим. Сергий не хотел помогать Ареовинду и согласовывать действия обеих армий.

В 545 г. войска Стотзы наголову разбили отряд византийцев у местечка Тацеа, расположенного вблизи города Сикка Венерия, в области Зевгитана. Однако повстанцы потеряли в этом сражении

своего храброго вождя, что было для них тяжким ударом. Место Стотзы во главе повстанцев занял некий Иоанн, сумевший снова сплотить всех недовольных византийским владычеством.

Убедившись, что распри между правителями провинции только способствовали усилению повстанцев, Юстиниан отозвал, наконец, Сергия и передал всю власть в Африке Ареовинду. Однако его единоличное правление не принесло желанного правительству умиротворения провинции. Уже через два месяца после отъезда Сергия она вновь была охвачена гражданской войной.

Полчища маврусиев, соединившись с мятежными воинами, двинулись на Карфаген. Непосредственная опасность нависла над самой резиденцией правителя Африки. Затруднительным положением Ареовинда воспользовался один из военачальников византийской армии — авантюрист и честолюбец Гонтарис, поставивший задачей возложить на свою голову корону правителя независимого от империи африканского королевства. Желая использовать войска маврусиев в борьбе против Ареовинда, Гонтарис завязал тайные переговоры с одним из их вождей. Он обещал отдать варвару Бизацену, половину богатств Ареовинда и в качестве вспомогательных войск послать ему впоследствии 1500 воинов. Себе же Гонтарис пока намеревался оставить Карфаген, остальные области Африки и королевский титул. Соглашение состоялось, но обе стороны не очень-то стремились его выполнять. Между тем Ареовинду удалось переманить на свою сторону другого вождя маврусиев и посеять раздор между своими противниками. Тогда Гонтарис, опираясь на часть солдат карфагенского гарнизона, которым он обещал уплатить жалование, задержанное казначейством, произвел открытый вооруженный переворот в Карфагене. На стенах и у ворот Карфагена произошла кровавая схватка, победителем из которой вышел узурпатор.

Ареовинд в страхе бежал со своей семьей и спрятался в одной из карфагенских церквей. Захватив власть в столице, Гонтарис начал переговоры с соперником. Лживыми обещаниями ему удалось выманить Ареовинда из его убежища, после чего он был коварно убит. Гонтарис не пожелал расстаться с сокровищами Ареовинда и не выполнил своих обязательств, данных вождю маврусиев. Маврусии отказались помогать Гонтарису и перешли на сторону византийского правительства. Гибель наместника Юстиниана была восторженно встречена мятежными солдатами, которые в борьбе с общим врагом готовы были поддержать узурпатора. Около тысячи солдат Иоанна, в том числе 500 византийских воинов, 80 гуннов и остальные вандалы, перешли на сторону Гонтариса и были впущены в Карфаген. Нуждаясь в их помощи, Гонтарис отнюдь не хотел способствовать победе народного движения. Он выражал интересы верхушки византийской армии и не был связан с широкими солдатскими массами. Захватив власть, Гонтарис обрушил жесточайший террор на головы своих личных врагов.

Честолюбивым замыслам Гонтариса не суждено было сбыться. Его правление длилось всего 36 дней. В марте 546 г. он пал жертвой военного заговора, осуществленного к выгоде византийского правительства. Этот заговор возглавил знатный армянин из рода Аршаки-

дов — Артабан; его поддержали высшие офицеры византийской армии. Артабан расправился со всеми сторонниками Гонтариса, особенно с вандалами и мятежными солдатами Иоанна. Последний был захвачен в плен и отправлен в Константинополь, где был предан жестокой казни. Вскоре Артабан покинул Африку.

Еще целых два года потребовалось империи для полного замирения непокорной провинции. В 548 г. Африка была окончательно возвращена под власть Юстиниана.

Покоренная провинция включала в свой состав Триполи, Бизацену, Проконсуларию, Нумидию, часть Мавретании. К империи отошли также Сардиния, Корсика и Балеарские острова. Но почти вся Западная Африка осталась независимой, за исключением некоторых прибрежных областей: самым важным приобретением для византийцев здесь была крепость Септем. Победа византийского оружия объясняется разрозненностью мавретанских племен, неоднородностью социального состава участников движения, его стихийностью, отсутствием дисциплины у восставших.

Эта победа была куплена дорогой ценой. Страна была разорена длительными войнами. Желая возродить экономику завоеванной провинции, византийское правительство пыталось укрепить свободное землевладение. Новеллой 552 г. устанавливалось, что колоны, бежавшие из поместий во время вандалов, сохраняли свободу. Издание этого закона было продиктовано также опасением новых народных восстаний. Но землевладельцы Африки не выполняли предписания правительства. Поэтому в 558 г. оно вновь запретило «незаконные возвраты», предписав тут же, чтобы все колоны, рустики и клирики, бежавшие из имений своих хозяев или церкви после завоевания Африки византийскими войсками, немедленно возвращались их прежним владельцам [15].

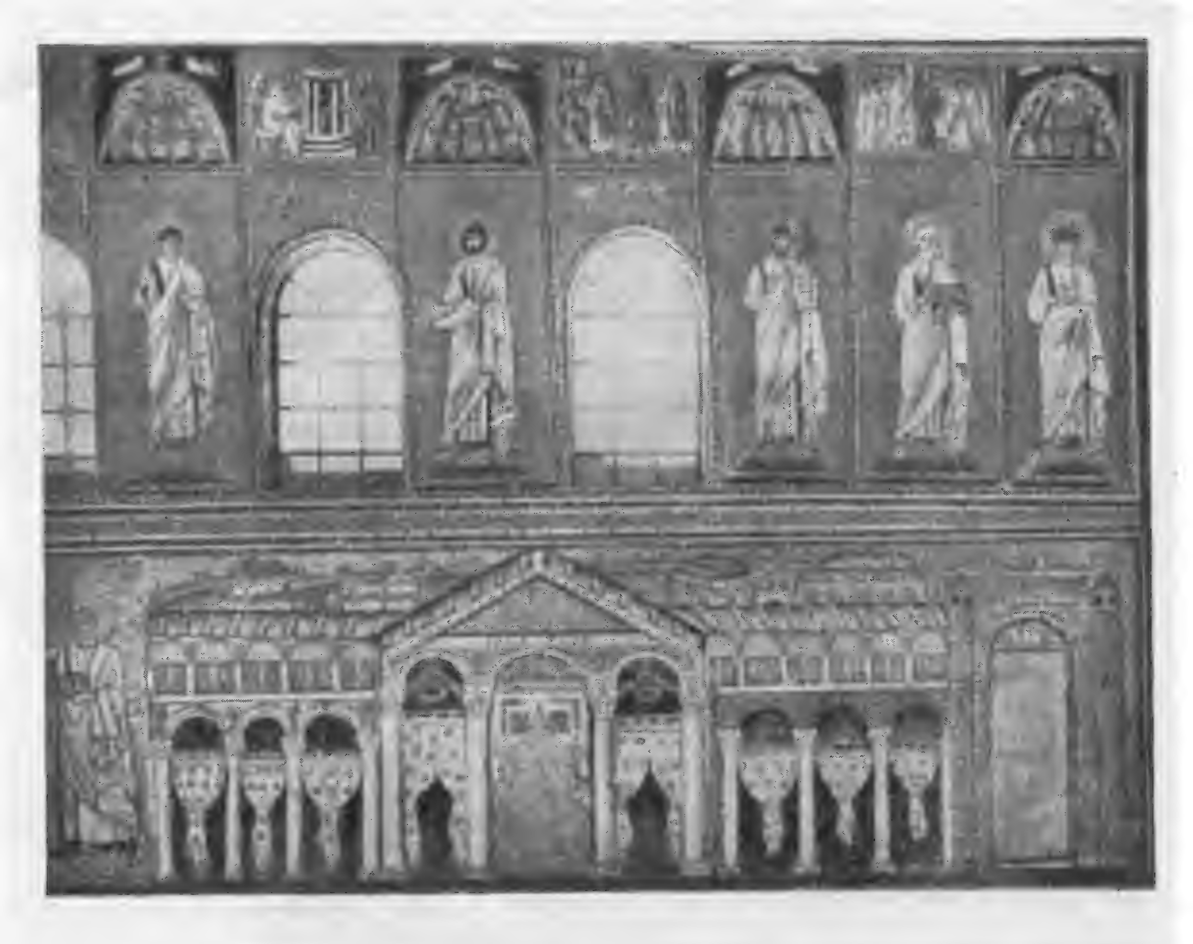
Юстиниан осуществлял в Африке широкую строительную деятельность, которая благоприятствовала хозяйственному подъему. Евагрий говорит, что Юстиниан отстроил в Северной Африке 150 городов. Широкий размах строительства подтверждается археологическими открытиями многочисленных городов и укреплений, воздвигнутых в Африке в правление Юстиниана. Установившееся относительное спокойствие мореплавания по Средиземному морю и возродившиеся торговые связи Карфагена и других североафриканских городов с восточными областями Византийской империи также способствовали восстановлению ремесла, торговли и городской жизни в Северной Африке. Экономический подъем продолжался здесь вплоть до завоевания страны арабами.

Падение в 534 г. королевства вандалов в Северной Африке явилось прелюдией к завоеванию византийскими войсками Италии. Воюя с вандалами, империя всячески заигрывала с остготами: ей необходим был нейтралитет Остготского королевства. Но как только была одержана победа над вандалами, взоры византийского правительства обратились к Италии. Завоевание Северной Африки обеспечивало с юга тыл византийских войск. Кроме того, оно показало, как рухнуло варварское королевство, считавшееся непобедимым. Это воодушевляло сторонников империи в Италии.

Подобно государству вандалов, королевство Теодориха в 30-х годах VI в. раздиралось внутренними смутами. При его слабых наследниках оно стало клониться к упадку. Официальным преемником Теодориха, умершего 30 августа 526 г., был его малолетний внук Аталарих, но фактически страной правила его мать, дочь Теодориха, регентша Амаласунта (Амаласвинта)[16]. В ту пору ей было 28 лет. Дочь Теодориха сочетала необычайную красоту и женственность с умом, энергией и решительностью зрелого человека. Она получила прекрасное образование, свободно владела греческим и латинским языками. С первых шагов своего правления Амаласунта столкнулась с огромными трудностями. Продолжая политику отца, Амаласунта придерживалась проримской ориентации и опиралась на ту часть готской знати, которая стояла за сближение с римлянами. Кроме того, она окружила себя советниками из римской аристократии, поддерживавшими остготское правительство. В правление Амаласунты Остготское королевство стремилось жить в мире с Византийской империей. Правительство запретило готам захватывать земли римских владельцев и покровительствовало католической церкви; римскому папе было даровано право суда над католиками. Все это не могло не вызвать резкой оппозиции со стороны антиримски настроенной остготской военной знати. Вожди оппозиции не хотели примириться с тем, что Амаласунта воспитывает короля Аталариха по римскому образцу. Они потребовали, чтобы юный король забросил науки и предался военным упражнениям в кругу знатных готских юношей. Опасаясь за свою жизнь, Амаласунта уступила, и Аталарих, подпав под влияние готской партии, вскоре вышел из повиновения матери. Против королевы был составлен заговор.

К этому времени обострилось также недовольство народных масс. Крайне осложнилось и международное положение Остготского королевства — с северо-запада ему грозили франки, на юге произошел разрыв с Вандальским королевством. В борьбе с оппозицией Амаласунта могла обратиться за помощью только к империи.

В 532 г., в момент наибольшей опасности со стороны готской военной знати, Амаласунта тайно известила Юстиниана о своем намерении искать убежища в Византии. Однако затем Амалсунте удалось расправиться с вождями оппозиции и снова укрепиться на троне. Известие о готовящемся бегстве Амаласунты открывало Юстиниану возможность захватить Италию, выступая защитником законной правительницы. Но одновременно это известие обеспокоило императрицу Феодору: она опасалась брака Юстиниана с красивой наследницей Теодориха, которая принесла бы в приданое своему супругу Остготское королевство. Победа Амаласунты была непрочной. Ее сын Аталарих, никчемный и развратный кутила, заболел и 2 октября 534 г. умер. Желая во что бы то ни стало сохранить власть, Амаласунта решила пойти на компромисс с оппозиционно настроенной готской знатью. Она сделала своим соправителем и мужем двоюродного брата, последнего представителя мужской линии королевского дома Амалов — Теодата (Теодахада). Теодат был приемлем как человек, лояльный по отношению к римскому сенату и Восточной Римской империи. Союз Амаласунты и Теодата был заключен при

ДВОРЕЦ ТЕОДОРИХА

Мозаика базилики Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне. VI в.

одобрении готской знати и с согласия римского сената. Но тайно королева потребовала от Теодата клятвы в том, что реальная власть останется в ее руках. Она надеялась на сохранение прежней политической линии Остготского государства. Надежды Амаласунты не оправдались. Человек изменчивый, слабодушный, лишенный твердой воли и преисполненный коварства, Теодат меньше всего был способен сохранять верность своим клятвам. Подобно Гелимеру, он был горячим поклонником римской цивилизации, изучал латинский язык и римскую литературу, гордился знанием платоновской философии. Теодат был совершенно несведущим в военном деле. Основной чертой его характера являлось корыстолюбие. Дипломатия, а не поле сражения была ареной его деятельности. Лицемерно согласившись на все требования Амаласунты, Теодат, придя к власти, заключил против королевы союз с вождями готской военной знати, расправился с приближенными Амаласунты и в конце октября 534 г. сослал ее на один из островов Бульсинийского озера (ныне — остров Маршано на Лаго ди Больсена). 30 апреля 535 г. царственная дочь Теодориха была задушена в бане приспешниками Теодата. Такой способ

убийства Амаласунты был избран убийцами лицемерно — с тем, чтобы не пролить царственной крови великого короля Теодориха. Смерть королевы означала победу готской партии над сторонниками союза с империей.

Убийство Теодатом законной королевы послужило Юстиниану удобным предлогом для вмешательства во внутренние дела Остготского королевства. Весной 535 г. между обоими государствами произошел открытый разрыв.

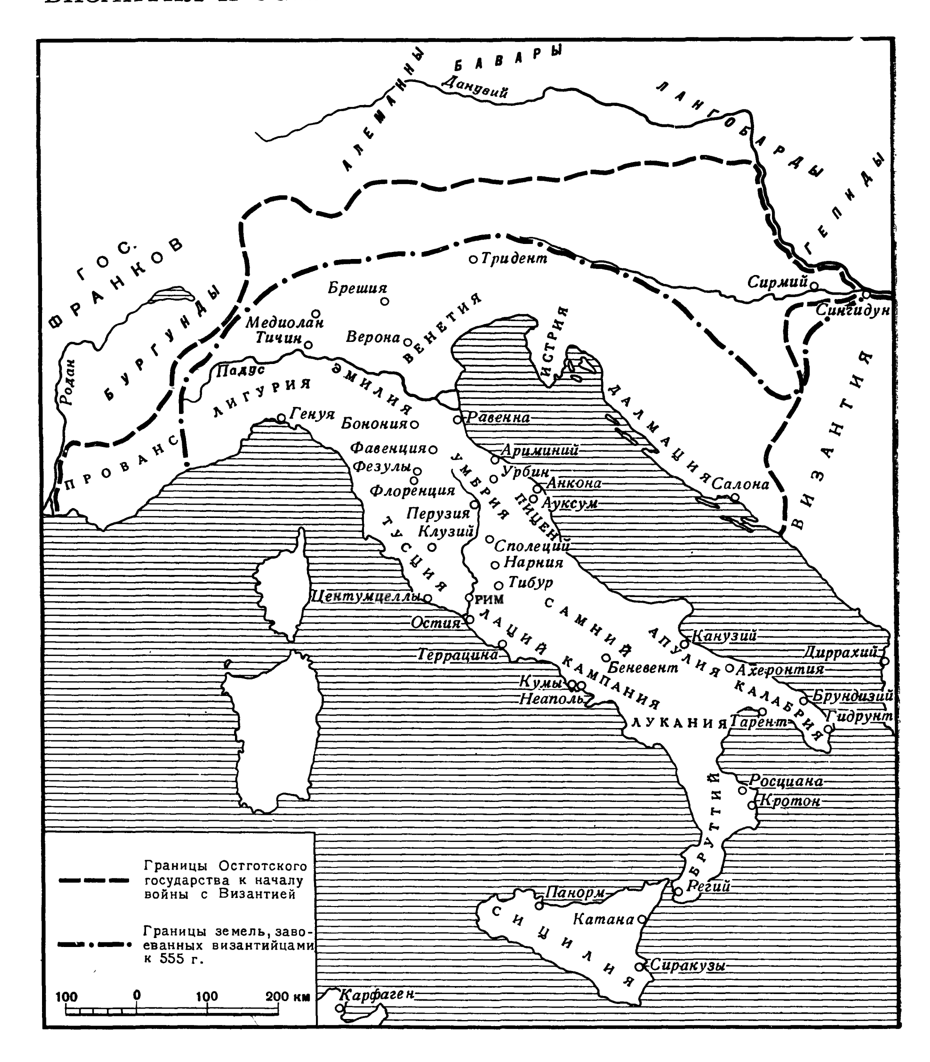
Истинной причиной войны было стремление Юстиниана осуществить широкие планы восстановления империи на Западе. Немалую роль играла и религиозная рознь между православными и готами-арианами. Завоевание Италии должно было не только неизмеримо поднять политический престиж Византийской империи, но и дать ей огромные богатства и экономические ресурсы, в которых она нуждалась.

Удар по Остготскому королевству предполагалось нанести с трех сторон. Армия полководца Мунда должна была занять Далмацию и напасть на Италию с востока; Велисарий с флотом и армией, насчитывавшей около 8 тысяч солдат, двинулся в Сицилию и намеревался вторгнуться в Остготское королевство с юга; враги остготов — франки готовились нанести им удар с северо-запада. Золотом послы императора купили помощь Меровинга — короля Теодеберта — против королевства остготов. Важными козырями в этой дипломатической игре были обещание византийцев уступить франкам земли в Провансе и призыв к борьбе франков-католиков против еретиков-ариан. Вторично византийской дипломатии удалось расколоть фронт германских государств.

В июне 535 г. разразилась одна из кровопролитнейших войн того времени, принесшая огромные бедствия народу Италии. Начало военных действий было весьма благоприятно для Византии [17]. Мунд без труда занял крупнейший порт Далмации Салону (ныне — Сплит), а Велисарий, высадившись в Сицилии, продвигался в глубь острова, почти не встречая сопротивления. Катана (ныне Катания), Сиракузы и другие города сдались византийцам без боя. 31 декабря 535 г. Велисарий торжественно въехал в Сиракузы. В кратчайший срок Сицилия была покорена византийскими войсками и стала провинцией империи. Такие успехи византийцев объясняются прежде всего поддержкой крупных римских землевладельцев и католической церкви. Население острова (как и Южной Италии) было недовольно правлением остготов. Кроме того, у Велисария был явный перевес сил. Даже некоторые вожди готов в Сицилии перешли на сторону победителя.

Захват Сицилии лишил Остготское королевство его основной житницы. Византийцы приобрели прекрасную оперативную базу для нападения на Италию. Первые же успехи Велисария в Сицилии вселили в малодушного короля панический страх, и он начал переговоры о мире с Юстинианом. К этому толкало Теодата и нараставшее недовольство в стране. Его неумелое правление заставило отвернуться от него как остготскую военную знать, так и римский сенат. В 535 г. вспыхнуло народное восстание в Риме. Усиливалась рознь

ВИЗАНТИЯ И ОСТГОТЫ В 535—555 гг.

между римлянами и готами. В такой обстановке Теодат пошел на все уступки Юстиниану. В начале 539 г. Теодат заключил с императорским послом тайный договор, по которому был готов передать императору всю Италию за богатые поместья и 1200 либр золота ежегодного дохода. Юстиниан отправил новых послов в Италию для выполнения этого секретного договора. Но когда в апреле 536 г. послы явились к остготскому королю, тот круто изменил свою позицию. Изменчивый и непоследовательный, Теодат столь же легко падал духом, как и впадал в высокомерие. К этому времени остготские полководцы разбили армию Мунда в Далмации, близ Салоны. Поднятию воинственного духа остготского правительства способствовало

также известие о восстании Стотзы в Северной Африке. Теодат бросил в темницу послов императора. Одновременно ему удалось посадить на папский престол своего ставленника — диакона Сильверия. Активизировалась и дипломатия Остготского королевства. В переговорах с франками Теодату посчастливилось добиться некоторых успехов. За уступку остготских владений в Провансе и большую дань франки обещали помочь своим германским соседям, но отказались и расторгнуть договор с Византией.

Летом 536 г. византийский полководец Константиан отвоевал у остготов Далмацию, а Велисарий подавил восстание солдат в Северной Африке и возвратился в Сицилию. Вскоре он высадился в Регии (ныне — Реджио ди Калабрия). Население Южной Италии встретило византийцев как освободителей. Византийские войска прошли Бруттий, Луканию и достигли Кампании. Здесь они неожиданно натолкнулись на упорное сопротивление готского гарнизона и жителей самого крупного центра Южной Италии — Неаполя. Его осада длилась двадцать дней. Лишь благодаря военной хитрости византийцы тайно, ночью проникли в город и овладели им. Это произошло в середине ноября 536 г. Неаполь был подвергнут жестокому разгрому, после которого этот прекрасный город запустел и обезлюдел.

Падение Неаполя вызвало страшное негодование против Теодата в остготской армии, превратившееся в открытое возмущение. Остготские воины подозревали короля в измене.

В ноябре 536 г. в местечке Регата, недалеко от Террацины (ныне — Терричина), остготские солдаты восстали против Теодата и провозгласили королем своего вождя Витигиса. Узнав о восстании, Теодат пытался бежать, но по приказу Витигиса был убит.

Преемник Теодата, казалось, являлся его полной противоположностью. Храбрый солдат незнатного происхождения, Витигис гордился своими воинскими доблестями. Однако энергичный и мужественный на поле сражения, он проявил себя посредственным полководцем и заурядным политиком. Первоначально приход к власти Витигиса, пользовавшего поддержкой широких слоев готских воинов и пошедшего на сближение с готской партией, вселил большие надежды в готов. Но его стратегический план в борьбе против Велисария оказался неудачным. Вместо того, чтобы наступать, Витигис отступил из Рима в Равенну, оставив «Вечный город» византийцам. Стремясь обезопасить свой тыл, он вступил в переговоры с франками, закончившиеся уступкой им Прованса и уплатой большой дани. Но Меровинги вели двойную игру и, на словах обещая помощь Витигису, на деле не расторгали своего договора с империей. Покинуть Рим Витигиса заставило еще и недоброжелательное отношение к готам римского сената, католического духовенства и самого населения города. Выходец из солдатской среды, новый король во что бы то ни стало хотел придать своей власти законный характер. Он женился на дочери королевы Амаласунты — Матасунте (Матасвинте). Гордая своей знатностью, внучка Теодориха Матасунта ненавидела Витигиса, человека «низкого» происхождения. Она постоянно интриговала против мужа и вместе со знатными готами и римлянами устраивала заговоры против него в пользу византийского императора. Оторвавшись от

простых солдат, Витигис не был принят и высшей знатью. Пока король в Равенне справлял брак с Матасунтой, время для наступления против Велисария было потеряно. Стремительным броском Велисарий подошел к Риму и 10 декабря 536 г. без боя овладел им. Активную помощь византийцам при этом оказали знатные заговорщики в Риме во главе с папой Сильверием и сенатором Фиделием. Массы римлян, ненавидевшие готов, сочувственно встретили их изгнание из древней столицы и освобождение от власти готских королей.

Византийцы сумели захватить также многие важные пункты Южной и Средней Италии. В Средней Италии ими были захвачены города Нарния (ныне — Нарни), Сполеций (ныне — Сполето) и Перузия (ныне — Перуджа). Весной 537 г. огромная армия остготов подошла к Риму. Началась осада. Положение Велисария было очень тяжелым: он располагал сравнительно небольшим гарнизоном в 5 тысяч воинов. В городе из-за голода и болезней росло недовольство. Обещанные императором подкрепления не прибывали. Осада длилась четырнадцать месяцев. Но все усилия Витигиса взять Рим были тщетны, и в марте 538 г. он снял осаду. Его принудили к этому начавшиеся в войске болезни и голод, а также умелый маневр византийцев, пославших в рейд в Пицен, по тылам готов, кавалерийский отряд полководца Иоанна, разграбивший эту область и захвативший в плен жен и детей готских воинов, ушедших в поход. Отряд Иоанна взял Ариминий (ныне — Римини) и угрожал самой Равенне. Еще два года продолжалось сопротивление готов, чему способствовали разногласия, возникшие между Велисарием и посланным к нему на помощь с 7-тысячной армией евнухом Нарсесом. В 539 г. Юстиниан принужден был отозвать Нарсеса из Италии и вновь передать все ведение войны в руки Велисария.

В это время активизировалась и дипломатия готов. В поисках союзников против Византии Витигис заключил соглашение с лангобардами. Весной 539 г. он тайно отправил послов к персидскому шаху Хосрову I Аношарвану с целью разжечь старую вражду между Византией и Ираном. Готы имели успех. Персидский шах стал готовиться к войне против Византии и весной 540 г. нарушил «вечный мир». Однако спасти Витигиса от разгрома Сасанидам не удалось. В это же время в войну готов с византийцами вмешалась третья сила: франки короля Австразии Теодеберта с большим войском перешли Альпы и внезапно вторглись в Лигурию, а затем напали как на остготов, так и на византийцев и опустошили ряд областей на севере страны. Летом 539 г., на обратном пути, франки завершили свои кровавые подвиги разрушением города Генуи.

В это время в войске остготов начало расти недовольство. Средние слои остготского общества все больше отходили от своего короля. Одновременно против Витигиса в Равенне был составлен заговор остготской и римской знати. Душой заговора была Матасунта. И когда в конце 539 г. Велисарий двинул свои войска к Равенне и начал осаду столицы Остготского королевства, он нашел внутри города верных союзников в самом королевском дворце. Знатные заговорщики сожгли в Равенне хлебные амбары, и в городе начался страшный голод. Осада Равенны длилась до мая 540 г. Витигис завязал с им-

перией переговоры о мире. Он соглашался на то, чтобы все земли к югу от реки По перешли к Византии, а остготы остались бы лишь на территории к северу от этой реки. Юстиниан был готов принять эти условия в виду обострения отношений с сасанидским Ираном и нашествием славян со стороны Дуная. Однако Велисарий, всегда покорный своему императору, на этот раз требовал полной капитуляции Витигиса. Тогда остготская знать предложила самому Велисарию трон императора бывшей Западной Римской империи и корону остготского короля. Притворно приняв предложения готов, он в мае 540 г. без боя вступил в Равенну. Сдача Равенны знатью вызвала возмущение готов. Известную роль в ее капитуляции сыграло и то, что среди рядовых воинов-остготов росло безразличие к судьбе правительства Витигиса, которое уже полностью себя дискредитировало. Воины-земледельцы стремились скорее кончить войну и вернуться к своим семьям.

Витигис сдался на милость победителя. Равенна не была разграблена, но все готы были из нее удалены. Велисарий вскоре вернулся в Константинополь, везя с собой столь же драгоценные трофеи, как и после экспедиции в Северную Африку. Король Витигис получил земли в Малой Азии и сан патрикия и спустя два года умер в своем поместье. Матасунта удостоилась высших почестей и после смерти своего мужа вышла замуж за племянника Юстиниана, патрикия Германа. Тяжелая пятилетняя война, казалось, завершилась полной победой. Юстиниан прибавил к своим титулам «Африканский» и «Вандальский» еще один титул — «Готский». Но скоро, как и в Северной Африке, политика византийского правительства в Италии вызвала сопротивление народных масс, на этот раз решительно поддержавших, казалось бы, уже окончательно побежденных готов.

Спустя несколько месяцев после капитуляции Витигиса, начался новый этап войны, гораздо более опасный для империи, поскольку в борьбе приняли участие широкие народные массы не только остготского, но и римско-италийского населения страны.

Тотчас после завоевания в Италии вводилась византийская административная и финансовая система, византийские законы, значительно ухудшавшие правовое и реальное положение куриалов, колонов и рабов.

В византийской армии, расквартированной в Италии, наметились весьма опасные признаки разложения и недовольства. Командиры без конца ссорились и враждовали между собой, грабили и отдавали на произвол солдат местное население. Солдаты были недовольны сокращением жалования.

Центром сопротивления Византии стала Северная Италия — области, расположенные за рекой Падус (ныне — По), где после разгрома Витигиса остались жить свободные остготские земледельцы-воины. Осенью 541 г. остготы провозгласили своим королем Тотилу (Бадуилу), известного не только знатностью, но и большим умом, незаурядной энергией и выдающейся личной храбростью [18]. В момент своего избрания на остготский престол Тотила не достиг еще тридцатилетнего возраста. Необычайно красивый, статный и ловкий, прекрасный наездник и стрелок из лука, любезный в обращении, он ско-

ро завоевал большую популярность у своих воинов. Тотила оказался не только смелым воином, но и талантливым полководцем. Последний защитник Готского государства был личностью обаятельной и заслужил похвалы даже своих врагов. Он был и незаурядным политиком. Тотила и его приближенные проявили дальновидность, поняв, что без поддержки народных масс Италии победа над таким сильным врагом, как империя, невозможна. Поэтому они пошли на серьезные уступки угнетенному населению страны.

Тотила провел важные социально-экономические реформы [19]. Он встал на защиту земельных владений мелких свободных собственников от притязаний крупных римских землевладельцев. Одновременно Тотила проводил конфискацию земель старой римской аристократии и католической церкви как наиболее непримиримых врагов остготского правительства и раздавал эти земли своим дружинникам и свободным воинам. Он широко практиковал зачисление беглых колонов и рабов в свою армию [20]. Такая политика обеспечила консолидацию вокруг Тотилы всех слоев населения Италии.

Начав в 542 г. войну с византийцами, Тотила располагал лишь войском из 5 тысяч человек. Но перейдя с ними через По, он быстро овладел всей Средней Италией, затем совершил стремительный рейд на юг страны и в короткий срок захватил Бруттий, Калабрию, Апулию и Луканию. Весной 543 г. Тотила взял Неаполь. Затем остготские войска блокировали последний опорный пункт византийцев на юге Апеннинского полуострова — порт Гидрунт (ныне — Отранто), через который византийцы получали подкрепления с Востока. Всюду, где появлялись остготские войска, поднималось народное движение против византийских правителей.

Юстиниан решил вновь послать в Италию Велисария, однако, не доверяя своему генералу, он не дал ему ни армии, ни денег. На этот раз победитель Гелимера и Витигиса проявил несвойственную ему медлительность. Тотила же продолжал свое триумфальное шествие по Италии. В конце 545 г. он подошел к стенам Рима и приступил к осаде. Тотила установил блокаду города и решил взять его измором. Вскоре в Риме начался страшный голод и болезни. Византийские командиры припрятали хлеб в Риме и теперь бессовестно им спекулировали. В осажденном городе росла анархия. В ночь на 17 декабря 546 г. войска Тотилы были впущены в Рим отрядом исавров. По обычаю тех времен Тотила отдал богатый город на разграбление солдатам. Римские сенаторы и патриции лишились всех своих богатств. Жители были выселены из Рима, часть укреплений разрушена, и «Вечный город» в течение 6 недель оставался необитаемым. Бедный люд, тяжко пострадавший от голода и болезней еще во время осады, теперь также должен был покинуть свои жилища и, по требованию победителя, брести в Кампанию, ища там крова и пищи.

Но именно в момент своих блестящих успехов Тотила допустил стратегическую и политическую ошибку: он оставил Рим. Неожиданным и смелым ударом его внезапно занял Велисарий.

Военное счастье, однако, не покинуло Тотилу, и он неутомимо теснил византийские войска. В 548 г. Тотила взял на севере Перузию, а на юге — Росциану. Он фактически парализовал наступательные

действия Велисария, и византийский полководец принужден был покинуть Италию, навсегда похоронив здесь свою былую воинскую славу. В январе 550 г. Тотила второй раз овладел Римом. Он полностью восстановил разрушенные укрепления и общественные здания. По его приказу в Рим спешно возвращались прежние его обитатели. Мертвый город постепенно оживал. Тотила блокировал Анкону, заставил сдаться Ариминий и Тарент. Теперь на всем Апеннинском полуострове в руках византийцев осталось всего несколько городов, главным образом в районе Равенны и на крайнем юге. Чтобы получить перевес над византийцами и на море, Тотила построил большой флот. Это дало ему возможность совершать стремительные набеги на побережье Далмации и угрожать исконным владениям самой Византии. Благодаря сильному флоту, Тотила в 550 г. смог овладеть Сицилией. Весной 551 г. флот остготов из 300 кораблей неожиданно напал на остров Керкиру (ныне — Корфу) на побережье Эпира и опустошил их.

В руках византийцев оставались только четыре приморских города: Равенна, Анкона, Отранто и Кротон.

Но именно в это время наступил перелом. Победы Тотилы обеспокоили не только Юстиниана, который стал собирать против него огромную армию, но и соперников Тотилы из остготской знати. Многие знатные остготы считали, что их король сделал слишком большие уступки народу и, опасаясь потерять свои владения, своих рабов и колонов, они мало-помалу стали отходить от Тотилы. После того как у византийцев была отвоевана не только Южная, но и Средняя Италия, где находились крупные земельные владения остготской знати, всякие новые меры в пользу народа неизбежно означали ущемление интересов крупных остготских землевладельцев. В то же время сам Тотила не был последователен в своей социально-экономической политике.

Одной из крупных неудач Тотилы явилось поражение остготского флота в морской битве у Сены Галльской (ныне Сенигалия) летом 551 г., когда была уничтожена остготская эскадра, блокировавшая порт Анкону. Однако и в этих трудных условиях Тотила проявил энергию и мужество. Уже после поражения у Сены Галльской, в конце лета 551 г., Тотила ударом с моря захватил Сардинию и Корсику. Это создавало угрозу владениям византийцев в Северной Африке. Но то был последний военный успех Тотилы [20а].

К весне 552 г. в Византии закончились грандиозные приготовления к новому походу в Италию. Главнокомандующим византийской армии был назначен влиятельный при дворе и преданный императору человек — евнух Нарсес. Обладая ясным и проницательным умом политика, хитростью и изобретательностью дипломата, Нарсес сочетал смелость с осторожностью, решительность с коварством. Он действовал обдуманно и тщательно подготовился к войне. В апреле 552 г. в Салоне под знаменами Нарсеса собралась большая, разноплеменная и разноязычная, армия, возможно, самая сильная из всех, которые когда-либо собирала империя. Пройдя по побережью Адриатического моря, эта огромная армия вторглась в Италию и прибыла в Равенну, где соединилась с оставшимися в Италии византий-

скими войсками. Генеральное сражение войск Тотилы и Нарсеса произошло в конце июня 552 г. в Апеннинах, у местечка Тагины (ныне — Гвальдо Тадино) [21].

План Тотилы сводился к стремительному удару конницы по центру армии Нарсеса, выстроенной полумесяцем. Но остготская конница попала под фланговый обстрел византийских лучников, начала отступать и смяла ряды своей пехоты, стоявшей позади. Поражение Тотилы было довершено внезапным появлением из засады кавалерии Нарсеса. К ночи все было кончено. Более 6 тысяч воинов Тотилы пали на поле боя; попавшие в плен были перебиты. Трагическая судьба постигла и самого Тотилу. Смертельно раненный в кровопролитной схватке, он искал убежища в местечке Капры (ныне — Капрара), где, истекая кровью, умер спустя несколько часов после окончания битвы. Нарсес, торжествуя победу, отправил в Константинополь окровавленные одежды Тотилы и знаки его королевского достоинства. Отличавшийся исключительным корыстолюбием византийский полководец тотчас захватил себе все богатства остготского короля.

Трагическая гибель Тотилы была тяжким ударом для остготов. Потеря вождя однако не сломила сопротивления противников империи, которые вскоре собрались в Северной Италии около города Тичин (ныне — Павия). Область за рекой По, как и раньше, стала центром возрождения разбитой остготской армии. Остготы провозгласили королем сподвижника Тотилы, совсем еще юного военачальника Тейю [22].

Между тем Нарсес с энергией и решимостью продолжал планомерное завоевание Италии. Его войска захватили Среднюю Италию, овладели Римом. Затем он перебросил их в Кампанию и осадил крепость Кумы. Войска Тейи также вступили в Южную Италию и спешили на помощь Кумам. Последняя крупная битва остготов с войсками Нарсеса произошла в Кампании в октябре 552 г., у подножия Молочной горы (ныне — Монте-Латтаро), близ реки Сарн (ныне — Сарно). Два дня длилось это беспримерное по ожесточению сражение. Но силы были неравны, и Тейя пал, сраженный ударом дротика. Однако готы не отступили ни на шаг. Лишь к вечеру второго дня воины Тейи пошли на переговоры, и Нарсес согласился прекратить страшное кровопролитие и заключить мир. Соглашение было почетным. Все оставшиеся в живых готы, со своими семьями и имуществом, могли свободно уйти за пределы Италии на новые места жительства или вступить в армию Нарсеса. Независимое Остготское королевство на Апеннинском полуострове прекратило свое существование. Но для истерзанного многолетней войной народа Италии конец испытаниям еще не настал.

В середине 553 г. франки и алеманны под командованием Левтариса и Бутилина, воспользовавшись поражением готов и ослаблением в этой борьбе византийцев, огромной лавиной, насчитывавшей 75 тысяч воинов, обрушились на Северную Италию, которую предали огню и мечу. Весной 554 г., опустошая все на своем пути, они двинулись на юг страны. Их полчища разделились на две армии. Одна двинулась в Кампанию, затем совершила грабительский рейд в Луканию

и Бруттий, дойдя до Мессинского пролива; другая разграбила Апулию и Калабрию. На счастье жителей Италии, которым грозило рабство или истребление, среди северных варваров летом 554 г. начались эпидемические заболевания. К осени 554 г. Нарсесу удалось объединить все силы против франков и алеманнов. Остготы, еще сопротивлявшиеся Нарсесу в отдельных крепостях, перед лицом нового врага объединились с византийцами. В сражении у Казилина, на берегу реки Волтурно, вблизи города Капуи в Кампании, варвары были наголову разбиты Нарсесом. Это было одно из кровопролитнейших сражений, которое когда-либо знала Италия. Войско франков и алеманнов было почти поголовно истреблено. Вскоре прекратилось и сопротивление остготов в Южной Италии. К 555 г. Италия была завоевана византийцами, и лишь отдельные отряды готов еще боролись в Северной Италии вплоть до начала 60-х годов VI в.

Территория, завоеванная византийцами в Италии, была несколько меньше владений Остготского королевства. Южные области Реции и Норика были уступлены лангобардам. Линия обороны Италии теперь сложилась на естественных границах, образуемых Альпами. Для охраны Италии от все возраставшего напора варварских народов были созданы четыре военно-административных округа — так называемые дукаты, где располагались пограничные крепости с сильными гарнизонами. Как и в Северной Африке, в Италии и Сицилии административное устройство, введенное византийцами, в отличие от ряда других областей Византийской империи, основывалось на разделении гражданской и военной властей. Во главе гражданского управления стоял префект претория Италии, его резиденцией была Равенна [23]. Но реальная власть сосредоточивалась в руках главнокомандующего армией — Нарсеса, ставшего фактическим наместником Италии. После двадцатилетней войны Италия была разорена и обезлюдела. Поля запустели и оставались необработанными, а ремесла и торговля в городах пришли в упадок [24].

13 августа 554 г., когда война с готами еще продолжалась, византийское правительство издало Прагматическую санкцию о внутреннем устройстве Италии. Основным принципом аграрной политики было восстановление крупного землевладения и возврат земель прежним владельцам из числа римско-италийской знати. Прагматическая санкция отменяла все реформы и пожалования ненавистного империи «тирана» Тотилы. Римским аристократам, эмигрировавшим в Константинополь, разрешалось теперь вернуться в Италию для восстановления своих имений. Римским сенаторам возвращались все их привилегии. Католической церкви не только передавались утерянные ею земли, но и все имущество, конфискованное у арианских церквей. Особенно обогатилась равеннская церковь. Не были забыты интересы императора и фиска, которым отдавались лучшие земли, отобранные у остготских королей и остготской знати. В некоторых областях страны, особенно в Северной Италии и близ Равенны, сохранились земельные владения остготской знати, перешедшей на службу к императору. Выросшее в правление Тотилы мелкое свободное землевладение сократилось, но все же осталось, поскольку участки, забранные у свободных остготских воинов, передавались в виде

ЦАПЛЯ.

Декоративные побеги. Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. VI в.

наделов византийским солдатам, зачастую тоже варварам. Больше всего от византийского завоевания пострадали зависимые держатели и мелкие италийские собственники, которые при Тотиле освободились и захватили земли знатных эмигрантов.

Одновременно с перераспределением земельной собственности и реставрацией землевладения римской аристократии и католической церкви, византийское правительство занялось восстановлением в Италии рабовладения и колоната. Все рабы и колоны, получившие свободу в правление Тотилы, бежавшие из имений своих прежних господ, согласно Прагматической санкции 554 г., возвращались старым владельцам. Им же передавалось и все потомство, родившееся у рабов и колонов в то время, когда они пользовались свободой. Потомство от смешанного брака сохраняло статус матери. Целью всех этих постановлений было обеспечить рабочей силой римскую аристократию, возрождавшую свои имения. Однако предписания Прагматической санкции далеко не всегда проводились в жизнь. Реставрация рабовладения успеха не имела, и в VII в. его масштабы все более сокращались. Оно вытеснялось различными формами колоната и аренды[25].

Немало усилий приложило византийское правительство для восстановления экономики городов Италии, пострадавших от войны. В правление Нарсеса был восстановлен Медиолан и другие города Северной Италии, разрушенные готами. Предметом особой заботы Юстиниана был Рим. Город отстраивался, очищалось русло Тибра и восстанавливался римский порт, возрождались государственные мастерские, ремонтировались общественные здания. Стали, как и прежде, практиковаться даровые раздачи римскому плебсу (хлеба и других продуктов). Рим снова стал местом пребывания сената и главы католической церкви — римского папы. Вновь окрепли торговые связи Италии с Константинополем и восточными провинциями империи. Путем укрепления полноценной монеты — золотого солида — было урегулировано монетное обращение.

Однако все эти меры правительства подрывались налоговой системой, введенной в Италии, и злоупотреблениями сборщиков податей. Поэтому подлинного экономического возрождения в правление византийцев Италия так и не достигла. Реставрация римской земельной собственности и рабовладельческих порядков, тяжелые налоги вызывали ненависть народных масс Италии к завоевателям, и поэтому-то их правление оказалось столь недолговечным.

После падения королевства остготов очередь дошла и до Толедского королевства вестготов в Испании. Богатства Пиренейского полуострова давно привлекали Византию. Испания славилась как страна изобильная и цветущая. В VI в. она вела интенсивную торговлю с Востоком. Из портов Испании и Южной Галлии вывозили ценные металлы, соль, вино, уксус, мед и рабов. Впрочем, и из Византии в Испанию ввозили предметы роскоши, тончайшие изделия византийских ремесленников, шитые золотом одежды.

Завоевательные планы Юстиниана относительно Испании поддерживались купечеством восточных провинций. Вместе с тем часть
 купечества Испании, видимо, сочувствовала сближению с империей.

В осуществлении планов возрождения Римской империи завоевание Испании имело немаловажное значение прежде всего с военно-стратегической точки зрения. Для империи важной задачей было обеспечить свои вновь приобретенные владения в Северной Африке от возможного нападения со стороны вестготов. Захват Испании вновь превратил бы Средиземное море в Римское озеро («mare nostrum»), сделав византийский флот полным его хозяином [26].

Внутреннее положение в Вестготском королевстве благоприятствовало завоевательным планам Юстиниана. Кризис рабовладельческого строя и развернувшийся процесс феодализации привел к обострению всех социальных противоречий в стране [27]. Испано-римская рабовладельческая знать была особенно сильна в Южной Испании. Она сочувствовала установлению власти Византии и боялась вестготов. Знать и духовенство умело использовали племенную и религиозную рознь между вестготами-арианами и местным католическим населением. Народ Испании тяготился игом вестготских королей и знати. Тяжелое положение усугубляли бесконечные смуты и кровавая борьба за престол. В 548 г. король Тевд был убит одним из своих приближенных. Его преемник Тиудигискл (548—549) царствовал только один год и также пал жертвой заговора. Часть вестготской знати сблизилась с местной аристократией, другая стояла за проведение твердой антиримской политики. Борьба между различными группировками вестготских военачальников и дружинников особенно обострилась в правление короля Агила (549—554).

Под давлением арианского духовенства и военной знати Агил начал преследование населения, исповедовавшего католическую веру. Против Агила подняла восстание местная римско-испанская знать и католическое духовенство. Восстание возглавил храбрый военачальник Атанагильд, представитель той части вестготской знати, которая шла на союз с местной аристократией. Восставшие обратились к византийскому правительству с просьбой о помощи. В 554 г., когда завоевание Италии уже подходило к концу, Юстиниан послал войска для покорения Толедского королевства вестготов. Во главе византийского флота и экспедиционного корпуса был поставлен престарелый римский патрикий Петр Марцеллин Феликс Либерий. В короткое время он одержал ряд серьезных побед. Высадившись в Испании, войска Либерия овладели многими городами на юго-востоке Пиренейского полуострова. В предельно короткий срок под власть византийцев попала значительная часть провинции Бэтики. Вестготская знать очень скоро поняла, какую угрозу представляло вторжение византийцев. Она прекратила внутренние смуты. Агил был убит в 554 г. в городе Эмерите своими приближенными.

Королем Вестготского государства был провозглашен Атанагильд (554—567). Новый король сумел быстро сплотить вокруг себя всех врагов империи и повел войну против Либерия. И хотя Атанагильду не удалось вытеснить византийцев с захваченных ими земель, их продвижение на север было остановлено. Атанагильд не допустил захвата Севильи, хотя и не сумел отвоевать Кордову. Успехам византийцев в Испании был положен конец. В борьбе с империей Атанагильд получил поддержку широких слоев вестготских воинов. Его

поддержала, видимо, и часть испанского свободного крестьянства. Между Юстинианом и Атанагильдом был заключен мирный договор, определявший границы византийских владений в Испании. Таковы были результаты последнего завоевательного предприятия Юстиниана на Западе [28].

Как и в других завоеванных странах, в Бэтике были введены византийская администрация и налоговая система. Но в отличие от знати Вандальского и Остготского королевств, вестготская знать в Испании в большей степени, чем ее германские соседи, наладила союз с частью местной испано-римской аристократии. Стремившаяся к независимости, местная знать Бэтики очень скоро стала тяготиться господством византийцев. Католическое духовенство тоже довольно быстро стало выражать недовольство чересчур авторитарной политикой константинопольского престола. Южноиспанские города и городские курии, а также купечество Бэтики, рассчитывавшие найти в византийцах поддержку и защиту против произвола вестготских правителей, убедились в тяжести византийского правления и опасности конкуренции греческих и сирийских купцов [29]. Владычество византийцев в Южной Испании оказалось кратковременным и непрочным. Уже в 70-х годах VI в. начинается вестготская «реконкиста» и, несмотря на то, что вестготам одновременно пришлось вести борьбу с франками и свевами, уже в начале VII в. византийцы были вытеснены с Пиренейского полуострова [30].

Период византийского господства оставил свой след в политической жизни и культуре Испании. Законодательство Юстиниана оказало значительное воздействие на юридические нормы Толедского королевства вестготов. Византийское церковное влияние получило многообразное выражение — в заимствовании византийских монастырских уставов, форм литургии и даже восточных приемов иконографии. С середины VI в. в Испании, по археологическим данным, довольно широкое распространение получили изделия византийских мастеров. Архитектура Испании, как и иконография, в VI в. носила известный отпечаток византийского стиля [31].

Никаких попыток агрессивной политики по отношению к могущественному государству франков в Галлии Юстиниан не предпринимал. Понимая, что ему не справиться с франками, Юстиниан предпочитал иметь их лучше в числе ненадежных союзников, чем опасных врагов. Поэтому он согласился с переходом Прованса в руки франков. Известную роль в миролюбивой политике Юстиниана по отношению к франкам играло также и то, что, в отличие от других германских племен, франки исповедовали католическую веру: религиозная общность с империей позволяла сохранять хотя бы видимость добрых отношений между обоими государствами [32].

В середине 50-х годов VI в. кровопролитные войны на Западе подходили к своему завершению. Территория империи увеличилась почти вдвое. Далмация, Италия, Северная Африка, юго-восток Испании, острова западного бассейна Средиземного моря — Сицилия, Сардиния, Корсика, Балеары — были присоединены к державе Юстиниана. Почти все побережье Средиземного моря опять было в его руках, а самое это море снова превратилось в Римское озеро.

Велик был политический резонанс византийских завоеваний на Западе. Римский мир с надеждой и изумлением увидел, что «непобедимые» варвары не столь уже сильны. На Западе вновь возродился римский «патриотизм», восстанавливалась римская культура, причудливо переплетавшаяся с византийской цивилизацией и варварским наследием. Была сделана попытка возродить социально-экономические порядки Римской империи. Однако именно эти-то попытки реставрации отжившего рабовладельческого строя и оказались тем подводным камнем, о который разбилось византийское владычество на Западе. Никакая реставраторская политика византийского правительства не могла задержать развитие феодальных отношений, она была обречена на неудачу.

Победы на Западе были куплены дорогой ценой. Они привели к разорению многих исконных областей Византийской империи, к увеличению налогов, к росту недовольства народных масс. Эти завоевания ослабили империю на Севере и Востоке и во многом определили неудачи византийских войск в войнах с персами и славянами.

Далеко не так успешно, как на Западе, складывалось в VI в. внешнеполитическое положение Византийской империи на Востоке. Здесь ей постоянно приходилось иметь дело с могущественным соперником, иногда союзником, чаще всего —врагом,— сасанидским Ираном. В VI в. сасанидский Иран был еще обширным и сильным государством [33]. Его владения простирались на все Иранское нагорье с Прикаспийской низменностью (современные Иран и Афганистан), Нижнюю Месопотамию (ныне Ирак), Кавказскую Албанию и бо́льшую часть Армении и Грузии. Пестрое население Ирана, частично оседлое, частично кочевое, в большинстве своем говорило на языках иранской системы. В центральных районах Ирана преобладающую роль играли персы. В Месопотамии жило много сирийцев, арабов, евреев, говоривших на различных языках семитической системы [34]. В VI в. в Иране происходил процесс разложения рабовладельческого строя и складывания раннефеодального общества. Значительного развития достигло ирригационное земледелие и скотоводство. Богатые города Ирана славились своими ремеслами и торговлей [35]. Иранские изделия из серебра и меди, прекрасное оружие, растительные краски, парфюмерные изделия, ковры, льняные, шерстяные, а с VI в. шелковые ткани, украшенные художественным орнаментом, были известны далеко за пределами страны. Многие из этих изделий вывозились как в страны Средиземноморья, так и в государства Азии, в частности в Китай. Огромную роль в экономике Ирана играла транзитная торговля: далекими караванными путями из стран Средиземноморья в Среднюю Азию, Китай и Индию, через Ирак [36] и Иран везли дорогие товары: сирийские и египетские ткани, изделия из стекла и металла, произведения искусных ремесленников. Из сказочной Индии и неведомого Китая караваны возвращались, нагруженные драгоценными камнями, ароматами, пряностями и главное ценнейшим китайским шелком. Китай был поставщиком не только шелковых тканей невиданной красоты, но и шелка-сырца, который в VI в. обрабатывался в шелкоткацких мастерских иранских ремесленников. С VI в. в Иране, правда, стало развиваться и

собственное шелководство, но монополия Китая по производству шелка оставалась все же незыблемой. Византия в VI в. была также жизненно заинтересована в транзитной торговле со странами Дальнего Востока, особенно в торговле шелком с Китаем. Поскольку караванные пути в Индию и Китай пролегали по территории Ирана, а выходы к Средиземному и Черному морям находились в руках Византии, неизбежно было постоянное острейшее соперничество между ними из-за обладания этими важнейшими торговыми артериями [37].

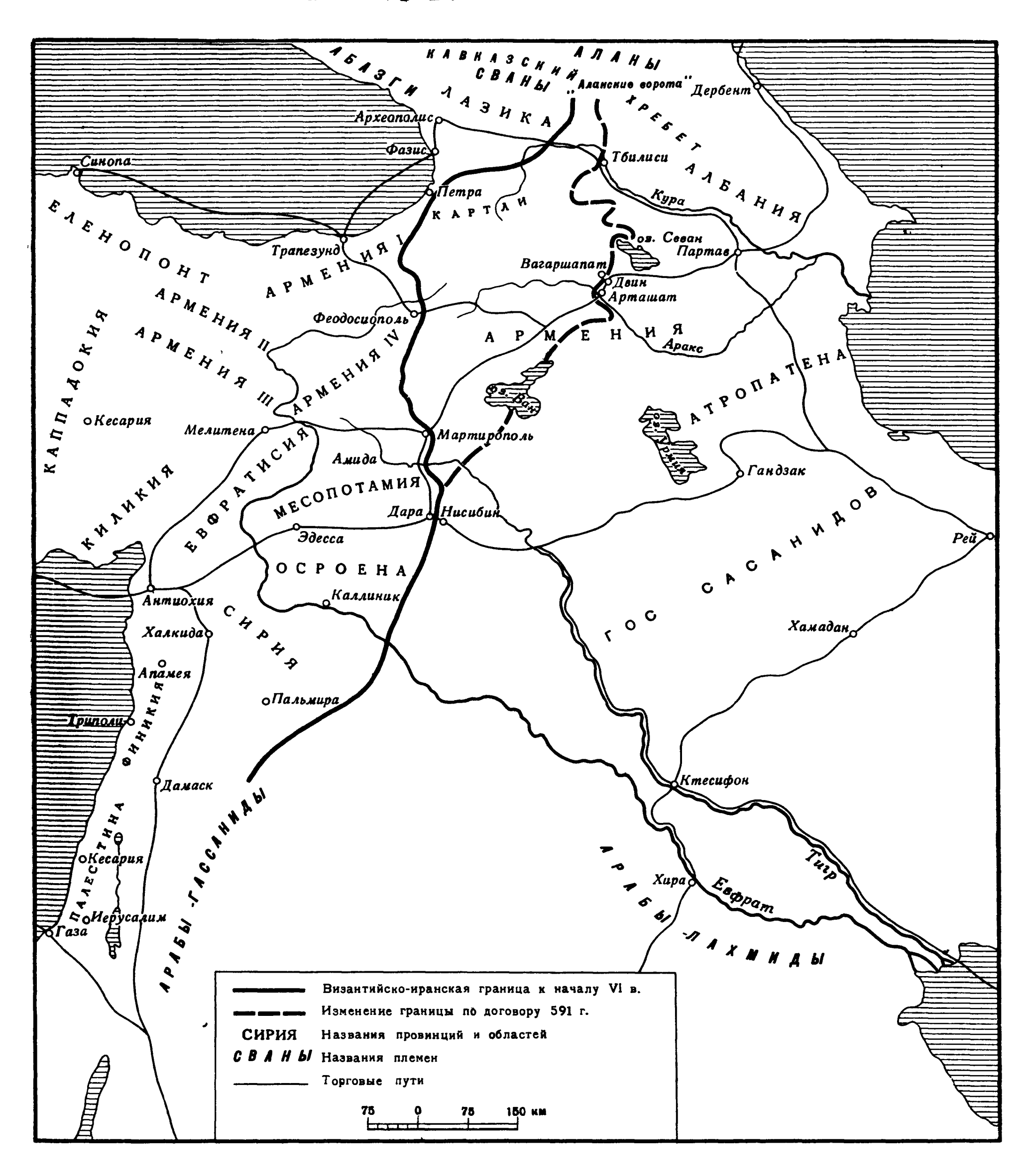
Немалую роль в столкновениях Византии и Ирана играли также причины политического характера. В VI в. Византия и Иран были самыми крупными политическими силами на Переднем Востоке, и все второстепенные государства, а также различные племена и народы группировались вокруг них, находясь под протекторатом, а то и в прямой зависимости либо от империи василевсов, либо от державы Сасанидов.

Поэтому так часты были столкновения Византии и Ирана не только из-за пограничных споров, особенно в Месопотамии, но и из-за владычества над различными племенами и народами, жившими в непосредственной близости от обеих великих держав. Постоянным источником раздоров между Ираном и Византией являлись арабские племена, кочевавшие на территории между Сирией и низовьями Евфрата, а также государства Закавказья. К тому времени в Закавказье образовались раннефеодальные государства, важнейшим из которых была Армения, с IV в. разделенная на две части — Западную Римскую Армению, находившуюся в орбите византийского влияния, и Персидскую Армению, подчиненную Ирану. Раннефеодальные государства сложились и в Грузии. При этом с IV в., после раздела Армении между Римом и Ираном, Лазика была признана сферой влияния Рима, а Картли и Албания должны были признать суверенитет Ирана. И Византия, и Иран не были довольны этим разделом и мечтали о переменах. Из-за завоевания и подчинения государств Закавказья, особенно стратегически важного Армянского нагорья и Лазики, имевшей важные порты на побережье Черного моря, в VI в. шла постоянная борьба между Византией и Ираном [38]. Важным козырем в этой борьбе была проводившаяся Византией успешная христианизация народов Закавказья. Христианство, в православной его форме, утвердилось в Армении, Картли и кавказской Албании с IV в., а в Лазике — с VI в. Лишь в одной Атропатене господствовал зороастризм.

Византия сперва выступала защитницей гонимых в Иране христиан, но когда среди христианского населения Ирана возобладало несторианство, а затем монофиситство, она перестала оказывать им покровительство. В пику Константинополю, иранское правительство стало проводить политику веротерпимости по отношению к несторианам и монофиситам.

Угроза нашествия кочевых народов — гуннов-эфталитов — привела к тому, что между 337 и 502 гг. Иран и Византия жили в мире. Но уже при императоре Анастасии и особенно Юстине вновь нависла угроза войны.

ВИЗАНТИЯ И ИРАН В VI В.

Война началась в 527 г. Непосредственным предлогом этой первой войны с Ираном было сооружение византийцами на персидской границе, кроме уже существовавшей крепости Дары, другой крепости — вблизи иранского города Нисибиса (Нисибина). Шахиншах Ирана Кавад (488—531) нарушил мир и напал на Месопотамию. Персам удалось разбить войска Велисария, являвшегося в то время начальником гарнизона в Даре, и воспрепятствовать строительству новой

крепости. В 529 г. Велисарий был назначен главнокомандующим византийской армии, собранной для ведения войны с Ираном. Но военные действия велись довольно вяло. В Иране развернулось грандиозное народно-еретическое движение маздакитов, с которым Каваду и его сыну Хосрову пришлось вести упорную борьбу. Маздакитское движение охватило самые широкие круги крестьян и рабов, а также нашло отклик среди городской бедноты. Маздакиты требовали всеобщего равенства, раздела имущества богачей, передачи земли крестьянским общинам [39].

Движение достигло огромного размаха и необычайного ожесточения. Кавад вынужден был пойти на уступки и сделать Маздака своим советником. Кроме того, Каваду постоянно угрожали заговоры знати и духовенства. Юстиниан же, задумав завоевание Запада, также тяготился войной на Востоке. Византийского императора заставляло быть уступчивым и народное движение в Палестине. Последовали переговоры о мире с Ираном. Затишье на театре военных действий, наступившее в 529 г., помогло Юстиниану подавить летом этого же года грозное восстание самаритян.

В 530 г. иранский полководец Пероз вторгся в пределы империи, но потерпел поражение от войск Велисария и отступил. Однако реальных плодов эта победа не принесла. Затянувшиеся переговоры о мире с Кавадом были к тому времени прерваны. Внутреннее положение в Иране изменилось. Сын Кавада, Хосров, хитростью заманив вождей маздакитского движения для переговоров в Ктесифон, вероломно перебил их во дворце, во время пира. Началось массовое истребление маздакитов. Земли, отнятые восставшими крестьянами у их господ, возвращались прежним владельцам. Маздакитское движение ушло в подполье. Самаритяне звали персов в Палестину. Кроме того, разжиганию конфликта между Византией и Ираном способствовала обострившаяся борьба между этими великими державами из-за северной группы арабских племен [40].

Северные арабы, жившие за пределами Аравийского полуострова, преимущественно кочевники-скотоводы, делились на множество племен, переживавших различные стадии разложения общинно-родового строя. К V в. на границе Палестины и Сирийской пустыни сложилось арабское государство Гассанидов, являвшееся вассалом Византии. На границе же Месопотамии и Сирийской пустыни немного раньше (в IV в.) возникло другое арабское царство, во главе с племенем лахм, известное под названием государства Лахмидов. Лахмидское царство было вассалом Ирана. Арабские шейхи и правители этих государств были непостоянны в своих политических симпатиях, враждовали между собой, интриговали против Византии и Ирана, искали милостей то при дворе византийского императора, то — великого «царя царей», шахиншаха Ирана. Константинополь пытался за высокое вознаграждение использовать арабские племена государства Гассанидов для защиты границ империи от иранской угрозы. Правительство Юстиниана постоянно разжигало ненависть Гассанидов к Ирану и царству Лахмидов [41] (его центром был город Хира на Евфрате). Длительное время во главе этого царства стоял
 столь же смелый, сколь и коварный вождь Мундхир III (505—554),

которого византийцы называли Аламундаром. Аламундар пользовался покровительством иранского правительства. Своими опустошительными набегами он многие годы наводил ужас на жителей Сирии, Финикии и Месопотамии. В 528 г. Аламундар убил вождя Гассанидских племен Арефу, союзника Византии. Тогда Византия двинула свои войска против Аламундара и разгромила его кочевья. Но на следующий год Аламундар совершил дерзкое нападение на Сирию, дошел до стен самой Антиохии, опустошая все огнем и мечом. Удар по Сирии был чрезвычайно чувствителен для Византии, и она должна была противопоставить Аламундару союзные ей арабские племена.

В 531 г. царем Гассанидского царства сделался при помощи Юстиниана ставленник Византии, также Арефа — сын Габалы (Хариг-ибн-Габала) (531—570). Арефа оставался верным союзником Византии, однако он далеко уступал в смелости и энергии Аламундару. В 531 г. Иран решил не только более энергично вмешаться в дела арабов, воспрепятствовать их союзу с Византией, но и вторгнуться в Сирию по дороге, проторенной Аламундаром. Персидские войска под командованием полководца Азарета действительно вступили в Евфратисию, а затем в Сирию. Велисарий со своим войском двинулся им навстречу из Месопотамии. 19 апреля 531 г. при городе Каллинике в Сирии произошла жестокая битва между персами и византийцами. Велисарий потерпел полное поражение, причинами которого было отсутствие дисциплины в его армии и коварное поведение арабов Арефы, бежавших с поля сражения в самый решительный момент битвы. Несмотря на победу персов цель похода не была достигнута. Из-за больших потерь они возвратились в Иран. Юстиниан отрешил Велисария от должности главнокомандующего войсками Востока, назначив на его место Мунда. Византийское правительство решило привлечь на свою сторону столь опасного врага, как Аламундар, и до известной степени имело успех, временно обезопасив свои владения от его нападений.

Одновременно со столкновениями в Сирии и Месопотамии военные действия между Византией и Ираном велись на других театрах войны — в Армении и Лазике. Юстиниан всячески стремился утвердить свою власть в западной части Армении. При нем происходит подчинение и христианизация племен цанов, живших в горных местностях к северу от Евфрата. В начале 30-х годов персы вели с византийцами войну из-за крепости Мартирополь. Война велась с переменным успехом и закончилась лишь со смертью шаха Кавада. Он умер в сентябре 531 г. Отдельные стычки между византийцами и персами происходили и в Лазике.

Смерть Кавада послужила сигналом к острейшей борьбе за престол. Шахиншах оставил его младшему, любимому и самому талантливому сыну — Хосрову. Часть иранской знати и духовенства составила заговор в пользу старшего брата Хосрова — Зама, но так как он был кривой и в силу установившегося обычая не мог занять престол, то заговорщики решили провозгласить шахом малолетнего сына Зама, а самого Зама сделать его опекуном. Однако заговор был раскрыт и все братья Хосрова от разных жен его отца уничтожены.

Внутренние затруднения, с которыми встретился Хосров I Аноширван («Справедливый») (531—579), заставили его искать примирения с Византией. К этому же стремился и Юстиниан. В сентябре 532 г. мирный договор был подписан, правда, без указания срока его действия — поэтому мир был назван «Вечным». Границы между Ираном и Византией оставались прежними. Империя обязалась, однако, выплатить Ирану 110 тысяч либр золота якобы за оборону Кавказа от нападения кочевников. Юстиниан согласился перенести подальше от персидских границ резиденцию дукса — начальника войск Месопотамии. Иберия оставалась под покровительством Сасанидов, но зато персы уходили из крепостей, захваченных ими в Лазике, и признавали ее сферой влияния Византии.

«Вечный» мир был большим политическим и дипломатическим выигрышем Византии. Тем не менее ее соперничество с Ираном продолжалось. Византийской дипломатии удалось утвердить влияние империи на Кавказе, в Лазике и Армении, в Крыму и даже проникнуть в Аравию и далекую Эфиопию [42]. Области южных арабов, как и северных, постоянно служили яблоком раздора между Ираном и Византией. Арабы Йемена, страны с развитой земледельческой культурой и торговыми городами, являлись посредником в торговле Египта, Палестины и Сирии с Эфиопией (Абиссинией) и Индией. Йемен был также связующим звеном в торговых сношениях стран Дальнего Востока с побережьем Персидского залива и портом Оболла в устье Тигра и Евфрата. В Византию из Йемена вывозили благовония и лекарственные вещества: ладан, мирру, алоэ, ревень, кассию.

Из Западной Аравии — Хиджаза (с центром — в Мекке) в страны Средиземноморья вывозили кожи, изюм, финики, благовония, золотой песок и серебро. Через эти страны велась и транзитная торговля: из Индии везли пряности, корицу, ароматы, китайский шелк; из Африки — золото, слоновую кость, черных рабов. В свою очередь из Сирии мекканские купцы вывозили ценные византийские ткани, оружие и другие металлические изделия, стеклянную посуду, оливковое масло, зерно.

С VI в. Йемен и Западная Аравия стали объектом ожесточенной дипломатической борьбы Византии и Ирана. В среде местной арабской знати и купечества появились две политические группировки, одна — провизантийской, другая — проиранской ориентации. Столкновения этих группировок принимали иногда форму религиозных распрей: христианские купцы поддерживали Византию, иудейские — Иран.

При Юстиниане Византия подчинила своему влиянию арабские племена, жившие в Стране Пальм, расположенной между Палестиной и «Счастливой» Аравией, а также племена Кинда и Маад, населявшие центральное плато Неджа. В 530 г. Юстиниан вмешался в борьбу племенных вождей Неджа против государства химьяритов, поддержал одного из них, Кайса, которому помог укрепиться у власти, и подчинил империи подвластные ему племена маадитов.

Царство химьяритов, крупное рабовладельческое государство в
 Йемене, возникшее во II в. н. э. и занимавшее юго-западный угол

Аравийского полуострова, славилось своей развитой торговлей и городами. Через его порт Аден велась торговля с Восточной Африкой. Правители Химьяра являлись союзниками Ирана. Значительная часть населения, приверженная к языческому политеизму, иудаизму и несторианству, также поддерживала персов. В V—VI вв. в Химьяр начало проникать византийское влияние, распространялось христианство монофиситского толка. Постоянным соперником в торговле Химьяра со странами Африки было Аксумское царство кушитов. В VI в. оно представляло собой огромное государство, включавшее Эфиопию, часть Нубии и некоторые другие области Восточной Африки. В отличие от Химьяра, в Аксуме рано возобладало византийское влияние, здесь издавна были развиты торговые связи с Византией (через порт Адулис), и греческий язык являлся даже официальным языком дипломатии. В стране прочно укрепилось христианство монофиситского направления. Правители Аксума не раз пытались завоевать и подчинить своей власти государство химьяритов, а Византия искусно разжигала эту вражду. Константинополь не только оказал поддержку провизантийской монофиситской партии в Химьяре, но и всячески поощрял притязания царя Аксума на царство химьяритов. При активном содействии византийской дипломатии Калеб (Элесбоа), царь Аксума в начале 20-х годов VI в. совершил поход в Химьяр, сверг местную династию и посадил на престол своего наместника. Но народное восстание в Химьяре против завоевателей привело к отпадению Химьяра, а затем к новой войне с Аксумом. Калеб жестоко подавил восстание. Аксум, подталкиваемый Византией, выступил и на этот раз защитником христиан Химьяра от гонений язычников.

В 522—531 гг. Юстиниан сделал попытку вовлечь Аксум в борьбу против персов. Вскоре в Химьяре вспыхнуло еще одно восстание против эфиопов, и Химьяритское царство вновь стало независимым. В конечном счете сложная дипломатическая игра Византии в Аравии и Восточной Африке не увенчалась успехом: торговля шелком с Индией и Китаем через остров Тапробану (Цейлон) по-прежнему шла через Персию, хотя влияние Византии в Йемене и Аксуме возросло.

Военные успехи Византии на Западе и активная дипломатическая деятельность Юстиниана в Крыму, на Кавказе, в Аравии и Абиссинии не могли не обеспокоить иранское правительство. Хосров I был достойным соперником Юстиниана и одним из самых выдающихся и наиболее жестоких правителей иранского государства Сасанидов. Он сразу же показал себя сильным государем, твердой рукой правившим огромной страной. Хосров I провел серьезную реорганизацию армии, превратившейся с этого времени в грозную силу. Стремясь постоянно к расширению границ своего государства, он действительно преуспел в этом; при нем границы Ирана простирались до Окса (Аму-Дарьи) — в Средней Азии и Йемена — в Аравии. Раздавив маздакитское движение, шахиншах начал наступление на народные массы. Осуществленная Хосровом I налоговая реформа, вводившая постоянные ставки поземельной подати — хараджа (харага) (независимо от урожая), ухудшила положение наро-

да, зато увеличила доходы казны. После подавления заговора аристократии Хосров I сумел найти пути сближения с феодализировавшейся знатью и зороастрийским духовенством; раздачей богатых синекур он сделал фрондировавших аристократов послушными, а духовенство — сговорчивым. Хосров I, так же как его соперник Юстиниан, развернул широкую строительную деятельность: сооружались роскошные дворцы, храмы и крепости, прокладывались дороги. Шахиншах был образован, имел склонность к наукам, особенно к философии и медицине, покровительствовал литературе и искусству. По его приказу в Гундишапуре (Хузистан) была основана медицинская академия, приобретшая большую известность на всем Востоке. Шахиншах окружил себя греческими философами и юристами — он дал политическое убежище эмигрировавшим из Византии ученым-язычникам.

В VI в. Хосров I был самым опасным и грозным врагом Византии. С беспокойством наблюдая в течение всего мирного периода (532—540 гг.) за успехами Юстиниана на Западе, шахиншах тайно готовился к войне против соперника. Иранское правительство хорошо понимало, что неудержимое стремление василевса ромеев к господству над всей христианской ойкуменой рано или поздно явится угрозой для самой державы Сасанидов.

К 540 г. чрезвычайно обострилось положение в той части Армении, которая находилась под протекторатом империи. Бесконечные усобицы враждующих родов местной знати были искусно использованы византийцами для усиления своего влияния в Армении. Очень скоро ее население почувствовало тяжелую руку византийских чиновников. Вопреки договору, византийцы ввели тяжелый денежный налог, вызвавший всеобщее негодование. Армянская знать обратилась за помощью против Византии к персидскому шаху. Одновременно недовольство против византийцев росло и в Лазике. Лазы также просили иранское правительство избавить их от владычества императора. Все это свидетельствовало об активизации в Армении и Лазике проиранской партии, включавшей в себя знать и часть купечества. Хосров I незамедлил воспользоваться благоприятным моментом, тем более что в это время почти все войска Юстиниана были переброшены на Запад. Ктесифонский двор стал лихорадочно выискивать предлог для разрыва с Константинополем. Такой предлог дали стычки арабских племен Аламундара и Арефы из-за области Страта, близ Пальмиры. Кроме того, Хосров I обвинил Юстиниана в тайных сношениях с племенами гуннов. В 540 г. Хосров I, разорвав «Вечный мир», вторгся в пределы империи. Началась вторая война Юстиниана с Ираном, значительно более тяжелая и опустошительная, чем предшествующая.

Весной 540 г. огромная армия персов во главе с самим шахом вторглась в Сирию. Страна была залита кровью, тысячи жителей уводили в плен и обращали в рабство. Ограбив все на своем пути и взяв огромный выкуп с укрепленных городов, шах Хосров подошел к стенам Антиохии. Посланный для ее защиты византийский полководец Герман бежал, бросив гарнизон и жителей на произвол судьбы. Солдаты византийского гарнизона при первом же штурме

обратились в бегство. Персы ворвались в Антиохию. Город был подвергнут страшному разгрому. Хосров разрешил своим воинам обращать в рабство всех оставшихся в живых антиохийцев и грабить их имущество. Разрушив Антиохию, Хосров двинулся к Селевкии, расположенной на берегу Средиземного моря. Однако укрепиться на побережье он не решился, понимая, что Византия не примирится с этим и двинет против него новые войска. Хосров I повернул в Персию, взяв на обратном пути огромный выкуп со многих крупных городов — Апамеи, Халкиды, Эдессы, Константины, Дары и др. Византийские военачальники бездействовали, оставаясь пассивными свидетелями опустошения Сирии персами; не было сделано ни одной попытки остановить победоносное продвижение шаха по стране. Ограбление Сирии и падение Антиохии было тяжким ударом для империи, от которого она долго не могла оправиться.

В следующем, 541 г. военные действия между Ираном и Византией были перенесены в Лазику. Горная страна, покрытая лесами, с узкими проходами в горах — клисурами, которые легко могли защищать небольшие отряды воинов, Лазика представляла для Византии очень удобный заслон от нападений гуннов и аваров с севера, а с юга преграждала Ирану выход к Черному морю. Ирану в свою очередь Лазика могла стать великолепным плацдармом для нападения на Византию с моря. С экономической точки зрения Лазика нужна была обеим державам как район, имевший важное значение в черноморской торговле. Тесные торговые сношения издавна связывали средиземноморский мир с Лазикой. В VI в. из Лазики в Византию вывозили шкуры диких зверей, кожи и рабов, а византийские купцы везли туда хлеб, соль, вино. За христианизацией и династическими браками не замедлило последовать политическое и военное подчинение страны. При Юстиниане византийцы ввели в Лазику свои войска, построили там ряд крепостей, где разместили собственные гарнизоны. Самым важным опорным пунктом византийского господства здесь стала выстроенная по приказу Юстиниана мощная приморская цитадель Петра, расположенная к югу от реки Фасис. Фактическое управление Лазикой сосредоточилось в руках византийских наместников.

В стране стало расти недовольство. Лазы негодовали, что под видом дружеской помощи византийцы фактически оккупировали их территорию. Особенно сильное возмущение вызвало правление византийского наместника Иоанна Тциба. Он установил монополию на торговлю и захватил ее в свои руки, продавал лазам испорченные продукты, ненужные его воинам, и брал за них огромные цены, а ввоз купцами хлеба, соли и вина из Византии запретил. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Лазы отправили послов к персидскому шаху, прося его о помощи. Хосров I стал готовиться к вторжению в Лазику. Он хотел окончательно подчинить себе цветущую Иберию. Вторгшись в 541 г. в Лазику с огромным войском, Хосров I одержал ряд побед и, благодаря помощи местных жителей, овладел крепостью Петрой, после чего были захвачены крепости Севастополь и Титицит. Командиры византийских войск, расквартированных в этих крепостях, подо-

жгли дома, разрушили крепостные стены, а сами бежали морем в Трапезунд. Хосров решил возвратиться в Персию, оставив в Петре сильный гарнизон. Для отвлечения персидских войск с Кавказа правительство Юстиниана послало на территорию самой Персии Велисария. И хотя он одержал лишь незначительную победу, взяв небольшую крепость Сисавран в Месопотамии, цель диверсии была достигнута: Хосров возвратился в свою страну.

В последующие годы война велась с переменным успехом. Неудачи в войне с Тотилой в Италии и тяжелое экономическое положение страны заставили Юстиниана в 545 г. искать мира с Ираном. Было заключено перемирие на пять лет. Эту передышку Юстиниан купил дорогой ценой: он отослал шаху 2 тысячи либр золота; правда, взамен Хосров отпустил на родину без выкупа три тысячи пленных византийцев.

После 545 г., ко всеобщему облегчению, во взаимоотношениях Византии и Ирана наступил период относительного спокойствия, нарушавшегося лишь постоянными конфликтами арабов Арефы и Аламундара, да тревожными событиями в Лазике и других областях Кавказа. Здесь между великими державами непрестанно шла своеобразная «война во время мира» за переманивание новых сателлитов. Лазы, испытавшие тяжесть персидского правления, в 549 г. вновь отдались под покровительство Византии. Одновременно персы стали строить в Лазике флот с целью нападения на Византию. Они решили убить царя лазов Губаза. Покушение на него послужило сигналом к переходу лазов на сторону империи. Вновь началась нескончаемая борьба за Лазику. Воспользовавшись просьбами лазов о помощи, Юстиниан в 549 г. незамедлительно послал сюда 7-тысячную армию. Центром военных действий вновь сделалась крепость Петра. Бегство византийцев из-под стен Петры не замедлило сказаться на настроениях других кавказских племен, колебавшихся между Ираном и Византией. В 550 г. абхазцы, до этого времени являвшиеся вассалами империи, перешли на сторону Ирана.

В начале 551 г., использовав помощь гуннов-савиров и преимущества византийской военной техники, военачальник Бесса овладел, наконец, Петрой и срыл до основания ее укрепления, чтобы они впредь не могли попасть в руки персов. Но ни та, ни другая сторона не могла добиться решающего перевеса. Кавказские племена склонялись то к Ирану, то вновь переходили к Византии. В 552 г. сателлитом Ирана стала Сванетия, а в 554 г. — племя мисимиан. Царь лазов Губаз твердо держался союза с империй. Однако вероломство и корыстолюбие византийских полководцев едва не погубили положение византийцев в Лазике. Губаз пожаловался Юстиниану на грабежи его командиров, а те из мести предательски убили этого верного союзника империи. Убийство Губаза чуть было не привело к восстанию в Лазике. Все же провизантийская партия знати и купечества была здесь так сильна, что настояла на сохранении союзных отношений с империей, выдвинув, правда, условиями наказание цареубийц и передачу престола брату Губаза — Гуафии. Требования лазов были немедленно выполнены Юстиниа-

ном. Но положение византийцев в Лазике было сильно поколеблено, чем не замедлил воспользовться Иран.

Весной 555 г. 60-тысячная персидская армия наводнила Лазику и завязала с византийцами кровопролитную битву за главный город страны — Фасис, расположенный в низовьях реки того же названия. Персы понесли страшное поражение. Восставшее против империи племя мисимиан было вновь подчинено и жестоко наказано. Хосров решил тогда же прекратить активные военные действия в Лазике. После перемирия, длившегося 6 лет, в 561 г. был, наконец, заключен мир, сроком на 50 лет. Обеим великим державам пришлось пойти на серьезные уступки. Хосров должен был отказаться от Лазики и тем самым — от мечты укрепиться на Черном море. Однако Сванетия и Грузия (Иберия) оставались под властью Ирана. Был признан status quo в Армении, Месопотамии, Сирии. Надежды шаха получить выход к Средиземному морю также потерпели фиаско. Византия же обязывалась выплачивать Ирану ежегодно 300 тысяч номисм, или свыше 400 либр золота. Обе державы принимали обязательства не нападать на страны и народы, находящиеся под верховной властью другой договаривающейся стороны, и не возводить новых укреплений в пограничных районах. Большое внимание в мирном договоре уделялось вопросам регулирования торговли. Устанавливалось, что торговля должна вестись в Нисибисе — на иранской территории и в Даре — на византийской при условии уплаты таможенных пошлин, равных 10% стоимости товаров. Этому предписанию должны были подчиняться не только сами иранские и византийские купцы, но и арабы. По дополнительному договору, византийскому правительству удалось добиться веротерпимости для христиан, живущих в Иране.

Итак, многолетние и крайне изнурительные войны Византии и Ирана завершились прочным миром. Это было огромным облегчением для народов обеих великих держав. Жертвы во многом оказались напрасными. Иран так и остался отрезанным от Средиземного и Черного морей, а Византия не смогла сломить монополии персов в торговле со странами Дальнего Востока. В конечном счете и Византия и Иран вышли из этих войн ослабленными. Народы, подвластные Византии и Ирану, в частности, жители обеих Армений, Лазики, Иберии и других областей Кавказа, а также северные арабские племена так и не освободились от иноземного ига.

В VI в., особенно в правление императора Юстиниана, значительно возросло влияние Византии в Северном Причерноморье. В это время она прочно удерживала в своих руках торговую монополию и военное господство на Черном море. Империя владела Херсоном, Боспором (ныне — Керчь) и Таманским полуостровом. Крым, эта жемчужина Северного Причерноморья, издавна привлекал Византию. Ее прельщали и богатства самого Крыма, и его роль в транзитной торговле с племенами Причерноморья, Приазовья и Северного Кавказа, и те возможности, которые его военно-стратегическое положение дало бы империи в борьбе с огромной варварской периферией. Форпосты византийского влияния на южном берегу Черного моря — Херсон и Боспор — являлись не только

заслонами от опасных нападений кочевых народов, но и центрами мирных сношений с гуннами, аланами, готами, славянами. Именно в среде этих варварских племен Византия черпала наемное войско, столь необходимое ей для завоеваний на Западе и нескончаемых войн с Ираном на Востоке. Херсон и Боспор, кроме того, были торговыми факториями империи. Византийские купцы привозили сюда драгоценные товары Востока — пряности, ароматы, жемчуг, роскошные ткани, ювелирные изделия. Археологические раскопки Херсона и других городов Крыма свидетельствуют о ввозе в VI в. в Таврику металлических (особенно из свинца) изделий, сельскохозяйственного инвентаря, стеклянной и керамической посуды, различных тканей [43]. Возможно, что из Малой Азии в Херсон ввозился и хлеб, в котором нуждалось многочисленное население этого города. Через Херсон и Боспор осуществлялся постоянный обмен с местным земледельческим населением Таврики и гуннами-степняками. В обмен на византийские товары отсюда вывозились меха, кожи, скот и много рабов. Из Херсона везли, кроме того, соль — предмет исконного промысла херсонесцев. Торговля Херсона с Византией шла хорошо известным морским путем — в Малую Азию и Константинополь. В VI в. наблюдалось значительное развитие судоходства на Черном море. Для Херсона, Боспора и Лазики византийским правительством была даже установлена морская повинность, состоявшая в поставке государству судов и их снаряжения. Через Боспор в VI в. налаживались экономические связи империи с оседлым населением и кочевниками Приазовья и Северного Кавказа. В Херсоне было развито рыболовство, виноделие, производство строительной керамики, кирпича, черепицы, обработка камня, дерева, судостроение [44].

Для подчинения своему влиянию варварских племен Таврики Византия, как всегда, широко использовала подкуп; племенным вождям жаловались различные привилегии и пышные имперские титулы; немалую роль призвана была сыграть и проповедь христианства. В первые годы правления Юстиниана византийские дипломаты и православные миссионеры сумели привлечь на сторону империи знать гуннских племен Таврики. Обласканный императором хан одного гуннского племени Грод (Горд) признал главенство Византии и был отправлен на Боспор, чтобы «блюсти интересы империи». Он согласился принять в свои владения византийские войска. Однако на Боспоре вспыхнуло восстание. Грод был убит, а византийский отряд полностью уничтожен. Тогда Юстиниан прибег к открытому военному вмешательству в дела Боспора. Восстание гуннов было жестоко подавлено, Боспор окончательно подчинен власти империи. Крепостные укрепления города были заново отстроены. Не остановившись на этом, Юстиниан включил в орбиту византийского влияния и противоположный берег Боспора. Господство Византии на Боспоре продолжалось вплоть до вторжения хазар в конце VII в.

Помня о постоянной опасности со стороны варваров, Юстиниан энергично взялся за строительство укреплений также и в Херсоне.
 Строительная деятельность византийцев охватила юго-западный

нагорный район Таврики — так называемую область Дори с центром в крепости Дорос (Мангуп). Здесь, на месте древних поселений, византийцами были выстроены две крепости: Алустий (ныне — Алушта) и Гурзувиты (ныне — Гурзуф). Археологические раскопки показывают, что к VI в. относится также постройка крепостных стен на плато Эски-Кермен, Мангупа и Сюреньского укрепления, господствовавшего над горным проходом из степей Таврики к Херсону. Византийцы укрепляли стратегически важные пункты горной Таврики, защищавшие проходы к побережью, особенно к Херсону. Постройка крепостей преследовала целью не только охрану от набегов варваров, но и подчинение власти Византии местного населения.

При Юстиниане империя завязала политические и церковные сношения с готами, жившими в Крыму. По договоренности с империей готы поставляли солдат в армию византийского императора и охраняли Херсон от набегов кочевников-гуннов. Готы исповедовали христианство в его арианской форме, но около 548 г. по их просьбе к ним был послан православный епископ из Византии. Хотя в царствование Юстиниана происходила энергичная христианизация местного населения Таврики, но значительная часть его попрежнему оставалась приверженной к язычеству.

В подвластных империи городах и областях Таврики вводилась византийская налоговая и административная система. Чаще всего в руках командира византийских войск, расквартированных в Херсоне или Боспоре, сосредоточивалось как военное, так и гражданское управление. Большую роль играли таможенные и налоговые чиновники.

Итак, власть Византии в Таврике в VI в. была расширена и укреплена. Казалось, Таврика прочно вошла в круг византийских владений в Северном Причерноморье. Однако так же как в Армении, Лазике, Северной Африке, Италии и Испании, византийцы и здесь не пользовались симпатиями местного населения. Повсюду росло глухое недовольство народных масс налоговым гнетом и произволом военщины, неизменно сопутствовавшими утверждению власти Византии.

Глава

15

ВТОРЖЕНИЯ СЛАВЯН И ИХ РАССЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С начала VI столетия на северной границе Византийской империи, по нижнему и среднему Дунаю, начинаются вторжения славянских племен.

Дунайская граница всегда была особенно неспокойным рубежом империи. Многочисленные варварские племена, занимавшие земли к северу от Дуная и причерноморские степи, являлись постоянной угрозой для Византии. Однако разрушительные волны варварских нашествий, прокатывавшиеся по империи в IV—V вв., не задерживались длительное время в ее пределах или растекались настолько, что вскоре бесследно исчезали. Ни причерноморские готы — пришельцы из далекой Прибалтики, ни кочевники азиатских степей — гунны не смогли удержаться долго на территории Византии и, тем более, оказать заметное воздействие на ход ее внутреннего социально-экономического развития.

Нашествия задунайских варваров приобретают иной характер, когда основной и решающей силой в них становятся славянские племена. Бурные события, разыгравшиеся на дунайской границе в первой половине VI столетия, ознаменовали начало длительной эпохи внедрения славян в Византийскую империю.

Массовые вторжения и заселение ряда византийских районов и областей были закономерным этапом всей предшествующей истории славянства.

 К VI в. славяне в результате постепенного расселения их с земель, которые они занимали в I—II вв. н. э. к востоку от Вислы

(между Балтийским морем и северными отрогами Карпатских гор), стали нопосредственными соседями Византии, прочно осев на левобережье Дуная. Современники довольно четко указывают места поселений склавинов и антов — родственных славянских племен, говоривших на одном языке и имевших одни и те же обычаи [1]. По свидетельству Прокопия, они занимали бóльшую часть земель по левому берегу Дуная. Территория, заселенная склавинами, простиралась на севере до Вислы, на востоке — до Днестра и на западе — до среднего течения Савы [2]. Анты жили в ближайшем соседстве со склавинами, составляя восточную ветвь славянских племен, расселившихся на северных рубежах Византийской империи. Особенно густо, по-видимому, антами были заселены земли в Северном Причерноморье — к востоку от Днестра и в Поднепровье [3].

Расселение славян с первоначальных мест своего обитания и их вторжения в пределы Византии были обусловлены как внешними факторами — передвижением различных этнических масс в эпоху «великого переселения народов», так и, гланым образом, развитием общественно-экономической жизни славянских племен.

Переход славян, благодаря появлению у них новых земледельческих орудий, к пашенному земледелию позволил производить обработку земли отдельными семьями. И хотя пахотные земли оставались к середине I тысячелетия, по-видимому, в собственности общины, возникновение индивидуального крестьянского хозяйства, предоставлявшего возможность использовать продукт труда для личного обогащения, а также постоянный рост населения вызывали потребность в расширении удобных для возделывания земель. Социально-политический строй славян в свою очередь изменялся. По свидетельству Прокопия, склавины и анты не управляются одним человеком, но с древних времен живут в народоправстве, и поэтому соплеменники и счастье и несчастье делят сообща [4]. Впрочем, показания того же Прокопия и других византийских писателей VI в. позволяют увидеть, что у славян имелась племенная знать и существовало примитивное рабовладение [5].

Экономическая и социальная эволюция приводит к образованию у славян военной демократии — той формы политической организации, при которой именно война открывает перед племенной знатью наибольшие возможности для обогащения и укрепления своей власти. Славяне (как отдельные лица, так и целые отряды) начинают охотно вступать в наемные войска [6]. Однако служба в иноземном войске могла удовлетворять их возраставшие потребности лишь частично; стремление к овладению новыми, уже культивируемыми плодородными землями, жажда добычи толкали славянские племена в Византийскую империю.

В союзе с другими народами Дунайско-Причерноморского бассейна — карпами, костобоками, роксоланами, сарматами, гепидами, готами, гуннами — славяне, по всей вероятности, участвовали в набегах на Балканский полуостров и раньше, еще во II—V вв. Византийские хронисты нередко путались в определении этнической принадлежности многочисленных варваров, нападавших на империю. Возможно, именно славяне были теми «гетскими всадниками», кото-

рые, по свидетельству комита Марцеллина, опустошили в 517 г. Македонию и Фессалию, дойдя до Фермопил [7].

Под своим собственным именем славяне как враги империи впервые упоминаются Прокопием Кесарийским. Он сообщает, что вскоре после вступления на престол императора Юстина «анты..., перейдя Истр, с большим войском вторглись в ромейскую землю» [8]. Против них был выслано византийское войско во главе с видным военачальником Германом, которое нанесло антам сильное поражение. Это приостановило, видимо, на некоторое время их набеги на территорию империи. Во всяком случае, за все последующее время царствования Юстина источники не отмечают больше ни одного вторжения антов и склавинов.

Картина резко меняется при Юстиниане. Характеризуя положение имперских дел (за период от вступления Юстиниана на престол и до середины VI в.), Прокопий с горечью пишет, что «гунны (гунно-булгары.— *Ред.*), склавины и анты почти ежегодно совершают набеги на Иллирик и всю Фракию, т. е. на все области от Ионийского залива (Адриатического моря.— *Ред.*) вплоть до предместий Константинополя, в том числе и Элладу и область Херсонеса [Фракийского]...» [9]. Другой современник происходивших при Юстиниане событий — Иордан — также говорит о «ежедневном упорном натиске со стороны булгар, антов и склавинов» [10].

На этом первом этапе наступления славян их вторжения, следовавшие одно за другим и сопровождавшиеся страшными опустошениями византийских земель, были при всем том лишь кратковременными набегами, после которых славяне, захватив добычу, возвращались в свои земли на левый берег Дуная. Граница по Дунаю еще остается рубежом, разделяющим византийские и славянские владения; к ее охране и укреплению империя принимает срочные меры.

В 530 г. Юстиниан назначает стратигом Фракии смелого и энергичного Хильвудия — судя по имени, славянина. Поручив ему оборону северной границы империи, Юстиниан рассчитывал, по-видимому, что Хильвудий, далеко продвинувшийся на византийской военной службе и хорошо знакомый с военной тактикой славян, будет более успешно вести борьбу против них. Хильвудий действительно оправдал на некоторое время надежды Юстиниана. Он неоднократно организовывал вылазки на левый берег Дуная, «избивая и забирая в рабство живших там варваров» [11].

Но уже через три года после того, как в одной из схваток со славянами Хильвудий был убит, Дунай «стал доступен для переходов варваров по их желанию и римские владения совершенно открыты для их вторжения» [12].

Юстиниан отдавал себе ясный отчет в том, какая опасность грозила империи. Он прямо заявлял, что «для того, чтобы остановить движение варваров, нужно сопротивление, и притом серьезное» [13]. В первые же годы его царствования были начаты грандиозные по своему размаху работы по укреплению дунайской границы. Вдоль всего берега реки — от Сингидуна до Черного моря — велось строительство новых и восстановление старых крепостей; оборонительная система состояла из нескольких линий укреплений, доходивших до

Длинных стен. Прокопий называет несколько сотен укрепленных пунктов, воздвигнутых в Дакии, Эпире, Фессалии и Македонии.

Однако все эти сооружения, растянувшиеся на многие десятки километров, не смогли воспрепятствовать славянским вторжениям. Империя, ведя тяжелые и кровопролитные войны в Северной Африке, Италии, Испании, вынужденная держать свои войска на огромном пространстве от Евфрата до Гибралтара, была не в состоянии укомплектовать крепости необходимыми гарнизонами. Рассказывая о славянском набеге в Иллирик (548 г.), Прокопий сетует, что «даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, славяне сумели взять, так как их никто не защищал...» [14].

Широкое наступление славян на византийские земли в значительной мере было ослаблено из-за отсутствия единства между склавинами и антами. В 540 г. в результате возникшего у этих двух крупнейших славянских племен конфликта между ними началась война, и совместные нападения на империю прекратились. Склавины вступают в союз с гунно-булгарами и в 540—542 гг., когда в Византии свирепствовала чума, трижды вторгаются в ее пределы. Они доходят до Константинополя и прорываются через внешнюю стену, вызвав в столице страшную панику. «Ничего подобного не было ни видано, ни слыхано с основания города»,— пишет очевидец этого события Иоанн Эфесский [15]. Однако, разграбив константинопольские предместья, варвары ушли с захваченной добычей и пленными. Во время одного из этих нападений они проникли до Херсонеса Фракийского и даже переправились через Геллеспонт в Авидос. Примерно тогда же (где-то между 540 и 545 гг.) анты вторглись во Фракию.

Распрями антов и склавинов, повлекшими разобщенность их действий, не замедлил воспользоваться Юстиниан. В 545 г. к антам были отправлены послы. Они объявили о согласии Юстиниана пожаловать антам крепость Туррис, расположенную на левом берегу нижнего Дуная, и окружавшие ее земли (скорее всего, санкционировать их поселение в этой «искони принадлежавшей римлянам» области), а также выплачивать им крупные суммы денег, потребовав взамен впредь соблюдать мир с империей и противодействовать набегам гунно-булгар.

Переговоры закончились, по всей вероятности, успешно. С этого времени источники ни разу не упоминают о выступлениях антов против Византии. Больше того, в документах, содержащих полный титул Юстиниана, последний еще с 533 г. именуется Ἀντικός; спустя более чем полвека, в 602 г., анты также находились в союзнических отношениях с Византией [16].

Отныне, лишившись своего ближайшего и естественного союзника, наступление на земли Византийской империи ведут склавины — как одни, так и совместно с гунно-булгарами.

Натиск склавинов на империю заметно возрастает в конце 40-х и особенно в 50-е годы VI в. В 548 г. их многочисленные отряды, перейдя Дунай, прошли по всему Иллирику вплоть до Эпидамна. Представление о масштабах этого вторжения можно составить на основании известия Прокопия (пусть даже несколько преувеличиваю-

щего численность имперских сил), будто за славянами следовало 15-тысячное византийское войско, но «подойти к неприятелю близко нигде не решалось» [17].

С середины VI в. наступление славян на Византию вступает в новый, качественно отличный от предшествующих вторжений, этап. В 550—551 гг. разыгрывается настоящая славяно-византийская война. Славянские отряды, действуя по заранее намеченному плану, ведут открытые сражения с византийским войском и даже добиваются победы; они осадой берут византийские крепости; часть из вторгшихся на территорию империи славян остается на зиму в ее землях, получая из-за Дуная свежие подкрепления и готовясь к новым походам.

Война 550—551 гг. началась с вторжения славян в Иллирик и Фракию (весна 550 г.). Три тысячи славян перешли Дунай и, не встретив сопротивления, переправились также через Марицу. Затем они разделились на две части (в 1800 и 1200 человек). Хотя эти отряды намного уступали по своей силе высланному против них византийскому войску, благодаря внезапному нападению им удалось нанести ему поражение. Одержав победу, один из славянских отрядов вступил затем в битву с византийским полководцем Асвадом. Несмотря на то, что под его началом находились «многочисленные превосходные всадники..., и их без большого труда славяне обратили в бегство» [18]. Взяв осадой ряд византийских крепостей, они захватывают также приморский город Топир, охранявшийся византийским военным гарнизоном. «Прежде же,— отмечает Прокопий,— славяне никогда не дерзали подходить к стенам или спускаться на равнину (для открытого боя)...» [19].

Летом 550 г. славяне огромной лавиной снова переходят Дунай и вторгаются в Византию. На этот раз они появляются у города Наисса (Ниша). Как показали позднее славянские пленники, главной целью похода был захват одного из крупнейших городов империи, к тому же прекрасно укрепленного,— Фессалоники. Юстиниан вынужден был дать приказ своему полководцу Герману, готовившему в Сардике (Сердике) войско для похода в Италию против Тотилы, немедленно оставить все дела и выступить на славян. Однако последние, узнав, что против них направляется Герман, который еще в царствование Юстина нанес сильное поражение антам, и предполагая, что его войско представляет значительную силу, решили избежать столкновения. Пройдя Иллирик, они проникли в Далмацию. К ним присоединялись все новые и новые соплеменники, беспрепятственно переходившие Дунай [20].

Перезимовав на территории Византии, «как бы в своей собственной земле, не боясь неприятеля» [21], славяне весной 551 г. снова хлынули и во Фракию и Иллирик. Они разгромили в ожесточенном бою византийское войско и прошли вплоть до Длинных стен. Однако благодаря неожиданному нападению византийцам удалось захватить часть славян в плен, а остальных принудить к отступлению.

Осенью 551 г. последовало новое вторжение в Иллирик. Предводители войска, высланного Юстинианом, как и в 548 г., не решились вступить в бой со славянами. Пробыв в пределах империи

долгое время», те с богатой добычей переправились обратно через Дунай.

Последней акцией славян против империи при Юстиниане было нападение на Константинополь в 559 г., произведенное в союзе с гуннами-кутригурами [22].

К концу царствования Юстиниана Византия оказалась беспомощной перед славянскими вторжениями; встревоженный император не знал, «каким образом он сможет в дальнейшем отражать их» [23]. Вновь предпринятое Юстинианом строительство крепостей на Балканах имело своей целью уже не только отпор славянским вторжениям из-за Дуная, но и противодействие славянам, которые успели закрепиться на византийских землях, используя их как плацдарм для дальнейшего продвижения в глубь империи: укрепления Филиппополя и Плотинополя во Фракии были сооружены, по свидетельству Прокопия, против варваров, живших в районах этих городов; с этой же целью были восстановлены крепость Адина в Мезии, вокруг которой укрывались «варвары-славяне», совершавшие набеги на соседние земли, а также крепость Ульмитон, совершенно разрушенная было славянами, поселившимися в ее окрестностях [24].

Истощенная войнами империя не имела средств для организации активного сопротивления все более и более усиливавшемуся славянскому натиску. В последние годы царствования Юстиниана византийская армия, по свидетельству его преемника Юстина II, оказалась «до такой степени расстроенной, что государство было предоставлено беспрерывным нашествиям и набегам варваров» [25].

Местное население империи, особенно пестрое в этническом отношении в северных балканских провинциях, также было плохим защитником своей земли. Хозяйственная жизнь придунайских областей, на протяжении нескольких веков многократно подвергавшихся варварским вторжениям, в ряде районов заметно заглохла, и сами эти районы обезлюдели [26]. В царствование Юстиниана положение еще более осложнилось из-за возросшего налогового гнета. «...Несмотря на то, что... вся Европа была разграблена гуннами, склавинами и антами, что из городов одни были разрушены до основания, другие дочиста обобраны вследствие денежных контрибуций, несмотря на то, что варвары увели с собою в плен всех людей со всем их достоянием, что вследствие чуть ли не ежедневных их набегов все области стали безлюдными и необрабатываемыми,— несмотря на все это, Юстиниан, тем не менее, не снял ни с кого налогов...»,— с возмущением констатирует Прокопий в «Тайной истории» [27]. Тяжесть налогов вынуждала жителей или вообще покидать пределы империи, или переходить к варварам, которые еще не знали развитых форм классового угнетения и общественный строй которых в силу этого нес облегчение эксплуатируемым массам Византийского государства. Позднее, поселяясь на территории империи, варвары смягчали бремя платежей, лежавшее на местном населении. Так, по сообщению Иоанна Эфесского, в 584 г. авары и паннонские славяне, обращаясь к жителям Мезии, говорили: «Выходите, сейте и жните, мы возьмем с вас только половину (податей или, скорее всего, урожая.— *Ред.*)» [28].

Успеху славянских вторжений способствовала также борьба народных масс против непомерного гнета Византийского государства. Первым набегам славян на Византию предшествовало и, очевидно, способствовало вспыхнувшее в 512 г. в Константинополе восстание, которое в 513—515 гг. распространилось на северные Балканские провинции и в котором, наряду с местным населением, принимали участие варвары-федераты [29–30]. В царствование Юстиниана и при его преемниках благоприятная обстановка для славянских вторжений была в Паннонии и особенно во Фракии, где широко развернулось движение скамаров [31].

Нараставшее год от года наступление славян на Византию было, однако, с начала 60-х годов VI в. временно приостановлено появлением на Дунае тюркской орды аваров. Византийская дипломатия, широко практиковавшая политику подкупов и натравливания одних племен на другие, не преминула использовать новых пришельцев для противодействия славянам. В результате переговоров между посольством аварского хакана Баяна и Юстинианом, происходивших в 558 г., было достигнуто соглашение, по которому авары обязывались, на условии получения ежегодной дани от Византии, охранять ее дунайскую границу от вторжений варваров. Авары разбили гуннов-утигуров и гуннов-кутригуров, из-за происков Юстиниана враждовавших между собой, а затем стали нападать на славян. В первую очередь набегам аваров, продвигавшихся из закаспийских степей по Черноморскому побережью к нижнему Дунаю, подверглись земли антов. «Владетели антские приведены были в бедственное положение. Авары грабили и опустошали их землю»,— сообщает Менандр Протиктор [32]. Чтобы выкупить захваченных аварами соплеменников, анты отправили к ним в 560 г. посольство во главе с Мезамиром. Мезамир держал себя в ставке аваров весьма независимо и с большой дерзостью. По совету одного кутригура, убеждавшего аваров избавиться от этого влиятельного среди антов человека, Мезамир был убит. «С тех пор,— заканчивает свой рассказ Менандр,— авары стали еще больше разорять землю антов, не переставали грабить ее и порабощать жителей» [33].

Почувствовав свою силу, авары начинают предъявлять все бóльшие требования к Византии: они просят предоставить им места для поселения и увеличить ежегодное вознаграждение за сохранение союза и мира. Между империей и аварами возникают несогласия, которые приводят вскоре к открытым военным действиям. Авары вступают в союзнические отношения с франками, а затем, вмешавшись в распри лангобардов и гепидов, в союзе с первыми разбивают в 567 г. гепидов, находившихся под покровительством империи, и обосновываются на их землях в Паннонии по Тиссе и среднему Дунаю. Славянские племена, жившие на Паннонской равнине, должны были признать верховную власть аваров. С этого времени они совершают нападения на Византию совместно с аварами, принимая активное участие в их борьбе против империи.

Первые известия о таких объединенных вторжениях содержатся у современного им западного хрониста Иоанна, аббата Биклярийского монастыря. Он сообщает, что в 576 и 577 гг. авары и славяне

нападали на Фракию, а в 579 г. заняли часть Греции и Паннонии [34]. В 584 г., по свидетельству другого современника описываемых событий — Евагрия, авары (без сомнения, вместе со своими славянскими союзниками) захватывают Сингидун, Анхиал и опустошают «всю Элладу» [35]. Находившиеся в аварском войске славяне, которые вообще были известны уменьем переправляться через реки, участвовали в постройке в 579 г. моста через Саву для осуществления задуманного аварами захвата Сирмия; в 593 г. паннонские славяне изготовили для аварского хакана суда, а затем соорудили из них мост через Саву [36].

В аварском войске (как и вообще в Аварском хаканате) славяне составляли, по всей вероятности, самую значительную этническую группу: показательно, что в 601 г., когда византийское войско нанесло поражение аварам, в плен попал славянский отряд в 8 тыс. человек, намного превосходивший по своей численности находившихся в войске хакана самих аваров и других подвластных ему варваров [37].

Однако, поскольку авары политически господствовали над паннонскими славянами, византийские авторы, рассказывая об аварских нападениях на империю, часто совершенно не упоминают об участии в них славян, хотя присутствие последних в аварском войске не подлежит сомнению.

Авары неоднократно пытались подчинить и славян, живших на нижнем Дунае, однако все их усилия неизменно оканчивались неудачей. Менандр рассказывает, что Баян отправил посольство к вождю склавинов Даврите и «к тем, кто стоял во главе склавинского народа», с требованием, чтобы они покорились аварам и обязались платить им дань. Хорошо известен независимый, полный уверенности в своей силе ответ, который получили на это авары: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашим, а мы чужим привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи» [38].

Склавины с нижнего Дуная и в дальнейшем сохранили свою независимость. Они вели борьбу как против Византии, так и против аваров.

С новой силой вторжения склавинов в империю возобновляются в конце 70-х — начале 80-х годов VI в. В 578 г. 100 тысяч склавинов, перейдя Дунай, опустошили Фракию и другие балканские провинции, в том числе собственно Грецию — Элладу [39]. Император Тиверий, из-за войны с Персией не имевший возможности противодействовать славянским вторжениям своими силами, предложил аварскому хакану, который находился в это время в мирных отношениях с империей, напасть на владения склавинов. Баян, «питая тайную вражду к склавинам... за то, что они не покорились ему», охотно согласился на предложение Тиверия. По словам Менандра, хакан рассчитывал найти богатую страну, «так как склавины грабили ромейскую землю, в то время как их земля не подвергалась разорению никаким другим народом». Огромное аварское войско (по данным Менандра — 60 тыс. всадников) было переброшено на византийских судах через Саву, проведено по территории империи на восток к какому-то месту на Дунае и здесь переправлено на левый его

КРЕСТ-РЕЛИКВАРИЙ ЮСТИНА II. *VI в.*

берег, где и начало «без промедления жечь селения склавинов, разорять их и опустошать поля» [40].

Жестокое опустошение, произведенное аварами на землях склавинов, не привело, однако, к их подчинению власти хакана. Когда в 579 г. Баян пытался, ссылаясь на предстоящий поход против склавинов, построить мост через Саву и захватить важный в стратегическом отношении византийский город Сирмий, в качестве причины этого похода он выдвигал перед Тиверием то обстоятельство, что склавины «не хотят платить ему установленной ежегодной дани» [41].

Спровоцированное империей нападение аваров на склавинов не спасло Византию от их новых вторжений. Напротив, они становятся еще более грозными и вступают теперь в свой последний, завершающий этап — массового расселения славян на ее территории. В 581 г. склавины совершают успешный поход в византийские земли, после которого уже не возвращаются за Дунай, а поселяются в пределах империи. Исключительное по своей ценности описание этого вторжения склавинов дает Иоанн Эфесский, непосредственный свидетель изображаемых им событий. «В третьем году после смерти царя Юстина и воцарения победителя Тиверия,— рассказывает он,— совершил нападение проклятый народ склавины. Они стремительно прошли всю Элладу, области Фессалоники [Фессалии?] и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле. Они осели на ней господами, как на своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе, по причине того, что царь занят персидской войной и все свои войска послал на Восток,— по причине этого они растеклись по земле, осели на ней и расширились на ней теперь, пока допускает их бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных, так что у самой внешней стены они захватили и все царские табуны, много тысяч (голов) и другую разную (добычу). Вот и до сего дня, т. е. до 895 г. [42], они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев — люди, которые не смели (раньше) показываться из дремучих лесов и (мест) защищенных деревьями и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, т. е. дротиков» [43].

В 584 г. склавины совершают нападение на Фессалонику. И хотя это нападение, как и последующие попытки славян захватить город, окончилось неудачей, тот факт, что славянский отряд в 5 тыс. человек, состоявший из «опытных в военном деле» людей и включавший в себя «весь избранный цвет славянских племен», решился на такое предприятие, сам по себе весьма показателен. Славяне «не напали бы на такой город, если бы не чувствовали своего превосходства в силе и отваге над всеми теми, кто когда-либо с ними сражался» [44],— прямо говорится в «Чудесах св. Димитрия» — замечательном агиографическом произведении этой эпохи, посвященном описанию «чудес», которые во время осад города славянами якобы творил его патрон — Димитрий, и содержащем важные исторические данные о славянах.

Перипетии славяно-аваро-византийской борьбы этого времени были весьма сложными. Как правило, авары выступали в союзе с паннонскими славянами. Иногда последние действовали самостоя-

тельно, но с санкции хакана. Не добившись подчинения нижнедунайских склавинов, аварский хакан претендовал, тем не менее, при случае, на то, чтобы Византия признавала за ним их земли. Так было, например, в 594 г., после похода императора против склавинов: хакан потребовал своей доли добычи, утверждая, что византийское войско вторглось в «его землю». Однако не только Византия рассматривала эти славянские земли как независимые, но даже приближенные Баяна считали его притязания на них «несправедливыми»[45]. Сам Баян, если ему это было выгодно, в своих взаимоотношениях с Византией также исходил из того, что склавины на нижнем Дунае были от него не зависимы: когда в 585 г. склавины по наущению хакана произвели вторжение во Фракию, прорвавшись даже через Длинные стены, мир между аварами и Византией официально не нарушался, и хакан получал от империи обусловленную дань, хотя его происки были известны константинопольскому двору[46].

Новое вторжение аваров и славян в пределы Византии последовало в конце 585—586 г., после того как император Маврикий отклонил требование хакана увеличить дань, выплачивавшуюся ему империей. Во время этого крупнейшего аваро-славянского нападения (осенью 586 г.) была предпринята еще одна попытка взять Фессалонику. Огромное славянское войско, захватив окрестные укрепления, приступило к осаде города. Подробное описание этой осады в «Чудесах св. Димитрия» показывает, насколько далеко вперед ушла к этому времени военная техника славян: они применяли осадные машины, тараны, камнеметательные орудия — все, что знало тогдашнее искусство осады городов.

В 587—588 гг., как об этом свидетельствуют источники, в частности анонимная «Монемвасийская хроника», составленная, вероятно, в IX в.[46а], славяне завладевают Фессалией, Эпиром, Аттикой, Эвбеей и водворяются в Пелопоннесе, где в течение последующих двухсот лет живут совершенно независимо, не подчиняясь византийскому императору.

Успешное наступление славян на Византию в конце 70-х — 80-е годы VI в. было в известной степени облегчено тем, что вплоть до 591 г. она вела тяжелую двадцатилетнюю войну с Персией. Но и после заключения мира, когда византийское войско было переведено с Востока в Европу, упорные попытки Маврикия оказать сопротивление дальнейшим славянским вторжениям (император даже берет сначала командование лично на себя — прецедент, который не имел места со времен Феодосия I) не дали сколько-нибудь существенных результатов.

Борьбу со славянами Маврикий решил перенести непосредственно в славянские земли на левом берегу Дуная. Весной 594 г. он отдал приказ своему полководцу Приску направиться к границе, чтобы воспрепятствовать переходам через нее славян. В Нижней Мезии Приск напал на славянского вождя Ардагаста, а затем подверг опустошению земли, находившиеся под его властью. Продвигаясь дальше, византийское войско вторглось во владения славянского вождя Мусокия; благодаря предательству перебежавшего от славян гепида Приску удалось захватить Мусокия в плен и разгра-

бить его страну. Желая закрепить достигнутые успехи, Маврикий распорядился, чтобы Приск зимовал на левом берегу Дуная. Но византийские солдаты, совсем недавно одержавшие победы над славянами, взбунтовались, заявляя, что «бесчисленные толпы варваров непобедимы» [47].

На следующий год Маврикий назначил главнокомандующим вместо Приска своего брата Петра. Однако новый поход принес еще меньше результатов. В то время как Маврикий предпринимал все усилия, чтобы перенести войну за Дунай, славяне продолжали свои нападения на имперские земли: в районе Маркианополя передовой отряд войска Петра столкнулся с 600 славянами, «везшими большую добычу, захваченную у ромеев» [48]. По приказанию Маврикия, Петр вообще должен был прекратить свой поход в славянские земли и оставаться во Фракии: стало известно, что «большие толпы славян готовят нападение на Византию» [49]. Петр выступил, не успев получить этого приказа, и, столкнувшись со славянским вождем Пирагастом, нанес ему поражение. При возвращении Петра в лагерь на него напали славяне и обратили византийское войско в бегство.

В 602 г., во время возобновившихся военных действий между Византией и аварами, Маврикий, стремясь обезопасить империю от вторжений славян, снова приказывает Петру двинуться в славянские земли. В свою очередь хакан отдает распоряжение своему военачальнику Апсиху «истребить племя антов, которые были союзниками ромеев» [50]. Получив этот приказ, часть войска хакана (по всей вероятности, славяне, не пожелавшие сражаться против своих соплеменников) перешла на сторону императора. Но поход против антов, все-таки, очевидно, состоялся и привел к разгрому этого славянского племени. Отныне анты навсегда исчезают со страниц византийских источников.

С наступлением осени Маврикий потребовал от Петра, чтобы он провел зиму в землях славян на левом берегу Дуная. И снова, как и в 594 г., византийские солдаты, сознавая всю бессмысленность борьбы с «бесчисленным множеством варваров, которые, как волны, заливали всю страну на той стороне Истра» [51], подняли мятеж. Двинувшись к Константинополю и овладев им, они свергли с престола Маврикия и провозгласили императором центуриона Фоку, наполовину варвара по своему происхождению.

Таков был бесславный результат попытки Византии осуществить активную борьбу против славян. Византийская армия, только что победоносно закончившая войну с Персией — сильнейшей державой того времени, оказалась бессильной закрыть дунайскую границу империи для славянских вторжений. Даже одерживая победы, солдаты не чувствовали себя победителями. Это не были сражения с правильно организованным войском, которые обычно вели византийские солдаты. На смену разбитым славянским отрядам немедленно появлялись новые. В славянской земле за Дунаем каждый житель был воином, врагом империи. На своей территории византийское войско, в силу самой системы его организации, также далеко не всегда могло рассчитывать на поддержку местного населения. Поскольку военные действия против славян велись обычно в теплое время года,

на зиму войско распускалось, и воины должны были сами заботиться о своем пропитании. «С наступлением поздней осени стратиг распустил свой лагерь и вернулся в Византию,— рассказывает Феофилакт Симокатта о походе 594 г.— Ромеи, не занятые военной службой, рассеялись по Фракии, добывая себе продовольствие по деревням» [52].

Византия хорошо понимала трудности борьбы против славян, необходимость применения в войне с ними особой тактики. Специальный раздел «Стратегикона» состоит из советов, как лучше осуществлять кратковременные набеги на их села, с какой осторожностью следует вступать в их земли; Псевдо-Маврикий рекомендует грабить славянские деревни и вывозить из них продовольственные запасы, распускать ложные слухи, подкупать князей и восстанавливать их друг против друга. «Так как у них (славян.— *Ред.*) много князей (ῥηγῶν),— пишет он,— и они между собой несогласны, то выгодно некоторых из них привлечь на свою сторону — либо посредством обещаний, либо богатыми подарками, в особенности тех, которые по соседству с нами» [53]. Однако по мере роста у славян сознания своей этнической целостности и единства целей, по мере их дальнейшего объединения эта политика приносит все меньше успеха. Юстиниану, как уже отмечалось, удалось отколоть антов от совместной борьбы славян против империи [54]. Лишившись поддержки своих соплеменников, анты, племена которых, по утверждению Прокопия, были «бесчисленны» [55], подверглись сначала опустошительным набегам, а затем разгрому со стороны аваров. Но уже в то время, к которому непосредственно относится сочинение Псевдо-Маврикия, можно видеть, что вожди отдельных славянских племен, невзирая на опасность, идут на выручку друг другу. Когда в 594 г. византийское войско разбило Ардагаста, Мусокий без промедления выделил для переправы его людей целую флотилию лодок-однодеревок и гребцов. И, хотя в источниках прямо об этом не говорится, именно славянские воины отказались, по-видимому, участвовать в 602 г. в походе аварского хакана против антов.

Гражданская война, разразившаяся в Византийской империи после свержения императора Маврикия, и вновь начавшаяся война с Персией позволили славянам повести в первой четверти VII в. наступление самого большого размаха. Сфера их вторжений значительно расширяется. Они обзаводятся флотом из лодок-однодеревок и организуют морские экспедиции. Георгий Писида сообщает о славянских разбоях на Эгейском море в первые годы VII в., а анонимный автор «Чудес св. Димитрия» рассказывает, что славяне «подвергли опустошению с моря всю Фессалию, прилегающие к ней острова, Элладу, Кикладские острова, всю Ахайю и Эпир, бóльшую часть Иллирика и часть Азии» [56]. Почувствовав свою силу на море, славяне снова предпринимают в 616 г. попытку взять Фессалонику, окружив ее с суши и с моря. Осада Фессалоники осуществляется на этот раз племенами, уже прочно заселившими территорию Македонии и прилегавших к ней византийских областей: автор «Чудес св. Димитрия» отмечает, что славяне подошли к городу со своими семьями и «хотели после захвата города поселить их там» [57].

СВ. ДИМИТРИЙ С ОСНОВАТЕЛЕМ ХРАМА.

Мозаика базилики св. Димитрия в Фессалонике. Середина VII в.

Во время осады, как и в других морских предприятиях этого периода, против империи выступает большой союз славянских племен, включающий драгувитов, сагудатов, велейезитов, ваюнитов, верзитов и других; во главе осаждавших Фессалонику славян стоит их общий вождь — Хацон.

После гибели Хацона славяне вынуждены были снять осаду Фессалоники. Но через два года, заручившись поддержкой аварского хакана, македонские славяне совместно с приведенным хаканом войском (значительную часть которого составляли славяне, находившиеся под его верховной властью) снова подвергли город осаде, которая длилась в течение целого месяца.

Общая картина, создавшаяся в империи к этому времени в результате славянских вторжений и освоения ими византийских земель, достаточно четко вырисовывается из той мотивировки, с которой славяне обратились к аварскому хакану, прося его оказать им помощь в овладении Фессалоникой: «Не должно быть тому,— говорили славянские послы,— чтобы тогда, когда опустошены все города и области, один этот город оставался цел и принимал к себе беглецов из Подунавья, Паннонии, Дакии, Дардании и других областей и городов» [58].

Тяжелое положение Византии было хорошо известно и на Западе: папа Григорий I в 600 г. писал, что его очень тревожат угрожающие грекам славяне; особенно беспокоило его то обстоятельство, что они через Истрию начали уже подступать к Италии [59]. Епископ Севильский Исидор в своей хронике отмечает, что «на пятом году правления императора Ираклия славяне отняли у римлян Грецию» [60]. По сообщению яковитского писателя VII в. Фомы Пресвитера, в 623 г. славяне напали на Крит и другие острова [61]; Павел Диакон говорит о нападениях славян в 642 г. на Южную Италию [62].

Наконец, в 626 г. авары и славяне вступают в союз с персами и предпринимают осаду Константинополя. Город был осажден с суши и с моря. Для штурма стен византийской столицы было стянуто множество осадных орудий. Бесчисленные славянские ладьи-однодеревки, прибывшие с Дуная, вошли в залив Золотой Рог. Однако исход этой осады определило превосходство Византии на море. После гибели славянского флота аваро-славянское войско потерпело поражение на суше и вынуждено было отступить от Константинополя.

Осады Константинополя и Фессалоники, нападения на приморские византийские города и острова производили в первую очередь славяне, прочно расселившиеся на территории империи. Наиболее густо они заселили Македонию и Фракию. К западу от Фессалоники (до города Верров), а также по реке Вардару и в Родопах обосновались драгувиты. К западу же от Фессалоники, а также на Халкидике и во Фракии осели сагудаты. По верхнему течению Быстрицы поселились ваюниты. К северо-востоку от Фессалоники, по реке Месте, жили смоляне. На реке Стримоне (Струме), по нижнему и среднему ее течению, простирались, доходя на западе до оз. Лангазы, поселения стримонцев (струмян); на землях, прилегающих к Фессалонике с востока, в Халкидике, обосновались ринхины. В районе Охрида ис-

точники указывают местожительство верзитов. В Фессалии, на побережье вокруг Фив и Димитриады, поселились велейезиты (вельзиты). В Пелопоннесе склоны Тайгета заняли милинги и езериты. На территории Мезии осели неизвестные по имени семь славянских племен. Неизвестные поименно славянские племена расселились также, как показывают нарративные и топонимические данные, и в других областях Греции и Пелопоннеса. Многочисленные славянские поселенцы появились в VII в. в Малой Азии, особенно в Вифинии.

Самый факт массового характера заселения славянами в конце VI и в VII столетиях Македонии и Фракии, а также и других, более отдаленных областей Византийской империи — Фессалии, Эпира, Пелопоннеса, в настоящее время не вызывает сколько-нибудь серьезных возражений. Многочисленные и неоспоримые свидетельства письменных источников, а также топонимические и археологические данные не оставляют здесь сомнений. Лингвистические исследования показывают, что даже на самом юге Балканского полуострова — в Пелопоннесе — насчитывалось несколько сотен наименований местностей славянского происхождения [63]. Автор большой работы о византийском Пелопоннесе А. Бон отмечает, что данные топонимики свидетельствуют о преобладании в отдельных частях Пелопоннеса славянского населения [64]. П. Лемерль, перу которого принадлежит фундаментальный труд о Восточной Македонии, констатирует, что «Македония в VII—VIII вв. была более славянской, чем греческой» [65]. Отвергая попытку Д. Георгакаса снова подвергнуть изучению слово σκλάβος и трактовать ἐσθλαβώθη в знаменитой фразе Константина Багрянородного: ἐσθλαβώθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος («ославянилась вся страна и сделалась варварской») [66] как ἐσκλαβώθη, т. е. «была обращена в рабство» [67], П. Лемерль остроумно спрашивает, кто же, если не славяне, были, в таком случае, господами этих рабов? [68] Термин σκλάβος, как окончательно установил Ф. Дэльгер, мог быть в это время только этниконом [69].

Поселение свободных славян-общинников на территории Византии укрепило местные сельские общины, усилило вес мелкой свободной собственности, ускорило изживание рабовладельческих форм эксплуатации. Уже во время своих вторжений, подвергая разграблению и разрушению византийские города — центры рабовладельческой экономики и главный оплот рабовладельческой системы Византийского государства, — громя дворцы и поместья знати, истребляя и целыми семьями уводя в плен многих ее представителей, славяне содействовали переходу подневольного населения империи — рабов и колонов — на положение свободных крестьян и ремесленников. С окончанием вторжений и сопутствовавшего им разорения городов, сел, полей новые поселенцы во многом способствуют повышению жизнестойкости Византии, значительно увеличивая производительный земледельческий слой населения Византийской империи. Славяне — исконные земледельцы — продолжают заниматься землепашеством и в заселенных ими имперских районах: в «Чудесах св. Димитрия» рассказывается, что Фессалоника
 во время блокады ее в 675 и 676 гг. македонскими славянами закупа-

ла продовольствие у велейезитов, а драгувиты снабжали продуктами питания бывших пленников аварского хакана, переселившихся из Паннонии в Македонию (между 680—685 гг.) [70].

Славянское земледельческое население пополняет ряды основной массы византийских налогоплательщиков, дает боеспособные кадры для византийской армии. В византийских источниках имеются совершенно определенные указания на то, что главной заботой империи по отношению к славянам было обеспечить исправное поступление налогов и выполнение воинской повинности. Известно также, что из славян, которых Юстиниан II переселил из Македонии в Малую Азию, он сформировал целое войско, численностью в 30 тыс. человек.

Однако далеко не сразу и не повсюду Византии удалось превратить новых поселенцев в покорных подданных. Начиная с середины VII в., византийское правительство ведет против них длительную борьбу, стремясь добиться признания своей верховной власти — уплаты налогов и поставки военных отрядов. Особенно много усилий империи пришлось употребить для покорения славянского населения Македонии и Пелопоннеса, где образовались целые области, сплошь заселенные славянами и прямо называемые в источниках «Склавиниями». В Пелопоннесе такая «Склавиния» возникла в районе Монемвасии, в Македонии — в районе Фессалоники. В 658 г. император Констант II вынужден был совершить в македонскую «Склавинию» поход, в результате которого часть славян, живших там, была подчинена.

Однако уже через каких-нибудь два десятилетия после похода Константа II македонские славяне вновь выступают против империи. Автор «Чудес св. Димитрия» рассказывает, что славяне, поселившиеся близ Фессалоники, соблюдали мир лишь для видимости, а вождь ринхинов Первуд имел против города злые намерения. Получив сообщение об этом, император приказал схватить Первуда. Находившийся в это время в Фессалонике вождь ринхинов был арестован и доставлен в Константинополь. Узнав об участи Первуда, ринхины и стримонцы потребовали его освобождения. Император, занятый войной с арабами, и, по-видимому, опасавшийся выступления славян, в то же время не решался немедленно освободить Первуда. Он дал обещание вернуть ринхинского вождя по окончании войны. Однако Первуд, не доверяя грекам, попытался совершить побег. Попытка оказалась неудачной, Первуд был пойман и казнен. Тогда ринхины, стримонцы и сагудаты выступили против империи объединенными силами. В течение двух лет (675—676 гг.) они подвергали Фессалонику блокаде: стримонцы действовали в районах, прилегающих к городу с восточной и северной стороны, а ринхины и сагудаты — с западной и в приморье. В 677 г. славяне осадили Фессалонику, причем по неизвестной причине стримонцы отказались участвовать в этом предприятии, драгувиты же, наоборот, присоединились к осаждавшим. Вместе с сагудатами они подступили к Фессалонике с суши, а ринхины — с моря. Потеряв при осаде многих своих вождей, славяне вынуждены были отступить. Однако они продолжали нападать на византийские селения, а осенью того же 677 г. вновь

ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VII В.

Византия и славяне в первой половине и середине VI в.

Византия и славяне в конце VI — начале VII в.

Византия и славяне во второй половине VII в.

- Границы Византии к 565 г
- Границы Византии к концу 620-х гг
- Границы Византии к концу VII в
- Вторжения славян
- Земли, заселенные славянами
- Аваро-славянские вторжения
- Походы византийцев против славян
- 614 Осады городов с указанием дат
- Границы Болгарии к концу VII в
- Набеги кутригуров

100 0 100 200 км

осадили Фессалонику, но вторично потерпели неудачу. Спустя три года ринхины, на этот раз снова в союзе со стримонцами, пускаются в морской разбой по Геллеспонту и Пропонтиде. Они организуют нападения на византийские суда, следующие с продовольствием в Константинополь, совершают набеги на острова, увозя с собой добычу и пленников. Император вынужден был, наконец, выслать против них войско, направив главный удар против стримонцев. Последние, заняв теснины и укрепленные места, призвали на помощь других славянских вождей. Дальнейший ход войны не совсем ясен; по-видимому, после сражения, происшедшего между византийским войском и македонскими славянами, была достигнута договоренность и установлены мирные отношения.

Но вскоре македонские славяне опять взбунтовались. В 687—688 гг. император Юстиниан II был поставлен перед необходимостью снова совершить поход в македонскую «Склавинию», чтобы привести живших там славян к подчинению Византии.

Еще менее успешными оказались старания империи удержать за собой заселенные славянами северные балканские провинции Первой отпала от Византии Мезия, где сложился союз «семи славянских племен» — постоянное племенное объединение. Появившиеся в Мезии протоболгары Аспаруха подчинили входившие в этот союз славянские племена, и в дальнейшем они составили ядро образовавшегося в 681 г. Болгарского государства.

Славянские племена, которые византийскому правительству удалось удержать под своей властью, долго продолжали борьбу за свою независимость. В последующие столетия Византийской империи пришлось приложить немало усилий для того, чтобы превратить расселившихся в ее пределах славян в своих подданных.

Глава
16

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI—VII В.

Политика Юстиниана I вызвала крайнее напряжение сил всей страны: бесчисленные заморские походы, оживленное строительство, расширение бюрократического аппарата, пышность дворца — все это требовало новых и новых налогов. Пытаясь поддержать здание деспотической рабовладельческой монархии, Юстиниан в действительности подорвал ее экономические основы: сельское хозяйство пришло в упадок, ремесло и торговля испытали серию тяжких ударов. Давно подготовлявшийся развал империи отчетливо проявился при ближайших преемниках Юстиниана.

Империя была не в состоянии сопротивляться натиску восточных и западных соседей. Уже в 568 г. в Италию вторглись лангобарды, и в течение короткого времени в их руки перешла значительная часть Апеннинского полуострова. Под властью Византии остались лишь Равенна с прилегающей областью, Южная Италия и Сицилия. В Испании в наступление перешли вестготы: в 584 г. им удалось занять важнейший опорный пункт византийцев — Кордову.

На восточных границах Юстиниан оставил своим преемникам тяжелую задачу — войну с могущественным Персидским царством. Яблоком раздора продолжала оставаться Армения, сохранить которую было необходимо для Византии по многим причинам: Армения являлась важным металлургическим центром, через эту страну проходили торговые пути, наконец, население Армении поставляло первоклассные воинские контингенты в византийскую армию.

В 573 г. Хосров I Аноширван (531—579) разбил византийцев у стен Нисибиса, а затем после упорной осады занял крепость Дару.

Сирийская легенда рассказывает, что взятые в плен девушки Дары были отправлены в подарок союзникам персов — туркоманам, но предпочли смерть позору: недалеко от туркоманских владений они все утопились в быстрой реке.

В дальнейшем, впрочем, борьба шла с переменным успехом, и византийцы сумели нанести персам несколько поражений. При этом Византия воспользовалась внутренними смутами в державе Сасанидов, ослаблявшими ее исконного противника. В правление шаха Хормизда IV (579—590) представители высшей военной знати и жречества, оправившись от ударов, нанесенных им во время маздакитского движения, вновь подняли голову и под руководством энергичного вождя Бахрама Чубина (Варама) пытались овладеть властью. Они убили Хормизда IV и захватили в плен его сына, будущего шаха Хосрова II Парвеза (590—628). Находясь на краю гибели, наследник престола обратился за помощью к византийскому императору Маврикию и был восстановлен на троне при поддержке византийских войск. Однако помощь Византии была куплена дорогой ценой. В 591 г. был подписан мирный договор, согласно которому Византия получала бóльшую часть Персидской Армении до озера Ван [1].

Однако относительная и временная стабилизация на восточных границах в конце VI в. совпала с обострением ситуации на Балканском полуострове. При преемниках Юстиниана все более учащаются славянские вторжения, а попытка натравить на славян аварские племена оказалась бесплодной. Очень скоро аварский хакан перестал играть роль простого исполнителя императорской политики и, объединившись со славянами, возомнил себя хозяином на Балканах. После двухлетней осады авары заняли Сирмий, и византийцы были вынуждены примириться с потерей этой важной крепости на Дунае. Вслед за тем хакан потребовал, чтобы император прислал ему слона и золотую кровать, но золотая кровать не понравилась варвару и он отослал ее обратно в Константинополь. Эти требования аваров показывают, насколько уверенно они чувствовали себя в отнятых у Византии владениях.

Первые преемники Юстиниана — Юстин II (565—578) и Тиверий Константин (578—582) — покорно плыли по течению событий, не пытаясь даже приостановить приближающийся развал государства [2]. Сложение недоимок, торжественное осуждение продажи должностей, робкие попытки примирить православных и монофиситов — все это было лишь слабыми паллиативами в условиях, когда пышный двор, строительство, щедрые раздачи солдатам и дорогостоящие подарки вождям соседних племен подрывали финансы империи [3].

Некоторые попытки реформ были предприняты только при Маврикии (582—602) [4]. Новый император происходил из знатной каппадокийской семьи. При Тиверии он сперва командовал гвардейскими частями, а затем успешно возглавлял военные действия против персов. Он женился на старшей дочери Тиверия и был венчан на царство еще при жизни тяжело больного императора.

Маврикий стремился опереться преимущественно на провинциальную аристократию и готов был даже пойти на ослабление центрального административного аппарата. Он начал с того, что вы-

звал из Каппадокии своих многочисленных родственников и щедро оделил их должностями и имуществом. В 597 г. Маврикий составил завещание, согласно которому империя после его смерти должна быть поделена между его сыновьями: один получал Константинополь и восточные провинции, другой — Рим и западные острова, двое младших сыновей должны были, по-видимому, поделить Иллирик и Северную Африку [5]. Завещание это так и не вступило в силу, однако оно свидетельствует о наличии в Византии сильных тенденций к децентрализации: оно было признанием невозможности удержать в целостности единую средиземноморскую державу, воссоздать которую так стремился Юстиниан [6].

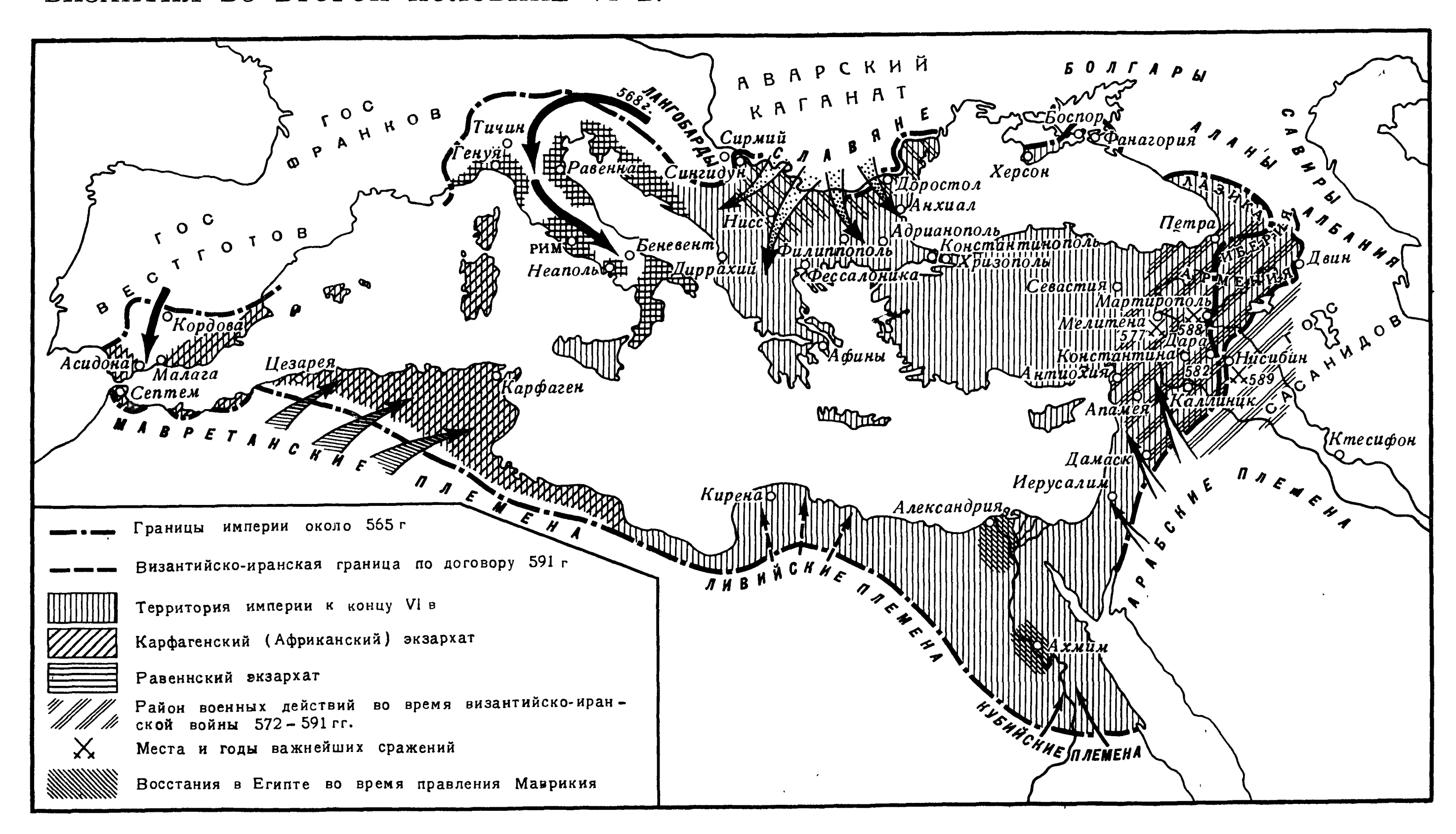
Завещание Маврикия было теоретической программой децентрализации — практическими шагами в этом направлении явилось создание экзархатов. Равеннский экзархат возник уже к 584 г., Карфагенский упоминается впервые в 591 г. Оба они представляли собой фактически полунезависимые области, в которых наместник (экзарх) возглавлял как военные силы, так и гражданскую администрацию. Иными словами, создание экзархатов нарушало основной принцип диоклетиановой административной системы, видоизменить которую пытался еще Юстиниан I: строгое разделение властей. Экзарх становился полномочным правителем своей области.

Маврикию пришлось пойти на известное сокращение расходов: были уменьшены суммы, отпускавшиеся на военные нужды, отменены многочисленные празднества, которые торжественно справлялись при предшествующих императорах. По словам антиохийца Евагрия, посетившего столицу в 588 г., Маврикий был прост и нетребователен в быту, не любил пышных приемов, избегал роскошных трапез. Противники насмешливо называли его скупцом.

Сторонник Маврикия историк Феофилакт Симокатта сообщает, что этот император заигрывал с высшей знатью и интеллигенцией столицы. Он искал славы щедрого мецената — покровителя наук и искусств. Растущее недовольство народных масс заставило Маврикия пойти на некоторые серьезные уступки в налоговой политике. У Феофилакта Симокатты встречается упоминание о том, что Маврикий осуществил значительное снижение податей — на $^1/_3$ [7]. Одновременно он заботился о благоустройстве городов, в первую очередь столицы, даровав из казны жителям Константинополя 30 талантов золота для ремонта водопроводов [8]. Если эти сообщения верны, в них также можно видеть признак постепенного отхода Маврикия от финансовой политики Юстиниана.

Однако все уступки правительства Маврикия как знати, так и широким массам населения не принесли желанного умиротворения в стране. Деспотический Юстинианов режим дал заметные трещины. Вновь усиливается значение совета знати (синклит); партии цирка опять начинают активно вмешиваться в политическую жизнь [9]. Все те силы, которые вынуждены были молчать при Юстиниане, теперь поднимают голову; Маврикия критикуют и справа, и слева — кто за самые попытки преобразований, кто за непоследовательность этих попыток, и все вместе — за тяжелое внешнеполитическое и внутреннее положение страны, унаследованное его правительством.

ВИЗАНТИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI В.

В конце VI — начале VII в. в империи заметен новый подъем народных движений. Постоянные волнения вспыхивали в провинциях, особенно в восточных. Наиболее опасное для правительства восстание произошло в Египте, где к восставшим крестьянам, колонам и беглым рабам присоединились моряки Нильской флотилии. Вождь восстания Исаак проявил незаурядную энергию, создав вооруженные отряды повстанцев, которые совершили даже нападение на остров Кипр.

Почти одновременно в другой части Египта некто Азария встал во главе широкого крестьянского движения. Для подавления народных волнений в Египте византийское правительство принуждено было стянуть войска не только из Александрии и всего Египта, но из Нубии [10].

Вновь подняли голову и городские димы,— как в Константинополе, так и в других городах империи [11].

Ареной народных выступлений вскоре стала и сама столица. Однажды Маврикий вместе с сыном Феодосием участвовал в какой-то умилостивительной процессии. Внезапно кто-то бросил камень в императора, затем полетели и другие. Преемник Юстиниана должен был позорно бежать и искать пристанища в соседней церкви, его сына придворные спрятали под плащом и увели прочь. Тем временем толпа, «желавшая государственного переворота», бушевала на улицах столицы: какого-то человека, похожего на Маврикия, посадили на осла и возили по всему городу; повсюду можно было слышать самые грубые шутки в адрес императора [12].

Непосредственным поводом для этого выступления константинопольских масс явилась нехватка хлеба в столице. Однако действительные причины недовольства Маврикием лежали глубже, и события 602 г. обнаружили в полной мере силу этого недовольства. Эти события подготовлялись уже давно.

Последние годы VI в. и начало VII в. отмечены непрерывной цепью восстаний в византийской армии [13]. По сообщению Феофилакта Симокатты, одной из их главных причин было издание Маврикием весной 588 г. закона об уменьшении на $^1/_4$ военной анноны, выдававшейся солдатам [14]. Кроме того, император постоянно требовал отправлять в Константинополь — для себя и своих детей — большую часть захваченной на войне добычи [15]. Непосредственным поводом к восстанию в армии в 602 г. был безрассудный приказ Маврикия солдатам дунайской армии, действовавшей против славян и аваров, перезимовать в славянской земле. Движимый скупостью, Маврикий рассчитывал таким способом избавить казну от дополнительных расходов, предполагая, что армия, находившаяся на Дунае, будет кормиться за счет грабежа чужеземной территории. Солдаты, однако, не подчинились: они отказались повиноваться приказам Маврикия и, изгнав своих командиров, подняли на щит одного из вождей мятежа — центуриона Фоку. Восставшие войска двинулись на Константинополь, захватывая по пути императорские табуны и стада частных лиц [16].

Известие о восстании дунайских легионов подтолкнуло к возмущению народ Константинополя. На улицы вышли обе цирковые пар-

ЦЕРКОВЬ СВ. ИРИНЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Вид с юго-востока

тии. Горели дворцы близких к Маврикию вельмож. Раздавались возгласы: «Пусть сорвут с того кожу, кто любит тебя, Маврикий!» Перепуганный государь, несмотря на морскую бурю, бежал на корабле и нашел временный приют на другом берегу Босфора. Но судьба его уже была решена: через несколько дней императором был провозглашен Фока, который торжественно въехал в столицу, разбрасывая народу золотые монеты. Вскоре после того он приказал казнить Маврикия, прежде обезглавив на глазах императора его сыновей [17].

Мы плохо осведомлены о внутренних преобразованиях правительства Фоки (602—610). Византийские историки, в частности Феофилакт Симокатта, наш основной источник о перевороте Фоки, относятся к новому правителю с нескрываемой ненавистью. Для Феофилакта Симокатты узурпатор Фока — не кто иной, как «свирепый тиран» и «кентавр», особенно опасный потому, что он был посажен на престол солдатами и взбунтовавшейся константинопольской

«чернью». Источников, более объективно освещающих правление Фоки, не сохранилось. Поэтому в оценке правления Фоки всегда остается много спорного и гипотетичного [18]. Тем не менее можно предположить, что Фока, придя к власти на гребне народного восстания, отнюдь не стал выразителем интересов народа. Конечно, по своему происхождению Фока принадлежал к народным низам, и весь его облик — он был человеком коренастым, низкорослым, рыжеволосым, с лицом, обезображенным старым шрамом,— постоянно напоминал об этом. Но, будучи выходцем из плебейской среды, он прекрасно нашел общий язык с виднейшими представителями столичной знати: на прежних постах были оставлены многие вельможи Маврикия, в том числе перешедшие на сторону Фоки Герман и Приск. Фока получил также поддержку римского папы Григория I, который закрывал глаза на казни и насилия узурпатора и усматривал в произведенном им перевороте «перст божий». В угоду папе Фока сменил равеннского экзарха и поставил на этот важный пост человека приятного Григорию I.

Вместе с тем в своей внутренней политике правительство Фоки с самого начала натолкнулось на непримиримую оппозицию рабовладельческой аристократии, синклита, крупных землевладельцев, высших чиновников и командиров армии. На сопротивление этой оппозиции Фока ответил жесточайшим террором, коснувшимся в первую очередь старой аристократии и сторонников свергнутой династии. По его приказу были казнены брат покойного императора, вдова Маврикия с дочерьми, один из лучших византийских полководцев Каментиол, патрикий Константин Лард, начальник арсенала Ельпидий, которому вырезали язык, выкололи глаза, отрубили руки и ноги и в таком виде бросили в лодку, которая была затем подожжена.

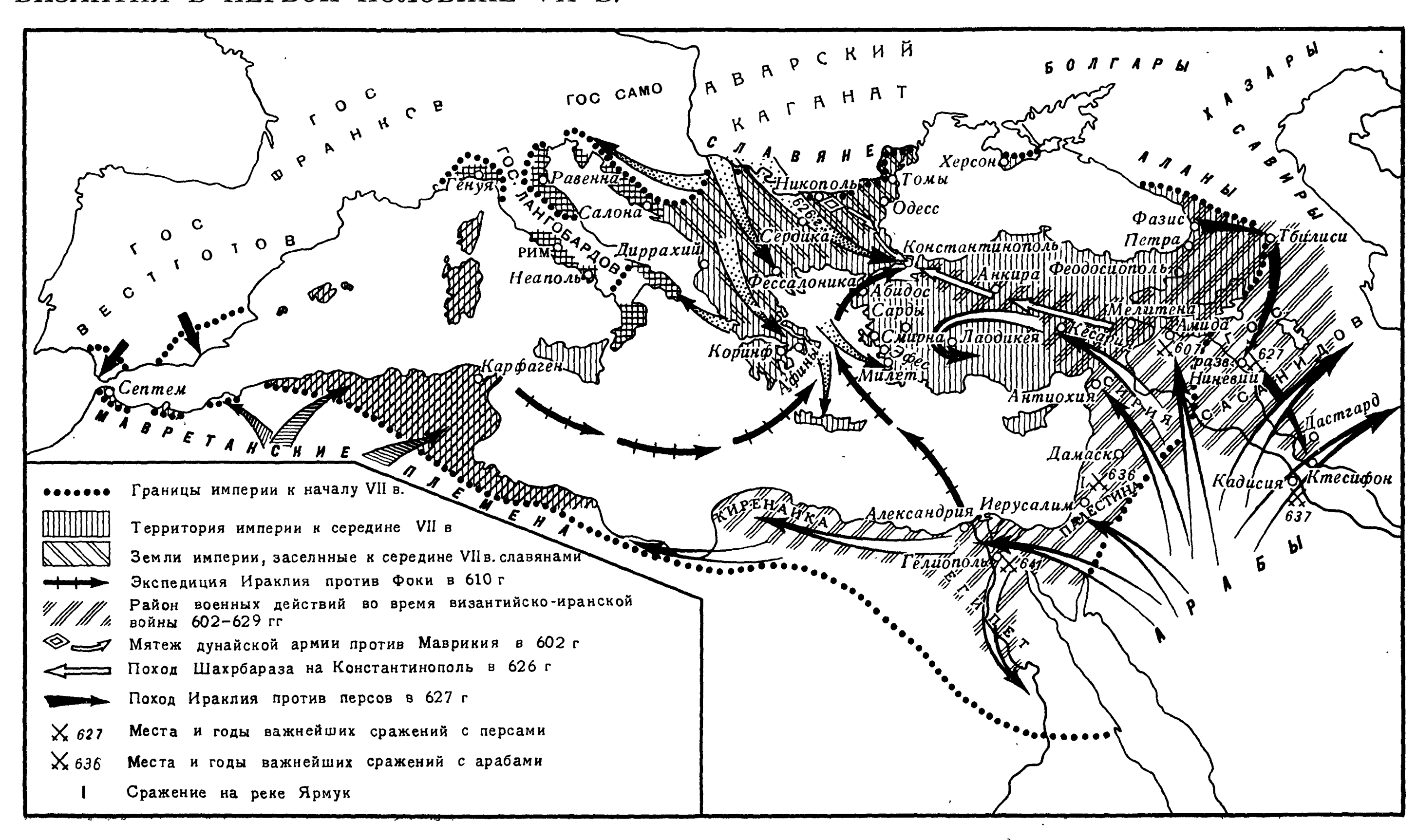
Террор Фоки коснулся не только высшей знати. Суровые репрессии были направлены против монофиситов и евреев, составлявших важнейшую часть торгово-ремесленного населения сирийских городов. В наиболее значительных из них — Антиохии и Лаодикии — вспыхнули движения димов, разгромленные войсками Фоки [19].

Таким образом, кровавый террор Фоки наносил удар как византийской вельможной знати, крупнейшим землевладельцам империи, так и богатейшим городам Востока. Землевладельческая аристократия на Востоке и раньше уступала по своему влиянию крупным земельным собственникам западной половины Римской империи; теперь ее позиции были еще более ослаблены. Города же, которые в VI в. еще составляли наиболее надежный оплот рабовладельческой империи, отныне все явственнее обнаруживают свою оппозиционность, все менее охотно несут свою долю тягот по обороне государства, все чаще открывают ворота перед чужеземными армиями.

Кроме того, Фока не сумел провести какие-либо социально-экономические реформы и тем самым обманул надежды народных масс, приведших его к власти.

В правление Фоки в стране по существу началась подлинная гражданская война, охватившая Киликию, Сирию, Палестину, Малую Азию и Египет [20]. Внутренние смуты сделали доступной дорогу в империю ее внешним врагам. Положение на границах ухудшается.

ВИЗАНТИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VII В.

Славяно-аварский натиск византийское правительство не могло уже остановить: Балканский полуостров был фактически открыт для вторжения северных соседей. Значительно более напряженной стала ситуация и на восточной границе.

Как уже известно, Маврикию удалось стабилизировать отношения с Персией и в 591 г. подписать выгодный для Византии договор. На протяжении целого десятилетия персы не нарушали мира, и восточные пределы империи пользовались столь необычным для них покоем. Однако к началу VII в. шах Хосров II Парвез укрепился на престоле, подавил оппозицию знати и жречества и вновь стал готовиться к войне с Византией. Переворот 602 г. и жестокая расправа с покровителем Хосрова II Маврикием давали персидскому шаху первоклассный повод для вмешательства в византийские дела в качестве защитника справедливости. И Хосров II немедленно воспользовался представившимся ему поводом.

Особенно благоприятствовало намерениям персов то обстоятельство, что старший сын Маврикия Феодосий был предан казни вне столицы и в Константинополе усиленно распространялись слухи, будто ему удалось избежать плахи. При дворе Хосрова II появился самозванец, выдававший себя за Феодосия; по приказу шаха монофиситский патриарх венчал его на царство, и Лже-Феодосий отправился отвоевывать престол своего мнимого отца. Силы сторон сосредоточились вокруг многострадальной крепости Дары: несмотря на упорное сопротивление гарнизона и прибытие подкреплений, византийцы не смогли удержать этот опорный пункт, и городом овладел Хосров II. Стены Дары срыли, и крепость перестала существовать.

После взятия Дары персидские войска устремились в Армению и Малую Азию. Эдесса, Феодосиополь, Кесария Каппадокийская оказались под властью Хосрова, а один из его полководцев совершил успешный набег на Халкидон: персидские войска были остановлены у Босфора, напротив Константинополя.

Развал империи в конце VI — начале VII в. был закономерным следствием рабовладельческой реакции Юстиниана, пытавшегося спасти то, что уже не могло быть спасено. Ни старательное подштопывание старых дыр, предпринятое Маврикием, ни террор Фоки были не в состоянии излечить коренных пороков восточноримского общества. В то время как Запад, перешагнув через ставшие узкими рамки античной цивилизации, вступил на медленный и мучительный путь создания нового общества, Восток все еще судорожно цеплялся за старое: рабовладельческий муниципий, по-прежнему, оставался важной экономической ячейкой общества, а крестьянин, возделывающий почву,— бесправным подданным и налогоплательщиком; по-прежнему солдаты были наемниками, часто иноплеменниками и иноверцами, так что армия являлась чужеродным телом и источником беспокойства в государстве; по-прежнему власть осуществляли клевреты государя, положение которых определялось исключительно его милостью, а главная функция состояла в его восхвалении. Проблема, разрешавшаяся на Западе благодаря варварскому вторжению и коренной ломке государственного аппарата, еще стояла перед Восточной империей: это был вопрос о том, смогут ли здесь оформить-

ся классы феодального общества — крестьянство, на одной стороне, и рыцари-землевладельцы — на другой? Удастся ли упростить этот колоссальный бюрократический аппарат, стараниями многих императоров — от Диоклетиана до Юстиниана — превратившийся в подобие самостоятельной силы, живущей собственными интересами?

Реакция против режима Фоки пришла с Запада, из Карфагенского экзархата. В 608 г. экзарх Карфагена Ираклий отказался прислать в столицу хлеб, который он до того регулярно отправлял сюда. Самую активную поддержку Ираклию оказали варварские племена маврусиев во главе со своим вождем Бонакисом. Соединенные войска под командованием Бонакиса и племянника Ираклия Никиты вторглись в Пентаполь, а затем и в Египет. Блестящая победа была одержана сторонниками Ираклия у канала, называвшегося Дракон, после чего немедленно восстало население Александрии: статуя Фоки была низвергнута, виднейшие его сторонники убиты, народ овладел дворцом префекта и казной. Вскоре Никите удалось оттеснить из Египта верные Фоке войска. Если верить Иоанну Никиусскому, он на три года освободил население Египта от податей, и это способствовало водворению спокойствия в измученной налогами стране.

Тем временем сын карфагенского экзарха, носивший, как и отец, имя Ираклия, с большим флотом двинулся к Константинополю. Фока в полной растерянности следил, как африканские корабли с изображением богородицы на реях занимали острова Эгейского моря и прибрежные города. В сентябре 610 г. Ираклий Младший высадился в Авидосе, в непосредственной близости от столицы, в октябре его корабли встали в Пропонтиде [21].

Сопротивление было недолгим. Димоты из партии зеленых распустили цепь, прикрывавшую вход в Золотой Рог, и дали возможность кораблям Ираклия проникнуть туда. Фока искал спасения в храме, но был разыскан в ту же ночь и в жалком рубище доставлен к Ираклию. 5 октября 610 г. он был казнен, и вместе с ним нашли смерть несколько преданных его сторонников. В тот же день патриарх Сергий (610—638) провозгласил Ираклия Младшего императором.

Ираклий (610—641) застал государство в незавидном состоянии. Страна была охвачена глубочайшей хозяйственной разрухой. Государственный аппарат окончательно превратился в паразитическую силу: своекорыстные чиновники заботились только о собственном обогащении. Средств для содержания наемной армии не было. О бессилии государственных органов свидетельствует следующий эпизод, передаваемый поздним хронистом Никифором. Некто Вутилин был крупным земельным собственником, владевшим обширными имениями поблизости от Константинополя. Он располагал собственной дружиной и нередко нападал на окрестных землевладельцев. Случилось так, что в одном из таких столкновений погиб сын какой-то вдовы. С окровавленной одеждой в руках несчастная мать кинулась к Ираклию, прося отомстить за обиду. Однако прямо привлечь Вутилина к суду император не мог: ему пришлось ждать, пока убийцу не заметили случайно в толпе на ипподроме. Вутилин был арестован и затем выдан вдове, чтобы она расправилась с ним по собственному усмотрению.

Первые годы правления Ираклия омрачались внешнеполитическими неудачами. Вся Фракия до константинопольских стен была опустошена славянскими набегами. Фессалоника с трудом выдерживала осаду объединенных аварских и славянских отрядов. Около 614 г. была взята и разрушена Салона и славяне утвердились в Далмации. Кроме некоторых приморских центров, почти весь Балканский полуостров оказался в руках славян [22].

Не менее опасным было положение на Востоке. В нарушение позднеримских традиций Ираклий сам возглавил войска, выступившие против персов. Однако действия императора не спасли положения: разбитый под Антиохией, он был вынужден очистить затем Киликийские ворота, и персы заняли Тарс. Одновременно персидская армия овладела Дамаском, а в 614 г., после трехнедельной осады, заняла Иерусалим. Персы вывезли из города христианские святыни, угнали ремесленников. Вновь, как и при Фоке, персидским полчищам удалось беспрепятственно пересечь Малую Азию и выйти к Босфору. Ираклий на лодке отправился к персидскому военачальнику Шахину и умолял его ходатайствовать перед Хосровом II о заключении мира. От лица синклита направлено было составленное в самых униженных выражениях письмо с просьбой принять византийских послов: «Мы молим Ваше величество,— гласило это послание, сохраненное в Пасхальной Хронике,— принять их как подобает и в скором времени отослать их к нам с миром, любезным богу и приятным Вашему величеству». Но эти мольбы не были услышаны Хосровом II, мечтавшим не о мире, а о полном покорении Византии.

В 619 г. началось персидское вторжение в Египет. Наместник Ираклия Никита и александрийский патриарх бежали из осажденной Александрии. Население некоторое время выдерживало осаду, но персидским воинам удалось проникнуть в город на рыбачьих челнах и перебить стражу. Потеря Египта была тяжелым ударом для правительства Ираклия: Византийское государство лишилось важнейшей житницы.

Итак, персы овладели Египтом, Сирией и Киликией, славяне и авары — Балканским полуостровом. Одновременно с этим вестготы заняли последние византийские центры в Испании. В Италии Равеннскому экзарху приходилось вести тяжелую войну с лангобардами; к тому же время от времени в Равенне вспыхивали бунты, целью участников которых было добиться отделения этой области от империи.

Экономическое положение Византии с каждым годом ухудшалось. Ираклию пришлось значительно снизить жалование чиновникам. В Константинополе прекращены были раздачи хлеба. Ираклий даже задумал оставить берега Босфора и возвратиться в родной Карфаген: царские сокровища были погружены на суда и отправлены в Африку, но так и не достигли Карфагена — буря у африканских берегов покончила с эскадрой, и сокровища императора нашли покой на морском дне. Недовольство населения Константинополя и энергичное сопротивление патриарха Сергия не позволили Ираклию осуществить свой план перенесения столицы империи в Северную Африку. Но сам этот план является ярким свидетельством крайне тяжелого поло-

жения Византийского государства. В таких трудных условиях Ираклий, показав себя сильным правителем, не падающим духом в минуту грозной опасности, нашел возможность возродить боеспособную армию, опираясь главным образом на военные контингенты, набранные в Малой Азии, где началась реформа административного устройства, выразившаяся в создании малоазийских фем (во главе со стратигом) [23].

Не в силах еще бороться на два фронта, Ираклий в 619 г. заключает мир с аварским хаканом для того, чтобы перебросить воинские контингенты в Азию. Именно в это время Ираклий завершает проведение важной военной реформы. В византийской армии не только необычайно возрастает значение кавалерии, столь необходимой в борьбе с восточными народами, но Ираклий придает большое значение и стрелкам из лука, и легковооруженным отрядам лучников [24]. Реформа армии позволила Ираклию в 622 г. перейти в наступление против персов. Вскоре соотношение сил меняется коренным образом: теперь персы терпят поражение, а византийские войска освобождают Малую Азию и затем вторгаются во внутренние области Персидского государства.

После тщательной подготовки армии Ираклий во главе своих войск двинулся в Армению. Персидский отряд, находившийся в Киликии, пытался задержать продвижение Ираклия, угрожая занять малоазийские области, но когда император пренебрег этими угрозами, персы последовали за ним, «словно пес на цепи»,— как говорит Георгий Писида, прославляющий победу византийского оружия [25]. Сражение, разразившееся в начале 623 г., закончилось разгромом персидского отряда.

Во время весеннего похода 623 г. Ираклий снова вторгся в Армению, занял Двин и разрушил Ганзак, один из важнейших религиозных центров зороастризма. Впрочем, походы ближайших лет не принесли византийцам решительных успехов, а в 626 г. персы предприняли серьезную контратаку.

Весной 626 г. персидское войско под командованием талантливого полководца Шахрвараза пересекло Малую Азию и достигло Босфора. Ставка Шахрвараза помещалась в Халкидоне, откуда можно было видеть византийскую столицу. По предварительной договоренности с персами, аварский хакан с огромным войском, состоявшим из славян, протоболгар, гепидов и аваров, также двинулся к Константинополю. Ираклий находился в это время в Лазике, готовя новый поход на персов, и управление столицей принадлежало регентам во главе с патриархом Сергием. Положение столицы особенно осложнялось нехваткой хлеба, однако попытка повысить на него цену вызвала возмущение горожан: толпа ворвалась в храм св. Софии и требовала снижения хлебных цен, а также наказания чиновников, ведавших продажей хлеба. Патриарху пришлось пойти на уступки.

Основные силы аварского хакана прибыли к Константинополю в конце июля. Осаждающие воздвигли 12 башен, с которых вели обстрел городских стен; были установлены также метательные орудия, во избежание поджога прикрытые сырыми кожами. Послы византийцев тщетно предлагали хакану выкуп — он требовал, чтобы жители

покинули город, захватив с собой лишь рубаху и плащ. «Вы ведь не можете,— надменно заявил он послам,— обратиться в рыб и искать спасения в море, ни в птиц, чтобы улететь в небо».

Штурм Константинополя начался 7 августа. Самоуверенность хакана была столь велика, что он начал атаку, не дожидаясь персидской помощи. Кроме того, он пытался атаковать город со стороны Золотого Рога, используя для штурма флотилию славянских ладей. Однако превосходство на море оставалось за византийцами, которые опрокинули и потопили славянские лодки. Разгневанный хакан в бешенстве приказал убивать тех своих моряков, которым удалось выбраться на берег.

После неудачи 7 августа он приказал отступать. Огромное пламя поднялось над аварским лагерем, где жгли осадные башни и метательные механизмы. На противоположном берегу Босфора персы радовались, полагая, что это горит взятый их союзниками Константинополь. Но скоро и им стал известен истинный исход штурма. Тогда Шахрвараз покинул Халкидон и ушел со своими войсками в Сирию.

Если персы искали против византийцев союза с аварами, то византийцы в свою очередь нашли против персов могущественного союзника — хазар. В 627 г. Ираклий вторгся в Персию, разгромил армию Хосрова II близ развалин Ниневии, занял резиденцию шаха Дастагерд. В обстановке успехов византийцев Хосров II обнаружил малодушие. При дворе сложился заговор знати, который возглавил один из сыновей шаха Кавад-Широе. В начале 628 г. Хосров II был арестован и казнен, а Кавад-Широе поспешил заключить с императором мирный договор, по которому Византии были возвращены Армения, Месопотамия, Сирия и Египет.

Оба противника, перед которыми еще недавно дрожала империя, оказались разгромленными. Аварская держава быстро рассыпалась на отдельные части: на западе из нее выделилось государство Само, в причерноморских степях сложился независимый племенной союз протоболгар во главе с Кувратом [26]. Иран раздирала религиозная вражда несториан и зороастрийцев, различные клики знати вели борьбу за власть. Ираклий выступал, с одной стороны, покровителем малолетнего сына Кавада-Широе, а, с другой,— поддерживал деньгами и войском Шахрвараза, которому удалось занять персидскую столицу Ктесифонт.

Казалось, Византия вновь вернула себе прежнее могущество. Что же могло быть причиной столь грандиозных успехов, одержанных византийской армией Ираклия?

Причины блестящих побед Ираклия надо искать как в постепенном укреплении внутреннего положения империи, так и в ослаблении обоих ее противников — сасанидского Ирана и Аварского хаканата.

В правление Ираклия началось осуществление важных социальных и административных преобразований, завершившихся лишь в конце VII в. В провинциях империи стали создаваться первые фемы, которые, подобно экзархатам, являлись военно-административными округами, где военная и гражданская власть осуществлялась одним лицом — стратигом; воины (стратиоты) все чаще стали полу-

чать наследственные наделы, и таким образом на смену наемной армии постепенно стало приходить местное ополчение, включавшее в свой состав и прежнее зависимое сельское население, и значительную массу славян и других народов, проникавших на территорию Византии; по инициативе Ираклия была осуществлена реформа военного дела. Наконец, начался процесс перестройки центрального аппарата, в частности преобразование финансового ведомства,— взамен единого финансового управления, возглавляемого префектом претория, начали вводить канцелярии нескольких логофетов, каждый из которых имел свой круг обязанностей [27].

Ираклий, ставленник провинциальной феодализирующейся знати, подобно Маврикию, был императором, постепенно отходившим от централизаторского, деспотического режима Юстиниана: система податных льгот, осуществленная в Египте, активное участие в боевых операциях, ограничение жалования чиновникам, прекращение хлебных раздач в Константинополе — все это знаменовало новые веяния. Однако и Ираклию, талантливому и энергичному правителю, не удалось полностью стабилизировать положение в империи. В этом отчасти надо искать причину военной катастрофы, которую Византия пережила в конце его правления. Но решающую роль все же сыграло то, что Византия столкнулась с новым, оказавшимся наиболее опасным из всех встречавшихся ранее, врагом — арабами.

В то самое время, когда Ираклий сумел поставить на колени еще недавно могущественную Персию, на юго-восточных границах империи произошло событие, имевшее огромное значение для дальнейших судеб всего средиземноморского мира: объединение арабов под религиозным знаменем новой религии — ислама. Едва только объединившись, арабы перешли в наступление на своих соседей: в 633 г. они вторглись в Персию, а в 634 г.— в принадлежавшую византийцам Сирию. Ее правитель Сергий был совершенно не подготовлен к сопротивлению: небольшой отряд самаритян, на который он мог опереться, не выдержал натиска, и арабы приступили к завоеванию сирийских городов. 20 августа 636 г. в битве на реке Ярмук было наголову разгромлено собранное императором 40-тысячное войско, после чего Ираклий потерял надежду оборонять Сирию. «Прощай, Сирия!» — воскликнул он, покидая Антиохию. В 638 г. Антиохия пала. Лишь отдельные крепости продолжали сопротивляться, и дольше других — Кесария Палестинская.

Вслед за тем арабы вторглись в Месопотамию. Эдесса, Карры и многие другие города сдались без боя. Лишь несколько крепостей не сразу перешли в руки завоевателей. В 640 г. арабы взяли самую мощную из армянских крепостей — Двин. Одновременно, в 641 г., началось вторжение арабов в Египет. Население этих областей, стонавшее под гнетом Византии, нередко встречало арабов как освободителей. Недаром в народе была распространена крылатая фраза: «Бог мести послал арабов, чтобы освободить нас от жестокости римлян».

Так к концу жизни Ираклия было потеряно все, завоеванное им. Его победы над Персидской державой были одержаны быстро, и не менее быстрым был и разгром византийских войск арабами.

Последние годы Ираклия были омрачены к тому же семейными неурядицами; брат императора Феодор был отстранен от командования войсками и заключен в темницу, резкие столкновения возникали между сыновьями Ираклия от первой и второй жен. Император умер 11 февраля 641 г., оставив государство в очень тяжелом положении.

Если сравнить положение Византии в 641 г. с ее состоянием в 565 г., после смерти Юстиниана I, легко увидеть, насколько более значительными были трудности, стоявшие перед правительством в середине VII в. Они заключались не только в том, что империя лишилась богатейших восточных провинций, которые она еще сохраняла при ближайших преемниках Юстиниана,— теперь восточным соседом Византии являлась не рыхлая, трещавшая по всем швам, хотя и воинственная Персидская монархия, но объединенный арабский мир, объявивший религиозную войну всему человечеству, не желавшему признавать ислам. Под ударами этого грозного завоевателя сдавалось одно государство за другим. Поэтому скорее можно удивляться не тому, что Византия принуждена была отступить перед силой воинственной арабской державы, а тому, что она все же устояла в этой борьбе, хотя и понесла тяжелые потери.

Египет признал власть арабов уже в 641 г., за ним последовал Пентаполь и Триполи. Попытка вернуть Александрию оказалась неудачной: летом 646 г. византийские войска снова покинули этот город. Арабский полководец Моавия в 647 г. занял Кесарию Каппадокийскую и ограбил Фригию. Не довольствуясь победами на суше, арабы начали строить военный флот и в течение нескольких лет создали корабли, которые могли соперничать с византийскими. В 654 г. они опустошили остров Родос и продали попутно седьмое чудо света — Колосс Родосский — купцу из Эдессы, который увез металл статуи солнечного бога на 900 верблюдах. На следующий год у ликийских берегов большая византийская эскадра потерпела сокрушительное поражение от арабов.

К концу правления Юстиниана Дунай по-прежнему еще оставался северной границей империи; в середине же VII в. весь Балканский полуостров практически находился в руках славян.

Беспокойно было и в западных владениях Византии. Карфагенский экзарх Григорий объявил себя императором, римский папа Мартин открыто выступал если не против константинопольского императора, то во всяком случае против патриарха. В VII в. Византия была охвачена новой волной религиозных споров, возрождавших — хотя и в другой форме — монофиситские дискуссии. Противники ортодоксии развивали учение о единой (божественной) воле у Иисуса Христа. Приверженцы этого учения стали называться монофелитами. Возникновение монофелитства явилось попыткой найти такую компромиссную догматическую формулу, которая смогла бы примирить монофиситов и сторонников Халкидонского собора. Согласно этой формуле, при наличии у Иисуса Христа двух естеств (δύο φύσεις), он обладал единой божественной волей (μόνου θέλεμα). Признание двух естеств Христа было уступкой халкидонцам, а догмат о его единой воле — компромиссом с монофиситами. Попытки примирения

халкидонцев и монофиситов находили приверженцев как в Константинополе, так в Сирии и Египте.

Не сумев силой подавить сепаратистское движение в восточных провинциях, связанное с монофиситством, византийское правительство принуждено было перед лицом арабской опасности искать путей примирения с монофиситами. Именно поэтому одним из создателей учения монофелитов явился константинопольский патриарх Сергий, опиравшийся на высшее духовенство и на поддержку императора Ираклия. В то же время в Сирии и Египте некоторые представители торгово-ремесленных кругов не желали порывать связей с империей, чтобы сохранить свое привилегированное положение среди местного коптского и сирийского населения. И для них монофелитство казалось удобной формулой примирения с Константинополем. Однако монофелитство вызвало протест и наиболее ярых ортодоксов, и непримиримых сторонников монофиситства [28].

Ираклий, как и его преемник Констант II (641—668), пытался сгладить противоречия между ортодоксами и монофелитами. На Латеранском соборе 649 г. западное духовенство осудило примирительные постановления Ираклия и Константа, назвав, впрочем, их авторами не государей, а столичных епископов.

И все-таки преемникам Ираклия удалось приостановить наступление арабов, начать подчинение Балканского полуострова и удержать византийские владения в Италии. Не только Ираклию, но и Константу II и его сыну Константину IV Погонату («обросший бородою») (668—685) была обязана Византия сохранением своей государственности и политической преемственности от Римской империи.

Правительству Константа II постоянно приходилось иметь дело со значительными трудностями (недовольство столичного населения, восстание в Африке, противодействие римского папы, наступление арабов), но тем не менее его правление отличают некоторые черты, предвещающие внешнеполитическую стабилизацию. В общем арабы за это время не продвинулись на запад; их успехи сводились к ограблению городов и деревень, после чего завоеватели отступали в занятые прежде области. Даже арабские войска, вторгшиеся в Карфагенский экзархат, удалились после получения обильного выкупа. В 659 г. Моавия заключил с византийцами мирный договор.

На Западе Констант пытался перейти к активным действиям. Правда, его военные операции против лангобардов, несмотря на первые удачи, не привели к каким-либо положительным результатам, но с сопротивлением папского престола он справился. Войска равеннского экзарха вступили в Рим, папа Мартин был арестован и отвезен в Константинополь. Обвиненный в государственной измене, он предстал перед синклитом и был приговорен к смерти, но Констант смягчил приговор: тяжело больного старика сослали в Херсон, остававшийся еще в руках Византии. Любопытны письма папы: они рисуют тяжелое экономическое положение этого отдаленного византийского города — Мартин жалуется на нехватку хлеба, который сюда, оказывается, привозили из Романии, т. е. из Византии, и просит прислать ему продукты и деньги. В 656 г. он умер в Херсоне. Новый папа, Виталиан, оказался более послушным, за что и получил

из Константинополя дорогой подарок: евангелие в золотом переплете, украшенном драгоценными камнями.

Констант II — впервые после Маврикия — попытался вмешаться в положение дел на Балканском полуострове. В 658 г. он выступил в поход против так называемых Склавиний, т. е. балканских областей, заселенных славянами. По сообщению хрониста Феофана, ему удалось многих взять в плен и подчинить. По-видимому, какая-то часть славян должна была в это время признать византийское господство.

Против славян действовал Констант и в районе Коринфа. Об этих его операциях мы ничего не знаем по нарративным памятникам, но сравнительно недавно в Коринфе был найден цоколь статуи, посвященной Константу: в посвятительной надписи император назван «Победителем». По-видимому, сооружение этой статуи было связано с освобождением города от осаждавших, а может быть даже захвативших его славянских племен [29].

Политическое положение внутри империи при императоре Константе II оставалось весьма напряженным.

Скудные источники не дают нам достаточно ясного ответа на вопрос о социальной опоре его правительства и о тех силах, которые ему противодействовали. Можно указать лишь на одно обстоятельство — разрыв Константа II с населением столицы. Внешним поводом для этого разрыва послужила расправа императора с его братом Феодосием, которого сперва посвятили в духовный сан, а затем предали казни. Убийство Феодосия вызвало в столице негодование, императора называли братоубийцей Каином, и он был вынужден в конце концов покинуть берега Босфора. Может быть, этот эпизод случаен, но он тем не менее вполне соответствует той тенденции, которую мы наблюдаем со времен Маврикия и Ираклия,— отказу от юстиниановских традиций.

Важным признаком ослабления юстиниановского деспотического режима явилась активизация синклита. В VI столетии он не играл никакой политической роли. Напротив, в тронной речи, написанной для юного Константа II, подчеркивалось значение синклита, который якобы не желает терпеть беззаконие в «Римском государстве»; император просил синклитиков быть и в дальнейшем его советниками и хранителями общего блага подданных [30].

Децентрализация государственного аппарата, внедрение фемной системы, замена наемной армии ополчением, уменьшение жалования столичным чиновникам, прекращение хлебных раздач — все крупные и мелкие перемены, происходившие в VII в., объективно вели к снижению политического значения столицы, а постепенная натурализация хозяйства не могла не отразиться на ее экономическом положении. Если население городов вообще неодобрительно относилось к политике византийских императоров, то население Константинополя должно было питать это недовольство с особенной силой.

Итак, в 663 г. Констант II покинул столицу. Отплывая из гавани, он, согласно преданию, плюнул в сторону Константинополя. Император уезжал для того, чтобы больше уже не возвращаться. Путь Константа лежал через Фессалонику и Афины в Италию, оттуда — в Сиракузы.

Выбор Сицилии и Южной Италии в качестве новой резиденции византийского императора не был случайным. С половины VII в. экономическое и политическое значение этих областей в жизни империи сильно возросло. Туда эмигрировало большое число беглецов — богатых купцов, ремесленников, представителей знати из византийских провинций, захваченных арабами. Греческий элемент в Южной Италии и Сицилии в связи с этим значительно окреп. Но возрастанию византийского влияния на юге Италии и в Сицилии противодействовал папский престол, имевший здесь огромные земельные владения и пользовавшийся финансовыми льготами.

Пребывание византийского двора в Италии легло тяжелым бременем на местное население, а надменность императора вызывала недовольство придворных. Все это создавало благоприятную почву для заговоров, которые завершились 15 сентября 668 г. убийством Константа. Мечтам Константа о возрождении Римской империи на Западе не суждено было сбыться. Вспыхнувший было мятеж византийской и армянской знати, принадлежавшей к непосредственному окружению императора, был быстро подавлен экзархом Равенны, а труп императора отправлен в Константинополь.

После смерти Константа II императором был провозглашен его сын Константин IV. Столица империи вновь была перенесена в Константинополь, что символизировало новые попытки укрепления централизации. Последняя соответствовала интересам константинопольской чиновной и городской знати, но вызывала недовольство военачальников малоазиатских фем. Учитывая постоянную угрозу арабского нашествия, эта политика была чревата большими опасностями для правительства.

Мирный договор, заключенный Моавией, оказался краткосрочным. Моавия воздерживался от военных действий с Византией лишь в пору внутренних смут в Арабском халифате. Когда же он овладел престолом халифов, арабы возобновили свое наступление. Начиная с 663 г., арабские полчища ежегодно вторгались в Малую Азию: они разоряли страну, уводили пленных, угоняли скот. Арабские отряды вновь и вновь достигали Халкидона. Население Малой Азии героически сражалось против завоевателей. Борьба приобретала народный характер. Подавление Моавией восстаний масс в халифате ярко вскрыло антидемократическую сущность правления Омейядов. Перед лицом грозной арабской опасности происходит временное сплочение всех общественных сил в Малой Азии. Именно в это время Анатолийская фема превращается в крепкую военную организацию самообороны, опирающуюся на объединенных в сплоченные общины крестьян, из которых рекрутируется основная масса стратиотов. В ходе борьбы против арабов, в обстановке тяжелых военных столкновений происходит укрепление свободного крестьянства; многие колоны-энапографы превращаются в вольных общинников и вступают в армию. Фемные военачальники принуждены были не только не противиться, но даже способствовать этому.

 В результате персидских, а затем арабских нашествий из Армении в Малую Азию переселяется множество армян: они включаются в войска византийцев, оборонявших эту провинцию от арабов.

Не будучи в состоянии закрепиться в Малой Азии, Моавия переходит к осуществлению плана захвата ее приморских областей, чтобы отрезать малоазийские фемы от столицы, а потом двинуться на Константинополь. Арабский флот начинает успешно действовать в некогда принадлежавших грекам водах: Кипр, Родос, Кос, Хиос — все эти острова перешли в руки арабов. В 670 г. арабский флот занял Кизик, в непосредственной близости от Константинополя; в 672 г. пала Смирна. Все побережье Ликии и Киликии попало под власть арабов. Опираясь на гавань Кизика, арабский флот блокировал столицу империи.

Не прошло еще и 50 лет с тех пор, как объединенные персидско-аварские силы стояли под стенами Константинополя, а византийской столице вновь угрожало наступление неприятеля. Но на этот раз положение было гораздо более опасным: авары и персы не смогли взять город прежде всего вследствие господства византийцев на море — город, с двух сторон омываемый морем, был неприступен, покуда оно оставалось в руках греков. Но византийская «талассократия» была подорвана арабами — новый враг превосходил греков не только на суше, но и на море. Казалось, дни византийской столицы уже сочтены.

В 674 г. арабский флот появился под стенами Константинополя и после жестоких схваток вынужден был отойти к Кизику. Набег повторился в следующем году — и опять без результата. Так продолжалось до 678 г., когда арабы с большими потерями покинули греческие воды. Особенно тяжелый урон был нанесен им так называемым греческим огнем, изобретенным сирийским греком Каллиником: это была самозагоравшаяся смесь, которая направлялась из специальных сифонов на вражеские корабли. Применяя изобретение Каллиника, византийцы могли поджигать вражеские суда на далеком расстоянии [31].

В это же время в Арабском халифате вновь вспыхнули народные волнения. Против власти Омейядов поднялось христианское население Сирии, прежде всего горное племя мардаитов, к которым присоединились беглые военнопленные, рабы, местные крестьяне. Все это крайне осложняло положение арабского правительства.

После неудачи под Константинополем Моавия заключил новый мирный договор с Византией сроком на 30 лет. Арабы обязались ежегодно платить империи 3 тысячи золотых монет и выдавать 50 пленников и 50 коней. Византийский посол был торжественно принят в Дамаске и, уезжая, увез богатые подарки для императора.

Победа над арабами при Константине IV имела громадное значение. До сих пор арабы двигались вперед, не встречая серьезного сопротивления. Казалось, нет силы, которая бы была способна остановить их поток. Теперь стало ясно, что арабскому наступлению может быть поставлен предел. Симптоматично и то, что основной отпор арабы получили не столько под стенами Константинополя, сколько прежде всего в Малой Азии — в результате длительного и упорного сопротивления народных масс. И пусть арабский натиск не вовсе прекратился — его конец можно было уже предвидеть в ближайшем будущем.

Продолжая политику своего отца, Константин IV стремился упрочить позиции империи и на Балканском полуострове. Здесь ему приходилось теперь считаться не только с давно уже осевшими славянскими племенами, но и с новой силой — появившимися в 60-х — начале 70-х гг. VII в. на Дунае протоболгарами, которых возглавлял хан Аспарух [32]. В 680 г. Константин задумал послать против протоболгар большую экспедицию [33], чтобы воспрепятствовать их продвижению на юг; но в болотистой дельте Дуная отряды кочевников оказались неуловимыми для византийских войск. Кроме того, византийцам пришлось вести бои не только против протоболгар, но и против славянского населения Подунавья. Император заболел, в армии недоставало продовольствия — был отдан приказ отходить. Во время отступления византийцев воины Аспаруха внезапно напали на них и разгромили наголову.

В 681 г. византийское правительство принуждено было заключить позорный мир с протоболгарами, обязавшись регулярно выплачивать им денежные взносы [34].

Появление протоболгар на Дунае в правление Константина IV Погоната имело для Византии еще одно отрицательное последствие. Как показывают раскопки аварских могильников, расселение протоболгар прервало византино-аварские связи и нанесло сильный удар византийской торговле в Подунавье [35].

Победа Аспаруха позволила протоболгарам укрепиться к югу от Дуная, где на территории с преобладающим славянским населением возникло Болгарское государство. Это было первое варварское королевство, сложившееся в пределах Восточной Римской империи: в 681 г. оно было официально признано Византией.

Длительные войны VII в. привели к тому, что прежняя многоплеменная Восточная Римская империя практически перестала существовать. Ее место заняло государство, намного меньшее по размерам, но вместе с тем отличавшееся значительно бо́льшим этническим единством. Провинции, населенные коптами и сирийцами, самаритянами и евреями, области с давними культурными традициями, теперь были потеряны, и основное ядро Византии составляли земли, где жили греки или давно уже эллинизированные племена. Славяне, армяне, арабы, встречавшиеся в Малой Азии, лишь вкрапливались в это эллинизированное население; они были оторваны от своих родных корней, быстро усваивали греческий язык и греческие обычаи [36].

Латинское влияние было серьезно ослаблено. Италия и Африка, где еще говорили по-латыни, не составляли органической части Византийской империи, а являлись скорее заморскими территориями, связь с которыми становилась все более хрупкой. Официальным языком государственных канцелярий стал греческий.

К концу VII в. империя оказалась этнически более сплоченной, нежели при Юстиниане. Несмотря на ослабление центрального государственного аппарата и относительную самостоятельность фемных стратигов, государство не испытывало того разъедающего влияния сепаратизма, которое порождалось местными традициями Египта, Палестины, Сирии.

С потерей восточных провинций затухают и многовековые христологические споры, которые с VI в. являлись знаменем борьбы восточного сепаратизма против централизаторской политики Константинополя. Если Ираклий и Констант II, не желая приобретать новых врагов в опасных провинциях, более чем терпимо относились к монофелитству, распространенному на Востоке, то теперь Константин IV почувствовал себя гораздо увереннее: на VI Вселенском соборе, происходившем в Константинополе в 680—681 гг., монофелитству был нанесен сокрушительный удар. Монофелитское вероучение было осуждено, осуждены были и его активнейшие защитники в прошлом, в том числе константинопольский патриарх Сергий, сподвижник Ираклия.

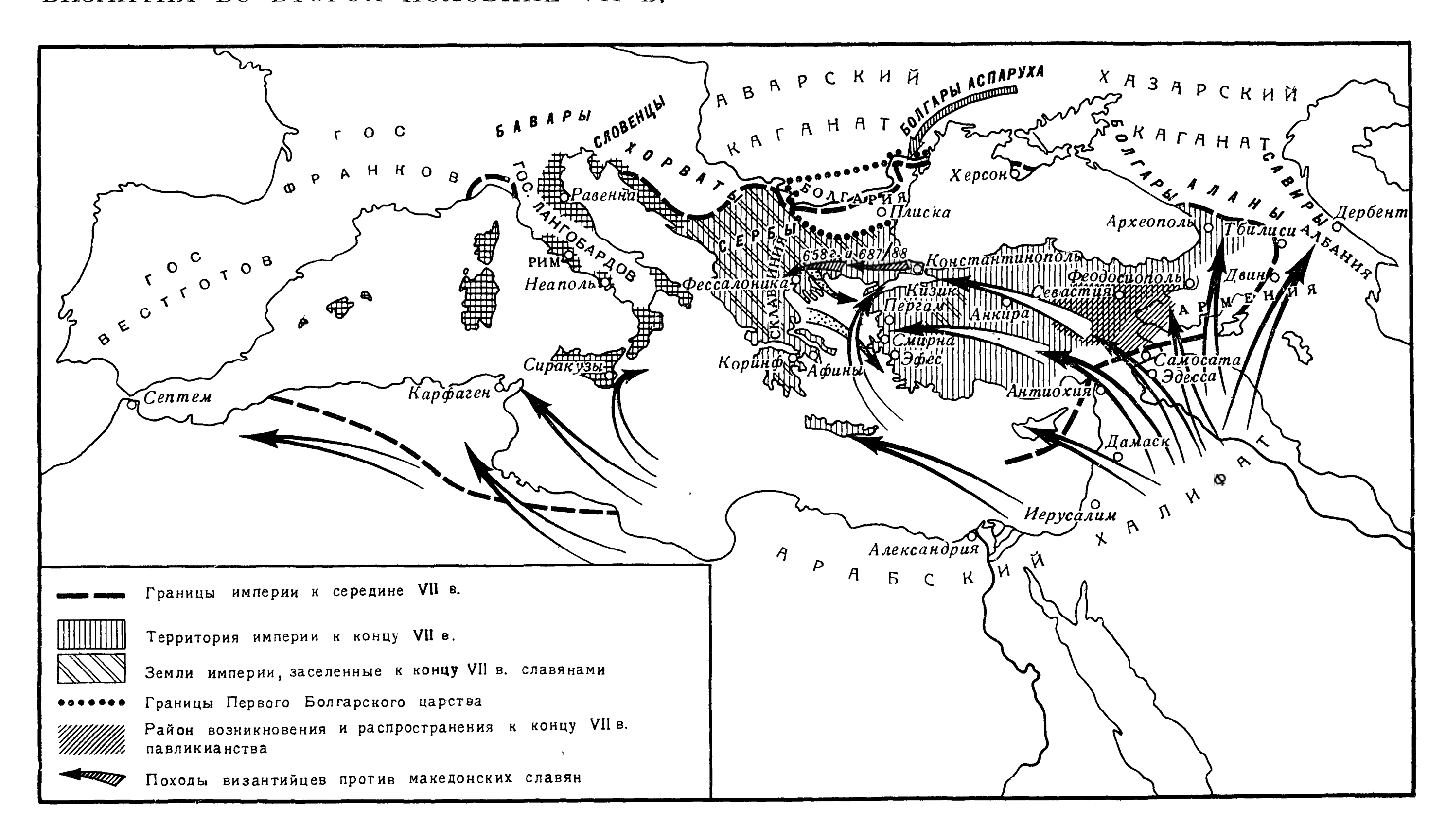
Восточная Римская империя не знала политического краха, какой пережила Западная империя; византийская столица, новый Рим, не досталась ни арабам, ни аварам, ни славянам; основное ядро византийской территории — Малая Азия,— несмотря на набеги персов и арабов, сохранило свое греческое население и греческий язык. Короче говоря, ломка старых порядков не была здесь столь радикальной, как в Галлии или Испании. И все-таки Византия при преемниках Ираклия переживает весьма существенные социально-экономические сдвиги, в основных чертах напоминающие те процессы, которые в эпоху варварских вторжений протекали в западных римских провинциях.

Пожалуй, наиболее заметные перемены можно констатировать в восточноримских городах. Значительная часть городов была разрушена завоевателями: аварами, славянами, персами, арабами. Не восстанавливаемые, они лежали теперь в руинах, и прежние античные термы использовались как резервуары для воды. Многие крупные города были потеряны — у арабов остались Антиохия, Александрия, Дамаск, Эдесса и некоторые другие крупные центры; большая часть балканских городов находилась во власти славян. Но и малоазийские города постепенно аграризировались, превращались в сельские поселения или в крепости. Лишь некоторые позднеантичные полисы до конца VII в. сохранили свой городской характер: Константинополь, Фессалоника, Эфес, Аморий, Анкира.

Впрочем, и в этих городах наблюдается постепенный спад экономической и культурной активности. Почти совсем прекращается каменное зодчество, сокращается производство ювелирных изделий, резьба по слоновой кости, стеклоделие. Внутренний обмен все более натурализуется, а для внешней торговли условия на Средиземном море становятся все менее благоприятными. Затухает еще столь недавно оживленная духовная жизнь городов: исчезает светская школа, вырождается профессия городского ритора — образование переносится из городских портиков в монастырские кельи.

Город, который некогда служил оплотом античного общественного порядка, теперь с безразличием относится к судьбам Восточной Римской империи. На печальном опыте Юстиниана и его преемников горожане убедились, что империя может существовать лишь ценой жесточайшего ограбления народных масс. Византийское государство взимало бесчисленные налоги, преследовало оппозиционные

ВИЗАНТИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VII В.

выступления цирковых партий, разоряло своими монополиями ремесленников и торговцев, и вместе с тем оно было уже бессильно не только обеспечить постоянный приток рабов извне, но и просто защитить свои границы от натиска соседей и гарантировать безопасность на торговых путях. Гонения на монофиситов и евреев при Ираклии еще более возбуждали против империи широкие прослойки торгово-ремесленного населения. Вот почему сирийские и месопотамские города, как правило, приветствовали арабов, видя в них освободителей от византийского гнета. Точно такую же позицию заняло в 646 г. и население Александрии.

Экономическое ослабление городов и нарастание безразличия к судьбам государства приводило в конечном счете к прекращению политической самодеятельности горожан. Цирковые партии, которые возобновили было свою деятельность после смерти Юстиниана, после волнений начала VII в. фактически сходят с политической сцены в Константинополе и сохраняются лишь в малопочетной роли статистов во время императорских церемоний.

Города были оплотом рабовладения в Малой Азии, и поэтому их упадок тесно связан с сокращением роли рабовладельческого уклада в византийской экономике. Вместе с тем из-под власти города постепенно высвобождалась его округа, сельское население которой издавна находилось в многообразных формах зависимости от городов и от городских куриалов.

Важные изменения в этот период произошли и в византийской деревне. Здесь были основательно подорваны, а местами даже уничтожены крупные рабовладельческие поместья. На территориях, освобожденных от них, устанавливалось господство крестьянской общины. Рабовладельческая эксплуатация перестала быть основной формой классового гнета. И если в некоторых областях империи, в частности в Малой Азии, крупное землевладение еще сохранилось, то и здесь землевладельцы вынуждены были все больше отказываться от применения труда колонов и рабов, а использовать труд свободных крестьян-арендаторов.

Конец VI и VII столетие были эпохой, которая расшатала крестьянскую зависимость — как от государства, так и от крупных собственников. Бесконечные вражеские вторжения сдвинули с места многочисленные массы сельского населения; в поисках безопасных мест крестьяне уходили в горы и леса, осваивали новые территории, где у них не было хозяина; в общей беде смешивались прежние рабы, вольноотпущенники, колоны — создавались новые общины, члены которых забывали о своей прежней несвободе. В Малую Азию проникало большое число иноплеменников: с середины VII в. византийские императоры переселяют сюда массы славян, в то же время тут поселяются армяне, сирийцы, христианизированные арабские племена. Все это — люди, привыкшие к независимости, скорее воины, чем земледельцы; византийское правительство охотно использует их в качестве солдат. Наконец, постоянные расправы с высшей знатью (особенно при Фоке), конфискация и перераспределение земель также ведут к сокращению прежнего сенаторского землевладения.

Короче говоря, если византийское правительство и не проводило никогда реформы, отменявшей рабство или колонатную зависимость, если рабство, как уклад, и старые формы прикрепленности к земле пережили VII столетие, все-таки в это время в Византии происходит тот же процесс, который совершается на Западе,— упрочения мелкого независимого крестьянского производства и распространения свободного крестьянства. Эти явления не были итогом преобразований, осуществленных каким-либо мудрым законодателем, решившим спасти империю,— они были результатом внутренних, спонтанных экономических процессов, начавшихся еще задолго до Юстиниана и развернувшихся (разумеется, лишь частично) в условиях ослабления римской государственности и античных муниципиев.

Постепенно к концу VII в. изменяется и налоговая система: исчезает диоклетианово всеобщее обложение, основанное на тщательном исчислении экономических возможностей каждого данного хозяйства; единообразный налог уступает место так называемым экстраордина — по-видимому, натуральным повинностям и поборам; исчезает принудительное возложение на соседа повинностей с выморочного участка. Соответственно видоизменяется и финансовое ведомство: прежде централизованное, оно распадается к концу VII в. на ряд логофесий с различными функциями.

Военный логофет (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ) ведал выдачей жалования солдатам и составлением воинских списков, логофет τοῦ γενικοῦ — распоряжался сбором налогов, составлением податного кадастра, заботился о благоустройстве городов, поддержании водопроводов, управлял государственными рудниками. Позднее особое значение приобрел логофет дрома, заведовавший путями сообщения, дипломатическими делами, приемом и отправлением посольств.

Государственная казна теперь распадалась на три отдела: сакеллий, куда поступали натуральные доходы государства; вестиарий, где сосредоточивались денежные поступления, и идикон, хранивший личные доходы императора.

Эти изменения управления вводились постепенно и имели огромные последствия для дальнейшего развития византийского государства.

Политическая власть в стране при различных изменениях внешнеполитической и внутриполитической ситуации переходит то к феодализирующейся фемной знати, то — в руки константинопольской чиновной аристократии, связанной с торгово-ремесленными кругами. Однако при всех колебаниях политического курса, все заметнее становится децентрализация государственного управления, все явственнее — отход от традиций единой централизованной рабовладельческой империи.

В VII в. завершаются изменения в территориальном и этническом составе Византийской империи. Оставшиеся номинально под властью Византии владения в Италии все больше и больше обособляются от империи. Важнейшие провинции Византии в Азии и Африке были завоеваны арабами. Земли от Дуная почти до самого Эгейского моря были заселены славянами и протоболгарами. Здесь

возникли первые не зависимые от империи славянские государства. Армения, Лазика — главные византийские владения в Закавказье — стали независимыми от империи.

К концу VII в. в руках византийских василевсов не осталось и трети тех территорий, которые некогда составляли мировую державу Юстиниана.

Византия, навеки простившись с былой славой великой рабовладельческой империи, превратилась в средневековое, все более феодализировавшееся государство.

На пороге VIII в. она вступила в новый, феодальный период своего развития.

Глава

17

ВИЗАНТИЙСКАЯ НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В IV—VII ВВ.

Все важнейшие отрасли знания в Византийской империи в основном продолжали и развивали наследие классической Греции эллинистического и римского периода; этому наследию придавалась богословская направленность или же оно перерабатывалось в соответствии с христианским вероучением. Развитие научной теории, однако, приостановилось: ведь основой античной науки являлась философия, которая в средние века уступила место богословию. В силу того, что «мировоззрение средних веков было по существу теологическим», а «церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления» [1], светские науки обычно принимали в Византии, как и повсеместно в средневековье, богословскую окраску; сведения по естествознанию, географии, математике, истории зачастую можно найти в богословских сочинениях. Особенность средневековых наук состояла также в том, что редко кто из мыслителей (то же имело место и в древности) ограничивался какой-либо одной областью знания: большинство занималось наукой в широком смысле слова; многие писали сочинения по философии, богословию, математике, медицине — словом, по ряду наук, позднее дифференцировавшихся [2].

Развитие м а т е м а т и ч е с к о й теории приостановилось в Греции задолго до возникновения Восточной Римской империи [3]. В рассматриваемый период математика развивается в соответствии с практическими потребностями. Кроме того, продолжалось изучение и комментирование древних авторов, особенно Евклида и Архимеда.

Математические расчеты широко применялись в астрономии, которая имела первостепенное значение для навигации и при определении календарных дат, необходимом, например, для исчисления налогового обложения, а также для церковной хронологии. Летописцам важно было определить год «сотворения мира», от которого велся счет всей светской и богословской исторической хронологии; кроме того, духовенству требовалось знать точные даты главных событий жизни Христа (его рождение, крещение и пр.), к которым приурочивались церковные службы и праздники. Самым значительным из последних был праздник пасхи: в соответствии с ним устанавливались дни празднования многих событий церковного года. Специальные приемы вычисления времени этого наиболее чтимого в церковном календаре праздника являлись довольно сложными. Они были связаны с серьезной математической обработкой результатов астрономических наблюдений.

Видным математиком этого периода был Феон, отец знаменитой Ипатии, комментировавший математические сочинения древних и преподававший в Александрии. Философ-неоплатоник Прокл (V в.) составил комментарии к сочинениям древних математиков. Домнин (V в.) написал трактат по арифметике. В Александрии же получил образование профессор Константинопольского университета Стефан Александрийский (первая половина VII в.), читавший лекции по философии Платона и Аристотеля, по арифметике, геометрии, астрономии и музыке.

Что касается практического применения математических знаний, то здесь наиболее важным было усовершенствование астролябии Синесием Киренским, который составил и специальный трактат об этом важнейшем для навигаторов приборе. Трактаты об устройстве и применении астролябии писали также упомянутый уже выше Стефан Александрийский и философ Иоанн Филопон (конец VI в.), профессор Константинопольского университета. Наконец, следует назвать имена двух выдающихся математиков VI в.— Анфимия из Тралл и Исидора Милетского, практически применивших свои познания в области архитектуры при постройке храма св. Софии в Константинополе; Анфимий был также склонен к теоретическим изысканиям, свидетельством чего может служить его сочинение о зажигательных зеркалах, сохранившееся только в отрывках.

Учеными сочинениями по географии в глазах византийцев были только описания земли, составленные античными авторами, например Страбоном. Сочинения эти изучались и комментировались на всем протяжении византийской истории. Но для практических нужд государства, церкви и торговли составляются и сочинения другого рода, посвященные описанию земли и современных той эпохе стран и народов. Ряд сочинений принадлежал купцам, описавшим виденные ими страны и собравшим сведения о путях сообщения.

В середине IV в. неизвестным сирийцем было составлено «Полное описание мира и народов», содержащее сведения о странах и народах Востока, о наиболее важных для торговли и экономики центрах империи. Сочинение это сохранилось только в латинском переводе.

СЛОН.
Мозаика Мартирия Селевкии. Антиохия. VI в.

Среди византийских географических и космографических трактатов раннего времени совершенно особое место занимает широко известное в течение всего средневековья сочинение Косьмы Индикоплова «Христианская топография»[4]. Эта книга, как и жизнь ее автора, глубоко противоречива. Косьма родился на рубеже V—VI вв. Свою молодость он провел в занятиях торговыми делами. Косьма не смог получить обширного образования, но зато посетил многие страны. В зрелом возрасте он жил в Александрии, а затем, по-видимому, поступил в монастырь на Синае, где и окончил свои дни.

Наряду с интересными, достоверными географическими и этнографическими данными[5], его «Христианская топография» включала космогонические и философские представления о вселенной, приспособленные к христианскому вероучению. И тут отважный купец, любознательный путешественник, занимательный рассказчик отходил на второй план: он уступал место фанатичному, невежественному, ограниченному монаху. В своей «Христианской топографии» Косьма пытается опровергнуть античную космогонию и заменить ее библейской концепцией вселенной. На основании Библии и трудов отцов церкви Косьма противопоставляет системе Птолемея христианскую космографию. Считая учение Птолемея не только неверным, но вредным и опасным. Косьма утверждает, что Земля имеет отнюдь не шаровидную форму, а представляет собой плоский четырехугольник, наподобие Ноева ковчега, окруженный океаном и покрытый небесным сводом, где находится «рай».

В философско-богословских взглядах Косьмы сказалось влияние богослова IV—V вв. Феодора Мопсуэстийского, а также одного из ученых Нисибисской несторианской школы богословия — Мар-Абы (Патрикия). Основным в мировоззрении Косьмы является учение о двух состояниях (καταστασεις). Бог стремится, по мнению Косьмы,

сообщить свою мудрость и свое благо сотворенным им существам, но различие между творцом и творением столь велико, что непосредственное распространение божественной мудрости на творение невозможно. Поэтому бог создает два состояния: одно — тленное и конечное, полное противоречий и подверженное испытаниям, другое — вечное и совершенное. Исходя из этого учения, Косьма приходит к дуалистическому пониманию всего сущего. Вселенная разделяется на два мира — земной и небесный, а история человечества — на два периода: один, начинающийся с Адама, другой — с Христа. Победа Христа над смертью создает для человечества гарантию достижения вечного блаженства [6]. В христологических вопросах представления автора «Христианской топографии» близки к несторианству, влияние которого чувствуется в его труде довольно сильно.

Космографические и богословско-философские взгляды Косьмы встретили решительный отпор со стороны александрийского философа, современника Косьмы, Филопона, который отстаивал античные взгляды на вселенную, восходившие к Аристотелю. Острая полемика между Косьмой и Филопоном во многом отражает философско-богословскую борьбу в Александрии VI в.

Характерным для той переходной эпохи является и то, что Косьма, при всем его христианском фанатизме и ненависти к эллинской науке, сам не смог избежать в известной мере воздействия аристотелевской философии и учения стоиков [7].

В целом космографические представления Косьмы были шагом назад по сравнению с системой Птолемея и принесли огромный вред развитию науки о вселенной. В средние века «Христианская топогра-

БОРЬБА СЛОНА СО ЛЬВОМ

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

МЕДВЕДИ

украшавшая пол Большого дворца Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

фия» Косьмы во многом затормозила прогресс науки о мироздании. При этом надо учесть, что сочинение Косьмы имело широкое распространение не только в Византии, но и на Западе, и в Древней Руси. Красочные рассказы Косьмы о различных странах мира делали его труд занимательным чтением. Популярности «Христианской топографии» во многом способствовали необычайно интересные, порою высокохудожественные иллюстрации — миниатюры и рисунки, украшавшие ее. Особенно знамениты миниатюры Ватиканской рукописи Косьмы IX в. [8]

До сих пор остается спорным, какие рисунки находились в оригинале «Христианской топографии» и рисовал ли их сам Косьма Индикоплов или какой-либо другой художник. В тексте своего сочинения Косьма не только часто упоминает, но и объясняет рисунки. Кажется вероятным, что изображение носорога, статуй во дворце царя Аксума и некоторые другие рисунки принадлежали самому автору. Рисунки, относящиеся собственно к космографии, видимо, заимствованы у Мар-Абы (Патрикия). Во всяком случае, в рисунках Косьмы (или другого художника) чувствуется влияние лучших образцов художественной школы Александрии — мозаик, фресок, статуй в катакомбах и базиликах; миниатюры и рисунки «Христианской топографии» Косьмы занимают видное место в византийском искусстве VI в.

В VI в. Иероклом было составлено географическое обозрение Восточноримской империи под названием Συνέκδημος [9]; в нем перечислено 64 провинции и 912 городов; это сочинение имело большое значение в развитии политической географии эпохи. Некоторые

сведения географического характера встречаются в исторических трудах IV—VII вв. Например, в произведениях Прокопия содержатся неоценимой важности данные по географии империи и сопредельных с ней земель, в том числе об Африке, Италии, Испании, далеких Англии и Скандинавии, о Балканском полуострове, Кавказе и многих других странах и народах.

В Византии рассматриваемого времени появился ряд произведений по зоологии и ботанике. В них либо описывались чудеса животного мира далеких стран (Индии), либо содержались сведения, предназначавшиеся для практических надобностей, связанных с сельским хозяйством. Наиболее ранним из подобных сочинений был трактат о животных Индии, написанный Тимофеем Газским (V—VI вв.); этот трактат, сохранившийся лишь в отрывках, основан на трудах античных авторов — Ктесия (IV—V вв. до н. э.) и Арриана II в. н. э.). Во II в. н. э. неизвестным автором было составлено описание реально существующих и фантастических животных: оно получило большое распространение в средние века под названием «Физиолог»; позднее в целях приспособления этого произведения к христианской идеологии были составлены комментарии, согласно которым каждому описываемому животному придавался символический аспект, свойства отдельных животных сопоставлялись с христианскими добродетелями или, наоборот, с осуждаемыми христианской моралью человеческими пороками и грехами.

Ботаника в этот период известна лишь практическая. Единственным сочинением о растениях, распространенным в Византии, был трактат врача Диоскорида (II в.), в котором растения описаны с точки зрения их применения в медицине. Рукописи этого трактата представляют особый интерес, так как они обычно снабжены реалистическими изображениями растений.

Описания отдельных животных и растений имеются также в некоторых сочинениях географического содержания, например в сочинении Косьмы Индикоплова или у автора V в. Филосторгия, писавшего об острове Цейлоне. Популярны были также богословские сочинения — «шестодневы». Они получили свое название от библейского предания о сотворении мира богом в течение шести дней. Наиболее известны шестодневы, составленные епископами Василием Кесарийским и Григорием Нисским. Целью авторов этих произведений было согласовать естественно-научные представления античности с христианской религией. Для этого необходимо было подчеркнуть целесообразность мира, якобы созданного по замыслу творца. Но, несмотря на телеологическую направленность шестодневов, в них имеются сведения о животном и растительном мире, основанные на многовековом опыте предшествующих поколений, на наблюдениях живой природы. Однако эти сведения, по всей вероятности, черпались авторами из сочинений более древних писателей, а не были результатом собственных наблюдений [9а].

Химия в IV—VII вв. развивалась наиболее плодотворно в практическом своем применении — поэтому для изучения ее истории важны рецепты, использовавшиеся ремесленниками в процессе производства. К сожалению, записей таких рецептов на греческом языке почти

не сохранилось. Известны лишь рецепты некоторых красителей и лекарств. Сирийские источники упоминают о существовании специальных руководств, которыми пользовались ремесленники[10]. Теория химии развивалась в пределах алхимии, считавшейся тайной, священной наукой о трансмутации металлов с целью производства и увеличения объема серебра и золота, а также о философском камне — чудодейственном средстве, которое якобы должно было превращать в золото другие металлы, служило бы панацеей от всех болезней, способствовало продлению жизни. Несомненно, что в ранней Византии были известны специальные знаки для обозначения химических веществ; эти знаки не имели магического характера, но заменяли современные нам химические формулы[11].

Наиболее замечательным достижением практической химии в то время было изобретение греческого огня, на длительное время давшего Византии преимущество в морских сражениях. Греческий огонь был предложен в Константинополе сирийским архитектором Каллинником в 678 г.; этот состав включал в себя нефть, смешанную с асфальтом, смолами и иными горючими веществами, а также с негашеной известью; смесь воспламенялась от соприкосновения с водой и успешно применялась против вражеских кораблей; правда, арабы вскоре научились защищать свои корабли от греческого огня, покрывая их до ватерлинии свинцовыми листами[12].

В IV в. неким Синесием из Александрии был составлен комментарий к алхимическому трактату Псевдо-Демокрита (III в.). Упомянутому ранее Стефану Александрийскому в числе его других трудов приписывается трактат «О производстве золота». Стефан Александрийский пользуется славой создателя алхимии. К нему примыкают четыре поэта-алхимика — Илиодор, Феофраст. Иерофей, Архелай, повторявшие в своих произведениях его трактаты. Отдельные алхимические сочинения приписывались также императорам Юстиниану I и Ираклию.

Основой медицинских знаний на протяжении всего существования Византийской империи служили сочинения двух великих медиков древности: Гиппократа (ок. 460—377 гг. до н. э.) и Галена (131—201 гг.). Извлечения из сочинений этих двух античных авторов входили во вновь составлявшиеся компиляции и сохранились во множестве списков[13].

В эллинистическое время наибольшей известностью пользовалась александрийская медицинская школа, сохранившая свою былую славу вплоть до VII в. Особое внимание уделялось в Александрии изучению анатомии, и в этой области были достигнуты определенные успехи. Христианство задержало дальнейшее развитие анатомии, так как церковь воспрещала производить вскрытие человеческих трупов. Антиохийские врачи славились как терапевты.

В IV—VII вв. было составлено довольно большое число руководств по медицине, из которых назовем наиболее примечательные. К IV в. относится деятельность врача Оривасия (325—403), друга императора Юлиана Отступника; под названием «Врачебные руководства» (Συναγωγαὶ ἰατρικαί) Оривасий составил собрание эксцерптов из лучших медицинских сочинений древности.

В VI в. врачом Аэцием из Амиды, учившимся в Александрии, было написано руководство по медицине (в 16 книгах). Аэций — первый византийский врач-христианин, на что имеются прямые указания в его книге. Так, по мнению этого врача, для удаления из горла или гортани попавших туда посторонних предметов рекомендуется обращаться к помощи св. Власия; в некоторых рецептах упоминается изготовляемый в церкви ладан.

В первой половине VII в. врачом Иоанном Александрийским и Стефаном Александрийским были составлены комментарии к Гиппократу и Галену. В Александрии получил медицинское образование и Павел Эгинский (625—690), составивший руководство по хирургии. Все перечисленные сочинения носят компилятивный характер, авторы лишь добавляли к достижениям античной медицины некоторые наблюдения, касавшиеся симптоматики болезней и фармакологии.

Запрещение Юстинианом какого-либо критического исследования текстов, включенных в Corpus juris civilis, сперва в известной мере затормозило развитие юриспруденции, научное творчество юристов. Однако уже при Юстиниане запреты всячески обходились. В школах права велась интенсивная работа по переводу свода законов на греческий язык для того, чтобы сделать кодекс доступным большинству населения Византийской империи.

Создание Свода законов Юстиниана породило большую научную литературу. Она включает греческие переводы отдельных частей Corpus juris civilis, сокращенные извлечения (ἐπιτομή, σύντομος) из законодательства Юстиниана, различные толкования и парафразы, словари, объясняющие латинские термины, которые встречаются в законодательных предписаниях, сочинения по частным вопросам права. Наиболее выдающиеся работы юристов второй половины VI в. были связаны с комментированием Дигест, изучение которых дало особенно плодотворный импульс юридической мысли. Уже сами составители Дигест — профессора права Феофил и Дорофей — под видом составления греческих индексов и парафраз занялись фактическим комментированием Дигест. Вскоре за ними, еще при жизни Юстиниана, другой профессор права — Стефан, также прикрываясь составлением индекса, написал обширный греческий комментарий к Дигестам, основанный на читанных им лекциях и содержащий много выдержек из произведений других юристов, в частности Феофила. Греческий парафраз Институций, написанный Феофилом, и греческие комментарии к Кодексу Юстиниана, составленные в VI в. Фалалеем, Исидором и Анатолием, приобрели широкую известность в империи и за ее пределами. Между 570—612 гг. была выполнена работа по комментированию Дигест и их научному изучению; она известна по схолиям к Василикам как произведение Анонима. И хотя с созданием Corpus juris civilis юридическая мысль в Византии на долгие столетия как бы замкнулась в кругу изучения этого грандиозного памятника, все же научное творчество в области юриспруденции не прекращалось: развитие права как науки продолжалось и в последующие столетия [14].

Важнейшей особенностью византийского просвещения рассматриваемого периода следует считать постепенную замену унасле-

ЖИВОТНЫЕ

Мозаика из дома охоты Антиохия. Устер Музей. VI в.

дованной от эллинистического периода системы языческого образования новой системой, создававшейся под покровительством церкви в интересах монархии. Стараясь искоренить языческое образование и заменить его христианским, церковь в то же время заимствует методику, сложившуюся в течение сотен лет в античной и эллинистической Греции. Многие церковные деятели IV—V вв. учились в языческих школах. Так, «отцы церкви» Василий Кесарийский и Григорий, епископ города Назианза (ок. 330—389), получили образование в языческой школе в Афинах и впоследствии активно боролись с предубеждением христиан против античной греческой литературы; Василию Кесарийскому принадлежит сочинение, где с помощью многочисленных цитат доказывается, что античная литература во многом предвосхитила христианство и подготовила умы для его восприятия. Византийцы-христиане гордились тем, что они хранят культурное наследие Эллады, и в отличие от варваров, они называли себя «ромеями». В этом смысле опиравшаяся во многом на старые классические традиции византийская церковь сыграла известную положительную роль. Первые христианские школы появились еще в годы гонений на христианство; но в то время они могли только

конкурировать с языческими школами. В IV в. начинается активное наступление христианской церкви на языческие школы.

Начальное образование состояло из изучения орфографии, основ арифметики и грамматики, под которой разумели ознакомление с произведениями классических авторов, в первую очередь с «Одиссеей» и «Илиадой» Гомера. Со временем наряду с Гомером стали читать книги Ветхого и Нового завета, а особенно тщательно учили Псалтирь, которая в течение многих веков служила первой книгой для чтения не только в Византии, но и на Руси.

За общей начальной ступенью обучения следовало обучение в высшей школе [15]. Светские науки, изучавшиеся в высшей школе согласно предложенной еще Платоном (в его «Республике») системе, распределялись по двум группам, а именно: 1) «тривиум», включавший грамматику, риторику и диалектику, и 2) «квадривиум», состоявший из арифметики, музыки, геометрии и астрономии. Однако круг византийских научных штудий не ограничивался отраслями знания, входившими в эти циклы. Кроме них, изучали право, медицину, а также богословие.

Высшие учебные заведения контролировались императорской властью. Имелись и частные школы. Согласно традициям, обучение велось устно, урок импровизировался преподавателем. Приблизительно до V в. н. э. сохранялся и принятый в античной Греции прием чтения вслух изучаемого текста. Лишь в V в., в связи с распространением монашества, считавшего молчание одной из высших христианских добродетелей, переходят к чтению про себя [16]. Важнейшим методом обучения был экзегетический метод, т. е. толкование, комментирование сочинений, избранных для изучения. Кроме поэм Гомера, при прохождении «тривиума» изучали в извлечениях сочинения трагиков — Эсхила, Софокла, Еврипида, историков — Геродота и Фукидида, ораторов — Исократа и Лисия. При прохождении «квадривиума» толковались сочинения математиков — Архимеда, Евклида, медиков — Гиппократа и Галена. Толкованию подлежали отдельные слова или отрывки изучаемого текста. Экзегетическая литература была так широко распространена в Византии именно потому, что соответствовала основному методу обучения. Нередко ученики записывали в аудитории за преподавателем его толкования ἀπὸ φωνῆς (с голоса), а затем распространяли их в списках.

Христианские богословские училища, естественно, заимствовали эту методику и применяли ее для изучения книг Ветхого и Нового завета, творений «отцов церкви». Многие произведения средневековой письменности, комментирующие сочинения античных авторов, Библию, богословские трактаты, памятники гражданского и канонического права, возникли именно как курсы лекций.

Особую роль играло юридическое образование [17], поскольку юристы были очень нужны в государственном аппарате. Право являлось одним из главных предметов преподавания в Афинской, Александрийской и Бейрутской школах. Самой прославленной из них была школа в Бейруте, достигшая своего высшего процветания в V в. В основу преподавания в высших школах права было положено изучение текстов юристов классической эпохи. Уголовное право и судопроизвод-

ство не изучались. Метод преподавания был целиком экзегетическим и страдал беспорядочностью и неполнотой. В результате обучения студенты не получали никаких практических навыков. Между тем потребность в знающих юристах-практиках в империи была весьма значительна, юридическое образование требовалось и для государственной службы. Необходимость реформы юридического образования стала особенно настоятельной после завершения при Юстиниане работ по кодификации права. Эта реформа состояла в категорическом запрещении изучать что-либо, кроме Corpus juris civilis. Именно новое, кодифицированное право стало теперь единственным предметом изучения.

В Константинопольской и Бейрутских школах было учреждено по 4 должности профессоров права. Вместо четырехлетнего был введен пятилетний курс обучения. Все годы пребывания в высшей школе студенты изучали только Институции, Дигесты и Кодекс Юстиниана. На основе новой программы студенты 1-го курса проходили Институции и первые четыре книги Дигест. Юстиниан, в знак особой милости, отменил старое унизительное название первокурсников — «незначительные» (dupondii) и заменил его более приятным — Justiniani novi. Второй, третий и четвертый годы обучения были целиком посвящены усвоению Дигест. На пятом курсе студенты штудировали Кодекс Юстиниана; они получали почетное наименование prolytae — «освобожденные» от слушания лекций. В правление Юстиниана большую знаменитость приобрели профессора права Феофил, Анатолий, Фалалей из Константинополя, Дорофей и Исидор из Бейрута и Иоанн Схоластик из Антиохии. Они не только участвовали в кодификации права, но широко занимались педагогической деятельностью.

Реформа преподавания права, проведенная при Юстиниане, дала, видимо, некоторые положительные результаты. Не только расширился круг изучаемых студентами правовых вопросов, но и преподавание сделалось более конкретным, приблизилось к нуждам юридической практики. Поскольку единственным действующим правом стал Corpus juris civilis, естественно, что для образованного судьи или адвоката в его практической деятельности прежде всего надо было хорошо усвоить именно этот Свод законов.

Прямых свидетельств о преподавании в византийских учебных заведениях истории как самостоятельной дисциплины почти не сохранилось. Лишь Феофилакт Симокатта в предисловии к своему известному сочинению ставит историю наравне с философией в единый ряд наук и указывает, что историю преподавали в Константинопольском университете. Об изучении истории в учебных заведениях можно судить также на основании многочисленных кратких исторических компендиев, сохранившихся во многих средневековых рукописях; такие компендии, видимо, служили учебными пособиями.

Под влиянием христианства изменился не только взгляд на назначение истории[18], но и содержание исторических сочинений. В основу изучения истории была положена Библия; к почерпнутому из Библии материалу христианские авторы, считавшие себя одновре-

менно наследниками древней Эллады, добавляли и мифы, и переложения поэм Гомера, и пересказы произведений древних трагиков. Изложение истории в соответствии с требованиями церкви влекло также за собой включение в исторические сочинения сведений о всех известных в то время народах, предполагало рассмотрение судеб всего человечества от мифического сотворения Адама.

Исторические знания распространялись в Византии не только в собственно исторических сочинениях или в хрониках. Комментарии к поэмам Гомера, к Библии и прочим произведениям, изучавшимся византийцами, содержали множество исторических сведений, имен действительно существовавших и мифических личностей, которые воспринимались как реально жившие. Одним из важнейших и наиболее распространенных приемов комментирования библейских текстов было сопоставление преданий (или изречений) Ветхого завета с событиями, упоминаемыми в Новом завете.

Изучение прошлого Эллады и сопоставление ветхозаветной истории с новозаветной способствовали распространению взгляда на исторический процесс как на поступательное движение общества.

Развитие филологических наук было тесно связано с потребностями образования, и происходило преимущественно в процессе изучения и комментирования произведений античной литературы, а позднее также — произведений ранней христианской литературы.

Понятия «филология» в Византии не существовало. Под грамматикой подразумевалась не только грамматика в современном смысле этого слова, но также лексикография и метрика. Имелись специальные грамматические трактаты. Наиболее значительные из них были написаны Георгием Хировоском, читавшим лекции по грамматике в Константинопольском университете в конце VI или в начале VII в. Сохранились лекции Хировоска, комментирующие произведения грамматиков Феодосия Александрийского и Дионисия Фракийского (оба жили около 100 г. до н. э.); Хировоску принадлежат также трактат о просодии и руководство по орфографии.

Влияние Хировоска на последующих византийских грамматиков было незначительным вплоть до XV в., когда его сочинениями воспользовался при составлении грамматики греческого языка ученый грек Константин Ласкарис, переселившийся в Италию.

Кроме того, известны грамматические сочинения Иоанна Филипона и его историко-грамматические схолии к Библии.

Лексикография рассматриваемого периода еще не стала столь важной отраслью знания, как в последующие века. В этой области наиболее интересны двуязычные словари (греко-латинские, латино-греческие, коптско-греческие), составление которых вызывалось потребностями обширных международных связей империи.

Необходимо отметить также словарь, приписываемый в рукописях патриарху александрийскому Кириллу; этот словарь был составлен в V в.— или в начале VI в. на основании старых, малозначительных риторических словарей; в течение всей византийской эпохи словарь Кирилла играл огромную роль в школьном деле и служил необходимым пособием при обработке и составлении новых лексических пособий.

ДИОСКОРИД, ОТКРЫВАЮЩИЙ МАГИЧЕСКУЮ СИЛУ КОРНЯ МАНДРАГОРЫ

Миниатюра из Диоскорида в Венской Национальной библиотеке Ранний VI в.

В течение IV—V вв. на территории Восточной Римской империи сохранялись языческие центры просвещения, возникшие в предыдущие века. Христианские школы появляются большей частью в таких городах, как Александрия, Афины, Бейрут, Константинополь, т. е. в старинных центрах образованности. В качестве интересной детали отметим, что между видными центрами существовал обмен учеными; есть сведения даже о состоявшемся в VI в. «конгрессе» ученых, на котором философы Афин и Фив встретились с философами Константинополя [19].

В первые века существования Восточной Римской Империи старые, возникшие в античную или эллинистическую эпоху университеты Афин и Александрии еще сохраняли свою былую славу. Роль этих университетов в рассматриваемый период состояла не столько в творческом развитии науки, сколько в сохранении научного наследия прошлого, в передаче культуры языческих Греции и Рима новому поколению, воспитывавшемуся уже в духе христианского вероучения. Афины, город, удаленный от областей, где возникла христианская религия, оставались последним оплотом язычества — в

противовес Александрии, где очень рано появляются богословские училища. В Александрии уже во II в. возникает так называемое александрийское направление в богословии. В качестве умственного центра империи этот город выступает позднее, нежели Афины. Возможно, именно по этой причине Афинский университет был закрыт Юстинианом в 529 г., а Александрийский университет оказался жизнеспособнее и существовал до середины VII в., когда город был занят арабами. В Афинском университете преобладало изучение философии. В Александрии же в IV и V вв., как и прежде, процветали не только языческая поэзия и философия, но также математика, астрономия, медицина и богословие.

Постепенно и лучшие ученые силы, и учащаяся молодежь переходили в Константинопольский, столичный университет, пользовавшийся особыми привилегиями и к VI в. занявший первое место среди прочих учебных заведений империи.

Университет в Константинополе был организован около 425 г. указом Феодосия II. Университет призван был готовить не только ученых, но и государственных чиновников. Из числа профессоров университета наиболее известны Георгий Хировоск и Стефан Александрийский. Оба носили титул «вселенских учителей».

Центр юридического образования находился в Бейруте[20] вплоть до 551 г., когда город был разрушен землетрясением. Бейрутская школа юристов была основана в конце II в. или в начале III в. Преподавание в ней велось на латинском языке, лишь в конце V в. в школу проникает греческий язык. Сохранились так называемые синайские схолии, представляющие собой толкования бейрутских профессоров на некоторые памятники римского законодательства.

Одним из первых средневековых университетов был университет в сирийском городе Нисибисе[21], основанный в конце V в. В Нисибисскую высшую школу перешли многие педагоги из закрытой в 489 г. Эдесской школы. Сохранился в нескольких редакциях статут Нисиской школы, являющийся древнейшим известным нам статутом средневекового университета.

Кроме названных центров просвещения, существовали также высшая школа в Эдессе, школа риторов и софистов в Газе, медицинское училище в Нисибисе, христианское училище в Кесарии, основанное еще Оригеном училище в сирийском городе Амиде. Уже к началу IV в., несомненно, существовала богословская школа в Антиохии, но сведения о ней крайне скудны. Во всяком случае, есть все основания предполагать, что учебное дело здесь было хорошо организовано: целое богословско-экзегетическое направление получило название «Антиохийской школы».

Постановка образования в Византийской империи IV—VII вв. была в свое время широко известна в мире и, видимо, считалась образцовой. Об этом можно судить на основании слов Кассиодора, просвещеннейшего человека и крупнейшего государственного деятеля Остготского королевства: в 535 г. он намеревался открыть в Риме школу, подобную школам в Александрии и в Нисибисе. Этот план не был осуществлен, но позднее, при основанном Кассиодором монастыре под названием «Виварий», среди учебных пособий применялся

учебник, составленный в Нисибисе и переведенный с сирийского на латинский язык.

Для успешного развития науки во всякую эпоху необходимы книги и книгохранилища; книгохранилища в средние века были тесно связаны с мастерскими письма — скрипториями, так как книги приобретались преимущественно путем их переписки. В качестве писчего материала в IV—VII вв. использовались папирус и пергамен. В песках Египта сохранилось множество обрывков папирусных книг — как светского, так и религиозного содержания, представляющих остатки частных библиотек. Среди сохранившихся пергаменных рукописей этого времени преобладают богослужебные тексты. При всех высших учебных заведениях, в монастырях и церквах имелись свои библиотеки. Из библиотек, возникших в Византии IV—VII вв., до наших дней уцелела лишь одна — библиотека монастыря св. Екатерины на Синае, да и в той находятся рукописи более позднего времени. Однако известно, что книги были уже во дворце Диоклетиана в Никомидии. Когда позднее Константин перенес столицу на берег Босфора, в портике императорского дворца была устроена библиотека, состоявшая почти из семи тысяч книг.

По указу императора Валента от 372 г. было назначено четыре греческих и три латинских писца, обязанных переписывать рукописи для императорской библиотеки; в ней насчитывалось 120 000 томов. Между прочими книгами в императорском дворце хранились списки поэм Гомера, написанные на змеиной коже золотыми буквами. Все эти богатства сгорели во время пожара в 476 г.

Вплоть до VI в. существовала знаменитая Александрийская библиотека, крупнейшая и наилучшим образом организованная библиотека эллинистической эпохи. Имелись и частные книгохранилища, например библиотека александрийского епископа Георгия, убитого в 361 г., содержавшая книги по философии, риторике, истории и богословию, или библиотека ученого Тихика — в ней преобладали математические и астрологические сочинения. Несмотря на отрывочность сведений источников, можно с полным основанием предполагать, что книжные богатства как в столице империи, так и в провинциальных городах были значительны; это соображение подтверждается многочисленными находками папирусов литературного содержания.

В IV в. на смену наиболее распространенному писчему материалу античности — папирусу — пришел пергамен, в связи с чем изменилась и форма книги. Папирус еще долго, до отторжения Египта арабами в VII в., использовался для написания документов, писем, для учебных записей. Но книга в форме папирусного свитка уступает место пергаменному кодексу уже в IV в. К сожалению, рукописей IV—VII вв. сохранилось немного.

Из рукописей этого периода, дошедших до наших дней, более всего заслуживают внимания Ватиканский и Синайский кодексы Библии, а также Венский список Диоскорида. Ватиканский (названный так по месту хранения) и Синайский (названный по месту, где он хранился до середины XIX в.) кодексы датируются серединой IV в. Обе рукописи написаны унциальным письмом на пергамене.

В своей Vita Constantini Евсевий сообщает, что император Константин в 331 г. распорядился изготовить 50 списков Библии, необходимых для отправления богослужения во вновь отстроенных церквах. Из этих 50 списков сохранилось всего два — именно Ватиканский и Синайский кодексы. Список Диоскорида, хранящийся в Вене, датируется приблизительно 512 г. Список этот написан унциальным письмом и снабжен прекрасными миниатюрами, на которых изображены описываемые в тексте растения. Известно также несколько роскошных списков Евангелия, написанных на пурпурном пергамене золотом и серебром и украшенных миниатюрами; эти списки также датируются VI в. Рукописей VII в. известно немного, и среди них не сохранилось почти ни одного цельного кодекса.

Глава

18

НЕОПЛАТОНИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ IV—VI ВВ.

Философскую мысль IV—VI вв. характеризуют два основных направления: неоплатонизм и христианская философия, известная под названием восточной патристики и находившаяся в рассматриваемый период в стадии формирования. Философия неоплатонизма, сформировавшаяся во II—III вв., представляла собой яркий образец объективного идеализма и мистики. По определению К. Маркса, неоплатонизм есть «не что иное, как фантастическое сочетание стоического, эпикурейского и скептического учения с содержанием философии Платона и Аристотеля» [1].

Неоплатонизм явился последним крупным достижением языческой античной философии. Для его представителей II—III вв. (Аммоний Саккас, Плотин, Порфирий, Ямвлих) характерно резко враждебное отношение к христианству. Тем не менее неоплатонизм стал одним из источников формирования христианской философии.

Неоплатонизм IV—VI вв. явился закономерным отражением идеологических изменений своей эпохи, поэтому при его рассмотрении необходимо обратить внимание на преемственность философских воззрений неоплатонизма указанного времени и философии предшествующего периода, а также на взаимоотношение этих воззрений с ортодоксальной христианской догматикой и некоторыми раннехристианскими учениями.

Неоплатонизм IV—VI вв. развивался в чрезвычайно сложных условиях. В VI в. христианство стало господствующей религией. Проводимая правительствами Константина и Констанция политика

централизации и бюрократизации государственного аппарата, политика ликвидации полисного самоуправления сопровождалась стремлением создать единую официальную религиозно-философскую идеологию, в которой философия была бы подчинена богословию, основанному на принципе единобожия. Роль такой идеологии отводилась христианству. Языческая религия и античная философия, сочетавшие теизм с пантеизмом и монизм с плюрализмом, не отвечали более политическим потребностям государства. Ведь именно благодаря этим качествам языческая религия и античная философия являлись идейным истоком ряда философско-политических доктрин, оправдывающих полисное самоуправление в рамках империи. В представлении Платона, государство — это по существу идеальный полис. Известный оратор и философ времен Траяна Дион Хрисостом изображал государство в виде микрокосмоса, т. е. как систему, построенную по образцу иерархии богов. Следуя за Платоном, Дион противопоставлял монархию тирании и признавал наилучшим видом правления умеренную монархию. В государстве должны сочетаться индивидуализм и этатизм, подобно тому как и иерархия богов построена на основе монотеизма и пантеизма.

Естественно, что в условиях нового политического режима домината языческий монотеизм, сочетавшийся с пантеизмом, не был приемлемым. В качестве официальной идеологии могла служить только строго теистическая система. Роль христианского монотеизма как идеологии режима домината была ясна и современникам этого режима. Евсевий связывал окончательную победу централизма при Константине с официальным признанием христианства. Политеизм, по мнению Евсевия, соответствовал полиархии, то есть политической самостоятельности государств в рамках единой политической системы. Со времени Августа начинается завершившийся при Константине процесс централизации, сопровождавшийся усилением теистического принципа. Ориген также признавал роль христианства как идеологии централизованного государства [2]. В новых условиях язычество становится знаменем борьбы недовольных новым политическим режимом. В первую очередь это была крупная городская знать, связанная с самоуправлением полисов и терявшая свое экономическое и политическое могущество. Ее политические идеологи: Ливаний, Фемистий, Синесий, Зосим и другие не признавали христианства. В своих произведениях они резко критиковали как новый политический режим, называемый ими тиранией, так и христианскую религию, призывали к восстановлению самоуправления полисов и возрождению язычества.

Античная философия этого периода — философия неоплатонизма — объективно служила идеологическим запросам городской знати, выразители ее политических интересов разделяли античное представление о верховной власти как силе, ответственной перед обществом и о государстве, как о союзе полисов в рамках империи.

Уже начиная с IV в. язычество подвергалось гонениям. Исключение составлял лишь период кратковременного правления Юлиана.

Однако, если языческая религия подвергалась гонениям, языческое образование, в том числе и античная философия, продолжали

МЕГАЛОПСИХИЯ
Мозаика из Якто. Антиохия. V в.

активно развиваться и были запрещены лишь в VI в. Это объясняется тем, что христианская догматика, в основном сложившаяся к концу IV в., формировалась под сильным влиянием античной философии, и в первую очередь философии Платона и неоплатонизма. Еще в III в. философско-богословская доктрина крупнейшего основоположника христианского богословия Оригена была разработана под воздействием античных философских систем. Многие видные богословы того времени получили образование в языческой философской школе. Иными словами, если языческая религия становилась одиозной как для нового политического режима, так и для христианских теоретиков, то языческая философия использовалась последними в целях философского обоснования христианской идеологии. Христианские философы, естественно, брали из неоплатонизма только то, что не противоречило основным принципам христианства.

В неоплатонизме IV—VI вв. можно выделить два течения. Одно из них, несравненно более слабое, было представлено в основном александрийской и афинской неоплатоническими школами. Представители его оставались верными духу непримиримости по отношению к христианству и последовательно отстаивали идеи античной философии и языческих верований. Второе, значительно более мощное и влиятельное, отличаясь чрезвычайным эклектизмом, восприняло некоторые элементы христианского учения и представляло собой характерный образец переходного миросозерцания от античной философии к христианству.

Первое из названных направлений в неоплатонизме IV—VI вв. отличалось от неоплатонизма II—III вв. явным преобладанием теологии над спекулятивной философией, тогда как в философии неопла-

тоников II—III вв. вопросы теологии играли в значительной мере подчиненную роль (такова, например, рационалистическая система Плотина). Основателем первого направления в неоплатонизме IV—VI вв. можно считать Ямвлиха (конец III — начало IV в.), для философской системы которого характерно значительное внимание к теологии. В решении ряда философских проблем Ямвлих явился предшественником многих неоплатоников IV—VI вв., и в первую очередь крупнейшего из них Прокла Диадоха. Особый интерес к теологическим проблемам в философских учениях неоплатоников IV—VI вв. объясняется стремлением философски обосновать языческую религию, создать языческое богословие по образцу и в противовес христианскому богословию.

Говоря о богословском характере неоплатонизма рассматриваемого периода, необходимо в первую очередь отметить философско-богословскую систему императора Юлиана, противопоставленную им христианскому богословию. Свою основную задачу Юлиан видел в философском обосновании языческих культов и мифов. Юлиан считал себя последователем Ямвлиха, основную заслугу которого он усматривал в соединении философии с мифами. В духе Ямвлиха Юлиан признает высшее трансцендентное единство — основу и первопричину всего сущего. Юлиан отождествляет это единство с богом солнца — Гелиосом. Гелиос является центром теистической системы Юлиана. Однако монотеизм в учении Юлиана, так же как и у других неоплатоников, сочетается с языческим пантеизмом. Юлиан признает всех языческих богов, которые, согласно его учению, являются результатом эманации бога Солнца. Различные боги у разных народов отражают, по мнению Юлиана, различия между самими этими народами. Юлиан недаром получил от христианских апологетов прозвище Отступника, он полностью восстановил языческий культ и придавал ему огромное политическое значение. Религиозно-философская доктрина Юлиана тесно связана с его политическими убеждениями. Юлиан был выразителем интересов консервативной знати, связанной с полисным самоуправлением, политическим идеалам которой, как уже говорилось выше, весьма импонировали языческая религия и античная философия, а также основанная на них политическая доктрина, изображающая государство как союз полисов, имеющий праобразом иерархию языческих богов.

Именно так, следуя за Платоном и Дионом, представлял государство и Юлиан.

В конце IV — начале V в. достигла значительных успехов александрийская школа неоплатонизма. Ее возглавляла знаменитая Ипатия — математик, астроном и философ[3]. Сочинения Ипатии до нас не дошли, перечень их сохранился в словаре Свиды. О философских воззрениях Ипатии известно очень мало. Некоторые сведения на этот счет дает переписка Ипатии с ее учеником Синесием, будущим епископом Кирены. Как и большинство неоплатоников IV—VI вв., Ипатия являлась продолжательницей школы Ямвлиха. После трагической гибели Ипатии, зверски растерзанной в 415 г. фанатичной толпой христиан, подстрекаемых местным епископом, александрийская школа приходит в упадок. Причиной упадка было силь-

ное влияние христианской церкви в Александрии. С 30-х годов IV в. александрийский клир умело использовал недовольство различных социальных групп населения экономической и политической властью Константинополя и поддерживал их растущие сепаратистские настроения. По-видимому, только немногочисленная прослойка интеллигенции группировалась в Александрии вокруг школы неоплатонизма.

Вторым центром неоплатонизма являлись Афины — город, в котором особенно живучи были античные традиции. Наиболее выдающимся неоплатоником рассматриваемого периода был философ афинской школы Прокл Диадох (410/412—485), справедливо признаваемый последним крупным представителем античной философии вообще [4].

В философии Прокла неоплатонизм нашел свое дальнейшее развитие. Прокл ставит те же метафизические, гносеологические и этические проблемы, что и неоплатоники II—III вв., и последовательно решает их в духе объективного идеализма и мистики, характерных для неоплатонизма [5]. Исходной посылкой философской системы Прокла, так же как у Плотина, Порфирия, Ямвлиха и других неоплатоников, является философский монизм, представление о высшем единстве — абсолютном и бесконечном начале, основе и первопричине всего сущего. Высшее единство в философии Прокла, как и у неоплатоников предшествующего периода и так же как высшая идея Платона,— это лишенное качественных признаков абстрактное благо, недоступное разуму. Поскольку высшее единство иррационально, то есть находится вне пределов знания, оно трансцендентно. Иррациональность и трасцендентность высшего единства предвосхищают в некотором смысле кантовскую вещь в себе. Идея трансцендентности Прокла и других неоплатоников восходит к античной философии. У Платона идея противопоставлялась видимому миру, у Аристотеля небесный мир — земному. У неоплатоников, отождествляется существующее и мыслимое. В этом — основа их философского рационализма. Высшее единство, находящееся вне пределов знания,— лишь абстракция и потенция всякого бытия. Это — небытие, недоступное мысли, знанию, которое может быть охарактеризовано лишь посредством отрицательных определений: оно не содержит никаких реальных качеств, вернее — содержит их все, но в потенции, являясь первоосновой видимого мира. Высшее единство Прокла — это Ничто, близкое гегелевскому Ничто, или Чистому бытию. Однако у Гегеля Ничто не трансцендентно, а имманентно видимому миру. Впрочем, трансценденция высшего единства у неоплатоников не является одновременно трансценденцией и в метафизическом и гносеологическом отношении, подобно кантовской вещи в себе. Высшее единство неоплатоников трансцендентно только в гносеологическом смысле — оно вне пределов знания, однако, будучи основой и первопричиной всего сущего, оно, как и гегелевское Ничто — Чистое бытие, имманентно происшедшему из него видимому миру. Итак, в метафизическом смысле высшее единство неоплатоников полностью предвосхищает гегелевское Ничто. В то же время оно отличается от гегелевского Ничто в ином смысле: неоплатоники наделяли высшее единство
 божественными свойствами или отождествляли с богом, их философ-

ский монизм носит, таким образом, откровенно теистический характер. Главным образом, в силу своего теистического монизма неоплатонизм и явился одним из источников формирования христианской догматики.

Однако бесспорно, что христианский бог, также представляющий собой абстрактное бесконечное духовное начало, не тождествен высшему единству неоплатоников. Христианский бог отнюдь не имманентен созданному им миру, напротив, он абсолютно трансцендентен.

Согласно Проклу, источником бытия является эманация — истечение божественной сущности высшего единства. Эта мистическая эманация происходит по необходимости под действием творческой энергии, заключенной в высшем единстве. В понимании Проклом возникновения конечного бытия отразилось одно из резких расхождений его неоплатонических воззрений с христианским учением о происхождении мира. Как известно, согласно христианской космогонии, конечный мир создан богом, стоящим над миром. Причем это творение рассматривается отнюдь не как результат естественной необходимости, а как растянутый во времени акт свободной божественной воли. В отличие от христианской космогонии Прокл, как и другие неоплатоники, считал, что, поскольку высшее единство имманентно бытию, бытие-материя так же вечно, как и высшее божественное начало, т. е. бытие и высшее единство — совечны. Учение неоплатоников о возникновении бытия в результате эманации, отличное от ортодоксальной христианской космогонии, весьма напоминает в то же время космогонические представления гностиков и богословов предшествующего периода. Согласно учению гностиков, мир произошел в результате постепенной эманации бога-отца. Ориген, крупнейший богослов III в., также разделял учение об эманации. Его космогония испытала значительное влияние Платона и неоплатоников.

Эманация высшего единства и создание видимого мира происходит, согласно учению неоплатоников, постепенно, через промежуточные монады — ипостаси, т. е. духовные субстанции, возникшие, в свою очередь, также в результате эманации божества.

Прокл говорит о постепенном нисхождении посредством эманации высшего единства к первейшим монадам:[6] высшему бытию, высшей энергии, первому разуму, первой природе, первой материи. От каждой монады, в свою очередь, возникает ряд божественных духовных субстанций — обычно три или семь. Эти духовные субстанции вновь излучают новые духовные субстанции. Так возникают многочисленные системы триад (при делении на три) и гебдомад (при делении на семь). Все эти духовные субстанции, наполняющие космос, отождествляются с пантеоном языческих богов, начиная от Крона, Реи, Зевса и кончая демонами и героями античной мифологии. Через посредство этих высших божественных сил в реальный мир привносятся все наблюдаемые в нем свойства и качества. Качественное многообразие видимого мира, таким образом, возникает как результат божественной эманации и само носит божественный характер, ибо в каждом качестве и свойстве видимого мира присутствует некое божественное начало, возникшее в результате божественного истечения. Наличие этого качества отражает имманентность высшего боже-

ственного единства бытию. Учение Прокла и других неоплатоников о промежуточных монадах как особых духовных субстанциях, не тождественных, с онтологической точки зрения, высшему божественному единству, отличает неоплатонизм от ортодоксальной христианской догматики, согласно которой бог единосущен в трех лицах.

Космос в изображении Прокла — это чисто умозрительная, абстрактно-логическая схема, все элементы которой прямо или косвенно взаимосвязаны. Всякая духовная сущность представлена как причина другой сущности, являющейся следствием, и находится на более высоком уровне в системе божественной эманации, чем ее следствие. Всякое следствие хотя и отличается от своей причины меньшей степенью совершенства, однако подобно своей причине. Это подобие выражается в стремлении следствия подняться до уровня совершенства своей причины. Через посредство своей причины всякое следствие уподобляется всем остальным, еще более совершенным, сущностям — вплоть до божественных монад и высшего единства. Таким образом, если, с одной стороны, каждая сущность является в конечном счете результатом эманации высшего единства, то, с другой стороны, и в силу этого, каждая сущность стремится к уподоблению или, как нередко выражается Прокл, «возвращению» к высшему единству. Таким образом, по мнению Прокла, в мире происходят постоянные нисхождения — эманации и восхождения, т. е. постоянное циклическое движение (естественно, движение в смысле логической взаимосвязи, а не механическое движение). Представление Прокла о взаимосвязи в мире как о циклическом движении, т. е. системе бесконечных нисхождений и восхождений, обозначаемых при помощи трех логических категорий — нисхождение, конкретная сущность, восхождение — или — причина, следствие, уподобление, иначе говоря,— широко известная в истории философской мысли триада Прокла и других неоплатоников свидетельствует о глубоком диалектическом понимании мира неоплатониками. Триада Прокла предвосхищает закон отрицания отрицания в понимании Гегеля — гегелевский тезис, антитезис и синтез.

Учение о постоянном циклическом движении как выражении нерасторжимой взаимосвязи и взаимозависимости во вселенной отражает представления объективного идеалиста Прокла о всеобщем диалектическом единстве. Это единство, по Проклу, в конечном происхождении мира от высшего абсолютного и бесконечного абстрактного единства, то есть единство мира в его божественности и идеальности. Учение Прокла о присутствии в каждом конкретном предмете божественного начала, об имманентности высшего единства видимому миру, выражает его представление о взаимосвязи в окружающем мире конкретного и абстрактного, единства и множества. Эту проблему, как и другие неоплатоники, Прокл решает диалектически.

Причудливое сочетание идеи трансцендентности и имманентности в понимании соотношения высшего единства и видимого мира говорит о своеобразном дуализме неоплатонизма вообще и философии Прокла в частности. Это — дуализм в духе Платона, также признававшего и трансцендентность и имманентность высшей идеи бытию. Имманентность духовного и телесного признавалась и Аристотелем. В то же

время идея божественных монад, отождествляемых с пантеоном языческих богов, демонов и героев — как посредников между высшим единством и окружающим бытием, равно как и мысль о присутствии божественного начала в каждой духовной и телесной субстанции окружающего мира, т. е. идея имманентности высшего божественного единства бытию, свидетельствует о языческом пантеизме Прокла, сочетающемся с его теистическим монизмом, что характерно для неоплатонизма и античной философии вообще.

Однако пантеизм в философии Прокла, как и у других неоплатоников рассматриваемого периода, подчинен философско-теистическому монизму, что, как уже говорилось выше, свидетельствует о стремлении представителей неоплатонизма философски обосновать языческую религию. Подчинение пантеизма монотеизму придает неоплатонизму характер переходного миросозерцания от античной философии к христианству. Это сочетание и является в то же время основным противоречием в учении неоплатоников.

Учение Прокла о высшем единстве и взаимозависимости в мире, учение о циклическом движении лежит в основе его теории познания высшего единства, отождествляемого с высшей истиной. Познание высшего единства означает восхождение души к высшему единству. Это восхождение происходит в силу естественной необходимости. Способность души возвышаться до высшего единства — это ее наивысшая добродетель. Помочь пробуждению этой добродетели можно посредством упражнения и развития лучших духовных качеств.

Однако познание высшего единства коренным образом отличается от познания мира. По существу это не познание, а сверхразумное мистическое объединение, слияние с высшим единством. Для разума высшее единство непостижимо, оно в гносеологическом смысле трансцендентно. Развитие лучших свойств души предполагает как конечное достижение отказ от всего чувственного, земного, освобождение от зла. Воссоединение с высшим единством происходит в форме духовного экстаза. Отказ от всего земного, являясь высшей нравственной целью этики Прокла, восходит к этическим воззрениям стоиков. Несомненна также связь этических норм Прокла с христианской этикой, предписывающей аскетизм как главную добродетель.

Учение Прокла и других неоплатоников о познании высшей истины и духовном совершенствовании существенно отличается от христианского учения о божественном откровении истины и нравственном очищении души. Согласно воззрениям Прокла, истина, т. е. высшее божественное единство, имманентна душе человека, а познание истины, т. е. восхождение души к высшему единству,— результат естественной необходимости; согласно же христианскому учению, высшая истина — трансцендентна. Посредством божественного откровения происходит ее сверхъестественное открытие богом. Кроме того, согласно христианскому учению, для того, чтобы человек получил возможность бороться со злом и мог достигнуть нравственного совершенства, потребовалась искупительная жертва Логоса. По Проклу же, последовательно стоящему и в вопросах этики на позициях неоплатонизма, нравственное совершенствование в силу имманентности высшего единства душе зависит только от самого человека.

С позиций неоплатонизма Прокл решает также и проблему о происхождении зла в мире. Его воззрения на этот счет опять-таки отличны от христианско-библейского понимания этой проблемы. Согласно христианской этике, зло в мире возникло в результате грехопадения человека, а в дальнейшем связано с неразумным поведением людей. Прокл не считает зло объективным свойством: зло — это недостаток добра, возникающий в силу того, что различные духовные и телесные сущности, представляющие собой различные этапы божественной эманации, содержат неодинаковое количество добра — блага, исходящего от высшего божественного единства.

В духе античной философии выдержаны философско-политические воззрения Прокла, занимающие, правда, весьма незначительное место в системе его философских взглядов. Государство, по Проклу, так же как и у Диона Хрисостома,— это микрокосмос. Распределение функций в государстве отражает устройство космоса. Как космос управляется высшим божественным единством, так и государство управляется монархом. Положение различных классов в государстве — Прокл принимал платоновское деление на классы — отражает иерархическое строение космоса — соподчинение божественных монад. Различные формы государственного устройства с различной степенью их совершенства означают постепенное нисхождение от высших форм к низшим по аналогии с постепенной божественной эманацией в космосе. Как и Платон, Прокл отдавал предпочтение аристократической умеренной монархии, а следовательно, был враждебно настроен, хотя и не высказывался об этом прямо, по отношению к режиму автократии.

По-видимому, Прокл придерживался политических идеалов полисной знати. Интересам этой знати, опиравшейся на язычество и античную философию, служила, бесспорно, и вся философско-теологическая система Прокла в целом.

После Прокла афинская школа неоплатоников просуществовала еще почти столетие, однако она находилась в состоянии упадка. Среди ее представителей не было особенно выдающихся философов. Из последователей Прокла наиболее известны Сириан, Дамаскин, Симпликий, Марин [7], оставивший описание жизни и взглядов Прокла. Названные философы более известны своими комментариями к сочинениям древних философов, чем оригинальными философскими трудами. Все они разделяли учение о высшем единстве, о промежуточных монадах и эманации. Еще в большей степени, чем Прокла, его последователей интересовали теологические вопросы в ущерб теоретической философии. В 529 г. Юстиниан закрыл афинский языческий центр образования. Это был жестокий удар по неоплатонизму. В дальнейшем неоплатонизм прекратил свое существование как философская система.

Представители второго течения в неоплатонизме, если и придерживались в решении основных философских проблем позиций неоплатонизма, нередко, однако, сближались с христианской догматикой. Такое сближение было результатом или их непоследовательности или сознательного стремления примирить неоплатонизм с христианским миросозерцанием.

Весьма непоследовательным мыслителем, хотя разделявшим в основном взгляды неоплатоников, однако кое-что заимствовавшим от христианской философии, был Синесий Киренский. Вслед за неоплатониками Синесий в ряде своих произведений признавал основой всего сущего абстрактное бесконечное высшее благо, не имеющее ни воли, ни страстей [8]. Это высшее благо, называемое Синесием иногда богом, недоступно знанию и потому трансцендентно, но в то же время оно и имманентно видимому миру. Однако в других своих произведениях Синесий словно склоняется к пониманию бога в духе христианской философии. Он пишет о боге как о существе живом и действующем, стоящем над миром, как о создателе всего окружающего. Тем не менее свойственное неоплатонизму представление о боге как о высшем единстве, имманентном бытию, преобладает у Синесия. Идея постепенной нисходящей эманации божественной сущности находит у Синесия свое выражение в учении о монадах, отожествляемых с языческими богами. Как и другие неоплатоники, Синесий, таким образом, склоняется к пантеизму. Впрочем, учение Синесия о монадах-ипостасях, хотя и занимает видное место в его космогонии и говорит о приверженности философа к неоплатонизму, не свободно от противоречий. Так, Синесий нередко отожествляет мировой ум и мировую душу, называет их богом-сыном и святым духом и при этом отказывает им в самостоятельном существовании, рассматривая их лишь как проявление бога-отца, склоняясь, таким образом, к христианской онтологии. Восхождение души к высшему благу, означающее познание истины, происходит, согласно Синесию, примыкающему в этом вопросе к неоплатонизму, по естественной необходимости — в силу имманентности божества душе, а не в результате откровения бога, стоящего над миром, как учит христианство. Вопрос о причинах зла в мире и возможностях его устранения Синесий также решает с позиций неоплатонизма. Источник зла коренится в материи, являющейся последним творением высшего блага, а потому наименее совершенным. Человек, по Синесию, способен сам преодолеть зло путем совершенствования лучших качеств своей души.

Особый интерес представляют политические взгляды Синесия [9], отражавшие интересы полисной знати, декурионата крупных городов [10]. Так же как и взгляды Прокла, политические воззрения Синесия прежде всего порождены платоновским учением о государстве. Синесий неоднократно ссылается на Платона, называя его своим наставником. Не меньшее влияние на Синесия оказали и взгляды Диона Хрисостома, весьма почитавшегося Синесием. Вслед за Платоном и Дионом Хрисостомом Синесий противопоставляет монархию тирании и резко обличает последнюю. У Платона Синесий заимствует идею о чрезвычайно важной роли философии в государстве и о том, что правитель должен быть философом.

Следуя характерному для неоплатонизма учению об имманентности божества сущему миру и подобии всего сущего божеству, Синесий уподобляет императора богу. Бог дарует императору как бы образец своего провидения. Император в отношении государства является таким же источником блага, как бог в отношении мира.

Причем как и бог — источник блага в силу естественной необходимости (так как он содержит все блага в себе), император раздает блага без всякого труда, ибо содержит их все в своей сущности. Синесий, следовательно, разделял представление Прокла о государстве как о микрокосмосе. Таким образом, взгляды Синесия на государство, в отличие от его философских воззрений, строго выдержаны в духе античных политических учений.

Особое место в философии рассматриваемого периода занимают воззрения Псевдо-Дионисия Ареопагита[11]. Его взгляды представляют собой своеобразный синтез христианских догм и неоплатонических воззрений. В целом Псевдо-Дионисий примыкает к философам патристического направления, основным источником его воззрений является священное писание. Однако, в отличие от большинства последующих христианских мыслителей, Псевдо-Дионисий решает ряд основных философских вопросов в духе неоплатонизма. В то же время, если последовательные неоплатоники пытались философски обосновать языческую религию, то Псевдо-Дионисий стремится к обоснованию христианских догм при помощи неоплатонической философии.

Как последователь неоплатонизма, Псевдо-Дионисий признает высшее единство, являющееся высшим благом и первопричиной всего сущего[12]. В гносеологическом отношении высшее единство трансцендентно, т. е. недоступно познанию. Как основа всего сущего высшее единство имманентно миру. Однако иногда он склоняется к христианскому пониманию бога и акта творения мира. В связи с трактовкой высшего единства одновременно как трансцендентного, так и имманентного начала в произведениях Псевдо-Дионисия различается позитивная и негативная теология. Первая изображает высшее единство, отожествляемое с богом, как сосредоточение всех качеств, присущих бытию, вторая — как трансценденцию, недоступную словесным определениям. Только при помощи отрицательных эпитетов можно характеризовать сущность бога.

Подобно неоплатоникам, Псевдо-Дионисий признает иерархичность мира результатом постепенной божественной эманации, происходящей в форме постоянных световых излучений. Однако, в отличие от неоплатоников, отождествлявших монады с языческими богами, в произведениях Псевдо-Дионисия иерархия духовных сущностей представлена в виде иерархии ангелов. Кроме того, и это главное, Псевдо-Дионисий вкладывает в понимание божественной иерархии иное, отличное от неоплатоников, чисто христианское содержание. Если Прокл и Синесий, рассматривая вслед за Платоном и Дионом Хрисостомом государственное устройство как отображение иерархической структуры божественных сил, стремились тем самым обосновать справедливость ограниченной монархии, то Псевдо-Дионисий при помощи учения о иерархической структуре небесных сил пытался обосновать справедливость земной иерархии в христианском духе. Он утверждал, что существующая на земле система подчинения светских и духовных лиц отражает иерархию божественных сил. Таким образом, учение об иерархическом строении космоса как этапах божественной эманации, разработанное античными философами

и противопоставлявшееся ими христианской догматике, используется для обоснования церковной иерархии. Этот пример наглядно показывает, каким образом античная философия становится источником формирования христианских взглядов.

Значительное место в воззрениях Псевдо-Дионисия занимает теория познания бога, которое совершается в состоянии экстаза. Однако если у Прокла и других представителей неоплатонизма очищение души и восхождение ее к высшему единству происходит в силу естественной необходимости, родственности, уподобления души высшему единству — богу, причем для совершенствования лучших качеств души достаточно собственных усилий человека, то в сочинениях Псевдо-Дионисия проблема нравственного совершенствования решается с христианской точки зрения. По Псевдо-Дионисию, человек сам не способен подняться до познания высшего единства. Душа может освободиться от зла только благодаря искупительной жертве Логоса. Но, если проблему откровения Псевдо-Дионисий решает с позиций христианства, то проблему о причинах зла в мире он решает в духе неоплатонизма. Зло, по Псевдо-Дионисию,— результат свободной воли человека, не способного избежать ошибок в своем свободном выборе решений.

Таковы основные направления и основные черты неоплатонизма IV—VI вв. Главная тенденция развития неоплатонизма заключалась в постепенных уступках христианскому мировоззрению. Постепенно к VI в. неоплатонизм все более ощутимо сдает свои позиции, уступая место христианской философии, чье почти безраздельное господство устанавливается затем на многие столетия. Чем объяснить тот факт, что неоплатонизм, представители которого во II—III вв. столь ревностно отвергали христианство, впоследствии мирно уживается с христианством как в воззрениях представителей христианской философии, так и в воззрениях мыслителей, хотя и следовавших в основном учению неоплатонизма, однако примиренчески относившихся к христианской догматике? Объяснение этого явления, по-видимому, надо искать в том, что, несмотря на значительные расхождения неоплатонизма и христианства в решении основных философских проблем, между этими течениями общественной мысли имеется и несомненное сходство. Это сходство восходит к мистическому и теистическому характеру неоплатонизма. Выше говорилось, что неоплатоники придавали божественные свойства высшему единству — основе и первопричине бытия. Высшая истина в понимании неоплатоников носит мистический характер, она отождествляется с познанием бога, возможным в состоянии экстаза. Этика неоплатоников предполагает в качестве высшей добродетели отказ от всего земного и перекликается с христианским аскетизмом. Все эти черты неоплатонизма, сближающие его с христианской философией, и явились причиной того, что неоплатоники рассматриваемого периода в своем учении использовали отдельные положения христианской философии, а христианские мыслители восприняли от неоплатонизма решение некоторых метафизических проблем.

Видные христианские мыслители — Григорий Нисский, Эней Газский, Иоанн Филопон, Немесий (епископ Эмесы) и другие — заимст-

вовали некоторые положения античной философии; в частности многие из христианских философов разделяли учение неоплатоников о путях воссоединения души с телом, о разделении души на разумную и неразумную часть, учение Аристотеля о материи и форме. В то же время христианские мыслители этого периода развернули решительную борьбу против неоплатоников. Особое негодование христианских апологетов вызывала космология и онтология неоплатоников, их представления об имманентности высшего божественного единства видимому миру, о совечности высшего единства и видимого мира, о совершенстве и вечности материи. Эней Газский, Захарий епископ Метилены, Прокопий Газский, Иоанн Филопон и другие с полемическим пафосом утверждали, что мир создан богом во времени, видимый мир не вечен, вечным является только бог, который не имманентен миру, а абсолютно трансцендентен. Совершенен также только бог, но не его творение. В отличие от неоплатоников, рассматривавших человека как определенное звено в системе божественной эманации, не отличающееся от других духовных и телесных субстанций, христианские мыслители считали человека центром вселенной.

Гневные нападки идеологов христианства в первую очередь на космологию и онтологию неоплатоников не случайны. Они отражают острую идейную непримиримость тех и других в вопросах, тесно связанных с различным пониманием путей дальнейшего социально-политического развития империи и характера государственной власти. Основной философской идеей онтологии и космологии неоплатоников является представление об имманентности высшего божественного единства видимому миру, отсутствие резкого противопоставления бога миру, иначе говоря — отрицание метафизической трансценденции бога. Эта идея, будучи перенесенной из космических сфер в область реальных земных отношений, служила обоснованием, как уже говорилось, политического режима, ушедшего в прошлое, режима умеренной монархии. Христианство же, признавая абсолютную трансцендентность бога, благословляло тем самым и соответствующий порядок на земле — абсолютную теократическую монархию.

Ожесточенные нападки христианских мыслителей вызывает также и учение неоплатоников о познании божественной истины в результате слияния с божеством в состоянии экстаза. Иоанн Филопон утверждал, что человек не может по своей воле и благодаря своему разуму подняться к богу. Он может постичь бога только при помощи христианских догм и христианской церкви, причем эти догмы нельзя понять, их можно только принимать на веру.

Крах неоплатонизма, совпавший с падением античной культуры и образованности, не случаен. Причинами его нельзя считать только гонения на язычество и идейную непримиримость христианства. Крах неоплатонизма явился исторической неизбежностью. С идейной точки зрения причиной вырождения неоплатонизма как философской системы явился переходный, примиренческий характер этого мировоззрения. Представители неоплатонизма не смогли разрешить основной вопрос, волновавший общественную философскую мысль того времени,— вопрос о соотношении бесконечного абстрактного бога и конкретного чувственного мира. Неоплатоники при решении этого вопро-

са сочетали монотеизм с пантеизмом в духе античной философии. Христианские мыслители нашли более «удобные» пути решения проблемы, избежав противоречий неоплатонизма: представление христианской теологии о едином боге означало утверждение монотеистического принципа.

С социально-экономической точки зрения причина упадка неоплатонизма заключается в постоянном сужении социальной базы этой философии. Являясь синтезом основных достижений античной философии, неоплатонизм отражал интересы узкой прослойки городской консервативной рабовладельческой знати, связанной с городским самоуправлением. На протяжении столетий эта знать все больше теряла свое экономическое и политическое значение, и этот процесс естественно сопровождался постепенным высвобождением философской мысли из-под влияния неоплатонизма. Однако неоплатонизм лишь временно уступает свои позиции христианству. В последние века жизни империи, в период так называемого византийского возрождения и нараставшей оппозиции христианской схоластике, неоплатонизм вновь обретает силу. Дальнейшее его развитие было прервано турецким завоеванием.

Представляя собой систему объективного идеализма, неоплатонизм явился предшественником и в какой-то мере источником ряда реакционных иррационально-мистических систем (например системы Бергсона и, как уже неоднократно указывалось, христианской философии). В то же время неоплатонизм, впитав основные идеи античной философии, явился благодаря этому той философской системой, которую мыслители эпохи Возрождения смогли противопоставить средневековому обскурантизму. Кроме того, для неоплатонизма были характерны и элементы диалектического метода. Представители этого направления нередко предвосхищали диалектику Гегеля. Синтез основных достижений античной философии и дальнейшая разработка диалектического метода и составляют вклад неоплатонизма в развитие философской мысли.

Глава
19

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА IV—VII ВВ.

Для византийской литературы IV—VII вв. [1] характерны широта и недифференцированность: она включает в себя сочинения исторического характера, богословие, философию, натурфилософию и многое другое. Литература эта отличается этнолингвистической неоднородностью, многоязычием и многонациональностью. Основная ее линия — грекоязычная, так как для огромного большинства населения общим был греческий язык, ставший с конца VI в. официальным в империи. Однако наряду с грекоязычными памятниками и во взаимодействии с ними существовали произведения, написанные на латинском, сирийском, коптском и других языках.

В византийской литературе долго продолжали жить античные традиции, чему способствовало сохранение греческого языка, а также специфика системы обучения и просвещения. Постановка преподавания в начальной и высшей школах сыграла большую роль в распространении античных литературных памятников и в формировании вкусов. При этом огромное воздействие на литературу (как и на всю культуру в целом) оказало христианство. Богословские произведения составили значительную ее часть.

В литературе IV—VII вв. существуют два направления: одно, представленное языческими писателями и поэтами, и другое — христианскими авторами. Продолжают свое развитие такие античные жанры, как риторика, эпистолография, эпос, эпиграмма. С ними соседствуют новые: хронография, агиография и гимнография.

Раннее христианство не могло дать художественной литературы в настоящем смысле слова. В его литературной продукции равнове-

сие между формой и содержанием еще слишком резко нарушено в пользу содержания; жесткая установка на дидактическую «учительность» исключает осознанную заботу о внешнем оформлении; декоративные элементы стилистики отвергаются за ненужностью. Больше свободы позволяет себе апокрифическая повествовательная литература, иногда использующая приемы античного романа. Овладение арсеналом языческой культуры христианство начинает с философии; уже к началу III в. оно выдвигает такого мыслителя, как Ориген, но еще не дает ни одного автора, который мог бы конкурировать со столпами «второй софистики» также и в формальном владении словом.

Лишь накануне царствования Константина рост христианской культуры и сближение церкви с языческим обществом заходят так далеко, что создаются объективные условия для соединения христианской проповеди с самыми утонченными и разработанными формами риторики. Так закладываются основы византийской литературы.

Первенство в ней принадлежит прозе. Еще в середине III в. работает Григорий Неокесарийский (ок. 213 — ок. 273), посвятивший своему учителю Оригену «Благодарственное слово» (или «Панегирик»). Тема речи — годы учения Оригена в церковной школе и путь собственного духовного становления. Ее характер определен сочетанием традиционных стилистических форм и новой по духу автобиографической интимности; парадность панегирика и задушевность исповеди, репрезентативные и доверительные интонации контрастно оттеняют друг друга. Еще сознательнее и отчетливее игра на контрастах старой формы и нового содержания проведена в диалоге Мефодия из Олимпа в Ликии (умер в 311 г.) «Пир, или о целомудрии». Само заглавие намекает на знаменитый диалог Платона «Пир, или о любви», структура которого воспроизведена у Мефодия с большой точностью; сочинение изобилует платоновскими реминисценциями — в языке, стиле, ситуациях и идеях. Но место эллинского Эроса у Мефодия заняла христианская девственность, и содержание диалога — прославление аскезы. Неожиданный эффект создается осуществленным в финале прорывом прозаической ткани изложения и выходом к гимнической поэзии: участницы диалога поют торжественное славословие в честь мистического брака Христа и Церкви. Этот гимн нов и по своей метрической форме: в нем впервые в греческой поэзии пываются тонические тенденции.
сквозь реликты традиционного музыкального стихосложения прощу-

По-видимому, опыт Мефодия был близок к литургической практике христианских общин, но в «большой литературе» он надолго остается без последствий. Через полвека ученик языческого ритора Епифания Аполлинарий Лаодикийский пытается заново основать христианскую поэзию на иных, вполне традиционалистских основах. От его многочисленных сочинений (гексаметрическое переложение обоих заветов, христианские гимны в манере Пиндара, трагедии и комедии, имитирующие стиль Еврипида и Менандра) дошло только переложение псалмов метром и языком Гомера — столь же виртуозное, сколь далекое от живых тенденций литературного развития. Рис-

КРЕЩЕНИЕ ХРИСТА

Купольная мозаика Православного баптистерия в Равенне. 449—458гг.

кованное соединение двух разнородных традиций — гомеровской и библейской — осуществлено с большим тактом: эпическая лексика очень осторожно приправлена небольшим количеством речений, специфичных для Септуагинты (греческий перевод Ветхого завета), что создает неожиданный, но вполне цельный языковый колорит.

Раннее христианство жило не прошлым, но будущим, не историей, но эсхатологией и апокалиптикой. К концу III в. положение меняется: христиане перестают чувствовать себя безродными «пришельцами на земле» и приобретают вкус к традиции. Церковь, внутренне созревшая для духовного господства, ощущает потребность в импонирующем увековечении своего прошлого.

Удовлетворить эту потребность взялся Евсевий[2]. Его «Церковная история» принадлежит научной прозе, «Жизнеописание блаженного царя Константина» — риторической. По своим установкам и стилю

это типичный «энкомий» (похвальное слово), продукт старой античной традиции, восходящей еще к Исократу (IV в. до н. э.). Новой является христианская тенденция. Идеальный монарх должен быть не только «справедливым» и «непобедимым», но и «боголюбивым». Если старые риторы сравнивали прославляемых монархов с героями греко-римской мифологии или истории, то Евсевий берет объекты сопоставления из Библии: Константин — это «новый Моисей». Но структура самого сравнения остается прежней.

Именно в тот момент, когда церковь добилась полной легальности и политического влияния, она оказалась перед необходимостью заново пересмотреть свои мировоззренческие основы. Это вызвало к жизни арианскую полемику. Она стояла в центре всей общественной жизни IV в. и не могла не повлиять на ход литературного процесса.

Арий внес мирской дух в религиозную литературу. Блестящий проповедник, он хорошо знал своих слушателей — граждан Александрии, привыкших к жизни большого города. Древнехристианская аскетическая суровость стиля здесь не могла рассчитывать на успех; однако и традиции языческой классики были для масс слишком академичными и устаревшими. Поэтому Арий, сочиняя для широкой пропаганды своих богословских взглядов поэму «Фалии», обратился к иным традициям, менее уважаемым и более жизненным. Мы мало знаем о поэме знаменитого еретика — сама она утрачена (возможно даже, что это была не поэма, а смешанный стихотворно-прозаический текст типа так называемой мениპповой сатиры). Но показания современников складываются в достаточно яркую картину. По одному свидетельству, Арий имитировал стиль и метр Сотада, одного из представителей легкой поэзии александрийского эллинизма; по другому,— его стихи были рассчитаны на то, чтобы их распевали за работой и в пути. Даже если эти сообщения тенденциозно утрируют компрометирующие ассоциации, вызванные творчеством Ария (поэзия Сотада была порнографической), они содержат долю истины. Александрия издавна была центром поэзии мимодий, мимиамбов и т. п. Какие-то (безусловно, лишь чисто формальные) черты этих жанров и пытался отобрать для рождавшейся христианской поэзии Арий. Его путь был более шокирующим, но и более перспективным, чем путь христианизированного классицизма Аполлинария Лаодикийского.

Египетские монахи, относившиеся к культуре больших городов с ненавистью, принимали подобные опыты резко враждебно и доходили до отрицания самого принципа литургической поэзии. От V в. дошла беседа старца Памвы с послушником, в которой суровый аскет говорит: «Не для того удалились монахи в эту пустыню, чтобы праздномыслить, да складывать лады, да распевать песнопения, да трясти руками, да переставлять ноги...». Однако процесс развития народной по духу и новаторской по форме церковной поэзии нельзя было остановить. Самые строгие ревнители правоверия должны были заняться составлением песнопений, чтобы вытеснить из обихода гимны еретиков. Одним из выразителей тенденций времени стал сириец Ефрем (ум. 373 г.) [3], удачливый соперник представителей еретической гимнографии, писавший по-сирийски, но оказавший влияние и

на грекоязычную литературу; один из его текстов хорошо известен по переложению Пушкина в стихотворении «Отцы пустынники и жены непорочны...».

Народ хотел получить доходчивые и легко запоминающиеся поэтические тексты, которые можно было бы, заучив в церкви, напевать за работой и на досуге. «Путники в повозке и на корабле, ремесленники, занятые сидячей работой, короче говоря, мужчины и женщины, здоровые и недужные, прямо-таки почитают за наказание, если им что-нибудь помешает твердить эти возвышенные уроки»,— констатирует в конце IV в. Григорий Нисский. Учение Ария должно было погибнуть, его имя стало одиозным, но литературное развитие во многом пошло по тому пути, который был указан его «Фалиями».

Главным антагонистом Ария был александрийский патриарх Афанасий[4]. Языческий дух античных традиций был глубоко чужд Афанасию, однако в стремлении к импозантной строгости стиля он придерживался школьных риторических норм. Наибольший историко-литературный интерес представляет биография египетского аскета Антония, основателя монашества (к ней, между прочим, восходит мотив «искушения св. Антония», ходовой в европейском искусстве и литературе вплоть до повести Флобера). Это сочинение было почти немедленно переведено на латинский и сирийский языки и положило начало популярнейшему в средние века жанру монашеского «жития».

Первые монахи Нильской долины чуждались литературных занятий: Антоний — это новый герой литературы, но сам он еще не мог взять в руки перо. Через несколько десятилетий монахи приобщаются к писательству. Евагрий Понтийский (ок. 346—399) основал типичную для Византии форму — руководство по монашеской этике, основанное на самонаблюдении и строящееся из афоризмов. Едва ли Евагрий и его продолжатели знали что-нибудь о философском дневнике Марка Аврелия «Наедине с собой», но сходство здесь налицо.

Идейная жизнь IV в. глубоко противоречива. Между тем как специфичнейшие порождения византийского христианства — догматическое богословие, литургическая гимнография, монашеская мистика — уже приобретают четкие контуры, язычество не хочет сходить со сцены. Его авторитет в замкнутой сфере гуманитарного образования остается очень высоким. Характерно, что христианские авторы, работающие в традиционных риторических и поэтических жанрах, нередко избегают всяких воспоминаний о своей вере и оперируют в своих произведениях исключительно языческими образами и понятиями. Юлиан Отступник тоном полной уверенности заявляет христианам, что никто в их собственных рядах не посмеет отрицать преимуществ старой языческой школы.

Именно необходимость защищать себя в борьбе не на жизнь, а на смерть против наступления новой идеологии дает языческой культуре новые силы.

Особый расцвет переживает в IV в. риторика: для ее адептов характерна глубокая убежденность в исключительном общественном значении своего дела, которая искони была непременной чертой греческого «софиста», но в условиях борьбы с христианством получила

новый, углубленный смысл. В этом отношении характерен столп красноречия IV в. антиохиец Ливаний [5].

Ливаний родился в Антиохии, в богатой и знатной семье. Еще в детстве проявляется у него интерес к знаниям. Стремление к образованию влечет его в Афины, где Ливаний посещает высшую школу. По окончании ее он открывает собственную школу ораторского искусства, сначала в Константинополе, потом в Никомидии. С 354 г. он возвращается на родину, где проводит остаток жизни.

В автобиографии «Жизнь, или о своей судьбе», написанной в форме речи, Ливаний пишет: «Мне следует попытаться переубедить тех, кто составил себе неверное мнение о моей судьбе: одни считают меня счастливейшим изо всех людей ввиду той широкой известности, которой пользуются мои речи, другие несчастнейшим изо всех живых существ, из-за моих непрестанных болезней и бедствий, между тем и то и другое далеко от истины: поэтому я расскажу о прежних и нынешних обстоятельствах моей жизни и тогда все увидят, что боги смешали для меня жребий судьбы...» [6].

Многочисленные письма Ливания (их сохранилось более полутора тысяч) передают его философские, исторические, политические и религиозные размышления. Письма были рассчитаны на публикацию и потому интересны не только содержанием, но и блестящей формой.

В глазах Ливания искусство слова — это залог целостности находящегося под угрозой полисного уклада; риторическая эстетика и полисная этика взаимозависимы. Двуединство традиционного красноречия и традиционной гражданственности освящено авторитетом греческого язычества — и поэтому Ливаний, чуждый мистическим исканиям в духе неоплатоников, горячо сочувствует старой религии и оплакивает ее упадок. Христианство, как и все явления духовной жизни IV в., которые не умещались в рамках классической традиции, для него даже не столько ненавистно, сколько непонятно.

И все-таки тенденции эпохи выявились и в его творчестве; этот поборник классицистических норм пишет огромную по объему автобиографию, перенасыщенную интимными деталями и родственную по своему пониманию человеческой личности таким памятникам, как лирика Григория Назианзина или «Исповедь» Августина.

С творческим путем Ливания тесно соприкасается литературная деятельность его современника и друга Фемистия (320—390). Из писем Ливания мы узнаем о его уважении к достоинствам соперника — «блестящего оратора». Талант Фемистия высоко ценил Юлиан, Григорий Назианзин называл его βασιλεὺς λόγων [7].

В отличие от Юлиана и Ливания, Фемистий воздерживался от резкой полемики с приверженцами христианства. Ему была свойственна веротерпимость; недаром при всех императорах, независимо от их вероисповедания, он занимал видные государственные должности. В речи «Валенту о вероисповеданиях» Фемистий, воздавая хвалу императору, пишет: «Мудро тобой постановлено, чтобы каждый примкнул к тому вероисповеданию, которое ему представляется убедительным, и в нем искал бы успокоения для своей души...» и да-

лее: «Какое же безумие добиваться того, чтобы все люди, против своей воли, держались одних и тех же убеждений!» По мнению Фемистия, мудр император, предоставляя свободу выбора убеждений, «так чтобы людей не привлекали к ответственности за наименование и форму их религии» [8].

Показательно, что несмотря на приверженность к античной философии, в его произведениях встречаются чуждые язычеству классического периода представления, например, о земной жизни как о темнице и о загробной как о «счастливом поле». В своих речах он повсюду говорит о любви к философии, часто обращаясь к Платону и Сократу.

Речи Фемистия лишены поэтического пафоса, у него отсутствуют живые характеристики. Однако он был отличным стилистом, что немало способствовало его славе.

Речи Имерия (315—386) по содержанию, форме и стилю отличаются от речей Фемистия. Имерий стоял в стороне от общественной и политической жизни, был далек от двора и жил интересами своей школы. Речи, относящиеся к жизни школы в Афинах, где развернулась деятельность софиста, и речи, касающиеся вопросов риторского искусства, занимают в его творчестве большое место. В борьбе с христианством Имерий предпочитал эпидиктические (торжественные) речи, посвященные героическому прошлому или прославлению традиций греческой религии. Эти речи написаны в пышной, азианской манере.

Имерий придает своим речам благозвучность, используя образы, слова и выражения древнегреческих лириков. Сам он нередко называл свои речи «гимнами». Представление о манере Имерия дает речь на свадьбе родственника Севера, где жених и невеста описываются в восторженных тонах: «Еще более они сходны между собой нравом и цветущим возрастом: они как молодые розы на одном лугу, в одно время появились на свет, в одно время раскрывают свои лепестки; душевное же их сродство удивительно — оба стыдливы и чисты нравом и отличаются друг от друга только свойственными природе каждого занятиями. Она изощрилась в тканье шерсти, славном деле Афины, он обретает радость в трудах Гермеса» [9].

Кумиром философов-неоплатоников и язычески настроенных риторов был император Флавий Клавдий Юлиан, прозванный христианами «Отступником». В его лице язычество выдвинуло достойного противника таких вождей воинствующего христианства, как Афанасий; человек фанатической убежденности и необычайной энергии, Юлиан боролся за возрождение язычества всеми возможными средствами, и лишь его гибель в походе против персов раз и навсегда положила конец всем надеждам сторонников старой веры. Потребности борьбы диктовали преобразование политеизма по типу христианства (в ранг догматического богословия Юлиан возводил неоплатоническую доктрину) и предельную консолидацию духовных сил языческой культуры. Эту консолидацию Юлиан пытался осуществить своим личным примером, соединяя в себе монарха, первосвященника, философа и ритора; в пределах философии и риторики он в свою очередь стремится к самому широкому синтезу. Это делает

картину литературного творчества Юлиана очень пестрой в жанровом, стилевом и даже языковом отношении: все прошлое греческой культуры, от Гомера и первых философов до первых неоплатоников, одинаково ему дорого, и он силится во всей полноте воскресить его в своих собственных произведениях. Мы встречаем у него и мистические гимны в прозе, перегруженные философскими тонкостями, и одновременно захватывающие интимностью своих интонаций («К царю Солнцу», «К Матери богов»), и сатирические сочинения в манере Лукиана — диалог «Цезари», где зло осмеян христианский император Константин, и диатрибу «Ненавистник бороды, или антиохиец», где автопортрет самого Юлиана подан через восприятие враждебных ему жителей Антиохии; наконец, Юлиан отдавал дань эпидиктическому красноречию и даже эпиграмматической поэзии. От его полемического трактата «Против христиан» сохранились лишь отрывки, из которых видно, как страстно критикует он враждебную ему религию: «...Коварное учение галилеян представляет собой злобный людской вымысел. Хотя в учении этом нет ничего божественного, оно сумело воздействовать на неразумную часть нашей души, по-ребячески любящую сказки, и внушило ей, что эти небылицы и есть истина» [10]. Резкий тон по отношению к христианству выдержан им также в сатирах «Цезари» и «Ненавистник бороды».

Несмотря на свои реставраторские тенденции, Юлиан как писатель ближе своему беспокойному времени, чем тем классическим эпохам, о которых он тосковал: присущее ему чувство одиночества и крайне напряженное личное переживание религиозно-философских проблем стимулировали автобиографические мотивы в его творчестве; когда он говорит о своих богах, он с небывалой интимностью как бы объясняется им в любви.

Византийская литература признала Юлиана своим: если учесть то, какой ненавистью было окружено его имя по религиозным причинам, самый факт переписывания его сочинений уже в христианскую эпоху доказывает, что они, невзирая ни на что, находили себе читателей.

Дело Юлиана погибло: по известной легенде, император на смертном одре обратился к Христу со словами: «Ты победил, Галилеянин!» Но христианство, победив политически, могло бороться с авторитетом язычества в области философии и классицистической литературы лишь одним средством — как можно полнее усваивая нормы и достижения языческой культуры. В решении этой задачи огромная роль принадлежит так называемому каппадокийскому кружку, который становится во второй половине IV в. признанным центром церковной политики и церковной образованности на греческом востоке империи. Ядро кружка составляли Василий из Кесарии, его родной брат Григорий, епископ Нисы, и его ближайший друг Григорий из Назианза [11].

Члены кружка стояли на вершине современной им образованности. В актуальную богословскую полемику они перенесли филигранные методы неоплатонической диалектики. Отличное знание древней художественной литературы тоже было в кружке само собой разумеющейся нормой.

Вождем кружка был Василий Кесарийский. Как и все члены кружка, Василий писал много и умело; его литературная деятельность всецело подчинена практическим целям. Его проповеди формально стоят на уровне чрезвычайно разработанной риторики этого времени — и в то же время они по самой сути своей отличаются от эстетского красноречия языческих софистов типа Ливания. У Василия, как у ораторов греческой классики во времена Перикла и Демосфена, слово снова становится инструментом действенной пропаганды, убеждения, воздействия на умы. Характерно, что Василий требовал, чтобы слушатели, не уловив смысла его слов, во чтобы то ни стало перебивали его и требовали разъяснения: чтобы быть эффективной, проповедь должна быть доходчивой. Из языческих писателей поздней античности на Василия оказал большое влияние Плутарх со своим практическим психологизмом; в частности, сочинения Плутарха послужили образцом для трактата Василия «О том, как молодые люди могут получить пользу от языческих книг». Это сочинение долго служило авторитетной реабилитацией языческой классики; еще в эпоху Возрождения гуманисты ссылались на него в спорах с обскурантами.

Среди «толкований» Василия на библейские тексты выделяется «Шестоднев» — цикл проповедей на тему рассказа о сотворении мира из Книги бытия. Сочетание серьезных космологических мыслей, занимательного материала позднеантичной учености и очень живого и прочувствованного изложения сделали «Шестоднев» в средние века популярнейшим чтением. Он породил множество переводов, переработок и подражаний (в том числе и в древнерусской литературе).

Григорий Назианзин долгое время был ближайшим другом и сотрудником Василия Кесарийского, но трудно представить себе человека, который меньше походил бы на этого властного политика, чем рафинированный, впечатлительный, нервный, самоуглубленный Григорий. Такая же грань разделяет их подход к литературе: для Василия писательство — средство повлиять на других, для Григория — выразить себя.

Обширное наследие Григория включает трактаты по догматике (отсюда его прозвище «Богослов»), риторическую прозу, близкую к декоративной манере Имерия, и письма. Но главное его значение — в его поэтическом творчестве [12]. Стилевой диапазон поэзии Григория очень широк. Ближе всего к древним образцам его многочисленные эпиграммы, отличающиеся интимностью тона, мягкостью, живостью и прозрачностью интонаций. Некоторые из них ничем не позволяют догадаться, что их автор — один из «отцов церкви». Вот, например, эпиграмма на могилу некоего Мартиниана:

Муз питомец, вития, судья, во всем превосходный
Славный Мартиниан в лоне сокрылся моем.
Доблесть в сраженьях морских он явил, в сухопутных — отвагу,
После в могилу сошел, горестных бед не вкусив.

Совсем иной облик, отмеченный величавой безличностью и риторической изысканностью, носят его религиозные гимны: многочис-

ленные анафоры и синтаксические параллелизмы искусно оттеняют их метрическую структуру и создают стиховой образ, напоминающий симметричную расстановку фигур на византийских мозаиках:

Ей, царю, царю нетленный,
Чрез тебя напевы наши,
Чрез тебя небесных хоры,
Чрез тебя времен теченье,
Чрез тебя сиянье солнца,
Чрез тебя краса созвездий;
Чрез тебя возвышен смертный
Дивным даром разуменья,
Тем от всей отличен твари.

Наряду с этим поэзия Григория имеет в своем распоряжении глубоко личные мотивы одиночества, разочарования, недоумения перед жестокостью и бессмысленностью жизни:

О горькая неволя! Вот я в мир вступил:
Кому, зачем нужны мои терзания?
От сердца молвлю слово откровенное:
Когда б твоим я не был, возмутился б я.
Родимся; в мир приходим; провожаем дни;
Едим и пьем, блуждаем, дремлем, бодрствуем,
Смеемся, плачем, болести терзают плоть,
Над нами ходит солнце: так проходит жизнь,
А там сгниешь в могиле. Так и темный зверь
Живет — в бесславьи равном, но безвиннее.

Поколение Григория еще не могло принять от других успокоительную догму — оно должно было сначала выстрадать ее. Поэтому мир Григория полон тяжелых, смутных, нерешенных вопросов:

Кто я? Отколе пришел? Куда направляюсь? Не знаю.
И не найти никого, кто бы наставил меня.

Лирика Григория с захватывающей непосредственностью запечатлевает ту духовную борьбу, которой было окуплено создание церковной идеологии:

О, что со мною сталось, боже истинный,
О, что со мною сталось? Пустота в душе,
Ушла вся сладость мыслей благодетельных,
И сердце, омертвевшее в беспамятстве,
Готово стать приютом Князя мерзости.

Чисто автобиографический характер имеют три поэмы Григория: «О моей жизни», «О моей судьбе» и «О страданиях моей души». Возможно, что эти поэмы с их интимным психологизмом и огромной культурой самоанализа повлияли на возникновение «Исповеди» Августина.

Подавляющее большинство стихотворений Григория подчинено законам традиционного музыкального стихосложения, которыми Григорий владел в совершенстве. Тем более примечательно, что мы встречаем у него два случая, когда вполне сознательно и последовательно осуществлен опыт тонической реформы просодии («Вечерний гимн» и «Увещание к девственнице»). Этот эксперимент внутренне оправдан популярным характером обоих стихотворений.

Третий член кружка, Григорий Нисский — мастер философской прозы. Мировоззрение Григория стоит под знаком многовековой традиции, идущей от пифагорейцев через Платона к неоплатоникам. Стиль Григория сравнительно с манерой его сотоварищей несколько тяжеловесен, но как раз в текстах наиболее умозрительного содержания достигает такой прочувствованности и выразительности, что даже самые отвлеченные мысли подаются с пластичной наглядностью. Григорий Нисский оказал огромное влияние на средневековую литературу не только Византии, но и латинского Запада своим аллегоризмом [13].

Расцвет риторической прозы, проходящей через весь IV в., захватывает в равной степени и языческую, и христианскую литературу. Но своей кульминации он достигает в творчестве церковного оратора — антиохийского проповедника Иоанна, прозванного за свое красноречие Златоустом [14].

В своих произведениях, ярко рисующих общественную и религиозную жизнь эпохи, Иоанн Златоуст гневно критиковал недостатки современного ему общества [15]. Ораторское мастерство и блеск аттического языка были направлены против роскоши императорского двора, развращенности высшего духовенства. Все это не могло не вызвать недовольства в столице, в результате чего константинопольский епископ был низложен и отправлен в изгнание. Примерами ораторского искусства Златоуста могут служить высказывания по поводу зрелищ, которые настолько привлекали к себе людей, что церковь порой пустовала. «На зрелища приглашают каждый день, и никто не ленится, никто не отказывается, никто не ссылается на множество занятий... бегут все: ни старец не стыдится своей седины, ни юноша не боится пламени своей природной похоти, ни богатый не опасается унизить свое достоинство». Все это возмущает проповедника, и он восклицает: «Неужели напрасно тружусь я? Неужели сею я на камне или среди терновника?». Если идти на ипподром, то «...они не обращают внимания ни на холод, ни на дождь, ни на дальность пути. Ничто их дома не удержит. А сходить в церковь — дождь и грязь становится нам препятствием!»

Между тем ничего не дает хорошего посещение театра, ибо «...там можно видеть и блудодеяния, и прелюбодеяния, можно слышать и богохульные речи, так что болезнь проникает и через глаза и через слух...» И естественно, что «если ты пошел на зрелище и слушал блудные песни, то такие же слова ты непременно будешь изрыгать и перед ближним...»

Проповедь христианской морали велась с определенных классовых позиций. «Вредные для общества люди,— писал Златоуст,— появляются из числа тех, которые посещают зрелища. От них про-

исходит возмущение и мятежи. Они более всего возмущают народ и порождают в городах бунты».

Для творчества Иоанна Златоуста, как и некоторых других авторов этой бурной эпохи (например, Юлиана Отступника), характерен лихорадочный темп. Только те сочинения Иоанна, которые вошли в известную «Патрологию» Миня, занимают в ней 10 фолиантов; такая продуктивность особенно удивительна, если иметь в виду филигранную риторическую отделку. Красноречие Иоанна имеет страстный, нервный, захватывающий характер. Вот как он обращается к тем, кто недостаточно благопристойно ведет себя в церкви: «...Жалкий ты и несчастный человек! Со страхом и трепетом следовало бы тебе возглашать ангельское славословие, а ты переносишь сюда обычаи мимов и танцоров! Как ты не боишься, как не трепещешь, приступая к таким речениям? Неужели же ты не понимаешь, что сам господь незримо присутствует здесь, измеряет твои движения, исследует твою совесть?...» Проповеди Иоанна изобилуют злободневными намеками; когда императрица пригрозила ему репрессиями, он начал очередную проповедь на празднике Иоанна Крестителя такими словами: «Снова Иродиада неистовствует, снова беснуется, снова ведет пляски, требуя себе головы Иоанна на блюде...»,— и слушатели, разумеется, все поняли.

Замечательно, однако, что установка на популярность не остановила Иоанна в его следовании канонам аттикизма. Словесная ткань его проповедей изобилует реминисценциями из Демосфена, с которым, правда, его сближало не только формальное подражание, но и внутренняя конгениальность: за все восемь веков у Демосфена не было более достойных наследников. Все же виртуозная игра с классическими оборотами, надо думать, мешала слушателям Иоанна до конца его понимать.

Иоанн Златоуст был недостижимым идеалом для каждого византийского проповедника. Читательское восприятие его произведений хорошо выражает надпись на полях одной греческой рукописи, хранящейся в Москве:

Сколь дивной добродетели блистание,
Великий Иоанне, из души твоей,
Всей силой бога славящей, излилося!
За это и златое красноречие
Тебе дано. Так смилуйся над грешником!
Аз, горемыка Гордий, в страшный судный день
Твоей да буду сохранен молитвою!

Каппадокийцы и Иоанн Златоуст довели христианскую литературу до высокой степени утонченности. Но одновременно с ними другие авторы очень продуктивно разрабатывали иные формы, более плебейские, чуждые академичности стиля и языка. Среди них следует отметить Палладия Еленопольского (ок. 364 — ок. 430), автора «Лавсаика», или «Лавсийской истории» (по имени некоего Лавса, которому книга посвящена). «Лавсаик» — это цикл рассказов о египетских аскетах, среди которых Палладий долго прожил сам.

Главные достоинства книги — острое ощущение бытового колорита и фольклорная по духу непосредственность изложения. Классические реминисценции здесь немыслимы; даже от того рода академичности, которая еще была в «Житии Антония Великого», составленном Афанасием, здесь не осталось и следа. Синтаксис крайне примитивен; как можно судить по вводным частям книги, выполненным в иной фактуре, эта примитивность в большой мере сознательна. Очень живо имитирован разговорный тон. Вот образец стиля «Лавсаика»: «...Когда же прошло тому пятнадцать лет, вселился в калеку бес и принялся подстрекать его против Евлогия; и начал калека хулить Евлогия такими словами: „Ах ты, захребетник, ханжа, лишние денежки припрятал, а на мне хочешь душу спасти? Тащи меня на площадь! Хочу мяса!“ — Принес Евлогий мяса. А тот снова за свое: „Мало! Хочу народа! Хочу на площадь! У, насильник!“». Палладий хорошо знал своих героев, и они еще не превратились для него в безличные олицетворения монашеских добродетелей. Конечно, он их очень почитает и любит, усматривая в их странном, нередко гротескном образе жизни высшее выражение святости и духовной силы; в то же время он далеко не лишен по отношению к ним чувства сдержанного юмора. Это сочетание пиетета и комизма, набожной легенды и деловитой реальности и делает монашеские новеллы Палладия своеобычным, привлекательным памятником. У них есть свое лицо.

Созданный Палладием (несомненно, с опорой на неизвестных нам предшественников) тип новеллистических рассказов из жизни аскетов получил в византийской литературе огромное распространение. Он перешел и в другие литературы христианского средневековья: на Руси такие сборники назывались «патериками», в Западной Европе к этой жанровой форме восходят, например, знаменитые «Фьоретти» («Цветочки» Франциска Ассизского, XIII в.).

Особое место в литературном процессе своей эпохи занимает Синесий из Кирены[16]. Прежде всего его нельзя отнести ни к языческой, ни к христианской литературе. Синесий был высокообразованным потомком исконно греческого рода, возводившего себя к Гераклу; внутреннее сродство с античной традицией достигало у него такой степени органичности, как ни у кого из современных ему авторов. Более или менее искренне принимая авторитет христианства, он стремился сгладить всякое противоречие между ним и эллинством: по его собственным словам, черный плащ монаха равнозначен для него белому плащу мудреца. Идущая от античности потребность в общественной активности заставила его против воли принять сан епископа, но он никогда не смог отказаться от освоих языческих симпатий и настроений. Литературная деятельность Синесия довольно многообразна. Его живые по тону и утонченные по стилю письма служили непререкаемым образцом для византийской эпистолографии: еще в X в. автор «Свиды» называет их «предметом общего восхищения», а на грани XIII и XIV вв. Фома Магистр составляет к ним обстоятельный комментарий. Речь «О царской власти» — своеобразная политическая программа, развернутая Синесием перед императором Аркадием,— связана со злободневными вопросами, но ду-

ховно и стилистически ближе к политическому морализированию «второй софистики», чем к живым тенденциям своего времени. Кроме того, от Синесия дошли: своеобразный мифологический «роман» с актуальным политическим содержанием — «Египетские рассказы, или о провидении», автобиографически окрашенный трактат «Дион, или о жизни по его примеру» (об авторе I—II вв. Дионе Хрисостоме) [17], риторическое упражнение «Похвальное слово лысине», еще несколько речей и религиозные гимны, отмеченные колоритным смешением языческих и христианских образов и мыслей. Метрика гимнов имитирует размеры древней греческой лирики, а архаичность их лексики осложнена реставрацией старинного дорического диалекта.

IV в. был по преимуществу веком прозы; он дал только одного большого поэта — Григория Назианзина. В V в. происходит оживление поэзии. Уже на пороге этого века стоит Синесий с его гимнами, но важнейшим событием литературной жизни эпохи явилась деятельность египетской школы поэтов-эпиков.

О жизни основателя этой школы Нонна из египетского города Панополя почти ничего не известно. Он родился около 400 г. и к концу жизни стал епископом. От его сочинений дошли два: огромная по объему (48 книг — как «Илиада» и «Одиссея» вместе взятые) поэма «Деяния Диониса» [18] и «Переложение св. евангелия от Иоанна». И поэма, и переложение выполнены в гексаметрах. По материалу они резко контрастируют друг с другом: в поэме господствует языческая мифология, в переложении — христианская мистика. Но стилистически они вполне однородны. Нонну одинаково недоступна пластическая простота Гомера и безыскусственная простота евангелия: его художественное видение мира характеризуется эксцентричностью и избытком напряженности. Его сильная сторона — богатая фантазия и захватывающий пафос; его слабость — отсутствие меры и цельности. Нередко образы Нонна совершенно выпадают из своего контекста и обретают автономную жизнь, пугая своей загадочностью и темной значительностью. Вот как он описывает смерть Христа:

...Некто, с неистовым духом
Губку, возросшую в бездне морской, в непостижной пучине,
Взял и мучительной влагой обильно насытил, а после
На острие тростника укрепил и приподнял высоко;
Так он к устам Иисуса приблизил смертельную горечь,
Прямо пред ликом его на шесте длиннотенном колебля,
В воздухе губку высоко и влагу в уста изливая...
...Вот ощутили гортань и уста горчайшую влагу;
Весь обмирая, он молвил последнее слово: «Свершилось!» —
И, преклоняя главу, предался добровольной кончине...

Нонн осуществил важную реформу гексаметра, сводящуюся к следующему: исключение стиховых ходов, затруднявших восприятие размера при том состоянии живого греческого языка, которое существовало к V в.; учет наряду с музыкальным также и тонического ударения; тенденция к унификации цезуры и педантической гладко-

сти стиха, оправданная тем, что гексаметр окончательно затвердел в своей академичности и музейности (начиная с VI в. традиционалистический эпос постепенно оставляет гексаметр и переходит на ямбы). Гексаметр Нонна — это попытка найти компромисс между традиционной школьной просодией и живой речью на путях усложнения версификации.

Влияние Нонна испытал ряд поэтов, разрабатывавших мифологический эпос и усвоивших новую метрическую технику. Многие среди них — египтяне, как и сам Нонн (Коллуф, Трифиодор, Кир из Панополя, Христодор из Коптоса); неизвестно происхождение Мусея, от которого дошел эпиллий «Геро и Леандр», отмеченный античной ясностью и прозрачностью образной системы. Киру принадлежит, между прочим, эпиграмма на Даниила Столпника, где гомеровские речения курьезным образом применены к описанию христианского аскета:

Се, меж землею и небом стоит человек недвижимо,
 Всем беснованьям ветров плоть подставляя свою.
Имя ему — Даниил. Симеону в трудах соревнуя,
 Столпный он подвиг приял, к камню приросши стопой.
Кормится ж он амвросическим гладом и жаждой нетленной,
 Силясь восславить собой Девы пречистой Дитя.

Христодор уже на грани V и VI вв. составил поэтическое описание (модный в эту эпоху жанр экфрасиса) античных статуй из одного столичного гимнасия. Вот описание статуи Демосфена:

...Не был облик спокойным: чело выдавало заботу,
В сердце премудром глубокие думы чредой обращались
Словно сбирал он в уме грозу на главы эмафийцев.
Скоро, скоро от уст понесутся гневные речи,
И зазвучит бездыханная медь!.. Но нет,— нерушимо
Строгой печатью немые уста сомкнуло искусство.

Но самый талантливый поэт рубежа V и VI вв. стоит вне школы Нонна: это — александриец Паллад, работавший в жанре эпиграммы [19]. Господствующий тон лирики Паллада — мужественная, но безнадежная ирония: его герой — нищенствующий ученый, обороняющийся против невзгод бедности и семейной жизни сарказмами (жалобы на денежные затруднения и злую жену становятся в византийской лирике популярным общим местом).

Симпатии поэта на стороне уходящей античности. С грустью осознает он неизбежность гибели старого, близкого ему мира. Он оплакивает поверженную статую Геракла:

Медного Зевсова сына я видел в пыли перекрестка;
Прежде молились ему — ныне повергли во прах.
И потрясенный сказал: «О Трехлунный, от зол хранитель,
Непобедимый досель, кем ты повержен, скажи?»
Ночью, предстал предо мною, промолвил мне бог, улыбаясь:
«Бог я,— и все же познал времени власть над собой».

Палладу чуждо христианство, и нескрываемая грустная ирония звучит в его стихотворении «На дом Марины»:

Боги Олимпа теперь христианами стали и в доме
Этом беспечно живут, ибо пламя им здесь не опасно,
Пламя, кормящее тигель, где плавится медь на монету.

Реставраторская политика Юстиниана в какой-то степени содействовала усилению классицистического направления в литературной жизни. Ситуация была противоречивой до парадоксальности: Юстиниан жестоко преследовал отступления от христианской идеологии, но в литературе поощрял тот формальный язык, который был заимствован у языческой классики. Поэтому в середине VI в. процветают два жанра: историография, живущая пафосом римской государственности, и эпиграмма, живущая пафосом унаследованной от античности культуры.

Самый значительный историк этой эпохи — Прокопий, продолжателем которого был Агафий Миринейский[20]. Агафий работал также в другом ведущем жанре того времени — в жанре эпиграммы.

Эпиграмма — форма лирической миниатюры, предполагающая особо высокий уровень внешней отделки. Именно этим она привлекает поэтов эпохи Юстиниана, которые стремятся продемонстрировать рафинированность своего вкуса и свое знакомство с классическими образцами. Эпиграммы пишут многие: наряду с большими мастерами — Агафием, Павлом Силенциарием, Юлианом Египетским, Македонием, Эратосфеном Схоластиком — выступает легион подражателей: Леонтий Схоластик, Аравий Схоластик, Лев, Дамохарид Косский, Иоанн Варвукал и др. По социальному положению это либо придворные (Павел — «блюститель тишины» при дворе Юстиниана, Юлиан — префект Египта, Македоний — консуляр), либо блестящие столичные адвокаты (Агафий, Эратосфен, Леонтий). Вот одна из эпиграмм Юлиана — облеченный в стихи комплимент свойственнику императрицы Иоанну:

А. Славен, могуч Иоанн! Б. Но смертен. А. Монаршей супруге
Свойственник! Б. Смертен, добавь. А. Царского рода побег!
Б. Смертны и сами цари. А. Справедлив! Б. Лишь это бессмертно
В нем: добродетель одна смерти и рока сильней.

В эпиграмматике эпохи Юстиниана преобладают условные классические мотивы; только иногда налет сентиментальности или эротическая острота выдают наступление новой эпохи. Придворные поэты императора, старательно выкорчевывавшего остатки язычества, изощряют свое дарование на стереотипных темах: «Приношение Афродите», «Приношение Дионису» и т. п.; когда же они берутся за христианскую тему, они превращают ее в игру ума. Павлу Силенциарию пришлось по заказу императора воспеть только что построенную св. Софию: он начинает самую выигрышную часть своего изящного экфрасиса — описание ночной иллюминации купола — ми-

СИЛЕН И МЕНАДА

Блюдо. Серебро. VII в. Государственный Эрмитаж

фологическим образом Фаетона (сын Гелиоса, пытавшийся править его солнечной колесницей):

Все здесь дышит красой, всему подивится немало
Око твое. Но поведать, каким светозарным сияньем
Храм по ночам освещен, и слово бессильно. Ты молвишь:
Некий ночной Фаетон сей блеск излил на святыню!..

Мифологическими образами оперирует и анонимная эпиграмма, прославляющая другое великое создание Юстиниановой эпохи — кодификацию законодательства, проведенную под началом Трибониана:

Юстиниан властодержец сие сочиненье замыслил;
Трибониан потрудился над ним, угождая владыке,
Словно бы щит многоценный творя для мощи Геракла,
Хитрой чеканкой премудрых законов украшенный дивно.
Всюду — в Азийской, в Ливийской земле, в пространной Европе
Внемлют народы царю, что устав начертал для вселенной.

К эпиграмматике примыкает и анакреонтическая поэзия, характеризующаяся теми же чертами — имитацией языческого гедонизма,

стандартностью тематики и отточенностью техники. Вот стихи на языческий праздник розы, принадлежащие Иоанну Грамматику (первая половина VI в.):

Вот Зефир теплом повеял,
И раскрылся, примечаю,
И смеется цвет Хариты,
И луга пестреют ярко.

А Эрот стрелой искусной
Будит сладкое желанье,
Чтобы жадный зев забвенья
Не пожрал людского рода.

Сладость лиры, прелесть песни
Призывают Диониса,
Возвещают праздник вешний
И премудрой дышат Музой...

...Дайте мне цветок Киферы,
Пчелы, мудрые певуньи,
Я восславлю песней розу:
Улыбнись же мне, Киприда!

Эта искусственная поэзия, играющая с отжившей мифологией, поверхностной жизнерадостностью и книжной эротикой, не прекращает своего существования и в последующие века византийской литературы (особенно после XI в.), парадоксальным образом соседствуя с мотивами монашеской мистики и аскетизма.

Однако в том же самом VI в. возникает совсем иная поэзия, соответствующая таким органичным проявлениям новой эстетики, как церковь св. Софии. Народная по духу литургическая поэзия после всех экспериментов и поисков IV—V вв. внезапно обретает всю полноту зрелости в творчестве Романа, прозванного потомками Сладкопевцем (род. в конце V в., ум. после 555 г.) [21]. Естественность и уверенность, с которой творил Роман, казалась современникам чудом; согласно легенде, сама богородица в ночном сновидении отверзла ему уста, и на следующее же утро он взошел на амвон и спел свое первое песнопение [22].

Уже по своему происхождению Роман ничем не связан с воспоминаниями античной Греции: это — уроженец Сирии, может быть — крещеный еврей. Прежде чем поселиться в Константинополе, он служил диаконом в одной из церквей Бейрута. Сирийские стиховые и музыкальные навыки помогли ему отрешиться от догм школьной просодии и перейти на тонику, которая одна только могла создать внятную для византийского уха метрическую организацию речи. Роман создал форму так называемого кондака — литургической поэмы, состоящей из вступления, которое должно эмоционально подготовить слушателя, и не менее чем 24 строф. Та раскованность, которая впервые в истории греческой литургической лирики появляется у

Романа, позволила ему достичь громадной продуктивности; по сообщениям источников, он написал около тысячи кондаков. В настоящее время известны около 85 кондаков Романа (атрибуция некоторых сомнительна).

Отказавшись от ретроспективных метрических норм, Роман должен был резко повысить роль таких факторов стиха, как аллитерации, ассонансы и рифмоиды. Весь этот набор технических средств существовал в традиционной греческой литературе, но всегда был достоянием риторической прозы; Роман перенес его в поэзию, создав в некоторых своих кондаках такой тип стиха, который вызовет у русского читателя явственные ассоциации с народными «духовными стихами» (а иногда и с так называемым раешником). Вот два примера (из кондаков «О предательстве Иудином» и «На усопших»):

...Боже, водами стопы омывающий
Устроителю твоего погубления,
Хлебами уста наполняющий
Осквернителю твого благословения,
Предателю твоего лобызания,—
Ты возвысил нищего мудростью,
Обласкал убогого мудростью,
Одарил и облагодетельствовал
Игралище бесовское!..

...Неженатый в тоске угрызается,
Женатый в суете надрывается;
Бесчадный терзаем печалями,
Многочадный снедаем заботами;
Те во браке трудами снедаемы,
Те в безбрачьи бесчадьем терзаемы...

С этим богатством языка форм Роман соединяет народную цельность эмоции, наивность и искренность нравственных оценок. Кондак об Иуде завершается таким потрясающим обращением к предателю:

...О, помедли, злосчастный, одумайся,
Помысли, безумный, о возмездии!
Совесть свяжет и сгубит грешника,
И в ужасе, в муках одумавшись,
Ты предашь себя смерти мерзостной.
Древо встанет над тобой губителем,
Воздаст тебе сполна и без жалости.
И на что, сребролюбец, польстился ты?
Страшное злато бросишь,
Гнусную душу сгубишь,
И сребрениками себе не поможешь,
Продавши сокровище нетленное!..

Как это ни неожиданно, но чисто религиозная по своей тематике поэзия Романа гораздо больше говорит о реальной жизни своего

времени, чем слишком академичная светская лирика эпохи Юстиниана. В кондаке «На усопших» с большой внутренней закономерностью возникают образы той действительности, которая волновала плебейских слушателей Романа:

...Над убогим богач надругается,
Пожирает сирых и немощных;
Земледельца труд — прибыль господская,
Одним пот, а другим — роскошества,
И бедняк в трудах надрывается,
Чтобы все отнялось и развеялось!..

В творчестве Романа собраны мотивы и образы, которые наиболее адекватно выражали эмоциональный мир средневекового человека. Поэтому мы находим у него прообразы не только многих произведений позднейшей византийской гимнографии (например, «Великого канона» Андрея Критского), но и двух знаменитейших гимнов западного средневековья — Dies irae и Stabat mater.

Роман Сладкопевец намного превышал современников масштабом своего художественного дарования, но он был не одинок. От эпохи Юстиниана и его преемников дошло немало поэтических и прозаических произведений, которые безыскусственно и непритязательно, но с большой органичностью выразили византийский стиль жизни и миропонимания.

Плебейской образной системой по большей части отличается обширнейшая литература прозаических или версифицированных монашеских поучений. Иоанн Постник, патриарх Константинополя, едва ли считал себя поэтом, но его «Предписания монаху» в ямбических триметрах останавливают на себе внимание своей грубоватой жизненностью:

...Не смей одними кушаньями брезговать,
Другие выбирать себе по прихоти;
А кто брезглив, таким и мы побрезгуем...
...Болтливости и сплетен как бича беги:
Они ввергают сердце в скверну смертную.
Не смей плеваться посредине трапезы,
А коль нужда припала так, что мочи нет,
Сдержись, скорее выйди и откашляйся.
О человече, есть и пить желаешь ты?
В том нет греха. Но бойся пресыщения!
Перед тобою блюдо, из него и ешь,
Не смей тянуться через стол, не жадничай!..

В этих стихах характерна, между прочим, их ямбическая форма: из традиционных классических метров ямбический триметр усваивается византийской поэзией с наибольшей органичностью. При этом его музыкальная просодия все больше игнорируется, и он переосмысляется как чистая силлабика; минимальный уровень структурности поддерживается в этих равносложных строчках тем, что последнее тоническое ударение в стихе падает непременно на предпослед-

ний слог (таким образом, когда мы называем эти стихи ямбами и соответственно их переводим, это чистая условность — но этой условности придерживались сами византийцы). Постепенно и эпос переходит от академичных форм элегического дистиха к ямбам.

Официозная пропаганда в целях воздействия на народ сама принуждена была воспринять плебейские, полуфольклорные формы, без которых она так же не могла обойтись, как без импозантных стихов придворных поэтов. Еще в эллинистических монархиях и в римской империи был распространен обычай хоровой декламации или речитативного распевания ритмически оформленных верноподданнических приветствий государю. Особое развитие и усложнение получил этот обычай в громоздком ритуале византийских придворных празднеств, в которые на роли статистов вовлекались и народные толпы. Вот текст для хорового исполнения на празднике весны — здесь фольклорная основа выявляется особенно наглядно:

Опять весна прекрасная приходит нам на радость,
Неся отраду, здравье, жизнь, веселье и удачу.
Неся от бога силу в дар ромейскому владыке
И одоленье на врагов господним изволеньем!

Подобные же тексты распевались на праздниках воцарений, коронаций, бракосочетаний императоров, на пасхальных торжествах и т. п. Но в большом ходу были и формально близкие к ним народные поношения и насмешки, которыми византийская толпа осыпала власть имущих во время волнений и восстаний.

Широкая читательская аудитория Византии получает в эту эпоху и свою историографию. Труды Прокопия или Агафия с их интеллектуальной и языковой утонченностью были непонятны рядовому читателю; для него создается чисто средневековая форма народно-монашеской хроники [23].

Выше уже говорилось о народном характере аскетической назидательной литературы. Фольклорный тон особенно характерен для знаменитой «Лествицы» синайского монаха Иоанна (ок. 525—ок. 600), прозванного по своему главному труду «Лествичником» [24]. «Лествица» простым и непринужденным языком излагает предписания суровой аскетической морали, перемежающиеся с доверительными рассказами о личных переживаниях и уснащенные красочными пословицами и поговорками. К долгу подвижника Иоанн относится с народной прямотой и бесхитростностью; претенциозной монашеской мистике он чужд. Перевод «Лествицы» известен на Руси с XI в. и пользовался огромной популярностью. Другой тип аскетической литературы, характеризующийся большей утонченностью психологического самонаблюдения и культом созерцательности, в эту же эпоху представлял Исаак Сириянин: его «Слова наставнические» (составлены на сирийском языке и вскоре переведены на греческий) говорят об «умилении», об «изумлении перед красотой собственной души». На Руси Исаака читали с XIV в.; есть основания думать, что его «Слова наставнические» были известны Андрею Рублеву и повлияли на его творчество.

К этому же кругу памятников относится и житийная литература. Выдающимся агиографом VI в., одним из создателей житийного канона, был Кирилл из Скифополя. Годы его жизни точно неизвестны: год рождения — примерно 524. Благодаря отцу, который был юристом, Кирилл получил хорошее образование, хотя и не обучился риторике [25], о чем он сам сожалеет. В 543 г., будучи монахом, он поступил в монастырь св. Евфимия, затем перешел в монастырь св. Саввы.

Живой интерес к прославленным основателям монастырей Палестины побудил его собрать более точные сведения об их жизни. Параллельно он создал образы и других палестинских монахов, что имело немалое значение для истории церкви и монастырей Палестины.

Кирилл не был писателем-профессионалом, но написанные им жития служили ориентиром для его последователей. Его сочинения отличались хронологической точностью, бесхитростным изложением. Они содержали ценные исторические факты, например сведения об арабских племенах [26]. Немалую роль играло и то обстоятельство, что Кирилл был современником своих героев, что позволяло представить их на реальном культурно-историческом фоне.

Общественные и политические катаклизмы VII в. способствовали той вульгаризации литературы, которая наметилась уже в предшествующие столетия.

Классические традиции теряют смысл; переживание преемства власти и культуры, восходящего к античным временам, перестает быть актуальным. Рафинированная имитация древних образцов находит все меньше читателей. При этом в рамках специфической духовной ситуации раннего средневековья вульгаризация литературы неизбежно должна была вылиться в ее сакрализацию; удельный вес жанров, связанных с жизнью и запросами церкви и монастыря, сильно возрастает. Народно-монашеские формы, оттесненные в VI в. на периферию литературного процесса, оказываются в центре.

Последним отголоском «высокой» светской поэзии VI в. было творчество Георгия Писиды [27] (прозвище от названия малоазийской области Писидии, откуда Георгий был родом), хартофилака при Ираклии. Далеко не случайно, что Георгий работал именно в эпоху Ираклия: это царствование было последним просветом перед тяжелыми десятилетиями арабского натиска, и его современникам могло показаться, что возвращаются времена Юстиниана. Военным операциям своего царственного патрона Георгий и посвятил свои большие эпические поэмы: «На поход царя Ираклия против персов», «На аварское нашествие с изложением брани под стенами Константинополя между аварами и горожанами» и «Ираклиада, или на конечную гибель Хосрова, царя персидского». Кроме того, Георгию принадлежат менее значительные поэмы моралистического и религиозного содержания; среди них выделяется «Шестоднев, или Сотворение мира», свидетельствующая о выдающейся начитанности Писиды в античной литературе. Переводы «Шестоднева» имели хождение в Армении, в Сербии и на Руси. Писал Георгий Писида и ямбические эпиграммы.

МУЧЕНИК ЛАВРЕНТИЙ НАПРАВЛЯЕТСЯ НА КОСТЕР

Мозаика Мавзолея Галлы Плацидии в Равенне. Вторая четверть V в.

Исторические произведения Писиды особенно интересны. Центральный образ героического эпоса — император, окруженный ореолом воинской славы и доблести. Поэт выступает певцом славы Ираклия. Несмотря на тенденциозность, риторический стиль и манерность выражения, эти произведения отражают трудность внешнего положения империи первой половины VII в. и важны фактическими данными.

Творчество Писиды обращает на себя внимание ретроспективностью и школьной корректностью его метрики. Большая часть его произведений выполнена в ямбах, которые у него, в отличие от его современников, соответствуют нормам музыкальной просодии. Он достигает во владении ямбическим триметром такой виртуозности, что побудил тонкого ценителя Михаила Пселла (XI в.) всерьез обсуждать в особом трактате проблему: «Кто лучше строит стих — Еврипид или Писида?» Иногда он прибегает к гексаметру; в этих случаях он скрупулезно соблюдает просодические ограничения школы Нонна. Образная система Писиды отличается большой ясностью и чувством меры, которые также заставляют вспомнить о классических образцах.

И все же Писида ушел от античности гораздо дальше, чем придворные поэты Юстиниана. Мы встречаем у него изображение Судьбы, выдержанное в духе чистейшего средневекового аллегоризма и

заставляющее вспомнить десятки параллелей из вагантской поэзии или книжной миниатюры средневековья:

...Представь в уме плясунью непотребную,
Что с шумом и кривляньем лицедействует,
Изображая бытия превратности
Обманчивым мельканьем суетливых рук.
Срамница млеет, вертится, жеманится,
Подмигивая томно и прельстительно
Тому, кого дурачить ей взбрело на ум,
Но тотчас на другого и на третьего
Все с той же блудной лаской переводит взор.
Все обещает, все подделать силится
И ничего не создает надежного,
Как потаскуха, что с душой остывшею
Ко всем с притворным пылом подбирается...

За средневековой аллегорией с необходимостью следует характерное назидание:

Глупцам — престолы, царства, слава, почести,
Со злобой и заботой неразлучные;
Но для того, кто истину постичь сумел,
Престол — молитва, слава — речи тихие...

Все же поэзия Писиды, с ее светской ориентацией, языковым пуризмом и метрической корректностью резко выделяется на фоне литературной продукции своей эпохи. Несколькими поколениями спустя она уже была бы анахронизмом.

Более перспективной была та линия литургической поэзии, которую открыл собой Роман Сладкопевец. Современником и другом Георгия Писиды был патриарх Сергий (610—638); под его именем дошло знаменитейшее произведение греческой гимнографии — «Великий Акафист» богородице. Эта атрибуция сомнительна: поэму приписывали Роману, патриарху Герману и даже Писиде. Очевидно одно: хотя бы вводная часть акафиста создана немедленно после нашествия аваров в 626 г. Форма акафиста предполагает бесконечное нагнетание обращений и эпитетов, начинающихся одним и тем же приветствием (в традиционном русском переводе «радуйся»). Строки попарно соединены между собой жестким метрическим и синтаксическим параллелизмом, подкрепленным широчайшим использованием ассонансов и рифмоидов:

Радуйся, мудрости божией вместилище,
Радуйся, милости господа хранилище,
Радуйся, цветок воздержания,
Радуйся, венок целомудрия,
Радуйся, козни ада побораюшая,
Радуйся, двери рая открывающая...

Перевод может дать лишь крайне обедненное представление об этой поэтической структуре, держащейся на сложнейшей игре мысли, слов

и звуков; в рамках другого языка эту игру воспроизвести нельзя. Гибкость и виртуозность словесной орнаментики достигает в «Великом акафисте» высочайшей степени. Но движения, драматической градации напряжения, которые еще можно встретить в кондаках Романа, здесь нет. Это не значит, что поэма однообразна или монотонна. Напротив, она играет величайшим разнообразием оттенков лексики и евфонии, но это разнообразие родственно пестроте арабесок: за ним нет динамики. В целом поэма статична в такой мере, какая была бы невыносимой для любого читателя и слушателя, кроме византийского (это отнюдь не общая черта литургической поэзии — во всех произведениях западной средневековой гимногафии, которые по своему художественному уровню могут выдерживать сравнение с «Великим акафистом», всегда есть внутреннее развитие).

Между тем мы видим, что автор умел передавать движение человеческой эмоции достаточно убедительно: в обрамляющих строфы вставных частях он изображает смущение Марии перед своей судьбой, недоумение Иосифа и т. п. Но характерно, что эти наброски и зарисовки лежат на периферии художественного целого. Византийская эстетика требовала от гимнографа статичности. По выражению Иоанна Лествичника, тот, кто достиг нравственного совершенства, «уподобляется в глубине своего сердца недвижной колонне»; большего контраста готическому пониманию одухотворенности как динамического напряжения невозможно представить себе. В своей статичности «Великий акафист» — точный коррелят произведений византийской живописи. Он идеально подходит к ритму богослужебного «действа» греческой литургии, к интонациям византийской музыки (которые тоже статичны), к очертаниям церковного интерьера, наполненного мерцанием свечей и поблескиванием мозаик. Здесь достигнуто такое же цельное единство поэтического текста и архитектурного пространства, как некогда в аттическом театре эпохи Софокла.

Продолжателями агиографических традиций VI в. были Иоанн Мосх, Софроний Иерусалимский, Леонтий Неапольский. Все они принадлежали к одному кружку, который характеризовался, с одной стороны, желанием приблизить литературу к народу, с другой — отрывом от античности.

Палестинский монах Иоанн Мосх (ум. в 619 г.), предпринявший многочисленные поездки в Египет, Малую Азию, Сирию, на Синай и Кипр, составил, как результат своих путешествий, вместе с другом, Софронием Иерусалимским, сборник рассказов о монахах «Луг духовный», или «Лимонарь». Это произведение отличается простотой сюжета, реализмом, живостью характеристик. «Лимонарь» имел немалый успех, неоднократно перерабатывался и расширялся [28].

Иоанном Мосхом и Софронием совместно написано жизнеописание Иоанна Милостивого, предназначенное для образованного круга. В подобных житиях, рассчитанных на представителей высшего класса византийского общества, авторы стремились показать свою эрудицию: знакомство с античной литературой, знание риторики; однако нередко теряли при этом в оригинальности.

Виднейшей фигурой демократической агиографии VII в. был Леонтий из Неаполя на острове Кипре (конец VI — середина VII в.). Его сочинения отличаются редкой живостью тона; при этом его сближает с его жанровым предшественником Палладием то, что он далеко не избегает в своих житиях юмористических оценок. Вот что он рассказывает о юродивом св. Симеоне[29]: «...На одной улочке девки водили хороводы с припевками, а святому по этой улочке заблагорассудилось пройти. И вот они увидели его и принялись дразнить святого отца своими припевками. Праведник же сотворил молитву, дабы их образумить, и по его молитве все они тотчас окосели... Тогда они принялись со слезами гоняться за ним и кричать: «Возьми слово назад, блаженненький, возьми слово назад»,— ибо полагали, что он напустил на них косоглазие ворожбой. И вот они догнали его, силой остановили и упрашивали, чтобы он развязал свое заклятие. А он молвил им с усмешкою: «Которая из вас желает исцелиться, той я облобызаю окосевшее око, и исцелится». И тогда все, кому была воля божия исцелиться, допустили облобызать свое око; а прочие, которые не дались, так и остались окосевшими и плакали...» Эпизод заканчивается сентенцией юродивого: «Если бы господь не наслал на них косоглазия, из них вышли бы величайшие на всю Сирию срамницы, но по причине недуга очей своих они убереглись от множества зол». Более серьезным, но столь же жизненным характером отличается житие александрийского архиепископа Иоанна Милостивого, с которым Леонтия связывала личная дружба. Леонтий рисует своего героя как деятельного человеколюбца, которому обостренная совесть не позволяет пользоваться соответствующей его сану роскошью: «...Можно ли вымолвить, что Иоанн укрывается покровом в тридцать шесть золотых ценою, а его братья во Христе коченеют и зябнут? Сколь многие в это самое мгновение стучат зубами от холода, сколь многие располагают только соломкой; половину ее подстелят, половиной накроются и не могут ног вытянуть — так и дрожат, свернувшись клубком! Сколь многие ложатся спать в горах, без еды, без свечи, и страждут вдвойне от голода и от холода!..»

Литература Византии IV—VII в. отражает становление и утверждение христианской культуры, сопровождавшиеся борьбой с отголосками языческой античности. В этой сложной и противоречивой борьбе двух идеологий рождались новые жанры и стили, получившие развитие в последующую эпоху.

Глава

20

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО IV—VII ВВ.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

Произведения византийского искусства, созданные в первые века существования Византийского государства, сохранились до нашего времени в небольшом количестве. То, что дошло из памятников живописи и архитектуры, большей частью носит на себе следы позднейших переделок и перестроек; из-за них подчас нелегко бывает увидеть первоначальный замысел художника.

Тем не менее, результаты анализа памятников византийского искусства свидетельствуют, что уже в те далекие времена художники и архитекторы многочисленных и пестрых по своему этническому составу и художественным традициям областей империи — Сирии, Египта, Малой Азии, балканских провинций, Италии — имели значительные достижения в выработке собственного художественного стиля, во многом отличавшегося от стиля классического реалистического искусства Греции и Рима.

В рассматриваемое время в живописи, ваянии, зодчестве происходил пересмотр всех ценностей, созданных античностью. Повсеместно наблюдаются глубокие сдвиги в мировоззрении, разрыв с идеалами прошлого, проявляющиеся в разных формах и в различной степени [1].

Искусство круглой скульптуры, получившее столь высокое развитие в классической древности, было осуждено церковью на Никейском соборе и отступило на задний план. Огромное значение приобрела монументальная живопись, сделавшаяся органической составной частью убранства церковных зданий, которые после признания

христианства официальной религией строились повсюду. Новая идеология широко использовала искусство как средство своего распространения и утверждения. О гражданском строительстве Византии начального периода известно мало. По археологическим данным, раскопанным фундаментам зданий, изображениям на мозаичных полах и в некоторых стенных росписях, а также на основании письменных источников можно составить очень приблизительное представление относительно облика ранневизантийских городов, их планировки, улиц и жилых домов.

Наличные материалы позволяют заключить, что главные магистрали, прорезавшие такие крупные центры ранней Византии, как Константинополь, Фессалоника, Александрия, были украшены портиками и колоннадами; здесь были расположены всевозможные общественные здания — театры, бани и дворцы знати. В городах, находившихся в гористых местностях, жилые кварталы, площади и различные общественные сооружения помещались вблизи и вокруг акрополей.

Жилые кварталы со временем утратили ясную и точную планировку, свойственную геометрически правильно расположенным кварталам эллинистических городов. Все чаще стали встречаться узкие и кривые улицы. В Константинополе многие из них не превышали двух с половиной метров в ширину.

Города обычно со всех сторон опоясывали оборонительные стены с башнями.

Дома строились по большей части двухэтажные, с соляриями в верхних этажах. В тех случаях, когда этого требовал гористый рельеф местности, число этажей увеличивалось. В одном из законов VI в указано, что в частных домах Константинополя верхние галереи или солярии не должны строиться из одного только дерева и досок, «но по так называемому ромейскому способу». Запрещалось загромождать улицы колоннами и столбами из дерева и камня, несущими эти солярии, а также строить наружные лестницы, ведущие во второй этаж. Дома нельзя было сооружать ближе, чем на расстоянии двенадцати футов друг от друга[2].

В одном из зданий V в., развалины которого раскрыты археологами в Серджилле (Сирия), фасадная часть имеет открытую лоджию, Остатки построек, где фасады были украшены колоннадами, сохранились и в других местах Сирии. Дома подобной формы воспроизводились в памятниках живописи.

В гораздо большей степени, чем о гражданском строительстве, мы осведомлены об архитектуре церковных зданий, многие из которых либо в первоначальном, либо в искаженном переделками виде дошли до нашего времени.

Признание христианства официальной религией, покровительство и материальная помощь, оказывавшаяся византийским правительством новому культу, стимулировали широкое и повсеместное строительство церквей. Местные традиции каждого района, наличие тех или иных строительных материалов придавали этим памятникам черты своеобразия. Там, где ощущался недостаток дерева и имелся

ЦЕРКОВЬ САН-ВИТАЛЕ В РАВЕННЕ.
Капитель. Ок. 547 г.

в достаточном количестве камень (как, например, в некоторых районах Сирии), строили из тесаного камня. В других областях здания сооружались из кирпича. В Малой Азии большое внимание уделялось разработке методов сводчатых перекрытий. В Италии и на Балканах широко практиковалось перекрытие церквей на стропилах. Наблюдаются и особенности в формах планировки, а также в декоративном убранстве.

Наиболее распространенным типом церковного здания с IV столетия стала базилика.

Вопрос о путях происхождения базилики издавна дискутируется в научной литературе. Одни исследователи видят в ней непосредственную преемницу античной — римской — базилики, которая являлась общественным сооружением, предназначавшимся для судебного разбирательства и тому подобных нужд. Другие предполагают, что базиликальная форма развилась из улицы эллинистического города.

Как бы то ни было, можно считать, что на территории Византийского государства с IV в. именно базиликальный тип церкви завоевал повсеместное признание. Он хорошо удовлетворял тем требованиям, которые предъявлялись церковной литургией. Такие постройки обеспечивали хорошую видимость и слышимость происходившей внутри здания церковной службы. Базилики были в то же время не сложны по своей конструкции, что создавало возможность осуществлять их массовое строительство не только в крупных центрах, но и в мелких населенных пунктах.

Типичная базилика представляла собой прямоугольное в плане здание, завершающееся с восточной стороны одним или несколькими полукружиями апсид. Апсида служила своего рода акустической раковиной. Прямоугольный зал разделялся колоннадой или столбами на несколько продольных частей — центральный неф, или корабль, который был обычно более широким, и несколько боковых нефов. Иногда базилика была однонефной, но чаще встречаются трех- или пятинефные постройки. В некоторых случаях устраивалось и большее число нефов.

Центральный неф, предназначенный для главных богослужебных церемоний в храме, был, как правило, выше, чем боковые; его перекрывали двускатной крышей, подчас на ничем не замаскированных стропилах. Перекрытия боковых нефов являлись односкатными. Стены среднего нефа, возвышавшиеся над перекрытиями боковых, пробивали рядом окон, чем обеспечивалось хорошее освещение. Дополнительный свет давали окна, пробитые в стенах апсиды.

В некоторых базиликах восточная — алтарная — часть здания отделялась от основного зала поперечно расположенным нефом — так называемым трансептом.

С запада был расположен другой поперечный зал — нарфик, или нартекс. Иногда постройка имела во втором этаже хоры; на них входили по лестницам, размещавшимся в западной части базилики.

Перед церковным зданием устраивался открытый четырехугольный двор, или атриум, окруженный крытой колоннадой. В центре атриума находился колодец, служивший для омовения. В некоторых случаях восточная часть колоннады, окружавшей атриум, заменяла нартекс.

Таким образом, выработанные в IV—V вв. театрализованные торжественные формы церковной литургии получили необходимое архитектурное оформление.

Простота базиликального здания, в котором нарочито подчеркивалась легкость конструкции, резко контрастировала с массивностью и архитектурной пышностью сооружений императорского Рима I—III вв. Так в зодчестве наглядно проводилось противопоставление христианской Византии — языческой античности.

Если высшим достижением античной архитектуры являлось создание великолепно решенного экстерьера, при котором здание храма, главным образом, извне, то в византийском, как и вообще в средне-подобно скульптурному памятнику, было рассчитано на обозрение, вековом зодчестве, огромное значение приобрело оформление внутреннего пространства.

ЦЕРКОВЬ СИМЕОНА СТОЛПНИКА (КАЛАТ-СЕМАН) БЛИЗ АНТИОХИИ.
Общий вид. V в.

Строительство базилик, начавшееся в IV в., открывало широкий простор для многих вариантов планировки интерьера, подсказанных зодчим местными художественными вкусами, традициями, материальными возможностями. Наряду с богато оформленными базиликами в городах, особенно в столице, встречаются и скромные здания, часто перестроенные из старых, античных храмов, колоннады которых использовались для членения базилики на продольные нефы [3]. Такова базилика V в. в Афродисии (Малая Азия), где боковые стены возведены параллельно продольной колоннаде; к восточной стене пристроена полукруглая апсида.

К IV в. относится пятинефная базилика в Вифлееме. Ее восточная часть с трансептом, заканчивающимся двумя апсидами — с севера и юга, и главной апсидой, завершающей широкий средний неф, подверглась позднейшей перестройке, однако в целом здание сохранило свой первоначальный план. Нефы отделены друг от друга колоннадой, коринфские капители которой несут прямой архитрав. Листья аканфа на капителях стилизованы. С запада к церкви примыкал атриум.

Трехнефная базилика Санта-Мария Маджоре в Риме имеет длинную колоннаду, отделяющую широкий главный неф от боковых. Колонны поддерживают и здесь прямой архитрав. Позднее восточная часть здания с трансептом и триумфальной аркой подверглась переделкам. Ритмически повторяющиеся вертикали многочисленных колонн создают впечатление далекой перспективы, приковывающей взгляд зрителя к восточной — важнейшей — части храма.

ЦЕРКОВЬ САНТ-АПОЛЛИНАРЕ ИН КЛАССЕ В РАВЕННЕ.

Внешний вид. VI в.

Вплоть до середины V в. в Сирии, Италии, Малой Азии и Северной Африке — всюду, где сохранились остатки базиликальных зданий, господствуют такие их формы, при которых на несущих вертикальных опорах — колоннах или столбах — располагаются горизонтали прямых архитравов. Типичные для этого времени капители колонн сохраняют еще близость к античным — коринфским и композитным. Однако реалистические формы аканфа вырождаются в более схематические и орнаментальные [4].

Если в IV в. и в первой половине V в. византийские зодчие мало использовали в базиликах арки, своды, купола и строили здание так, что в его конструкции господствовали горизонтальная протяженность и прямолинейные формы, то в дальнейшем положение изменилось. В то время, как для архитектуры Запада подобная композиция продолжала играть очень большую роль в течение всего средневековья, для Византии, примерно с V в., приобрела особое значение центрическая композиция, включающая купольные перекрытия, арки и другие элементы, подчеркивающие вертикальную ось здания. В этот период в восточных районах империи вырабатывается своеобразный архитектурный тип, оказавший огромное влияние на дальнейшее развитие византийского зодчества. Зарождение его можно проследить на примере сирийских базилик V—VI вв.

Вместо длинных рядов колонн, несущих антаблемент, здесь применяются либо тяжелые и мощные столбы, на которых покоятся широкие арки (как, например, в базилике Кальб-Лузе), или же небольшое число колонн. Эти постройки менее вытянуты в длину,

чем базилики Рима. В них заметна тенденция к разбивке сооружения на части в поперечном направлении, тенденция, развитая в наиболее сильной степени в церквах Месопотамии, где план здания приближается к квадрату с растянутым вширь помещением главного нефа (церковь в Сале).

Сирийские архитекторы уделяли большое внимание разработке нартекса и западного фасада. Вход в базилику, не имеющую атриума, осуществлялся через широкую арку, к которой вела лестница. По сторонам арки возвышались две угловые башни. Над входной аркой помещалась лоджия с колоннами. Базилики, выстроенные из тесаного камня, перекрывались двускатной крышей на стропилах. Замечательные образцы таких построек — церкви в Дейр-Турманине, Кальб-Лузе, в монастырском комплексе, построенном близ Алеппо в Калат-Семоне (монастырь Симеона Столпника). Двухбашенный фасад сирийских базилик оказал большое влияние на развитие ро-

ЦЕРКОВЬ САНТ-АПОЛЛИНАРЕ НУОВО В РАВЕННЕ.
Внутренний вид. VI в.

ЦЕРКОВЬ САНТ-АПОЛЛИНАРЕ ИН КЛАССЕ В РАВЕННЕ.

Внутренний вид. VI в.

манской архитектуры. Наблюдаются также связи между базикальным строительством Сирии и архитектурой Армении.

В монастыре Симеона Столпника по четырем сторонам восьмигранника двора, в центре которого расположено главное монастырское святилище — столб, размещены здания, представляющие в плане трехнефные базилики. В целом же план образует крест. Восточная базилика имеет три апсиды. Все сооружение выполнено из тесаного, тщательно обработанного камня. Стороны восьмигранного открытого двора (по мнению некоторых исследователей, он был перекрыт куполом) окаймлены колоннами, несущими на себе широкие орнаментально профилированные арки. Сочетание базиликальных и центрических форм дает основание предполагать влияние константинопольского зодчества [5]. Архитектурное решение западной части храма, сходное с фасадами сирийских базилик, фланкированными двумя башнями, имеется и в некоторых памятниках Балканского полуострова. Так, в трехнефной базилике селения Бухово (Болгария, Софийский район) западный фасад оформлен в виде портика, по сторонам которого возвышаются две башни.

Эти тенденции нашли свое выражение как в базиликах Сирии и Малой Азии, так и в Равенне (базилики Сант-Аполлинаре Нуово, Сант-Апполинаре ин Классе), в Риме (базилика Сант-Аньезе), в Фессалонике (базилики Параскевы, Димитрия), в Константинополе (церковь Иоанна Студита).

Стремление подчеркнуть вертикальную вытянутость здания сказывалось не только в том, что горизонтально лежащий архитрав заменили арками. Для выявления вертикальной оси пяты арок искусственно повышались путем введения трапециевидных промежуточных каменных блоков (так называемых импостов) [6]. Импосты помещались между капителью и основанием арки. Самые капители все более и более отходят от античных прототипов. Украшающий их аканф, выполненный в виде резного плоского орнамента, служил основой для создания нового типа капителей, кружевная резьба которых дает впечатление легкости и воздушности. Резчики стремились вызвать иллюзию невесомости арки. В базилике Димитрия в Фессалонике тонкий резной лист аканфа завивался словно от дуновения ветра. Конструктивное значение капителей, несущих всю тяжесть арок и вышележащих частей, маскировалось кружевом резьбы и использованием эффекта светотени. Великолепные образцы подобных капителей-импостов сохранились во многих районах империи, свидетельствуя о направлении, по которому пошло развитие базиликального зодчества в V—VI вв.

ЦЕРКОВЬ САНТ-АПОЛЛИНАРЕ НУОВО В РАВЕННЕ.
Внутренний вид. VI в.

Церковь Иоанна Студита в Константинополе (463 г.) сохранилась лишь частично [7]. Базилика была построена патрикием Студием, по имени которого назван и основанный позднее монастырь. Здание представляет собой трехнефную одноапсидную базилику с нартексом и остатками когда-то существовавшего атриума. В базилике имелись хоры. Широкий центральный неф отделен от двух боковых колоннами. Они увенчаны капителями, украшенными тонкой резьбой. Резьба покрывает и карнизы, придавая зданию нарядный вид. Колонны нижнего яруса несли на себе прямой антаблемент; в верхнем они были, вероятно, связаны между собой арками.

Интересные памятники базиликального типа сохранились в Фессалонике (Македония). Здесь, как и в Северной Греции, базилика оставалась наиболее распространенным типом здания на протяжении всего средневековья.

Храм Параскевы (Эски-Джума) в Фессалонике — трехнефное здание с хорами. Оно прекрасно освещено внутри благодаря наличию большого числа окон. Богатство внутренней отделки сочетается со скромным наружным оформлением, что вообще типично для памятников архитектуры рассматриваемого периода.

Внутренняя конструкция замечательной пятинефной базилики Димитрия в Фессалонике [8] отличалась рядом своеобразных черт. Широкий центральный неф отделялся от боковых колоннами и чередующимися с ними через определенные промежутки столбами. Здание имело хоры. Аркады первого и второго ярусов были украшены инкрустациями из разноцветного мрамора. Меньшие размеры колонн верхнего яруса создавали впечатление большой высоты здания.

Наряду с постройками базиликального типа в IV—V вв. возводились и так называемые центрические. Такой план характерен для погребальных сооружений и крещален, обычно небольших по размерам. Здесь применялись купольные перекрытия, располагавшиеся на перекрестии или над многогранным и круглым основанием. Ранний пример — мавзолей Констанцы в Риме. Ротонда перекрыта куполом. Вокруг центральной части здания идет круговой обход с цилиндрическим сводом. Перекрытия покоятся на двенадцати парных колоннах, связанных арками в круговой неф.

В церкви Сан-Стефано в Риме центральная часть, перекрытая куполом, имела два круговых обхода. Цилиндрический свод, окружающий купол, покоился на колоннах. Во внутреннем обходе они поддерживали прямой архитрав, в наружном — несли арки. Церковь Георгия в Фессалонике представляла собой круглое в плане здание с выступающей прямоугольной алтарной частью и полукруглой апсидой. Широкий купол (24 метра) потребовал очень массивных опор; ими служили цилиндрические стены 6-метровой толщины. Здание, возможно, было сооружено еще в IV в. в качестве мавзолея Феодосия [9].

Гораздо сложнее была задача строителей, когда купол возвышался не на круглом, а на квадратном основании, в постройках, имевших форму креста. Приемы, которыми зодчие старались облегчить решение этой задачи, были различны. Один из них, примененный в III в. в Иране и во дворцах Фирузабада и Сарвистана,

сводился к постепенному переводу квадрата в многогранник с помощью угловых ниш (тромпов). Этот метод применялся и византийскими зодчими. Возможность построения сооружений, центральная часть которых была перекрыта куполом, очень привлекала византийских архитекторов, со временем превративших купольные здания в важнейший тип архитектуры общественных сооружений [10].

Купол на тромпах не был единственным техническим решением проблемы. Огромным достижением явилось возведение его на квадратном основании с помощью четырех сферических парусов. В небольшом масштабе этот прием был использован строителями усыпальницы Галлы Плацидии в Равенне (середина V в.). Здание построено в форме латинского неравноконечного креста, с более длинной западной ветвью. Ветви креста перекрыты цилиндрическими сводами. Пересечение сводов в центре здания образует квадрат основания купола. Легкий купол, составленный из глиняных амфор, вложенных одна в другую, покоится на четырех парусах или пандативах. Снаружи он частично скрыт под четырехскатной крышей. Своды перекрыты двускатными крышами. Крестообразный план здания четко выявлен снаружи. Однако крестообразные храмы не получили широкого распространения. Вероятно, причиной являлось то обстоятельство, что они не обладали преимуществами базилики — возможностью удобного для церковной службы использования внутреннего пространства. Уже в V в. появляются постройки, свидетельствующие о поисках, которые ведутся архитекторами в определенном направлении,— они стремятся выработать новый тип здания, сочетающего преимущества базилики с достоинствами купольного перекрытия. При больших размерах помещения, которое требовалось перекрыть куполом, трудности решения задачи значительно возрастали [11]. Изучение сохранившихся памятников, созданных в византийских провинциях, дает возможность проследить пути этих исканий.

Древнейшим образцом сооружения базиликального плана, где применено купольное перекрытие, является, по-видимому, церковь второй половины V в. в Мериамлыке (Малая Азия, Киликия). Около того же времени, а быть может, и немного ранее, в исаврийской церкви Коджа-Калесси — базилике, перекрытой цилиндрическими сводами, на перекрестии в центральной части главного нафа был возведен купол на тромпах. Все здание построено из тесаного камня. Большие боковые арки с севера и юга обрамляли стены, разделенные на три яруса. В верхнем были пробиты окна. В первом и во втором центральный и боковые нефы соединены тройным пролетом с колоннами [12]. Большое число купольных сооружений известно и в других частях Малой Азии, горной Месопотамии, Сирии, Египта.

Так, шаг за шагом складывался тип купольной базилики — главной формы храма, господствующей в период от VI до IX в.

В 527—536 гг. выдающимися архитекторами Анфимием из Тралл и Исидором из Милета в Константинополе была построена церковь Сергия и Вакха. Первоначально она располагалась в непосредственной близости к другой церкви, с которой была связана общим двором и объединявшим оба здания нартексом. Однако из двух равных по

величине базилик только церковь Сергия и Вакха была купольной. От прежде существовавшего атриума ничего не осталось. Самое же здание базилики Сергия и Вакха представляет в плане неправильный квадрат с одной выступающей апсидой, полукруглой внутри и многогранной снаружи. Внутрь квадрата вписан большой восьмигранник с четырьмя прямыми пролетами и четырьмя чередующимися с ними полукружиями. На восьми мощных столбах восьмигранника покоится полусферический купол. Столбы объединены большими арками. В нишах каждого яруса между столбами со всех сторон, кроме восточной, поставлены по две колонны. Колонны первого яруса несут прямой антаблемент, второго — арки. Ниши принимают на себя часть тяжести распора купола, перекрывающего почти все внутреннее пространство здания. Верхние галереи перекрыты цилиндрическими сводами.

Наличие аркад, опирающихся на разнообразные опоры — столбы неправильной в плане формы и колонны, группировка опор по две и по три — приемы, не свойственные античной архитектуре [13],— все это диктовалось необходимостью облегчить тяжесть распора купола, которому византийские архитекторы стремились придать форму, напоминающую небесный свод.

Окна у основания купола освещали просторную центральную часть здания. Ювелирная резьба по мрамору (в капителях, импостах колонн и антаблементе), в которой византийские мастера достигли высокого совершенства, придавали интерьеру нарядность. Вокруг центральной подкупольной части здания имелся круговой обход. Благодаря наличию с южной и северной сторон симметрично расположенных боковых проходов, перекрытых цилиндрическими сводами и объединяющих центральную часть с круговым обходом, в плане здания слегка намечалась тема креста, вписанного в базилику,— тема, которая позднее получила развитие в византийской архитектуре.

Стремление создать впечатление легкости конструкции нашло выражение в применении типичных для этого времени капителей, оформленных в виде корзин с воланами кружевной резьбы.

Однако при всех достоинствах этого памятника, заметны черты незавершенности в решении задачи — создания просторного базиликального здания, центральную часть которого полностью перекрыл бы купол. При большом диаметре и небольшой высоте вертикальной оси полусферы эта задача представляла огромные трудности [14].

Один из оригинальнейших памятников византийского храмового зодчества VI в.— церковь Сан-Витале в Равенне. Построенная восьмигранником, к западной стороне которого примыкал нартекс с двумя башнями, заключавшими в себе лестницы, ведшие на хоры, церковь Сан-Витале является в своем роде уникальной. Перед нартексом раньше существовал атриум. В восточной части здание имеет одну апсиду; по обеим сторонам ее расположены жертвенник и диаконик.

При сравнении плана церкви Сан-Витале и базилики Сергия и Вакха бросаются в глаза некоторые черты сходства между обоими памятниками. Как в первом, так и во втором купол перекрывает восьмигранник; арки возвышаются на два яруса; используются мощ-

ЦЕРКОВЬ САН-ВИТАЛЕ В РАВЕННЕ.

Внешний вид. Ок. 547 г.

ные столбы неправильной формы, несущие тяжесть купола. И там, и здесь мы видим за столбами ниши и стоящие между ними колонны.

Однако в отличие от базиликального в своей основе здания церкви Сергия и Вакха, церковь Сан-Витале имеет ярко выраженную вертикальную ориентировку. Здание кажется очень высоким и стройным. Сочетание столбов и колонн с арками и полусферами ниш доведено до высокой степени совершенства и законченности, отсутствующей в церкви Сергия и Вакха. Построение купола на восьмигранном основании гораздо удачнее связано с планом в церкви Сан-Витале, чем в базилике Сергия и Вакха.

В Сан-Витале колонны, поддерживающие арки в нишах, украшены разнообразными капителями — импостами, покрытыми великолепной резьбой по мрамору. Внутреннее убранство дополняют многокрасочные мозаики, сохранившиеся в восточной части храма. Яркое освещение центрального помещения обеспечивается высокими двойными окнами, пробитыми в барабане купола. Двойные и тройные пролеты арок на высоких тонких колоннах объединяют круговой обход с подкупольным пространством. Все это усиливает впечатление легкости здания, способствует дематериализации интерьера.

Величайшим достижением византийской архитектуры VI в. явилось сооружение церкви Софии в Константинополе. Этот храм был

построен Юстинианом на месте ранее существовавшей одноименной деревянной базилики, сожженной во время восстания Ника в 532 г. Для расширения территории были заняты участки соседних домов. По замыслу создавших это здание архитекторов — Анфимия и Исидора, все великолепие церкви было сосредоточено внутри нее. Даже в те времена, когда здание не было искажено перестройками и загромождено пристроенными снаружи контрфорсами, его скромные кирпичные стены мало чем могли поразить воображение. Тем более удивляло оно зрителей, вступавших под своды, необыкновенной — при грандиозных размерах — легкостью конструкции. То, что купол здания словно парил над центральной его частью, современники были даже склонны приписывать сверхъестественным силам. Опоры казались невидимыми.

Перед входом в церковь Софии, как свидетельствуют уцелевшие фундаменты, существовал просторный атриум, окруженный портиками. В центре атриума был расположен большой мраморный фонтан. Через западный портик можно попасть внутрь здания. Нартекс представляет собой продолговатое высокое помещение, расчлененное выступающими из западной стены столбами на девять равных частей. Каждая из них перекрыта крестовым сводом. Девять дверей в восточной стене нартекса ведут в центральный зал.

Уже в этом преддверии намечены основные художественно-архитектурные темы, которые получают развитие в главном помещении. Сочетание простых прямоугольных форм с дугами арок крестовых сводов, многократно повторенное в нартексе, как бы предваряет симфонию сочетаний кубических форм с полусферами куполов, созданную строителями в центральном нефе.

Огромный зал представляет собой прямоугольник размерами 77 на 71,7 метров, над центральной частью которого возвышается полусферический купол диаметром в 31,5 метров. С востока и запада к куполу примыкают два полукупола. Таким образом, весь центральный неф, заканчивающийся полукруглой внутри и многогранной снаружи апсидой, имеет купольное перекрытие.

Боковые, более узкие нефы отделены от главного стенами, завершающимися вверху мощными арками. Проходы из среднего нефа в боковые осуществляются через пролеты между колоннами, несущими аркады. В стенах главного нефа, над хорами, находящимися во втором ярусе,— множество окон, дающих дополнительное освещение.

Полусферический купол над центральным квадратом покоится на четырех парусах, образованных арками, опирающимися на четыре огромных столба. Пространство между столбами заполняют тонкие стены с высокими тройными арками. С востока и запада сила распора купола сдерживается полукуполами, каждый из которых в свою очередь имеет маленькие полукупола. С севера и юга арки, встроенные в стены и слишком слабые для противодействия силе распора купола, укреплены внутренними контрфорсами, поставленными между стенами главного нефа и наружными стенами здания. По принятому византийскими зодчими обычаю контрфорсы не выносились за пределы наружных стен.

В нижнем этаже боковые нефы перекрыты полуцилиндрическими сводами, во втором — полусферическими. Вся сложная система сводов, включающая в себя множество составных частей, куполов, разгрузочных арок, полностью скрыта от взоров зрителя.

По архитектуре церковь Софии представляет собой купольную базилику — тип здания, подготовленный всем предшествующим развитием византийской архитектуры. В таком гигантском масштабе проблема купольного перекрытия на квадратном основании была разрешена архитекторами впервые. Степень удачи этого решения особенно отчетливо видна при сравнении Софии с находящейся поблизости церковью Ирины. Построенная в 532 г. церковь Ирины имеет форму вытянутого прямоугольника. Широкий центральный неф, завершающийся, как в Софии, одной апсидой, венчают два купола. Боковые нефы перекрыты крестовыми сводами: восточный купол — полусферический, западный — яйцевидный. Здание лишено гармонии, простоты и ясности художественного замысла, присущих церкви Софии. Константинопольская София синтезировала две ранее обозначившиеся линии развития византийской архитектуры — базиликальную и центрическую.

Атриум и нартекс, объединяющий боковые нефы, аркады и колоннады, характерны для зданий базиликального плана. Выделение же внутреннего квадрата, перекрытого огромным куполом, как центра всего сооружения, и слегка намеченные, благодаря пролетам аркад, ведущих в боковые нефы, ветви креста связывают Софию со зданиями центрического типа.

Конструктивная схема Софии не имела повторений. Однако ее основная идея (сочетание базилики с центрическим зданием, перекрытым куполом) явилась чрезвычайно плодотворной для дальнейших судеб византийской архитектуры. Именно из купольной базилики, распространенной в Византии в VI—IX вв., развился крестовокупольный храм позднейшего времени.

Наряду со смелостью архитектурного замысла, церковь Софии поражает богатством внутреннего оформления. Ее многоцветные колонны, выполненные из белого проконесского мрамора, светлозеленого эвбейского, красного и белого карийского, египетского и желтого нумидийского порфира были украшены резными капителями. Мраморные полихромные инкрустации на стенах предоставляли сравнительно мало места для мозаичной живописи. Остатки первоначальной росписи Софии, обнаруженные в нартексе, позволяют составить впечатление о творческом облике византийских художников VI в. Значительную роль в интерьере храма играли и произведения ювелирного искусства. Амвон, воспетый поэтом VI в. Павлом Силенциарием, — превосходный образец мастерства ювелиров и камнерезов.

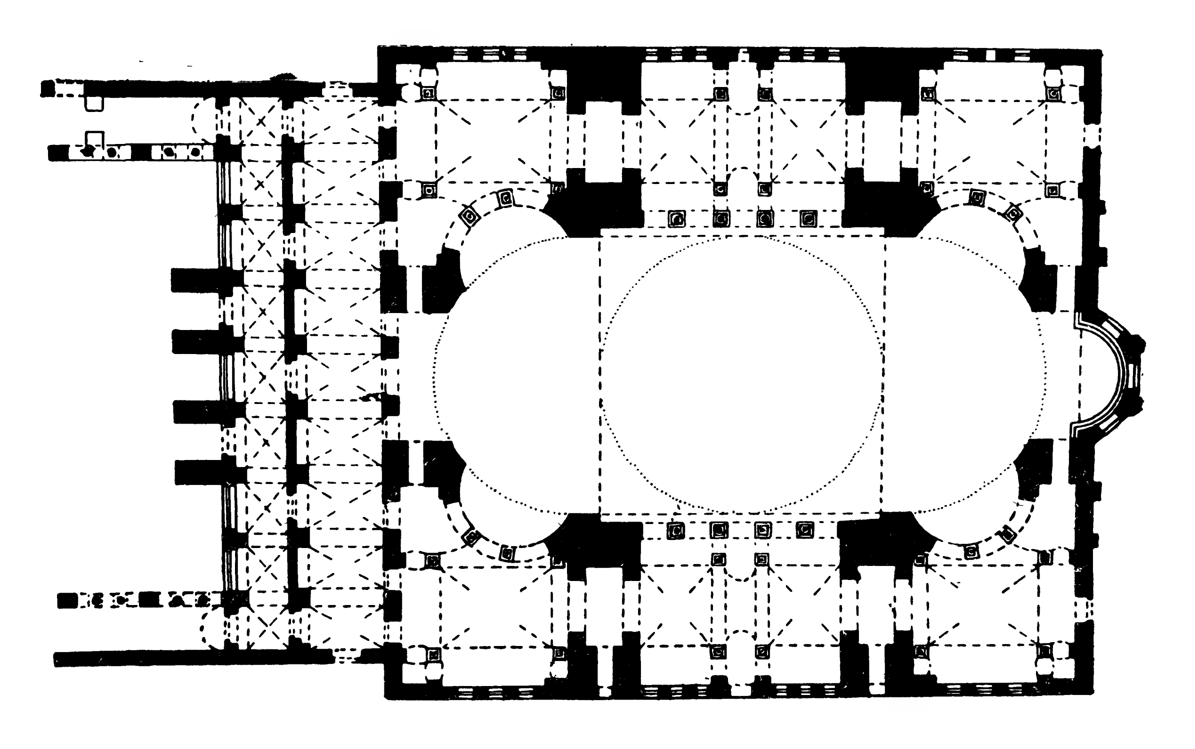
Наряду с расцветом новых архитектурных форм, в ранневизантийском искусстве наблюдается высокое развитие *монументальной живописи* — необходимого компонента декоративного убранства зданий, в особенности церковных. Здесь, начиная с IV в., шаг за шагом вырабатывается художественный стиль, глубоко отличный от классического реалистического стиля памятников античности.

Изменилась тематика изображений. Подобно живописцам, украшавшим своими росписями катакомбы Рима и восточных областей империи в первые века нашей эры, византийские художники заимствовали сюжеты композиций в текстах священного писания.

Изменились и стилистические приемы живописи. Для решения новых задач художники использовали в одних случаях — традиционные античные формы изображения, подвергая их лишь некоторым изменениям, в других — эти формы полностью перерабатывались. Однако всегда и везде памятники живописи были отмечены особенностями нового, спиритуалистического стиля.

Важнейшей его чертой являлся отказ от объемности, свойственной античному реалистическому искусству. Фигуры людей в изображаемых сценах, казалось, утратили живой механизм движения. Они приобрели значительность, но стали плоскостными и в известной мере схематичными. Композиционная связь между персонажами, сюжетно связанными друг с другом, стала менее выраженной; теперь они обращались не друг к другу, а к зрителю. Непосредственный контакт со зрителем усиливала обратная перспектива, при которой фигуры и предметы, находящиеся в отдалении, изображались в более крупном масштабе, чем передние. Смысловые и художественные функции пейзажного фона получили иную направленность: он трактовался теперь условно и обобщенно. Цвет стал играть самостоятельную роль; краски сделались более яркими и локальными.

ХРАМ СВ. СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ.
План

ХРАМ СВ. СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ.
Хоры

Художественное содержание картины наполнилось глубоким философским и символическим смыслом.

В соответствии с новым художественным содержанием, живопись приобрела монументальный и декоративный характер, стала органической частью зданий, которые украшала. Исключительное чувство цвета, неизвестное античному искусству, позволяло византийским художникам создавать великолепные живописные интерьеры, синтетически связанные с архитектурой.

В создании нового стиля важную роль сыграли местные художественные традиции Сирии, Египта, Малой Азии, в свое время подавленные нивелирующей рукой Рима. Художественные школы византийских провинций и Константинополя довели до высокой степени совершенства технику стенной мозаики, позволившую добиваться неведомых до того декоративных эффектов в композициях.

Византийский стиль развился, разумеется, не сразу. Его создатели опирались на достижения своих предшественников. Воспроизводя черты человеческих лиц, художники широко использовали

ПУТТИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ ДАРЫ МОРЯ.

Мозаика из Якто. Антиохия. V в.

ФИНИКОВАЯ ПАЛЬМА, ДВЕ ФИГУРЫ С КОЛЕСАМИ.

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

приемы, разработанные мастерами позднеантичного портрета I—II вв. н. э. В византийской живописи, как в фаюмских портретах, часто встречаются изображения лиц с огромными глазами, расширенными зрачками и взглядом, устремленным на зрителя [15].

Методы христианской иконографии художники перенимали у создателей памятников древнехристианского искусства — катакомбных росписей и рельефов саркофагов. Символические изображения Христа, апостолов, святого духа, евангелистов, получившие распространение в византийском искусстве, были известны ранее.

Наконец, яркие красочные эффекты византийской мозаичной живописи были связаны своим происхождением с многоцветными украшениями, введенными в моду варварами — в предметах вооружения и одеждах. Внедрение новых этнических элементов оказало воздействие и на художественные вкусы, нашедшие воплощение в искусстве живописи.

Как справедливо указывал В. Н. Лазарев, в Византии каждая национальность вырабатывала свой собственный стиль, часто наивный и грубый, но всегда оригинальный и выразительный: «отныне народные стили становятся действенным фактором в развитии искусства» [16].

Новыми художественными центрами становятся Александрия, Антиохия, Эфес. Константинопольские мастера, используя все луч-

ДЕВУШКА
С КУВШИНОМ.

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

ОХОТА.
Деталь мозаики из дома охоты Антиохия. Устер Музей. VI в.

шее из того, что было создано в провинциях империи, смогли уже в ранневизантийский период выработать сильный и оригинальный образный язык.

Раскопки в Антиохии вскрыли замечательные произведения сирийских мозаичистов, свидетельствующие о художественных исканиях IV—V вв. Очень интересна в этом отношении мозаичная композиция начала V в., известная под названием «мозаики охотников» в Якто близ Дафни, в окрестностях Антиохии. Центральный медальон представляет собой погрудное изображение женской фигуры, которая носит название «Мегалопсихия», т. е. олицетворяет «величие души». Этот образ служит ключом к пониманию всей окружающей центральный медальон композиции, содержащей примеры мужества и героизма, почерпнутые из античной мифологии. Женская фигура выполнена в стиле позднеантичных портретов и, вероятно, воспроизводит живой оригинал. Выразительное лицо, вызывающее в памяти фаюмские портреты, обращено к зрителю. Богатые одежды и ожерелье из крупных разноцветных камней как бы предвосхищает позднейшие изображения византийских императриц и придворных дам, известные по памятникам византийской живописи VI в.

Охотничьи сцены вокруг центрального медальона разбросаны более или менее симметрично по всей нижней части площади, отделяясь друг от друга изображениями деревьев и птиц, не имеющих отношения к этим сценам. Фигуры людей и животных лишены движения, кажутся застывшими, несмотря на высокое качество мозаики.

Мы мало осведомлены о путях развития монументальной живописи в Константинополе в IV—VI вв. Лишь после открытия мозаич-

ных полов Большого дворца в Константинополе и некоторых остатков первоначального убранства константинопольской церкви Софии эта прежде неясная картина немного прояснилась. Мастера, участвовавшие в строительстве дворца, были призваны из всех частей империи. Сохранившиеся фрагменты мозаики пола свидетельствуют о наличии художественных связей с различными районами Средиземноморского мира. Тем не менее в целом этот памятник может рассматриваться как первый образец собственно константинопольского живописного стиля. Его характерной чертой является приверженность к традициям античного реализма. В большей степени, чем это было свойственно другим памятникам ранневизантийского искусства, здесь сказалось стремление сохранить объемность фигур и вообще жизненность поз. Однако и в этих мозаиках отчетливо проступают элементы нового стиля. Изображения архитектурных памятников, деревьев, скал своими непропорционально малыми размерами создают впечатление неправдоподобия. Деревья не связаны с остальным пейзажем [17].

Черты нарождающегося стиля, условно называемого нами византийским, наблюдаются с IV в. повсеместно — как на Востоке империи, так и в Риме (в мозаиках Санта-Мария Маджоре, в мозаиках, украшающих цилиндрический свод над кольцевым обходом мавзолея Констанцы). Истоки его можно проследить и раньше — в Дура Европос, мозаике Мадэбы и т. д. Дальнейшее его развитие происходит в VI в.

Одним из интереснейших центров ранневизантийского искусства, сохранившим вплоть до настоящего времени значительное число первоклассных памятников византийского мозаичного искусства, была Равенна — столица остготского государства, завоеванная в VI в. Византией. Как во времена владычества остготов, так и после византийского завоевания в Равенне работали художники, прибывшие туда частью из Константинополя, частью из восточных провинций. Несмотря на то что местные итальянские художественные традиции в известной мере наложили свой отпечаток на памятник равеннской живописи V—VI вв., они представляют собой прежде всего образцы искусства византийских мастеров.

Древнейший памятник византийской живописи в Равенне — внутреннее убранство мавзолея Галлы Плацидии (дочери императора Феодосия I, умершей около 450 г.), созданное в середине V столетия. Мавзолей построен в форме креста с куполом на перекрестии. Ветви креста перекрыты цилиндрическими сводами. Чрезвычайно скромное снаружи, кирпичное здание мавзолея было пристроено к церкви Креста [18]. Крестообразная форма имела символический характер. Мозаичная живопись и инкрустации из многоцветного мрамора покрывают внутренность мавзолея сверху донизу наподобие яркого и пестрого ковра [19].

В отличие от многих других византийских памятников того времени мозаики мавзолея Галлы Плацидии дошли до нас в почти незатронутом позднейшими реставрациями виде. Поэтому они могут рассматриваться как ценнейшее свидетельство высокого мастерства художников середины V столетия. Уже со времени итальянского

ЖЕНЩИНА С РЕБЕНКОМ. БОРЬБА ОЛЕНЯ СО ЗМЕЕЙ. ГОЛУБЬ. ДВА МАЛЬЧИКА И ГУСИ.

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

Возрождения эти мозаики вызывали восхищение своим изяществом и высоким художественным мастерством.

Купол, венчающий перекрестие мавзолея, покоится на четырех сферических парусах. Он уподоблен живописцами небесному своду и весь покрыт кубиками мозаичной смальты глубокого синего тона, в который вкраплены в огромном количестве золотые звезды (число их достигает восьмисот).

В центре этого ночного небосвода сияет золотой крест; у основания купола в парусах изображены символы четырех евангелистов. Вся поверхность арок и сводов заполнена переплетениями растительного орнамента, из завитков которого выступают фигуры попарно стоящих апостолов. Фигуры апостолов, облаченных в белые одежды наподобие античных философов, расположены по сторонам окон, выделяясь на темносинем, переходящем в зеленый, фоне. Этот фон создает впечатление глубины, хотя в трактовке фигур выражено стремление к плоскостности. Тенденция к отказу от объемности сказывается и в других деталях мозаичного убранства, например, в изображениях оленей, стоящих у водоема.

В люнете, расположенном над входом в мавзолей, помещена композиция, изображающая Христа среди апостолов. Сцена представляет условный гористый пейзаж. В центре, на скале, сидит Христос — «добрый пастырь». По сторонам стоят и лежат овцы, символизирующие шестерых апостолов. Над скалами виднеется синий небосклон. Подобные композиции встречались ранее в катакомбных росписях и на рельефах саркофагов. Однако в отличие от этих изображений, относящихся к периоду, предшествовавшему признанию христианства официальной религией, здесь изображение Христа уже утратило демократический характер, который ему придавала простая пастушеская одежда. «Добрый пастырь» в мавзолее Галлы Плацидии облачен в золотой хитон, поверх которого накинут царственный пурпурный плащ. Голова окружена золотым нимбом.

Фигура Христа показана в трехчетвертном повороте, по правилам античного контрапоста, максимально выявляющего объемность средствами живописи. Голова повернута влево, грудь и рука — вправо, ноги вперед. Пластичность фигуры, моделировка обнаженной руки, ног, лепка лица, живописно и свободно ниспадающие волнистые пряди волос выявляют связи этого искусства с художественными традициями реалистического искусства, с искусством античности. Исследователи считают, что работавшие здесь мозаичисты были представителями константинопольской столичной школы[20]. Между трактовкой фигуры «доброго пастыря» и условностью пейзажа существуют внутренние противоречия, отражающие антагонизм тенденций в искусстве этой переходной эпохи.

Еще в большей мере эта противоречивость бросается в глаза при сопоставлении рассмотренной композиции со сценой мученичества Лаврентия, расположенной в люнете на противоположной стене мавзолея. В центре представлена решетка, из-под которой вырывается пламя. Справа к ней стремительно направляется бородатый человек, держащий в правой руке крест, в левой — раскрытую книгу. Отожествляемый обычно с Лаврентием, он облачен в белые разве-

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ В РАЙСКОМ САДУ.

Мозаика Мавзолея Галлы Плацидии в Равенне. Вторая четверть V в.

вающиеся одежды. С левой стороны решетки — открытый шкаф, на полках которого лежат четыре евангелия. Если фигура Лаврентия сохраняет черты объемности, то шкафчик с книгами дан художником совершенно условно. Его назначение — раскрыть сюжет изображения: показать книги, ради которых Лаврентий претерпел мученичество.

К середине V в. относится и мозаичное убранство так называемой Православной крещальни в Равенне. Стилистическая близость этих памятников дает основание предполагать, что в них работали художники одной школы. Восьмигранная в плане постройка перекрыта плоским куполом. Подобно мавзолею Галлы Плацидии, она имеет снаружи скромный вид. Кирпичную кладку слегка оживляют плоские пилястры с двойными аркадами [21]. Органическая связь внутреннего декора здания с его архитектурной формой является характерной чертой, свойственной этому памятнику ранневизантийского искусства. Многоцветный мозаичный ковер, рельефы из стукко, которые прежде были раскрашены, мраморные инкрустации, опоясывающие здания ярусами, придают интерьеру праздничность. Красочную гамму составляют светло-желтые, зеленые, красные, фиолетовые, светло-синие оттенки.

В центре купола, в соответствии с назначением здания, изображена сцена крещения Христа Иоанном Крестителем. Центральный медальон подвергся впоследствии сильной реставрации, вследствие чего трудно судить о первоначальном характере живописи. Неизменным осталось лишь расположение фигур участников сцены крещения, хорошо увязанное с пейзажным фоном.

Новейшие исследования показали, что украшение купола было основано на применении обратной перспективы. Венчающий медальон (со сценой крещения) и две зоны под ним должны рассматриваться не как самостоятельные изображения, а как последовательные планы одной и той же пространственной композиции.

Но особый интерес представляют собой изображения апостолов. Можно говорить о портретном характере лиц апостолов в процессии, расположенной вокруг центрального медальона, которым отточенное мастерство художников сообщило необычайную силу и выразительность. Смелая реалистическая лепка лиц, представленных в трехчетвертном повороте, позволяет причислить эти произведения к шедеврам византийского искусства. В противоположность им, расположенный ниже ярус мозаик содержит чередование условно и несколько схематично изображенных тронов и престолов. Растительный орнамент, украшающий люнеты, расположенные над окном следующего яруса, имеет большое сходство с подобными переплетениями растительного орнамента в мавзолее Галлы Плацидии.

Сопоставление украшения купола в Православной крещальне с аналогичной мозаикой в так называемой Арианской крещальне, относящейся ко времени правления Теодориха (ок. 454—526), дает основание считать, что за половину столетия, разделяющую оба памятника, тенденция к отходу от античных традиций усилилась. В изображении той же процессии фигуры апостолов стали более плоскостными, они меньше связаны друг с другом. В сцене крещения действующие лица — Иоанн Креститель и Иордан, которые в Православной крещальне были свободно размещены на фоне пейзажа (Иоанн — на берегу, Иордан — в воде), здесь переставлены с целью достижения симметричности: Иоанн стоит на берегу слева, Иордан, представленный в виде старца, сидит на другом берегу.

В том, что эти изменения стилистического характера отнюдь не случайны, а связаны с общей тенденцией искусства VI в. в сторону отхода от классического реализма, убеждает сравнение этих мозаичных циклов с другими памятниками византийской живописи VI в. в Равенне.

К их числу относится прежде всего базилика Сант-Аполлинаре Нуово. Здание было построено при Теодорихе и подверглось внутри переделкам после завоевания Равенны Юстинианом, а также в позднейшее время. При последних реставрациях мозаичное украшение апсиды было заменено новым.

Живопись украшает обе стороны главного нефа базилики и прекрасно согласуется со всем интерьером здания, разделенного рядами колонн на три нефа. Широкие большие окна, пробитые в среднем, возвышающемся над боковыми нефе, дают хорошее освещение.

ПРОРОК.

Мозаика базилики Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне. VI в.

ОХОТА НА ЗАЙЦЕВ

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

Мозаики центрального нефа разделены на три горизонтальных пояса.

Верхний, расположенный над окнами, содержит два цикла, которые иллюстрируют жизнь и чудеса Христа. Между картинами из жизни Христа расположены ритмически повторяющиеся изображения раковин и птиц, характерные для более ранних памятников искусства. Фигуры святых, расположенные во втором ярусе между окнами, и парно стоящие птицы над окнами, повторяют этот мотив ритмического чередования.

В нижнем ярусе первоначальные мозаики, связанные, по-видимому, с Теодорихом, были заменены двумя процессиями. Слева — длинная процессия женщин, облаченных в богатые одежды, представляет мучениц, несущих свои венцы. Справа изображены мученики, подобным же образом держащие в руках венцы. Женская процессия, перед которой видны три волхва, движется из города Равенны к сидящей на троне богоматери с младенцем на руках. Процессия мучеников направляется из здания, отожествляемого с дворцом Теодориха, к Христу, сидящему на троне между ангелами. При внимательном рассмотрении в этих мозаичных композициях легко обнаружить остатки первоначальных мозаик, не говоря уже о дворце Теодориха, явно к ним относящегося [22]. Между исполнением первых и вторых прошло несколько десятилетий.

Тринадцать сцен из жизни Христа, расположенные слева в верхнем ярусе, имеют между собой много общего. Это малофигурные композиции, все детали которых точно соответствуют иллюстрируемому тексту. Главное действующее лицо — Христос (изображенный здесь, в отличие от цикла, находящегося на противоположной стене, молодым и безбородым) — дан в большем масштабе, чем сопровож-

дающие его персонажи. Условный характер композиций проявляется и в том, что художник отказывается от прямой перспективы.

Так, например, в сцене с изгнанием бесов из одержимого в стадо свиней животные помещены одно над другим в одинаковом масштабе, без перспективного сокращения. В композиции, изображающей исцеление паралитика, дом показан как бы в разрезе, а крыша — в обратной перспективе. Но передача деталей, характеристика отдельных лиц, наконец, колористическое богатство выдают руку мастера. В отличие от изображений, характерных для предшествующего времени, большинство персонажей обращено лицом к зрителю и словно позирует перед ним.

Сцены из последнего периода жизни Христа (на противоположной стене) во многом отличны от рассмотренных выше. Они выполнены, по всей вероятности, другим художником.

Изображения мучеников во втором ярусе между окнами отличаются от подобных же фигур в нижней процессии большей объемностью в трактовке складок одежды. Однако и эти и расположенные в нижнем ярусе мужские и женские фигуры даны фронтально, с лицами, прямо обращенными на зрителя.

Близким по времени к церкви Сант-Аполлинаре Нуово памятником искусства византийских мозаичистов VI в. является ансамбль, сохранившийся в алтарной части церкви Сан-Витале в Равенне. Мастерством исполнения и колористическими достоинствами они ни в чем не уступают произведениям предыдущего столетия. Мозаики украшают своды и стены, прекрасно гармонируя с разноцветными колоннами нижнего и верхнего ярусов. Богатство внутреннего убранства дополняют плиты многоцветного мрамора, украшающие нижнюю часть столбов. Мозаики, сохранившиеся только в алтаре, имеют

ОХОТА НА ТИГРА.

Мозаика, украшавшая пол Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в. (?)

догматический характер, нигде ранее не выраженный с такой цельностью и полнотой. Однако в их число включены изображения императора Юстиниана I и императрицы Феодоры со свитами. Эти две композиции, расположенные друг против друга на стенах апсиды, интересны с историко-документальной стороны, так как представляют собой портреты лиц, известных по письменным источникам.

Юстиниан изображен в окружении высших сановников византийского двора, что видно по одеждам, носящим на себе знаки отличия. Среди сопровождающих лиц — известный своими интригами и хитростью епископ Максимиан, содействовавший Юстиниану в его итальянской политике. С именем Максимиана связано окончание работ по строительству церкви Сан-Витале, заложенной при его предшественнике, епископе Экклесии. Экклесий изображен в конхе алтарной апсиды. С моделью церкви Сан-Витале в руках, он стоит среди свиты Христа, восседающего на сфере.

Процессия представлена как бы распластанной на плоскости стены. Тесно стоящие фигуры кажутся изолированными и замкнутыми в себе. Характеристика места действия отсутствует. Пространственные взаимоотношения фигур непоследовательны и мало интересуют художника. Великолепная портретная характеристика лиц контрастирует с чертами плоскостности и условности в передаче складок одежды. Отдельные детали (книга, чаша в руках Юстиниана) даны в обратной перспективе.

Композиция, изображающая Феодору среди придворных, представляет притвор, куда процессия выходит из-за поднятой завесы. Сбоку — фонтан. Фигура Феодоры выделяется на фоне ниши с полукружием в виде раковины. Тщательно охарактеризованы придворные дамы в богатых, расцвеченных узорами одеждах. Феодора держит в руках золотой потир и, видимо, направляется внутрь церкви. Перед ней евнух в одежде сановника высокого ранга придерживает рукой занавес.

Композиция, сюжетно воспроизводящая, вероятно, в действительности происходившую историческую сцену — торжество при посещении церкви византийской императрицей, вместе с тем является по существу типичным памятником спиритуалистического искусства. Сцена развернута в одной плоскости, на отвлеченном золотом фоне. Схематизм рисунка одежды с угловатыми складками, под которыми не чувствуется объемности человеческой фигуры, в полной мере искупается изумительным по богатству и изысканности колоритом. Художник также выделил черты лица Феодоры, уделив особое внимание глазам с экстатически расширенными зрачками.

Плоскостность, монументальность, поразительное чувство цвета характерны и для других, догматических по своему содержанию композиций, размещенных справа и слева в люнетах алтаря.

Сцены посещения Авраама тремя странниками и жертвоприношения Исаака объединены художником в одну композицию, заполняющую люнет слева, несмотря на то что первая из них предшествует рождению Исаака, а во второй он уже достиг отроческого возраста. В композиции нет ни одной детали, выходящей за рамки

ХРИСТОС ЭММАНУИЛ С АРХАНГЕЛАМИ, СВ. ВИТАЛИЕМ И ОСНОВАТЕЛЕМ ЦЕРКВИ

Апсидная мозаика церкви Сан-Витале в Равенне. Ок. 547 г.

указаний библейского текста. Цель художника — напомнить зрителю об этом тексте. Поэтому он выделяет те черты, которые важны с точки зрения главной идеи — идеи беспрекословного подчинения человека божественной воле. Последняя наглядно изображена в виде указующего перста. Жертвы Авраама и расположенные на противоположной стене жертвы Авеля и Мельхиседека выражают, по мысли художника, прообразы жертвы Христа.

Хотя мозаики принадлежат разным художникам, все они отличаются подчеркнуто линейным характером контуров фигур и складок одежд, жесткостью и остротой портретных характеристик [23].

Позднейшие мозаики Равенны сохранились в базилике Сант-Аполлинаре ин Классе. К сожалению, они, подобно мозаикам церкви Сан-Микеле ин Аффричиско близ Равенны, подверглись сильной реставрации. В своем современном виде мозаики на триумфальной арке и в конхе апсиды базилики Сант-Аполлинаре ин Классе производят впечатление более грубых, чем рассмотренные выше. Однако и в них можно констатировать то же стремление к плоскостности и символизму, которое отличает мозаики церкви Сан-Витале и Сант-Аполлинаре Нуово.

На территории балканских провинций империи к рассматриваемому времени относится мало памятников мозаичного искусства. Мозаики купола ротонды Георгия в Фессалонике подверглись сильной реставрации в позднейшие времена. По сюжету они близки к изобра-

жениям Православной крещальни в Равенне. Двухэтажные здания с предстоящими в молитвенных позах фигурами святых представлены с нарушением законов прямой перспективы, характерным для искусства этого времени. «Видение Иезекииля» на мозаике, украшающей апсиду церкви Хозиос Давид в Фессалонике (VI в.), трактовано в монументальной манере. Стиль ее — жесткий, линейный. Иконография имеет восточные корни и дает основание рассматривать ее как памятник, связанный с сирийскими традициями[24].

К числу наиболее известных образцов деятельности местной художественной школы должны быть отнесены мозаики базилики Димитрия в Фессалонике. Древнейшие из них относятся к VI—VII вв. На них изображены фигуры патрона города Фессалоники — Димитрия, богоматери, основателей церкви. Они отличаются линейностью и мастерством исполнения[25].

Важной отраслью византийской живописи была миниатюра. Многочисленные иллюстрированные рукописи сохранились в большом числе от всего тысячелетнего периода существования Византии.

Первоначально миниатюрами украшались свитки папирусов. Один из таких свитков представлен знаменитым Голенищевским папирусом, содержащим всемирную хронику, доведенную до 392 г.[26] и составленную в Александрии.

Когда рукописные книги приняли форму кодекса, писанного на пергамене, они также получили художественное оформление. Наиболее ценные из них украшались художниками, помещавшими изображения либо на отдельных, специально оставленных для миниатюр листах, либо в виде иллюстраций на полях или заставок в начале глав, или инициалов. Распространение кодекса — книги, близкой по форме к современной, относится к IV столетию[27]. К числу древнейших кодексов, украшенных миниатюрами, принадлежат Венская библия, евангелие из Россано, флорентийское евангелие Раввулы (586 г.) и венская рукопись «Гербария» греческого врача Диоскорида, выполненная около 512 г. в Константинополе для дочери консула Оливрия — Юлианы Аникии.

Что касается Венской библии, то она представляет один из пурпурных кодексов, украшенный 48 миниатюрами, подробно иллюстрирующими текст библии. Точное ее происхождение неизвестно. Однако наиболее вероятным следует считать, что художники, выполнившие эти иллюстрации, были выходцами из Сирии или Малой Азии, скорее всего из Антиохии. Время создания этих миниатюр — середина VI в.

Несмотря на то что изображаемые сцены представлены в миниатюрах на фоне ландшафта, в большинстве случаев они трактуются без пространственной глубины. Характеристика места действия дается отдельными, часто друг с другом не связанными деталями — скалами, зданиями. Изображения располагаются на некоторых миниатюрах в несколько строк, представляющих последовательные этапы рассказа. Краски нанесены тонким слоем. В колорите господствуют коричневато-желтые, бледно-голубые, розоватые тона одежд. Фигуры людей низкорослые, большеголовые. Различие в манере отдельных

миниатюр дает основание считать, что они были выполнены восемью художниками[28].

Рукопись Диоскорида стилистически близка к другим художественным памятникам столичной константинопольской школы. Характерной чертой этой школы являлись сильные эллинистические традиции, переработанные в духе новых стилистических приемов. В отличие от памятников живописи Равенны VI в., где большую роль играла линия, в миниатюрах рукописи Диоскорида подчеркнуты черты живописности.

Вместе с тем и в миниатюрах рукописи Диоскорида мы не находим черт передачи пространственной глубины, характерной для некоторых памятников позднеантичного искусства. Отдельные живописно трактованные фигуры разбросаны на отвлеченном фоне, не будучи связанными перспективными соотношениями. Изображения растений отличаются большой степенью точности.

Тончайшая гамма нежных полутонов рукописи Диоскорида свидетельствует о высоком мастерстве миниатюристов Константинополя.

Что касается сирийского евангелия VI в. во Флоренции и Париже, евангелия из Россано и некоторых других рукописей, относящихся к периоду ранневизантийского искусства, то они существенно отличаются от памятников константинопольской школы и свидетельствуют о наличии ряда местных художественных школ, о деятельности которых трудно судить, из-за недостатка сохранившихся памятников.

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И РЕМЕСЛО

Византийское искусство, подобно античному, в известной мере всегда имело прикладное значение. Вместе с тем тонко исполненные памятники материальной культуры поднимаются до уровня произведений искусства. Поэтому нередко возникают трудности в их разграничении.

Процессы, происходившие в течение IV—VII вв. в развитии архитектуры, скульптуры и живописи, нашли отражение и в сфере прикладного искусства. В некоторых его областях стойко удерживались традиции античности, в других ощущалось воздействие Востока или черты, свойственные искусству варварских народов. Параллельно формированию нового художественного миропонимания наблюдалось и снижение мастерства, присущее эпохам кризиса.

В этот период среди прочих ремесел особенно широко было распространено производство глиняной посуды; кувшинов мисок блюд, горшков, амфор для вина и масла, пифосов для хранения зерна или вина. Начиная с III в. отдельные виды амфор приобретали округлую форму дна, слегка раздутое тулово, укороченное горло и соответственно меньшие ручки. С теми или иными изменениями (например, глубокое рифление — частые борозды на верхней части сосуда) эта форма перешла в средневековье и долгое время держалась в странах Средиземноморья и Черноморья. Но бытовали и иные амфоры — цилиндрические с оттопыренными ручками, яйцевидные, грушевид-

ные. Все они имели локальные особенности, но в то же время обладали и чертами общности.

По-прежнему применялись глиняные светильники, в которых горело оливковое масло. Круглую их форму постепенно вытесняла удлиненная, с характерным вытянутым носиком. Наряду с орнаментальными мотивами на светильниках встречались христианские символы: хризма, крест (иногда богато украшенный геммами), фигура «доброго пастыря» и др. Светильники отличались локальным своеобразием — цветом глины, некоторыми особенностями форм и украшений: так, для римских характерны ручки в виде зуба, а для коптских палестинских более типичны кольцевые. Декорировка надписями свойственна египетским и палестинским экземплярам.

Значительно меньше были распространены бронзовые светильники, происходившие по преимуществу из западных провинций, а также из Египта. Некоторые из них исполнены в форме рыбы, птицы или верблюда; иногда они завершаются головой грифона или изображением цветка. Встречаются светильники, весьма близкие по оформлению к античным, но с христианскими символами на боковых стенках, что указывает на возможное использование их в церкви. Сохранились экземпляры, дублирующие друг друга: это свидетельствует о серийности изготовления, возможно даже в одной мастерской.

Известны также подвесные люстры на цепочках, со многими отверстиями для светильников. Единственным в своем роде является лампадофор (люстра), хранящийся в Эрмитаже. Он был найден в середине прошлого века вблизи Орлеансвиля (в Алжире), в склепе V в. и представляет собой модель церкви типа базилики: между колоннами перекинуты арки, в апсиде помещается епископское кресло.

Были распространены характерные для раннехристианского периода сосудики для «святой» воды или масла. В большом числе дошли до наших дней так называемые ампулы святого Мины. При раскопках прославленного египетского монастыря его имени была обнаружена мастерская по изготовлению таких ампул. На плоских маленьких сосудиках с прикрепленными к ним ручками изображался святой (или же его профиль). По обе стороны от святого располагались верблюды; на оборотной стороне помещалась надпись. Ампулы Мины развозились паломниками далеко за пределы Египта: в Эрмитаже хранятся экземпляры, найденные в Арле (Франция) и в Средней Азии. Сосудики того же назначения изготовлялись и в монастырях Сирии и Малой Азии. Они отличаются от египетских цветом и техникой исполнения, напоминая крошечную фляжку с просверленными по бокам отверстиями вместо ручек. В слабом рельефе оттиснуты фигуры святых, иногда — на конях.

Весьма близки им по форме металлические, в частности серебряные ампулы, издавна хранящиеся в Монце и Боббио (Италия). Эти миниатюрные предметы VI в., изготовленные литьем, представляют Христа и богоматерь, а также ряд евангельских сюжетов, сопровождаемых надписью по кругу. На горлышках обычно изображается крест. Возможно, изображения такого рода способствовали распро-

НЕРЕИДЫ. КУВШИН.
Серебро. VII в. Государственный Эрмитаж

странению на Западе иконографических образов, зародившихся в восточных провинциях.

Критический период переживала в это время художественная керамика. В различных центрах и областях империи (в Константинополе, Антиохии, Северной Африке, Египте, Афинах, Херсоне и др.) находят датируемые концом IV—VI в. блюда и плоские чаши с вдавленными (штампованными) изображениями на дне, покрытые красновато-коричневым лаком, огрубленным по сравнению с тонкими краснолаковыми сосудами римского времени. Чаще всего на них изображаются кресты или хризмы, иногда животные, птицы, реже фигуры святых или Христа, а иногда (как на эрмитажном фрагменте, найденном в Херсоне) — целые сцены, возможно, светского содержания.

Другим массовым видом производства были ткани. Они сохранились в большом количестве благодаря особенностям почвы и кли-

матических условий Египта. Известно, что Египет был крупнейшим поставщиком тканей для различных областей Византии. Ткани изготовлялись в основном из льна; шерсть в Египте применялась главным образом для цветных узоров. Иоанн Златоуст упоминает об одеждах из овечьей и верблюжьей шерсти; очевидно, в Сирии их носили небогатые люди. В Антиохии вырабатывались самые разнообразные ткани, начиная от грубой мешковины и кончая тонкими, как паутина. Производство шелка на территории Византии распространилось в VI в. Однако еще в IV в. Златоуст осуждал богачей, которые носят шелковые одежды и доходят «до такого безумия, что вплетают еще и золотов одежды».

Чаще всего применялась простейшая техника изготовления тканей — полотняное переплетение. Для узоров египетских изделий обычна гобеленная техника, когда рисунок намечен нитью цветного утка. Встречаются также махровые, петельчатые ткани, так называемое саржевое переплетение и др. Для узоров, первоначально вотканных, а позднее нашивавшихся на ткань, употреблялась различно окрашенная шерсть. Красители были растительного или животного происхождения; реже встречаются минеральные краски. Ткани лучшего качества многократно погружали в краситель, и они не линяли. Выше всего ценили натуральный пурпур, добывавшийся из сока редкого вида улиток, водившихся у берегов Финикии и некоторых других местах; им обычно окрашивались ткани в императорских мастерских.

Наиболее распространенным видом одежды являлась туника; римские безрукавные туники постепенно вытеснялись туниками с рукавами. У мужчин они были короче, чем у женщин. Плащи ткались целиком, в виде прямоугольного полотнища, а туника чаще всего — из трех частей: верхняя, с отверстием для ворота, имела и рукава; она складывалась посередине и сшивалась по бокам; снизу к ней пришивались два полотнища. На больших станках туники изготовлялись иногда и из одного куска. Так называемая далматика походила на широкую тунику с короткими рукавами; вытеснив римскую тогу, она служила верхней одеждой и застегивалась с помощью пряжки — фибулы на плече. Плащи различных типов нередко спабжались капюшонами.

Примерно с III в. происходит разительная перемена в костюме: греко-римские драпировки сменяются кроеными и шитыми одеждами, соответствующими форме человеческого тела. Соприкосновение с варварами, войны с ними обусловили проникновение варварских мод в провинции, а затем и в столицу. «Что же касается всяких наплечников, штанов и обуви, то большую часть их и по имени, и по употреблению, они заимствовали у гуннов»,— так говорит Прокопий о современных ему модах, осуждая стасиотов, их прически и одеяния[29].

Если у греков, а первоначально и у римлян украшения на одежде были довольно редки, то на Востоке и у ряда варварских народов они имели широкое распространение. С III в. восточные одеяния встречаются в римском обиходе, а в V—VI вв. возрастающая роль украшений становится заметна в Византии. О цветных и украшенных золо-

том одеждах, излюбленных женщинами, не раз с осуждением говорит Иоанн Златоуст. Синесий Киренский в речи «О царстве» также порицает современников за пристрастие к блестящим побрякушкам: «В какие времена, думаешь ты, римские дела находились в лучшем состоянии — после того ли, как драгоценные каменья, извлекаемые из недр гор и бездны отдаленного моря, обременяют ваши головы, покрывают ваши ноги, блистают на ваших поясах, прикрепляются к вашим одеждам, служат для вас застежками, украшают ваши троны? Так разнообразием и пестротой цветов вы сделались подобны павлинам, стали предметом, любопытным для созерцания...» [30]

Узкие узорчатые полосы, расположенные в верхней части одежд (начиная от плеча до подола) — клавы, в сочетании с так называемыми сегментами — углами, крестами, буквами, свастиками почти обязательны для коптских туник IV и последующих веков. Большой ромбовидный кусок ткани (тавлион), окрашенный пурпуром, нашит на далматики приближенных Юстиниана в известной мозаике церкви Сан-Витале в Равенне. У императора такой тавлион окрашен золотом. Любопытно, что подобные украшения придаются и религиозным персонажам: золотые клавы выделяются на пурпурных одеждах Христа в мозаиках равеннских церквей, вереницы мучениц шествуют в золотых одеяниях, убранных драгоценными камнями и жемчугом.

Пурпурными узорами украшались и завесы, как это видно, например, на изображении дворца Теодориха в церкви Сант-Аполлинаре Нуово. Подобные завесы сохранились среди коптских тканей. Феофилакт Симокатта, описывая убранство зала, где происходила брачная церемония при Маврикии, пишет: «(по стенам) висели пурпурные ткани, окрашенные настоящим невыцветающим многоценным тирийским пурпуром» [31].

Значительный интерес представляет содержание декора коптских тканей, его постепенное видоизменение: здесь нередко встречаются древнеегипетские мотивы и почерпнутые из мифологии античные образы. Для стиля IV в. еще характерны черты античного иллюзионизма. Постепенно узоры делаются пестрее, изображения схематичнее, фигуры как бы застывают, старые образы переосмысляются; возрастает число христианских сюжетов. Все эти иконографические и стилистические особенности дают основания для датировки тканей. Однако точно определить время их изготовления возможно лишь при наличии найденных совместно с ними документов. Таковы, например, плащи с крупными орнаментальными медальонами, туники с узорчатыми клавами и квадратами с изображением всадников, завеса с портретами и колоннами, которые принадлежали Аврелию Коллуфу и его жене. Судя по содержанию папирусов (454—456 гг.), которые были обнаружены в том же погребении в некрополе Антинои, эти лица были выходцами из средних слоев городского населения и жили в середине V в.

Наиболее дорогие шелковые ткани изготовлялись в Константинополе, Александрии, Антиохии. Таковы экземпляры с изображениями всадников, с орнаментальными мотивами, а также с евангельскими сюжетами. Многие ткани, еще недавно относившиеся специалистами к VI в., ныне датируются более поздним временем. Среди них —

МЕЛЕАГР И АТАЛАНТА. БЛЮДО.

Серебро. VII в. Государственный Эрмитаж

и те, которые представляют характерный для ранней Византии сюжет — колесницу с возничим, четверкой лошадей и мальчиками, рассыпающими деньги из мешков; такие сцены на ипподроме часто встречаются на консульских диптихах. Известны они и по изображениям на стеклянных сосудах.

В большем числе встречаются фибулы различных форм, которыми застегивались плащи, далматики и пр. Для Причерноморья характерны так называемые лучевые или пальчатые фибулы. Их делали из золота, серебра и бронзы, иногда украшали цветными вставками из камней или пасты. Известны также шейные украшения — так называемые маниаки (в русском быту получившие позднее наименование шейных гривен) и браслеты.

Далеко не все произведения прикладного искусства могут быть точно датированы. Вот почему особое значение имеют те предметы, на которых встречаются портреты известных исторических деятелей или надписи. Видное место среди них занимают изделия из серебра и слоновой кости.

Серебро применялось для изготовления всевозможных сосудов (блюд различной величины, кувшинов, ваз, чаш, ковшей), употреблявшихся по преимуществу светской и церковной знатью.

Византийские мастера широко пользовались чеканом, при котором силуэты изображений выбивались с оборота, а детали наносились с лицевой стороны и иногда дополнялись гравировкой. Некоторые изделия украшались также чернью (составом из серебра, меди и свинца с примесью серы).

В Мадриде хранится серебряное блюдо второй половины IV в., диаметром в 75 см и весом в 15,35 кг, где представлены императоры Феодосий I, Аркадий и Валентиниан II. Феодосий вручает диптих приближающемуся к нему чиновнику. Композицию замыкают телохранители, расположенные попарно. По сторонам арки, на фоне которой сидит император, на фронтоне — профильные фигурки летящих гениев; несколько таких фигурок расположено около возлежащей фигуры женщины — олицетворения земли. Блюдо — литое, доработанное чеканкой; надпись — латинская, а на обороте — греческое обозначение веса. По своему характеру изображение тесно связано с античными традициями, но в самом его исполнении наблюдаются черты условности и схематизма. На щитах двух телохранителей имеются полосы, напоминающие хризмы. Для этой эпохи характерно сочетание античных и христианских черт: например, на серебряном

БЛЮДО ЕПИСКОПА ПАТЕРНА.

Серебро. VI в. Государственный Эрмитаж

блюде (по-видимому, служившем также миссорием, т. е. памятным блюдом-подарком, изготовленным в честь какого-нибудь события), найденном в Керчи (хранится в Эрмитаже). По определению советского ученого Л. А. Мацулевича, здесь изображен Констанций II (317—361). Императора коронует крылатая богиня Ника, в руках телохранителя — щит с хризмой, у ног коня — щит побежденного противника. Воспроизводя широко распространенную в позднеримскую эпоху сцену императорского триумфа, мастер передает ее плоскостно; фигура Констанция — в условном повороте (голова и корпус — в фас, ноги — в профиль); конь кажется парящим в воздухе.

Голова императора окружена нимбом, в его вооружении усматриваются детали, характерные для причерноморского варварского мира (форма щита и рукоятки меча, инкрустация вооружения), в костюме ощутимо воздействие Востока.

Точно датировано еще одно большое серебряное, частично позолоченное блюдо из богатейшего клада, возможно — погребения, найденного в 1912 г. в селении Малая Перещепина, близ Полтавы (хранится в Эрмитаже). Поверхность блюда занимает изображение хризмы. В обрамляющей ее латинской надписи упоминается имя епископа Патерна; из письменных источников известно, что в конце V — начале VI в. он был епископом города Томы (современная Констанца на территории Румынии). По краю блюда вьется исполненная чеканом гирлянда — виноградная лоза, в завитки которой вплетены птицы, животные, корзины с плодами и вазы. Этот орнамент, известный по равеннским мозаикам, сирийской резьбе по камню и другим памятникам V—VI вв., нарушен напаянными поверх него гнездами для разноцветных камней. Такой прием украшения проник в Византию из варварского, скорее всего сарматского мира, где разноцветная инкрустация обычна для разного рода ювелирных произведений.

Блюдо Патерна датируется не только по надписи, но и по имеющимся на его обороте пробирным знакам, относящимся ко времени императора Анастасия I. Подобные знаки встречаются на донцах многих византийских серебряных изделий с конца V в. до середины или, быть может, конца VII в. (на единичных предметах IV в.— знаки несколько иного типа). Они имеют различную форму — креста, многоугольника, круга; на них выбиты надписи — монограммы и портреты императора. Сходство этих изображений с аналогичными на монетах позволяет определять время изготовления предмета (поскольку клейма ставились в процессе производства).

Легенда, относящаяся ко времени императора Ираклия (610—641), гласит, что серебро наилучшего качества было пятипечатным. Именно пять клейм обычно встречается на серебряных предметах с изображениями жанровых сцен, аллегорий, ветхозаветных, евангельских и античных мифологических сюжетов. На ручках ковшей, как бы напоминая об их назначении, изображается Нептун с трезубцем, на стенках нередко воспроизводятся нильские пейзажи. На блюдах представлены персонажи, причастные к культу Вакха или орфическим таинствам. Одно из блюд, имеющее на донце

клейма с портретами Ираклия, украшено сценой встречи Мелеагра и Аталанты после охоты. По сторонам героев — сопровождающие их слуги: один с добычей, другой с копьем; слева композицию замыкает ветвистое дерево, вдали — вилла; в нижнем сегменте, как обычно, помещены атрибуты, в данном случае напоминающие об охоте: собаки и сети. Мастер не утратил представления о перспективе, передавая удаленные части фигур гравировкой, а передние — чеканкой.

Слоновая кость, доставлявшаяся в Византию из Индии и Африки, ценилась очень высоко. Она употреблялась в IV—VI вв. для изготовления пиксид (коробочек, которые обычно делались из части бивня слона и соответственно имели круглую, не вполне правильную форму), консульских диптихов, для украшения ценной мебели, и возможно, стен и дверей. Обычно диптихи, сделанные из массивных кусков слоновой кости с углублением на обратной стороне для заполнения воском, точно датируются по надписям, указывающим имя консула. Портретные изображения консулов, упоминаемых в письменных источниках, известны для периода от 406 до 540 г. почти без перерыва.

Изготовление диптихов из слоновой кости, как явствует из кодекса Феодосия, было привилегией консулов, которым 105 Новелла Юстиниана вменяет в обязанность организацию семи различных представлений и раздачу мелких денег. Вот почему на многих диптихах наряду с портретами консулов, представленных то в полный рост, то погрудно в медальонах, окруженных растительным орнаментом, часто изображаются цирковые сцены и фигуры мальчиков, рассыпающих мелкие монеты. Здесь можно видеть акробатов и эквилибристов, коней, которых выводят на арену ипподрома, бег колесниц, борьбу людей с дикими животными (львами, пантерами, медведями), актеров с масками в руках и др.

Наиболее парадными были императорские пятичастные диптихи. Особой известностью пользуется хранящийся в Лувре так называемый диптих Барберини (по имени прежнего владельца). На нем изображен конный император, коронуемый богиней победы, триумфатор, отожествляемый то с Анастасием, то с Юстинианом; слева — фигура покоренного варвара, внизу — олицетворение земли. На нижней пластинке — варвары, подносящие дань; на левой — консул с фигуркой Ники в руках: на верхнем поле — медальон с полуфигурой юного благословляющего Христа с крестом. Медальон несут летящие ангелы, во всем подобные античным Никам.

Рассматривая в хронологическом порядке различные диптихи, можно заметить постепенное усиление в них декоративного начала и загромождение поверхности многочисленными деталями. Располо-

Среди пиксид, которые еще в V—VI вв. нередко украшали рез-
жение фигур условно, лица — мало индивидуальны.
ными изображениями мифологических или охотничьих сцен, выделяется большая группа, где представлены ветхозаветные или новозаветные сюжеты. Возможно, эти пиксиды предназначались для хранения реликвий. Но все они, по-видимому, изготовлялись в одних и тех же мастерских, и нередки случаи, когда библейские сцены на-

сыщены античными традициями в большей мере, чем светские или мифологические. Так, на пиксиде, хранящейся в Эрмитаже, Иона своим обнаженным юношеским телом напоминает Аполлона; реалистически воспроизведены некоторые детали (например, корабль, с которого сбрасывают Иону).

Большой известностью пользуется кафедра VI в., на которой вырезана монограмма равеннского епископа Максимиана (Архиепископский музей в Равенне). Ее высота — 150 см, ширина — 60,5 см. Спинка и сиденье украшены многочисленными пластинками из слоновой кости с вырезанными на них ветхозаветными и евангельскими сценами, крупными фигурами евангелистов и Иоанна Крестителя, расположенными под орнаментированными арками. Рисунок пышной виноградной лозы, в которую вплетены птицы, животные, вазы, перекликается с декоративными элементами равеннских мозаик, ка-

ТРОН АРХИЕПИСКОПА МАКСИМИАНА, УКРАШЕННЫЙ РЕЗНЫМИ ПЛАСТИНАМИ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Между 546 и 556 гг. Равенна, Архиепископский музей

менной резьбой сирийских зданий, напоминает украшение края блюда Патерна. Возможно над созданием кафедры трудились мастера из различных центров.

Выше говорилось о проникновении варварских мод, причесок и украшений в обиход византийского общества, отмечалась и возрастающая роль узора в одеждах, на тканях. Эта тенденция получила свое отражение и в ювелирных изделиях.

В составе отдельных находок, в частности в погребениях (например, на Кипре, в Египте, в Киликии, Греции, Истрии, в ряде областей Италии, на юге СССР), встречаются золотые цепи — ожерелья с подвесками в виде медальонов, различной формы бляшек, цилиндриков, крестов и т. п.; дутые, суживающиеся к концам браслеты; перстни со вставками камней; серьги в форме лунниц; различной формы пряжки, накладки, фибулы. Важно отметить близость форм и принципов орнаментации этих изделий, а также парадного оружия и конских уборов к тем предметам, которые были широко распространены среди варварских народов. Все большее значение получает сплошное заполнение поверхности перегородчатой инкрустацией с широким применением камней (гранатов, альмандинов и др.) и разноцветной стекловидной пасты. Полихромия, типичная для внутреннего убранства зданий этой эпохи, проявляется и в сфере прикладного искусства.

Значительное количество предметов, главным образом VI—VII в., почти буквально повторяет античные образцы: таковы бляшки на ряде ожерелий, представляющие штампованные воспроизведения римских монет или медалей, как, например, изображение Константина, венчаемого олицетворениями солнца и луны на подвеске-медальоне из Мерсины, или пояс и ожерелья из Кипрского клада. Попадаются сходно оформленные медальоны с христианской тематикой, кресты, дутые или прорезные, иногда украшенные вставками камней, серьги с изображением павлинов по сторонам вазы (символ бессмертия). Евангельские сцены можно видеть на некоторых браслетах, происходящих из Сирии и Египта, а также на перстнях. Немногие сохранившиеся резные камни-инталии из сардоникса, яшмы и других минералов, имеют гностические и христианские символические изображения, монограммы и надписи. Наряду с ними встречаются выдающиеся образцы камнерезного искусства светского содержания, и среди них — ряд портретов, например, большая камея с изображением императора Констанция II и его жены (прежде толковавшаяся как портрет Гонория и Марии). Умелое использование различно окрашенных слоев камня (трехслойного сардоникса) для передачи лиц, волос, одежд, индивидуальная характеристика персонажей свидетельствуют о сохранении высоких достижений античных камнерезов.

Стеклоделие, переживавшее невиданный расцвет в Риме, где впервые стало изготовляться стекло с помощью выдувания, в ранней Византии начало клониться к упадку. Быть может, именно поэтому ко времени императора Константина относится закон, согласно которому стекольщики (делившиеся на шлифовальщиков и выдувальщиков) причисляются к привилегированным профессиям, освобож-

денным от налогов. Наиболее развито было стеклоделие в Сирии и Египте.

Подавляющее большинство сосудов, находимых в погребениях коптского Египта, в северном Причерноморье и в некоторых других местах, выполнено обычно техникой дутья в форму и имеет зеленоватый (реже желтоватый) оттенок. По-видимому, распространенной формой в IV—V вв. были ребристые сосуды (кувшины, бутыли) с четырехгранным или шестигранным туловом. На отдельных экземплярах имеются изображения и орнаменты, которым порой придавалось символическое значение. На египетских сосудах встречаются штампованные украшения, приваренные к разогретой стенке сосудов. Египет этого времени знал и небольшие стеклянные зеркала, укрепленные на мастике в маленьких коробочках.

В Сирии продолжали изготовлять резное и штампованное стекло высокого художественного качества. Большой интерес представляет упоминание Иоанном Златоустом того типа сосудов, которые известны нам в натуре (в частности, сосуд III в., найденный в Мхцете в Грузии и хранящийся в Эрмитаже). Златоуст рассказывает, что «богачи..., увлекаясь роскошью, употребляют на это (имеются в виду чаши.— *А. Б.*) серебро, но прежде влагают внутрь стекло, а потом снаружи окружают его серебром» [32]. Художественное качество оправы из серебра для стеклянных сосудов, очевидно, соответствовало высокому качеству стеклянных чаш.

Однако наиболее интересны найденные многими десятками, главным образом, в римских катакомбах, донца стеклянных сосудов (размерами от 2 до 10 см) с гравированными по золотому листку изображениями; тончайшие листки золота здесь, как в кубиках мозаики, заключались между двумя стеклянными поверхностями. На образцах, относящихся по преимуществу к IV в., наряду с портретами и мифологическими изображениями появляются сопровождаемые латинскими надписями сцены и отдельные персонажи христианского происхождения. Однако и они трактуются в духе старых традиций: так, профильное изображение апостола Петра (на фрагменте из собрания Эрмитажа) напоминает римский портрет, а сцена жертвоприношения Авраама (из того же собрания) — образы античных идиллий. Лишь на некоторых фрагментах наблюдается характерная для слагающегося средневекового стиля фронтальность.

Число дошедших до нас деревянных изделий весьма невелико. Кипарисовые резные двери церкви Сабины в Риме относятся, очевидно, ко времени основания храма (430 г.). Представленные на них библейские сцены свидетельствуют о значительном воздействии восточной иконографии. В манере исполнения проявляется тот же переходный характер, что и на других памятниках этой эпохи: фигуры расположены на фоне как бы развернутых на плоскости зданий, они фиксируются взглядом зрителя. Наряду с этим в массовых сценах многочисленные действующие лица переданы в различных поворотах; ощущаются элементы перспективы.

Не вполне ясно назначение предмета, происходящего из Египта и представляющего осажденную крепость; возможно, перед нами архитектурная деталь, увенчивавшая пилястр. По качеству резьбы

скульптура (высотой около 0,5 м) является подлинным произведением искусства (хранится в Берлинском музее). Как бы ни толковалась эта сцена, которой иногда придают символическое значение,— она несомненно отражает черты действительности: каменная кладка стен, башни и ворота, группы воинов, расположенных на стенах и около крепости,— все это воссоздает типичную для той эпохи (памятник датируется V в.) картину сражения. На переднем плане изображена вылазка группы защитников крепости, вступивших в схватку с вражеской конницей. Мастер детально передал характерную форму шлемов, орнаментированные щиты, доспехи.

Произведения прикладного искусства нередко описываются в письменных источниках. Еще чаще их можно увидеть на различного рода изображениях. Значительный интерес в этом отношении представляют мозаичные полы, открытые во многих провинциях Византийской империи, и прежде всего — мозаики пола Большого дворца в Константинополе. Среди мозаичных фрагментов этого дворца можно видеть фигуры мужчин, женщин и детей в одеждах, характерных для рассматриваемого времени. Между ними — музыкант с трехструнным инструментом, несколько напоминающим скрипку, земледельцы, взрыхляющие почву мотыгами, старый рыбак с удочкой, поводырь, ведущий верблюда, на котором сидят двое ребятишек, подросток с торбой около ослика, охотники, сражающиеся с тиграми и львами. Охотники вооружены круглыми щитами и копьями (иногда очень длинными), реже — мечами и луками. В числе второстепенных деталей обращают на себя внимание уже знакомые нам по формам амфоры и кувшины, седла и упряжь, фибулы и серьги. Среди строений видны виллы, фонтаны, статуи, а также водяная мельница.

Богатый бытовой материал, хотя и в более схематичной передаче, можно почерпнуть в мозаиках, найденных в местечке Якто близ Антиохии. Вскрытый раскопками бордюр мозаики (вторая половина V в.) как бы ведет зрителя по Антиохии. Здесь изображены частные дома, причем на греческом языке указаны имена их хозяев, различного рода общественные сооружения — ипподром, бани, городские ворота; тут же — площадь, украшенная статуями, арочный мост через Оронт и др. Мозаика отображает повседневную жизнь городского населения: одни трудятся, носят различную поклажу, другие играют в кости (?) или, сидя на складных скамеечках, поят друг друга вином. В руках у них — корзинки, амфоры, кувшины, кубки. Показаны мелкие лавочки-мастерские (эргастерии), торговцы маслом, рыбой, сладостями.

При всей условности трактовки мозаики дают представление об улице Антиохии с ее портиками, колоннадами, реже — куполами, схожими по своей архитектуре со зданиями, поныне сохранившимися на территории Сирии. Одежды людей, в зависимости от их социального положения, различны: короткая безрукавная туника, очевидно, характеризует раба; ремесленники одеты в подпоясанные туники, иногда с открытой, освобожденной для работы рукой. На одеждах не раз встречаются изображения клавов. Лица, принадлежащие к привилегированным слоям населения, представлены в длинных

одеждах с рукавами. Доходящие почти до пят одеяния женщин иногда украшены богатой вышивкой. Все детали украшений одежд — клавы, тавлии и пр., расположены совершенно так же, как на дошедших до нас коптских одеждах.

* * *

История византийского искусства IV—VII в. — история борьбы и взаимовлияний христианской культуры и античности. Она отражает становление новой идеологии, новых форм общества. Переход к новым тенденциям быстрее происходил в монументальном искусстве, которое подвергалось наибольшему воздействию со стороны христианизованной верхушки общества. Ремесленное производство было сильнее привязано к античным традициям. Тем не менее к концу рассмотренного периода процесс этот был в главных чертах завершен.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

[1] Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri, qui supersunt, rec. C. U. Clark, v. I — II. Berolini, 1910—1915 (далее — Amm. Marc.). Русск. перев.: Ю. Кулаковский и А. Сонни. Аммиан Марцеллин. История. Перев. с лат., вып. I—III. Киев, 1906—1908. Литература: J. Gimazane. Étude sur le quatrième siècle. Ammien Marcellin, sa vie et son oeuvre. Toulouse, 1889; W. Ensslin. Zur Geschichtschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus.— «Klio», Beiheft XVI, 1923, S. 1—106; E. A. Thompson. The historical work of Ammianus Macrellinus. Cambridge, 1947, p. 1—140, библ., p. IX — X; рец. С. В. Поляковой: ВВ, IX, 1956, стр. 296—300; В. Д. Неронова. Отражение кризиса Римской Империи в «Истории» Аммиана Марцеллина.— УЗ ПГУ, т. XX, вып. 4, 1961, Исторические науки, стр. 71—100.

[2] J. W. Mackail. The Last Great Roman Historian.— «Classical Studies». New York, 1926, p. 159—187; В. С. Соколов. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии.— ВДИ, 1959, № 4, стр. 43—62.

[3] Amm. Marc., XXVIII, 4, 14.

[4] Ibid., XXVIII, 4.

[5] Ibid., XXIX, 1, 41.

[6] Ibid., XXI, 16, 14.

[7] Ibid., XXII, 16, 22.

[8] Ibid., XXIX, 2, 18.

[9] E. A. Thompson. Op. cit., p. 87—107.

[10] Amm. Marc., XXVIII, 4, 3—26.

[11] Ibid., XXII, 14,1—2.

[12] Ibid., XIV, 2, 14. См. В. Д. Неронова. Указ. соч., стр. 79—80.

[13] Amm. Marc., XXXI, 6, 4—7.

[14] Eunapii Vitae sophistarum, rec. J. Giangrande. Scriptores Graeci et Latini. Romae, 1956.

[14a] PG, t. 113, col. 649—661. Нов. изд.: Excerpta de legationibus, ed. C. de. Boor. Berolini, 1903, p. 591—599 (далее — Eunap); русск. перев. в кн.: «Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиадор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого С. Дестунисом». СПб., 1860 (далее — «Византийские историки»), стр. 78—175.

31 История Византии, т. 1

[15] Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. 2. Aufl. Berlin, 1958 (далее — Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I), S. 259—261.
[16] E u n a p., fr. 63.
[17] O l y m p i o d o r i fragmenta.— HGM, I (далее — O l y m p.), p. 450—472; русск. перев.: Е. Ч. С к р ж и н с к а я. «История» Олимпиодора (перевод, статья, примечания и указатели).— ВВ, VIII, 1956 (далее — Е. Ч. С к р ж и н с к а я. «История» Олимпиодора), стр. 223—276; Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I, S. 468—470.
[18] O l y m p., § 18.
[19] O l y m p., § 1.
[20] Е. Ч. С к р ж и н с к а я. «История» Олимпиодора, стр. 238.
[21] Z o s i m i comitis et exadvocati fisci Historia nova, ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887 (далее — Z o s i m.); Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I, S. 576—579.
[22] E. C o n d u r a c h i. Les idées politiques de Zosime.— «Revista clasica», 13—14, 1941/42, p. 115—127; Н. Н. Р о з е н т а л ь. Религиозно-политическая идеология Зосима.— «Древний мир». Сборник статей. М., 1962, стр. 611—617.
[23] Z o s i m., VI, 3, 4—6.
[24] Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I, S. 479—488.
[25] Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 121—155, 575—591; P r i s c i fragmenta.— HGM, I, p. 275—352. Русск. перев.: Г. С. Д е с т у н и с. Сказания Приска Панийского.— УЗ второго отделения АН, кн. VII, вып. I. СПб., 1861, стр. 1—112 (далее — Сказания Приска Панийского).
[26] Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I, S. 480.
[27] Сказания Приска Панийского, стр. 51 сл.
[28] Там же, стр. 68.
[29] Там же, стр. 55.
[30] Там же, стр. 57—58.
[31] Там же, стр. 46—47.
[32] Там же, стр. 81—82.
[33] M a l c h i fragmenta.— HGM, I, p. 383—424 (далее — M a l c h.); М а л х Ф и л а д е л ь ф и е ц. Византийская история в 7 кн., в кн.: «Византийские историки», стр. 227—277.
[34] M a l c h., fr. 11.
[35] Ibid., fr. 3.
[36] Ibid., fr. 21.
[37] См. Ibid., praef., p. 384.
[38] Ibid., praef., p. 383—384.
[39] Ibidem.
[40] C a n d i d i fragmenta. — HGM, I, p. 441—445; русск. перев. в кн.: «Византийские историки», стр. 473—479.
[41] Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I, S. 489—500. Там же см. обширную литературу о Прокопии (S. 496—500).
[42] P r o c o p i i C a e s a r i e n s i s Opera omnia, rec. J. Haury, v. I — II. Lipsiae, 1962 (De bello Persico — далее: P r o c o p., B. P.; De bello Vandalico — далее: P r o c o p., B. V.; De bello Gothico — далее: P r o c o p., B. G.).
[43] P r o c o p i i C a e s a r i e n s i s Opera omnia, rec. J. Haury, v. III. Historia quae dicitur arcana (далее: P r o c o p., H. a.). Lipsiae, 1963.
[44] Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I, S. 489—500; Ш. Д и л ь. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908, стр. VII.
[45] P r o c o p., H. a.
[46] Ш. Д и л ь. Юстиниан и византийская цивилизация..., стр. XI.
[47] P r o c o p., H. a., XI, 17.
[48] Ibid., VII, 32.
[49] Ibid., I, 21—27; XI, 35.
[50] Ibid., XXIII, 18.
[51] Ibid., XXVI, 10, 11.
[52] Ibid., XXI, 22—26.
[53] P r o c o p., B. P., II, IX.
[54] P r o c o p., H. a., XIII, 4.
[55] Ibid., X, 8.

[56] Procop., B. G., III, 32. 9.
[57] Procop., B. P., I, 1.4—5.
[58] Joannis Lydi De magistratibus populi Romani libri tres, ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903 (далее: Joan. Lyd.), II, 16.
[59] Procop., H. a., XXIV, 22—23.
[60] Petri fragmenta.— HGM, I (далее — Petr.), p. 425—437. Русск. перев. в кн.: «Византийские историки», стр. 293—309.
[61] Petr., fr. 15—16.
[62] Ibid., fr. 15.
[63] Nonnosi fragmenta.— HGM, I, p. 473—478 (далее — Nonn.). Русск. перев. в кн.: «Византийские историки», стр. 483—487.
[64] Nonn., p. 476.
[65] Ἀγαθίου Σχολαστικοῦ Μυριναίου Ἱστοριῶν. — HGM, II. Lipsiae, 1871, S. 132—392 (далее — Agath., Hist.). Русск. перев.: Агафий. «О царствовании Юстиниана». Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. М.—Л., 1953 (далее — М. В. Левченко. Агафий).
[66] Agath., Hist., praef.
[67] Agath., Hist., IV, 30.
[68] М. В. Левченко. Агафий, стр. 179—180.
[69] Agath., Hist., I, 7.
[70] Ibid., V, 14
[71] Ibid., II, 30.
[72] Ibid., II, 30; V, 20.
[73] Ibid., II, 15.
[74] Ibid., III, 12.
[75] Ibid., I, 18.
[76] Ibid., V, 21.
[77] Ibid., I, 2—3.
[78] Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 170—221, 442—477 (далее — Menandr., Exc. de legat); Excerpta de sententiis, ed. U. Ph. Boissevain. Berolini, 1906, p. 18—26 (далее — Menandr., Exc. de sent.).
[79] Menandr., Exc. de legat., fr. 1.
[80] О Менандре см. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 422—425. Литература о Менандре там же, S. 425—426.
[81] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 423—425.
[82] Menandr., Exc. de sent., fr., 30, 10, 48.
[83] Ibid., fr. 46.
[84] Ibid., fr., 30, 60.
[85] Menandr., Exc. de legat. rom., fr. 11.
[86] Ibid., fr. 49.
[87] Menandr., Exc. de sent., fr. 30.
[88] Ibid., fr. 30, 46, 10.
[89] Menandr., Exc. de legat. rom., fr. 11.
[90] Menandr., Exc. de sent., fr. 10.
[91] Menandr., Exc. de legat. gent., fr. 37, 28, 30.
[92] Ibid., fr. 14.
[93] Menandr., Exc. de sent., fr. 46.
[94] Ibid., fr. 61.
[95] Ibid., fr. 30.
[96] Menandr., Exc. de legat. rom., fr. 11.
[97] Ibid., fr. 50.
[98] Ibid., fr. 19.
[99] Theophanis Byzantii fragmenta.— HGM, I, p. 446—449 (далее — Theoph. Byz.). Русск. перев. в кн.: «Византийские историки», стр. 491—495. См. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 539—540.
[100] Theoph. Byz., fr. 3; «Византийские историки», стр. 493; см. R. Hennig. Die Einführung der Seidenraupenzucht ins Byzantinerreich.— BZ, 33, 1933, S. 295—312.
[101] О жизни Иоанна Епифанийского см. The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia, ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898, V (далее— Evagr., Hist. eccles.), p. 24. Русск. перев. см.: Церковная история Евагрия, схоластика и почетного префекта. СПб., 1853.

[102] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. I, S. 317.

[103] Феофилакт Симокатта. История. Вступительная статья Н. В. Пигулевской, перевод С. П. Кондратьева, примечания К. А. Осиповой. М., 1957 (далее — Феофилакт Симокатта. История), стр. 15—17; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 317.

[104] Theophylacti Simocattae Historiae, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887 (далее — Theoph. Simocat.). Лит.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 544—548.

[105] Theoph. Simocat., praef., § 13—15.

[106] Theoph. Simocat., I, 1, 16.

[107] Ibid., I, 1.18—20.

[108] Ibid., III, 11. 8, 9—11.

[109] Ibid., II, 9,15.

[110] Ibid., III, 9,4.

[111] Ibid., III, 12,3

[112] Ibid., I, 5, 6—8.

[113] Ibid., praef., § 4.

[114] Ibid., praef., § 1—3.

[115] Ibid., praef., § 4—5.

[116] Ibid., VII, 11, 4—5.

[117] Ibid., III, 8, 9.

[118] Ibid., V, 4,10.

[119] Ibid., VII, 11, 4.

[120] Ibid., II, 10, 11.

[121] Ibid., praef., § 11.

[122] Ibid., II, 6, 6.

[123] Ibid., III, 14; IV, 16, 26.

[124] Ibid., IV, 16,1—27.

[125] PG, t. 20, col. 9—904; Eusèbe de Césarée. Histoire Ecclésiastique, texte grec, traduction et notes par G. Bardy, v. I—III. Paris, 1952—1958. Русск. перев.: Церковная история Евсевия Памфила. Сочинения Евсевия Памфила, переведенные с греческого при С.-Петербургской Духовной академии, т. I. СПб., 1858; Ed. Schwartz. Griechische Geschichtschreiber. Leipzig, 1957, S. 495—598.

[126] Сочинение «Жизнь Константина» является предметом дискуссии: ряд историков оспаривает его подлинность, отрицая и авторство Евсевия. А. Грегуар (H. Grégoire. Eusèbe n'est pas l'auteur de la «Vita Constantini» dans sa forme actuelle et Constantin ne s'est pas «converti» en 312.— Byz, XIII, 1938, p. 561—583) считает «Жизнь Константина» подделкой конца IV в.; в последнее время преобладает мнение о подлинности этого труда, хотя и допускается возможность некоторых позднейших вставок (F. W. Winkelmann. Die Vita Constantini des Eusebias. Diss. Halle, 1959).

[127] Rufini Aquileiensis presbyteri Historiae ecclesiasticae libri duo.— PL, t. 21, col. 465—540.

[128] PG, t. 65, col. 459—638; Photius Bibliothèque, I—II. Texte établ. et trad. par R. Henry. Paris, 1959—1960. Русск. перев.: Сокращение церковной истории Филосторгия, сделанное патриархом Фотием. СПб., 1854.

[129] PG, t. 67, col. 29—842; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 508—510. Русск. перев.: Церковная история Сократа Схоластика. СПб., 1850.

[130] B. K. Stephanides. Ἱστορικαὶ διορθώσεις εἰς τὴν Ἐκκλησιαστικὴν Ἱστορίαν τοῦ Σωκράτους. — ΕΕΒΣ, 26, 1956, σ. 57—129. Автор дает перечень ошибок и неточностей в труде Сократа Схоластика.

[131] PG, t. 67, col. 843—1630; Sozomenus. Kirchengeschichte. Hrsg. im Auftrage der Komission für spätantike Religionsgeschichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin von J. Bidez und G. Ch. Hansen (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte). Berlin, 1960; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 510—512.

[132] PG, t. 82, col. 881—1280; новое издание: Theodoret. Kirchengeschichte. Hrsg. von L. Parmentier, 2. Aufl. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte). Berlin, 1954. Русск. перев.: Церковная История Феодорита, епископа Кирского. СПб., 1852; Творения блаженного Феодорита, епископа Кир-

ского, ч. 1—8. Сергиев-Посад, 1905—1908; Gy. Moravcsik. Byzanzinoturci ca, I, S. 529—531.

[133] См. выше, прим. 101.

[133a] См. ниже, стр. 47 и сл., 51.

[134] A. T. Euagrio e la sua fonte più importante Procopio.— «Roma e l'Oriente», V, 9, 1915, p. 45—51, 103—111.

[135] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 258.

[136] L. Thurmayr. Sprachliche Studien zu dem Kirchenhistoriker Euagrios. Eichstätt, 1910.

[137] Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII веков. М.— Л., 1946, стр. 16—17.

[138] Evagr., Hist. eccles., III, I, 29, 30.

[139] Ibid., VI, 1.

[140] Ibid., V, 9.

[141] Ioannis Malalae Chronographia, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 329—334.

[142] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 330.

[143] В. М. Истрин. Первая книга Хроники Иоанна Малалы.— ЗАН, сер. VIII, т. I, № 3. СПб., 1897, стр. 1—29; В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе.—ЛИФОНУ, X, ВСО, VII, 1902, стр. 437—486; ЛИФОНУ, XIII, ВСО, VIII, 1905, стр. 342—367; СОРЯС, т. LXXXIX, № 3, 1911, стр. 1—50; т. LXXXIX, № 7, 1912, стр. 1—39; ЛИФОНУ, XXII, 1913, стр. 1—44; СОРЯС, т. XC, № 2, 1913, стр. 1—31; т. XCI, № 2, 1914, стр. 1—52; Chronicle of John Malalas, Books VIII—XVIII. Translated from the Church Slavonik by M. Spinka in collab. with G. Downey. Chicago, 1940.

[144] Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV — VI вв. М.— Л., 1964, стр. 13.

[145] Excepta de insidiis, ed C. de Boor. Berolini, 1905, p. 58—150. Литературу об Иоанне Антиохийском см. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica., I, S. 315.

[146] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 315.

[147] Chronicon Paschale, rec. L. Dindorfius, Bonnae, 1832; PG, t. 92, col. 69—1146; E. Schwartz. Griechische Geschichtschreiber. Leipzig, 1957, p. 291—316; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 241—243.

[148] Русск. перев. и исследов. в кн.: Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник.— «Труды Института востоковедения», т. XXXI. М.— Л., 1940, стр. 130—170.

[149] Русск. перев. в кн.: Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.— Л., 1941.

[150] Русск. перев. некоторых разделов в кн.: Н. В. Пигулевская, Сирийские источники..., стр. 148—167. См. также А. П. Дьяконов. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.

[151] История Армении Фавстоса Бузанда. Перевод с древнеармянского и комментарии М. А. Геворгяна, под ред. С. Т. Еремяна, вступительная статья Л. С. Хачикяна. Ереван, 1953.

[152] История Армении Моисея Хоренского, пер. Н. О. Эмина. М., 1893; лит.: М. Абегян. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 198—241; История армянского народа, ч. I, под. ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна. Ереван, 1951, стр. 71—82.

[153] L'empereur Julien. Oeuvres complètes, ed. J. Bidez. I, p. 1—2. Paris, 1924—1932.

[154] Themistii Orationes ex codice Mediolanensi emendatae a G. Dindorfio. Lipsiae, 1832.

[155] Libanii Opera, rec. R. Foerster, v. I — XI. Lipsiae, 1903—1922 (далее — Liban.). Русск. перев.: Речи Либания, пер. С. Шестакова, I — II. Казань, 1912—1916.—Лит.: М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века.— УЗ УГУ, вып. 11. Свердловск. 1952, стр. 84—134; P. Petit. Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après. J.-C. Paris, 1955; Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в.— ВВ, VIII, 1956, стр. 42—60.

[156] PG, t. 66, col. 1053—1616. Русск. перев.: Синезий Киренский. О царстве. Перевод и предисловие М. В. Левченко.— ВВ, VI, 1953, стр. 327—

357. Лит: М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синезия.— ВВ, IX, 1956, стр. 3—44.

[157] PG, t. 25—28. Русск. перев.: Творения иже во святых отца нашего Афанасия, архиепископа Александрийского, ч. 1—4. М., 1851—1854.

[158] PG, t. 29—32.

[159] PG, t. 44—46; Gregorius Nyssenus. Opera, v. 8, pars II.— Epistulae, ed. G. Pasquali. Leiden, 1959.

[160] PG, t. 35—38. Русск. перев.: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, ч. I—IV. М., 1843—1844.

[161] PG, t. 47—64. Русск. перев.: Полное собрание творений святого Иоанна Златоуста в двенадцати томах. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе, т. I — XII. СПб., 1895—1906.

[162] PG, t. 78. Русск. перев.: Творения святого Исидора Пелусиота, ч. 1—3. СПб., 1859—1860.

[163] PL, t. 22—30. Русск. перев.: Творения блаженного Иеронима Стридонского, ч. 1—17. Киев, 1880—1903.

[164] PL, t. 14—17. Особ. Sancti Ambrosii Mediolanensis episcopi De obitu Theodosii oratio.— PL, t. 16, col. 1445—1468; B. Altaner. Patrologie; Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg, 1958. H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 346 ff.

[165] H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich, S. 346 ff.

[166] E. Schwartz. Acta conciliorum oecumenicorum, I—IV. Berlin — Lipsiae, 1914—1940; Деяния вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии, т. I—VII. Казань, 1859—1873.

[167] Г. А. Ῥάλλης — М. Πότλης. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, I—VI. Ἀθῆναι, 1852—1859; Правила святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец с толкованиями, 4-е изд. Московского общества любителей духовного просвещения, вып. 1—3. М., 1912—1913.

[168] V. R. Gold. The Gnostic Library of Chenoboskion.—«The Biblical Archaeologist», XV, № 4, 1952, p. 70—88; F. V. Filson. The Gnostic «Gospel of Truth».— «The Biblical Archaeologist», XX, № 3, 1957, p. 76—79.

[169] PG, t. 34, col. 991—1278. Русск. перев.: Палладия, епископа Еленопольского, Лавсаик или повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1850. См. подр. ниже, стр. 420 и сл.

[170] PG, t. 87,III, col. 2843—3116.

[171] Acta martyrum et sanctorum ed. P. Bedjan, t. I—VII. Parisiis, 1890—1897; В. В. Латышев. Сборник палестинской и сирийской агиологии.— ПС, 60. СПб., 1914.

[172] Historia monachorum seu liber de vitis patrum auctore Rufino Aquileiensi presbytero.— PL, t. 21, col. 387—462.

[173] PG, t. 26, col. 835—978. Русск. перев.: Творения иже во святых отца нашего Афанасия, архиепископа Александрийского, ч. III. М., 1853, стр. 203—284; И. Троицкий. Обозрение источников начальной истории египетского монашества. Сергиев-Посад, 1906. См. подр. ниже, стр. 413.

[174] Acta ss. Pachomii et Theodori...— AASS, 14 mai, III, p. 267—362; PL, t. 73, col. 227—282.

[175] Notitia dignitatum et administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus orientis et occidentis, rec. E. Böcking. Bonnae, 1839; Notitia dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum, ed. O. Seeck. Berolini, 1876.

[176] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 328.

[177] Ioan. Lyd., III, 28—29.

[178] См. W. Ensslin. Zur Abfassungszeit von des Johannes Lydos Περὶ ἀρχῶν. — «Philologische Wochenschrift», 62, 1942, S. 452—454; F. Dölger. Nochmals zur Abfassungszeit von des Johannes Lydos Περὶ ἀρχῶν. — «Philologische Wochenschrift», 62, 1942, S. 667—669.

[179] F. Cumont. Lydos et Anastase le Sinaïte. — BZ, 30, 1929/30, p. 31—35.

[180] O. Crusius. Römische Sprichwörter und Sprichwörtererklärungen bei Joannes Laurentius Lydus.— «Philologus», LVII, 1898, S. 501—503.

[181] F. Aussaresses. L'auteur du Strategicon.— REA, VIII, 1906, p. 1—19; E. Darkó. Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins.— Byz. X, 1935, p. 443—469; XII, 1937, p. 119—147; idem. Die militärischen Reformen des Kaisers Herakleisos.— ИБАИ, IX, 1935, p. 110—116.

[182] «Византиски извори за историју народа Југославије», ч. I. Београд, 1955 (далее—«Византиски извори»), стр. 127—129; Г. Цанкова-Петкова. Материалната култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на Псевдо-Маврикий.— ИИБИ, 7, 1957, стр. 329—46; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 417—419.

[183] С. А. Жебелев. Маврикий (Стратег). Известие о славянах VI — VII вв.— ИА, II. М.— Л., 1939, стр. 33—37; А. Клибанов. Военната организация на старите славяни.— ИП, година втора, 1945/46, кн. 2, стр. 193—209; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран..., стр. 28—30; М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдо-Маврикия.— СЭ, 1953, № 2, стр. 21—36; В. В. Мавродин. К вопросу об «антах» Псевдо-Маврикия.— СЭ, 1954, № 2, стр. 32—41.

[184] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 417—419.

[185] Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim. ed. J. Scheffer. Upsaliae, 1664 (далее — Strateg), VIII, 2.

[186] Ibidem.

[187] Expositio totius mundi et gentium.— Geographi graeci minores, ed. C. Müllerus, v. 2. Parisiis, 1861, p. 514—528; см. Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.— Л., 1951, стр. 38 сл. Русск. перев.: Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов» (Перевод, примечания и указатель С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, статья С. В. Поляковой). ВВ, VIII, 1956, стр. 277—305.

[188] E. Honigmann. Le Synekdèmos d'Hiéroklès et l'Opuscule géographique de Georges de Chypre.— Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae. Forma imperii Byzantini, fasc. I. Bruxelles, 1939.

[189] W. M. Ramsay. The historical Geography of Asia Minor. London, 1890; A. Philippson. Die griechischen Landschaften. Bd. I—II. Frankfurt am Main, 1950—1956; Egeria: Itinerarium Egeriae. (Peregrinatio Aetheriae) Hrsg. v. O. Prinz. Heidelberg, 1960.

[190] The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes, ed. E. O. Winstedt. Cambridge, 1909; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр.129—156; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 390; W. Wolska. La Topographie chrértienne de Cosmas Indicopleustès. Théologie et science en VI-e siècle. Paris, 1962.

[191] J. Wittmann. Sprachliche Untersuchungen zu Cosmas Indicopleustes. Borna — Leipzig, 1913.

[192] H. F. Iolowicz. Historical Introduction to the Study of Roman Law. Cambridge, 1939.

[193] B. Kübler. Geschichte des römischen Rechts. Leipzig, 1925; P. Bonfante. Storia del diritto romano. Roma, 1934; E. Albertario. Introduzione storica allo studio del diritto romano giustinianeo. Milano, 1935; V. Arangio-Ruiz. Storia del diritto romano. Napoli, 1937; E. Albertario. Il diritto romano. Milano — Messina, 1940; M. Villey. Le droit romain. Paris, 1946.

[194] L. Wenger. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953.

[195] Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes, 2ed. Th. Mommsen et P. Meyer, I — II. Berlin, Weidemann, 1954.

[196] E. Schönbauer. Untersuchungen über die Rechtsentwicklung in der Kaiserzeit.— JJP, v. IX—X, 1955—1956, p. 15—95.

[197] L. Mitteis. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891; R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri, 332 B. C.— 640 A. D. 2 ed. Warszawa, 1955.

[198] Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert. Hrsg. K. G. Bruns und Ed. Sachau. Leipzig, 1880; Syrische Rechtsbücher, I—III. Hrsg. und übersetzt von Ed. Sachau. Berlin, 1907—1914. Ср. рец.: R. Taubenschlag.— ZSSR, 45, RA, 1925, S. 493—514; E. Levy. Westen und Osten in

der nachklassischen Entwicklung des römischen Rechts.— ZSSR, 49, RA, 1929, S. 230—259; R. Taubenschlag. Il diritto provinciale romano nel Libro Siro-Romano.— JJP, VI, Warszawa, 1952, p. 103—119.

[199] P. Collinet. Études historiques sur le droit de Justinien, t. I. Le caractère oriental de l'oeuvre législative de Justinien et les destinées des Institutions classiques en Occident. Paris, 1912.

[200] P. A. Allard. Les esclaves chrétiens, depuis les premiers temps de l'Église jusqu'à la fin de la domination romaine en Occident. Paris, 1900; M. Roberti—E. Bussi — G. Vismara. Cristianesimo e diritto romano. Milano, 1935; F. Leifer. Christentum und römisches Recht seit Konstantin.— ZSSR, 58, RA, 1938, S. 185—202; A. Hadjinicolaou-Marava. Recherches sur la vie des esclaves dans le monde byzantin. Athènes, 1950.

[201] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 149.

[202] Подробнее см. ниже, стр. 246 и сл.

[203] З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 3—45.

[204] Corpus juris civilis, t. I. Institutiones, Digesta, ed. Th. Mommsen et P. Krueger. Berolini, 1954.

[205] И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956.

[206] Corpus juris civilis, t. II. Codex Justinianus, ed. P. Krueger. Berolini, 1954.

[207] Corpus juris civilis, t. I. Institutiones. Berolini, 1954.

[208] Corpus juris civilis, t. III. Novellae, ed. R. Schoell et G. Kroll. Berolini, 1954.

[209] Сводка всех изданий папирусов, открытых и опубликованных до 1953 г., помещена в справочнике А. Батайля: A. Bataille. Les Papyrus (Traité d'études byzantines, publié par P. Lemerle, II). Paris, 1955. Издается ряд журналов по папирологии: «The Journal of Juristic Papyrology (в Варшаве, с 1945 г.); «Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete» (в Лейпциге, с 1900 г.). См. также L. Mitteis und U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde, Bd. I—II. Leipzig — Berlin, 1912; «Aegyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen zu Berlin» (BGU), I—, 1893 sq.; P. Cairo-Masp.: J. Maspero. Papyrus grecs d'époque byzantine, t. I—III. Le Caire, 1911—1916 (все папирусы после 395 г.); P. Flor.: Papiri greco-egizii pubblicati dalla R. Accademia dei Lincei sotto la direzione di D. Comparetti e G. Vitelli, v. I—III. Milano, 1905—1915; P. Lond.: Greek Papyri in the British Museum, I—, Londres, 1893 sq.; P. Oxy.: The Oxyrhynchus Papyri, ed. B. P. Grenfell and A. S. Hunt. I—, Londres, 1898 sq.; P. Ross-Georg.: Papyri russischer und georgischer Sammlungen, hrsg. von G. Zereteli und O. Krueger, I—V. Tiflis, 1925—1935.

[210] H. J. Bell. An Egyptian Village in the Age of Justinian.— JHS, LXIV, 1944, p. 21—36., М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв.— ВС, М.— Л., 1945 (далее — М. В. Левченко. Материалы), стр. 12—95; G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953.

[211] И. Ф. Фихман. К характеристике корпораций византийского Египта.— ВВ, XVII, 1960, стр. 17—27.

[212] G. Mickwitz. Geld und Wirthschaft im römischen Reich des vierten Jahrhunderts n. Chr. Helsingfors, 1932.

[213] На основании папирусов изучена социально-экономическая история городов Оксиринха (H. MacLennan. Oxyrhynchus; an economic and social study. Princeton, 1935) и Антинооподя (H. J. Bell. Antinoopolis. Göttingen, 1913).

[214] G. Rouillard. L'administration civile de l'Égypte byzantine. Paris, 1928.

[215] J. Danstrup. Indirect Taxation at Byzantium.— «Classica et Mediaevalia», VIII, fasc. 1, 1946, p. 139—167; A. E. R. Boak. Tax Collecting in Byzantine Egypt.— JRS, 37, 1947, p. 24—33; A. Ch. Johnson and L. C. West. Byzantine Egypt; economic Studies. Princeton, 1949.

[216] R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri, 332 B. C.—640 A. D. 2ed. Warszawa, 1955.

[217] A. Steinwenter. Die Rechtsstellung der Kirchen und Klöster nach den Papyri.— ZSSR, 50, KA XIX, 1930, S. 1—50.

[218] A. Bataille. Les Papyrus, p. 30: P. Colt-Nessana.

[219] J a n - O l o f T j ä d e r. Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700. Lund, 1955.

[220] З. В. У д а л ь ц о в а. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 439 и сл.: е е ж е. Рабство и колонат в византийской Италии во второй половине VI—VII в. (преимущественно по данным Равеннских папирусов).— «Византийские очерки». М., 1961, стр. 93—120.

[221] U. W i l c k e n. Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. Ein Beitrag zur antiken Wirtschaftsgeschichte, I—II. Leipzig—Berlin, 1899.

[222] Corpus Inscriptionum Graecarum, ed. A Boeckhius, v. I — IV. Berolini, 1828—1877 (CIG); Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini, 1863 sq. (CIL); Monumenta Asiae Minoris Antiqua, v. I—VII. London, Manchester University Press, 1928—1956 (MAMA); L. J a l a b e r t et R. M o u t e r d e. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, I—IV. Paris, 1929—1955; Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, ed. G. Mihailov, v. I—II.— «Academia litterarum Bulgarica. Institutum Archaeologicum. Series epigraphica», № 2, 5. Serdicae, 1956—1958; H. G r é g o i r e. Notes épigraphiques.— Byz., VIII, 1933, p. 49—88.

[223] MAMA, III, 1931; CIG, 3467 (459 г.).

[224] G. T c h a l e n k o. Villages antiques de la Syrie du Nord. Le massif du Bélus à l'époque romaine, t. I—III. Paris, 1953—1958.

[225] Данные о результатах этих раскопок городов см. E. K i r s t e n. Die byzantinische Stadt.— «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten — Kongreß». München, 1958 (там же — подробная библиография).

[226] W. W r o t h. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the Britisch Museum, v. I—II. London, 1908; И. И. Т о л с т о й. Византийские монеты, вып. I—IX. СПб., 1912—1914; J. S a b a t i e r. Description générale des monnaies byzantines, frappées sous les empereurs d'Orient depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople par Mahomet II, t. I—II. Paris, 1955; H. G o o d a c r e. A Handbook of the Coinage of the Byzantine Empire. London, 1957; J. G u e y. Les monnaies frappées sous l'empire romain—«Rapports. XIe Congrès International des Sciences Historiques, II. Antiquité». Uppsala, 1960, p. 55—70.

Глава 2

[1] Вопрос о «начале» Византии является спорным в исторической науке, ибо разделение империи было сложным и длительным процессом. Одни исследователи ведут историю Византии от основания Константинополя, другие относят ее начало к концу IV в.— к 395 г., когда произошло формальное разделение империи на два государства. Некоторые историки датируют образование Византии началом V в. Можно считать, что как самостоятельное целое Византия сформировалась в течение IV в. Основание Константинополя было важным шагом на этом пути, завершившимся в конце IV в. формальным обособлением обоих государств.

[2] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 20, стр. 507.

[3] J. Ф е р л у г а. Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957, стр. 7—37.

[4] См. V. V e l k o v. Der römische Limes in Bulgarien während der Spätantike.— «Studii Clasice», III, 1961, S. 241—249.

[5] V. C h a p o t. La frontière de l'Euphrate de Pompée à la conquête arabe. Paris, 1907, p. 3—60; E. H o n i g m a n n. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen; в кн.: A. A. V a s i l i e v. Byzance et les arabes (Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, 3). Bruxelles, 1935, p. 3—37; Н. П и г у л е в с к а я. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951; е е ж е. Арабы у границ Византии в IV в. — «XXV МКВ. Доклады делегации СССР». М., 1960.

[6] M. L o m b a r d. Un Problème cartographie: le bois dans la Méditerranée musulmane (VIIe — XIe siècles).— «Annales», 14, 1959, № 2, p. 234—254.

[7] O. D a v i e s. Roman Mines in Europe. Oxford, 1935; V. V i k e n t i e v. Le silphium et le rite du renouvellement de la vigueur.— «Bulletin de l'Institut d'Égypte», t. XXXVII, f. 1. Le Caire, 1956, p. 123—150; S. V r y o n i s. The Question of the Byzantine Mines.— «Speculum», v. XXXVII, 1962, № 1, p. 1—17.

[8] E. Foord. The Byzantine Empire, the rearguard of european civilization. London, 1911, p. 415; ср. T. R. S. Broughton. Roman Asia Minor.— ESAR, IV, 1938, p. 815, 884; Г. Цанкова. Населението на Източната римска империя и варварите през епохата на варварските нашествия.— ИП, год. 8, кн. 2, 1951, стр. 143—165.

[9] В. Ив. Велков. Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV—VI вв.). София, 1959, стр. 232—249.

[10] См. L. Wenger. Volk und Staat in Ägypten am Ausgang der Römerherrschaft. München, 1922.

Глава

3

[1] См. G. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord. Le massif du Bélus à l'époque romaine, v. I — III. Paris, 1953—1958.

[2] G. Tchalenko. Op. cit.; V. Velkov. Les campagnes et la population rurale en Thrace au IV-e — VI-e siècle.— «Byzantinobulgarica». I. Sofia, 1962, p. 51.

[3] Ливаний пишет, что в результате притеснений, которым подвергался Аристофан, его владения пришли в упадок, «деревья вырублены, земля осталась необработанной, рабы — одни разбежались, другие — приучились к праздности, третьи — к разбою». См. Libanii. Opera rec. R. Foerster, v. I—XI. Lipsiae, 1903—1922 (далее — Liban.), XIV, 45.

[4] Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии.— ЖМНП, ч. CCXXXI, янв. 1884, стр. 1—43; A. Déléage. La capitation du Bas-Empire. Macon, 1945 (далее — A. Déléage. La capitation).

[5] PG, t. 66, col. 1157, 1360—1361, 1540—1542.

[6] См. W. L. Westermann. The slave systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 96—162.

[7] R. Taubenschlag. The law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri, 332 B. C.— 640 A. D. Warszawa, 1955, p. 50—76.

[8] См. М. Я. Сюзюмов. Еще раз о юридических источниках для истории колоната.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 83—88; А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи V—VI вв.— ВВ, IX, 1956, стр. 45—77; Д. Ангелов. Към въпроса за разложението на робовладелческите отношения в Източната Римска империя.— «Изследования в чест на Марин С. Дринов». София, 1960 (далее — Д. Ангелов. Към въпроса за разложението), стр. 261—271; Г. Л. Курбатов. Рабы и проблема рабства в произведениях Либания.— ВДИ, 1964, № 2, стр. 96—99.

[9] A. Déléage. La capitation, p. 176, ср. p. 163.

[10] Inquilini — свободные работники имения, не наделенные землей и не включавшиеся в списки поземельного обложения.

[11] Tributarii — прикрепленные к земле держатели. См. А. Г. Гемп. Трибутарии и инквилины поздней Римской империи. — ВДИ, 1954, № 4, стр. 75—83.

[12] А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв.— ВДИ, 1954, № 2, стр. 63; его же. О колонате..., стр. 45—77.

[13] Д. Ангелов. Към въпроса за разложението, стр. 261—271.

[14] Это показывает исследование: L. Harmand. Libanius. Discours sur les patronages: texte traduit, annoté et commenté. Paris, 1955, p. 122—172.

[15] G. Tchalenko. Op. cit., p. 399—402.

[16] R. Mouterde et A. Poidebard. Le limes de Chalcis. Organisation de la steppe en haute Syrie romaine. Paris, 1945, p. 197.

[17] PG, t. 46, col. 1080—1086.

[18] См., например, И. Ф. Фихман. Ремесло и крупное имение в византийском Египте (по данным греческих папирусов).— ПС, 7 (70). М.— Л., 1962, стр. 51—88.

[19] Liban., XI, 230.

[20] Liban., XLVII, 11.

[21] Так, Закон об иллирийских колонах (CJ, XI, 53, 1) упоминает о «родственных связях» жителей деревни. Деление на кланы сохранилось в Исав-

рии еще в IV в. См. Р. Таубеншлаг. Сельские общины в романизированных провинциях Востока времени Диоклетиана. — ВВ, XIII, 1958, стр. 1—8.

[22] G. Tchalenko. Op. cit., t. I, p. 410—411; P. K. Hitti. History of Syria including Lebanon and Palestine. London, 1951, p. 301.

[23] G. Rouillard. L'administration civile de l'Égypte byzantine. Paris, 1928, p. 198 sq.

[24] Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962, стр. 46—47.

[25] Liban., II, 32.

[26] Ibid., XVIII, 156.

[27] Liban., XLVII, 4—11. «И вот они причиняют соседям бедствия и хлопоты: отнимают участки земли, вырубают деревья, хватают скот, режут его... Что же говорить после того о побоях, издевательствах, о том..., как они делают негодными к употреблению колодцы, кидая в них отбросы, как лишают хозяев рек, а с ними и садов».

[28] Amm. Marc., XXII, 16, 23.

[29] Об этом см.: Г. Г. Дилигенский. К вопросу об аграрных патроциниях в поздней Римской империи.— ВДИ, 1955, № 1, стр. 135—141; L. Harmand. Le patronat sur les collectivités publiques des origines au Bas-Empire. Un aspect social et politique du monde romain. Paris, 1957; А. Р. Корсунский. Были ли patrocinia vicorum в Западной Римской империи? — ВДИ, 1959, № 2, стр. 167—173.

[29а] См. подр. ниже, стр. 140.

[30] Liban., XLVII, 11.

[31] Об упадке муниципального землевладения см.: A. H. M. Jones. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937; idem. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940; Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город..., стр. 15—83.

[32] P. Petit. Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.— C. Paris, 1955, p. 105, 122.

[33] Liban., XLVIII, 3.

[34] Amm. Marc., XIV, 6, 10.

[35] M. Gelzer. Studien zur Byzantinischen Verwaltung Aegyptens. Leipzig, 1909, S. 32—36, 83—99.

[36] М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи.— ВВ, II, 1949, стр. 11—59.

[37] G. Tchalenko. Op. cit., t. I, p. 145—147.

[38] PG, t. 58, col. 763—764.

[39] R. Wiart. Le régime des terres du Fisc au Bas-Empire. Paris, 1894, p. 1—103; R. His. Die Domänen der römischen Kaiserzeit. Leipzig, 1896, S. 33—70; O. Hirschfeld. Der Grundbesitz der römischen Kaiser in den ersten drei Jahrhunderten.— «Klio», II, 1902, S. 45—72, 284—315.

[40] A. Schulten. Zwei Erlasse des Kaisers Valens über die Provinz Asia.— JÖAI, IX, 1906, S. 40—70.

[41] G. R. Monks. The Administration of the Privy Purse: An Inquiry into Official Corruption and the Fall of the Roman Empire.— «Speculum», v. XXXII, 1957, № 4, p. 748—779.

Глава 4

[1] A. H. M. Jones. The Cities of the Roman Empire. Political, administrative and judicial institutions.— «Recueils de la société Jean Bodin», VI. La ville, p. I. Bruxelles, 1954, p. 135—176; E. Kirsten. Die byzantinische Stadt.— «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongreß». München, 1958, V, S. 1—48; Fr. Vittinghoff. Zur Verfassung der spätantiken «Stadt».— «Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens» (Vorträge und Forschungen, Bd. IV). Konstanz, 1958, S. 11—39; Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л., 1962; A. H. M. Jones. The Later Roman Empire. 284—602, v. I—II. Oxford, 1964.

[2] E. Honigmann. Le Synekdèmos d'Hiéroklès et l'Opuscule géographique de Georges de Chypre.—«Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae. Forma imperii Byzantini», Fasc. I. Bruxelles, 1939, p. 12 (631. 3).

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 147—148.

[4] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат, 1940, стр. 13.

[4а] Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 95.

[4б] О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954, стр. 18 и сл.; И. С. Свенцицкая. Некоторые черты экономического развития Западной Малой Азии в системе Римской империи.— ВДИ, № 2, 1956, стр. 27; Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957; Г. Л. Курбатов. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи в IV в.— «Вестник ЛГУ», 1960, № 2, серия истории, языка и литературы, вып. 1, стр. 47—61.

[5] М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синезия.— ВВ, IX, 1956, стр. 3—44; Ф. Папазоглу. Македонски градови у Римско доба. Скопjе, 1957, стр. 313; Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности в балканских и малоазийских провинциях Византии.— ВВ, XIII, 1958, стр. 28—54; Г. Г. Дилигенский. Северная Африка в IV—V вв., М., 1961.

[6] М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии.— ВВ, VIII, 1956, стр. 26—41.

[7] Liban., XI, 195.

[8] R. MacMullen. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts, 1963, p. 79.

[9] D. Magie. Roman rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ, I. Princeton, 1950, p. 692; В. Ив. Велков. Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV — VI в.). София, 1959, стр. 154.

[10] A. Alföldi. On the Foundation of Constantinople. —JRS, XXXVII, 1947, p. 10—16; R. Janin. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique («Archives de l'Orient chrétien», 4). Paris, 1950; A. M. Schneider. Regionen und Quartiere in Konstantinopel.— «Kleinasien und Byzanz. Istanbuler Forschungen», Bd. 17. Berlin, 1950, S. 149—158; Fr. W. Deichmann. Studien zur Architektur Konstantinopels im 5. und 6. Jahrhundert nach Christus. Baden-Baden. 1956.

[11] Notitia dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum, ed. O. Seeck. Berolini, 1876 (далее — Notitia dignitatum), p. 227—247.

[12] См. о нем: The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford, 1947.

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 240.

[14] Them., Orat., XIII, 205—206.

[15] См. Liban., XIII, 45; ср. Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город..., стр. 69—72.

[16] Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник.— «Труды Института востоковедения», т. XXXI. М.— Л., 1940, стр. 37.

[17] A. Ch. Johnson and L. C. West. Byzantine Egypt: economic Studies. Princeton, 1949.

[18] PG., t. 56, col. 492.

[19] А. Я. Гуревич. Из экономической истории одного восточно-римского города (Некрополь киликийского города Корика).— ВДИ, 1955, № 1, стр. 127—135.

[20] Liban., XI, 230.

[21] Liban., XI, 264.

[22] M. P. Charlesworth. Les routes et le trafic commercial dans l'Empire Romain. Paris, 1939.

[23] E. Gren. Kleinasien und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit. Uppsala — Leipzig, 1941.

[24] Amm. Marc., XVII, 4, 13.

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 240.

[26] Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.— Л., 1951.

[27] A. R. Lewis. Naval Power and Trade in the Mediterrannean A. D. 500—1100. Princeton, 1951, p. 3—53.

[28] Г. Д. Белов Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э.— «Античный город». М., 1963, стр. 61—68.

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 148.

[30] Liban., XXV, 36.

[31] М. Я. Сюзюмов. О наемном труде в Византии.—УЗ УГУ, вып. 25, исторический. Свердловск, 1958, стр. 147—173.

[32] И. Ф. Фихман. Ремесло и крупное имение в византийском Египте.—ПС, 7(70), 1962, стр. 51—88.

[33] I. Hahn. Freie Arbeit und Sklavenarbeit in der spätantiken Stadt.—AUSB, sec. Hist., t. III. Budapest, 1961, S. 23—39; И. Ф. Фихман. К проблеме социального состава ремесленников в Египте IV — середины VII в. н. э.—«Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти академика А. И. Тюменева». М.— Л., 1963, стр. 355—366; Г. Л. Курбатов. Рабы и проблема рабства в произведениях Либания.— ВДИ, 1964, № 2, стр. 96—99.

[34] PG, t. 66, col. 1093.

[35] PG, t. 51, col. 261—262.

[36] Ibidem.

[37] Liban., XXV, 36—37.

[38] Zosim., p. 38.

[39] Liban., XV, 18.

[40] Ср. М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в.— УЗ УГУ, вып. 11, 1952, стр. 99.

[41] CTh, XVI, 4,5.

[42] Liban., XXV, 44.

[43] V. Cottas. Le théatre à Byzance. Paris, 1931; M. Bieber. The History of the Greek and Roman Theater. Princeton, 1939.

Глава 5

[1] E. Honigmann. Le Synekdèmos d'Hiéroklès et l'Opuscule géographique de Georges de Chypre. Bruxelles, 1939, p. 12 (631.3).

[2] М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии.— УЗ СПИ, 1955, вып. 11, стр. 165—192; И. П. Тарасова. К вопросу о правовом положении рабов в поздней Римской империи.— УЗ ЛГУ, № 251, 1958, серия исторических наук, вып. 28, стр. 75—89.

[3] См. Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 505—508.

[4] P. Petit. Les Sénateurs de Constantinople dans l'oeuvre de Libanius.—«L'Antiquité Classique», t. XXVI, 1957, 2 fasc., p. 347—382.

[5] А. Р. Корсунский. Honestiores и humiliores в законодательных памятниках Римской империи.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90.

[6] R. Janin. L'empereur dans l'église byzantine.—«Nouvelle Revue de Théologie», 77, 1955, p. 40—60; J. Karayannopulos. Der frühbyzantinische Kaiser.— BZ, 49, 1956, S. 369—384; O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Darmstadt, 1956.

[7] Р. Гийан. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV—VI вв.).— ВВ, XXIV, 1964, стр. 35—48.

[8] G. Manojlović. Le peuple du Constantinople. Byz., XI, 1936, 2, p. 617—716; А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв.— ВС, 1945, стр. 144—227; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран..., стр. 114—190; М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.— ВВ, I, 1947, стр. 164—183; М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в.—УЗ УГУ, вып. 11,

1952, стр. 84—134; Г. Л. Курбатов. Термин δῆμος у Либания и вопрос о происхождении византийских димов.— «XXV МКВ. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 1—11.

[9] Ai. Christophilopulu. Σιλέντιον.— BZ, 44, 1951, S. 79—85.

[10] Notitia dignitatum, p. 1—102.

[11] I.- R. Palanque. Essai sur la Préfecture du Prétoire du Bas-Empire. Paris, 1933.

[12] A. E. R. Boak. The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires.— «Two Studies in Later Roman and Byzantine Administration». New York — London, 1924, p. 1—160.

[13] J. E. Dunlap. The Office of the grand Chamberlain in the Later Roman and Byzantine Empires.— «Two Studies in Later Roman and Byzantine Administration». New York — London, 1924, p. 165—324.

[14] E. C. Nischer. The Army Reforms of Diocletian and Constantine and their Modifications up to the Time of the Notitia Dignitatum.— JRS, 13, 1923, p. 1—55.

[15] G. L. Cheesman. The Auxilia of the Roman Imperial Army. Oxford, 1914; W. Ensslin. Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches.— «Klio», Bd. 24, 1931, S. 102—147, 467—502.

[16] J. Szilágyi. Les variations des centres de prépondérance militaire dans les provinces frontières de l'Empire romain.— AAn ASH, II, 1953, fasc. 1—2, p. 117—223.

[17] A. Hoepffner. Les «Magistri militum praesentales» au IV-e siècle.— Byz., XI, 1936, p. 483—498.

[18] Ch. Courtois. Les politiques navales de l'empire romain.— RH, 1939, t. 186, p. 17—47, 225—259; Ch. G. Starr. The Roman Imperial Navy 31 B. C.— A. D. 324. New York, 1941; R. H. Dolley. The Warships of the Later Roman Empire.— JRS, XXXVIII, 1948, p. 47—53; E. Sander. Zur Rangordnung des römischen Heeres: Die Flotten.— «Historia», Bd. VI, 1957, Heft 3, S. 347—367.

[19] J. Karayannopulos. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates («Südosteuropäische Arbeiten», 52). München, 1958.

[20] S. J. de Laet. Portorium. Ètude sur l'organisation douanière chez les Romains, surtout à l'époque du Haut-Empire, Brugge, 1949.

[21] Them., Orat., VIII, 113.

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 147.

Глава 6

[1] Н. А. Машкин. Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики.— ИАН СССР, сер. ист. и фил., 1946, № 5, стр. 441—460.

[2] Культ Митры, бога Солнца, света и чистоты, символизировал стремление к правде, справедливости. Этот культ с конца II в. и в III в. имел большой успех в римском обществе; митраизму покровительствовали даже некоторые императоры.

[3] H. E. Feine. Kirchliche Rechtsgeschichte, Bd. I. Weimar, 1955; J. Gaudemet. L'Église dans l'Empire Romain (IVe — Ve siècles). Paris, 1958, p. 304—306.

[4] См. P. T. D. de Martin. Le droit d'asile. Paris, 1939.

[5] V. Grumel. Formation et variations des patriarcats orthodoxes.— «Annuaire de l'école de Législation Religieuse», 1953, 17—27; H.-G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 60—98.

[6] L. Duchesne. Autonomies ecclésiastiques. Églises séparées, 2 éd. Paris, 1905.

[7] Русск. перев. соборных актов: «Деяния вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии», т. 1—7. Казань, 1859—1873.

[8] Собрание канонов см.: J. B. Pitra. Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta, t. I—II. Romae, 1864—1868. A. Steinwenter. Der

antike kirchliche Rechtsgang und seine Quellen.— ZSSR, 54, KA, XXIII, 1934, p. 1—116; A. V o i g t. Kirchenrecht. Erlangen, 1961, Cap. III: Die Reichs-Kirche.

[9] G. K e h n s c h e r p e r. Die Stellung der Bibel und der alten christlichen Kirche zur Sklaverei. Halle (Saale), 1957.

[10] E. de L a c y O' L e a r y. The Egyptian Contribution to Christianity. II. The Coptic Church and Egyptian Monasticism.— «The Legacy of Egypt». Oxford, 1947, p. 323—324; E. A m a n d d e M e n d i e t a. Le système cénobitique basilien comparé au système cénobitique pachômien.— «Revue de l'histoire des religions», t. CLII, 1957, p. 31—80.

[11] F. D ö l g e r. Zur Bedeutung von φιλόσοφος und φιλοσοφία in byzantinischer Zeit. — «Τεσσαρακονταετηρὶς θεοφίλου Βορέα 1. Athen, 1940, σελ. 125—136 (BZ, 40, 1940, s. 293).

Глава
7

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 21, стр. 149.

[2] J. V o g t. Constantin der Große und sein Jahrhundert. München, 1949, F. D ö l g e r. Der Kaiser- und Reichsgedanke Konstantins des Großen in der Geschichte.— «Schriftenreihe des Internationalen Konstantinsordens von 1953, 1». Männedorf (Zürich). Ordenssekretariat, 1959, 16 S.

[2а] См. выше, стр. 147.

[3] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 21, стр. 313—314.

[4] См. G. N e g r i. L'imperatore Giuliano l'Apostata. Milano — Varese, 1954.

[5] A. S o l a r i. La Rivolta Procopiana a Constantinopoli.— Byz., VII, 1932, p. 143—148; Г. Л. К у р б а т о в. Восстание Прокопия (365—366 гг.).— ВВ, XIV, 1958, стр. 3—26.

[6] А. Д. Д м и т р е в. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 72.

Глава
8

[1] PG, t. 49, col. 646, 687, 696; A m m. M a r c., XIV, 8.

[2] P r i s c., fr. 1; CTh, VI, 24, 11.

[3] P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes.— RH, t. 219, 1958, p. 34.

[4] L. B r é h i e r. Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople.— Byz., III, 1926, p. 73—94; F. F u c h s. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter.— BA, Heft 8, Leipzig — Berlin, 1926.

[5] Я. А. М а н а н д я н. Месроп-Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. Ереван, 1941.

[6] J. G u i d i. Gli statuti della scuola di Nisibi.— «Giornale della Societá Asiatice Italiana», v. 4. Roma, 1894.

[7] А. Н. Б е р н ш т а м. Очерк истории гуннов. Л., 1951; F. A l t h e i m. Attila und die Hunnen. Baden-Baden, 1951.

[8] A. G r i l l m e i e r — H. B a c h t. Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart, I—III. Würzburg, 1951—1954.

Глава
9

[1] P. C h a r a n i s. Church and State in the Later Roman Empire. The religious policy of Anastasius the First (491—518). Madison, 1939.

Глава
10

[1] E. Stein. Histoire du Bas-Empire, II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1959, p. 192—214.

[2] Procop., H. a., XIX, 5, 7.

[3] Procop., H. a., VI, 1—2.

[4] A. A. Vasiliev. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge, Massach., 1950; E. Stein. Histoire..., II, p. 219—233; G. Wirth. Zur Datierung einiger Ereignisse in der Regierungszeit Justins I.— «Historia», XIII, 1964, S. 376—383.

[5] Для Прокопия Юстин — выскочка, который «своим подданным... не мог сделать ничего ни дурного, ни хорошего. Он отличался большой глупостью, совершенно не умел говорить и был очень груб и не воспитан» (Procop., H. a. VI, 18).

[6] Procop., H. a., VI, 12—16.

[7] Irfan Shahîd (Kawar). Byzantino-Arabica: The Conference of Ramla, A. D. 524.— JNES, XXIII, № 2, 1964, p. 115—131.

[8] P. Goubert. Autour du voyage à Byzance du Pape Saint Jean I (523—526).— Or. Chr. Per., XXIV, 1958, p. 339—352.

[9] Литература о Юстиниане чрезвычайно обширна. См. P. Joers. Die Reichspolitik Kaiser Justinians. Giessen, 1893; W. G. Holmes. The Age of Justinian and Theodora, v. I—II. London, 1905—1907; Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908; E. Stein. Beiträge zu römischen Geschichte.— «Hermes», 52, 1917; G. P. Baker. Justinian. London, 1932; G. Downey. Justinian as Achilles.— TPAPhA, LXXI, 1940, p. 68—77; D. M. Nicol. The Emperor Justinian —«History today», IX, № 8, 1959, p. 513—522; B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, I. Berlin, 1960; C. Schneider. Das Zeitalter Justinians.— HZ, 193, 1961, S. 92—101; J. Irmscher. Das Zeitalter Justinians.— «Živa antika», god. XIII—XIV, 1964, S 171—186.

[10] J. Haury. Prokop und der Kaiser Justinian. — BZ, 37, 1937, S. 1—9; B. Rubin. Prokopios von Kaisareia. Stuttgart u. Waldsee, 1954.

[11] Procop., H. a., XIII, 1—3.

[12] Ibid., VIII, 28—31.

[13] Ibid., VI, 20.

[14] Ibid., XIII, 10—12.

[15] Ibid., VI, 22—24; VIII, 4—6; XIX, 6—10; XXVII, 1—2.

[16] Ibid., XVIII, 25. A. Knecht. Die Religions-Politik Kaiser Justinians I. Eine kirchengeschichtliche Studie. Würzburg, 1896; E. Schwartz. Drei dogmatische Schriften Justinians.— ABAW, Phil.-hist., Abt., NF, 18, 1939, 123 S.

[17] Procop., H. a., IX, 26.

[18] A. Debidour. De Theodora Justiniani Augusti uxore. Lutetiae-Parisiorum, 1877; Ch. Diehl. Théodora impératrice de Byzance. Paris, 1904.

[19] Procop., H.a., XV, 11—17.

[20] Ibid., XV, 19

[21] Ibid., IX, 2—7.

[22] Ibid., XVI, 11.

[23] См. Ш. Диль. Византийские портреты, ч. 1. Харьков, 1909, стр. 35—51.

[24] См. ниже, стр. 284 и сл.

[25] Прокопий сообщает об ограблении Юстинианом сенатора Зинона, внука западного императора Анфимия (Procop., H. a., XII, 1—4); об отнятии имущества при помощи подложных завещаний у сенаторов Татиана, Демосфена и Гилары (ibid., XII, 5), а также у Дионисия из Либана, Иоанна из Эдессы и др. (ibid., XII, 6—7). О конфискации имущества сенаторской знати см. Procop., H. a., XII, 11—14; XXVI, 3.16; XXIX, 20—25. См. также: Б. Панченко. О Тайной истории Прокопия.—ВВ, II. 1895, стр. 24—57, 340—371; III, 1896, стр. 96—117, 300—316, 461—527; IV, 1897, стр. 402—451; К. Н. Успенский. Юстиниан и крупное землевладение сенатской знати. — «Голос минувшего», № 6, 1913, стр. 5—21; З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами», в кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перев. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 14—15.

[26] P r o c o p., H. a., XIV, 7.
[27] См. Dig., XV, 1.40; CJ, IV, 14.5. Подробнее см. ниже, стр. 240 и сл.
[28] См. ниже, стр. 241 и сл.
[29] М. В. Л е в ч е н к о. Материалы..., стр. 63—69, 87—88.
[30] З. В. У д а л ь ц о в а. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 38—43. См. CJ, XI, 62. I. 2. 7. 12.
[31] См. ниже, стр. 267 и сл.
[32] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки по истории Византии, ч. 1. М., 1917.
[33] CJ, I, 2. 12—25; 3.41. 42. 45. 55; Nov. Just., 3, 7, 9, 16, 40, 43, 46, 54, cap. 2; 55, 59, 65, 67, 111, 120, 123, cap. 6; 16, 23; 131, cap. 5—15.
[34] Nov. Just., 7.3; 55; 120. Закон строго ограничивал срок аренды тремя поколениями арендаторов, после чего участок со всеми улучшениями, произведенными эмфитевтом, вновь возвращался церкви.
[35] Nov. Just., 7.
[36] A. A. V a s i l i e v. Histoire de l'Empire Byzantin, I. Paris, 1932, p. 169—220; P. L e m e r l e. Histoire de Byzance. Paris, 1956, p. 46—63.
[37] Н. В. П и г у л е в с к а я. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.— ВВ, I, 1947, стр. 184—214.
[38] W. H e y d. Histoire du Commerce du Levant au moyen-âge, I. Leipzig, 1936, p. 1—24.
[39] R. H e n n i g. Die Einführung der Seidenraupenzucht ins Byzantinerreich.— BZ, 33, 1933; S. 295—312.
[40] P r o c o p., H. a., XXV, 1—10.
[41] Ibid., XXVI, 19—22; 35; P r o c o p., B. P., II, 15.
[42] См. ниже, стр. 279.
[43] P r o c o p., H. a., VIII, 7—8; XI, 3; XIX, 6. 10; 15.
[44] P r o c o p., De aedif., IV, 1.
[45] Nov. Just., 24, 25, 26-30, 36.
[46] Ibid., 26, 28, 30.
[47] D. J. C o n s t a n t e l o s. Philanthropia in the Age of Justinian.—«Greek Orthodox Theological Review», 6, 1960/61.
[48] I o a n. M a l a l., p. 437.
[49] P r o c o p., H. a., XVII, 38—44; XXI, 5; XXIII, 14.
[50] P r o c o p., B. P., I, 24, 12; 25, 10.
[51] Так, Э. Штейн считает Иоанна Каппадокийца самым выдающимся государственным деятелем (в области внутренней политики) за время от царствования Анастасия до Ираклия. E. S t e i n. Histoire..., II, p. 435—483; i d e m. Justinian, Johannes der Kappadozier und das Ende des Konsulats.— BZ, 30, 1929—1930, S. 376—381.
[52] CJ, I, 5.2; Nov. Just. 17. 17.
[53] P r o c o p., H. a., XXVI, 14—24.
[54] Ibidem.
[55] P r o c o p., H. a., XXIII, 1.
[56] Ibidem.
[57] См. выше, стр. 210.
[58] P r o c o p., H. a. XXII, 14—22; XXIII, 11—14. I o a n. L y d., III, 61.
[59] P r o c o p., H. a., XXIII, 17—19.
[60] Ibid., XXIII, 15—17.
[61] Ibid., XXI, 1—5.
[62] E. S t e i n. Histoire..., II, p. 443—444.
[63] P r o c o p., H. a., XXX, 5—11.
[64] Ibid., XXIV, 1—10.
[65] Ibid., XXV, 12.
[66] Ibid., XXVI, 29, 35—44.
[67] См. ниже, стр. 339 и сл.
[68] Так, подсчет Р. Таубеншлагом рабов, упоминаемых в египетских папирусах, позволяет прийти к выводу, что если в IV—V вв. число рабов в Египте несколько уменьшилось, то в VI в. оно вновь резко возросло (R. T a u b e n s c h l a g. Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri.—ZSSR, 50, RA, 1930, S. 140—169); i d e m. The Law of Greco-Roman Egypt., p. 50 sq.
[69] P r o c o p., B. V., II, 3. 24.
[70] Ibid., I, 2. 20.

[71] См., например, Procop., B. P., II, 28.
[72] Procop., B. V., II, 22. 13—16.
[73] З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана).— ВВ, XXIV, 1964, стр. 8—14.
[74] CJ, VI, 43.3.
[75] CJ, XI, 43.10.
[76] CJ, XII, 34. 6—7.
[77] CJ, XII, 34.6.
[78] Procop., H. a., XXIV, 18—19.
[79] Procop., B. P., I, 23.
[80] Agath., Hist., III, 16.
[81] Procop., H. a. I, 27.
[82] См. ниже, стр. 257.
[83] З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии..., стр. 14—19.
[84] См. ниже, стр. 257.
[85] См. ниже, стр. 257.
[86] CJ, XI, 48, 23.
[87] Nov. Just., 123, cap. 35.
[88] Nov. Just., 144, cap. 2.
[89] CJ, XI, 48, 20.
[90] CJ, IV, 65. 33; VII, 39, 2.
[91] CJ, VII, 39,2; XI, 48, 17.
[92] Dig., XLVII, 2,26, § 1.
[93] Dig., XXXIII, 7. 24
[94] CJ, XI, 55. 2.
[95] Nov. Just., 120.8.
[96] CJ, XI. 48.22.
[97] CJ, XI, 62.5.
[98] Nov. Just., 128, cap. 14.
[99] CJ, XI, 48.7.
[100] CJ, XI, 48.21; XI, 50.2.
[101] CJ, XI, 48. 13; XI, 48.2.
[102] CJ, XI, 63.3.
[103] J.-O. Tjäder. Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700. Lund, 1955.
[104] Nov. Just., 17. 4.
[105] CJ, XI, 68.5.
[106] CJ, XI, 75.2.
[107] CJ, XI, 48.23.
[108] CJ, XI, 52.1.
[109] CJ, XI, 48.20.
[110] CJ, XI, 48.20.
[111] Nov. Just., 128, cap. 14.
[112] CJ, XI, 48.5.
[113] Dig., XIX, 2.25, § 5.
[114] CJ, XI, 48.5.
[115] CJ, XI, 50.1—2; XI, 48.23; XI, 68.5.
[116] CJ, XI, 50.1.
[117] CJ., XI, 63.1.
[118] J.-O. Tjäder. Op. cit., p. 3.
[119] CJ, XI, 48.22—23.
[120] Nov. Just., 167.
[121] CJ, XI, 48.23.
[122] Nov. Just., 54.
[123] См. ниже, стр. 259.
[124] CJ, XI, 61.1; XI, 48.11.18.

Глава
11

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 105.
[2] З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 3—45.
[3] E. Grupe. Kaiser Justinian. Aus seinem Leben und aus seiner Zeit. Leipzig, 1923; F. Pringsheim. The Character of Justinian's Legislation.— «The Law Quarterly Review», LVI, 1940, p. 229—246. A. d'Ors Pérez-Peix. La actitud legislativa del Emperador Justiniano.— Or Chr Per., XIII, 1947, p. 119—142; E.-H. Kaden. Justinien Législateur (527—565).—«Mémoires publiés par la Faculté de Droit de Genève», 6, 1948, p. 41—46; B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, I. Berlin, 1960, S. 146—168.
[4] См. выше, стр. 59.
[5] Литература о Дигестах Юстиниана весьма обширна. См. З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 13—18.
[6] См. ниже, стр. 389 и сл.
[7] См. выше, стр. 61—62.
[8] О теории римского права см. литературу: З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 28—32.
[9] CJ, VII, 5.1.
[10] CJ, VII, 31.1.
[11] CJ, VII, 31.1.
[12] CJ, VII, 5.1.
[13] З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана).— ВВ, XXIV, 1964, стр. 3—34. Там же см. литературу вопроса.
[14] F. M. de Robertis. La condizione sociale e gli impedimenti al matrimonio nel Basso impero.— «Annali della Facultà di giurisprudenza, Universitá di Bari», NS, 2, 1939, p. 45—69; R. Orestano. La struttura giuridica del matrimonio romano dal diritto classico al diritto giustinianeo I. Milano, 1951; J. Gaudemet. Les transformations de la vie familiale au Bas-Empire et l'influence du christianisme.— «Romanitas», 4, 1962.
[15] CJ, VI, 61.6.8; Inst., Just., 2, 9, § 1; Nov. Just., 118.
[16] Nov. Just., 53, 117, 118, 127.
[17] Ibid., 117.6.
[18] F. Dematteis. La condizione giuridica della donna nella legislazione di Giustiniano: il feminismo giustinianeo e l'influenza dell'imperatrice Teodora. Torino, 1912.
[19] CJ, I, 9.6.
[20] Nov. Just., 22, 42.
[21] Nov. Just., 22.8.
[22] Nov. Just., 117.10.
[23] Ibid., 22.15, § 1.
[24] Ibid., 22.15, § 2; 22. 16, 1.
[25] Nov. Just., 22.16, praef.
[26] Ibid., 117.8; 134.10.
[27] Ibid., 22.18.
[28] CJ, VI, 4, § 20; VI, 28.4; Inst. Just. 2, 13, § 5.
[29] Nov. Just., 97.5; CJ, V, 13.1.
[30] CJ, V, 13.1, § 15; Inst. Just., 2, 8, praef.
[31] Nov. Just., 61; CJ, V, 3.20; Nov. Just., 97. 1,2.
[32] Procop., H. a., XX, § 12; XXVI, § 16—17.
[33] Dig., XLVIII, 4. 1—8.
[34] Dig., XLVIII, 4.9, 11.
[35] Dig., XLVIII, 6.
[36] Dig., XLVIII, 8; 9.
[37] CJ, IX, 14.1; III, 35. 3.
[38] Dig., XLVIII, 5.
[39] Dig., XLVIII, 18. 1, § 7—16; Procop., H. a., XI, 35.

[1] J. Pargoire. L'Église byzantine de 527 à 847. Paris, 1905; E. H. Kaden. L'Église et l'État sous Justinien.— «Mémoires publiés par la Faculté de Droit de Genève», 9, 1952, p. 109—144.
[2] L. Duchesne. La réaction Chalcédonienne sous l'empereur Justin (518—527).— «Mélanges d'archéologie et d'histoire», 32, 1912, p. 305—336; 33, 1913, p. 337—363.
[3] M. V. Anastos. Justinian's Despotic Control over the Church as illustrated by his Edicts on the Theopaschite Formula and his Letter to Pope John II in 553.— ЗРВИ, VIII, 2, 1964, p. 1—11.
[4] Nov. Just., 7; 120; CJ, I, 2.21. Отчуждение движимого церковного имущества разрешалось лишь в особых случаях для выкупа пленных и уплаты церковных долгов (Inst. Just., 2.1, 8; CJ, I, 2.21; Nov. Just., 120.10). M. A. Cassetti. Giustiniano e la sua legislazione in materia ecclesiastica. Rome, 1957.
[5] Nov. Just., VII, 1.
[6] Ibid., VII, 2, § 1.
[7] H. S. Alivisatos. Die kirchliche Gesetzgebung des Kaisers Justinian I. Berlin, 1913.
[8] B. Biondi. Giustiniano Primo, principe e legislatore cattolico. Milano, 1935.
[9] CJ, I, 2. 14—15, 15.26.
[10] Procop., H. a., XIII, 4—5.
[11] Ibid., XIII, 6.
[12] Nov. Just., 9; 111; Procop., H. a., XXVIII, 9.
[13] CJ, I, 3.4; Nov. Just., 79, 123.
[14] CJ, I, 3, 33-34, 41, 46, 47; Nov. Just., 5, 123, 133.
[15] Euseb., Hist. eccl., 9, 9; 10, 5.
[16] A. Berger. La concezione di eretico nelle fonti giustinianee.— «Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti Classe di scienze morali, storiche e filologiche», ser. VIII, 10, 1955, p. 353—368.
[17] Nov. Just., 109, epil.; 115,3,14; CJ, I, 5.
[18] Ioan. Malal., p. 474—475.
[19] CJ, I, 5. 14, 20.
[20] Nov. Just., 37,8.
[21] CJ, I, 5; 12, 5.
[22] CJ, I, 4, 20; 5.6, 9, 12.
[23] CJ, I, 5, 18.
[24] Nov. Just., 109. 1.
[25] CJ, I, 5. 18; Nov. Just., 115, 3, 14.
[26] CJ, I, 5, 10, 12, 16, 17, 18, 19, 21, 22; Nov Just., 115, 3, 14; 4,8.
[27] CJ, I, 7; CTh, 16, 7; CJ, I, 5, 16,4.
[28] CJ, I, 10, 1,2; CJ, I, 5. 10; Nov. Just., 37.
[29] CJ, I, 5, 12,16; Ioan. Ephes., p. 481; CJ, I, 11. 10,2.
[30] CJ, I, 5, 18,3.
[31] CJ, I, 5, 20, 3; 21.
[32] Procop., H. a., XI, 21—23.
[33] Ioan. Malal., p. 423.
[34] Procop., H. a., XI, 23.
[35] Ibidem; Ioan. Ephes., p. 489; Mich. Syr., IX, 33.
[36] Ioan. Malal., p. 423.
[37] CJ, I, 11.
[38] Procop., H. a., XIX, 11.
[39] CJ, I, 10. 11; Nov. Just., 45.
[40] CJ, I, 5. 18; 9. 6. 10, 2.
[41] CJ, I, 5. 17; 18; 19.
[42] Procop., H. a., XI, 24.
[43] См. Procop., H. a., XI, 24—32; idem. De aedef., V, 7; Ioan. Malal., p. 445, 447, 450; Chron. Pasch., I, p. 619—620; Zacharias Rhetor. Historia ecclesiastica, I—II, ed. E. W. Brooks.—CSCO SS, ser. 3, t. V—VI, Parisiis—Lovanii, 1919—1924, IX, 9; Cyrill. Scythop., Vita Sa-

bae, 70, p. 171—173. Theoph., p. 178—179; Michel le Syrien. Chronique, ed. J. B. Chabot, t. I—IV, Paris, 1899—1924, IX, 24, t. II, p. 206.

44 S. Winkler. Die Samariter in den Jahren 529/530.— «Klio», 43—45, 1965, S. 435—457.

45 Ioan. Malal., p. 445—446.

46 Procop., H. a., XI, 27.

47 Procop., H. a., XI, 26. Однако среди восставших самаритян были и знатные лица, например иллюстрий Арсений — самаритянин, приговоренный за участие в восстании к смертной казни, позднее перешедший в православие и потому помилованный (Cyrill. Scythop., Vita Sabae, 70, p. 172—174, 191).

48 Ioan. Malal., p. 446.

49 Ibid., p. 447.

50 Ibid., p. 446—447.

51 Procop., H. a., XI, 28.

52 Ioan. Malal., p. 445—447.

53 Ibidem.

54 Procop., H. a., XI, 29.

55 Ioan. Malal., p. 445; Theoph., p. 139.

56 Procop., H. a., XI, 30.

57 Nov. Just., 45, 129, 144.

58 Ibid., 129.

59 Ioan. Malal., p. 487; Theoph., p. 227.

60 Theophanis Chronographiae, v. I—II, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883—1885, p. 230; Cp. Mich. Syr., IX, 21, t. II, p. 262.

61 Nov. Just., 144. 1.

62 Nov. Just., 37.

63 Pragm. Sant., §1, 3, 8, 17. Agnelli qui et Andreas. Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis.— MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX. Hannoverae, 1878, p. 265—391; см. З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 439 сл.

64 Procop., H. a., XI, 16—20; Nov. Just., 131. 14.

65 CJ, I, 1, 5, 6, 7, 8.

66 Nov. Just., 109, 115. 3, 14; 131. 14, § 1; 132.

67 W. Norden. Das Papsttum und Byzanz. Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Untergange des byzantinischen Reichs (1453). Berlin, 1903; L. M. O. Duchesne. L'Église au VIe siècle. Paris, 1925; E. L. E. Caspar. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft, Bd. II. Tübingen, 1933. F. Cognasso. Relazioni religiose e politiche fra Roma e Bizanzio. Torino, 1947; G. P. Bognetti. I rapporti etico — politici fra Oriente e Occidente dal sec. V al sec. VIII.— «Storia del Medioevo» III, 1955, p. 3—65; P. Classen. Rom und Byzanz von Diokletian bis zu Karl dem Grossen. Stuttgart, 1959; E. Stein. Histoire..., II, p. 369 sq.

68 G. Downey. Justinian's View of Christianity and the Greek Classics.— «Anglican Theological Review», 40, 1958, p. 3—12; D. J. Constantelos. Justinian and the Three Chapters Controversy.— «Greek Orthodox Theological Review», 8, 1961—1963, p. 71—94.

69 Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в., стр. 363—371; O. Bertolini. Roma di fronte a Bizanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941; W. Enßlin. Justinian I. und die Patriarchate Rom und Konstantinopel.— «Symbolae Osloenses», 35, 1959, S. 5—19, 123—127.

70 Procop., H. a., XI, 38.

71 G. Downey. Julian and Justinian and the Unity of Faith and Culture.— «Church History», 28, 1959, p. 339—349.

Глава 13

1 Литературу о димах и факциях см. выше, стр. 492, прим. 8.

2 Procop., H. a., IX, 7; X, 16—18; G. Downey. Constantinople in the Age of Justinian.— Norman, University Oklahoma Press, 1960.

[3] Procop., H. a., VII, 5—6.
[4] Ibid., VII, 8—10.
[5] Ibid., VII, 18.
[6] Ibid., VII, 32—38.
[7-8] Ibid., VII, 24.
[9] Procop., H. a., VII, 2—7; Evagr., Hist. eccles., IV, 32.
[10] G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 66—67.
[11] S. Winkler. Zur Problematik der Volksbewegungen unter Justinian.— «Studii clasice», III, 1961, p. 429—433.
[12] Ioan. Malal., p. 474.
[13] Procop., BP., II, 24; idem. H. a., XII, 12.
[14] Ioan. Malal., p. 473—477.
[15] Joan. Lyd., III, 70—71.
[16] Marcellini Comitis Chronicon.— MGH, AA, t. XI, v. 2, fasc. 1 (далее — Marcell. Comit.), p. 100.
[17] Chronicon Paschale, v. I. Bonnae, 1832 (далее—Chron. Pasch., I), p. 620—629.
[18] Theophanis Chronographiae, v. I—II, ed. C. de Boor, Lipsiae, 3—88. 1885 (далее — Theoph.), p. 181—186.
[19] Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII—XVIII, v. III. Bonnae, 1897 (далее — Ioan. Zonar., III), p. 153—156.
[20] См. о восстании Ника: W. A. Schmidt. Der Aufstand in Constantinopel unter Kaiser Justinian. Zürich, 1854; Κ. Παπαρρηγόπουλος. Ὁ μεσαιώνικος ἑλληνισμὸς καὶ ἡ στάσις τοῦ Νίκα. Ἀθῆναι, 1868; В. К. Надлер. Юстиниан и партии цирка.— ЗХУ, 1876, II, стр. I—V, 1—166; Ῥ. Καλλίγας. Περὶ τῆς στάσεως τοῦ Νίκα. — «Μελέται καὶ λόγοι», 1882; J. B. Bury. The Nika Riot.— JHS, XVII, 1897, p. 92—119; L. Mordtmann. Justinian und der Nika-Aufstand 10/19. Januar 532. — «Mitteilungen des deutschen Exkursionsklubs in Konstantinopel», Heft IV, 1898; Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в., стр. 466 сл.; А. П. Дьяконов. Византийские димы, стр. 209—212; Г. Л. Курбатов. Византия в VI столетии. Л., 1959, стр. 65—78.
[21] Ps.-Zach., IX, 14.
[22] Procop., B. P., I, 24, 13.
[23] Ibid., I, 24, 14.
[24] Ibid., I, 24, 16.
[25] Theoph., p. 181—184; Chron. Pasch., I, p. 620.
[26] Ioan. Malal., p. 473; Theoph., p. 184.
[27] Theoph., p. 184.
[28] Procop., B. P., I, 24, 7—10.
[29] Ioan. Zonar., III, p. 153.
[30] Ioan. Malal., p. 474; Theoph., p. 184.
[31] Theoph., p. 184.
[32] Procop., B. P., I, 24,9.
[33] J. B. Bury. The Nika Riot..., p. 109—118.
[34] Ioan. Lyd., p. 266.
[35] Procop., B. P., I, 24, 8; Chron. Pasch., I, p. 620—621.
[36] Procop., B. P., I, 24, 17—18.
[37] Marcell. Comit., p. 103.
[38] Theoph., p. 184; Chron. Pasch., I, p. 622.
[39] Theoph., p. 185.
[40] Procop., B. P., I, 24, 39; Ioan. Malal, p. 474.
[41] Ioan. Zonar., III, p. 153.
[42] Ibid., p. 153—154.
[43] Chron. Pasch., I, p. 621.
[44] Ibid., I, p. 622.
[45] Ibid., I, p. 623.
[46] Procop., B. P., I, 24, 19—21.
[47] Chron. Pasch., I, p. 623 —624.
[48] Ibid., I, p. 623—624.
[49] Ibidem. Ioan. Malal., p. 475; Ioan. Zonar., III, p. 155.
[50] Procop., B. P., I, 24, 23—24.
[51] Chron. Pasch., I, p. 624.

[52] Procop., B. P., I, 24, 31. Версия невиновности Ипатия вызывала сомнение у позднейших писателей, и уже Зонара пишет, что Ипатий был коронован «частично силой, частично добровольно» (Ioan. Zonar., III, p. 155—156).
[53] Procop., B. P., I, 24, 26—30.
[54] Ioan. Lyd., p. 267.
[55] Procop., B. P., I, 24, 33—37.
[56] Procop., B. P. I, 24—32, 42; Chron. Pasch., I, p. 624—626; Ioan. Malal., p. 475; Marcell. Comit., 103; Zach. Rhet., IX, 14, 189.
[57] Ioan. Zonar., III, p. 156.
[58] Такую цифру приводит Иоанн Малала (Ioan. Malal., p. 476). Прокопий сообщает о том, что в день разгрома восстания на ипподроме погибло народа более 30 тыс. (Procop., B. P., I, 24, 54).
[59] Ioan. Malal., p. 476; Procop., B. P., I, 24, 35—38; Theoph., p. 185.
[60] Theoph., p. 186.
[61] Nov. Just., 63. 1.
[62] Chron. Pasch., I, p. 627; Theoph., p. 186.
[63] Theoph., p. 185—186; Chron. Pasch., I, p. 627—628; Procop., H. a. XII, 12; Marcell. Comit., p. 103.
[64] Nov. Just., 13; Procop., H. a., XX, 12—14.
[65] Ioan. Malal., p. 486.
[66] Ibidem.
[67] Eugippii. Vita Severini, ed. Th. Mommsen. Berlin, 1898, 10, 2; Iordanis Romana et Getica, ed. Th. Mommsen.— MGH Auct. Antiquiss., v. I, 1882 (далее — Iord., Rom. и Iord., Get.), 58, 12—18; Menadr., fr. 35; Theoph., p. 436.
[68] А. Д. Дмитрев. Движение скамаров.— ВВ, V, 1952, стр. 3—14.
[69] Nov. Just., 26, 32.
[70] Nov. Just., 32.
[71] Ibid., 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31.

Глава 14

[1] H. Helbling. Goten und Wandalen Zürich, 1954; Ch. Courtois. Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955.
[2] L. Schmidt. Geschichte der Wandalen. 2. Aufl. München, 1942.
[3] Г. Г. Дилигенский. Аграрные отношения в Вандальском королевстве.— ВВ, XI, 1956, стр. 5—28.
[4] L. M. Chassin. Bélisaire généralissime byzantin. (504—565). Paris, 1957.
[5] Ch. Courtois. Rapports entre Wisigoths et Vandales.— «Settimane dei Studio del Centro Italiano di Studi sull' Alto Medio Evo», III, 1956, p. 449—507.
[6] CJ, I, 27.
[7] Nov. Just., 36; Procop., B. V., II, 14.10.
[8] Nov. Just., 37.
[9] Nov. Just., App. VI, IX.
[10] З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, VI, 1953, стр. 88—112.
[11] Procop., B. V., II, 12.27.
[12] З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, V, 1952, стр. 15—48.
[13] Procop., B. V., II, 14.12.
[14] Procop., B. V., II, 15.4.
[15] Nov. Just., App. IX; З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке..., стр. 106—110.
[16] М. Чураков. Завоевание Северной Африки арабами.— ПС, 3 (66), 1958, стр. 107—126; З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 236—256.

[17] З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 256—275.

[18] З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 321—339; P. Kampfner. Totila, König der Ostgoten.— «Königl. Gymnasium zu Inowrozlaw», Bd. XIX, 1882, S. 1—14; F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. III, S. 319 f.

[19] З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 343—353.

[20] Procop., B. G., III, 16.15; 25—26.

[20a] L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I, Leipzig, 1897, 298—343.

[21] A. Gaudenzi. La battaglia deglo Appennini fra Totila e Narsete.— «Atti e Memorie di Reale Deputatione di Storia Patria di Romagna», III, 2, 1889; F. Martroye. L'Occident a l'époque byzantine. Goths et Vandales. Paris, 1904, p. 527—546; H. Delbrück. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Th. 2. Berlin, 1921, S. 374—386.

[22] J. Haury. Die letzten Ostgoten.—«Blätter für das bayerischen Gymnasialschulwesen», Bd. 51, 1915, S. 18—20; L. Schmidt. Die letzten Ostgoten.— APAW, Philos.-hist. Kl. 1943, № 10.

[23] Ch. Diehl. Études sur l'administration byzantine dans l'Exarchat de Ravenne (568—751). Paris, 1888; L. M. Hartmann. Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien, 540—750. Leipzig, 1889.

[24] L. M. Hartmann. Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter . Analekten. Gotha, 1904, S. 1—41; G. Luzzatto. Storia economica d'Italia, Vol. I. Roma, 1949, p. 131—150.

[25] З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания.— «Вестник МГУ», № 3, 1958, стр. 21—57; ее же. Италия и Византия в VI в., стр. 439—522; ее же. Рабство и колонат в византийской Италии во второй половине VI—VII в. (преимущественно по данным Равеннских папирусов).— «Византийские очерки». М., 1961, стр. 93—120.

[26] B. Rubin. Programm und Wirklichkeit der Wiedervereinigung der Mittelmeerwelt.— «Ostdeutsche Wissenschaft», 7, 1960, S. 23—30.

[27] А. Р. Корсунский. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании в VI—VII вв.— ВВ, XII, 1957, стр. 31—45; его же. О развитии феодальных отношений в готской Испании V—VII вв.— СВ, X, 1957, стр. 25—57; XV, 1959, стр. 3—30; XIX, 1961, стр. 32—52; 23, 1963, стр. 3—19.

[28] P. Goubert. Byzance et l'Espagne wisigothique (554—711) — REB, 2, 1944, p. 5—78; Fr. Görres. Die byzantinischen Besitzungen an den Küsten des spanisch-westgotischen Reiches (554—624).— BZ, 16, 1907, S. 515—538.

[29] А. Р. Корсунский. Города Испании в период становления феодальных отношений (V—VII вв.).— «Социально-экономические проблемы истории Испании». М., 1965, стр. 3—63.

[30] P. Goubert. L'administration de l'Espagne byzantine.— REB, 3, 1945, p. 127—142.

[31] P. Goubert. L'Espagne byzantine. Administration de l'Espagne byzantine. Influences byzantines religieuses et politiques sur l'Espagne wisigothique.— REB, 4, 1946, p. 71—134.

[32] А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. Изд-во МГУ, 1963, стр. 1—184.

[33] Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946, стр. 84—112, 206—248.

[34] Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 32—130.

[35] Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 109—277.

[36] Ю. А. Солодухо. К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э.— УЗ ИВ, т. XIV, 1956, стр. 31—90.

[37] Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 184—211.

[38] Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.). Изд. 2-е. Ереван, 1954, стр. 86—188.

[39] Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петру-

шевский, Л. В. Строева, Я. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958, стр. 36—75.

[40] Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964 (литература: стр. 313—328); Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, стр. 25—84.

[41] Н. В. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам.— «Труды второй сессии Ассоциации арабистов». М.—Л., 1941, стр. 49—70; ее же. Греческие и сирийские источники по истории северных арабских племен IV—VI вв.— КСИНА, XLVII, 1961, стр. 64—70.

[42] А. Г. Лундин. Южная Аравия в VI веке.— ПС, 8 (71), 1961; Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964.

[43] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес.— МИА, № 63, 1959, стр. 21—35, 250—260, 266—306.

[44] Литературу о Крыме см. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. Советское византиноведение в 1955—1960 гг.— ВВ, XXII, 1963, стр. 33.

Глава 15

[1] Procop., B. G., III, 14. Ср. Strateg., XI, 5. Наряду с обычным у византийских писателей этого времени наименованием славян антами и склавинами, Иордан называет их также венедами, поясняя, что «хотя их (венедов.— *Ред.*) наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавинами и антами» (Iord., Get., § 34; ср. § 119). В этой замене древнего, собирательного для всех славянских племен названия новыми отразился, несомненно, процесс расселения славян к Дунаю, где их южные ветви стали известны под именем склавинов и антов. Со временем склавины, составившие основу южного славянства, передали свое название всем остальным славянским племенам. Об этнонимах «склавины» и «славины» см.: F. Dölger. Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im 10. Jahrhundert. — SBAW, Phil.-hist. Kl., 1952, H. 1, S. 19, 23 u. a.; И. А. Голубцов. О термине «склавины».— Сб. статей к 70-летию ак. М. Н. Тихомирова, стр. 47—48.

[2] По вопросу о западной границе распространения склавинов, в связи с различной трактовкой местонахождения Мурсианского озера и города Новиетуна, указываемых Иорданом в качестве крайнего западного предела земель склавинов (Iord., Get., § 35), учеными высказывались различные мнения. См. Е. Ч. Скржинская. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне.— ВВ, XII, 1957, стр. 3 сл.

[3] Iord., Get., § 35. Ср. Procop., B. G., IV, 4. Обстоятельный критический комментарий к показаниям этих источников в последнее время дан Е. Ч. Скржинской (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 218—220).

[4] Procop., B. G., III, 14. Ср. Ps.-Caes., 110; Strateg., XI, 5.

[5] Procop., B. G., III, 29, 38; IV, 25 и т. д. После определенного срока раб мог вернуться за известный выкуп на родину или остаться у славян на правах свободного человека (Strateg., XI, 5).

[6] Известно, например (Procop., B. G., I, 27), что в 537 г. конные отряды склавинов и антов успешно использовались Велисарием во время осады Рима Витигисом. См. также Procop., B. G., II, 26; III, 22; Agath., Hist., III, 6, 7, 21; IV, 20 и т. д.

[7] Marcell. Comit., ad a. 517. Во всяком случае, славяне, по-видимому, принимали в этом походе участие: византийский историк VII в. Феофилакт Симокатта прямо указывает, что славян в более древнее время именовали гетами, ошибочно присваивая славянам это название древних фракийцев, живших по левобережью Дуная, заселенному к этому времени славянскими племенами (Theoph. Simocat., VII, 2, 5; III, 4, 7).

[8] Procop., B. G., III, 40. Прокопий называет здесь именно Юстина, а не Юстиниана; ошибка вкралась в текст после неоправданного исправления этого места первым издателем сочинения Прокопия. См. L. Niederle. Slovanské starožitnosti, II, 1. Prag, 1906, str. 191—193.

[9] P r o c o p., H. a., XVIII, 20.

[10] I o r d., Rom., § 338; ср. также I o r d., Get., § 119.

[11] P r o c o p., B. G., III, 14.

[12] Ibidem.

[13] Nov. Just., 26, 1; ср. P r o c o p., De aedif., IV, 1.

[14] P r o c o p., B. G., III, 29. Ср. i d e m. De aedif., IV, 1; IV, 8, где Прокопий в угоду прославляемому им в этом труде Юстиниану утверждает, что в отстроенных укреплениях император поставил «огромное количество военных гарнизонов».

[15] P s.-D i o n y s. (I o a n. E p h e s.), t. II. Paris, 1933, p. 90. Ср. M i c h. S y r. (I o a n. E p h e s.), IX, 33.

[16] См. ниже, стр. 347.

[17] P r o c o p., B. G., III, 29.

[18] Ibid., III, 38.

[19] Ibidem.

[20] Славянское нашествие летом 550 г. было настолько грозным, что, как пишет Прокопий (P r o c o p., B. G., III, 40), «многие подозревали, что Тотила, подкупив варваров крупными денежными суммами, направил их на римлян с тем, чтобы императору невозможно было хорошо организовать войну против готов, будучи связанным борьбой с этими варварами».

[21] P r o c o p., B. G., III, 40.

[22] О нападении на Константинополь в 559 г. обстоятельно рассказывает Агафий (A g a t h., Hist., V, 12—15), который, однако, не упоминает об участии в нем славян. Но совершенно независимые друг от друга свидетельства Малалы (I o a n. M a l a l., p. 490) и Феофана (T h e o p h., p. 233—234) не оставляют сомнения, что славяне участвовали в этом нападении.

[23] P r o c o p., B. G., IV, 25.

[24] P r o c o p., De aedif., IV, 14, 11; IV, 7 13; IV, 7, 17.

[25] Nov. Just., 148, praef. Показательно, что даже для защиты Константинополя от гуннов-кутригуров и славян в 559 г. Велисарий смог собрать войско, в котором находилось всего лишь около 300 опытных воинов; остальная его часть была укомплектована из горожан и укрывавшихся в столице от врага крестьян.

[26] В начале VI в. в Северном Иллирике имелись вовсе «необработанные и лишенные каких-либо земледельцев» местности (I o r d., Get., § 301). Вождь гуннов-кутригуров Заберган, перейдя в 559 г. Дунай в районе Мезии, также «нашел тамошние местности лишенными обитателей» (A g a t h., Hist., V, 12).

[27] P r o c o p., H. a., XXIII, 6.

[28] M i c h. S y r. (I o a n. E p h e s.), X, 21.

[29–30] См. выше, стр. 315.

[31] См. выше, стр. 296.

[32] M e n a n d r., fr. 6.

[33] Ibidem.

[34] I o h a n n i s abbatis Biclarensis Chronica.— MGH, AA, t. XI, Chron. min., 2, p. 214, 215. По-видимому, вместо «Паннонии» (Pannonia) здесь следует читать «Пелопоннеса». См. K. Z e u s s. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, S. 625.

[35] E v a g r., Hist. eccles., VI, 10. О датировке этого похода и о термине «Эллада» см. «Византиски извори», стр. 100, прим. 4 и стр. 101, прим. 6.

[36] M e n a n d r., fr. 63; T h e o p h. S i m o c a t., VI, 1, 4.

[37] T h e o p h. S i m o c a t., VIII, 3,15. По свидетельству Менандра (fr. 18, 43), авары двинулись из закаспийских степей к границам империи всего лишь в количестве 20 тыс. человек. Иоанн Эфесский также отмечает (I o a n. E p h e s., VI, 24), что авары «особенно умножились и усилились от многих северных народов, которых они подчинили и завоевали», т. е., в первую очередь, за счет славянских племен. Ср. сообщение Михаила Сирийца [M i c h. S y r. (I o a n. E p h e s.), X, 18] о том, что в подчинении у аварского хакана находились «западный народ склавинов» (т. е. паннонские славяне) и лангобарды.

[38] M e n a n d r., fr. 48.

[39] Ibid., fr. 47, 48. О дате этого похода среди ученых нет единого мнения. Наряду с 577—578 гг. называется и 581 г. Последняя дата едва ли, однако, может быть принята, так как это вторжение славян, по вполне определенному указанию Менандра, имело место «на четвертом году царствования Тиберия кесаря»,

т. е. в 578 г. (Юстин II передал Тиберию управление государством в качестве кесаря в 574 г.). Свидетельство же Иоанна Эфесского (VI, 25) относится к событиям не 578 г., а 581 г. (см. А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв.—ВДИ, 1946, № 1, стр. 32, 33).

[40] Menandr., fr. 50.

[41] Ibid., fr. 65. Известно также, что когда аварское посольство возвращалось после этих переговоров из Константинополя, в Иллирике на него напали славянские отряды.

[42] 895 г. по сирийскому исчислению соответствует 583—584 гг. н. э.

[43] Ioan. Ephes., VI, 25.

[44] S. Demetrii Martyris Acta. Miracula.— PG, t. 116, col. 1277.

[45] См. Theoph. Simocat., VI, 6, 14; VI, 11, 6.

[46] О сохранении нижнедунайскими славянами независимости убедительно свидетельствует и тот факт, что в договоре, заключенном в 600 г. между Византией и аварами, особо указывалось, что в случае войны против славян византийские войска могут свободно переходить Дунай (Theoph. Simocat., VII, 15, 14).

[46a] См. P. Lemerle. La chronique improprement dite de Monemvasie: le contexte historique et légendaire.— REB, XXI, 1963, p. 33.

[47] Theoph. Simocat., VI, 10, 2.

[48] Ibid., VII, 2, 2.

[49] Ibid., VII, 2, 15.

[50] Ibid., VIII, 5, 13.

[51] Ibid., VIII, 6, 2.

[52] Ibid., VI, 6, 1.

[53] Strateg., XI, 5.

[54] См. выше, стр. 340.

[55] Procop., B. G., IV, 4.

[56] S. Demetrii Martyris Acta. Miracula. — PG, t. 116, col. 1325.

[57] Ibidem. Как сообщают «Чудеса св. Димитрия», позднее (в 630 г.), во время землетрясения в Фессалонике, «славянский народ, который жил поблизости», снова предпринял попытку проникнуть в город.

[58] S. Demetrii Martyris Acta. Miracula.— PG, t. 116, col. 1336—1337.

[59] Gregorii Magni Registri epistolarum.— PL, t. 77, col. 1092. О вторжениях славян в Истрию в конце VI — начале VII в. см. также: Pauli Historia Langobardorum, IV, 24, 39, 40.— MGH. Scriptores rerum langobardicarum et italicarum saec. VI—IX. Hannoverae, 1878.

[60] Isidori Hispalensis episcopi Chronicon.— PL, t. 83, col. 1056.

[61] J. P. N. Land. Anecdota syriaca, t. I. Lugduni Batavorum, 1862, p. 115.

[62] Pauli Historia Langobardorum, IV, 44.

[63] M. Vasmer. Die Slaven in Griechenland.— APAW, Philol.-hist. Kl., 1941, № 12.

[64] A. Bon. Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951, p. 64.

[65] P. Lemerle. Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945, p. 115—116.

[66] Const. Porphyr. De thematibus II, 6.—CSHB, I, p. 53.

[67] D. Georgakas. Beiträge zur Deutung als slavisch erklärter Ortsnamen.— BZ, 41, 1941, S. 374—376.

[68] P. Lemerle. Philippes et la Macédoine orientale, p. 117. Cf. A. Bon. Le Péloponnèse byzantine, p. 29, n. 1.

[69] F. Dölger. Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im 10. Jahrhundert.

[70] Помимо археологических находок в славянских землях, где рядом с жилищами были обнаружены зерновые ямы-погреба, обугленные зерна злаков, земледельческие орудия, о земледельческом образе жизни славян говорят и византийские писатели. Псевдо-Маврикий сообщает, что у славян было много «плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы» (Strateg., XI, 5). Ф. Баришич и Б. Крекич, комментируя это свидетельство, считают более правильным видеть в ἔλυμος не пшеницу, а гречиху («Византиски извори», стр. 131, прим. 7). Ср. Menandr., fr. 50.

[1] См. об этом: M. J. Higgins. The Persian War of the Emperor Maurice (582—602)). Part I. The Chronology, with a Brief History of the Persian Calendar. Washington, 1939; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран..., стр. 94—113; Theoph. Simocat., IV, 1—27; P. Goubert. Byzance avant l'Islam. I. Byzance et l'Orient sous les successeurs de Justinien. L'empereur Maurice. Paris, 1951, p. 167—190.

[2] K. Groh. Geschichte des oströmischen Kaisers Justin II. nebst den Quellen. Leipzig, 1889; E. Stein. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II. und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919, S. 1—116.

[3] E. Stein. Des Tiberius Constantinus Novelle Περὶ ἐπιβολῆς und der Edictus domini Chilperici regis.— «Klio», 16, 1919, S. 72—74; В. Е. Вальденберг. Речь Юстина II к Тиберию.— ИАН СССР, ОГН, сер. 7, 1928, № 2, стр. 111—140; его же. Речь Юстина II в древнерусской литературе.— ДАН СССР, 1930, сер. В, № 7, стр. 121—127.

[4] O. Adamek. Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Kaisers Mauricius (582—602). Graz, 1890; M. Carsow. L'empereur byzantin Maurice.— JS, 1956, p. 107—127; F. Thiess. Die griechischen Kaiser. Die Geburt Europas. Wien, 1959, S. 208—323.

[5] См. J. Bury. History of the Later Roman Empire, vol. II. London, 1889, p. 94, n. 2.

[6] Fr. Görres. Die byzantinische Abstammung der spanischen Westgotenkönige Erwich und Witiza, sowie die Beziehungen des Kaisers Maurikios zur germanischen Welt. — BZ, 19, 1910, S. 430—439; M. J. Higgins. International Relations at the Close of the Sixth Century. — «The Catholic Historical Review», XXVII, 1941, p. 279—315; P. Goubert. Politique mediterraneenne des successeurs de Justinien.— «Relazioni», VII, 1955, p. 169—173.

[7] Theoph. Simocat., VIII, 13. 17. См. об этом: Ю. А. Кулаковский. История Византии, II. Киев, 1912, стр. 420 сл.

[8] Theoph. Simocat., VIII, 13.17.

[9] Y. Janssens. Les Bleus et les Verts sous Maurice, Phocas et Héraclius.— Byz., XI, 1936, p. 499—536. Остается спорным, какую из партий — прасинов или венетов—поддерживал Маврикий. См. H. Grégoire. L'empereur Maurice s'appuyait-il sur les Verts ou sur les Bleus?—«Annales de l'Institut Kondakov» (Seminarium Kondakovianum) X. Mélanges A. A. Vasiliev». Praha, 1938, p. 107—111; A. Maricq. La durée du régime des partis populaires à Constantinople.— «Académie Royale de Belgique. Bulletin de la classe lettres et des sciences morales et politiques», V serie, t. XXXV, 1949, p. 63—74.

[10] Н. В. Пигулевская. Византия и Иран..., стр. 114—175.

[11] А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв.— ВС. М.—Л., 1945, стр. 144—227.

[12] Theoph. Simocat., VIII, 4.11—13; 5.1—4.

[13] P. Goubert. Les guerres sur le Danube à la fin du VI-e siècle d'après Ménandre le Protecteur et Théophylacte Simocatta.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études Byzantines», II. Beograd, 1964, p. 115—124.

[14] Theoph. Simocat., VII, 1.1—6.

[15] Ibid., VI, 7.6—7.

[16] Ibid., VIII, 7.7.

[17] Ibid., VIII, 7.7—11; 8.1—15; 9.1—16, 10.1—13; 11.1—12; 12.1.4; Kraitschek. Der Sturz des Kaisers Maurikios.— «Bericht über das VI. Vereinsjahr des Akademischen Vereins deutscher Historike in Wien». Wien, 1896, S. 81—137.

[18] R. Spintler. De Phoca imperatore Romanorum dissertatio historica. Jena, 1905; Ю. А. Кулаковский. Император Фока.— УИ, год LIV, № 1. Киев, 1914, стр. 1—21; P. Goubert. Causes et conséquences de la révolution de 602. — «Actes du X. Congrès International d'Études Byzantines». Istanbul, 1957, p. 216—218.

[19] L. Pareti. Verdi e azzurri ai tempi di Foca e due iscrizioni inedite di Oxyrhynchos.— «Studi Italiani di filologia classica», 19, 1912, p. 305—315.

[20] Miracula S. Demetrii.— AASS, oct. 8, IV, 132; PG, t. 116, col. 1081—1426.

[21] См. Ю. Кулаковский. К критике известий Феофана о последнем годе правления Фоки.— ВВ, XXI, 1914, стр. 1—14.

[22] Вопрос о масштабах славянской колонизации вызывал в литературе длительные споры. См. G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 79—129.

[23] G. Ostrogorsky. History..., p. 83—98.

[24] E. Darkó. Die militärischen Reformen des Kaisers Herakleios.— ИБАИ, IX, 1935, p. 110—116; idem. Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins.— Byz., X, 1935, p. 443—469; XII, 1937, p. 119—147; idem. Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'Empire romain aux premiers siècles du moyen âge.— Byz., XVIII, 1948, p. 85—97.

[25] Georg. Pisid., Exped. Pers., II, 357.

[26] G. Ostrogorsky. History..., p. 83—98.

[27] Вопрос о времени образования фем и преобразования финансового ведомства до сих пор остается спорным. Г. А. Острогорский датирует начало этих реформ временем правления Ираклия (G. Ostrogorsky. History..., p. 83—99). Другие ученые относят их к концу VII в. (A. Pertusi. La formation des thèmes Byzantins.— «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongreß». München, 1958, S. 1—40; J. Karayannopulos. Über die vermeintliche Reformtätigkeit des Kaisers Herakleios.— JÖBG, X, 1961, S. 53—72).

[28] О монофелитстве см.: В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. IV. Пг., 1918, стр. 438—506; G. Owsepian. Die Entstehungsgeschichte des Monotheletismus nach ihren Quellen geprüft und dergestellt. Leipzig, 1897; V. Grumel. Recherches sur l'histoire du monothélisme. — EO, XXVII, 1928, p. 6—16, 258—277, XXVIII, 1929, p. 19—34, 272—282; XXIX,1930, p. 16—28; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 292—295.

[29] См. J. H. Kent. A Byzantine statue base at Corinth.— «Speculum», v. XXV, 1950, p. 544—546.

[30] О роли синклита см. Ch. Diehl. Le Sénat et le Peuple Byzantin aux VII-e et VIII-e siècles.— Byz., I, 1924, p. 201—213.

[31] C. Zenghelis. Le Feu Grégeois et les armes à feu des Byzantins.— Byz., VII, 1932, p. 265—286.

[32] P. Lemerle. Invasions et migrations dans les Balkans dépuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIIIe siècle.— RH, 211, 1954, p. 265—308; «История Болгарии», т. 1, под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, Л. Б. Валева. М., 1954, стр. 47—68.

[33] О дате этого похода см. G. Ostrogorsky. Die Chronologie des Theophanes im VII. und VIII. Jahrhunderts.— BNJb, 7, 1930, S. 1—56.

[34] Theoph., p. 359. 21.

[35] Иначе см. Г. Фехер. Аваро-византийские сношения и основание Болгарской державы.— AAASH, V, 1954, p. 54—59.

[36] P. Charanis. Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century.— DOP, XIII, 1959, p. 23—44.

Глава 17

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 495.

[2] О византийской науке см. G. Sarton. Introduction to the History of Science, v. I. Baltimore, 1927, p. 344—502.

[3] А. П. Юшкевич. История математики в средние века. М., 1961, стр. 12.

[4] См. выше, стр. 486, прим. 190.

[5] См. выше, стр. 57—58.

[6] W. Wolska. La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustès. Théologie et Science au VIe siècle. Paris, 1962.

[7] Ibid., p. 161.

[8] Е. К. Редин. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам, ч. 1. М., 1916; его же. Портрет Козьмы Индикопло-

ва в русских лицевых списках его сочинения.— ВВ, XII, 1906, стр. 112—131.

[9] См. выше, стр. 57.

[10] Н. В. Пигулевская. Сирийская алхимическая литература средневековья. — «Труды Института истории науки и техники», сер. I, вып. 9, 1936, стр. 331.

[11] См., например, F. Lüdy. Alchemistische und chemische Zeichen. Berlin. 1928.

[12] H.-W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart. 1959, S. 168—169, 267.

[13] С. Ковнер. История средневековой медицины, вып. 1. Киев, 1893, стр. 22—164.

[14] З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 3—45.

[15] В средние века ни в Западной Европе, ни в Византии не было того разделения высшей и средней школы, которое привычно нам. Начальные школы, как правило, были частными, тогда как высшие находились под надзором и покровительством местных городских властей или самого императора.

[16] См. Т. С. Skeat. The Use of Dictation in Ancient Book-Production.— «Proceedings of the British Academy», XLII, 1956, p. 179—208.

[17] Fr. Schulz. History of Roman Legal Science. Oxford, 1946, p. 273—274.

[18] См. выше.

[19] F. Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter.— BA, Heft 8. Leipzig — Berlin, 1926, S. 4.

[20] Об этом учебном заведении см.: P. Collinet. Histoire de l'École de droit de Beyrouth. Études historiques sur le droit de Justinien, t. II. Paris, 1925. См. также E. Levy. Oströmisches Vulgarrecht nach dem Zerfall des Westreiches.— ZSSR, 77, RA, 1960, S. 1—15.

[21] О нем см. Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 338—349.

Глава 18

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 129.

[2] O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Darmstadt, 1956, S. 44.

[3] О жизни и деятельности Ипатии см. W. A. Meyer. Hypatia von Alexandria. Ein Beitrag zur Geschichte der Neuplatonismus. Heidelberg, 1886.

[4] См. следующие издания основных произведений Прокла: «Элементы теологии», «О теологии Платона», ряд произведений о Провидении: Procli philosophi platonici Opera inedita, ed. V. Cousin, Paris, 1864; La Teologia platonica. A cura di E. Turolla. Laterza, 1957; Procli Diadochi Tria Opuscula, ed. H. Boese. Berolini, 1960.

[5] Подробное исследование о жизни и философии Прокла см. L. J. Rosán. The Philosophy of Proclus. New York, 1949.

[6] Подробно об этом учении см. L. H. Grondijs. L'Âme, le Nous et les hénades dans la théologie de Proclus.— «Mededelingen der koninklijke nederlandse akademie van wetenschappen, afd. letterkunde, nieuwe reeks», deel 23, № 2. Amsterdam, 1960.

[7] См. об этих философах E. Zeller. Die Philosophie der Griechen. T. III, Bd. 2, 5. Aufl. Berlin, 1923.

[8] О философии Синесия см. V. Valdenberg. La philosophie byzantine aux IV—V siècles.— Byz., IV, 1929, p. 239, sq.; C. Lacombrade. Synésios de Cyrène, Hellène et Chrétien. Paris, 1951; H.-I. Marrou. Synesius of Cyrene and Alexandrian Neoplatonism.—«The Conflict between Paganism and Christianity in the fourth century». Essays edited by A. Momigliano. Oxford, 1963. Новейшие издания: S. Nicolosi. Il De providentia di Sinesio di Cirene. Studio critico e traduzione. Padova, 1959; Synesios von Kyrene. Dion Chrysostomos oder vom Leben nach seinem Vorbild, ed. K. Treu. Berlin, 1959.

[9] Эти взгляды получили свое выражение в речи «О царстве». Русск. перев.—

М. В. Левченко (ВВ, VI, 1953, стр. 327 сл.). См. также М. В. Левченко. Синесий в Константинополе и его речь «О царстве».— УЗ ЛГУ, № 130, вып. 18, 1951 и рецензию М. Я. Сюзюмова — ВВ, IV, стр. 279 сл.

[10] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 280.

[11] Издание произведений—PG, t. 5; см. также Denys l'Aréopagite. La Hiérarchie Céleste. Introduction par R. Roques, étude et texte critique par G. Hell, traduction et notes par M. de Gandillac. Paris, 1958. Неоднократно высказывались различные гипотезы относительно автора произведений, приписываемых Дионисию Ареопагиту. В последнее время Ш. И. Нуцубидзе высказал предположение, что автором указанных произведений был Петр Ивер (Ш. И. Нуцубидзе. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942; его же. Петр Ивер и проблемы ареопагитики. Тбилиси, 1957; его же. Петр Ивер и античное философское наследство. Тбилиси, 1963). К предположению Нуцубидзе присоединился и Э. Хонигман (E. Honigmann. Pierre d'Ibérien et les écrits du Pseudo-Denys l'Aréopagite. Bruxelles, 1952). Мнение Ш. И. Нуцубидзе и Э. Хонигмана оспаривают С. И. Данелиа (С. И. Данелиа. К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопагита.— ВВ, VIII, 1956), а также Ж. М. Орню (J.-M. Hornus. Les recherches Dionysiennes de 1955 à 1960. Paris, 1960).

[12] О философских воззрениях Псевдо-Дионисия Ареопагита см. H. Koch. Pseudo-Dionysius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neuplatonismus und Mysterienwesen. Meinz, 1900; V. Valdenberg. La philosophie byzantine aux IV—V siècles, p. 247 sq.; G. Thére. Études dionysiennes.— «Études de Philosophie médiévale», XVI—XIX, 1932—1937; B. Tatakis. La Philosophie byzantine. Paris, 1949; R. Roques. L'Univers dionysien. Structure hiérarchique du monde selon le Pseudo-Denys. — «Théologie. Études publies sous la direction de la Faculté de Théologie S. J. de Lyon-Fourvière», 29, 1954.

Глава 19

[1] Основное пособие по истории византийской литературы: K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur [2]. München, 1897 — начинается лишь с VI в. О более раннем периоде см. F. A. Wright. A History of Later Greek Literature. New York, 1932, p. 327—408. На русском языке очерка литературы этого времени нет, но есть ряд хрестоматий: «Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II—V веков». М., 1964; «Памятники поздней античной научно-художественной литературы II—V веков». М., 1964; «Памятники поздней античной поэзии и прозы II—V веков». М., 1964. Ср. также: С. И. Радциг. История древнегреческой литературы [2]. М., 1959, стр. 530—556.

[2] См. о нем выше, стр. 43 и сл.

[3] См. о нем: A. Vööbus. Literary, Critical and Historical Studies in Ephrem the Syrian. Stockholm, 1958.

[4] См. о нем выше, стр. 53 и сл.

[5] См. выше, стр. 484, прим. 155.

[6] Либаний. Моя жизнь, или о моей судьбе. Перевод М. Грабарь-Пассек.— «Поздняя греческая проза». М., 1960, стр. 581—587.

[7] Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, т. II.— «Русский паломник», 1912. Приложение, стр. 434.

[8] Фемистий. Валенту о вероисповеданиях. Перевод А. Егунова.— «Поздняя греческая проза», стр. 632.

[9] Гимерий. Эпиталамий Северу. Перевод С. В. Поляковой.— «Поздняя греческая проза», стр. 609.

[10] Юлиан. Против христиан. Перевод Ю. Шульца.— «Поздняя греческая проза», стр. 649.

[11] См. о них выше, стр. 53 и сл.

[12] О поэзии Григория см. A. Salvatore. Tradizione e originalità negli epigrammi di Gregorio Nazianzeno. Napoli, 1960. Переводы — там, где это не оговорено особо,— принадлежат С. С. Аверинцеву.

[13] См. J. D a n i é l o u. Le symbole de la caverne chez Grégoire de Nysse.— «Jahrb. f. Antike und Christentum», Erg.-Bd. 1, 1964.

[14] См. о нем выше, стр. 53—54.

[15] См. о нем: Г. Л. К у р б а т о в. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста.— «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», II, 1958, стр. 80—106. Ср. также St. V e r o s t a. Johannes Chrysostomus, Staatsphilosoph und Geschichtstheologe. Graz, Wien, Köln, 1960.

[16] См. о нем выше, стр. 53.

[17] См. K. T r e u. Synesios von Kyrene. Ein Kommentar zu seinem «Dion», Berlin, 1958.

[18] N o n n i P a n o p o l i t a n i Dionysiaca, rec. R. Keydell. I—II, Berlin, 1959. Ср. P. C o l l a r t. Nonnos de Panopolis. Le Caire, 1930.

[19] Русск. перев. стихотворений Паллада: Ю. Ф. Ш у л ь ц. Паллад Александрийский. Эпиграммы.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 259—289 (далее Паллад цитируется в переводе Ю. Шульца). См. о нем: И. И р м ш е р. Паллад.— ВВ, XI, 1956, стр. 247—270.

[20] См. о них выше, стр. 22 и сл., 29 и сл.

[21] Основные издания: Sancti Romani Melodi Cantica christiana genuina, ed. P. Maas and C. A. Trypanis. Oxford, 1963; Romanos le Mélode. Hymnes, éd. J. Grosdidier de Matons, vol. I—II. Paris, 1964—1965. См. о нем: А. В а с и л ь е в. Время жизни Романа Сладкопевца.— ВВ, VIII, 1901, стр. 435—478, K. K r u m b a c h e r. Romanos und Kyriakos. München, 1901.

[22] См. об этой легенде L. A. P a t o n. A Note on the Vision of Romanos.— «Speculum», v. VII, 1932, p. 553—555.

[23] См. выше, стр. 47 и сл.

[24] См. о нем: S. R a b o i s - B o u s q u e t et S. S a l a v i l l e. Jean Saint Climaque, sa vie et son oeuvre.— EO, 26, 1923, p. 440—454.

[25] K y r i l l o s von Skythopolis. Vita Sabae, ed E. Schwartz. Leipzig, 1939, S. 409.

[26] Н. В. П и г у л е в с к а я. Византийские историки об арабах V в.— ПС, 7(70), 1962, стр. 89—95.

[27] G i o r g i o d i P i s i d i a. Poemi. Edizione critica. Traduzione e commento a cura di A. Pertusi, I. Ettal, 1960. Ср. A. P e r t u s i. I poemi di Giorgio di Pisidia fonti per la storia del secolo VII.— «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten Kongresses». München, 1960, S. 450—451.

[28] См. N. H. B a y n e s. The «Pratum Spirituale».— Or. Chr. Per., 13, 1947, p. 404—414; E. M i o n i. Il Pratum Spirituale di Giovanni Mosco.— Or. Chr. Per., 17, 1951, p. 61—94. Ш. И. Нуцубидзе (К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф».— ВВ, XVII, 1960, стр. 255 и сл.) считает Мосха грузином и датирует его смерть 634 г.

[29] См. L. R y d é n. Das Leben des heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis. Uppsala, 1963.

Глава 20

[1] В. Н. Л а з а р е в. История византийской живописи, т. 1, М., 1947, стр. 55—56.

[2] CJ, VIII, 12. При строительстве домов и дворцов в богатых кварталах предписывалось соблюдать правило, охранявшее достоинства существовавших ранее зданий; запрещалось заслонять открывавшийся из них вид на море.

[3] Слишком низкие колонны, взятые из старых зданий, нередко повышались до требуемого уровня с помощью ничем не замаскированных подставок, кусков колонн и т. п.

[4] Ср. перечень сохранившихся базиликальных зданий: Ђ. Б о ш к о в и ћ. Архитектура средњег века. Београд, 1962, стр. 17—18.

[5] Н. И. Б р у н о в. Очерки по истории архитектуры, т. II. М.—Л., 1935, стр. 477.

[6] Этой же цели служил и другой прием — использование в верхних ярусах колонн меньшей высоты, чем в нижнем.

[7] A. van Millingen. Byzantine Churches in Constantinople. London, 1912, p. 35—62.

[8] Перенесла пожар в 1917 г. В настоящее время реставрирована.

[9] Ср. O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst, I. Berlin, 1914, S. 245 f.

[10] Ср. Н. Мавродинов. Византийската архитектура. София, 1955, стр. 59.

[11] Особенно трудно было добиться удачного решения при построении купола сферической формы с небольшой вертикальной осью.

[12] Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, I.Paris, 1925, p. 97.

[13] Н. Мавродинов. Византийската архитектура, стр. 88.

[14] Значительно легче было возвести высокий эллиптический купол в церкви Георгия в Эзре (515 г.), где восьмигранное основание купола с помощью угловых плит было переведено в тридцатидвухгранник.

[15] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 36—37.

[16] Там же, стр. 39.

[17] «The Great Palace of the Byzantine Emperors». Second Report, ed. by D. T. Rice. Edinburgh, 1958, p. 121—160.

[18] Некоторые исследователи предполагают, что здание, украшенное в настоящее время снаружи лишь слепыми аркадами, было первоначально облицовано мрамором.

[19] Современный пол мавзолея поднят на пять футов. Прежде здание было выше.

[20] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 49. Бовини, однако, высказал предположение, что художники, создавшие мозаики, прибыли вместе с императорским двором из Милана при перенесении столицы в Равенну.

[21] Остатки первоначального пола найдены на глубине, превышающей три метра.

[22] На колоннах дворца Теодориха видны руки — остатки уничтоженных изображений Теодориха и его свиты; среди фигур мучениц сохранилось изображение собаки и т. д.

[23] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 58—59.

[24] Там же, стр. 49.

[25] Мозаики церкви Успения в Никее, построенной, по всей вероятности, в VII в., по-видимому, не сохранились в своем первоначальном виде; они будут рассмотрены далее, в разделе, посвященном искусству VII—IX вв.

[26] Eine Alexandrinische Weltchronik, Text und Miniaturen eines griechischen Papyrus der Sammlung W. Goleniščev, herausgegeben und erklärt von A. Bauer und J. Strzygowski («Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.— hist. Klasse». Bd. LI). Wien, 1905.

[27] O. M. Dalton. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, p. 440 sq.

[28] H. Gerstinger. Die griechische Buchmalerei. Wien, 1926, S. 13—14. Tafel II—VII; P. Buberl. Die byzantinischen Handschriften, I, Leipzig, 1937.

[29] Procop., H. a., VII, 14.

[30] Синезий Киренский. О царстве. Перевод и предисловие М. В. Левченко.— ВВ, VI, 1953, стр. 346.

[31] Theoph. Simocat., I, 10,6.

[32] PG, t. 48, col. 584.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник.
ВДИ — Вестник древней истории.
Вестник ЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета.
ВС — Византийский сборник.
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР.
ЗАН — Записки императорской Академии наук.
ЗРВИ — Зборник Радова Византолошког Института. Београд.
ЗХУ — Записки императорского Харьковского университета.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИА — Исторический архив АН СССР.
ИАН СССР ОГН — Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук.
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт.
ИБИД — Известия на Българското историческо дружество.
ИИБИ — Известия на Институт за българска история.
ИП — Исторически преглед.
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии.
ЛИФОНУ ВСО — Летопись Историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. Византийско-славянское отделение.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МКВ — Международный конгресс востоковедов.
ПС — Палестинский сборник.
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности АН.
СЭ — Советская этнография.
УЗ ГГУ — Ученые записки Горьковского государственного университета.

УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
УЗ ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета.
УЗ СПИ — Ученые записки Свердловского педагогического института.
УЗ УГУ — Ученые записки Уральского государственного университета.
УИ — Университетские известия. Киев.
AAnASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AAASH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AASS — Acta Sanctorum Bollandiana.
ABAW — Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften.
AUSB Sec. Hist.— Annales Universitatis Scientiarum Budapestianensis. Sectio Historica.
BA — Byzantinisches Archiv.
BGU — Aegyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen zu Berlin.
BNJb — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher.
Byz.— Byzantion.
BZ — Byzantinische Zeitschrift.
CAH — The Cambridge Ancient History.
CJ — Codex Justinianus.
CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum.
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
CSCOSS — Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium Scriptores Syri.
CSHB — Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae
CTh — Codex Theodosianus.
DOP — Dumbarton Oaks Papers.
EEBΣ — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν.
EO — Échos d'Orient.
ESAR — An Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore.
HGM — Historici Graeci minores, I—II, ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870—1871.
HZ — Historische Zeitschrift.
JBL — Journal of Biblical Literature.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
JJP — The Journal of Juristic Papyrology.
JNES — Journal of Near Eastern Studies.
JÖAI — Jahreshefte des Österreichischen Archaeologischen Instituts in Wien.
JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft.
JRS — Journal of Roman Studies.
JS — Journal des Savants.
MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua.
MGH — Monumenta Germaniae Historica.
Nov. Just.— Novellae Justiniani.
Or Chr Per.— Orientalia Christiana Periodica.
P. Cairo-Masp.— J. Maspero. Papyrus grecs d'époque byzantine, I—III. Le Caire, 1911—1916.
P. Flor.— Papiri greci-egizii pubblicati dalla R. Accademia dei Lincei, I—III. Milano, 1905—1915.
PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca.
PL — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina.
P. Lond.— Greek Papyri in the British Museum, I—, Londres, 1893 sq.
P. Oxy.— The Oxyrhynchus Papyri, ed. B. P. Grenfell and A. S. Hunt. Londres, 1898 sq.

P. Ross.-Georg.— Papyri russischer und georgischer Sammlung, hrsg. von G. Zereteli und O. Krueger, I—V. Tiflis. 1925—1935.

REA — Revue des Études anciennes.

REB — Revue des Études Byzantines.

REG — Revue des Études Grecques.

RH — Revue Historique.

SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.

TPAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association.

ZK — Zeitschrift für Kirchengeschichte.

ZSSR KA — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung.

ZSSR RA — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ

Иллюстрации

Цветные вклейки

Карты

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

том 1

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор М. А. ЗАБОРОВ

Редактор издательства Ф. Н. АРСКИЙ

Художник Г. В. ДМИТРИЕВ

Технический редактор О. М. ГУСЬКОВА

Сдано в набор 27/V 1966 г. Подписано к печати 13/XII 1966 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага печатная № 1. Усл. печ. л. 40,51.
Уч.-изд. л. 37,8. Тираж 16 300 экз. Т-16075. Тип. зак. № 891.

Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
66	13 св.	αὐτοκράράτωρ	αὐτοκράτωρ
165	16 св.	Крипса	Криспа
304	15 сн.	метрополии	митрополии
304—305	вклейка	КСУМ	АКСУМ
369	11 сн.	панский	папский
395	2 сн.	VI в.	IV в.
484	12 сн.	Ἐκκλησία στικὴν	Ἐκκλησιαστικὴν

2 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»